

В.В.Розанов В темных религиозных лучах

В.В.Розанов

В темных религиозных лучах

В. В. Розанов

В темных религиозных лучах

Русская церковь
и другие статьи

В темных
религиозных
лучах

Собрание сочинений
под общей редакцией
А. Н. Николокина

Москва
Издательство «Республика»
1994

ББК 87.3
Р64

Составление и комментарии
А. Н. Николюкина и П. П. Апрышко

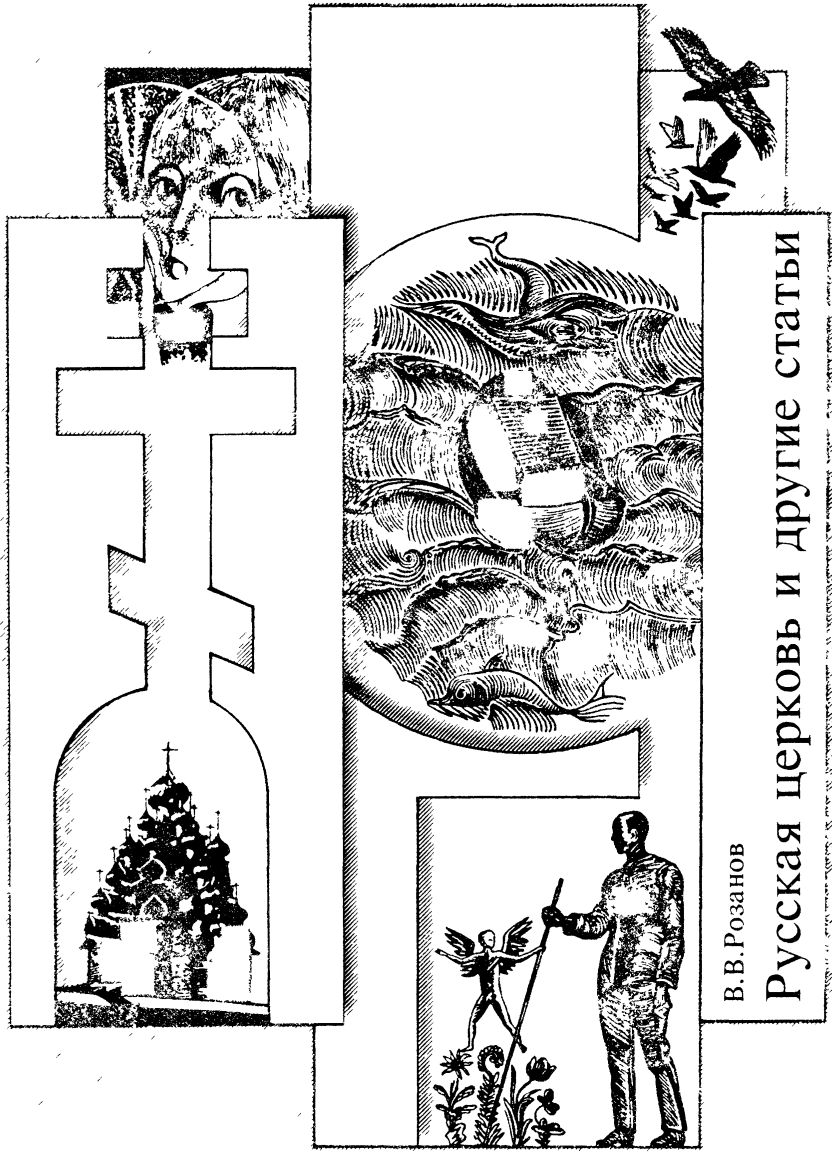
Послесловие
А. Н. Николюкина

Издание выпущено в счет дотации,
выделенной Комитетом РФ по печати

Р 0301080000—088
079(02)—94

ISBN 5—250—02465—3

© Издательство «Республика», 1994

В. В. Розанов

Русская церковь и другие статьи

ПРЕДИСЛОВИЕ

Д. Е. Жуковский, издатель «Вопросов жизни» (в Петербурге) и переводчик Куно Фишера и других трудов по классической германской философии, любезно предлагал мне издать за границей сборник таких статей моих, которые не прошли вовсе или прошли со значительными сокращениями в русской печати по причинам, у нас условно называемым «независящими». Таковы были все доклады по церковным вопросам, прочитанные мною в петербургских «Религиозно-философских собраниях» в 1902 и 1903 гг. и напечатанные с чрезвычайными сокращениями в «Новом пути» (С.-Петербург) за 1903 и 1904 гг. В настоящем издании они помещены полностью. Статьи же «Русская церковь», «О священстве. О древних и новых жертвах» и «Христос как Судия мира» (в предлагаемом первоначальном очерке) вовсе нигде не были напечатаны. Из них первая написана, по предложению С. И. Мельника, для задуманного в Германии сборника *русских авторов* о России (на немецком языке). Наконец, сюда я приложил касающуюся Франции, а не России статью: «Вынос кумиров», которая под другим заглавием, «Политика Комба», была напечатана с чрезвычайными сокращениями цензуры в «Новом пути» за 1903 г.

С.-Петербург, 4 марта 1905 г.

В. Розанов

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ

Дух.— Судьба.— Очарование
и ничтожество.— Главный вопрос

Настоящая статья была написана для сборника «I Russi su la Russia», изданного в Милане в 1905 г.,— в памятные дни, когда все в Европе спрашивали с волнением, что такое Россия и русские, что они обещают или чем грозят. В следующем году книга была переведена на немецкий язык («*Russen über Russland*») и издана во Франкфурте-на-Майне. Но когда мне предложено было написать о Русской Церкви для иностранного сборника — я писал как бы для русских, просто что видел и что знал о Церкви, не думая нимало об иностранцах. Иностранцам надо видеть то самое, что видим мы. В России статья эта (написанная по-русски и переведенная на итальянский и немецкий языки не мною) появилась в «Полярной Звезде» редакции П. Б. Струве (3-го февраля 1906 г.),— но без последних страниц. Теперь она печатается без каких-либо изменений, в русском оригинале.

С.-Петербург, 1909 г., август.

В. Р.

Русские были крещены в 988 г. при киевском князе св. Владимире от греческого духовенства. Хотя они приняли христианство еще до формального и окончательного разделения Церкви на Восточную и Западную,— однако так как связи у них были только с одною Византиею, то, по скором отделении Византии от Западной Церкви, и русские были уведены из древнего общего христианского русла в специальный поток византийского церковного движения. Или, исторически точнее: русские вслед за Византиею вошли как бы в тихий, недоступный волнениям и вместе недоступный оживлению затон ¹, тогда как западноевропейские народы, увлеченные за кораблем Рима, вступили в океан необозримого движения, опасностей, поэзии, творчества и связанного со всем этим черным трудом неблагообразия. Разница между тишиною и движением, между созерцательностью и работою, между страдальческим терпением

¹ Так в России называются глубокие и безопасные заливные места в больших реках, куда на зиму становятся пароходы и другие суда, чтобы их не разломало осенним и весенним льдом при вскрытии рек.

и активную борьбу со злом — вот что психологически и метафизически отделяет Православие от Католичества и Протестанства и, как религия есть душа нации,— отделяет и противопоставляет Россию западным народностям.

Слишком понятно, что крестившие нас греки показались нам столь же необыкновенными по мудрости, учености, по древним связям, почти по самому происхождению, как туземцам Гвангани и Кубы показались спутники Колумба. Младенческий ум русских не отделил существа веры от принесших веру людей. Византийцы сразу же этим воспользовались, стараясь превратить младенческое поклонение в обязательное и суровое повиновение грубого и невежественного народа авторитету их политической, церковной и всяческой мудрости. Долгое время русские, имея уже свое духовенство, свои школы, не смели поставить митрополита из русских: ясный знак фетишизма, перенесенного из религии на племя, из строя церковного на строителей церковных. Византийцы частный повод своей ссоры с папами, именно упреки константинопольского патриарха Фотия папам за некоторые формальные отступления от «Устава церковного» (другой способ печения просфор и т. п.), возвели в принцип, окружили нервностью, придали ему принципиальное значение и постарались всю эту мелочность поводов разделения привить вновь крещенному народу, новому своему другу, помощнику и возможному в будущем защитнику своей исторической дряхлости. Разлагаясь, умирая, Византия нашептала России все свои предсмертные ярости и стоны и завещала крепко их хранить России. Россия, у постели умирающего, очаровалась этими предсмертными его вздохами, приняла их нежно к детскому своему сердцу и дала клятвы умирающему — смертельной ненависти и к племенам западным, более счастливым по исторической своей судьбе, и к самому корню их особого существования — принципу *жизни, акции, деятельности*. Наступил для всей России от 988 г. до 1700 года (реформы Петра Великого) период «Византийского строя», «Византийского влияния», «Византийской уставности».

Дитя-Россия приняла вид сморщенного старичка. Так как нарушение «Устава» папами было причиной отделения Восточной Церкви от Западной, или разделения всего христианства на две половины, то Византия нашептала России, что «устав», «уставность» — это-то и есть главное в религии, сущность веры, способ спасения души, путь на Небо. Дитя-Россия испуганно приняла эту непонятную, но святую для нее мысль; и совершила все усилия, гигантские, героические, до мученичества и самораспятия, чтобы отроческое существо свое вдавить в формы старообразной мумии, завещавшей ей свои вздохи. Как «уподобиться» Византии — в этом состояло существо исторических забот России в течение более чем полутысячелетия. И, в конце концов, ведь форма влияет на дух. Россия чем далее — тем глубже «умерщвлялась» и духовно. «Умерщвляться» — это стало не только понятием, идеалом древней России;

но это гибельное явление так и называлось этим словом, не внушавшим никаких о себе сомнений, никакого перед собою страха. Для русских «близиться к смерти» и «близиться к святости» до того слилось в единый путь, отождествилось, что даже тепер и даже образованные классы не вполне свободны от этого понятия. Оно есть нравственная и метафизическая аксиома в наших монастырях до сих пор; им проникнут и теперь весь наш народ в многомиллионной своей массе. Самые образованные люди, как Тургенев, как Герцен, и атеисты, нигилисты — в серьезные минуты жизни вдруг видят в себе возрожденную эту древнейшую, первоначальную веру своего народа: что умереть — святее, нежели жить, что смерть угоднее Богу (для верующих), Высшему Существу (для философов), чему-то (для атеистов), нежели жизнь. Эта грустная и ужасная (по мнению пишущего эти строки) мысль сообщила главный нравственный колорит всей восточной, русской Европе: чего-то меланхолического и погибшего в смысле прогресса, чего-то страдающего и страшно дорогого, чему никто не сумеет помочь. И тем дороже это существо (Россия), и тем страшнее за нее. Матери в деревнях, когда умирают их дети на первом или втором году их жизни, с радостью говорят: «Слава Богу, он не нагрешил». Вы испуганы, стараетесь возразить, рассеять «предрассудок», как вам кажется. Но слышите ответ красивой, здоровой, разумной женщины: «Жить — это только грешить; так и в церковных молитвах поется: *не может человек единой минуты прожить без греха*. О чем же плакать? Мой младенец у Бога; и нам с вами (т. е. взрослым людям) не будет так хорошо там» (т. е. на небе). Русские люди, как в молодом возрасте, так и в годах возмужалости, когда силы жизни берут верх над смертными началами в человеке, когда практические нужды, служба, работа приковывают ум к реальной жизни, — мало посещают церковь, подсмеиваются над церковью, религиею, даже иногда отрицают Бога. Но это — возраст, годы. Самое существо «веры русской» (так называют иногда православие; но «вера русская», очевидно, шире этого церковного термина) — не молодо, не юно и даже не возмужало; и в эти годы просто человек не находит ничего себе соответственного в храмах наших, в службах, в напевах церковных, в смысле слов, там слышимых, в церковной живописи. Все жизненное, живучее, крепкое земле, преданное труду, надеющееся на людей и их свойства человеческие, — не только стерто здесь, но вырвано с корнями; и выброшена за порог церковный самая земля, на которой могли бы укрепить свои корни эти земные лилии. Вся Церковь, символически сказать, наполнена лилиями уже не земными, предполагаемо-небесными, как бы сперва умершими и потом воскресшими для какого-то странного, неосязаемого, призрачного существования «там» (на небе, за гробом). Вся религия русская — по ту сторону гроба. Можно сказать, Россия находит слишком реальным и грубым самую земную жизнь Спасителя; она слушает полуоткрытым ухом Его поучения, притчи, заветы. Все это она помнит, но умом на этом не останавливается. Но вот Спаситель близит-

ся ко кресту; Россия страшно настораживается, ухо все открыто, сердце бьется. Христос умер — Россия в смятении! Для нее это — не история, а как бы наличный сейчас факт. Она прошла со Христом всю невыразимую муку Голгофы. Но и это еще не все, не главная «сущность русской веры». В Евангелиях мы читаем, как за земною жизнью Спасителя, уже в кратких главах, повествуется о нескольких днях его бытия *после смерти и погребения*. Он — то является ученикам, то скрывается. Речи более кратки и более таинственны. Речи и явления — все знаменует собою что-то не прямое, какую-то загробную тайну. Вот «русская вера» чрезвычайно напоминает эти заключительные главы Евангелия, бледные, нереальные, потусторонние. И русский человек не только глубоко постиг тайную красоту смерти и ползет к этой странной и загадочной красоте: но он и в самом деле умеет с величием умирать, он сам становится прекраснее в болезнях, в страданиях, в испытаниях. И особенно — прямо перед гробом. Например, у русских существует чрезвычайный страх умереть внезапно, скоростижно, «без чистого покаяния» и, наконец, хотя отчасти не искупив грехов своих тяжелыми муками предсмертного боления. Точно вся жизнь кажется русским черною, а с приближением к смерти все принимает белые цвета, принимает сияние. Жизнь — это ночь; смерть — это рассвет и, наконец, вечный день «там» (на небе, с Отцом небесным). Итак, в юности и мужестве русские не посещают храмов, учащиеся — часто кошуются в них. Но вот эти самые кошующиеся люди переходят за 50-летний возраст. Приходят болезни, давно наступили семейные тягости. Богатство или потеряно (частый случай у непрактичных русских, у расточительных русских), или не приобретено — как рассчитывалось в молодости. Дети уже поднялись и, заботясь о себе, мало думают о родителях. Семейная жизнь не крепка и не красива у русских, кроме исключительных случаев. Итак, богатства — нет, слава — не нужна, дети — похолодели. В этом возрасте человек чувствует себя одиноким, ненужным, лишним. Вдруг, зайдя случайно в храм, — он находит здесь все родным себе, в высшей степени понятным, страшно нужным. Храм точно и ожидал этих его 50 лет, и еще лучше — 60; ожидал его болезней, скорбленности, бедности, покинутости родными и друзьями; храм принимает его как друга, как родного, принимает с бесконечною нежностью, заботою, всепрощением за прошлую неправильную жизнь. Тысяча интимных, глубочайших, метафизических нитей оказываются общими у этого старца, всеми покинутого, и у этого храма, который так чтит родина, и вообще он имеет широкое признание и огромную историческую роль. Слабый старик, больной, «лишний», вдруг нашел здесь себе отечество, почти — службу, почти ранг, положение и даже награды!! Всякий человек хочет себе определенного положения, теряется без положения; здесь, в православном русском храме, такие с всемирной точки зрения слабости, как дряхлость, немощь и убожество, как нищета и социальное ничтожество, — оцениваются как положительная добродетель, как заслуга перед

Богом, как небесное на человеке сияние. Человек, вот уже к 60 годам подходящий, радостно вступает на эту последнюю, незыблемую, исторически признанную (в России) лестницу — и спешит по ней. Он забывает друзей, родных для храма. Театр, зрелища, все веселое — отвратительно для него, «царство сатаны и дьявола», «духовный антихрист». Он нашел Христа — по ту сторону Его, Христова, воскресения. Его манит бледный лик Господа, с неопавшими смертными покровами, которыми Его увиди Иосиф Аримафейский и Магдалина. Сам он, этот немощный старичок, немощная старушка, заготавливают для себя все смертное: в особый узелок они укладывают чистое, особо сшитое, широкое белье, в котором завещают положить себя в гроб, — и дешевый деревянный кипарисовый (никогда и металлический) крестик, который, полагая тело в гроб, ему наденут на шею. Этот узелок со «смертным» русские, отправляясь в дорогу по делам, не забывают взять с собою: на случай смерти в дороге — чтобы не произошло ошибки и не положили мертвого в чужом белье, а не в этом, своими руками заготовленном. И это находит себе отзвук в Церкви. Вот человек умер. Женщины (непреренно женщины) омывают его (ибо женщиною рожден человек и ею же он должен быть омыт и положен в гроб); надевается на него все «смертное», из которого исключено все богатое, всякое золото или шелк. К гробу зовут монахиню, которая все время, до погребения, и особенно непрерывно всю ночь — читает над ним псалмы Давида, любимейшую народную русскую книгу. Храм высылает золотой парчовый покров на усопшего: ту особенную, только одними священниками во время службы надеваемую материю, которая у нас, на Востоке, так же символична и священна, как красный или голубой виссон в покровах на жертвеннике и в одеяниях священников при ветхозаветном храме. Эту священную тканью, в сущности — ризою, одевается в гробу усопший. Никто не говорит, нигде не напечатано, что он — священник теперь. Но мысль наблюдателя открывает дальше, чем сколько смеет сказать устав. Вокруг усопшего ставят зажженные высокие восковые свечи, вставленные в серебряные, высланные из храма подсвечники (особой формы: домашних, своих подсвечников нельзя употреблять). Три свечи зажигаются: и при чтении псалмов, среди этих зажженных свеч, особенно ночью, так и кажется, что вот воздвигся около усопшего свой новый временный храм; городской общественный храм, как греческая метрополия, — выслал сюда свою колонию. Кто же главный в нем, кто действитель? где божество, или ангел, или бесплотный дух сего временного зажегшегося храма? — Гроб! — Покойники... они живы, они суть, они — действители в этой таинственной религии шествования к смерти; они умерли — следовательно, они как бы «боги» и, во всяком случае, выше, священнее людей! Грек, язычник, всякий сторонний, словом — привычный к многобожию человек, вовсе не знающий ничего о христианстве и единобожии, непременно передал бы так свое впечатление: «У этого народа богов столько, сколько покойников и сколько вообще есть умерших в их

стране; покойники носят одежду как священники и еще как иконы (те же характерные металлические ризы); и перед ними, как только перед иконами,— кадят ладаном, читают псалмы и поют молитвы». И это общее пластическое наблюдение, сказав много нового и неожиданного самим русским (ведь не всякий и себя знает), раскрыло бы самое зерно их религиозности и религии.

При этом общем настроении, меланхолическом и гневном к земле, замерло, как бы заморожено было на семь веков песенное и играющее творчество народа-дитяти. Нет танцев около гроба, нет песен над могилою... Быт народный, все цветочки, все листочки на нем обрывались с отвращением сперва греческими монахами, крестившими и начавшими учить Русь, затем — выучившимися у них русскими монахами и, наконец, священниками, которые хотя и не монахи по форме, но не могут получить сана своего иначе, как пройдя монашескую школу и приняв монашеское настроение, дисциплину, мирозерцание и этику. Вообще, хотя низшее духовенство, т. е. обыкновенные священники, женато в России и Восток гордится даже перед Западом, что не имеет у себя целибата и не отрицает, в лице духовенства, заповеди размножения: однако русское духовенство, и именно это самое женатое, неизмеримо аскетичнее католического; и в поэтическом смысле, а не в смысле чистой физиологии размножения, оно гораздо менее женато, нежели католическое. Станный дух оскопления, отрицания всякой плоти, вражды ко всему вещественному, материальному — сдавил с такою силою русский дух, как об этом на Западе не имеют никакого понятия. В католических самобичеваниях есть все-таки нервы. Тайну русского аскетизма составляет именно безнервность: плач, горе, например по усопшим, по родным, по смерти друга, есть порицаемая слабость для аскета, как и бурный гнев на чужой грех, на зло — есть прямо грех, проступок и «падение» святого. Да русские святые никогда никого и не упрекали; так — легкая слеза, легкий упрек в сторону, почти безмолвно, почти только в душе. Например, святой Феодосий Печерский (вскоре после крещения Руси) пришел на один пир великокняжеский и, сев в стороне, — заплакал. Когда его спросили, о чем он плачет, он ответил: «Братия, я размышляю, будет ли так же весело на том свете (после смерти), как вы проводите весело время на этом свете». Князь и гости смутились и прекратили веселье. Кто здесь был покорнее? Святой князю? Князь святому? Оба лобызали друг другу руку в таинственной взаимной покорности, и святой так же боялся (нравственно и деликатно, отнюдь не рабски) своего упрека, как князь своего веселья около изможденного молитвою и постом святого. Вот это и дает образчик характерного русского обращения к другим, влияния, действия, пропаганды: западные формы, протестантские и особенно католические, у нас немислимы, невообразимы. Весь русский народ закричал бы «не надо» при виде первого же насилия, первой грубости ино-крещеному, ино-верному. Притеснения бывали и у нас за веру, но никогда — народные, никогда — из

толпы. Всегда это были «мероприятия» чиновников, в целях национального объединения, обезличения других народностей; или, в редчайших случаях, это было действиями высшей церковной иерархии, раздраженной и оскорбленной жестокою критикою и часто действительно невыносимыми хулами религиозных «отщепенцев» официальной Церкви. Староверы русские и вообще все русские секты упрекают не только в ошибках и изменах правительственную русскую веру, но иначе и не называют ее, постоянно и громко, как «царством Антихриста». И притом с убеждением и пылом, какого на Западе не сумеют представить себе! Вообще, из истории сектантства нужно отметить эту трогательную и нигде еще не встречающуюся черту, что 1) кричат — раскольники, шепчут — православные, 2) бесстрашны — гонимые, всего боятся, робки в слове и действиях — гонители, 3) всего надеются, ко всему рвутся сектанты, пессимистично настроен и боится шевельнуться, сделать шаг вперед или в сторону — представитель официальной Церкви.— Это сообщает самой официальной Церкви до того кроткий и смиренный вид, что, при всем понимании в ней недостатков,— ее больно критиковать, хочется все ей простить, со всем примириться и умереть все-таки православным даже при отрицании почти всего Православия. Это — одна из тайн «русской веры», которая вообще и вся состоит из странных психологических и метафизических тайн, нимало не вошедших в догматики, которые все скомпилированы с протестантских и католических ученых трудов и нимало не выражают русского церковного духа и народного религиозного настроения и миросозерцания.

Русские церковные напевы и русская храмовая живопись — все это бесплотное, безжизненное, «духовно» в строгом соответствии с общим строем Церкви. Богоматерь, питающая грудью Младенца-Христа,— невозможное зрелище в русском православном храме. Здесь русские пошли против исторически достоверного слова Божия: например, хотя Дева-Мария родила Иисуса еще юною, никак не старше 17 лет, однако с Младенцем Иисусом на коленях Она никогда у нас не изображается в этом возрасте. Богоматерь всегда изображается как старая или уже стареющая женщина, лет около 40, и держа на коленях всегда вполне закрытого (сравни с католическими обнаженными фигурами) Иисуса; она имеет вид не Матери, а няни, пестующей какого-то несчастного и чужого ребенка: лицо ее всегда почти скорбное и нередко со слезою, вытекшею из глаза. Вообще Голгофа перенесена в самый Вифлеем и вытравил в нем все радостное, легкое, все обещающее и надеющееся. Никогда не видно в православной живописи (самобытной и оригинальной, распространенной повсеместно) и животных около Вертепа Господня: коров, пастухов, маленьких осликов. Вообще, животное начало с страшною силою отторгнуто, отброшено от себя Православием. В сущности, оно все — монофизитно, хотя именно на Востоке монофизитство как *догмат* было отвергнуто и осуждено. Но как *догмат* — оно осудилось, а как *факт* — оно обняло, распространилось и необыкновен-

но укрепилось в Православии и стало не одною из истин Православия, а краеугольным камнем всего Православия. Все это выросло из одной тенденции: истребить из религии все человеческие черты, все обыкновенное, житейское, земное, и оставить в ней одно только небесное, божественное, сверхъестественное. Так как, в сущности, метафизичнее смерти ничего нет и ничего нет более противоположного земному, чем умирающее и умершее: то в этой крайности направления Православие и не могло не впасть в какой-то апофеоз смерти, бессознательный для себя и, однако, мучительный. Отсюда такая искажающая истину тенденциозность, как представление Богоматери почти старухою; таково утверждение, что Богоматерь и «до рождения», и «во время самого рождения», и «после рождения Спасителя» осталась девою, хотя в Евангелии сказано, что она принесла в храм двух горлинок, что делалось еврейками по окончании женского послеродового очищения, и, будучи жертвою за нечистоту этого процесса, не могло быть принесено Св. Девою без него. Да и физический акт родов младенца, все равно, если рождающийся был и Бог, однако же Имевший физическое тело именно младенца, не мог совершиться без нарушения главного и единственного признака девства, именно без разрушения девственной плевы. В Евангелии, при указании принесения в жертву двух горлинок, так и изложено это событие, как совершившееся в обыкновенных человеческих чертах. Но православные неодолимо гнушаются внесением «обыкновенного» в религию: и вопреки тексту Евангелия бурно утвердили так называемое «приснодевство» Марии, т. е. они, в сущности, как бы закрывали ладонью евангельское событие и сочинили на место его другое, свое собственное, чисто *вербальное, словесное*. В грамматике человеческого языка, конечно, никакого нет препятствия выговорить: «Пребыла девою в родах». Но от слова до дела — пропасть! Православные, и, конечно, опять *только на словах*, перепрыгнули через эту пропасть, сочинили свою *вербальную* концепцию Вифлеема, выжав всякую кровинку из него, все соделав сплетенным из воздуха, фантазии и небылицы, и поклонились своему бесплотному рассказу вместо того, чтобы признать полное реальности воплощение Бога-Слова. Но вот, насколько воздушно и словесно выражено Рождество Христово, настолько ярко выражены, хотя бы в праздниках и в построении храмов, Успение Пресвятой Богородицы и Покров Пресвятой Богородицы. В России есть множество храмов Успения Божией Матери, и русские государи коронуются в Москве в Успенском соборе; самый строгий двухнедельный пост — Успенский же; день Успения Пресвятой Богородицы — один из величайших годовых праздников. Здесь центр события — смерть, слезы. И событие вознесено и объято русским народом с трогательной глубиной и нежностью. Наконец, очень любим праздник Покрова Богородицы (1-го октября) и очень часты храмы в честь Покрова Богородицы: между тем предметом его служит одно из чудес, совершившихся, по преданию, в Константинополе от погружения ризы Пресвятой Богородицы в море. Русские (еще языческие) суда

приближались к Константинополю с моря; не имея защиты, цареградцы погрузили чудотворную ризу в море; произошла буря и разметала русские суда. Но здесь с великой силой русское сердце обняло чудо. Чудо, т. е. сверхъестественное и, следовательно, опять же отвержение земли, презирание земного порядка вещей,— обнято с величайшей глубиной русским чувством и русским воображением. Русские не боятся чуда. У них никакого нет страха перед ним. Они умиляются на чудо, видя в нем как бы разверзшиеся на человека Небеса: единственное, чему они хотят поклоняться, что считают достойным поклонения. Великие концепции философии, пусть даже религиозной философии,— все это для них не стоящая внимания вещь, как всякое человеческое, обыкновенное, не сверхъестественное. Но, например, по молитве святого больной встал и выздоровел: тогда русский падает на землю и целует прах под ногами этого святого, ибо он увидел здесь манифестацию чего-то нечеловеческого.

До какой степени все радостное, земное, всякое просветление через религию собственно самой жизни и ее условий враждебно основным тенденциям Православия, видно из глубокой изуродованности семейной жизни у духовенства. Русские гордятся, что у них нет целибата. Но они допустили брак священников почти только арифметически и вербально, только по имени, истребив с величайшей жестокостью все, откуда брак возникает и что его окружает. Брак возникает из любви,— но Церковь не допускает самого слова «любовь», боится и презирает то плотское чувство, «эстетическое восхищение», которое выразилось у Адама при виде сотворенной для него Евы. Русский священник, уже приняв сан, не может жениться. Если бы он принял сан священника, не женившись, и потом захотел бы жениться, ему не будет этого дозволено. Таким образом, у русских существует целибат же. Но наряду с этой суровостью и сухостью, с этой враждой к семье и браку, Церкви Восточной хочется упрекнуть Западную за целибат и осудить ее за отрицание заповеди: «Плодитесь, множитесь». Как же этого достигнуть? Построена одна из хитрых византийских паутин мысли, чтобы в одно и то же время отвергнуть и признать, как будто благословлять и вместе с тем ненавидеть: семинарист должен жениться (и это, до самых последних лет, было обязательным для всех правилом) в несколько недель, длящихся между выходом из духовного учебного заведения и принятием сана. В эти несколько недель он должен приискать невесту среди духовенства же ближних приходов, и как никакой любви не может возникнуть сразу, то единственным основанием брака служит гнуснейший и открытый торг о приданом. Священник будущий берет за невестой, смотря по тому, кончил ли он курс в семинарии или в духовной академии, от одной до пяти тысяч рублей и тщательно выговоренное вещественное приданое, платья шерстяные и шелковые, посуду чайную и столовую, серебряные ложки чайные и столовые (обеденные), мебель и проч. Ни в одном из русских сословий, даже среди полунищего крестьянства, среди мещан-

ства и купечества, не происходит такого грубого торга о приданом невесты, как в духовном сословии <и вина здесь не в женящихся молодых людях из духовенства, а в Церкви и ее уничижительном взгляде на брак как просто на случку животных, но только пожизненную, и одного самца с одною самкою, при полном исключении других мотивов брака, этических и эстетических, сродства душ, дружелюбия, уважения. Таким образом, вопреки Библии, в разрушении ее слова, Церковь русская выкинула вовсе любование Адама на Еву и сотворение ее Богом в удовлетворение столько же духовной нужды Адама, сколько и физической. Слова Божии: «Не хорошо быть человеку одному, сотворим ему помощницу, соответственную ему» (Бытия, гл. 2) — противны русскому слуху и выброшены вон как руководительные нормы при устройении брака Церковью. Нужно заметить, что так как абсолютно бесплотный идеал непереносим для человека, ибо по самой природе своей человек не монофизитен, то у русских и православных вообще плотская сторона в идее вовсе отрицается, а на деле имеет скотское, свинское, абсолютно бесцветное выражение. Брака, по существу, вовсе бы не должно быть. Но насколько он есть и допускается и законодательно регулируется, это есть голое и безлюбовное размножение, ряд случек самца и самки для произведения «духовных чад Церкви» (обыкновенный мотив при рассуждениях о браке духовных писателей). Свет младенца, радости родительские, теплота своего угла, поэзия родного крова — все это непонятные русскому (кроме образованных, атеистических классов) слова, все это недопустимые с церковной точки зрения понятия; Церковь допускает, что если супруги вступают в соединение, то должны иметь при этом цели, какими приблизительно задается католический паптер, идя в дикие страны: последний, крестя дикарей, увеличивает паству римского епископа, а русская чета должна думать не о себе, а о том, что через рожденных от нее детей, обязательно крестимых в Православие, возрастет численность православного населения и мощь веры... Самим родителям, самой семье не уделяется Церковью никакого внимания, не допускается в идее никакой их интерес). Договорим о браке священников: обвенчавшись, он спешит к епископу за получением места, и немедленно посвящается в сан священника или диакона. При этом он снимает обручальное кольцо и во всю жизнь не имеет права носить его. Бывают частые случаи, что священник теряет жену в первый же год брака или на второй, на третий год и остается с 1—2 малолетками. Хотя Православная Церковь называет себя «матерью чад своих», т. е. всех православных, и хотя она облита слезами скорби, и старается иметь вид жалости ко всем тварям — она остается черства, тверда и суха к положению этих несчастных священников, не допуская ни под каким видом их до второго брака, не позволяя взять мать для осиротевших детей, хозяйку для разваливающегося дома. Хотя неизвестно всем, из посмертных рассказов, да и из свидетельства очевидцев, что с этого

именно времени многие священники впадают в запойное пьянство от непривычного одиночества, или предаются картежной игре, или вступают в связь с женской прислугой и с дальними, живущими в доме их, родственницами. Вытекает это из того, что уже и первый брак дан им для того, чтобы иметь повод упрекнуть католиков за безбрачие, но без всякого вовсе чувства брака, сочувствия к нему, поэзии около него.

В силу этого семья вообще у русских стоит невысоко, ибо и для прочих мирян, для всего народа, условия вступления в него выработаны также жестко, сухо, отталкивающе. Все библейское учение о браке вовсе отменено; все библейское чувство семьи и брака вовсе неизвестно в Православии, и если бы где проявилось — вызвало бы величайшее озлобление против себя. <Так с ненавистью и Церковь, и православные люди смотрят на супружество двоюродных, на брак дяди и племянницы, не говоря уже о библейской полигамии, которая вызвала бы ужас; по закону нашему за это ссылаются в Сибирь. Смотри на брак только как на безлюбовную, животную случку, в интересах увеличения душ христианских происходящую, Церковь смотрит на всякую поэтизацию брака, на всякое стремление внести свет и даже хотя бы простую упорядоченность — как приблизительно на попытку восстановить язычество. Как бы ни ненавидели супруги друг друга, Церковь этим не тревожится и не беспокоится; а по требованию знаменитого иерарха Русской Церкви, митрополита Московского Филарета, который считается почти святым и вместе первенствующим авторитетом церкви за XVIII и XIX века, было уничтожено право жен просить развода в случае не только жесточайших побоев мужа, но и доказанной на суде попытки его убить свою жену. Видно, что это не доходит скорбью до сердца Церкви. Это есть малый интерес для нее, сравнительно с морской бурей, произведенной от погружения ризы Богородицы в море в X веке. Вообще Церковь Православная монофизитна не только в той тенденции, что из «воплощения Сына Божия» изъяла собственно «плоть», «воплощение», — но и в той другой и более вредной тенденции, что она вообще глубоко бездушна и суха ко всему житейскому, всей жизни, всему реальному, действительному миру. Что она его отрицает, это было бы безопасно; но она его развращает тем, что не допускает религиозному свету проникнуть в матерню, в жизнь, в человеческие отношения. Или, точнее, она пропускает сюда свет так преломленный, что он разрушает, а не преобразует. Момент «преображения» (без отрицания) вовсе не известен Православии иначе как на словах, в словесных фетишах.)

Из этого общего склада Православия вытекло учреждение обер-прокуратуры при Святейшем Синоде; <не столько, впрочем, учреждение, возникшее совершенно случайно, сколько необыкновенная прочность его, несмотря на явную антикафоличность этого учреждения и всеобщую нелюбовь к нему народа и общества>. Первоначально эта должность была учреждена Петром Великим из опасений соперничества с царскою

властью честолюбивых патриархов, чему пример был дан патриархом Никоном. Петр вообще был человек очень сильного воображения, чрезвычайной мнительности и опасливости, переходящей в робость и испуг; таков он был, несмотря на кровавый ореол свой, грозный характер и неукротимую энергию. Хотя Никон боролся против его безвольного («тишайшего», по выражению летописей) отца и все же был побежден, так что, очевидно, никакой патриарх не мог бы одолеть великий в народе авторитет царя,— однако Петра пугали даже тени, даже возможности, и он отменил вовсе патриаршество, учредив на место его так называемый «Синод». Он состоит из собрания 8—10 иерархов, митрополитов и епископов, вызываемых «к присутствованию» указом Государя. А как Государь, поглощенный военными и дипломатическими отношениями государства, да и другими бесчисленными заботами по внутреннему управлению, не имеет, конечно, возможности знать личный состав духовенства, то назначение последнего на места епископские, архиепископские и митрополичьи — происходит по рекомендации особого чиновника, на правах министра, приставленного к Синоду, — «обер-прокурора его. Чиновник этот приставлен был к Синоду», дабы следить за согласованием действий духовенства с гражданскими законами, и вообще с интересами государства, равно чтобы предупредить всякие попытки честолюбивых духовных особ последовать по пути Никона. В XVIII веке такими чиновниками преднамеренно назначались иногда атеисты или вольнодумцы, любители философии Вольтера и энциклопедистов: дабы они могли холоднее и бездушнее давать отпор особым притязаниям духовенства, и вообще построже за ним присматривать. Эти светские философы были в то же время деятельными чиновниками, добросовестными, трудолюбивыми; и в XVIII же веке они начали выступать на защиту приниженного низшего сословия духовенства, именно священников (семейных) против монахов-иерархов, которые составляют аристократию Церкви. В XVIII веке они мало-помалу заставили ленивое и необразованное монашество заниматься, по крайней мере административно, чиновно, делами, до Церкви относящимися. Весь строй церковный стал преобразовываться, сохраняя религиозные формы, в обширное «Ведомство» или «Министерство духовных дел», причем архиереи (епископы) мало-помалу уравнились с губернаторами и вице-губернаторами (викарные епископы), а обыкновенные священники стали местными духовными наблюдателями за населением, наподобие станových и квартальных, но только в торжественном духовном одеянии и с правом совершать таинства и службы. Движение это усилилось с императора Павла, когда и священники, и епископы — все стали получать награды орденами, как и обыкновенные чиновники. Все это отвлекло духовенство от собственно духовной стороны и развило в нем все страсти светской службы: искательство у начальства, которым является светское начальство, и жадность к денежному прибытку, который почерпается у прихожан. Но более опасно сделалось положение духовенства и всей Церкви

с тех пор, как на должность обер-прокуроров стали восходить люди не только обширного образования, но и сильного религиозного настроения. Таков был состоявший долгое время обер-прокурором Синода Победоносцев. С этой переменою обер-прокуроры сделались не защитниками только государства от Церкви, а руководителями Церкви. Не связанные никакими обетами священства, они в то же время являются фактическими главами Церкви в ее наличный текущий момент. Правда, они не могут ничего прибавить или убавить в догматах Церкви, в сложившемся учении ее — хотя и об этом можно сказать, что они до сих пор не трогали этих археологических святынь Православия и *прямо* никогда не смогут тронуть их (особенно косвенно и постепенно). Но, например, от обер-прокуроров зависит назначение профессоров в духовные академии и в семинарии, назначение тех или иных монахов на епископские и митрополичьи кафедры, и их вызов в Синод: слишком понятно, что, не покровительствуя *прямо* таким-то мнениям, таким-то направлениям в богословии, они могут покровительствовать, давать занятия и должности и раздавать ученые и административные кафедры людям, держащимся *такого-то*, хотя бы еретического, *образа мыслей*, и подавлять людей противоположного образа мыслей. Хотя до сих пор не было примера, но со временем они могут, таким образом, оказать влияние и на «сокровищницу древностей» Православия, в составе ли ее догматов и учения или — обрядов. Наша обер-прокуратура, глубоко сковав, до полной неподвижности, черную, монашескую иерархию и усиливаясь улучшить положение белого духовенства, имеет характер не столько светского папства в Церкви, в чем ее упрекали очень многие светила нашей литературы, публицистики и науки, сколько скорее смотрителя-врача около слабого больного, около душевнобольного с приступами временного буйства: причем роль ее и полезна, и необходима, а вместе с тем совершенно беспритязательна, ибо обер-прокурор, этот обвиняемый «папа со шпагою», слетает с должности и заменяется противоположным по первому мановению Государя. Само собою разумеется, что при такой шаткости положения он никак не может походить на папу. Все дело проще, и вместе оно страшнее. «Церковь — не от мира сего», — учила о себе Церковь, возлюбив и власть, и ордена, и отличия, а паче всего не пренебрегая деньгами. Глубокая скорбь прошла через душу русскую, в ее идеализме ужаснувшуюся этому двуличию. Тогда, в лице власти, душа русская решила сохранить для народа весь декорум религии, «святую сокровищницу древностей», и в то же время осторожно арестовать или взять в опеку или под присмотр всех этих носителей исторической святыни, дабы они не рассыпали и не растеряли чего, да и вели себя около святыни не соблазнительно для народа. О самой же святыне душа русская, насколько волнуется или размышляет, или ничего не думает, или думает, что там в ящиках — пусто; таково мнение образованных классов; простой же народ и вообще неразмышляющие взирают с умилением на позолоченные ящики, в которых несут эти

святыни, и занимаются рассматриванием их украшений, часто из чистого золота и усыпанных драгоценными камнями. <Вот что такое знаменитая русская обрядность и уставность. Под нею>, в основе дела — стража, опека. Самое удобное для этого — привычные чиновные ряды, чиновная иерархия, чиновные служебные награды и дисциплинарные взыскания. Едва какой-нибудь епископ начинает вести себя, в личной биографии, соблазнительно или оказывает сопротивление воле обер-прокурора или даже настояниям приставленного к нему местного чиновника, секретаря духовной консистории, который назначается обер-прокурором и сносится только с ним, — так его или переводят на худшее место по службе, т. е. в более бедную епархию, или даже вовсе «увольняют на покой» («на отдых»). Под этим скромным и милосердным выражением скрывается увольнение от должности, т. е. возвращение к состоянию простого монашества. Причем епископ, живший во дворце, получавший несколько тысяч рублей дохода и перед которым трепетало и склонялось до земли духовенство целой губернии, получает келью (маленькую комнатку в монастыре), без права покинуть ее, переместиться на жительство в другое место, и даже с постоянным надзором за посетителями такого отставного епископа, и — скудный монашеский стол. Очень ядовито указывается светскою властью, что ведь монах и «отрехся от всего земного», ему «богатства и свободы не нужно», он «не имеет права желать этого по *монашескому обету*». Но умалчивается, что ведь светская же власть и разожгла в этом «монахе», как и во всем образованном (полуобразованном) монашестве, все аппетиты власти, почести и богатства. Теперь это выводится из обыкновения, но было все века обычаем, что духовенство белое не иначе встречало приезжающего в епархию (на управление) епископа, как стоя рядами на коленях; и когда он подходил, благословляя их и говоря им трогательные слова из ап. Павла, они в рабском страхе клали седые головы свои на каменный помост церкви — как еврейские рабы перед фараонами на изображениях обелисков и пирамид. Так, еще в 1888 году я видел именно эту картину поразившей меня встречи епископа Орловского Мисаила духовенством города Ельца. И этот добрый и простой епископ не искал унижения, но его предшественники, да и весь церковный строй Православия, склонил старческие выи семейных людей перед входившим в храм 45-летним «ангелом» (монахи в Православии именуются «ангелами земными, небесными человеками»). Не падая до земли, но еще более трепеща, встречается этот «ангел» с обер-прокурором и даже его товарищем: усталым, нервным, заботливым чиновником в вицмундире, который осторожно навевается у секретаря местной консистории:

— Этот ангел не пьет?

— Этот ангел не посещает тайно какой-нибудь женщины?

— Взятки не очень много берет? Может быть, совсем не берет?

И слыша:

— Не берет взятки.

— К попам милостив.

— Довольно учен, по крайней мере — не неуч,— слыша это, представляет его к звезде, которую «ангел» носит с несравненно большим удовольствием, нежели привычный, ординарный, у всех имеющийся нагрудный крест. Но народу этого не видно. И в то время как священники склоняются перед епископом в рабском страхе,— он, народ, склоняется перед «пастырем и архиереем, видимым олицетворением Христа, чуждым страстей и помышляющим об одном небесном», с чувством богомольного, боготворящего умиления, с чувством восторга. Духовенство наше, особенно в высоких рядах монашества, чрезвычайно любимо, до обожания, до обожения.

В общем, однако, Русская Церковь увядает своим особым способом, по своему особому типу, повинуюсь своему особому закону и траектории полета, как и две другие Церкви, католическая и протестантская. Во многих отношениях она занимает середину между ними. Она более уязвима в своих слабостях, немощах; и менее заслуживает упреков в высотах, в порывах. Ее страдание — углубления, рытвины, тогда как, напр., в католичестве — патологичны именно горы. Но это все равно. <Все три Церкви страшно быстро понижаются в своем уровне, и это движение неуклонно, как высыхание среднеазиатских озер и морей, как неуклонно исчезновение лесов с цивилизацией. Вообще все Христианство, в его кристаллических, оформленных явлениях (Церкви) тает; оно гаснет, догорая, и уже во многих местах только чадит, дает зловоние и угар>. Причина этого в том, что Христианство вообще не *космологично*,— и поэтому не может ни согласовать себя, ни с силою и правом противостоять космологическому знанию человечества, выросшему в форме наук. Увы, «люби ближнего» — никак не отвечает на вопрос о составе света, химических соединениях, законе сохранения энергии. Христианство более и более сходит к моральным трюизмам, к прописям то легоньких, то трудных добродетелей, которые не могут помочь человечеству в великих вопросах голода, нищеты, труда, экономического устройства. Поневоле Христианство занимает только уголок в современной цивилизации, когда в младенческие средние века оно окрашивало и имело силу *очернить* всю цивилизацию. Цивилизация не то чтобы не хочет подчиниться Христианству: но Христианство не умеет и не имеет никаких способов и, наконец, отчасти не хочет подчинить себе цивилизацию, по разности категорий, в которых выражены оно (Христианство) и она (цивилизация). У них нет зубчатых, взаимно цепляющихся колес, какими они могли бы захватить друг друга. Христианство вдруг оказалось *ограниченным*, не всеобъемлющим, не универсальным, когда оно выдавало себя за таковое и очень долго его принимали за таковое.

Ни которая из Церквей и, наконец, все Христианство не может ответить на самые мучительные вопросы ума, на самые законные требования жизни; <и цивилизация не столько враждебна к нему, сколько получает неожиданную возможность, почти невольную необходимость, смотреть на него почти с грустью и с жалостью, как на младенца или, пожалуй, как на впавшего в младенчество старичка, который не умеет посоветовать, наставить выросших своих детей (народы, этнография); да даже и понять как следует их горести и нужды не умеет же. Можно заметить, что> самые мудрые из прелатов и епископов, из проповедников и богословов все же имеют какое-то несовершеннолетие сравнительно с первоклассными учеными, поэтами, агитаторами. Л. Толстой не потому не мог бы подчиниться папе, что он — другой веры, иной Церкви, иного племени; но оттого, что свободное образование Толстого выше, чище, искреннее и основательнее, чем ныне уже *искусственное* и *условное образование* папы. То же можно приложить к первым пасторам, к митрополитам. Толстой учится разному 1) у русского мужика, 2) у Шопенгауэра, 3) у Будды, 4) у Мопассана. Все это — естественное и живое дерево, и Мопассан, и Шопенгауэр, и русский мужик. Тогда как папа весь делится на два существа: 1) я его, которое скрыто и мы вовсе не знаем, что же именно, в конце концов, он думает и знает, и 2) *сан* его, который очень много думает по рубрикам своих обязанностей, но все это уже не живое, не настоящее в нем; все это — одеяния, повешенные на манекен, ими скрытый, но одеяния потому только и не падают на пол, что их все же держит собою этот манекен. <Мы хотим этим сказать, что вольнолюбивая и страдальческая мысль человеческая и сердце человеческое давно переросли условную и искусственную фразеологию богословия и богословов. Религиозное мышление, в пределах схемы христианской, давно представляет собою иссохшую мумию в драгоценном саркофаге, о которой никто не заметил даже момента, когда же именно она перестала жить и дышать. Всегда она была та же; всегда страшилась изменить свои черты; всегда считала себя «истиною». И никто не заметил времени, когда эта «истина» с недвижимыми чертами перестала быть кому-нибудь нужною и занимательною>.

Живы, энергичны теперь только секты, которые именно в движении поставили себе задачу. Но то, к чему движется каждая из сект, в сущности, содержится в сердцевине уже бездыханного организма. Все секты, протестантские, православные, католические, не имеют ничего нового и оригинального в себе сравнительно с той Церковью, которой они якобы противопоставляются, а в сущности — от которой отделились не более, чем сук от ствола...

* * *

В обществах европейских еще надолго останутся так называемые «христианские чувства»: как в доме, где жил человек, еще долго остается «дух его», строй его мысли и чувств, и даже заведенные им «порядки». Но это

уже не цельный организм, хотя бы даже в степени «организма (системы) чувств». Христианство сохранится в европейской цивилизации долее всего в виде странствующих афоризмов, прекрасных изречений, великолепных практических и этических «максим» (= правил), и нет никаких причин, чтобы эти прекрасные выражения не исторгали у отдельных людей, и особенно в отдельные моменты их жизни, то тяжелые вздохи, то прекрасные слезы. Но это вовсе не то, что основа и фундамент жизни. Основую и фундаментом жизни европейского человечества давно уже служат: 1) экономика, 2) знания (науки). Но где же метафизика? мистицизм? — без которых не обходился ни один великий народ и ни одна великая эпоха.

Может быть, суждено европейскому человечеству выработать свою оригинальную метафизику и оригинальный мистицизм, который выразил бы отношение к Богу лица европейского, между тем как до сих пор европейцы, очевидно, пользовались собственно еврейскими формами отношения к Богу (Библия, апостол Павел). По всему вероятно, сюда войдет много, но совершенно переработанного и бесконечно углубленного, язычества — как в его эллино-римских элементах, так и особенно в германо-славянских элементах. Песни народные, эпос народный — они также хватают за сердце человека. Детские песни, колыбельные песни, бытовые песни — они мотивами своими, и тонами своими, и содержанием своим говорят иногда так же много, как песнопения Церквей. Но они подвижны, живы, прилипают к сердцу человека, свежи и разнообразны, как сама жизнь: и в этом отношении они выше литургий, слишком схематичных и общих и не отвечающих человеку на скорбь *этого часа*, на радость *этого дня*. Но это — только лирика. Спрашиваем еще раз: где же метафизика?

Человек метафизичен по самому существу своему: и если он воспринимает религии, усваивает одну или другую, слушает проповедников, то потому именно, что он раньше услышанной проповеди есть уже исповедник, священник до оформленного священства и пророк до оформившегося пророчества. Вот этим-то врожденным метафизическим вопросам человека христианство и не сумело дать ответа, не только удовлетворительного, но и никакого; и от этого оно угасает. Что такое человек до рождения, и что такое самое рождение? Что такое человек после смерти, и что есть самая смерть? Что такое грех? С чего начинать его, с какого «А»? (О всем этом в христианстве нет ничего, кроме путаницы. Христианство не имеет метафизики даже о самом себе. «Христос пришел на землю и умер за грех людей». Что же, стали ли они безгрешны? Но статистика европейских преступлений показывает, что они грешат более римлян и греков и более всех первобытных (наивных) дикарей. Но, может быть, они грешат, а грех им уже не поставляется в преступление в силу жертвы на Голгофе? Однако что же именно искупила эта жертва и, особенно, каким образом? Адам согрешил и в силу греха — умер; смерть есть последствие греха: итак, последствием

искупления греха должно стать *бессмертие*. Но мы умираем... Мы, однако же, умираем и грешим и окаянны после Христа, как и *до* Христа: вот чудовищное по величине эмпирическое опровержение всей Голгофы и всего, что в представлении народов и в учении самих богословов связуется с Голгофою! Решительно ничего *нового, метафизически* нового, *бытийственно* нового Христос не принес... кроме нравственных правил. Но это — уже не метафизика. Продолжаем спрашивать: какой способ «снятия проклятия, греха и смерти» с человечества? Здесь мы запутываемся еще больше. Адам пал потому, что не послушался Бога; неужели дети Адама, все человечество, «искупилась» тем, что избраннейшее племя из этого человечества и в царственном граде этого человечества, в граде священников и пророков, подняло руку и умертвило... *Бога!* Бога ли? — вот вопрос! По основному воззрению Христианства, было убито именно существо божественное, «Сын Божий»; неужели Отец Его, «Отец наш, Сущий на Небесах», простит нам грехи наши в отношении друг друга, ложь нашу, жестокость нашу, войны наши, вероломство наше *потому именно и потому особенно, что мы замучили и умертвили Его Сына?* Ведь то особое наказание, какое евреи понесли за смерть Его, наказание отвержения, рассеяния и разорения, — его должны бы понести все народы, целое человечество, если смерть Спасителя имела отношение ко всему человечеству? Не все и евреи распинали Его, а горсть, кричавшая на дворе Пилата: но потерпели наказание *все* — и жители Вифлеема или Назарета, как жители Иерусалима. Параллельно, если взять планету нашу, которую «искупил» Иисус, то, очевидно, и она должна была быть наказана *вся* за смерть Иисуса, т. е. во всех частях человечества. Или евреев не надо было *всех и сплошь* казнить; или уже казни достойно все человечество, и германцы, и русские. «Казни», мы говорим: а ведь начали говорить о «снятии греха, проклятия и смерти». Где же именно *оно*, это *избавление*, это *облегчение*, эта *радость* и *белый свет*, будто бы связующийся с Голгофой? Для евреев — гибель, а для нас... чахотка, рак, убийства, грабежи, сифилис. Где же знаки «искупления»? и вообще метафизической перемены в самом *бытии* человечества? Все — ветхозаветно, даже хуже чем ветхозаветно: ибо до «искупления» человечества и до проповеди Иисуса в одном небольшом городке, в маленькой стране, нашлись же такие люди, как Мария и Елизавета, как две сестры Лазаря, Мария Магдалина и Самарянка? Нашлось 11 простодушных с разумом и сердцем Апостолов; и Никодим, и Закхей, и даже все эти, с великим сердцем, прокаженные, слепорожденные, расслабленные, блудницы, мытари! Вот *эмпирический матерьял*, который уже *ранее* Его *был* и который Иисус нашел *готовым* в «проклятом» месте: ибо Иерусалим был проклят и обречен гибели после Него. Ну, хорошо. Было за что проклясть Иерусалим и основать новую религию на развалинах древней. Так, может быть, теперь мы найдем, в Париже или Берлине, еще Самарянку? еще Иосифа Аримафейского? еще 11 Апостолов? и Марию с Елизаветою? Гомерический хохот, который раздался бы на этот

вопрос в ответ, показывает, до чего *эмпирический человеческий матерьял, найденный уже готовым Иисусом в Иудее, был выше того, который Он Сам оставил после Себя* маленькой планете, с жалким, скорбным и недоумевающим населением.

И, наконец, добро, благо умиротворения и любви, принесенные Им на эту скорбную планетку?.. Как молил за Содом и Гоморру Авраам Бога: «Если не достанет до 50 праведников, то неужели тогда Ты казнишь его? если не достанет 40? 30? и, наконец, только 10?» — «Если найду в Содоме *десять* праведников, то *пощажу весь город ради их*»; вот решение Божие, решение *ветхозаветное*. А мы учим, что Ветхий Завет был *жесток* сравнительно с Новым. Но если пересчитать святых лиц, удивительных, трогательных, выше которых не видал мир, в Евангелии, т. е. в Палестине *во время Иисуса* и, так сказать, у ног Его,— то их найдется гораздо более 50! И однако Палестина *не была пощажена*, хотя и остальные-то ее жители все же не были содомляне, а только верны Моисееву закону о субботе да «преданиям старцев», линия которых началась от достойного Ездры. Таким образом, смутна для нас не только надежда, что мы «искуплены от греха, проклятия и смерти»: но и какая-либо уверенность, что *новозаветная жизнь имеет преимущества перед ветхозаветною* и что даже в зерне всего дела лежит... подвиг любви и милости, Небесного ли Отца к нам, Сына ли Его к человечеству.

Во всяком случае, размышляющие люди имеют причину сомневаться в *мессианизме* всего *христианства* и, следовательно, о лице Иисуса как *Мессии*. Наш-то сифилис? регистрация-то домов терпимости? Слишком малые знаки, чтобы Мессия «уже пришел». А войны? крестоносные? за испанское наследство? за австрийское наследство? Слишком малые знаки, чтобы «овца уже легла около тигра»: а между тем *именно по этому предсказанию* пророка Исаии мы и *узнавали Христа*. «Вот, когда придет *такой*, что *это* принесет: то смотрите, он и будет Мессия». Мы смотрим — и не узнаем!! Да и Сам Он о Себе ничего подобного не предсказал:

«Огонь пришел низвести Я на землю: и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!

Крещением должен Я креститься: и как Я томлюсь, пока сие совершится!

Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но — *разделение*.

Ибо отныне пятеро в одном доме станут *разделяться*, трое *против* двух и двое *против* трех.

Отец будет *против* сына и сын *против* отца; мать *против* дочери и дочь *против* матери; свекровь *против* невестки своей и невестка *против* свекрови своей» (Луки, XII, 49—53).

Таким образом, не одна эмпирическая наличность *истории* христианства, но и самое *учение* Основателя его, если сопоставить его

с *предсказаниями* о Мессии, что вот Он «льна курящегося не загасит» и «трости надломленной не сломит» и что с пришествием Его «ляжет овца около тигра», — побуждает многих начать спрашивать в сердце своем: «Точно ли Мессиею могли быть высказаны эти предсказания? И с таким очевидным выражением желания, чтобы они исполнились?»

Самый спор Его с Иерусалимом, вращающийся около *субботы*, нам, христианам, кажется, будто шел о *филантропии* и что вот ей противились *злые евреи*; но для евреев того времени и до наших времен очевидно, что филантропия вовсе не входила сюда никаким элементом, ибо Его спрашивали, почему Он не исцеляет в *другие дни*, в которые, конечно, Он мог бы исцелить; мог бы еще филантропичнее исцелить в пятницу или в четверг. Для евреев ясно было, что Он борется против «почил Бог от дел своих в *седьмой день*» и «пусть никакого дела не творит человек в *седьмой день каждой недели*». Врачи теперь лечат и в седьмой день — и это хорошо. Но так ли хорошо, что и булочники пекут хлеб в седьмой день? И что лавочники в лавках, и мастеровые в мастерских, увы, давно лишены отдыха в «седьмой день». Иисус, который мог бы исцелять и по *четвергам* и по *средам*, явно боролся против абсолюта «праздника», и за него вступились евреи по глубокому инстинкту, что стоит потрясти абсолюта чего-нибудь, как потрясется и вся эмпирия, на этом абсолюте построенная, т. е. что у человечества — и у русских, и у немцев — будет отнято в году 52 дня абсолютного отдыха. В этом случае, как и вообще во всей концепции евангельской истории, христиане наивны, как дети. «Жиды были *злы* и убили Иисуса, потому что Он был *добр*. Но добрый Бог наказал злых жидов: а царство и жребий их передал *нам*, которые *добрее всех народов на земле*».

Тем не менее все предсказания Иисуса оправдались, и некоторые, как о гибели Иерусалима, Он сказал не как волю Отца своего Небесного, но как Свою волю. Предсказал с подробностями столь значительными, что не остается сомнения, что Он проник в будущее и повелевал векам: «Вот, оставляется *дом ваш пуст*»; «камня на камне не останется от стен *сих*»; «скажут горам: падите на нас! и холмам: покройте нас!» И, наконец, уже приведенное место о «мече и разделении», которое действительно раздирает христианскую цивилизацию, как никакой меч и никакую цивилизацию. Что же это такое? Скажем ли мы, что это доступно было Сократу? Платону? Будде, Конфуцию, Лаодзы, Магомету? Нет — нет: Иисус не просто выдается в ряду их, но Он вовсе *не есть, то, что ряд этих людей*. Иисус не человек, а Существо, и Евангелие есть действительно сверхъестественная книга, где передан рассказ о совершенно Сверхъестественном Существо, и самые события сверхъестественны же. При этом мы разумеем не чудеса Иисуса, которые могли быть апокрифичны или легендарны. Единственное и главное чудо, и притом уже совершенно бесспорное, — есть Он Сам. Даже если согласиться с крайними скептиками, уверяющими, что Иисуса никогда не было и что

миф есть самая история, самый сюжет евангельский, то все же отсюда скептики не получают никакой пользы: вымыслить такое Лицо, со всей красотой Его образа и непостижимыми Его речами, так же трудно и невероятно, и было бы чудесно, как и *быть* такому Лицу. Предположим, что Платона никогда не было, а был кто-то, приписавший ему диалоги, на которых поставлено имя «Платон». Плохая шутка: тот, кто написал их, пусть имя ему будет Сидор, а не Платон, и был он перс, а не грек, все равно — и *был* как гений *Платон*, с тем именно содержанием в голове, какое мы приписываем Платону. Ведь мы и все человечество не от того признали Иисуса «Сыном Божиим», что так *велели* нам апостолы, что это *завещали* они нам хранить как *веру*? но мы сами и волею своею, прочитав речи Иисуса, прочитав Нагорную Его проповедь, да и все, все Его речения, восклицаем с Нафанаилом, которому ничего апостолы не нашептывали: «Равви! Ты — Сын Божий! Ты — царь Израилев». И исповедание Самарянки, и исповедание Никодима, и всего израильского народа, устилавшего одеждami Ему путь при входе в Иерусалим и восклицавшего: «Благословен грядый во Имя Господне», — все это есть *наше* исповедание, без всякого подсказывания и помимо какого-либо авторитета для нас самих евангелистов-рассказчиков.

И только когда эти иерусалимляне, с пальмовыми ветвями встретившие Его, завопили под легионами Тита, так удивительно точно предсказанными таинственным Посетителем Земли, сердце наше испугалось, заробело... и все смутилось в уме нашем.

Иисус человеком не был!

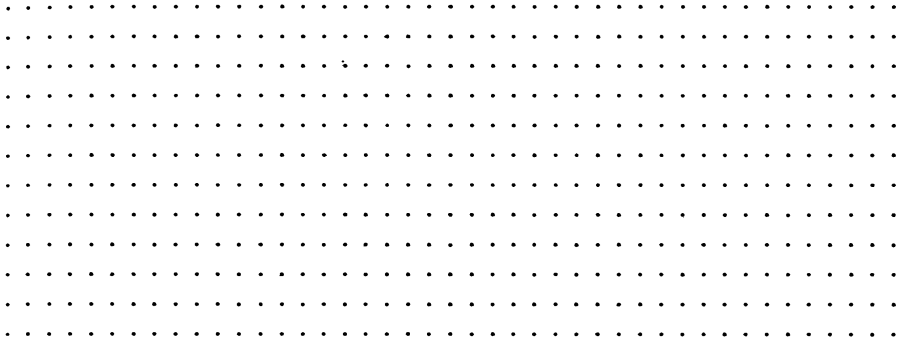
Но был ли Он Мессия?

И кто же Он, наконец?

Вот вопросы, которые томят несказанным томлением многие русские сердца. И они так глубоки, так захватывают фундамент всего дела, что ломкий хрусталь исторически сложившихся Церквей — католической, православной, лютеранской — никак не может не хрустнуть просто от самой постановки их.

Европа, цивилизация европейская выросла из Христианства. Даже как *спор* против Церквей, как «ереси» — она выросла из *него же*. Высота европейской цивилизации показывает, как высоко было Христианство. Воистину, *не человек его основал!* Да: но к концу времен выяснились необоримые язвы цивилизации этой; и перед гробом ее, перед саваном ее позволительно спросить: *вечно* ли это дело, т. е. все-таки *Божие* ли зерно лежит в основе ее? Священникам, духовенству это невразумительно: они по инерции движутся, куда двигались, говорят, что говорили: языки их ометалились и уже не могут переменить своего звона. О цивилизации они и не болят, или болят настолько, насколько она не принимает «их», критикует «их», не повинуется «им». «Мало почета *нам*» — вот вся их

скорбь об Европе. Но «почета» было много в средние века, когда им позволяли даже жечь людей,— и они жгли с удовольствием. Все это явно *не мессианство*. Оставим их. Итак, открылись неизлечимые язвы цивилизации: по этому мы узнаем не божественность зерна в почве ее.

настоящий пламенный исповедник, желая *повторить* это исповедание, увидел бы, что оно сгорает в самый момент выговаривания его, от уст выговаривающих. От этого выходит, что «впадали в ересь» все «горячо веровавшие»: поразительная черта в Христианстве! Теперь оно еле держится... холодностью, равнодушием! Страшное дело: «стойте, не шевелитесь,— *не горячитесь, главное — не горячитесь*: иначе все рассыплется» — вот лозунг времен, лозунг *религии, Церкви!* Но если таково средство, «чтобы не погибнуть», то не явно ли, что для «исцеления» уже никакого средства нет...

О СВЯЩЕНСТВЕ, О ДРЕВНИХ И НОВЫХ ЖЕРТВАХ

Доклад, прочитанный
на 2-м Религиозно-философском собрании
в С.-Петербурге в ответ на прения,
возбужденные докладом В. А. Тернавцева:
«Русская церковь перед великою задачею»¹.

Споры наши, имея темою расхождѣния церкви и общества, спустились в очень невысокую сферу: взаимных, хоть и не прямых упреков. При этом мы, интеллигенция, имели поучительный пример со стороны представителей духовенства: от него мы не слышали еще ни одного укора, тогда как сами высказали несколько. Ход дебатов невольно приобрел публицистическую окраску. «Исправитесь!» «Мы постараемся — *поверить*, а они пусть начнут *делать*: и все кончится благополучно». Между тем стоит так поставить вопрос: да отчего же тысячу лет духовенство не *делало*, и опять же тысячу лет интеллигенция была или *скептически*, или *еретична*, — чтобы рассеять наши публицистические надежды и заставить спуститься ниже, глубже. На наш тревожный вопрос: «Отчего мы разошлись?» — в поверхностном слое публицистики вовсе нет никакого ответа или есть ответы пустые. Подобно тому как некоторые запутанные вопросы арифметики, например о непрерывных дробях, находят решение свое только в высшем алгебраическом анализе, так и тема, конечно публицистическая, о расхождении интеллигенции и церкви, имеет решение не в собственной своей сфере, а в религиозной или, точнее, в философско-религиозной.

Присмотримся к духовенству, вдумаясь, оценим. Не есть ли это личный и живой, ходячий фетишизм? Говоря это, я не укоряю, а определяю. Ибо очевидно, каждое духовное лицо, принимая сан, вступает в ячейку, не им приготовленную, и в которой он не может пошевелиться. Итак, укорам здесь нет места. В ризах священник, в эпитрахили, и он же просто в рясе — как бы различное бытие. Он в ризе — как бы икона в окладе; без ризы — живопись без отнесения к ней молитвы. От царя до нищего перед священником в эпитрахили мы все безмолвны, безропотны, покорны. Нельзя не заметить на литургии, что мы молимся святому месту (храма), святой службе, но немножечко молимся и священникам. Самое слово «священник» близко к «святой человек». Почему-то одеяния их, именно ризы, получили тот же металлический, золотистый или серебристый отлив, так и оклады на образах: тенденция, невольная

¹ Вовсе не был помещен в «Записках религиозно-философских собраний», печатавшихся при «Новом пути» за 1903 г. — В. Р.

и бессознательная, к слиянию — очевидна. Усопший архиерей часто переходит на образ (святители Николай, Филипп, Алексей, Петр, Иона); и, конечно, жизнь всего духовенства тянется сюда, все они узкою тропею, тесным путем идут как бы на алтарную стену. Не доходят, падают, но это — все равно: важна верхняя площадка, на которой стоят избранные. В пощении об этом «узком пути Марии» духовенство и забыло мир, широкие пути Марфы, забот, трудов, реальной помощи реальному миру. Священники и особенно черное духовенство, суть поклоняемые *dii minimi*¹, нижний ярус христианского Олимпа; да это ясно и выражено в словах: «земные ангелы, небесные человеки». Откуда так все сложилось? Пошло все от *тайнства священства*. Уже в первые апостольские времена священники «рукополагаются» (Деяния. IV, 23: «рукоположив пресвитеры в каждой церкви»). Какое это имело значение? И Авраам, посылая слугу отыскать жену Исааку, и Иаков, благословляя детей, — «возлагают руки им на голову». Это — знак отечества рукополагающего; знак учительства; жест заботы, повеления, поручения. Но посланный, получивший поручение, или учитель — еще не суть «священники». Развилось понятие об особой «благодати священства». И вот тут, мне кажется, произошло в истории одно странное и мучительное обстоятельство.

Когда древний закон был разрушен ап. Павлом как не нужный для спасения, а *jus salopicum*² еще не родилось, то в эту пору, так сказать, «междущарствия» двух законов, — для человечества, которому нужно же было чем-нибудь руководиться в подробностях жизни, создано было понятие и чувство «благодати» как какого-то незаконного поверхзаконного веяния. «Благодатью спасаемся», — дан был им лозунг, плачущим, что Синай скрывается под водою, тонет в волнах небытия; и обрезание, и суббота, о коих Бог сказал: «дано вам это в закон вечный». Из таких выражений, как, например, во 2-м послании Иоанна: «да будет с нами *благодать, милость и мир*», или: «*благодать* вам и *мир* от Бога-Отца» (1 Коринф. 1, 3), и множества подобных видно, что благодать представляет высшую степень человеческо-божеской духовности, какого-то веяния, реяния с небес на землю, или восторгов человеческого сердца, без всякой *принадлежности кому-нибудь*, без всякой *специализации*, без всякой *классификации*. Теперь что же совершилось далее? «Благодать сердца», неуловимая и нематериализируемая, как и «мир сердца» в приведенных выше выражениях, стала какой-то уловляемой, помещаемой, перемещаемой, делимой и классифицируемой духовной эссенцией, несомненно пространственно-ограниченного значения. И кажется, это возникло в момент сложения новозаветного закона, когда спасительный лозунг «благодать» просто перестал быть нужен и даже стал опасен, как характерное незаконное и поверхзаконное «веяние в сердце». Стала благодать «братся» и «даваться» и поделилась иерархически; и в то же

¹ младшие боги (лат.).

² каноническое право (лат.).

время полог благодати, некоей природной святости, врожденного богообщения, был сдернут с мира. Мир стал гол, светск, нищ; безблагодатен; зато священство и вообще иерархия стало утроенно благодатно, и притом так материально благодатно, что глагол Предтечи: «Покайтесь, ибо приблизилось царство Божие»,— замолк для него, замолк от Пиренеев до Вятки.

Лично духовенство, я думаю, прекрасно. Но именно в золотящихся одеждах его, иконообразное — оно ужасно потому, что непоправимо, неисправимо, нераскаянно. Я не преувеличиваю чувства и идеи греха: но без нее слабому человеку трудно бы прожить. Согрешил — и стараешься добрым маленьким дельцем поправить занозу в сердце. Я видал студентов кающихся, гимназистов, чиновников кающихся друг перед другом. Все мы знаем, как черною полосой проходит четвертая и седьмая неделя великого поста для мирян: они каются, и это видно, заметно в обществе, это маленький духовный траур в стране. Совесть, очевидно, растревожена. Но видал ли кто и заметно ли вообще покаяние духовенства? Нельзя не обратить внимания, что это таинство как бы ослаблено для них, стало нечувствительно, разрежено. Теперь сейчас вы поймете, как это важно: светская литература полна самобичевания; но возьмите духовные журналы: это сплошное счастье и самоуверенность, самодовольство. Таким образом, духовенство почти потеряло в укорах совести глужий момент к подвигу, о недостатке коего здесь в собраниях говорилось: оно не побежало к голодающим, оно не представительствовало пред Грозным (кроме единственного случая — Митр. Филиппа), не волновалось от Аракчеева; не торопилось учить детей в школах. Греки называли богов «блаженными» „οι μάκαρες“: вот такие «счастливые боги» суть и «земные ангелы, небесные человеки», «священники», т. е. «святые» и, словом, чин — духовенства в эпитрахили. В рясе — он друг, человек, ученый, в душе иногда поэт, часто — гражданин. Но он надел ризу: а теперь вы к нему не достучитесь, теперь умерло его сердце и умер его ум.

Как только благодать материализировалась и распределилась между духовенством, мир стал рабом его, от царя до нищего. От Матвей Ржевский говорит Гоголю: «Не подходишь под мое благословение, бегаешь благодати». Благодать ему представляется электричеством, струющимся с его рук, как с иголки громоотвода. Гоголь пусть и гений, но все же человек, а от Матвей, каков был он ни был лично, по способности каждый день надеть эпитрахиль и идти по «узкому пути» на алтарную стену, в киот, под ризу — вовсе не человек, а некоторая божественная вещь, божественное существо. У него ни тоски, ни горя; „οι μάκαρες“ — блаженные боги! Наука, жизнь, труд, заслуга, гений — все померкло, понизилось перед «возложением рук», непосредственно от апостолов до от. Матвея: перед тем «возложением», которое, кажется, первоначально имело характер просто *доброты и заботы* посылающего о посылаемом. Сколько праведников, как Бруно, погибли от духовенства! на сколько праведных дел, событий, жизни прямо плюнуто с «узкого

пути Марии» (мученичество, инквизиция, у нас — сектантство). Странно: семьдесят толстовцев и полторы тысячи пашковцев заставили духовенство «разодрать ризы на себе». Но вот нарисуйте картинно, ярко, как жгли Джордано Бруно: ни Боссюэт, ни пастор Штекер, ни В. М. Скворцов¹ не посыплют пеплом головы от зрелища. И до сих пор католичество ведь несколько не раскаялось в инквизиции; восточная церковь не раскаялась, что около V—VI вв. в Греции почти повально вырезывались жиды за печать Ветхого Завета на себе. И когда спрашиваешь себя да как на это все духу хватало, то находим ответ в этом преобразовании учения о благодати: перед «богами» все человеческое — ничто, и гений, и заслуга, и жизнь. В то же время христианское человечество, лишенное участия и собственности в благодати, подпало или, точнее, подведено было духовенством под «иго закона» гораздо жесточе, неумолимее, чем как было под ним до «искупления» ветхозаветное человечество. Подведено под «иго» своих специальных «духовных» законов — активно; а пассивно — через допущение государству издавать для стада какие угодно законы. В этом стаде у каждой овцы у нас отнято всякое внутреннее сопротивление, всякий упор, твердость — против внешнего давления. Твердость *правая*, упорство *святое*, которое опиралось бы на листочек общего венца: *благодати, всему человечеству данной*. Это бессильное и бесправное стадо со сломанными у него костями (отнята точка упора), естественно, повело себя нервно, патологично, немошно и буйно; повело, как санкюлот. Идея царственного достоинства, священства «по чину Мельхиседекову» (вне иерархического порядка, чьего-либо назначения), откуда в Ветхом Завете и родилось пророчество, — эта благороднейшая и зиждательная идея была снята с человечества: и угасло пророчество. Осталась только публицистика, нервная, сорная, блеклая. Но помещански она все же делает добросовестно свою помещанскую работу. Тогда как «старший брат» этого блудного сына Небесного Отца и не пророчествует, и не делает; а только, ссылаясь на «благодать Христову», это как бы новое «первородство», зажимает нос от «пороков» младшего брата и обвиняет, упорнее всего обвиняет его перед Отцом своим — Богом «щедрот», как мы верим в сердце своем.

* * *

Это — частности. Но есть и мировая сторона в нашей проблеме. Ведь о чем мы толкуем? *О нереальности христианства*. Об этом все плачи, в *целой* Европе. Человек бы должен *бежать* к Богу, а миссионеры, инквизиция, коллегия «de propagande fide»², Боссюэт или Штекер явно *ухаживают* за «неверами», прямо волочатся за публикой. Явление и комичное, и страшное. Волокитство верующего за неверующим есть общий факт *целой* Европы, и притом начиная с Тертуллиана. А еврей,

¹ Заведующий миссионерским делом в России, чиновник особых поручений при обер-прокуроре св. Синода, присутствовавший на собрании этом и на всех других.

² по распространению веры (*лат.*).

например, прямо не пускают в свою веру, грозят, пугают; и все же «от Израиля быть Спасение» и Библию никому не нужно навязывать: ее иллюстрирует Доре, изучает Невер-Ренан, все ее чтут, о ней плачут, и с изумлением мы формулируем: «боговдохновенна».

Европа не «боговдохновенна». Оттого и нужно всякого недоверка ловить лесосою Петра. Отсюда «de propaganda fide» и даже наши собрания. Что за факт?

Да есть ли *реализм, реальность, реалистический момент* в самом христианстве? Возьмите картину. Один и тот же узор ее можно начертать карандашом, чернилами, акварелью, масляными красками. Опять, значит, истина остается, истину я не оспариваю; а указую только на отсутствие налитости *кровью и соком* всего дела. Бескровное и бессочное — вот что такое наши религиозные «понятия». Даже дико сказать «понятия». Почему религия должна быть *понятием*, а не *фактом*? «Книга *бытия*», а не «Книга *рассуждения*» — так началось «ветхое» богословие. — «В начале бе *Слово*» — так начинается «новое» богословие. *Слово* и разошлось с *бытием*, слово — у духовенства, а бытие — у общества; и «слово» это бескровно, а бытие это небожественно. Но, повторяем, где же корень этого расхождения?

Перемена жертв. Как мы повторяем: «*Жертва* Богу — дух сокрушен, сердца униженного Бог не уничтожит». Но почему это слово Давида нам так понравилось, а равные слова других мест Писания о принесении жертв Богу «в сладкое благоуханье» мы не помним, пренебрегли ими? Я читал у Златоуста о древних жертвах: «Конечно, не надо, конечно, гадость, потому что воняет этот убитый скот». Он только и понял, что дурной запах от древних жертв. Но ведь кровь есть не запах, кровь есть мистицизм и факт. Златоуст даже не вспомнил слов Писания: «Кровь не проливай, а закапывай в землю: ибо *в крови* — *душа* животного». Златоуст уже ничего не понимает в жертвах, и с новых точек зрения долбит слушателям: «*Жертва* Богу — дух сокрушен». И сокрушились мы в духе, т. е. пали, разрушились, потеряв *кровный, родной* путь к Богу в таинственных древних жертвах. Настали «бескровные» жертвы, водянистые, риторичные. Все мы будто бы «сокрушены в сердцах», а на самом деле обделяем свои делишки. Просто мы не делаем сладкого Богу, и Бог нас забыл, а Европа потеряла *Богоощущение*. Откуда — атеистическая наука и атеистическое искусство. Откуда — полемика духовенства и печальные «волокичества». Европа в религиозном отношении — просто являет отвратительное зрелище, и я уже в Тертуллиане-риторе чую носом «первое стилистическое в Европе перо», Ренана — историка. Все они одной категории: или риторы, или политики. И ни у кого из новых, а у древнего Давида вырвался глагол: «Богу жертва — дух сокрушен» и проч., ибо около таинственных-то древних жертв вспыхнул и фосфор веры, молитвы, пения, музыки сердечной.

Повторяю и формулирую: кровь — жизнь, факт. Религия, неволью взявшая кровь в нить соединения своего с Богом, и была фактична, жизненна.

Вода есть вода. И все наши религиозные представления, и чувства, и слова, и усилия — водянисты. Вот, я думаю, мировая сторона проблемы, которую еще рано обсуждать: но, если Бог продлит наши собрания, придется и в это вникнуть. Центральным пунктом обсуждения здесь будет: что значит «изгнание *торгующих* из храма», т. е. было ли это иносказательным «не нужно» против установленных в Ветхом Завете жертв, и тогда отчего Иисус *прямо* этого не сказал? Или Он хотел только произвести перемену в способе *торговли* жертвенными животными, голубками, ягнятами, козленочками, которые все были в черте «Божьего места»? Напр., Он, может быть, хотел, чтобы их кто-то дарил бедным, вроде 2-х лепт вдовицы, или чтобы они были от храма, были «казенные». Тут не ясно:

1) или жертвы *отменялись*; и тогда слово Божие о них надо было отменить прямо;

2) или несколько они не отменялись, и тогда почему же их отменили христиане вопреки точному Слову Божию, обязательному для нас гораздо более основным образом, чем X заповедей, данных Богом через Моисея. Ибо завет о жертвах — древнее, всеобщее, настойчивее, чем это десятословие.

ОБ ОТЛУЧЕНИИ ОТ ЦЕРКВИ ГР. Л. ТОЛСТОГО

Речь, сказанная в IV заседании
«религиозно-философских собраний»
в С.-Петербурге»

Акт Синода относительно Толстого я считаю невозможным теоретически, а потому и в действительности как бы не состоявшимся вовсе. Это по следующей причине: Синод и Толстой суть явления разных порядков. Нельзя алгебру опровергать стихами Пушкина, а стихи Пушкина' нельзя критиковать алгебраически. Синод *может* быть святым и, вероятно, *праведен* или *бывает* праведен по личностям, его составляющим; но нужно же всмотреться во все его учреждение, в рождение его и историю, в механизм его устройства, в характер и мотивы вызова епископов, в нем заседающих, и в самый процесс заседания и, наконец, в постоянные двухвековые темы его суждений, чтобы понять и согласиться, что это есть строгое, точное, так сказать, алгебраическое учреждение, без всякой собственной души в нем, без ее волнений, свободы, ее совести и совестливости — непременных элементов всего религиозного. Синод не есть религиозное учреждение, почти не есть, очень мало есть; и не имеет ни традиций, ни форм, никаких способов судить религиозно об религиозном. Отсюда прозаичность бумажки о Толстом, им выпущенной. Митрополит Антоний, в ответном письме графине Толстой, не назвал Синод «Святейшим», что тогда же меня поразило как правда, как пример невозможности употребить сей эпитет в языке неофициальном, серьезном, частном, сердечном. Синод, не говоря о лицах, а говоря об учреждении, не имеет сердца и вообще никаких признаков личного и живого, свободного существа. А бог — личен, жив, свободен; и от Бога, и именем Божиим что-нибудь сказать Синод просто не может, не умеет, не имеет формы, по отсутствию в самом нем «образа и подобия Божия». Между тем Толстой, при полной наличности ужасных и преступных его заблуждений, ошибок и дерзких слов, есть огромное *религиозное* явление, может быть, величайший феномен религиозной русской истории за 19 веков, хотя и искаженный. Но дуб, криво выросший, есть, однако, дуб, и не его судить механически формальному «учреждению», которое никак не выросло, а сделано человеческими руками (Петр Великий с серией последующих распоряжений). Посему Синод явно не умеет подойти к данной теме, долго остерегался подойти, и сделал,

может быть, роковой для русского религиозного сознания шаг — подойдя. Акт этот потряс веру русскую более, чем учение Толстого. «А, так вот в чем наша вера», — могли воскликнуть русские в параллель толстовской «В чем моя вера». Там, у Толстого, — тоска, мучения, годы размышлений, Иово страдание, Иова буря против Бога. Даже бесы видели Иисуса и трепетали, но Синод вовсе не видел никакого Иисуса и похож на рожденных до Христа: ни мучений, ни слез, ничего — только способность написать «бумагу», какую мог бы по стило и содержанию написать каждый учитель семинарии или гимназии. Толстой — как бес перед Иисусом; но акт Синода просто есть решение византийского или римского юрисконсульта, до рождения Христа высказанное: до такой степени в характере, и методе, и тоне его не отражается ничего христианского.

Толстой написал «Чем люди живы»; он как бы видел ангела у мужика; я настаиваю на слове «видел»; густота размышлений уплотнилась до осязательности этого образа. Скажите: какие «видения» видел когда-либо Синод? Никаких. Покажите мне «знамения» Синода — ибо, по Апостолу, «верующие требуют знамений, когда философы спрашивают доказательств». У Синода есть доказательства, а «знамений» нет, и он в одной части есть административное учреждение, а в другой — философская академия, без всякого «помазания». Вот, в самом деле, еще термин: каждый из членов Синода помазан, но ведь не *каждый* отдельный член Синода судил Толстого от себя и за себя, а судило учреждение, которое ни на коллективные суждения, ни на коллективные решения помазания не имеет.

Все это чувствовали, и все остались холодны к решению, безотчетно чувствуя, что в нем нет ни святости, ни религиозности, а исключительно светскость, мирской характер.

Это — мирское дело, только совершенное немирными.

Я понял бы «суд Церкви, высказанный о Толстом», если бы разъяренная улица, оскорбленная его учением и тезисами, разорвала портрет его, запретила произносить его имя, выгнала бы его из пределов земли своей. Это — «суд церкви», *judicium Ecclesiae* (= «собрания народного»). Но бумага Синода о Толстом? Вот уж «молния», которая не жжет и не поражает.

ПО ПОВОДУ ДОКЛАДА О. МИХАИЛА О БРАКЕ ¹

Доклад о. иеромонаха Михаила о браке возбуждает фактическую критику. Прежде всего о *том ли* он говорит, что значит в самом *заглавии* доклада. Он говорит то о «плотском союзе», то о «духовном»; то о «муже», то о «жене», о детях и их рождении. Но все это даже и *не начинает* брака. От. Михаил говорит о каких-то Ромео и Юлиях, Гамлетах и Офелиях; говорит о романе Волохова с Верой из «Обрыва», а вовсе не о законном браке церкви, не о таинстве церкви. А между тем заглавие его доклада имеет подзаглавие: «психология таинств». Доклад от. Михаила надо просто зачеркнуть, так как он написан о любовничестве, явлении, непозволительном с точки зрения церкви, скверном с точки зрения общества и за которое слишком дорого расплатились бы все, кто, поверив похвалам о. Михаила, вздумали бы в самом деле «плодиться, множиться», без фрака, роз и «обыска предбрачного».

Если повенчанные сейчас же, из церкви выйдя, разъедутся по разным городам и никогда друг с другом до самой смерти не увидятся, то брак *есть, состоялся, осуществился*.

Если, прочтя не от. Михаила, а Ефрема Сирина и житие Алексея Божия человека, они согласятся тут же, еще на пороге церкви, никогда плотски не касаться друг друга, то не подымутся ли они на высшую степень благочестия и, может быть, стяжают венцы царства небесного?

Истинная «психология таинств» (подзаголовок прочитанного доклада) начинается с вопроса: да как же это психологически и исторически произошло, что заголовок написан один, а в докладе говорится о другом, «о плотском блудном житии»? Зачем это плотское житие понадобилось докладчику? И ради чего, ради каких таинственных мотивов он его хвалит, хвалит мужчин, женщин, детей, рождение, называя все это «до дна чистым», когда все это — по сумме общественного и законодательного к ним отношения — просто рогожа.

Не он один, не только о. Михаил, поставив в заголовке статьи или книги титул: «Христианский брак», начинает под титулом восхвалять то, что *деловым образом и законодательно* церковь отвергает, если не прокликает: так поступают решительно все авторы, писавшие о «христианс-

¹ Озаглавлен: «Психология таинств. Таинство брака».

ком браке», включительно до К. П. Победоносцева. И этот позднейший авторитет (как, впрочем, и все самые ранние) в «Курсе гражданского права», коснувшись «высоких воззрений церкви на брак», не приводит никаких и ни одной подробности из чина венчания и даже не упоминает, что он *есть*, а только говорит, что вот «полы — разделились», что, соединяясь, они «гармонизируются» и получается от этого «полнота сил духовных и телесных»; словом, как и от. Михаил, он тоже рассказывает о романе Веры и Марка Волохова, о Лаврецком и Лизе Калитиной, сладком и недозволительном любовничестве, а вовсе не о супружестве Лаврецкого с m-me Лаврецкой, не о «законном браке» Helène Безуховой с Пьером, где ничто и никто не «гармонизируется». Откуда же это, эта двойственность заглавия и изложения, темы и содержания? *Да авторам просто нечего* было бы говорить о «законном христианском супружестве», ибо в нем по «святым уставам церкви» или *ничего* не содержится, или содержится что-то *неопределенное*, или, наконец, содержится такая дрянь, о которой в серьезной книге безнравственно даже говорить.

Смотрите, как о. Налимов¹ расписал: «супруги обожают и даже обоживают друг друга: вот — *центр* дела, *сущность* таинства; *право* его на признание и наше благоговение». Протираем глаза и спрашиваем себя: «где это? между Налем и Дамайянти? Одиссеем и Пенелопой? Игорем и Ярославною?» Но все то — *язычники*, даже и не подозревавшие, что некогда наступит такое благополучие, что их «взаимную любовь» запишут в метрические книги, а перед соединением сердец будут предварительно «обыскивать» (предбрачный обыск). Победоносцеву, о. Налимову и о. Михаилу и предлежало говорить, как о составных частях «христианского брака», единственно об этом «обыске» и его процедуре и затем просто перепечатывать из Требника «чин обручения и венчания», а из «Кормчей книги» перепечатывать же о «Степенях родства и свойства, как препятствия к браку». Ибо ничего ровно, *кроме этого одного*, в «христианском» супружестве не содержится.

Любви в нем нет, и она не требуется.

Детей в нем нет же, и они лишь риторически упоминаются: *бездетный* брак столь же доблестен, как и с детьми, ни в чем перед ним не малится, не скорбит, не упрекается; и вообще этого вопроса *просто не существует для церкви* или он существует меньше, нежели вопрос о том, а не случилось ли когда-нибудь невесте и жениху быть восприемниками младенца от купели, не состоят ли между собою в супружестве их дяди и тетки, их братья и сестры, и т. п. вопросы, напоминающие направлением и тоном скорее сплетни и сплетничанье, чем закон и серьезное отношение.

Да и самого *супружества*, как соединения плоти и крови, тоже нет в «христианском браке»: на чем ведь и были основаны, «законно»

¹ Как и от. Михаил, оба — молодые (не старые) профессора Спб. Духовной академии. Последний — священник.

основаны все так называемые *фиктивные* браки наших нигилистов в 60-х годах. Повенчались — разъехались. — *Был брак?* Церковь отвечает: «Был!» Не думайте: не так это невинно. «Фиктивные» супруги 60-х годов, жаловались благочестивые люди, «оскорбили» церковь. Но ведь чем? Тем, что они не «уважили» венчания, взяли его как попутную и им нравственно *ненужную* вещь. Хотя как же им было и не взять его, когда законом же установлено и церковь учит, что в нем *единственно* заключается брак. Так они оценили сокровище. «Сокровище» и взяли; а потом... не то чтобы бросили как ненужное, а вовсе о нем забыли, потому что действительно для любви, детей и деторождения непонятно, какое имеет значение это «сокровище». Но, сказал я, дело это не так невинно: мир, со своей стороны, никак не может и не должен «оскорбляться», если сама церковь не то чтобы не обращает большого внимания, а просто никак не смотрит на те необозримо многочисленные случаи, когда брак тоже фиктивен, но уважение к венчанию было соблюдено, напр., если 1) жена жалуется, что муж, повенчавшись с нею, затем через три года бросил ее; или 2) когда муж жалуется, что жена поступила с ним таким же образом. Церковь в таких случаях спрашивает: «да ведь венчание-то было?» — «Было» — «Ну что же, вы *состоите в браке*; а что муж жену оставил, то ведь может он оставить ее для молитвы и поста: это не возбраняется и даже похвально». Равно «жена могла оставить мужа для молитвенного подвига: как доказать, что нет? Доказательств нет, и муж (или жена) должны смириться».

Фиктивные браки всегда были в церкви. Но до 60-х годов — для «скорби» мира, людей, населения; но вот с 60-х годов пошли они «для *удовольствия*» мира; а этого церковь не переносит, и она поднялась собственно против приятного миру «потворства плоти», того самого сладкого любовничества, которое похваляют о. Михаил, о. Налимов и Победоносцев, а вовсе не поднялась против самой *фиктивности*, как некоей *пустоты и бессодержательности*, которая в браке не только ею не порицалась, но всегда похвалялась.

Чтобы не отвлекаться в рассуждения, приведу факт, который даст нам осязательный материал для анализа: на странице 375 «Истории обер-прокурор^{ов} Св. Синода» проф. Благовидова рассказан следующий случай. «Во всеподданнейшем докладе от 10 декабря 1827 года обер-прокурор Мещерский сообщил Государю, что городской секретарь Повало-Швейковский испрашивает высочайшей милости — утвердить его брак с дочерью помещика Ефросиньей Ваулиною, так как Синод, расторгнув данный брак по причине родства незаконных супругов, поставил в самое несчастное положение пятерых детей, прижитых от неосмотрительно заключенного брака. Николай Павлович, под влиянием Мещерского, по-видимому, нашел возможным удовлетворить просьбу Повало-Швейковского и написал на обер-прокурорском докладе: «Брак расторгать, когда он дозволен был духовным начальством, я не признаю

ни справедливым, ни удобным». Но по докладу ¹ митрополита Серафима Государь вынужден был взять назад свой добрый порыв, и брак был расторгнут. Дети лишились отца и матери, переименованы в «незаконнорожденные», потеряли права на фамилию и наследство отца, а мать их превращена вновь в девицу Ваулину с предложением выехать из дома мужа и вернуться к не весьма утешенным родителям, может быть, таким казусом сведя их и в могилу.

Теперь я прошу быть слушателей внимательными. Родство и свойство как препятствия к браку взяты все из языческого римского законодательства. В Евангелии о родстве и свойстве как препятствиях к браку не упоминается вовсе; в Библии, во «Второзаконии», дозволен брак двоюродных и брак дяди и племянницы. И вообще там вовсе не те степени родства указаны препятствиями к браку, как у нас.

Библия есть книга боговдохновенная.

Языческое римское право есть нечто языческое. Тут выбрано языческое, языческие о браке законы, и вовсе отвергнуты боговдохновенные. Отвергнуты — и даже не справляясь с Библией.

Но всякий знает, что решительно у всех народов нормы брака суть часть религиозного культа, и, взятые из Рима, они взяты, так сказать, прямо из-под насадки Венеры, как ее тепленькие яички, и вкачены в церковь. Одно из этих тепленьких яичек Венеры и ударило в голову ровно пятерых христианских детей.

Вот полный очерк дела, о котором о. Михаилу нужно составить новый доклад.

В случае Повало-Швейковского мы наблюдаем:

- 1) супружество есть, но брака нет, или он есть преступление;
- 2) любовь есть, но брак осужден;
- 3) дети есть, но признаны плодом блуда;
- 4) верность была, но объявлена ненужною.

Назавтра после расторжения пусть «девица Ваулина» выйдет за кого угодно, а холостяк Повало-Швейковский женится тоже на первой встречной девице, без всякой памяти о пятерых рожденных ими детях. Этих последних на кухню, что ли, сослать? В прорубь? В воспитательный дом?

Если бы учением церковным о браке было то интересное, милое и содержательное, что мы выслушали в докладе о. Михаила; если бы к *этому* она клонила ухо свое: то очевидно, что все ее административное и законодательное отношение к нему было бы иное, другое. Она была

¹ Здесь ужасно важно, что основные канонические книги, которые *апокрифичны* и в богословской науке, могут — это официально утверждено и открыто об этом учится — печатать для *практического в суде и канцеляриях* употребления без означения на *заглавном листе*, что *это* — апокрифы. Напр., «Апостольские правила» суть *приписываемые апостолам и переданные через св. Климента*, но неизвестного происхождения и суть бесспорно не апостольские. Или «Апостольские постановления» (какое заглавие!) — просто арианский сборник вымышленных полемических рассуждений, едва дозволяемый к переводу и печатанию. Но достаточно было императору Николаю показать, напр., «Апостольские постановления», чтобы он, пораженный тяжеловесностью книги (почти Евангелие!), смутился и взял назад доброе свое решение.

бы чутка к семье, а не к *венчанию*; требовательна к семье же, к течению жизни в семье; тогда бы она или ее представители, священники, трепеща за состояние семьи в стране, в народе, не только следили бы неусыпно: а как-то *поживает* на самом деле каждая пара? не ссорятся ли? не изменяют ли? почему ссорятся и изменяют? кто с кем и при каких условиях? в каких сочетаниях (возраст, родство, племя) это бывает *реже* и в каких *чаще*? Да и не одно это: священники, канонисты, епископы (в последней инстанции они блудят брак) сиднем сидели бы в театре, следя за *отражением* семейных нравов на сцене, читали бы повести, рассказы, а особливо всякие «корреспонденции» с описанием бывающих случаев фактической семейной жизни; равно посещали бы толпами суды, где вдруг вскрывается вся подноготная семьи, ее нередко кровавый ужас. И с этою чуткостью следя за Марками и Верами, Калитиными и Лаврецкими, Юлиями и Ромео, — о чем нам якобы с любовью, но, конечно, притворно заговорил о. Михаил, — следя за этим не век, но уже тысячелетия и даже два тысячелетия, церковь имела бы материал построить такой «Кельнский собор» (узор, великолепие, сложность) законов о браке, перед которым народы и человечество склонились бы с изумлением: «Вот *небесная* мудрость, сведенная на землю. Отцы! священники! свя-тые!..»

Если бы *боль семьи*, а не ошибки в совершении ритуала язвили душу церкви, какою нежностью обвила бы она болящие семьи! «Драгоценное растение — *хворает!* Родной сад — побит морозом, градом, червем!» Но ей-ей: червь, павший на яблоки в саду батюшки, куда интереснее ему, чем червь, павший на благословение Божие, мужа и жену. Не любят ли они? Ответит: «Любите». — Несчастливы? — «Потерпите». Если бы, говорю я, хоть один священник, не говорю сонмы их, с авторитетом сонмов, припал ухом к соседнему дому и слушал через щель в стене его, со скорбью и мукой, что делается за стеною, и поведал бы об этом миру, «церкви», и раскричался бы, и расплакался бы на улице, как они плачутся и кричат на улицах, что Толстой их обидел в заграничном издании «Воскресенья» — то к ногам их припал бы мир, а сами бы они с невероятной живостью (ну как миссионеры — реагируя на «ересь») нашли бы средства исцеления для *каждой* боли и *всех* болей. Все обратно сейчас. *До семьи* — нет дела. Все дело — в венчании. «Поцеловали ли руку пресвитера церковного?» — «Да»... «Тогда *все кончено, сделано.*» — Не поцеловали? — А, тогда — и *не началось* ничего; нет брака, нет семьи, таинства не было, а есть *блуд* один; и если от него есть дети — то это *дети* блуда, которых родители не вправе никогда назвать *своими* детьми».

Все неудачные и ссорящиеся семьи церковь, при таком повороте внимания, стала бы сама, по своему призванию, позыву расторгать, да еще и непременно с насилием, как она расторгает с насилием все «незаконные браки». Но она этого не делает и даже совершенно обратно: *счастливые браки, но незаконные она расторгает; несчастные,*

но законные — ни в каком случае не расторгает. И даже когда супруги до крови доходят, она и тогда не допускает супругам расколоться.

Рассмотрим подробнее это «сокровище», малейшим невниманием к которому так оскорбляется церковь, а по ее инспирации — оскорбляется же им и даже наказует за такое оскорбление и государство. В данном случае, в области брака, церковь всегда имела «два меча и две короны» — духовную и светскую, ей строго повиновавшуюся. Бог сотворил Адама и Еву, плоти их, страсти их; великолепное Адамово восклицание при воззрении на красоту Евы, и в Еве: «к мужу — влечение». Но как это — Божие творение, то церковь, не будучи его автором — и равнодушна к нему. Она — автор обряда и «условий вступления в брак»: и вот к этому своему сочинению уже ревнива, как поэт к стихам своим и прозаик к прозе. Тут она ни единому частному человеку и ни всему государству не позволит переложить слова, строчки, жеста: до того все священно. Итак, если две вещи: сотворенная Богом в комплексе мужеженских особенностей и влечений, анатомии и физиологии, и их ответа — психики: до нее Церкви дела нет. Старички, юноши, с любовью и без любви, однолетки и разнолетки, с приданным и без приданого — она всех и с совершенно равным чувством повенчивает. «Стерпится — слобится». Хотя замечательно, что во всех бесчисленных словах Писания о браке ни одного нет слова о том, что «брак дан человеку для долготерпения». Такого текста нет. Итак, на золотую вещь божеского сотворения церковь, по-видимому, положила, выковав в III—IV веке, золотой же оклад великолепного обряда. Икона, казалось бы, священна не по существу оклада, в который вставлена, а уж скорее оклад ценится по существу иконы. Божия вещь — это материал брака, материя его, отмеченная и определенная в «священной» истории изумительными, вечными, незабываемыми словами. В брак *сотворены* были люди, и для *совершения* его сотворены «мужчиною и женщиною», «мужем и женою!» Кажется бы, икона, с такою-то подписью! с такой историей, записанной в творении мироздания! Но вот случилось, случается иконе быть вынутаю из «оклада церковного»: она говорит о вынудом — «блуд! проклято!» Вставлено опять в киот: «теперь — свято». Позвольте, да если икона и киот *соответствуют*, если это — *доброе в добром, к Божию добруму сотворению церковь прибавила свое художественное доброе изобретение*, то они прекрасны оба, и вместе, и порознь; хорошо — когда соединены, не прекрасно же и тогда, когда не соединены. Церковь *разбивает икону* (фактический, натуральный брак) всякий раз, когда она не в киоте. Что же это за жесты? психика? что за метафизика? Ибо таковое отношение не единичного ума, а сонма голов, думавших, писавших, законодательствовавших, доселе управляющих, — это, конечно, не lapsus linguae ¹, а какая-то целая метафизика.

¹ обмолвка, оговорка (лат.).

Нужно было Божию вещь объявить *худюю*, чтобы поднялась до абсолютной, непостижимой ценности оправа, в которую она вкладывается. У евреев, которые не только *национально* имеют все слова Божии о браке, но и самый брак имеют в несравненной с нами теплоте, нежности, прочности и глубине, «венчание» есть же, но обряд его (по академику Хвольсону, христианину и в то же время урожденному еврею, знаменитому гебраисту) не только не есть «тайнство», но его может совершить и не раввин, а всякий частный человек, друг, знакомый, сосед. Там это просто легкое голубое покрывало, положенное на голубую вещь Божьего сотворения; *красивее* так — и люди делают. Обряд — *наряд*. В радостную минуту, в минуту столь важную — лучше выйти в голубом, длинном, древнем одеянии. Но существо, конечно, в *одетом человеке*, в этих потомках Адама и Евы, и *наследниках* всех обетований, им от Бога данных. Так это и есть, и иначе и не могла возникнуть в каком-то абсолютном значении «одежда новобрачных», не будь сведены до «долу», до низу, до полного ничто они сами, брачующиеся, и с ними все, до них побрачившиеся, вплоть даже до Адама и Евы, первой супружеской четы. *Без проклятия брака* — ничтожно венчание, прикладная вещь; едва нужное, в сущности — не нужное. А если он *проклят*? А тогда все *благословение* брака, *сущность* его, *сила* его, надобность в нем — будет перенесена на *венчание*. Вот происхождение последнего, т. е. в силе его, могуществе. Позвольте, за это заплатили кровью уже сотни, тысячи, даже миллионы (в истории) детей и переделывать этого сейчас нельзя; все значение венчания проистекает измысленной, сердечной, моральной и догматической проклятости самого брака, в натуралистических его чертах, как сотворенной Богом вещи. Она — *гадка*, а переделывание ее из гадкого в *годное* и происходит через венчание. Привешивается золотая пломба к омерзительной рогоже. Рогожа сама по себе (супружество, дети) не только не имеет какой-нибудь цены, но стоит в ценности ниже нуля («блуд», «прелюбодейные дети», обычно убиваемые); но прочным, неразрываемым шнурком к ней привешивается золотая пломба с надписью: «Подо мною значущееся — вещь невероятной цены; а свидетельствую об этом я, страж небесных дел». Теперь вдруг рогожа становится невероятно драгоценна, дети — святы, сожитие — свято же; все — *нерасторжимо*. Хотя бы никакого содержания в «сожитии» их не было, кроме интереса мужа к приданому жены и жены — к физиологическим силам мужа, т. е. рогожа и правда в данном исключительном случае была бы действительно грязна.

Доклад о. Михаила неверен не только в том, что у него — заглавие *одно*, а содержание *другое* (любовничество, как, впрочем, и в речах не только о. Налимова, но и проф. П. И. Лепорского, проф. С. А. Солдертинского, да и всех участников собрания, кроме *одного* М. А. Новоселова, который откровенно брак — *прокликает*, а венчание — *требует*); но он неверен и в том отношении, что утверждает, будто «брак (любовничество) весь до дна чист»; что противоречит диаметрально учению

церкви, которая учит, что все брачное, от любви до супружеского соединения и самого рождения детей и, наконец, сами дети, есть *скверна вне церковного освящения, без церковного освящения, до церковного освящения*. О. Михаил — профессор канонического права в С.-Петербургской Духовной Академии, неужели же он забыл, что только при императоре Александре III было разрешено супругам, вступившим в брак, *усыновлять детей, ими до брака рожденных?* Нет, засыпать землицей детскую кровь, «чтобы не видно было», вам никто не позволит. 900 лет, без малейшего протеста хотя бы единого священника и монаха, положим, из 6 детей таких-то родителей, старшее, еще до венчания рожденное, так и не могло сказать прочим: «Братец», «сестрица»; и родители, сколько они ни плакались об отъединении этого шестого от пятерых, церковь их плачем не тронулась и государство не пощадило. О, как трудно говорить: да что ему, государству, за дело до чрева жены моей, до моих чресл? Но государство чувствовало себя твердым, повинуюсь «святым уставам церкви», которая всегда учила, что *вне* ее «благословения», а в сущности — позволения (в монастырях, когда послушник просится у игумена выйти, тот его «благословляет выйти»; архиерей священника «благословляет сказать слово», и, словом, мягкое церковное «благословение» всегда равняется и означает просто суровое: «позволяю», не «позволяю») сожительство есть блуд и дети суть «приблудные», нечисть и скверна, которую нельзя поставить в счет человеческий. Разве бы можно было *точно людей, человеческих младенцев* убить тысячи, сотни тысяч, не ужаснувшись?! Но ужаса никто, кроме матерей — исполнительниц казни, не чувствовал; т. е. для государства и церкви они были как бы слепыми щенятами, «без света Христова на них».

Анализируем привеску пломбы, состав «киота».

Сходит, через посредство священника, *благодать* на «сочетавающихся» и невидимо (еще бы видимо!) «сочетавает» их в «плоть единую»; после чего оба и становятся: он — не холостым, а «женатым», она — не девицею, а «замужнею». На этом и основаны были фиктивные браки: что, куда бы они ни разъезжались, он «уже женат», а она «замужняя». Напротив, родившая детей без венчания — все «девица», ибо ни с кем не «сочетавалась» через «благодать». Весь позор девиц с ребятами от этого и происходит: не считали бы их «девицами»; как же бы они стыдились истины своего положения? Но вот существует и применяется закон и дозволение, что в тех редких случаях, когда жениху невозможно *лично* присутствовать при «бракосочетании», по болезни, а еще чаще по невозможности приезда, — а между тем заключение брака (например, по политическим соображениям) очень нужно, и притом нужно безотлагательно, то церковь разрешается жениху послать заместителя себя: этот заместитель и становится с невестою под венец... *На кого же тогда сходит благодать?* На заместителя? Но тогда он бы и «сочетавался» с невестою, делался мужем ее, что, церковь отвергает. Нет, невеста становится женою того отсутствующего жениха; но ведь благодать,

очевидно же, туда, например в Англию или Францию, не перешла? Она творилась, низводилась *здесь*, в этот час, в этом *месте храма* и *этим священником*. Все «этим», «это» — и никак это не могло относиться к «тому», в Англии. А если бы предположить, что благодать туда, в Англию, перенеслась, то для чего тогда и заместитель, зачем непременно его *здесь присутствие*, очевидно, можно бы венчать рожонительствующими молодыми людьми, как папа посылает «паллиум» (шерстяную ленту) посвященным в епископский сан без личного явления кандидатов в Рим. Да и, наконец, если «заместитель» возможен в таинстве, то отчего очень болящего или слабого младенца не «заместить» бы здоровым? Отчего не «отпускать» грехи на исповеди, услышав передачу их от друга грешного? Отчего?.. Да явно — все это было бы чудовищным, кошунственным, а в венчании оттого это не кажется таковым, что никакой «благодати» здесь церковь не предполагает сходящею на людей, ничего сакраментального тут не происходит, а есть это просто *обряд, наряд*; но не *хороший*, положенный на *хорошее*, а *хороший*, положенный на *дурное, святое* — на грешное, не только в соответствии ему, а в полной с ним противоположности!!!

Да так об этом церковь и учит: о переделке (через венчание) *черной вещи* в *белую*.

Проклят брак; трижды священно венчание!

А если бы брак благословен был? — то венчания даже и не возникло бы; или оно осталось бы без значения (пломба около *дорогого сукна*, киота около *иконы*).

Вот история и метафизика возникновения венчания.

Не возникло бы его иначе как наряда, одяния, красоты, эстетики; без всякого сакраментального значения и, конечно, без юридического обязательства; без всякого интереса к нему государства, хотя, может быть, с большою любовью к нему общества и единичных людей. Тут в эту радостную минуту все делается для красоты, красиво. Но это — художество, а не «таинство» и не «закон».

Но действует ли, хотя бы просто как сила *доброжелательности*, «сочетающее благословение пресвитеров»? Увы, картина *разводов*, именно у нас, православных, и у католиков столь сильная (сильнейшая, чем у протестантов, у которых нет «таинства брака»), и чем у евреев, где венчание только обряд), показывает, что в венчании содержится скорей какая-то отрицательно-разрушительная сила, темно-скрытая, и она тем действеннее, чем подходят к ней с большей верой в фетишизм ее. Самые холодные браки (признано) — у духовенства, очень скверны они — в крестьянстве, у купцов (грубы, жестоки, частые свары). Я наблюдал — довольно теплы у учителей, у чиновников, которые относятся к венчанию «так себе». И *необыкновенно* теплы, почти как у «жидов», — у любящих студентов и студенток, вообще «интеллигентных молодых людей», которые любят, женятся, плодятся, приданого не берут; и, увы, на венчание смотрят так же, как духовенство на семью: как на фикцию

тяжелую, но неизбежную. Где этого родник? В вечной противоположности Бога и кумира; «кумир» обряда занял место Бога; кидот — образа; да и еще как занял, кем вмещен туда? Именно он занял *по закону и вследствие* противоположности, с ненавистью к *подлиннику*, в вещи, якобы *греховной*, как *святое*. Жилец убил хозяина и поселился на его месте: недоброе обитание!

Вот вблизи-то к этому «обитанию» все и рушится в фактической христианской семье. «Психология таинства» — неожиданная, вероятно, для о. Михаила.

* * *

«Греховный союз мужа и жены» сотворен Богом *в раю, до грехопадения* и вне расчета на грехопадение, которое было актом свободной воли человека. Разумеется, он никогда не был греховен, всегда был *голубая вещь*, золотой предмет; но допустить это — значит пресвитерству уйти назад из «Каны Галилейской», собрать диптихи и метрики, отложить в сторону бронзовые венцы, а войти, по образцу Спасителя, дорогим и милым *гостем* (но только *гостем*) на свадебные пиршества, за свадебный стол и просидеть просто за белой его скатертью до поздней ночи, разделяя веселье людей и преобразая присутствием своим его из легкомысленного в сладкоумилительное.

Теперь же введены такие ужасы, как 1) расторжение счастливых браков и 2) преступное признание «*не браками*», не «таинством» благополучных семей, которые без венчания вступили и так в супружество. Как профессор канонического права, как ученый о. Михаил очень хорошо знает, что все такие натуральные семьи суть самые наизаконнейшие браки и полное таинство «во образ союза Христа с церковью», раз что они живут: 1) мирно; 2) целомудренно; 3) чадолубиво. Но это секрет, просто секрет науки канонического права, хранится в глубокой тайне, в совершенном укрывательстве; отнюдь не разглашается, что обязательность венчания для подлинности брака не была требованием церкви за весь период вселенских соборов и вообще всего определения догматов, а просто явилась по эдикту императора Льва VI Мудрого, заключившего договор с нашим князем Олегом, и еще позднее, в XI веке, одного из Комненов, кажется, императора Алексея. Цари эти были простые и в них не больше канонического значения, чем в Бове-Королевиче.

Чтобы объявить столь нужным «благословение пресвитера», ведь надо было уничтожить, свести на «нет» или, пожалуй, объявить «недействительным» благословение первой четы Богом. Послушайте, для чего мне благословение отца Иоанна, если я имею Божие?

Могли бы вспомнить, что пророк Нафан даже Давида и Версавию не разлучил, не расторг их брака, ибо хотя и преступны были его мотивы и все было грешно и страшно перед ним (сочетанием) до самого порога дела, — однако уже потом «яже Бог сочета — человек да не разлучает». Но Библия забыта. Не только пример Давида и Версавии не был

выполнен для спасения христианских семей и, напр., христианской семьи Повало-Швейковского, но и она сама губилась на основании Венеры Римской. А что Библия была забыта не только в 1827 году, но и в первые времена христианства не читалась иначе, как известное лицо у Гоголя читает алгебру, это можно видеть из того, что при вопросе: «Ну а как же устроить и расположить христианскую семью?» — полезли под хитон к Венере, просто-напросто забыв, что об этом уже говорит Бог через Библию. А так как забыть этого невозможно, ибо Библия все-таки почитывается, то не поверили ей, как и Петрушка не верит, конечно, алгебре.

Все это о. Михаил должен в предстоящей ему обширной деятельности, как преподавателя, довести до сведения мира, скорбного, униженного и, позволю себе сказать, обкраденного от самого для него великого и нужного таинства, притом единственного, ему *непосредственно данного*.

Тема брака слишком сложна, чтобы ее исчерпать. Ограничусь наброском следующих недоумений, которые томят меня:

1. Отчего брак стоит в церкви каким-то одиноким таинством? К нему нет *подступов, полутеней* ни в музыке церковной, ни в живописи. Возьмите таинство *покаяния*: там ведь *звуками* покаянными проникнуто множество церковных напевов, *картинами* покаяния, *жизнями* покаявшихся людей церковь полна и в преданиях, и в иконах. Брак как «дикое мясо» на организме: выньте его из церкви, — и вам для этого не придется разрывать риз церковных. Попробуйте затронуть *покаяние* — и вы расстроите весь план церкви.

2. Кана Галилейская едва ли не принимается «всуе» в учении о браке. Иисус посещал мытарей, т. е. *сборщиков податей*, но окладные и неокладные сборы и все министерство финансов не вверены от этого пресвитерам. Он *чудесно* накормил пятью хлебами пять тысяч народа; но хлебопекарни не объявлены во власти церкви. Чудесный улов рыбы не создает прав церкви на Каспийские рыбные промыслы. Явно, что богословы, ссылаясь на Кану Галилейскую, употребляют чистый софизм.

О НЕКОТОРЫХ ПОДРОБНОСТЯХ ЦЕРКОВНОГО ВОЗЗРЕНИЯ НА БРАК

Мне очень совестно, что я хочу вторично занять внимание нашего собрания на 20 минут. Я это делаю для того, чтобы обратить внимание духовных особ и мирян на некоторые такие стороны седьмого таинства, которые никогда не подвергались обсуждению.

Переберем его аксиомы. Брак есть «*таинство церкви*». Мир склонил перед этим голову. Таинство это выражается через *венчание*. Миряне не оспаривают. Венчание «греховный плотский союз *очищает, освящает*». Приняли и это. Итак, венчание как бы разделило грязные воды «блуда» от чистых вод брака и сотворило, по Апостолу, «брак честен, и ложе не скверно». «Да! да! — скажут духовные, — так именно мы и учили мир, к этому миряне уже приучены». И вот отчего с таким крайним напором все ищут венчания, страшатся вступить без него в связь. Ибо кто же захочет понести на себе укор «блуда», первый оттенок желтого билета, начальную полосу этого позорного спектра?

Но такова ли и внутренняя мысль церкви, как это внешнее и громогласное высказывание ее, по которому учился мир? Увы, очистительная после рождения младенца молитва читается в тех самых терминах, без малейшей перемены слов, в браке *после венчания*, как и в блуде *до венчания*. Воды чистые и нечистые — сливаются. Оказывается, венчание ничего не «преобразило» из темного в светлое, ничего не «очистило». И «брак скверен», и «ложе нечисто» — в церковь благословенном сожитии, как и в неблагословенном.

Каково же благословение? Мы говорим уже не о действенной его силе, которая по разуму самой церкви, в приведенном факте выраженом, не действенна, а об искренности. Издали, на глазах народа, в пышном обряде, при зажженных пуках свечей, словом, когда все ярко, видно, свет бьет в окна, стоит на улице *день*, глаголются добрые слова без всякого укора, и ведь в силу-то их к «доброму пастырю» и набежал народ благословиться на «брак честен, ложе не скверно». Но вот исполнилось благословение. Ночь. Уединенная комната. Через запертые ставни не пробивается и лунного луча. Нет гостей, и вообще нет *свидетелей, свидетельствования*. На постели лежит утружденная, исстрадавшаяся, а вместе и несказанно обрадованная первым сыном женщина. Она до того погружена в себя и так слаба еще от болезни, что видит только

зрительно, что вошел священник, и радуется, восхищается этому, что видит церковь другом себе в такую минуту. И муж, также в страшном волнении, озабоченный здоровьем жены, тоже все лишь зрительно видит и, конечно, не вникает в смысл произносимых слов. В этом полном уединении и в сущности никем не выслушиваемый, священник, конечно, скажет ту *внутреннюю мысль* церкви, так сказать, свободную, не стесненную присутствием зрителей, настоящую, подлинную; скажет *вдохновение* церкви в отличие от *утилитарно-приличных* слов, наружу прозвучавших в венчании. Вот они: «прости ей, Господи, днесь родившей, *грех* ее, понеже вси мы есмы *сквернавы* перед Тобою».

Ложе было и в этом законном браке «скверно», «греховная плотская связь», как она стояла до венчания, так и *осталась*. Венчание *ничего не переменило*. Оно именно есть утилитарная вещь; я думаю, чтобы миру не было *страшно*. «Как же ты, мать святая церковь, смотришь на рождение?» Она отвечает: «на семью, на брак? *Сорадуюсь* им, и вот в свидетельстве этого я благословляю их». Это именно отвождение *страха* в сторону. Но вот он отведен; мир радуется; играет, «плодится, множится». «Все это — грех», — произносит церковь безмолвно, неслышно, шепотом.

Я заметил в первом докладе нашему собранию, что венчание стоит *одиноко и отрезано* в церковном строе; это как «коховская палочка», капсулировавшаяся в заболевших было, но выздоровевших легких. Она *есть*, и она болезнетворна, смертоносна для существа легких, но она капсулировалась, т. е. со всех сторон *окружилась непроницаемою тканью*. Так и венчание: полейся его тоны, мистические и несколько страстные, по задачам плотского союза в музыку церковную, в живопись церковную, и церковь вся начала бы *преобразаться*.

Ну скажите, что, черные лики, старческие, изможденные, смотрящие из киотов храма, могут сказать собою или от себя самим венчающимся? Ведь только от того, что *никто* из венчающихся, радостно в себя погруженных, и никто из празднично настроенных гостей не оглядывается *кругом* и не *вглядывается* в церковные лики, — только от этого *невнимания* никто не замечает, до чего странная и *чуждая* толпа вошла в храм с чуждыми храму мыслями, чувствами; до чего она самому храму *не нужна* и, по правде сказать, *враждебна*. И вот они вышли. Остался священник один. «Наше место чисто! Слава Богу!» — мог бы он облегченно вздохнуть, кладя земной и почти извиняющийся за минутное осквернение храма поклон перед темными и суровыми ликами, как бы чуть-чуть погрязневшими даже за минуту венчания.

Несоответствие храма и венчающихся в нем — поразительно. Это как рой пчел, залетевший в комнату. Остаются они здесь, задержись: или они *пережалят* людей, или люди *передавят* их. Сделаем опыт, секундный, страдальческий, мысленный, но окончательно решающий вопрос о чистосердечии благословения на брак: ну, задержись в храме пчелиный рой новобрачных не на час, а на *неделю*, не для сухонького и внешнего

выслушивания слов о чадородии, а также и для выполнения заповеди об этом, ссылаясь, цепляясь за слова: «брак *честен*, ложе не скверно», — и вдруг пелена фата-морганы спала бы с глаз мира. В храме православном, христианском... поцелуи, объятия, ласки! раскрытые перси, горячие руки!! и дальше больше — самое забеременение!!! Я делаю страдальческий опыт. Он нужен. Он учит нас, что, по воззрению церковному, мы *все незаконнорожденные, все в браке — блуду*. Храм после нескольких суток, проведенных в нем счастливыми Ромео и Юлией, Лизою Калитиной и Лаврецким, молодым посвященным священником и его матушкой, пришлось бы *вторично освятить*, так он неслыханно, невыразимо осквернен, оскорблен, искажен, до основания метафизически разрушен... счастливыми минутами новобрачных, казалось бы, невинными и благословенными (в венчании!).

Вот уж когда «разодралась бы завеса церковная», не в материи ее, а во всем *целом* смысле храма, как таинственным образом в секунду Голгофы «разодралась от основания до верха завеса» в ветхозаветном храме! Скажут лукаво: «это не *грех*, а только не *своевременно и не своеместно*». Нет, вот *школы* в церкви есть; есть парты, ученики, немножко даже шалостей ученических, хотя учение не есть «таинство церкви». А ведь «брак — таинство церкви»; этим обнадежен мир. Да, но вот превращение части храма *в класс* — не оскверняет, не разрушает его, а подлинное превращение храма, не в чтении и слушании, а *самым делом, плотию и кровию*, в «Кану Галилейскую» покачнет «камень Петров» от земли до неба. Заметим насчет Каны Галилейской, что у евреев брак всегда совершался *на дому* и именно в покоях дома, окружавших «хуппу», отдельный переносный шатер, где новобрачные оставались наедине для исполнения заповеди чадородия. Оттого Спаситель их и не видит в евангельском рассказе, что их среди гостей уже *не было*. Вот такая-то «хуппа», бывшая в Галилее, не противоречившая Ветхому Завету, завету обрезания, она, как часть храма (раз уже бракосочетание происходит у нас не на дому, а в храме), совершенно несовместима с заветом *крещения* и невообразима в церкви *нашей*. Послушайте: около «хуппы» — и *цветы*; вокруг нее — *гости*! пиршественный стол и заимое *вино*, как в Кане Галилейской. И все это — в храме!! Священники зачитают хором: «Да воскреснет Бог», — эту молитву ограждения от «нечистой силы».

Брак есть в церкви только *вербально*, а в самой *вещи* его нет и *быть не может*, пока строй сущей церкви целостен.

Отношение к браку *неискренно*; начать к нему искренно относиться — значит для церкви начать *преобразиться* (иная живопись, новая музыка, цветы, в храме растущие, земляца на полу его и проч.).

Благословение брачающимся произносится *губами*, а не *сердцем*. Из сердца должен будет вырваться новый вопль, потрясающий стены, необыкновенный, страшный: до того *все бывшее* в церкви христианской абсолютно, как бы и до «того света», несовместимо с храмом,

таинственно-брачным, если бы в него, ну хоть под напором начавшейся критики, вдруг начала преображаться живопись и музыка теперешнего православного храма!

Ну вот проф. Налимов мудро начал говорить о влюблении юных — этом главном чувстве, без которого брак не начинается, не заключается, не должен бы заключаться. Введите, однако, этот прекрасный и *должный* момент в музыку венчания взамен грубого, а главное *сухого*, как пропись, дьяконского возгласа: «Жена да *убоится* своего мужа»; польются звуки мистической любви, слова заговорят о звездах, о цветах, о томлениях влюбления, о лунной ночи и томительных ожиданиях, о завтрашних объятиях и поцелуях. Ну, пусть проф. Налимов скажет: разве это можно бы ввести в венчание, а *такое* венчание совершить в нашей церкви?

А между тем слова проф. Налимова звучали хорошо. Никто их не находил неблагородными, что-либо уничижающими, *марающими*. Да, но *церковью* они *замарали бы*. Тут несовместимость *категорий*, тут расхождение *категорий*. Ведь в венчании ничего брачного нет: сухонькие слова, маленькое нравоучение, аллегорические формулы и никакого к браку не имеющие отношения жесты и движения. Ну, поменялись кольцами. Что это выражает? Ничего или что-то смутное. Обошли вокруг аналая. Это что выражает? Обошли или не обошли — это не есть ни *да*, ни *нет* в отношении к браку. Пронесли короны над головами — значит *радостно*; но почему это специально *брачная радость*? Просто — радость вообще. Приложились ко кресту — это всегда бывает после обедни. Но вообразите, что брак совершился бы, как в Галилее, на дому и только при родных, и что при словах о чадородии совершалось бы священником помазание елеем персей новобрачных с молитвой о благополучном и благодатном питании будущих детей. Но это уже так же невозможно ввести в теперешний обряд и внести в теперешний наш храм, как и рассуждение о. Налимова о *влюблении* как прекрасном и необходимом моменте брака. Обнаженные перси девы-невесты? Священник, кладущий на них знамение креста священным миром, которым помазуется лоб верующих? Да и не одни перси, а и чрево, лоно, все, что «по образу и подобию своему сотворил Господь нам»?! Перед аналоем, крестом, Евангелием и ликами усопших архиереев, постников, пустынников, мучеников за веру, глядящих со стены алтарной?! — Невозможно! непредставимо!! Дева нагая или полунагая, влюбленная и любимая — и перед нею старый священник с кисточкою и миром?! «С нами крестная сила!» Он помнит, он учил и заучил, что именно это всегда являлось как *дьявольское наваждение* — *искусить* пустынников, святых, страстотерпцев, теперь — *его!* «С нами крестная сила!» — и он, не докончив обряда или «таинства», выбежал бы вон из храма, смущенный, испуганный, трясущийся; но незаметным глазком души продолжая смотреть или воспоминать открывшееся ему сладкое зрелище — соблазн? истина? Кто разрешит это? хотя и можно бы вспомнить, что в Апокалипсисе говорит-

ся о невесте Богу, а во всем Ветхом Завете Бог клянется Израилю, как Супруг его?! Но ведь именно все эти слова церковь обошла мимо, зажав уши, зажмутив глаза, не постигая, отказываясь вдуматься.

Ни влюбления, ни персей, ни питания детей в браке христианском не содержится. *Ничего* не содержится, кроме хора певчих, дьяконской октавы, священнического тенора; но это не оригинально и не исключительно для брака, это — в каждой литургии, молебне. Вообще венчание прямого отношения к браку не имеет, органической с ним связи не имеет. Бацилла капсулирована. Разружьте капсулу — легкие умрут. Чтобы жили легкие, не давайте жить бацилле. Вот отношение брака и церкви.

Но *зло* ли брак в его влюблении, в его персях, питании младенцев, страдальчестве рождающих? Простите, слушатели, но сердце мое волнуется, едва я перечисляю рубрики и трудов, и радостей семейных. Для меня нет ничего их выше и ничего их глубже. И нет более твердой стези к Богу, как эти труды и радости. И вы, следя за моей речью, входя в мои сочувствия, сочувствуете им: что я знаю, почтенные слушатели, хоть и не вижу вас. Так добр род человеческий, что всякое благо одного радует и всех. «И мы с тобой» — вот возглас простого человека. Добрый возглас! Им живет мир. Да, но церковь *не с нами* — и вот тут начинается ужасная боль, вторично начинается «раздвигание завесы», уже сердечной, а не церковной. А ведь сердце наше есть тоже храм; это не полый, пустой мускул. И его завесы, право, стоят висонных завес в царских дверях.

Не буду рассуждать, а стану приводить факты. В книге Сергеевко «Как живет и работает гр. Толстой» рассказан следующий случай. «В августе 1896 г. в Ясной Поляне произошло трагическое событие: кучер нашел в пруду мертвого ребенка. Вся семья Толстых была очень потрясена этим событием. Особенно *удручалась* одна из дочерей Льва Николаевича, будучи почти убеждена, что мертвый ребенок принадлежит *косой* вдове, скрывавшей свою беременность. Но вдова упорно отрицала взводимое на нее обвинение и клялась, что она невинна. Начали возникать подозрения на других. Перед обедом Лев Николаевич отправился в парк, чтобы пройтись немного, но вернулся *не скоро*, причем вид у него был усталый и *взволнованный*. Он был на деревне у *косой* вдовы. Не убеждая ее ни в чем, он только внимательно выслушал ее и сказал: «Если это убийство дело не твоих рук, то оно и страданий тебе не принесет. Если же это сделала ты, *то тебе должно быть очень тяжело теперь: так тяжело, что более тяжелого для тебя не может быть в этой жизни*».

«Ох, как тяжело мне теперь: будто кто камнем сердце надавил!» — воскликнула, зарыдав, вдова, и чистосердечно призналась Льву Николаевичу, как она задушила своего ребенка и как бросила его в воду.

Оттого он и был так задумчив» (Сергеевко, цитированная книга).

Тут, господа, миллион вопросов. Разберемся в пяти-шести. Прежде всего, я думаю, Льву Николаевичу, да и его прекрасной дочери, затревожившейся о *косой* бабе, многие грехи, и даже церковные, простятся

за этот вечер, молчаливое направление шагов к бабе и за этот изумительный по глубине вопрос ей. Поистине, нужно было в огромное сердце писателя переложить сердчишко бабы, чтобы подслушать *так* его трепет. Это — один вопрос. Другой: ну, почему бы так не поступить священнику? Но таких рассказов о священниках не рассказано, ни об одном, ни за какие долгие века, а в «задумчивости Льва Николаевича», я думаю, и промелькнул этот же вопрос, среди серии, среди миллиона других: «Да почему же *не они*, а вот моя дочь, барышня неопытная тревожится? Ей больно, *мне* больно: — только *священнику* не больно». Уверен, что печальнейший эпизод расхождения Толстого с церковью имеет мотивом в себе вот такие безмолвные и многочисленные наблюдения, что очень как-то неболящие нервы у духовенства; мимо всего-то они проходят холодно. Теперь оставляю эту рубрику вопросов Толстого и перехожу к собственным. Хорошо проф. Налимов говорил о *влюблении*. Великий, он говорил, факт, мировой факт, где-то в звездах завитый, оттуда сходящий на землю. Но представьте, что испытать мировое это чувство влекутся все, текущие от Евы, «яко та есть мать жизни»; и все же покорны слову Божию, сотворяющему, переделывающему по Своему человека: «и к мужу *влечение* твое (женщины), и он будет господствовать над тобой». Сейчас эти слова церковь объясняет как относящиеся только к *законному мужу и после венчания*; но ведь тогда Бог бы сказал Еве: «Вот, Ева,— ты согрешила; и когда через пять тысяч лет будет венчание, тогда законные жены будут иметь влечение к законным мужьям, а законные мужья будут над ними господствовать». Вообще, господа богословы вечно как бы укоряют Бога в *неточности слов*, ибо подставляют взамен натурального смысла их какой-то невероятный, и это без всякой оговорки, без смущения и грусти. Точно Бога нет, а они одни в пустом мире за Него разговаривают. Ясно, что Бог сказал о *существовании* твари женской в отношении мужской, а не о православных законных женах. И вот эта косая солдатка только оказалась бессильна против воли Божией, хотя гипнотизированная стыдом перед рождением, долго-долго, верно, ей противилась. Но слово Божие мимо не идет и клонит дубы, а не то что трость. Прав о. Налимов, а к мысли его о всемирном влюблении я прибавлю свою скорбь о косом глазе вдовы. Ну что ей было делать с косым глазом? Никому она не нравилась, и годы ее, верно, были не молодые, и при словах: «Возьми меня невестою»,— верно, всякий бы засмеялся. Но, господа, но, христиане, тут ее бедность, и неужели у бедного мы снимем и последнюю рубаху? Богатства ей никто не дал, и никто бы ради ее потребности в любви не принял бы на себя тяжеловесных и длительных обязательств. «Тогда воздержись»,— скажет о. Дернов. И воздержалась бы, но Божий глагол: «И он (мужчина) будет господствовать над тобой»,— давит на нее сильнее о. Дернова. Вот где коллизия, что Дернова требование встало в упор против Господнего и Господне одолело. А я приведу и пример: можно ли сказать, что Моисей вписывал в книги свои рассказы так себе, какие

попадутся, а не такие, которые служат каждый раскрытием огромной мировой истины? Богословы наши ведь совершенно отвергают боговдохновенность всего Ветхого Завета, признавая его тоже, как и брак, только концами губок, а не бурей сердца. И так для чего, для какой надобности Моисей включил в книгу Бытия рассказ об *удинении* Лота, *отсутствии* людей кругом его жилища и печальном слове дочерей его — одной к другой: «Нам уже не от кого зачать детей по обычаю всей земли». В еврейском тексте звучит выразительней: «По закону всей земли». И вот, как сомнамбула через страшную пропасть идет по узенькой дощечке, чтобы совершить что-то, указанное ей луною и каким-то «тем светом», для нас *закрытым* — ей *открытым*, так две дочери Лота одна за другой приходят к чудовищному поступку, чтобы исполнить «закон земли», а в сущности — еще в раю данную заповедь Адаму и в нем всему роду человеческому. Но слушайте дальше рассказ Моисея, и вы извлечете урок для нашего времени: одна за другою дочери *объявляют громко*, от кого они зачали. Какой урок, какое предвидение грядущих судеб! Да ведь начать сокрывать, от кого и как произошло зачатие, — значит прямо ступить на первую ступеньку той лестницы, последняя ступень которой, наверное, обогрится детской кровью.

Теперь возвращаюсь к случаю Толстого. Он совершенно аналогичен рассказанному мною прошлый раз эпизоду с Повало-Швейковским. Там расторгнуто уже бывшее; здесь есть попытка *помешать неодолимому*. В обоих случаях идет борьба против рождения, *post factum* и *ante factum*. В сущности одно и то же в обоих случаях; только там дело дошло до государя и митрополита, а здесь выразилось обыкновеннее, но зато как повседневно и повсюду: именно что вот барышня Толстая и он сам, еретик, смутились в сердце своем, заволновались, а местный приходский священник остался на месте. *Священнику всего менее есть дела до рождения* — вот коренной факт, который я здесь всесторонне выясняю, хотя, вот видите ли «брак есть» *специальное* их «таинство». Теперь я анализ продолжу вперед. Около имени Толстого или где в другом месте совершилось такое же, как пишет Сергеенко, «потрясающее событие»: в дровяном сарае, в пруду, на чердаке, на улице в морозный день нашли мертвого ребенка. Книгу Сергеенко, вероятно, множество духовных лиц прочли, и вот я задумался над рассказанным фактом, а они — едва ли. Их все смущает, видите ли, — «не штундист ли Толстой?». Это, конечно, «язва в пяту церкви», а мертвый ребенок оказался «язвой в пяту Толстого», а для церкви — это даже и не заноза; не заноза в бытии христианского мира, штундизмом колеблемого, а детоубийством не колеблемого. Тут-то и пункт моих размышлений: в определении степеней *важного и малозначительного* болящего в сердце и *едва щекочущего*. Итак, найден мертвый ребенок в каком-нибудь приходе, ну, напр., одного из здесь присутствующих священников. Может быть, на будущий год *другой труп будет* найден. Может быть и даже вероятно. Приведенный в смятение, как Толстой или его дочь, священник, верховодитель

брака и *всех его составных частей*, не должен ли был бы войти на кафедру церковную и вместо обычного поучения, что по воскресеньям надо ходить в церковь, а в посты не употреблять молока, сказал бы: «что вы так мятетесь, дочери Евы? Стыдно, грех, упрекаю вас, обязан по должности, но вот слушайте. Слушайте, члены собрания. Стыд этот и грех гораздо легче, чем вы ощущаете, это стыд и грех только по щиколотки, ну по пояс, но не по горло, не до макушки, чтобы залить водой младенца, удавить его. Постыдившись маленько, придите ко мне на исповедь, отпущу я такой грех, а она пусть себе растит ребеночка на радость людям и во славу Божию. А вы, родители, которые станете мучить дочерей своих до глубины детоубийства,— тем я причастия не дам. Ибо отречься от дитяти своего в несчастье (девушка — рожевица) — это хуже каинова окаянства».

Я боюсь, что слушатели недостаточно уловили суть моей мысли. Теперь стыд рождения вне венчания доходит до горла, до удушения детей. Так, это все знают. Теперь, чтобы дети не убивались, надо этот стыд понизить, разъяснить, оговорить, сделать ссылки на Лота и на слова: «Муж будет *господствовать* над тобою», надо надеть узду (скажу жесткое слово) на бесчеловечных родителей, выгоняющих таких дочерей прямо на улицу, на мороз, без хлеба, помощи. Позвольте — вот аналогия. За стенами нашего собрания стоит человек, и *мы наверное знаем, что он удавится*, если мы не покончим наше собрание в 11 вместо 12 часов. Так мы непременно все выбежим отсюда в 11 часов, дабы предупредить совершенно бессмысленное и нас нимало не касающееся, однако же роковое для жизни маньяка его решение. «Кровь его да не будет на руках наших», — возопим мы и разбежимся, радуясь, что спасли жизнь человеку, хоть и прервали интересные прения. Совершенно в подобном положении и церковь. Достаточно ей сказать:

— Стыдитесь меньше!

И детоубийства не будет. Но она все века говорила, хорошо зная, что дело уже и без того дошло до детоубийства: «Вы *мало* стыдитесь! вы — бесстыдницы! Стыдитесь *больше!*..» И этим тысячелетним напором мнения произвела детоубийства. Ведь есть коллективный гипноз, как есть и индивидуальный.

Стыд этот столь велик и неотразим и именно *религиозен*, а не политичен, что не было даже монарха, монархини, который объявил бы о своем ребенке, вне венчания рожденном. А Моисей примером Лота указал: «Всегда *надо* это *объявить*». Церковь всего этого круга идей не сообразила. Она не приняла бездны слов о рождении в Св. Писании. Она помнит только власть, авторитет. Я сказал уже, что брак церковный в отличие от *мирового*, от всемирной его концепции,— ни детей, ни супружества, ни любви, да и вообще *ничего* в себе не заключает; есть *fata morgana*, издали манящее обманчивое изображение, *подобие*. Полная мысль брака, конечно, включает в себе *сбережение* всех детей и всего человеческого семени, о котором сказано, что оно «сотрет главу змия».

Кстати, об истолковании Писания. «И семя жены сотрет главу змия» (Бытие. IV). Слова эти ухитрились истолковать в мессианском смысле, в то же время оставляя догматом церкви учение, что Мессия родился от девы, *virgo, puella do, во время и после рождения*. Опять поправка точных слов Божиих, будто Бог косноязычен и не сумел, ожидая корректур богословов, обозначить точно: «И вражду положу между тобою (змием) и Евою, и от семени ее изойдет *Дева*, которая сотрет главу тебе», или: «*рожденный от Девы* некогда сотрет главу тебе». Конечно, *до грехопадения* давший заповедь заповедь кагордия — изрек тот общий «закон земле», что чадородием будет «стираться глава змия», ибо с грехом пришла смертность на человека, но через рождение это новое его качество остается только личною бедностью, но сохраняется общее Адамово или всего рода человеческого бессмертие. Страдание *мое* — останется, но страдание *нас* исчезнет. И человечество, как *corpus universalis*¹ — бессмертно и *безгрешно*. Болезнь при родах опять объясняется: женщина в секунду родов имеет в себе две жизни, удвоенную жизнь, как бы квадрат ее. «Уязвление в пяту» Евы змием и сказывается в родовых муках: дьявол как бы старается вырвать эту *победу над ним*, или, как в Апокалипсисе сказано: «Дракон пускает воду вослед жене». Болезнь есть отмщение дьявола за позор свой, поражение — и церковь, конечно, должна бы каждой роженице и каждому новорожденному воздать хвалу как моменту победы в вековой борьбе с дьяволом. Ведь не отвергает же церковь, что грех и дьявол принесли *смерть* именно, смертность; и что эта смертность человеческого рода встречает препятствие себе, да и прямо разрушение себя, в рождаемости. «Смерть, где твое жало?» — может воскликнуть роженица, поднимая на руках младенца и испуская дух сама. Рождение — свято, даже святейший на земле акт, как вечная победа над первородным грехом. И вот тут-то, в определении своего отношения к рождению, церковь и запуталась. Ей надо было всячески и безмерно поощрять рождение — в храмовой живописи, литургических песнопениях, в мудром законодательстве — роскошном, белом, с сосцами для питания не то что человеческих младенцев, но, кажется, всякой былинки. Ей бы ввести *национальные* праздники *древонасаждений*, *цветополизов*; ввести как абсолютную подробность брака не «обыск» и «метрики», а дачу юным бракосочетавшимся по паре домашних животных, в подмогу жизни и пример плодородия: как и животные *естественно* окружили Вифлеем, прообраз и *мечту* всякой молодой, идеальной семьи. С животными, около животных — всегда *мягче* люди. Если бы церковь, через несчастные семинарии и академии, через их схоластику, монашеский дух и книжность, не заперла на ключ от учеников своих первую заповедь человеку: верю я, что и без моих подсказываний и настояний юные священники отерли бы слезы рождающим девушкам, пугнули бы жестокость родителей их, прижали бы

¹ единое целое (лат.).

к груди младенцев их. Это — они, а не Гете рассказали бы судьбу Гретхен и Фауста. Они приняли бы на любящее лоно свое и косую вдову, о которой повествует Сергеенко, согрев ее, поцеловав ее братским целованием и прямо, как говорю я, помазав елеем перси ее для питания якобы «приблудного», а в сущности утроенно законного (трудность исполнения заповеди) и усиленно священного ребенка. Трудно (скорбно) было дочерям Лота; зато от двух (только) зачатий изведены были (Богом? конечно! — ибо *происхождение*-то племен уже, конечно, есть воля Божия) два отдельных и самостоятельных народа с исторической судьбой (амаликитяне и моавитяне). Трудно копание — хорош жемчуг. Не гневайтесь на настойчивость мою: право же, из двух крайностей больше правды в этой, чем в утопленном ребенке и ее грустных-грустных словах.

— «Ох, как тяжело мне. Будто кто камнем сердце надавил!»

Но философ может сказать больше, чем солдатка. Эта каменная тяжесть, если мы совестливы, — должна распределяться по всему христианскому миру и придавить каждое наше сердце шепоткой смертной земли. Да это и есть, хоть мы довольно бессовестны и похожи на наше собрание, которое и узнав, что в 12 часов за стеной его кто-то повесится, сказал бы: «Пусть вешается, а мы здесь интересно поговорим».

Христианские сердца суть меланхолические, и это Бог насыпает их смертною землицею, раздробляя в нее камни единичных тоскливых детоубийств и целый горный хребет давнишнего, «дедовского», по «заветам старинки», массивного у нас детоубийства во всех его необозримых формах. Теперь, хотя мне и совестно утомлять вас еще на пять минут, прошу вас выслушать, как в самом христианстве, *на почве верности именно его духу*, начинаются вдруг *колебания его самого*.

Всем известна легенда, как в старом Новгороде один обыватель, соскучившись кормить старую слепую лошадь, выгнал ее на улицу; и как, думая найти клоч соломы, она ухватила зубами за веревку вечевое колокола и дернула ее. Зазвонил колокол. Собрался народ. Увидел лошадь и пожалел ее и приговорил хозяина ее кормить ее за работу до смерти.

Теперь, слушатели и братья, забудем нашу залу, электрический свет, как бы зажмурим глаза и пойдем за голосом сердца по темной земле, прислушиваясь, что на ней делается. Вот входим в дом Повало-Швейковского, которому только что вышла бумага — расходиться с женой и пятью детьми. Приговор церкви, голос христианства; и даже со ссылкой на непосредственные слова Христа: «Кто не оставит мать, отца, *детей ради Меня* — несть Меня достоин». Текст, во всяком случае, также авторитетный, как и «любите друг друга»; а главное — уже бывший авторитетным для церкви две тысячи лет и которой было весьма трудно, имея его перед глазами, уцепиться за ноги гибнущих детей и начать их отстаивать с тем упорством, которое я рекомендовал, опираясь, конечно, на Ветхий, а не на Новый Завет. «Апостолы нам

ваших тенденций не проповедовали; там — *о вере*, а — не *о детях, женах и отцах*. Христианство — *безженно, бесплотно, бессемянно*. Это — *самая сущность* его, что оно бессемянно! без этого не было бы новой эры, начала другого летосчисления: ибо новый Бог и другие идеалы. И там церкви, духовенству просто нет дела до вас, до Повало-Швейковского и косой вдовы; нам и которые были до нас, «отцам» нашей церкви, «учителям» нашим, коих *строгие* лики в киотах вам не нравятся, а мы молимся на них, как они молились апостолам, а апостолы Христу. Наш круг замкнут. Вам не войти в него. Круг наш целостен. И вашей ли силе одолеть его?»

Дети у Повало-Швейковского еще маленькие. Как-то я наблюдал сцену: бонна, чтобы пригрозить непроказничавшим детям, сказала сурово за столом, что она просит расчета и уйдет, а к детям пусть возьмут другую бонну, которая будет давать им шлепки. Все детские лица мигом изменились, заговорив разными глазами разное. Однако все были испуганы и опечалены, а одно, ухватившись за платье бонны, горько-горько заплакало. И столько было в любви этой — детской красоты, что, право, можно, увидев один такой эпизод, научиться многому. Увы, такие эпизоды, ежедневные в семейном дому, просто невидимы, неосозаемы и неизвестны аскетам; и если вышло распоряжение о Повало-Швейковских, то ведь нельзя же забывать, что оно вышло от людей, для которых «расторжение брака» приблизительно так же отвлеченно, бесстрастно и бескровно, как для нас всех извлечение квадратного корня. Но только оговоримся: это принципиально; отвлеченно оно для них — *по воспитанию*, а уже воспитание — *от отцов, учителей* и т. д. до *фундамента*. Греха *личного* тут нет, и мы исследуем *изъян, пропасть, небытие* в церкви. Но вот этот квадратный корень извлечен, и мы входим или в окно подсматриваем семью Повало-Швейковского. Также в этот вечер она чувствует необходимость покориться приговору церковному, как в другую темную ночь косая баба неодолимо чувствовала, что ей невозможно «посмотреть прямо в глаза свету» с ребенком на руках от деревенского паренька.

«Милая фрейлен, не уходите, мы исправимся», — молили дети. «Папа и мама, не уходите же: мы исправимся», — говорят у Повало-Швейковских ничего не понимающие дети, видя только, что куда-то родители собрались от них, собрались... наза́втра покинуть их!! Нет покаяния. Тут мы только мимоходом упомянем об огромном вопросе еще — чистосердечия, в другом таинстве — в покаянии. Ведь Повало-Швейковские — и отец, и мать — верно, покаялись на исповеди священнику, что вот «состояв», положим, «в таком-то свойстве — пожелались»; и священник им *отпустил грех*. Вспомним, что даже Давида и Вирсавию *не разлучил*, не приказал им *разойтись* пророк Нафан; пример решающий для определения незаконности всех и всяких расторжений брака. Но Библия, как я всюду оговаривался, нами вовсе забыта. Повало-Швейковские покаялись, и священник им *отпустил вину*, и без сомнения *именем и властью*

церкви, как ее член и *выразитель*. Но странно: это *прощение и снятие* вины в уголке не совпадает с прощением вслух и, так сказать, *ecclesiae universalis*¹. Тут то же, что в браке: одно — в укомной молитве, и совершенно другое — вслух. *Ecclesia universalis* Повало-Швейковских, мужа и жену, оказывается вовсе не простила, как это сделал священник во время исповеди; она их судит, рассудила, вынесла страшный для детей и родителей приговор: и детский вопль отскакивает от стены церковной: приблизительно как резонанс подобного же крика, конечно, отскочил бы от черной колоды эшафота, на котором расправляются с «папашей». Вернемся же к родителям, о которых так хорошо говорил о. Налимов, что они в случае настоящего брака должны «обождать» и даже, наконец, несколько «обожить» друг друга. Повало-Швейковские, дошедшие до царя, очевидно, были именно таковы. Мы приведем и разъяснение. Пять детей живы, один умер, другого же едва выхватили из смерти. Какие тревоги. И печальные хождения родителей на могилу уже умершего. Печальные воспоминания бывших и оборвавшихся надежд около его маленькой постельки. Но квадратный корень извлекается. И вот городской секретарь, открывая ненароком Библию, наталкивается на слова «раба Божия Моисея», как называется законодатель в Апокалипсисе, и читает его слова к Богу, грозящему истребить всех израильтян, обещавших перед золотым тельцом, оставив одного Моисея из от него обещаая произвести новый народ себе. Моисей не сказал, угодливо сливаясь с решением Божиим: «да, Боже, они оскорбили Тебя отступничеством: поступи с ними по вине их, а из меня изведи новый народ».

Чувствуете ли вы, братья и христиане, что скажи так Моисей,— и он вмиг провалился бы и с законодательством, и с богоугодностью своей, как булыжник в пропасть. Но Моисей был Моисей. Только что видел «лицом к лицу» (выражение Библии) Бога, он начал *уклоняться от Него, отступить от Него*: «Господи, если ты хочешь уничтожить народ мой, то *изжени также и меня с ним из книги живота*».

Повало-Швейковский — как обжегся бы этим словом! Самый «случай», что ему открылись бы при чтении Библии именно эти строки, показался бы ему по-русскому, да, пожалуй, и мировому суеверию знаменательным, providенциальным. «Рука Божия указывает, *что делать?*» Позвольте, ведь и Ньютон много раз видел падающие яблоки, но *задумался особенным образом* над этим падением один раз, и с большим результатом. Не так же ли бы получил повод совсем *новым оком* посмотреть на этот, нам всем знакомый текст, и Повало-Швейковский? Отказ Моисея, во-1-х от пророчества своего, во-2-х от законодательства своего, во-3-х от самого боговидения *ради рода своего, родных себе, народа своего* — для Повало-Швейковского переводится в бурный *протест* и *отказ* в повиновении Церкви; также ради близких своих, родных себе,

¹ единая церковь (лат.).

пусть и виновных, однако же *менее, чем пляска перед золотым тельцом*. Правда в зерне и солнце — одна; церковь, почувствовав, что падает от толчка маленького, ею задавленного человечка, обернулась бы и нашла за собою Христа: «Вот — Он сказал, что надо оставить отца и мать и детей». Но и Повало-Швейковский, чтобы не быть окончательно раздавленным, сказал бы: «Что, что Христос; Он возрадуется, если я отрекнусь от Него, ради рода своего: как и Отец Его — когда Моисей отрекся от Него ради своего рода. Ибо Отец и Сын ведь одно — единомышленны и единозаконодательны?» Мы заметили, что едва Моисей ответил бы Богу: «Хорошо, истреби народ грешный, а меня праведного оставь», — так он и провалился бы с высоты Синая в выгребную яму Плюшкина и разбит был бы самим Богом о камень, на котором только что стоял телец. А Повало-Швейковский, нам думается, едва послушавшись церкви, на самом деле женился бы на другой, а жена его вышла бы за другого, и оба они забыли бы про своих прежних детей и начали думать о новых, — как и потряс бы основные аксиомы нравственности, уж не знаю, «христианской» ли, мировой ли, но как-то теплой человечеству, без которых человечеству было бы страшно жить, нельзя бы прожить; ей-ей — не стоило бы жить! Христианство ли несовместимо с нравственностью? Выходит; вот вышло! Церковь ли против любви? Да, да: ведь вышло же, конкретно, наглядно! Христос ли повелел покидать сырых, страдающих, немощных, «не умеющих назвать правой и левой руки» (дети Повало-Швейковского)? Но именно на заповеди Его церковь и основала свое решение. И, главное, — все это *было, уже совершилось*. Повало-Швейковские разошлись. Было, бывшая история: и ведь нельзя же выкопать из земли убитых и сказать: «Оживите». Может быть, церковь скажет? Христос скажет? Ну, пусть скажут: но чтобы реально, сейчас, Ваня Повало-Швейковский, Лиза Повало-Швейковская, и еще пятеро, и отец, и мать. И пережили бы вторично и радостно и беззаботно, «как птички», грустную свою биографию. Успокойтесь: никто и ничего им не скажет. Не беспокоятся. Ведь не было же до сих пор беспокойства, ни вопроса, ни недоумения. «И дам тебе *всю славу мира*, если, падши, — поклонись мне». В «Чтениях о богочеловечестве» Влад. Соловьева как-то мешаются, заслоняя друг друга и как бы «воплощаясь» друг в друге, Христос и человечество: и вот не могу же я не вспомнить, или мог бы вспомнить Повало-Швейковский, что «слава мира» за что-то в *самом деле* легла у ног церкви и уж конечно у «Главы ее» и одела сверкающею красотою, неслыханным дотоле величием плечи ее, рамена ее, руки ее, чело ее: и висоны, и шелк, и золото, и камни в венцах, скипетрах, и поклонение мудрости, королей, поэтов. Как даже и не зрелось этого никогда от создания мира. «У тебя — все, у меня — ничего, — думает Повало-Швейковский, — только куча детей да их прокормление. Мать святая Церковь: столько царств в деснице твоей: зачем тебе и мы, семеро, с нашей убогой верой, убогими думами, безвидной судьбой. Тебе поклоняются короли, а наше поклонение — для чего тебе

оно? Соломина на возу. Позволь нам лучше, раз уже нельзя *быть* в тебе и *не слушаться* тебя, т. е. принципиально нельзя, в вековечной истине всякого пребывания в чем-нибудь и согласия с этим, в чем пребываешь — оставить притворы твои, чертоги твои, ризы, богатство, власть, славу. Вне тебя, под звездами, солнцем, небом, дождем, вьюгами — «стихиями», которые почитал в младенчестве своем человек, — мы не разорванные, и не уничтоженные, и не израненные дети и родители, ласкаемся, любим, одно, целое. В тебе этого нельзя: останься с богатством твоим и оставь нас с бедностью нашею».

Вся паутина христианства разрывается, все золотые ее слова, за которыми бежит толпа вот уже 2000 лет, как голодные овцы за кормом, — обнаруживают мифичность свою. Проверку, на *единичном случае, реализма* этих золотых слов я и сравниваю как бы с открытием закона тяготения по единичному падению яблока на землю.

Но мне хочется конкретнее, кровнее и личнее дать почувствовать силу вопроса присутствующим здесь духовным лицам.

1. Прежде всего, я спрошу их: должен ли Повало-Швейковский в самом деле: а) бросить детей и жену и б) почувствовав себя свободным, жениться на другой? Т. е. серьезно поверить определению церкви о недействительности своего брака и исполнить ее приказания? Прошу ответить присутствующих здесь священников простым и кратким «да» или «нет», вспомнив Моисея, а с другой стороны, помня глагол учителя церкви Григория Богослова, молившегося так: «*Да разрушит Бог всякий супружеский союз, не скрепленный благословением церкви*». Ведь, конечно, после выхода решения Синода «благословение» церкви снималось с брака Повало-Швейковского; и, следовательно, Григорий Богослов прямо молился о разрушении этой семьи.

Думаю, что духовенство скажет: «Нет, не должен был послушаться. Оставлять жену и детей, плачущих, слабых, любящих и любимых, — это беззаконие». Если же они беззаконием этого не назовут, не ответят «да», то я, — да, надеюсь, и все собрание наше, — *нравственно* разойдемся с духовенством и станем на сторону Повало-Швейковского, кивнув речи его, в которой он отрекается от церкви, предпочитая остаться с детьми. Мы ему кивнем, да и весь мир ему кивнет, т. е. отречется же от церкви. Это-то и важно; тут-то и начало «Ньютонова закона» в христианстве, что уже не идейно, не философски, не на почве вольномыслия и либерализма, но на почве семейного чувства, во-первых, а во-вторых, сострадания к слабым, т. е. именно сердечно и нравственно обыкновенные люди, но все и согласно начнут расходиться с духовенством — выразителем церкви и церковью — выразителем христианства. Простые люди окажутся любящими сирот, а духовенство и церковь — не любящими.

Если бы спросить Синод того времени, как же он постановил такое решение, которое нравственным своим уровнем стоит не выше, а ниже обыкновенного человеческого суждения, не погрешает ли он тут лично, то, подумав кратко, он ответил бы *in pleno*.

2. «Ничуть. Христианство может давать необыкновенные, страшные на вид решения, ибо оно и определено как «юрродство миру», как «иудеям соблазн, а эллинам безумие». Поэтому кажущееся страшным в христианстве еще не есть неистинное в его собственных и особенных принципах. Что же касается до случая Повало-Швейковского и о несострадании к нему, то мы имеем прямое слово Божие, также пунктуально его покрывающее, как и слово Моисея: «*Если кто не возненавидит отца своего и мать свою, и детей своих, тот не может быть моим учеником*». Повало-Швейковскому остается выбрать: или остаться с церковью, послушав ее, или быть выброшенным из церкви, отказавшись от послушания. В первом случае он будет спасен в жизни здешней и будущей, в последнем случае он будет осужден в жизни земной и небесной».

Но вот тут-то и начинается буря: *жестокостью* ли мы спасаемся? *Холодностью* ли сердца снискивается царство небесное? И вообще *оставлением* ли человека, да еще невинного, пусть и грешного, пусть и слабого? Вопрос открыт; пусть г. Новоселов, сладко глаголавший нам, как он «*спасается*», погруженный в думы над тарелкою супа, пусть он, оставив субъективные мечтания, оглянется на действительность, не на жизнь души, такой ненаглядной, а на жизнь других людей, и поведает нам вторично здесь о так называемом «пути христианского спасения». Одно яблоко,— пусть только один Повало-Швейковский,— докатилось до черты этого круга «христианского спасения» и остановилось на черте его: «не могу переступить ее! нет сил! страшно, холодно!!»

Дверь открыта. Пусть всходят на кафедру и обсуждают эту тему другие, не выпуская из виду, что ведь религия — *универс*, что она — *абсолют* и что если в мире хотя есть *один случай*, когда человек *по нравственным мотивам* не может войти в такой-то круг религиозного спасения, то; значит, круг этот вообще *не универсален и не абсолютен*, т. е. что он просто не *религиозен*; или, возводя к философским понятиям, *феноменален*, а не ноуменален; *не божествен*, а представляет только историческое явление.

Помните аналогию: электричество раньше знали только в маленьких кусочках янтаря, а потом оно оказалось разлитым во всем мире. Яблоко мало, но его роняет на землю планетное тяготение. Истина не допускает из себя исключений, и вот отчего случай Повало-Швейковского не «случай», но начало *подозрений*, но начало *исследований* корневых, бесконечных, внимательных и многолетних. Заметьте, что ведь и ереси казнили, потому что они были «ересью», т. е. что-то «худое»; и Повало-Швейковский погиб, ибо и он оказался как бы «еретиком в браке», «еретичествующим в рождении», т. е. что он погиб *не случайно*, а принципиально же. А, признав истину в его гибели, отдаленно мы признаем и принципиальную истину в гибели еретиков. Мы загремим еще тихо, но великими громами. Мы пойдем древние грома, поверьте, звучавшие не в худшее время, чем наше, не в менее религиозное. Подозревайте,

господа, исследуйте, господу. Тут начало, так сказать, «конических сечений в христианстве», тогда как мы прежде занимались лишь прямою и кругом, слишком простыми и ясными истинами. Я желал бы, чтобы на тему эту сказал свое слово г. Меньшиков, исходящий из сладкой, но, я думаю, детской тезы: «христианство есть любовь». «Христос заповедал нам любовь». Нет. Он заповедал и другое многое, и Евангелие не насчитывало бы в себе все же сотни страниц, если бы оно укладывалось в эту одну строчку; что-то и другое, кроме «любите ближних своих», надо было *утвердить* Христу. Конечно, сладко плыть в розовом сиропе веры: «Евреи были *злы* до Христа и при Христе; Он им заповедал *любовь*; тогда они до того остервенелись на Него, что убили Его, с какого времени и произошло разделение на христиан, которые любят друг друга, и на евреев, еретиков и язычников, которые друг друга ненавидят».

ОБ АДОГМАТИЗМЕ ХРИСТИАНСТВА

Есть догматы, и мы о них спорили, допуская или не допуская их приращение. Но есть еще *догматизм* как такое устройство ума, связанное с надеждами сердца, из которого произрастают самые догматы, как из вдохновения произрастает поэзия. Вот об этом-то вдохновении церкви от IV и приблизительно до VII века, когда было построено догматическое христианство, я и хочу здесь говорить.

Евангелие нечто утратило бы в себе, и утратило бы *существенное*, в чем и открылся людям его небесный характер, если бы исключили из него те несколько слов Спасителя, где Он начертал целостный образ угодного Ему человека, дал фигуру ученика своего, «*верного*» Своего: «Взгляните на лилии полевые: они не имеют одежд, но истинно говорю вам, что и Соломон не был прекраснее их в убранствах своих; взгляните на птиц небесных, которые не сеют, не жнут, и Отец Небесный питает их». В 33 года жизни Спасителя воздушные облачные сферы как бы свились над землею и небо и земля коснулись друг друга осязательно, непосредственно. Но не удовлетворялся человек этим. Ему захотелось «одежд». Он вознамерился стать несравненно красивее этих евангельских лилий, рыбаков Петра и Андрея, Нафанаила и Иоанна; и вот, как Адам, не послушавший Господа начал шить себе одежды, так, не послушавшись предостережения Спасителя о лилиях и птицах, христиане начали шить полотноща догматов между IV и VII веками. На место Галилейских рыбаков выступили так называемые «учители церквей»: Петр и Андрей сменились Оригеном и Климентами. Ни один из представителей церкви не отвергает, что за *золотым* веком христианства наступил, по крайней мере, *серебряный*, а я думаю и меньше, хуже.

Растительное христианство начало преобращаться в *каменное*, по-видимому, *более твердое*, но не *живое*. Свеаборг хорош, не спорю, но финский художник не срисует с него картин, ни птица гнезда не сошьет в нем и не выведет детенышей. Работу *догматическую* над своим устройством я называю *саморазрушением* христианства и проистекшим из какого-то не то отчаяния о Боге, не то из простого уличного легкомыслия. На базарах Византии торговки и торговцы заспорили об «единосущии» или «единокачественности» Отца и Сына. К чему? Я думаю, это

было уличное легкомыслие. Но когда эти же споры внеслись под своды Императорских дворцов и в них приняли участие так называемые «учители церкви», я не могу назвать это иначе, как отчаянием о Боге. В словах проф. Лепорского о догмате я нахожу признание ненужности вообще догмата. Во-первых, он сказал, что догмат «непостижим», во-вторых, он сказал, что догмат «уже содержится в Евангелии». Позвольте, что же это такое, зачем же великолепное слово Евангелия переделывать в сравнительно гнилое слово догматики? Ибо, кажется, весь мир признал, что чудеснее Евангелия, во-первых, по простоте и, во-вторых, по мудрости не появлялось ничего. Из слов профессора догматики Лепорского я заключаю, что вселенские соборы занимались гнилым делом переделки простого в непростое и мудрого, может быть, в не очень мудрое. Лилию полевую, с цветочками, с листочками, срезали, размочили в воде плохого красноречия и ссучили из нее веревку, на которой можно только удавиться. Я говорю, тут прошло отчаяние о Боге и легкомыслие относительно Евангелия. Возьмите «учение о Троице». В Евангелии это — чудные речи Спасителя об Отце Небесном, и речи Самого Отца Небесного. И в виде голубя Дух Св. сходит на крестящегося Спасителя. Все — картина. Все — умиление. И вот умиленные земные травы склоняются перед Небесной Лилией, в простоте грядущей на ослице: «Осанна Сыну Давидову: благословен Грядый во имя Господне». Я говорю, небо и земля касались осязательно. Теперь, что же сделано было потом, по кафедре догматического богословия, так сказать, «в снедь» проф. Лепорскому? Из всего этого человеческого умиления, и слез, и картин, из неясного и бесконечного богатства евангельских слов выстрогали логическим рубанком доску: «Бог есть Дух, поклоняемый во Св. Троице». Да, позвольте, для чего мне это знать «как догмат», когда я это читаю в Евангелии: но там я это читаю в богатстве таких подробностей, в таких тенях и полутенях, в звуках такой нежности Сына к Отцу, такой живой и органической между ними связи, от которой в доскообразном «догмате» ничего не сохранилось. Ведь это все равно что вместо Пушкина читать какое-то рассуждение Скабичевского о Пушкине; одно и то же, но только хуже в нищенском безобразии. Иногда поднимается вопрос или слышатся намеки на какую-то реформу Церкви: нет для этого более надежного и краткого средства, как закрыть в академиях и семинариях все кафедры догматического богословия и канонического права, а книги по наукам этим поместить в список неразрешенных к чтению. Это значит сразу закрыть для публики сотни Скабичевских и открыть ей Пушкина; в отношении к христианству — это значит начать вдыхать «душу живу» в красную глину, из которой слеплен, ожил было и снова умер «во грехах» Адам христианства.

Во вселенских соборах, их догматизировании, их применении логического начала к нежному и неизъяснимому евангельскому изложению и превзошло смертное начало, «неодушевленная глина» к юному телу

первозданного христианства. Как было не поразиться тем, что сам Спаситель, за исключением минуты в храме наедине с грешницей, ни разу не взял пера и не написал ни одного слова. Ведь догмат — нечто каменное, твердое. И ни одного такого каменного, недвижимого догмата Спаситель не оставил людям. «Идите ко Мне, человецы, я научу вас догматическому богословию» — такого слова не сказал Спаситель людям, а если бы такое безобразное слово поместить в Евангелие, то страница с этим словом вдруг потухла бы; перестала бы светить привычным нам небесным смыслом. Поэтому когда проф. Лепорский, заглядывая в коридор академии, говорит: «Студенты, идите, я буду преподавать вам догматическое богословие», то он последует во всяком случае не Спасителю, а скорее всего Скабичевскому.

Итак, Спаситель не дал догмата, самого духа его, этой «таблицы умножения» религиозных истин. Но и вот еще доказательство а-догматизма, так сказать, души христианской. Ведь христианство в глубине его, в чарующих его особенностях создано уже никак не умами от Оригена до Лепорского, труды которых знают только академики, а оно вышло все из народных вздохов, народного умиления к Богу, из таких молитв, как Херувимская, из таких житий преподобных «авв», трогательные примеры которых, например, разбросаны в «Луге духовном» Иоанна Мосха. Жили в пещерах, в кельях, на далеких расстояниях эти «аввы» и изредка перекидывались друг с другом кратким словом, кратким «здравствуй», приветствием, или коротким в три строчки поучением. Эти «аввы» — отшельники — еще продолжение евангельских лилий, так же просты и мудры, а не учены и не велеречивы, как стали последующие Златоусты, Кириллы Александрийские и вообще строители больших томов и библиотечного христианства. Все слово Божие Нового и Ветхого Завета умещается в одном томе, а Кирилл Александрийский один написал гораздо больше Бога. Вся эта вода красноречия, потребовав к себе внимания, углубления в себя, разбора своих мнений и примирения своих противоречий, отвлекла души от вечного и исключительного умиления словом Божиим. Архимандрит Антонин говорит нам: об «экскоммуникативности» христианства; применяя его слова, мы скажем, что Евангелие и так называемые «учители Церкви» экскоммуникативны по отношению друг к другу: в них дух различный, метод не тот, противоположен способ действия на душу, орудия действованиа. И все «свято-отеческое» аевангелично, а все евангельское — асвятоотечественно. Это как Валаам: и «пророчество» — да не то, и горячее слово — но уже не от Бога, а от себя.

Все ереси и самое еретичество и произошло из этого догматизирования, догматизма. Просто нельзя себе представить еретика среди полевых лилий, в их запахе, среди их цветов. Не было ни одного еретика из «авв» Фиваиды. Ересь — городское явление. Это в торговой Александрии, в шумном Константинополе, по Сирийскому торговому побережью, вообще в условиях библиотечности начали появляться еретики, Каждый

из них есть неудавшийся «отец Церкви», «учитель Церкви», или, скорее, скажем так, что еретики суть учителя Церкви, на которых было посмотрено, как на транспарант с ярким освещением позади его, так что все ошибки выступили в яви, тогда как остальные учителя Церкви не получили в свое время освещающей лампы позади и похожи на транспаранты, не вынутые из ящика. Года три назад я взял 6 томов Кирилла Александрийского и начал читать. Это гораздо хуже, чем у Скабичевского: такого неуважения к слову Божию, таких почти каламбуров в отношении к нему цензура бы не пропустила сейчас. Из множества подробностей приведу одну: он занимается вопросом, «Отчего Бог шел перед Израилем в виде *столба* огненного?» И разрешает: «Для того, чтобы знаменовать выражение Апостола Павла о Церкви: *«Церковь есть столб и утверждение истины»*. Это все равно, как если бы спросить: «для чего была война 12-го года?» И ответит: «для того, чтобы на циферблате часов цифра 12 знаменовала середину дня». Несоответствие, разнокатегоричность явления Божия Израилю и простого литературного выражения, словооборота в одном из апостольских писаний — поразительны. Бог явился грамматической фигурой для строки, имевшей быть написанной через 2000 лет. Так можно объяснить, что Иаков в ночь, когда он боролся с Богом, лег на *камень*, дабы пророчесвенно предсказать слова Христа: «Ты Петр, и на сем *камне* воздвигну Церковь Мою». И много таких разъяснений могли бы сделать семинаристы в свободную перемену, но от них удержался бы студент Академии или Университета. Но вот Ария все читали и волновались, позади транспаранта был поставлен свет; Кирилла читали мало, его смутные и неважные мысли никого не волновали, ничего определенного не задевали, и на заглавной странице его трудов пишется: «Иже во святых Отца нашего Кирилла Александрийского творения». Наконец, недавно мне пришлось прочесть несколько статей Афанасия Великого. Да, серьезно все, хорошо, основательно. Но ничего поразительного, трогающего, умиляющего,— все в высшей степени обыкновенно, человечно,— и только неприятна постоянная желчность страниц, чисто логическая воспаленность против Ария, торопливость в наборе текстов против его учения об «единоподобии», а не об «единосущии» Слова и Отца. Наконец — и здесь я закончу,— я прочел у Василия Великого рассуждение о постах: «К великому учреждению поста,— рассуждает он,— начало было положено уже в невинной райской жизни человеков: именно таковым началом было ограничение употребления плодов от древ райских и запрещение вкушать от древа познания добра и зла». И без объяснений слушатели поймут, что это есть не только непонимание, но и неуважение к слову Божию: можно ли древо познания добра и зла и всю его великую мистику сводить к назначению, так сказать, порции еды человеку, к голоду и сытости, в чередовании или борьбе которых, во всяком случае, состоит «великое учреждение поста». Да и забыл Василий Великий при этом слова Евангелия: «Сын человеческий и ест, и пьет, бывает с грешниками, и все же его осуждают,

как и Иоанна Крестителя, который постится». Отцы и учителя Церкви, они же сотворители всего догмата, вместо умиления к Писанию, стали его исследовать, расчленять, анатомировать, расстригать на строчки («тексты») и изъяли весь его аромат и смысл. Это были малологические предшественники Канта и малоученые предшественники Штрауса, но работавшие их приемами мысли и знания. Христианство в них потеряло наивность и сердечность, против чего ни у кого, кроме разбойника, не поднялась бы рука. Дитя беззащитно, но вместе оно и защищено это самою своею беззащитностью и одновременно милосердием; в Отцах Церкви и с построением догмата оно потеряло наивность и прелесть, трогательность и силу привлечения. Оно стало мужиком, превратившись в Свеабург; ну а есть такие пушки, которых ядра и через Свеабург перелетают, и на всякого здорового мужика — найдется еще более здоровый. Началась борьба против Церкви, умственная, умная, ученая; выступили Штраусы, Гарнаки, перед которыми Оригены оказались неучеными мальчиками. Выступил Вольтер и его смех, Ренан и его скептицизм. Ну, поставлю я перед Вольтером младенца: он станет серьезен, нет предмета для шутки; пропою перед Ренаном колыбельную песню — он умилится; прочту Гарнаку вход в Иерусалим — и сухой немец воскликнет с израильтянами: «Благословен Грядый во имя Господне».

Христианство перестало быть умилительно «с догматом», и на него перестали умиляться. Просто — его перестали любить. Вот великий факт, против которого «догматисты» зажгли на западе костры, у нас — срубы, не понимая, что дело не в ереси и не в еретике, а в том, что самими догматистами введен был в христианство главный и первоначальный яд: срыва момента *умиления* и замены его моментом *мнимой убедительности, доказательности*. Право, у меня может быть такой учитель геометрии, что в теореме-то его я убежусь, а затем возьму учебник да и ударю им самого учителя по голове. Бывают всякие несносные люди, даже из самых умных.

Никто не падает на колени за литургией при пении «Верую», да и самое-то пение прозаично. Но когда запоют Херувимскую, — хотя смысл ее никому не изъясним, — все *сами* склоняют колена, главное — *сами*... И счастливы склонить главы. Перед Евангелием все человечество и было счастливо склонить главу. Ведь за что-нибудь умирали же мученики, ведь не по «повелению Бога»: это слишком сухо, да и повеления такого никогда не бывало. Ну вот теперь стоит «догматическое здание» Церкви: Свеабург штурмуется, а люди проходят мимо, одни подсмеиваясь, другие немного жалея, но никто — до муки, до принятия тернового венца за Свеабург. И ведь все чувствуют, что он падает, падает. Жалуют, качают головами, находят опасным это для цивилизации, для народа, для устойчивости правительственной, и вообще по тысяче утилитарных соображений, заметьте — все утилитарных, все именно не небесных. Небесного-то, «херувимской»-то «песни» в церкви и не чувствуется; «души»-то в ней нет, а одно тело. Ну, представьте, на

виду всей цивилизации, народов, человечества, какой-нибудь Полифем до неба поднял бы тысячепудовую дубину против безвинно и доверчиво на него смотрящего младенца: нашлись бы мученики, бросились бы под дубину и своею кровью заплатили бы за счастье выхватить незащитного из опасности. На пожарах и бывает это, бывают чудеса самопожертвования. Отчего же их нет около великого божественного здания Церкви? Мне кажется, Бог есть милое из милого, центр мирового умирления: и вот с потерей Церковью «милого» мне брезжится, что Бог отлетел от нее. Что как только начали догматики «строить» с мыслью, что Христос не сумел Сам защитить свое дело, так Христос невидимо заплакал и отошел от строящих. Свеаборг потому и берется, что ведь он пуст. Он только хитро построен, а Защитника-то и нет, «Помощника и Покровителя» — скажем словом Иоанна Дамаскина.

«Дух веет иде же хошет...» и еще «истинно говорю вам: хула на Сына Человеческого простится вам, но хула на Духа Святого не простится ни в жизни сей, ни в будущей». Кстати, эти слова Спасителя подрывают один из основных догматов: о равенстве лиц Пресвятой Троицы. В каком-то одном отношении, здесь указанном Христом, Дух Святой имеет преимущество перед Сыном Божиим. Вообще — «Троица» вся божественна, но она вовсе не исповедима и, равная в Себе, равна вовсе не арифметическим равенством, как это по-мужицки «умеренно» в догмате, а имеет выпуклости, органическое сцепление, горы и пропасти в себе: словом, Троица — глубь миров, перед которою мал и прост и *не сложен* наш видимый мир. Возвращаюсь к Духу Святому: вот проступком против Него и является *догматизм* как метод. И Дитя-Христос и удалился из нашего Свеаборга не только от того, что мы не поверили слову Его о полевых лилиях: это еще хула на Сына Божия, и за Себя Христос нам простил бы, но мы похулили Дух Святой, «который дышит иде же хошет», задумав дать этому Святому Духу медные латы для защищения. Отсутствие надежды на Бога, да и не ее одной: «веры, надежды и любви» — вот что сказалось в догматизме христианском. Теперь эти три добродетели — только присловие в разговорах. Как и «догмат о Троице», это какой-то арифметический треугольник, из которого не мерцает ни которое, в сущности, Лицо.

Мы угасили дух пророчества в себе. Бытие догмата угасило возможность пророчества. Мы чрезвычайно обеднели даже сравнительно с ветхозаветным еврейством. В Евангелии Троица светится таким особенным, богатым бесконечным светом, что и я, и всякий могли бы еще обратиться к Отцу Небесному в нужном случае жизни, не повторяя слова Иисуса и «не приводя текста», но свое новое творя слово. Ибо Иисус говорил к *Отцу*, но Он не закрыл Отца перед людьми. Я говорю, что слово каждого из нас могло бы быть вдохновенно, и неужели, например, в случае Повало-Швейковского этот человек в защиту детей своих не мог бы воззвать к Отцу Небесному, так сказать, «в силе Или». Но теперь, когда есть «догмат о Троице», безглагольный, без пульса в себе,—

Повало-Швейковскому вовсе даже и не пришел на ум Отец Небесный. Догмат вообще закрыл все три лица Пресвятой Троицы, самого Христа обратив в начетчика, который принес на землю только кучу текстов. Из этих текстов выбрали нужный и припечатали им мокрую петербургскую курицу так, что у нее спина по гроб болела. Вот одно из деяний Свеаборга. Да и все-то так стало. На текстах и на «соборных уложениях» зажгли костры, отняли свободу, заставили повиноваться властям предрождающим, включительно до зверя-помещика и чиновника-казнокрада, ну и дальше в том же роде, все без противоречия догмату, пока не поднялся штурм на целостный Свеаборг, при равнодушии, а частью и при язвительных насмешках проходящих. Пovalился «Дух Святой», догматизм, в латах, как у Александра Невского; как херувим картонный с рождественской елки. Но и неужели в самом деле на земле религия падает, религиозное исчезает, небо закрывается? Слышим слово Спасителя, на этот раз как бы уклончивое и уже издалека раздающееся: «Дух дышит иде же хоцет», и другое, вещее: «Я вам пошлю Утешителя, Духа Истины, который наставит вас всему».

«Вопрос о догмате» поднялся в связи с вопросом о *творчестве* в христианстве. Настаивая и доказывая а-догматичность христианства, я только говорю, что это творчество может быть бесконечно, и как бы отворяю ворота в это творчество. *Но нужно ли оно?* Здесь я должен изменить тон своих слов и, обратившись к слушателям, как братьям по вере, по сердцу, спросить: «Братья, да как же мы можем хотя на минуту удерживаться перед мыслью о творчестве, если признать его в христианстве — значит сейчас усумниться в божественности, в самом *мессианстве его*». Вот это лето вышла книжка, — имя автора забыл, — о мессианских местах прор. Исаии. Покупаю и приношу домой, раскрываю: известные слова, что вот «ляжет овца около льва и волк около ягненка», — «суть несомненные, по автору, слова мессианского характера, указующие на личность Христа, ибо Христос принес на землю эру такого мира». Слова эти как бы заставили меня пасть на пол. Все богословские книги так написаны. Все эти книги суть какая-то красивая сомнамбула. Быть богословом — значит спать и видеть видения. Дело в том, что автор книги на том основании и изъясняет мессианский смысл данного пророчества Исаии, что вся эра наша, т. е. уже фактически, есть эра небывалого до Христа мира на земле, каковой только можно сравнить с лежанием овцы около льва. Тут поразителен тон книги. И не спит автор, ибо ведь писал, но он хуже чем спит. Его невозможно пробудить от догматического сна. Так, в «догматах» написано: «примирил», «искупил», «загладил грехи», и Ориген изъяснил, что овца легла около тигра, и, значит, Мессия пришел. Это связь уравнений, связь слов; в задачах арифметических пишется: «купец купил столько-то сукна, поделил пяти сыновьям и осталось столько-то», хотя все знают, что никакого купца нет и дележа не было. Все для «примера»; вот и догматы построены для какого-то «словесного примера с полным убеждением

самих догматиков, что ничего соответствующего им нет». Написано: «мир на земле», и он говорит — «мир». Указывают на старообрядцев, рассаженных по тюрьмам, на инквизицию, на вырезание перуанцев и инков, он это хорошо знает: «это по кафедре истории церкви, а я читаю догматику: по моей кафедре стоит на земле мир». Ну а в христианстве как? «Кафедра догматики,— отвечает он,— основная, а история церкви — прикладная кафедра, иллюстрирующая. Поэтому на земле вообще должен быть мир и есть мир, не принимая во внимание бывающих исключений». Я здесь вам напоминаю об ученике по геометрии, который, после доказанной ему теоремы, разбивает голову учителю. Положение христианства не только не умиротворено, но оно полно решительного отчаяния, уже не от нападков на него, но от равнодушия к нему: а потому, что внутри его собственных стен сидит несколько Акакиев Акакиевичей, несколько Собакевичей, которые спорят о каких-то мертвых душах и что-то между собою делают.

По моему представлению, исторические судьбы христианства — тайна. Тайна заключается в такой великой иллюзии, выше которой никогда не сознавалось, и в такой отвечающей этому комической действительности, ниже которой, пожалуй, тоже ничего не создавалось. Взять только дивные пророчества мессианские о семени жены, стершем главу Змия, о конечной победе над дьяволом: посмотрите — ведь это небо стелется в слонах и земля вся зацветает в каком-то невыразимом обилии, счастья, красоте, славе. И предстаете, Акакии Акакиевичи нам твердят, что все уже сбылось, патока течет по земле, нет ни пьяницы, режущего ради 3 целковых товарища, «чтобы опохмелиться», ни скопцов с отрезанными органами, ни ежовых рукавиц миссионерства, ни пресловутых «дел» духовных консисторий. Легла овца около тигра, «сбылось»... Да позвольте: не может ли робкое и честное сердце сказать: «не сбылось, ничему не верю. Маленький я человек, и маленькое во мне сердце, но и им я сужу, что на земле Содом и Гоморра, а не мир и искупление и не ягненок около льва, а несколько злобных крыс, пожирающих одна другую в зловонной клетке». Я веду слово к творчеству. Ведь ничего, ничего этому честному маленькому сердцу не ответят все догматики, самые мудрые люди, ни Гарнаки, ни Ренаны, ни Отцы Святые. Представьте, может ответить только наше собрание и этим роковым вопросом, которое оно поставило. В эту минуту наше собрание велико; «утешся,— может оно сказать,— ничего нет, но... *может быть*». Конечно, это же слово, то же отодвигание дела вперед может быть обман, может быть иллюзия. Но это *не немедленное, не сей час отчаяние*. А то ведь сейчас только равнодушные, похожие на алкоголика, режущего для опохмеления товарища, живут вне отчаяния. Эти алкоголики иногда утешают нас: «что же мало сбылось, пожалуй. Но старайтесь, но упражняйтесь. Возрастайте в добродетели и близьте Царство Небесное». — Как будто мессианство и не состоит все во «вдруг, разом, сейчас», не состоит в магии, магическом действии и преобразовании вещей. Что это

такое за «мессианство», которое зависит от хорошего расположения моего духа? И Сократ учил, что «послушают его — будет хорошо», и Спенсер так учил. Тайна мессианства во «вдруг», «по всей земле», «против желания людей». Это как дуновение вулкана на Мартинике. Секунда — и не стало ничего, и мессианство содержит обещание такового же дуновения, но благодатного: секунда — и выросло все, деревья стали давать вместо ста тысячу плодов. Так ведь в Апокалипсисе об открытии древа жизни сказано. Мессианство — магия, святая сказка, но могущественнее всякой реальности, воочию имеющая наступить, дневная, очевидная. Поэтому когда говорят, что оно не исполнилось оттого, что в добродетели мало упражняются, то просто уравнивают Христа со Спенсером: и так поступают богословы-моралисты, писатели бесчисленных духовных статей.— Говоря таким образом о творчестве, я не говорю о «мало-помалу» в христианстве, не предлагаю этого выдохшегося успокоительного опиума, а о том, что мы и вообще весь христианский мир стоит перед дилеммой, или признать, что что-то еще не открылось в христианстве, что народы просто прошли мимо Христа, завернули по ошибке в какой-то закоулок, когда площадь, озаренная огнями, была перед ними, или что некуда идти, незачем идти: нет вообще никакой площади, а только закоулки и их путаница в каком-то скверном уездном городишке. В последнем случае — отчаяние, во втором — какое-то «может быть».

ХРИСТОС КАК СУДИЯ МИРА ¹

Вопрос, поставленный кн. Волконским, будучи местным (Россия и наши текущие дни), есть в то же время и всемирный. Имея форму сослагательного или желательного наклонения, вращаясь около «бы» и «если бы», он начертывает картину свободы Христовой, при которой, по докладчику, только выиграет вера в Христа. Но если его перевести в изъявительное наклонение, то он будет изложением факта, что никогда так называемой свободы Христовой, вот уже в течение двух тысяч лет, не существовало. А так как по философии последствие всегда адекватно причине, то думать, что такой факт висит только на волоске, на недоразумениях, на тупом непонимании христианами Христа, каковую тупость собираются исправить Мережковский, Меньшиков и Миролюбов,— думать этого нельзя. А перед прошедшим, которое уже истекло в крови несвободы,— и преступно.

Нужно заметить, что относительно многих пунктов христиане вообще поражены дальтонизмом, пример которого мы слышали в замечательной речи арх. Антонина. Именно говоря о Будде, эллинах и проч. и перейдя к Христу, он сказал, что вне христианства только гниль; не что-нибудь, а именно гниль. Он сказал не о Христе, а именно о пропага-

¹ Князь Волконский в одном из заседаний «Религиозно-философских собраний» в С.-Петербурге прочел доклад о несовместимости утеснений за веру, прямых и косвенных; о несовместимости понятия Церкви и понятия преследования. Не только все собрание с энтузиазмом отнеслось к его докладу, но видные ораторы их и между ними сердечно близкий мне человек, Д. С. Мережковский, как равно В. С. Миролюбов, М. О. Меньшиков и др.; заговорили энергично в том смысле, что, конечно, «Христос и наказание его святым именем — несовместимы, есть *contradictio in adjecto*». Сердце мое сейчас же защемила ужасная боль при мысли, что вот еще венки из мирт на увенчанное уже чело, и опять забвение тем, которые уже фактически были замучены. Так всегда сплетается «история христианства», что если в ней являются около роз шипы, то шипы эти относятся не к тому же растению, на котором розы, а к какому-то с ним соседнему, рядом растущему, другому. Так что оно имеет преимуществу и колоты, и вместе имеет славу только роз, благоухания, приятности. «Шипы» же все относятся к «злобе уколотых», и представляется так, что они сами о себя как-то покололись, что, из себя пустив шип, на него же наткнулись. Словом, тут — софизм; а мне показалось — и еще бессердечие. Придя домой после собрания, я быстро наикадил эти строки, развив их впоследствии несколько обширнее в докладе, прочитанном в собраниях под заглавием же: «Христос как Судия мира». Но когда я отыскал этот первичный набросок того доклада, — он мне показался достойным не «кануть в Лету», хотя бы в качестве мимолетного впечатления, быстрого и бурного порыва, как мне думается — в добрую сторону. Ибо скорби брата своего (уже умершие за свободу в христианстве) не надо никогда забывать, нельзя изгладить из сердца своего.

ндирующем себя христианском мире. Слова я запомнил точно. А в конце речи упомянул о ссоре христиан в Иерусалиме, бывшей в прошедшем году, во время которой представители разных церквей избивали друг друга хоругвями, крестами и евангелиями. И ни сердце его, ни ум, т. е. сердце и ум, кажется, замечательного человека, не заметили противоречия. Так и прокатили через факт. Оратор — архимандрит — был чем-то очарован, зачарован. Он был глубоко искренен в своей речи.

Второе наблюдение. С Вал. Ал. Тернавцевым, с которым мы много и с великим жаром спорили в Риме, раз за чаем произошла у нас краткая и горячая сшибка. Упомянув о так называемых незаконнорожденных детях, я сказал ему, что достаточно было бы церкви официально и громко отречься от этого учения, чтобы дети эти, в большинстве убиваемые, перестали убиваться. Нужно сказать, В. Ал. Тернавцев несколько не интересуется вопросом о браке, все это учение для него есть побочное, не горячее. «Так чего же вы хотите, В. В., — сказал он мне с страданием в голосе, — чтобы жили люди как хотят? когда хотят — разводились, когда хотят — сходились?» — «А, однако, детоубийство?» — возразил я. Лицо его вдруг сделалось немного хитрым, и, как бы заглядывая в мою душу, будя в ней внутреннее согласие, маня это согласие, он сказал: «А вам-то разве жалко детей?» Я был поражен и, кажется, замолчал. Для меня было ясно, что человек столь великой до известной степени души, нежный ко всем людям, ласковый к миру... просто ничего не чувствовал к детоубийству, ни отвращения, ни страха.

Так что мы все христиане немножко зачарованы. Я именно говорю о магии зачарования. Мы не видим, не понимаем. Мы спим. А когда пробудимся — сказывают, — «будет страшный суд» и «светопреставление», т. е. *пере*-ставление «светов» (исхода лучей, центров ведения, «Аза» в добре и зле). Тернавцев ли не добрый? Ангел. Но и он за детоубийство. Христиане ли не друзья свободы? Тут уж нам Мережковский скажет текст. Но они всегда преследовали.

Меня удивляло, почему исследователи не обратили внимания на красоту Евангелия, столь поразительную, что она решительно закрывает собою точный смысл многих его слов. Воистину сбылось, только не о врагах, а о друзьях сказавшего: «Они будут смотреть — и не увидят, будут слышать — и не услышат». Помню, когда я писал «Место христианства в истории», то, кончив отдел о падении Израиля, — открыл Евангелие, чтобы, так сказать, скрасить мысль каким-нибудь текстом. Случайно открылись прямо слова: «О, Иерусалим, Иерусалим! Сколько раз я хотел собрать детей твоих, как птица собирает птенцов под крылья, но вы не захотели: се оставляется дом ваш пуст». Я до того был поражен нежностью этих слов, что заплакал. Именно я был поражен, как Иисус любил этот город. Какая мать о каком дитяти так говорила? И мысль, что Иерусалим Такого не принял, *взбуршила* меня, *разгневала*; Иерусалим стал для меня *презренен* — и, вписав текст в рукопись, я заключил главу, что Иерусалим был наказан *поделом*.

Фата-моргана. Да что такое? Что я прочитал? Разберем по складам мысль и выразим ее не по Иисусову, а по Скворцовски¹: так как Иерусалим — заметьте, еще до воскресения Христа, т. е. не имевший причин верить более, чем апостол Фома, и имевший с Синая заповедь «Да не будут тебе бози инии разве Мене», — этот Иерусалим, правда, видевший чудеса, которые, однако, он видел и от Илии-пророка, и выслушавший, конечно, чудесные слова, вместе с тем давший из среды своей абсолютно верующих, ну, человек 30, т. е. все-таки более, чем за сколько праведников хотел Бог пощадить Содом и Гоморру, но в общей массе *замешкавшийся в вере*, был осужден на гибель, со всеми подробностями осады Веспасиана и Тита, когда матери от голода ели своих детей. «Вы меня не приняли — и *за это* будет ваша земля опустошена». Довольно просто, если прозаически выразиться. Но выражено это с такой бессмертной красотой, что ничего не замечаешь. Забываешь сравнить Иерусалим с Содом и Гоморрой, о которых Господь сказал: «Если там найду *семь* праведников — то пощажу его»; забываешь сонмы детей Иерусалимских, бросавших вайи под ноги Спасителя и кричавших: «Осанна Сыну Давидову, благословен Грядый во имя Господне». Все забываешь. И вопишь как историк, социолог и моралист Веспасиану: «Распи, распни их! ибо они *не приняли Его!*»

И ведь ни у одного из христианских историков — а их довольно много — ни единой-то слезинки не пролилось об Иерусалиме. «Распи» — это все кричали. Даже непостижимо, с какою совестью таскаются туда паломники. Ведь они же ненавидят это место? Показывают какие-то гробы пророков, дуб Мамврийский. Что им это. «Что им Гекуба». Ихнее дело — подражаться бы хорутвями.

Обращаюсь к теме. Вопрос решается, если решить, было ли в мысли Иисуса стеснение свободы, и именно физическое. Прежде всего: *прямого* совета мы не найдем. *Отчего* бы? Иисус посылал в мир апостолов, и именно для проповеди, для прозелитизма. Он знал, что *весь* мир и покорится ему, ибо есть в словах Его упоминание, что «Евангелие будет проповедано *до концов земли*»². Многому научил Он учеников, длинные беседы и днем, и ночью, и на горе, и на озере вел Он с ними. Неужели для столь длинного процесса проповеди нельзя было предвидеть всяких коллизий, всякого рода столкновений, всякого возжжения души у Апостолов, и особенно... У *позднейших миссионеров*, до римской «propaganda fide» включительно? Отчего же было не сказать твердо и математически: «Вам и кто *пойдет по ступеням вашим*, во всех веках

¹ В. М. Скворцов, чиновник особых поручений при обер-прокуроре св. Синода, заведующий сектантскими делами в России («как эксперт»), в сущности как обвинитель и приводчик на суд обвиняемых, редактор желчного и неумолимого «Миссионерского обозрения».

² «До концов земли...» Значит, *обширно* будет отечество исходящих «до концов земли» посланцев христианства? И «все царства мира, показанные (или показавшиеся?) Ему его в мгновение ока», которые Он отвел рукою в сторону «как искушение», о них Он знал и *предсказал*, что они будут, однако, во власти Его (*откуда* же апостолы, миссионерство, миссия?). Но «смотрим и не видим, слушаем и не слышим».

и странах, повелеваю действовать только словом, *ни к какой мере притеснения и понуждения физического не прибегая*. И было бы ясно. И были бы предупреждены Торквемады. Правда, в одном случае Иисус *запретил* ученикам «свести огонь» на непринявший Его город. Да, но это лично и сейчас. Перед царем и Богом жертв не совершается; и у нас в царский день не погребают мертвых, а в греческой драме казнь тоже происходила за стеною. Есть, однако, другое слово, кажется, о Капернауме: «Содому и Гоморре будет отраднее в день суда, нежели ему». Вообще «будут скорби». «Когда отнимется Жених (Иисус) — будут скорби». Говорят, миссионерство — это вражда, холодность, а посему «и не Христово». Так учат нас Меньшиков и Мережковский. А Евангелие учит, что «когда Евангелие будет проповедано до концов земли, то *охладеет в мире любовь*», и «не думайте, что я мир принес на землю, не мир Я принес, но *меч и разделение*». Ну, вот сектанты и «господствующая церковь» и разделились, а как «любовь охладела», то холодные языки миссионеров не действуют, и уж приходится подогревать дело разными мерами. Прямо в Евангелии мер физических не указано; но разве *прямо* сказано там, что из народа Божия евреи должны отныне стать каким-то дьявольским народом, что Иерусалим должен будет в муках пасть, что будут позваны язычники к спасению, что золотое кольцо, связавшее Израиля с Иеговой под дубом Мамврийским, распаяется и падет обломками к ногам его презирующего нового человечества. Мало ли что прямо не сказано в Евангелии. Но неужели дерзкий какой-нибудь скажет, что все это совершилось без Промысла о себе, что и не надо было отменять обрезания, отвергать утренние и вечерние жертвы в храме, Титу и Веспасиану незачем было трогаться, а что все после Иисуса могло оставаться в том самом виде, как до Иисуса, и достаточно было евреев немножко посечь, высечь одно поколение за непризнание Иисуса, а с остальными евреями, теперешними пархатыми жидами, христиане преспокойно могли купаться в ихней микве, есть опресноки и праздновать праздник кушей. Нет, Христос есть камень, где все повернулось, весь земной шар. Миллионы поколений ответили заодно. Унижены сотни израильтян за пра-пра-прадедов их. Пострадали безвинные, т. е. безвинные, положим, в XIII веке, когда их вырезывали. А уж позволите, если жидов вырезали, вырезали перуанцев и мексиканцев, то почему немножко и не посечь сектантов? Ведь Мирлобов, Мережковский и Меньшиков в обморок не падают от жалости по Перу, Мексико и жидам. Тернавцеву детей не жаль. С чего же, например, я буду жалеть павловских сектантов? Просто, мне до них дела нет; даже хорошо, что они немножко преследуются, дабы из холодного и легкомысленного сердца христиан не исчезала память, что эти маленькие догорающие огарки суть остатки когда-то очень высоких свечей. В человечестве должна быть солидарность. В человечестве должна быть память. Человечество, посекая кое-кого внутри себя, только не прерывает абсолютно необходимую и абсолютно нравственную цепь, коею все роды

наши связаны, и страдание должно остаться, даже жестокостью не должна изгладиться, пока не придет день, час и Лицо, Которое даст окончательное об этом объяснение. Если бы мечта Мережковского и Меньшикова осуществилась, т. е. наступила бы эра Христовой свободы, то в мире потерялась бы нравственность: ибо уж, конечно, эти свободные не вспомнили бы о погребенных в земле рабах.

Христос есть Судья мира: вот это-то и забывают. Христос боролся и победил и завещал ученикам бороться же и победить. Указывают, что Он никого физически не наказал. Мало ли чего Он не делал, что мы не можем не делать. «Могий вместити да вместит». Кто может словом победить тьму — пусть и побеждает. Но кто не может — пусть к победе тьмы приложит и слабейшие, небогатые силы, физическую борьбу. Христос исцелял одним словом больных. Мы этого не можем, хотя это было бы лучше, и больных лечим медленно и медикаментами. Христос потому насилия не употребил, что слово Его равнялось действию, было в своем роде уже насилием; и Он не употреблял средств, Ему ненужных, а у человека неизбежных и потому ему позволительных. Однако Христос повелевал. Повелительный элемент содержится в Евангелии. «Господи Иисусе, за что Ты *мучишь* меня», — кричал ему больной. Да и вообще говорить, что Христос не стоил муки человечеству, не связан был с муками, например, для Израиля — просто странно. Великие переломы без мук не бывают. Право, миссионерство есть меньшая из них. С этой мистической стороны о муках наших сектантов и говорить не стоит. Булавочные уколы после ударов паровым молотом. Их жаль князю Волконскому. Но ведь ему жидов не жаль. А жидам не жаль его штундистов. Вообще же в христианстве никому и никого не жаль, ибо «охладела в мире любовь». Вот по речи Антонина афинянам было жаль какого-то неведомого народца, «божок» которых, может быть, остался без алтаря, и они воздвигли им у себя алтарь (*deo ignoto*¹). Так то были афиняне, дрянь. А мы обернуты в золото и сияем на весь мир. Если от нас немного припахивает, как случилось в Иерусалиме во время побоища, то мы вообще так счастливы, что этого не чувствуем, как не почувствовал этого при рассказе Антонин. Мы «господствующие», «господствующая» церковь, «господствующая» религия, «господствующая» цивилизация. Но где же видано господство без рабства, победители без побежденных? Это соотносительные понятия. Миссионеры работают на великом колесе этого мирового господства. Это — цивилизаторы, люди высшей культуры, под которых напрасно бы подкапываться. Кричать о сектантах — все равно что в Афинах было говорить о «варварах», персах или в Риме — о вольноотпущенниках. Это подрывает сущность христианской цивилизации, точнее — великой победы Христовой. Войдем же в логику миссионера, плодами забот коего мы пользуемся, а работы их не хотим: он — как Леонид при Фермопилах. За ним

¹ неведомому богу (*лат.*).

дорогое отечество; перед ним — варвары. Положить оружие, опустить колья — значило бы, как изменник Эфиальт, провести врагов в дорогие храмы. «Мука! мука!» — говорят либералы. Да позвольте, «оружие пройдет через сердце твое», — сказано было Марии Безвинной при самом рождении Спасителя. От власти ли Сына не зависело, также умерев за грехи мира, также все совершив, Мать Свою избавить от муки стоять перед Крестом? Неужели не мог Он соделать, чтобы Она почила ранее. Нет, каплями крови точился Христос. И капли — окрест Его. Вот каплю-то крови Христовой и не постиг реферат Волконского. Т. е. не постиг главного мистицизма христианства. Доклад его произвел на меня прямо некрасивое впечатление, неэстетическое: какое-то считанье по счетам около великой загадки, какое-то клубное рассуждение над руинами Карфагена. Дайте свободу ему и таким — они просто засядут в карты и ни малейше не вспыхнут по Христу, как будто вспыхнули «бы», дай только свободу христианству и убери миссионеров. Еще историческая заметка: Соединенные Штаты с абсолютной холодностью к религии не знали и преследований религиозных. А Испания и Италия, давшие почти всю картину христианства, — дали и наибольшие муки человечеству. Тут я слышу голос патриотов, что «мы одни знаем истину», — «мы» и веруем, и не жжем. Я же подозреваю, что мы только плохо веруем, расположены к картам и оттого вообще не беспокоимся прозелитизмом. «Ты не горяч и не холоден, а только тепел...» Это очень идет к нам, к нашей колеблющейся догматике, незавершенной иерархии, полуцелибату духовенства и кое-каким миссионерам на место «De propaganda fide». Чтобы постигнуть теорию вопроса, во всяком случае нужно обратиться не к нам, средненьким.

ВЫНОС КУМИРОВ ¹

Не сотвори себе кумира.

Второзаконие

История католицизма едва ли не занимает собою до половины европейскую историю. То сочувствием, то борьбой и противодействием она входит в историю государств, наук, искусства, даже войн — как завоевание Англии норманнами. Католицизм сплелся со всем. Только в нем, в силу особых исторических обстоятельств, мы наблюдаем христианство свободным, тогда как во всех других своих разветвлениях, во всех остальных странах оно является связанным, обусловленным, частью внутренне несмелым, придерживаемым за края одежд. Один папа и его слуги говорят открыто свою волю, перечая государствам, обществу, иногда игнорируя науку. До какой степени идеей свободы для себя, для «своих» проникнут католицизм, можно видеть из того, что священника католического не может лишить его сана даже папа: став еретиком, ренегатом, он не теряет «благодатных даров» однажды полученного священства. Это — царь без развенчания, вечный. Уже у мальчиков-семинаристов на макушке головы пробивается маленький, с величину монеты, кружок; и я не без удивления прочитал в католическом катехизисе, что это — очищенное от волос *место для короны* (тиары), общий знак всего католического духовенства. На этой неразрушимой царственности его членов основано одно мимолетное, но замечательное явление: на Западе теперь образовалось какое-то общество людей, служащих «черную обедню» («черную мессу»)... бесу, что ли, а всего вернее — какому-нибудь шуту и в каком-нибудь шутовстве. Ее как «мессу» может только служить священник, и это делает перебежчик, «продавший душу дьяволу». И администрация католическая об этом знает... но не чувствует себя в *силах отнять у него священство*. «Он удесятеренно ответит за это на том свете, он будет страшно судим как священник; но как *именно священник*, а не как частный человек; благодати священства он не может быть лишен *ни в здешнем мире, ни в загробном*». Это — последовательность. Католическая история сильна, ярка и последовательна. Тем интереснее она для наблюдения. Чтобы постигнуть поэзию, надо изучать поэта на воле, а не то чтобы слушать его темничные «воздыхания»,

¹ С большими сокращениями напечатано в «Нов. пути» под (искаженным в цензуре) заглавием «Политика Комба».

не перечитывать главы из «I mei prigioni» (Сильвио Пеллико)... Такие-то «свободные песни» христианства мы и слушаем на Западе, в странах лиловых епископов и красных кардиналов.

* * *

Года три назад я пересекал Рижский залив. Пароход «Император Николай II» проходил по самой середине залива, мимо крошечного острова Руно, чуть-чуть видевшегося купами деревьев на водяном горизонте. Среди пассажиров слышался говор о нем:

— Он населен почти одичавшим населением, латышами ли или немцами. Они ловят рыбу и занимаются огородничеством. Только раз в год, в самую стужу зимы, они приезжают по льду в Ригу и, закупив что нужно на целый год, возвращаются. Так как остров мал и беден, то пароходы никогда туда не заходят, а владельцы острова не имеют ничего, кроме рыбацких лодок, на которых нельзя отважиться в море. Поэтому никто их никогда не видит, не посещает, и они сами никого не видят, кроме Риги и рижан единственный раз в год.

Удивленный таким странным существованием, я спросил:

— Ну, однако, там есть исправник?

Я не умел сразу назвать другой должности и назвал первую, попавшую на ум, как бы защищаясь от идеи: «город без начальника», «страна без начальства».

— Ну, какой же там исправник, когда это поселок. Нет никого. Подати они привозят сами и исправно, когда бывают в Риге. С материка, негуземец, там живет один только пастор; живет по самоотверженной любви к Богу и из жалости к человеку. Но и ему иногда приходится плохо.

— Плохо?

— Жители острова совершенно задичали, бесчинны, самоуправны и не понимают ни того, что такое религия, ни что такое Herr Pastor. И был однажды случай, что они его за что-то протаскили под лодкой.

Я не понял. Тогда мне объяснили ехавшие на пароходе немцы, что протаскивание под лодкой есть единственное практикующееся на острове, да и вообще в этих приморских местностях, где подичее, наказание. Оно состоит в том, что не нравящегося или провинившегося человека, какого у нас выслали бы из деревни по мирскому приговору, эти латыши берут на лодку, недалеко отъезжают от берега, спускают с борта в воду, захватывают с другого борта за ноги и, погружая в воду, протаскивают под днищем. Наказываемый захлебывается и вообще терпит много неприятного, но ничего опасного. Операция длится минуты полторы, и он в полной целостности обратно отвозится на берег. Такую шутку проделали на острове Руно его жители со своим духовным отцом.

Я не мог не почувствовать впечатления от рассказа и все ежился, представляя себе, как это так тащат человека в полном костюме под

днищем лодки. Затем я начал думать, чем бы это мог пастор раздражить таких Робинзонов, едва ли свирепых, ибо и самое наказание их похоже на школьную забаву; и остановился наконец на мысли: верно, он был добрый, но несколько педантичный, заботливый и фанатичный лютеранин-пиетист. Ничего в нем худого не было, но вся жизнь рыбаков ужасно не согласовалась, не соответствовала формами и духом своим его отвлеченному и вместе упорному проповедничеству. И они с чувством надоедливости, как великовозрастные шалуны, выкупали его. Вышла краткая реплика в ответ, может быть, на целый год возвышенного и одушевленного красноречия.

Потом я в книге прочел о фактах в Пруссии, в сущности не так далеких от происшествия на Руно:

«Упадок церковной жизни необыкновенно велик,— писал в конце минувшего века берлинский суперинтендант в пастырском послании к подчиненному духовенству.— Множество церквей посещается лишь немногими, и большинство населения заботится исключительно о временном и земном. Молитва в домах замолкла. Слово Божие не читается и еще менее исполняется. Число некрещеных детей и невенчаных браков до ужаса велико. Благочестие и уважение к божественному и человеческому порядку сокрушаются, и суды Божии не принимаются в соображение и не понимаются. Теперь вопрос не о богословских размышлениях, а о том, есть ли Бог, есть ли у человека бессмертная душа и предстоит ли вечный суд».

Но эта жалоба очень обща и дает скорей религиозную статистику, чем религиозную картину. Но вот конкретный факт, в котором мы можем рассмотреть почти психологию дела. Он представляет вырезку из одной провинциальной немецкой газетки: «Несколько сотен рабочих, работающих на одном заводе в Вестфалии и живущих со своими семьями в одном помещении, никогда не ходят в кирхи и, пользуясь правами, предоставленными в Германии гражданским бракам, не венчаются и не крестят своих детей. Однажды пришел к ним местный пастор. Собравшись, они выслушали его увещания, и один старик от лица всех отвечал ему: «Господин пастор, мы не обижаемся на вас за ваши слова: это ваше призвание, и вы говорите в своем роде хорошо. Но мы покорнейше просим вас не беспокоиться заходить к нам более. Мы, большие и малые, не веруем в Бога и не желаем ничего знать о Нем. Мы хотим работать, приобретать деньги, есть и пить и позволять себе иногда удовольствия. Мы верим в лучшее будущее, но не на небе, а на земле; мы верим в Евангелие и спасение, но это есть социальная демократия, которую принес Иисус Христос и ввел бы, если бы этому не помешали его неблагоприятные ученики»¹.

¹ Цитаты, заимствованные мною из сочинений проф. Беляева: «О безбожии и антихристе», 1898 г., огромная книга эта в 1040 страниц изобилует многими любопытными фактами.

* * *

Мы заметили выше, что всякий раз, когда имеем в разных ветвях христианства параллельные течения, то течение католической церкви далее других идет и ярче выражено. Борьба с конгрегациями и наконец изгнание их из Франции, о чем так много шумела печать всей Европы за это лето, есть тот же факт, о котором мы рассказали на Руно и в Германии. Но в то время как церковь и народ в лютеранских странах лишь поворачиваются друг к другу спиной, во Франции они яростно бросаются друг на друга. Что за явление? Где оно видано? Кто читал в истории о борьбе язычников со своими «жрецами» или находил в газетах сведения о борьбе евреев с раввинами, мусульман с муллами? Явление собственно «клерикализма» и «клерикальной борьбы» есть специальный факт Европы и христианства. Здесь только почему-то мир, люди не ладят с представителями религии. В разных степенях, но они почти везде не ладят.

* * *

Эпизод с конгрегациями прежде всего нуждается в освобождении от риторики, в «упрощении». Например, прежде всего устраним из факта риторичку. «Свобода умерла», — писали на плакатах католические монахини в Париже и выдвигали эту сентенцию на длинных шестах для чтения народа. «Мы выдавали завтраки беднейшим жителям», «мы отлично ухаживали и ухаживаем за больными», — яростно кричали в других местах «сестры». «Папа — социал-демократ: для чего же правительство с социал-демократическими тенденциями идет против нас и святейшего Отца?» Действительно, если бы во Франции — да и во всем мире, ибо это всемирное явление — происходил только торг *выгод* и *невыгод*, то филантропии французской надо бы соединиться с филантропией католической, одной свободе с другой, и Либкнехт должен бы иметь в Льве XIII первого своего друга. Но ведь тут, очевидно, движутся разные исторические процессы, разные от корня и до вершины. Это как бы минутная встреча на одной ступеньке лестницы двух человек, из которых один восходит, другой нисходит, и они только сейчас стоят рядом, тогда как никогда ранее не были вместе, да и родились, можно сказать, с намерением задуть друг друга. Очевидно по всем обстоятельствам, что Лев XIII, берлинский суперинтендант, пастор на острове Руно спускаются вниз. Они слабеют. И как Лев XIII ни хотел бы дружить с Либкнехтом, папство — с французской республикой, «сестры» — с свободой нового общества, сам Либкнехт, Франция и свобода не хотят с ними дружить. Нигде этого не сказано печатно, но можно прочитать во всех сердцах такой ответ им.

«Свобода... вы ее теснили 1800 лет и хотите только *сейчас* свободы, потому что *вам* тесно... не скроем, от нас тесно. Вы ее ищете *для себя*, а не для человечества, и в ущерб именно свободе человечества. Мы вас и тесним, но только одних вас, не надеясь от вас ни на завтра,

ни на послезавтра ни для кого свободы. Отмените Index запрещенных книг, предайте торжественной анафеме всех кардиналов, епископов и пап, введших инквизицию в Европе — и тогда мы поверим, что вы за свободу. Но вы рвете клоч свободы из наших рук, нашей специальной свободы, нами в истории начатой и у нас в кармане лежащей, нисколько не вынимая другой и тоже специальной свободы из собственного кармана, весьма и весьма нужной бы миру. В специальных ваших областях вы нетерпимы и фанатичны совершенно так, как этого требовал и это проповедовал Фома Аквинат, творения которого вы предлагаете изучать своим современникам, предлагаете их нам. Вы даете завтраки беднякам; пустите лучше бедняков в ваши великолепные исторические сады и парки, уделите в монастырях ваших место больницам — словом, слейтесь с нами чистосердечно и полно, и тогда мы признаем вас частью себя или, пожалуй, себя частью вас. Будем с вами одно. Но единства нет, и оно невозможно и никогда не будет, потому что мы посажены в разную почву, да и сами — разные растения. Слова, как «свобода», «любовь к человеку», «сострадание к несчастью», будучи филологически теми же в ваших устах и в наших, на самом деле имеют у вас и у нас совершенно разный смысл. Например, эти завтраки. Это — лицемерие: ведь вы ничего не работаете, вы выманиваете или выманили в старину из населения миллионы и из них отсчитываете несколько десятков или сотен франков на завтраки. Нам полезнее сохранить миллионы, на которые мы и сами сумеем устроить завтраки, но устроим их на полный миллион, без вычета в вашу пользу. То же и о сестрах милосердия в больницах: мы можем нанять своих, не хуже ухаживающих, но ухаживающих без всяких побочных целей, каковыми руководятся ваши сестры».

И конгрегации уходят. С яростью, с неопишым гневом, но уходят. Можно сказать, у них есть связи с французами, с частными людьми, но связи с Францией нет. Якорь цепляется за слишком маленькие величины и срывается. Как и у берлинского суперинтенданта есть связь с правительством прусским, есть связь с духовенством, с благочестивыми немцами. Но за глобус «Германия» он не зацепляется. И этим решается все.

* * *

Но что же остается или останется в Европе после их ухода? Что вообще это за всемирное явление, как бы прощания пасомых с пасущими? Ибо никто не усомнится, что это огромный момент истории. Даже Робеспьер признавал *Etre Suprême*¹. Наполеон заключил конкордат с Ватиканом, а теперь само правительство, целая Франция, рабочие простолудины в Вестфалии идут дальше Робеспьера, верят менее Бонапарта, оставаясь в то же время совершенно мирными тружениками и семьянинами.

¹ Высшее существо (лат.).

Европа расстается, собственно, с пасторатом своим, но Бога она не покидает. Обратимся к явлению, где оно всего ярче, к католицизму. Если к немецкому пасторству население равнодушно, то к французскому или итальянскому духовенству оно гневно. Изгоняемые или оскорбленные, они кричат: «Народ остается без Бога, он не хочет Бога». Но на это нет доказательств. Или, точнее, из самой формулы «отказываются от нас — значит отказываются от Бога» вытекает одно ужасное подозрение, где, быть может, мы и найдем ключ к разгадке всего этого печального и мучительного явления.

Демаркационная линия, разделяющая Бога и пасторство, стерлась до «нет». Но она стерлась в сознании пасторства, или чрезвычайно близких к нему частей населения, но не стерлась в поле зрения всех, кто стоит сколько-нибудь поодаль. «Будете яко бози» — этот соблазн Змия-Искусителя Еве незаметно в веках, но очень полно к концу веков осуществился. А изгнание конгрегаций тоже бессознательно, но едва ли оспоримо является реакцией к восстановлению строгого монотеизма, как вынос «статуй Ваалов и Астарт» из Соломонова храма, какое время от времени совершали реставраторы чистоты библейской веры, цари и первосвященники. «У нас нет других богов, кроме Бога, а как вы соделали себя богами и требуете поклонения себе, отношения к себе, вовсе не подобающего людям смертным и ограниченным и грешным, то мы не хотим вас более, просто не хотим вашего присутствия. Вы как экран принимаете на себя молитвы наши. Вы застенили (стали стеною) от нас Бога. Но мы хотим видеть Бога и отодвигаем экран, вас».

Вот самая сердцевина дела. Она лежит в глубоких неосторожностях, вековых, тысячелетних, допущенных в обращении с понятием «служитель Божий» и «благодать». Что такое «служитель Божий»? Ну, «служи». Но не требуй себе служения, которое принадлежит и приличествует одному Богу. Служитель и имеет отношение к *Тому Одному*, Кому он служит. Больше ни к кому и ни к чему, к людям, к миру, к государству он отношения не имеет, иначе как дружелюбия, равенства, одинаковости природы. «Первосвященник» Соломонова храма выбирался, был временен; они чередовались, как еще во времена Иисуса, Каиафы и Анны. А папа любит отождествлять себя с ветхозаветными первосвященниками. Садок, первосвященник израильский, был низложен юношей Соломоном при самом его восшествии на престол и не жаловался, не роптал, и Соломон не был Богом за это наказан, а, напротив, Бог говорил ему в известном видении слова Свои и наставления. Таким образом, в бесспорном и истинном богослужении, каково было Ветхозаветное, служитель Божий, применяя терминологию Ницше, не становился «сверхчеловеком». Мы употребили термин Ницше не без антипатии, единственно чтобы выпукло объяснить читателю мысль свою. Произошло нарушение трех заповедей: «Да не будут тебе бози, инии разве Мене», «не сотвори себе кумира», «не приемли имени Господа Бога твоего

всуге». Отмена-то этих трех заповедей и образует почти все тело католицизма, всю его реальную и положительную ткань, так что остающихся семи заповедей и нащупать нельзя сквозь покров отвергнутых этих трех. Едва все рванулись к чистому монотеизму, к «Аз есмь Господь Бог твой», как потянули одежду, много или мало, но непременно потянули царственный пурпур с живого и со всех умерших пап и до последнего приходского каноника. Все они стоят «иными богами», «драгоценными кумирами», перед которыми в храмах возжигаются лампы, свечи, кадится фимиам. Сколько бы ни говорили, что это «в аллегорическом смысле», «по заимствованному от Бога света», «потому что они (почившие святые католичества) суть посредники», и что кланяются их изображениям все же не так низко, как Богу, это все будут смягчения, оговорки, софизмы; ваалы и астарты не допускались Богом около себя ни в качестве младших братьев Иеговы, ни племянников, ни товарищей, ни даже служителей просто — никак. Бог и человек, Solus Deus, solus homo¹, и все человеки перед Богом уравниваются в пылеобразной малости своей. Тут-то лежит условие свободы человека, ужасно важное для земли условие. Однажды и навсегда для человека есть единая господствующая и абсолютная точка: Бог. Между тем в католичестве человек обусловлен не одной, а мириадами точек; ограничен не вообще и отдаленно, а тесно и до последних подробностей, до задыхания. Он слушает не одну струну, а тысячи струн. Молитва, внимание его рассеяны: некогда и подумать о Боге — столько духовенства. Разве не священник был Авраам? С ним Бог «заключил союз»: кажется, после такого «посвящения» он должен бы покинуть и дуб мамврийский, и Сарру, и стада и одеться в какой-нибудь усеянный звездами хитон. Но этого не случилось. Как был Авраам до завета пастухом и мужем, так мужем и пастухом остался и после завета. Можно ли было не стать первосвященником или не надеть ризы законодателя или псалмопевцу? Но последний оставался семьянином и воином, а первый чисто храмовую и служебную должность первосвященника отдал брату. Никакой магии на Аароне не лежало: он не отколопнул от Бога частицы и не прикрепил ее на себя, он был монотеист, т. е. совершенно простой, частный человек, «дяденька» каждому жида в пустыне. Апостол Павел не убрался в хламиду и не надел тиару, а был просто странником, странствующим учителем; а Петр продолжал оставаться рыбаком, будучи учеником Спасителя, избранным, «апостолом». Монотеизм и в Новом Завете не разрушался, как и в Ветхом. Были там «чреды» служб, чреды «священничества»; но «священник» помогал первосвященнику держать заколаемого в жертву козла, или собирал в чашу его кровь, или кропил кровью, или кадил; то, что у нас делают «служители храма», «причетники», трудящиеся почти физически, без всякой магии в себе.

¹ Один Бог, один человек (*лат.*).

От Бога идут лучи, соделывающие светлыми всех человеков; и как Давид в одном псалме называет людей (всех) «сынами Божиими», так в Новом Завете упоминается, что все люди суть «священники». Богоуслыновенность человечества и священство мира есть самая дорогая часть религии; потому я и в «religio», что через *сыновность* и *священство* нахожусь in religione, «в соединении, связи» с Богом. Какая же это есть *моя* «религия», когда я только смерд, чисто светская вещь, какая-то рациональная, гладкая; а непостижимость существа и связь с Богом, «religio», начинается лишь с каноника, одетого придуманнее и избраннее, чем ап. Петр, Моисей и Авраам. Я сказал, что монотеизм потянул бы одежды со всего католического священства; обратно: насколько оно существует — оно потянуло сияние с Бога, а затем и красоту, святость с мира, с человечества. Человек остался нагим, санкюлотом, без связи с Богом. Что такое Бог в отличие от человека? что такое божественное? Опять прибегаю к языку крупных слов, чтобы сделать мысль свою понятнее. Бог — магия, божественное — магично; а человеческое — просто. Конечно, «магии», т. е. языческого понятия, я не хочу приписать нашему Богу; моя мысль состоит в том, что сверхъестественное и естественное разделяют и очерчивают божеское и человеческое. Вот эту-то долю «сверхъестественного», «магического» и приписало себе духовенство (католическое и всякое христианское). Незаметно в веках (для себя незаметно) оно стало как малые маги, как помогающие маги около великого мага-Бога, естественно, по этой концепции несколько беспомощного. Часть Его существа и свойств они перенесли на себя; они отколунили что-то от Бога. «Бога» стало меньше в мире от патеров. Но сия «магия» не истинная, и сколько ни стало «богов», «кумиров» перед человечеством, «вера в единого Бога» в человечестве стала с тех пор неудержимо гаснуть. Все ее ищут, но нигде не находят. Пелена тумана протянулась по небесному; солнца стало не видно; на земле сделалось темно.

Все поступки Франции против католицизма, как и Италии, конечно, грубы, плоски, безвкусны. Эти полицейские сержанты, конвоирующие монахинь, — отвратительны. Но есть, всегда есть «raison d'être»¹ и в грубом. Есть «идея волоса» (мелкого, пошлого), как говорил Платон. Конечно, католическое духовенство уже самогипнотизировалось в веках, в тысячу лет; оно немножечко «почувствовало себя Богом» и ведет себя гордо и смело, «царственно» — соответственно этому самовнушению. Французские полицейские ведут себя замечательно не «царственно». Но ведь в этом и состояла самая суть явления, что, чем более навивалось священство и царственная красота на духовенство, тем более это священство и величие свивалось с людей «не духовных», пока оно очутилось простым «санкюлотом», «варваром». Когда этот процесс дошел до конца, санкюлот и начал поступать

¹ «смысл» (фр.).

со священниками по-«санкюлотски», ничего в них не замечая, просто — ничего не чувствуя. Они сдернули красоту с мира. Дивиться ли, что мир стал безобразен? На кого им жаловаться?! Они сами выделали себе палача, беспощадного, потому что он глух ко всему святому, священному.

Вот почему, так сказать, «безбожие» светских государств Европы — не вечное. Они только отдохнут от «богов» и возвратятся к Богу (Единому); но к «католичеству» уже никогда не вернуться, не вернуться вообще к «магическому» на земле и в человеке. Что такое «кафоличность»? Универсальность. Образуют ли «тело церковное» народы? На прямой этот вопрос все скажут — «да»! Но вот проверка этой кафоличности. Известно, что папа, раньше чем избраться кардиналами, выбирался народом — да, прямо чернью! криками горожан римских! Вот если бы вместо «завтраков бедным» папа сказал: «я в союзе с народом и хочу быть любимым от народа пастырем, а ради этого распускаю дипломатическую канцелярию — и пусть меня по-прежнему, по-древнему выбирает добрый римский народ». Тогда в демократизм его можно было бы серьезно поверить. Скажут: «невозможно, трудно», но «разве есть что невозможного для Бога»? На то есть «магическое» в истории, «сверхъестественное». Если бы Лев XIII, распустив или понизив коллегию кардиналов, «непогрешимо ex cathedra» изрек: «преемник мне да будет избран добрыми римлянами, моими возлюбленными детьми», то он тотчас же от ложной и иллюзионной магии, поднявшейся до неба, и перешел бы в настоящее «священство», не большое, не высокое, но подлинное. «На всех людей падает по лучу от Бога, а на меня — два луча». Это вовсе не то что сказать «на меня падают все лучи от Бога, а на человечество — ни одного».

Нужно отметить «Index librorum»¹ — вот «свобода». Надо отлучить от теперешней церкви всех инициаторов инквизиции, тогда и Франция, и Италия воскликнут: «Мы слышим голос нашего возлюбленного отца!» Вот соединение с человечеством. Не для чего «аллегорически» омыwać нищим ноги в такой-то торжественный день в торжественной церемонии: надо просто-напросто в точности начать омыwać ноги человечеству. Ибо ноги эти — усталые, ибо ноги эти изъязвленные. Тогда он (Лев XIII) может молиться усерднее Франсиска Ассизского; и без дружбы с Либкнехтом народные массы от Лабы до Сены закричат: «Он сошел к нам, он среди нас, он наш». И как для папы ни один блузник не перекрестится и тем гордо и честно выдерживает свою, может быть, минутную природу, убеждение, предрассудок, так папа пусть молится св. Марии с прежним тысячелетним усердием, вовсе не подражая блузнику. А то делаются попытки к какому-то взаимному переодеванию: «я немножко переоденусь блузником, — ну, чуть-чуть, для виду; и пусть обратно блузник читает каждый день по разу Ave Maria, да громко

¹ Список запрещенных духовной цензурой книг (лат.).

читает, чтобы это короли и министры слышали». Но эта «комедия передеваний» как бы не перешла, да уж и переходит, в «комедию ошибок».

* * *

Мне хочется вернуться от тяжелых французских событий к более мирной сцене в Вестфалии, переданной московским ученым. Ну а что, если бы пастор, выслушав холодный, но не враждебный ответ старика рабочего, не повернул спину к нему и не пошел «докладывать о виденном» (а в сущности — о «ничего не виденном») берлинскому суперинтенданту, а вместо этого сказал бы: «я не хочу вас учить, но хочу вас увидеть, как брат брата, на полном равенстве», — и вошел туда. Что же бы он там увидел?! Нам недосказан факт, и недосказан в любопытнейшей своей части. Дело в том (и здесь причина всего «разделения сил», «шапки врозь» человечества), что пастор пришел в точности *только со своим и только для своего*, без малейшего любопытства *собственно к человеку, к деревне, куда он пришел*. И от этого эгоизма (столь явного) деревня эгоистически отвернулась. Но пусть эгоизм отложен, за околицей деревни пастор оставляет весь ящик наставительных книг и идет туда один как зритель (по проф. Беляеву) «наступающего царства Антихриста». Можно быть уверенным, это слышится из всего тона речи старика представителя, речи сдержанной и представительства скромного, что он вовсе не увидел бы там зрелища буйной и пьяной улицы, парней «под ручку» с пятью-шестью «растерзанными девицами» и вообще не увидел бы довольно знакомых нам картин, пример которых я приведу, ну, хоть из следующей газетной вырезки:

«В день Троицы в нашей местности, в деревне Гречина Гора, собрались по обычаю человек 200 мужиков, баб, парней и девушек. Пелись скабрзные песни, разгул был полный. Пьяные мужики начали устанавливать какие-то межи и подрались. Один молодой парень разделся донага и неопозволительно вел себя по отношению к сельским девушкам. Безобразника едва не закололи вилами. А в соседней деревне Стохнове разгулявшиеся парни разломали по дороге изгороди, вынесли из избы квашню с тестом и посадили в нее старика» (из «Биржев. Ведом.», сообщение «Из мест. Жигова», г. Ив-ского).

Такой случай не занесен и *не занесет* как «знамение пришествия Антихриста» г. Беляев в свою тысячелистную, внимательную книгу. Т. е. *почему же не занесет?* Обыкновенно, привыкли, так всегда было, и ничего тут *нового* нет, как есть *новое* в докладе пастора об отказе принять его Вестфальскою деревнею. Но в деревне явная тишина, спокойствие, благообразие; как и на острове Руно, где без исправника и при одном пасторе, без свидетелей целый год, жители перерезали бы друг друга, заведи они *первую же ссору, подними кто-нибудь на кого-нибудь первый руку*. Есть такие условия полной свободы и уединения, где или полная тишина, или всеобщее и быстрое каннибальство. Но если на Руно

с незапамятных времен, может быть еще до ливонских рыцарей, рыбачили, как рыбачат сейчас, то вероятнее, что там пронеслись века, не возмущенные и легким ветерком «нравов». Во всяком случае там не сердились так сильно, как папа в следующем *официальном* документе:

«На днях «Messenger de Bruxelles» сообщил, что Леон Таксиль отлучен папой от церкви. Текст этого отлучения сохранил средневековый характер:

«Во имя всемогущего Бога-Отца, Сына и Святого Духа, Священного Писания, святой и беспорочной Девы Марии, Матери Бога, во имя всех славных добродетелью ангелов, архангелов, престолов, могуществ, херувимов, серафимов, во имя патриархов, пророков, евангелистов, святых преподобных, мучеников и исповедников и всех прочих, спасенных Господом, Мы провозглашаем, что отлучаем от церкви и анафематствуем того злодея, который именуется Леоном Таксиль, и изгоняем его от дверей Святой Божьей церкви.

И Бог-Отец, который сотворил мир, его проклинает; и Бог-Сын, который пострадал за людей, его проклинает; и Святой Дух, который возродил людей крещением, его проклинает; и святая вера, которой искупил нас Христос, его проклинает. И святая Дева, Матерь Божия, его проклинает. И святой Михаил, ходатай душ, его проклинает. И небо, и земля, и все, что на них заключается святого, его проклинает. Да будет он проклят всюду, где бы он ни находился; в доме, в поле, на большой дороге, на лестнице, в пустыне и даже на пороге церкви.

Да будет проклят он в жизни и в час смерти. Да будет проклят он во всех делах его, когда он пьет, когда он ест, когда он алкает и жаждет, когда он постится, когда он спит или когда он бодрствует, когда гуляет или когда отдыхает, когда он сидит или лежит, когда он ест, когда он раненый, когда истекает кровью».

Да будет проклят он во всех частях своего тела, внутренних и внешних.

Да будет проклят волос его и мозг его, мозжечок его, виски его, лоб его, уши его, брови его, глаза его, щеки его, нос его, кисти рук и руки его, пальцы его, грудь его, сердце его, желудок его, внутренность его, поясница его, пах его, бедра его, колени его, ноги его, ногти его.

Да будет проклят во всех суставах членов его. Чтобы болезни грызли его от макушки головы до подошвы ног.

Чтобы Христос, Сын Бога живого, проклял его всем своим могуществом и величием. И чтобы небо и все живые силы обратились на него, чтобы проклинать до тех пор, пока не даст он нам открытого покаяния. Аминь. Да будет так, да будет так. Аминь».

Заметьте, что это формула *древняя*, т. е. тоже в своем роде привычная, как и «праздничный разгул» в наших деревнях: и ее также не пришло бы на ум проф. Беляеву внести в рубрику «особенно ясных свидетельств близящегося царства Антихриста», да и если он будет издавать вторым изданием свою книгу или напишет к ней второй том, он не последует

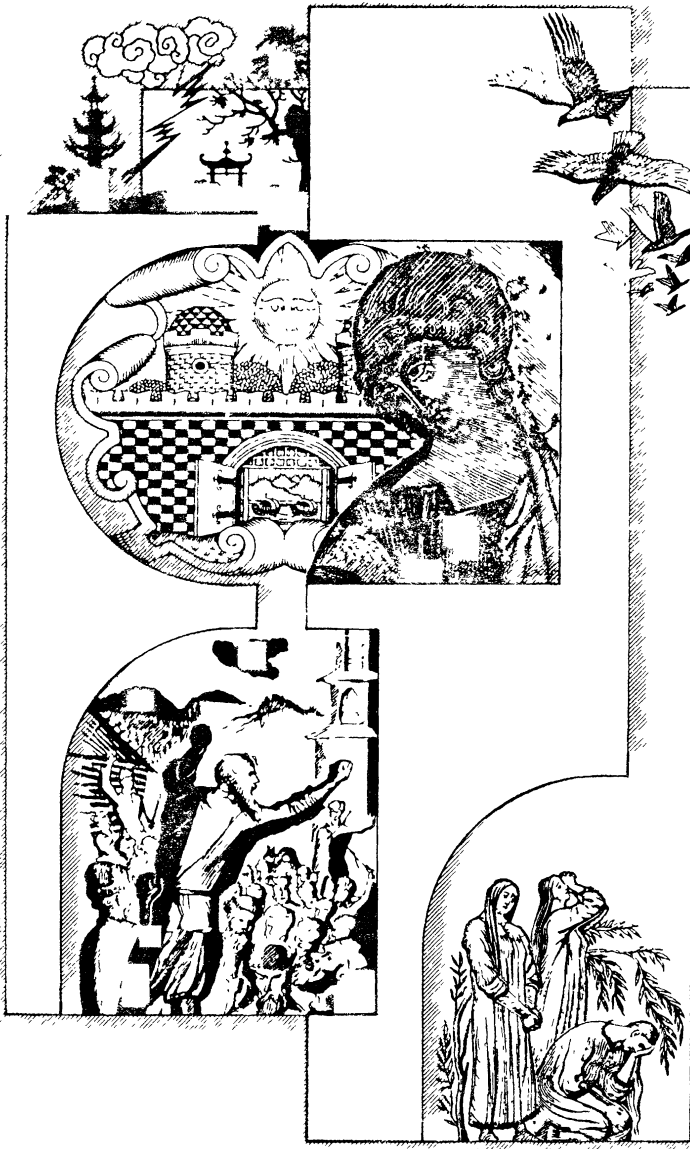
моему указанию и не занесет ее в «признаки». То есть это ему не представляется, как и шутки мужиков наших, *антибожественным*¹. С этой точки зрения вся его книга может быть принята как-то «наоборот». Ему не кажется антибожественным то, что явно анти-божественно; а рабочим в Вестфалии, да может быть и французам, «потребовавшим удаления конгрегаций», может быть, давно уже кажется «анти-божественным» то, что проф. Беляеву кажется так просто, обыкновенно и «простоительно». Невозможно не заметить, что начало «как бы светопреставления» относится всеми духовными к моменту выпада власти из их рук, к падению авторитета их; в последнем анализе — сведение их к простоте и ясности «раба Божия Моисея, кротчайшего из людей», «странников Петра и Павла», «первосвященника Садока», которые служили, все служили, по Единому Богу (тогда еще единому), и служили плечо с плечом с людьми, не получая поклонения себе от них. Но я вернусь к вестфальским рабочим, да и к более общей судьбе Франции. Что же осталось им, что же *останется*? Пройдут десятилетия, может быть, два-три века действительной пустынности или малорослости души; вроде нового *Moyen Age, Mittel-Alter*²: но — не вечного, отнюдь не окончательного. Отрастут ростки души, специально доселе и уже давно, тысячу лет атрофированные. Описывают зоологи, что в пещерных озерах, вечно темных, у рыбы есть глаза, но *они не видят*. У европейского человечества, у души европейской есть почти несомненно множество таких же еще «закрытых» способностей, зачаточных или *подавленных* сил, главным образом — в отношении к природе, но также — и Бога, которым проснуться *возможно* и которые *проснутся*. Рыбы, вынесенные из такого вечно темного озера, индивидуально, может быть, и умрут незрячими; но в дальнейших генерациях зачаточный глаз — *увидит*. «Мы не веруем в Бога и не желаем ничего знать о Нем» — этот ответ вестфальца есть только за себя ответ; ну — за своего сына, наконец — внука; но не за внука этого внука. Шевельнутся ростки души, теперь совершенно невидные. Кто знает, как будет внук его внука смотреть на зеленеющее дерево? Мне пришлось прочесть об «безбожной Франции» известие, которое тронуло меня в Петербурге, потому что здесь оно невозможно; самые бедные парижане, вот такого же недостатка, как и вестфалец-рабочий, целой семьей (всегда семьей) выбирают за город, отъезжают несколько станций по железной дороге и, забравшись в лес или расположившись на лугу, имея привезенную с собой провизию, *проводят целый день среди зелени*. Это — характерно. Известно, до какой степени оголены от растительности наши несчастные великорусские

¹ Как для нас «Христос» есть *Бог* и даже *весь Бог* (при крайне ослабленном, только нумерационном, предстании Отца и Св. Духа), то, очевидно, термин «Антихрист» есть *Вне-Бог*, Без-Бога; а «знаки Антихристового царства», «Антихристово пришествие» суть знаки или проявления особенно специфического и яркого *вне-божеского* порядка, *безбожного* духа. Но ни проклятия папы, ни пьянство и дебош Руси богословами не обоняются как что-то характерно *«вне-божеское»*.

² Средневековье (*фр., нем.*).

деревни и села. Сказать, что у крестьян нет ни времени, ни сил посадить дерево,— невозможно уже оттого, что находят же они время посадить старика в опару. Но чувства *природы и зелени* совершенно нет у него, и это я не могу не связывать чуть ли не с «природным» его алкоголизмом, как и с «разгулом 200 мужиков» до такой степени удали, что один парень показал себя голым девицам. Природа трезва, чиста и деликатна; а вместе — она и возбуждательна, живительна. Посадить дерево, раскинуться семьей на лугу — это все равно как потянуть вина из тонкого горлышка древнего сосуда, но вина благородного, не отравляющего. Алкоголизм и отсутствие зелени в наших селах я считаю застарелыми «знамениями пришествия Антихристового»; ибо это явно антибожественно; да и дикий вид деревни, описанной выше, являет полное забвение Бога, хотя бы они и «клялись Богом» пьяными устами. В вестфальской деревне — тишина; у нас — гам. Что зреет в тиши, что готовится в гаме — никто этого не знает. Но верится и даже веруется, что там в тишине, в благообразии вызреет, ну, пусть через века — но, однако, вызреет слово, понятие, образ «Бог»; вызреет и молитва к Нему, ну — пусть новая, необычайная. Что-нибудь вроде лепета первых латинов о *Dii Lares* ¹. А около квашни с посаженным в нее стариком, как и около исключительного гнева папы, все будет ломаться, уменьшаться, опадать до совершенной пустыни, до непереносимого голода.

¹ Ларах, богах домашнего очага (*лат.*).

В. В. Розанов

В темных религиозных лучах

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это еще что за «темные лучи»?.. «разве они *бывают?*» — спросит читатель, взглянув с недоумением на заглавие книги... Да, читатель,— они и в *физике* есть. Правда, долго считали, что из Солнца исходит только тот *белый свет*, с помощью которого мы все видим вокруг. Но вот его разложили призмою. Получился спектр, тот известный ряд полос — желтой, красной, синей, фиолетовой и т. д., — который мы наблюдаем в радуге, когда солнечный луч преломляется в каплях падающего дождя, или на стене комнаты, позади стеклянной призмы, поставленной на пути солнечного луча... Казалось — «все». Свет, представлявшийся нам «белым», состоит из семи цветов. Но прошло и это время... За одним «казалось» выступило другое «кажется». Когда за границею крайней фиолетовой полосы спектра начали ставить разные растворы, то увидели, что они подвергаются сильнейшему действию «чего-то», что уже не было ни светом, ни цветом.

Это — *темные лучи* Солнца, бесцветные, бесцветные... Приводящие в движение химические вещества, соединяющие одни из них, разделяющие другие; убивающие жизнь, возбуждающие жизнь. Они также стремятся лицебно, как всякий луч, и вообще суть подлинные лучи: но не света, действующие на глаз, а какие-то другие... и всего скорее — это лучи просто *энергии, силы*... Они *есть*, — и здесь мы могли бы кончить объяснение с читателем, насколько он недоумевает о заглавии книги. Но хочется продолжить.

От того великого Солнца, духовного Солнца, которое возшло над человечеством 2000 лет назад, — также несутся снопы света, «при помощи

которого мы все видим вот уже 2000 лет»... И вообще всегда считали этот свет «простым и белым»... Но разложение его уже давно началось. Все давно догадываются, что он не так прост, как кажется. Монастыри, — что такое они, как не *грусть*, как не *уединение человека от человека*? Откуда это, если свет совершенно «бел и прост»? Грусть человека... печаль человека: всякий почувствует, что едва мы произнесли это, как назвали главное христианское чувство, без которого нет его, нет без этого чувства христианина. «Веселый христианин» — это такое же *contradictio in adjecto* ¹, как «круглый квадрат». Вот загадка, или, лучше сказать, введение к загадкам...

Явно, что свет христианства вовсе не «простой и белый». Откуда же меланхолия? Откуда любовь к пустыне, к уединению? Откуда столп всего в нем, монастырь? Позвольте, разве есть христианин без таланта слез? «Боже, дай мне *слезный дар*» — молитва пустынь и людей пустыни, которые все разработали в христианстве, все утвердили в христианстве. До очевидности ясно, что свет, «при помощи которого мы все видим», вовсе не белый и уж в особенности не простой, а как-то *окрашенный* и необыкновенно сложный... До исповедимости, до неисследимости...

Как окрашенный? И что *вокруг* этих лучей, *далее*, — *за ними*? Природу великого Духовного Солнца мы можем сколько-нибудь постигнуть, перейдя от триюизма о его свете — «простой и белый» — к исследованию невидимых частей христианского спектра. В тайне *слез христианских* содержится главная тайна христианского действия на мир: ими преобразовало оно историю. Не бичами, не кострами, не тюрьмами: все это — бессилие тех, кто не умел плакать. Инквизиция — конец христианства, тюрьма — ниспровержение его. Нет, не здесь его центр.

Центр — прекрасное плачущее лицо.

«Nos victor eris» — «сим ты будешь побеждать».

Западное христианство, которое боролось, усиливалось, навело на человечество «прогресс», устраивало жизнь человеческую на земле, — прошло совершенно *мимо* главного Христа. Оно взяло *слова* Его, но не заметило *Лица* Его ². Востоку одному дано было уловить Лицо Христа... И Восток увидел, что Лицо это — бесконечной красоты и бесконечной грусти. Взглянув на Него, Восток уже навсегда потерял способность по-настоящему, по-земному радоваться, попросту — быть веселым; даже только спокойным и ровным. Он разбил вдребезги *прежние* игрушки, земные недалекие удовольствия, — и пошел, плача, но и восторгаясь, по линии этого темного, не видного никому луча, к великому источнику «своего Света!»...

¹ противоречие в определении (*лат.*).

² Любимое католическое изображение Христа как *измученного борца*, по лицу и телу которого текут капли и струйки крови, — непонятно Востоку, недопустимо на Востоке, отвратительно для Востока.

...«мой свет!» ...«родной наш Свет».

Только с русским народом, с русским пустынноиком Христос «уродился»: на Западе же Его лишь «знают». Разница большая. Да, русский народ в печали: но эта печаль до того ему сладка, до того ему родна, что ее он не променяет ни на какие веселости...

* * *

Пробовали (и пробуют) соединить христианство с социализмом: нет большей противоположности! Социализм — весь в крепкой уверенности о земле. Христианство же есть полная безнадежность о всем земном! Социализм — хлебен, евангелие — бесхлебно. Социализм — день, когда все предметы имеют точные свои размеры и точный свой вид: христианство же все — ночь («се Жених грядет в *полунощи*»), когда предметы искажены, призрачны, не видны в реальных очертаниях, и зато приобретают громадные фантастические формы. Без мечты и сновидения и без *присутствия в человеке сновидящих способностей* — христианства не было бы, и оно было бы невозможно. Оно все зиждется на *не-реальном, сверх-реальном* в человеке: отнимите его — и христианства нет!

Социализм же весь борется против этого сверхреального: оперировать его у человека — *суть* его! Как же они слились бы, соединились? Говорить это можно было только до обращения внимания на «темные лучи» в христианстве, которые лежат позади «видимого спектра его»; пока думалось, что так как «христианство есть белый простой свет» *«благо-желательности к человеку*, и социализм также есть «белый простой свет» *«благо-деятельности*, то отчего же бы им и не «совпасть»? «Оба желают *добра человеку*»...

Да.

Но социализм хочет сытого человека — у которого труд и сон без сновидений.

Христианство прежде всего хочет сновидений; оно хочет плачущего человека, любящего свою печаль.

Разница — в корне вещей, и — неизмеримая.

* * *

Книга эта печаталась в течение более чем трех лет; и уже два года назад, в ответ на запросы читателей, когда же появится обещанное в предисловии к книге «Около церковных стен» — другое и более глубокое исследование христианской религии, — я через письмо в редакцию «Нов. Времени» уведомил, что эта книга выйдет в *непродолжительном* времени. Однако подбор к ней матерьяла занял много времени: надо было взвешивать и выверять не только слова, то и *тон* каждой страницы. Кстати: на обертке, где хранился этот матерьял, стояла моя пометка для памяти: «*После арифметики*». В уме я держал: «*Около церковных стен* — это арифметика; это — *то простое и ясное* в христианстве, тот *белый луч* прямой благожелательности, какой все

видят в нем до встречи с обстоятельствами, играющими в отношении его роль разлагающей призмы». Призма разделяет его на два цвета: белое христианство — символизируемое *белыми ризами* духовенства (во время церковной службы), *белым духовенством* — семейным и не отделенным от мира, и множественно других более мелких явлений; и второй цвет, который по цвету монашеских одежд, его символизируют — можно назвать *темным, черным* христианством. «Черное духовенство», «монашество» — к этому привык наш слух. Наконец, и это в особенности важно: среди черного духовенства встречаются лица до того жизнерадостного и веселого, я бы сказал — светлого и легкого (не в дурном смысле) настроения, — что при встрече хочется обняться с ними.

Достоевский в старце Зосиме дал великий, идеальный его образец. Он очень многих увлек, и «для пользы дела» можно согласиться с тем, что старец Зосима выражает *суть христианства*. Но на самом деле, конечно, это не так: он выражает до-христианский, первоначальный *натурализм*, то «поклонение природе», «поклонение всему» (пантеизм), с проклятия чего начало христианство, что «срубить до корня» уже пришел Иоанн Креститель. Нет строя души, более *противоположного христианству*, чем душевный покой и душевная светлость Зосимы, исключают нужду во Христе... Зачем Христу приходить, если *все* радуется на земле, *все* счастливо, безмятежно, прекрасно «само собой»... Нет, Достоевский тут просто ничего не понял; «бе в языческой тьме». У него только фразеология, только «причитания» христианские... Не Зосимы, вовсе не Зосимы победили древний мир. Победили его другие. Кто? Плакавшие о мире, а не улыбающиеся в мире. И среди белого духовенства, священников, наконец, даже среди мирян — встречается совершенно другой *тон* христианства, уже не «отпускающий ближнему так скоро вину его». Совсем другой тон, о, до чего другой...

Исследованию-то этого «другого тона» и посвящена моя настоящая книга. Она вся движется в невидимом, мало осязаемом. Я называл ее мысленно отделом «после арифметики» — «логарифмами» христианства. Но теперь мне приходит на ум лучшее название. Лейбниц и Ньютон открыли в математике «бесконечно малые», «текущие» (изменяемые) величины, «флюксии» (термин Ньютона)... Вот это имя вполне подходит к настоящей книге, выражает все ее существо, ее мысль и тему. Каким образом христианство, *столь к человеку благожелательное*, однако пришло к *инквизиции*? Явно, что здесь скрыта цепь «флюксии», «переменных бесконечно малых величин», «дифференциалов»: ибо ведь *перелома* из «да» в «нет», перелома в убеждениях, в вере, в идеалах мы *при этом* нигде не наблюдаем! В этом-то все и дело, что *разлома* нет!! Нельзя сказать, *исторически не было*, чтобы католики 1000 лет «гладили по голове», — но потом «начали жечь: и вот *тогда* произошла *реформация*!! Ничего подобного!!! Никакого перелома, реформации, бури: тихое веяние... Веет, веет, гладит волосы, сладко, съедобно, веет, опять

веет, горечь, опять сладко, еще слаще, веет, веет, чей-то раздался стон, но все замерло, веет, веет, выпали гвоздики, выпали иголки, кого-то укололи, смертельно, веет, веет, хорошо ли, дурно ли, все мешается, все непонятно уже, веет, веет...

Так до нашего времени.

Инквизиция вошла в Церковь «дифференциалами», а не простым «делением, умножением», не арифметическими действиями. Если бы она пришла «делением», произошла бы реформация: и тогда никакого вопроса не было бы, незачем было бы писать этой книги. Но... *никто не заметил ее (инквизиции)!!!* Когда те пять-шесть кардиналов, которые постановили «сжечь» и действительно «сожгли» кого-то,— то никому решительно не пришло на ум спросить, не «впали ли они в *ересь*»? «не *отделиться* ли нам от них»? Отделились бы — была бы «арифметика», никакого вопроса не было бы. Но в том и *суть*, что *никто от них не отделился*, и они сами считали и чувствовали себя со всеми слитыми — *соединенными со всем христианским миром, верными ему, служителями его...* Т. е. в кардиналов вошли некоторые «флюксии», темные незаметные лучи *подлинно христианства* же, но обычно незаметные, да и... зачем замечать? Заметит тот, «до кого дойдет очередь»... Бьются в спорах в наше время, например, протоиерей Светлов из Киева, профессор университета и «все знающий» (в богословии), и тоже «все знающий в богословии» архиеп. Антоний Волынский: но арх. Антоний — «с флюксиями», а прот. Светлов — без флюксий. Архиеп. Антоний знает, вернее — ощущает больший объем христианства, он знает и то, что за «светлыми белыми лучами», а от прот. Светлова это совершенно скрыто. Но вот тайна истории: архиеп. Антоний *одолевает* Светлова, исторически одолевает, магически одолевает, волшебным одолевает. Мы говорим — «рок», «судьба», «*fatum*»... Способностей у одного не больше, чем у другого, таланта — не больше. Но Светлов — рациональный человек («белый луч»), а арх. Антоний — иррациональный, т. е. его положение иррационально, и он вправе воскликнуть: «Бог за меня! *Христос со мною*».

В этом все дело: *с которым* из них Христос? «Оба такие христиане»... Да, *обои* христиане: а так *ненавидят* один другого... «Не мир принес Я на землю, нет! но — разделение».

Приведенное изречение — типично «флюксивная», «дифференциальная», «логарифмическая» строка в книге, положившей основание всему. При обычном «гладком» и «ровном изложении», при изложении «для всех», строки эти, и вообще все до «высшего анализа» относящиеся строки — пропускаются, и излагаются только одни «арифметические истины»: «раздай *ты* имущество», «пусть *он* на тебя не сердится», «помиритеесь вы *оба*» и т. д. Но «флюксивные истины» тоже не забываются и излагаются при специальных случаях, «когда есть нужда».

Напр., нужно, чтобы люди приучились к любящей покорности, чтобы они жили не по своей воле: тогда выступает флюксивная строка: «Вот — все что вы (некоторые избранные, «малое стадо» духовных правителей) на земле свяжете — будет связано на небесах».

Настоящая книга зарывается именно в христианские «флюксии» — «текущие малые величины», пошедшие от Источника нашего Света. Она исследует только тонкое, незаметное, бесцветное, безвидное, бездокументальное. Исследует как бы «вкусы» и «запахи», а не куски, части и члены тела (арифметика). Читатель, перевертывая ее страницы, будет долго чувствовать, что как будто он читает уже все старое и ему известное: это — впечатление от тех «кусков массивных», *мимо которых* он будет проводиться (арифметика); на самом же деле с первой уже страницы книги он будет читать все совершенно для себя новое, так как самые куски придвинуты к нему только ради «запаха» и для «вдыханий». Суть книги этой... в некотором безмолвии (как ни странно сказать). И ее полная пбнятость читателем будет заключаться в безмолвном же согласии со мною: если он ощутит те «темные лучи», тайный ожог которых я чувствую и многие чувствовали... но никогда никто не понимал.

В. Р.

С.-Петербург, 17 ноября 1909 г.

ТРЕПЕТНОЕ ДЕРЕВО

Мы загасили огни. Но вместо того чтобы разойтись спать, вышли в сад, чтобы подышать полчаса — час ночью.

Глубокое безмолвие было в воздухе. Ночь была темна, но как-то странно. В саду, на ближней полянке, в подымавшемся за дачей лесу стояла черная темь. А небо было светлое, бирюзовое. По нему, как веснушки по лицу, были раскиданы бледные и маленькие звездочки, наши северные, бескровные звездочки. Все было невыразительно. Но нельзя сказать, чтобы в этой невыразительности не было чего-то духовного. Точно больная девушка, которой немного жить, но которая тем упорнее в мечтах своих и пожеланиях. Белокурое небо. Не замечали ли вы, читатель, что вся наша северная природа белокура, тогда как юг, и его небо, и звезды — явный брюнет. Что-то такое есть...

Деревья сада замерли в безветрии. Но одно высокое дерево, наискосок от нас, трепетно билось своими листочками. Точно что-то нервное пробегало в нем, точно листва его шевелилась внутренним электричеством. Оно было красивее, духовнее других. Но я рассеянно смотрел на него, не обращая особенного внимания.

— Я очень люблю это дерево, — сказала одна из собеседниц, — хотя вы знаете, какая о нем есть легенда...

Тут только, взглянув внимательнее, я заметил, что это осина. Когда-то я рассматривал ее листья, чтобы определить причину постоянного их трепета. Каждый листок осины сидит на очень длинном и довольно слабом черешке, и в то же время сам слегка изогнут. Малейшее давление атмосферы, таким образом, повертывает его из стороны в сторону; и как абсолютной неподвижности воздуха не бывает, то дерево и трепещет постоянно листьями.

То, которое было перед нами, было необыкновенно красиво. В листьях его был именно трепет, а не просто движение. Среди сонных куп других деревьев сада оно казалось одно не дремлющим и не усталым. «Точно оно вечно оправдывается или вечно вспоминает», — подумал я. Но эта мысль пришла мне в голову потому, что я знал легенду.

— Какая легенда? — спросили многие из общества.

— Очень печальная и нехорошая. Что когда Иуда предал Христа, то почувствовал угрызение совести и удавился. Он удавился на осине, и с тех пор она трепещет листьями. Подобная же легенда есть о воробьях. Вы заметили, как они скачут. Предание рассказывает, что они принесли гвозди, которыми были пригвождены руки и ноги Спасителя к кресту.

Признаюсь, о воробьях я не очень понял. Я продолжал смотреть на дерево, которое положительно было трепетно. И вот я стал думать, до чего неосторожен человек, что невинные и беззащитные растения окружают мрачными вымыслами своего воображения. Дерево являло ему чудный вид. Оно редко и исключительно. Но вместо того, чтобы любоваться им, человек заподозрил его в каком-то чудовищном родстве или единении с предателем Иудой, и что дерево вечно дрожит от страха. Какой вымысел! Какое уродство в смысле!

И я перенесся воображением за две тысячи лет. Никогда я не мог постичь сна учеников Иисусовых в Гефсиманском саду. Сон на учеников Иисусовых точно был нагнетен, точно это был магнетический сон,— тем более что нигде еще в Евангелии не упоминается о их сонливости или нерадении! Я много раз размышлял над этим: Какая здесь цель? Для чего показан этот сон? Какой в нем смысл? Заметим, что сон учеников во время молитвы Спасителя в Гефсиманском саду навеки запомнился в человечестве как упрек, самоупрек, как показатель слабости человеческой и, в частности, как показатель того чрезмерного превосходства, какое имел Учитель перед своими учениками. И даже более. Они чрез этот таинственный сон, который так легко счесть за небрежение, точно причастились все духа и деяния Иуды. Хоть немножко, но тенденция к этому есть. Тот предал, эти не усторожили. Тут и знаменитое трехкратное отречение Симона от Христа во дворе Каиафы получает свое объяснение. Это тот же уклон: «Он — взят, а вы то спали, то отрекались! Один из вас привел воинов! Конечно, Он имел врагов; но страшнее и унижительнее для человечества, что Он не имел друга!»

И тогда оба явления, и сон и отречение, суть только лучи, только частицы одного потрясающего события, уже шедшего в мир: смерти Бога среди людей и от людей. Как это ужасно! Еще каинство человека, еще убитый в нашем доме, на нашем поле Авель! и какой Авель!

И вот, как бы испуганный и оправдываясь, в эту ночь и перед этою осиною я спросил себя о том, о чем никогда в жизни не спрашивал себя:

— И мы — Иуды?.. Опять Каины!

О, что значит врагам погубить? Они на то и враги, идут с открытым забралом. Наконец, они осуждены. Но «ученик предал» — это гораздо

страшнее, чрез это именно *мы*-то, тоже ученики, осуждены; и куда уже нам деться, не видим. Совершилось второе тягчайшее грехопадение человека: *убили Бога*. О, что перед этим, что когда-то в Адаме люди Его *не послушались*... То было маленькое падение, это — большое, *главное*...

Вот о чем я и думал, сидя перед осиной. Она все так же трепетала. И я трепетал. И как бы хотел я закричать, заплакать: «Нет, Господи, этого не было, нет! Мы не спали, не отрекались, не предавали; мы кричали: *«Осанна Сыну Давидову! благословен, Грядый во имя Господне!»* И пальмы, и одежды под ноги, и дети.

А тусклые звездочки все так же мерцали. И что-то знали, чего я не знал.

1901 г.

ПО ТИХИМ ОБИТЕЛЯМ

I

В Саров надо ехать не через Арзамас, через который едут почти все, а через станцию Шатки, следующую за Арзамасом в направлении от Нижнего. Большой тракт, проложенный от Арзамаса и идущий мимо Сарова, страшно разбит несоразмерно большой ездой по нему, колеи чрезвычайно глубоки, и тройка лошадей почти все время тащит коляску шагом. К тому же ямщики этого большого тракта избалованы и развращены хорошим и верным заработком, — и тем, что без них едущим никак не обойтись. В Арзамас нижегородский поезд приходит около 4 часов пополудни. На вокзале спать негде: на лавках, на полу стоят, сидят и лежат (даже на полу лежат) всевозможные больные, калеки, слепые, параличные, которых ведут или которые едут «к Угоднику». Собственное имя Серафима Саровского здесь уже не называют, заменив его нарицательным и обобщенным «Угодник», в котором как будто больше силы и припадания. Вся площадка около вокзала заставлена тройками, парами и одноконными кибиточками, которые жадно подхватывают пассажиров. Плата за тройку взад и вперед, с заездом из Сарова в Серафимо-Дивеев монастырь, стоит 25—30 руб., одноконная полутелега-полукибитка стоит 5 руб. До Сарова 60 верст. И как за поздним приходом поезда невозможно в тот же день доехать до Сарова, то приходится ночевать в дороге. Ничего не знающие пассажиры тут-то и узнают неправильность избранного маршрута. Кроме деревень, до Сарова ничего не встречается. Ямщик привозит пассажиров в ту крестьянскую избу, которая уже стакнулась с ним и где он получает «за гостей» 2—3 стакана вина и сколько-нибудь денег, а пассажиры, которым нет выбора, получают клопов, духоту, грязь и вонь, и платят по четвертаку за самовар воды и почти столько же за кринку молока или ломоть хлеба. Напротив от Шатков, которых почти никто из едущих не выбирает, по незнанию, исходным пунктом отправления в Саров, — лежит хорошая, не разбитая дорога, пара лошадей все время бежит рысью, а главное — получается отличная ночевка. Поезд приходит в Шатки часов в пять пополудни. Дорога сыра, местами грязна, но везде сносна, нигде не опасна при хорошем ямщике, умеющем объехать и совершенно негодный мост, и крутой овраг. Плата отсюда 15 рублей. Я долго выбирал ямщика из толпившихся перед вокзалом (их гораздо

меньше, чем в Арзамасе) и не ошибся: мужик оказался, по отзыву крестьян, через деревни которых мы проезжали, не берущим в рот вина. И во всех отношениях он был исправен, добросовестен, не жаден,— хотя слишком сер и в мнениях своих, как увидит читатель ниже, излишне решителен и грубоват.

Часа через три, все же измученный тряскою в безрессорной коляске, а главное, отсырев и озябши, я въехал во двор. Стоял темный вечер, без луны и звезд, облачный. Лошади шлепали в грязь. Было тесно между какими-то каменными стенами. Я перекрестился на издали видневшуюся церковь. Это была сельская, чуть не возле стены монастыря. Наконец, ямщик остановился около грязного, маленького, едва заметного крыльца. И выйти пришлось в грязь. Но едва я сделал несколько шагов по каменной лестнице и сейчас же по каменному коридору второго этажа, как передо мною распахнулась дверь обширной, чистой, необыкновенно уютной комнаты, с домашнею не «номерною» обстановкою, хотя это был именно номер. И такая предусмотрительность: в конце июля комната оказалась тепло натопленною! На дворе не было не только холода, но и дождя. Но хозяева предвидели, что путнику в ночь или поздний вечер ничего так не надобно, как теплый угол, теплая, не отсыревшая постель. Я помню отвращение, с каким ложился буквально в ледяную и мокрую постель великолепной гостиницы в Венеции в половине мая, и благословил ум русских, догадавшихся, что путешественнику нужны не канделябры, не зеркала, не шелковая обивка кресел, а чистая простыня, пуховая подушка да сухой и теплый воздух недавно протопленной комнаты. «Самовар, скорее самовар!» И через минуту я грелся в совершенно русской обстановке. Это была гостиница Понетаевского женского монастыря, образовавшегося лет сорок назад из сестер, вышедших из Серафимо-Дивеевского монастыря вследствие раздоров, возникших из-за выбора новой матери-игуменьи. Оказывается, монастыри наши, несмотря на строгость царящей в них дисциплины, являют собой каждый автономную монашескую республику с чрезвычайно независимыми обычаями, с своевольною историею, вообще без муштровки, без подчинения, почти без надзора откуда-нибудь из Петербурга или Москвы, а только с легкою вассальною зависимостью от центров духовного управления. Это и понятно. Не Церковь родила монастыри, а монастыри родили Церковь,— родили ее строй и дух, одежду и замыслы. Монастыри — это те первоначальные островки среди языческого древнего океана, которые, спаявшись, сплотившись, и образовали собою потом материк Церкви. Раньше, чем древние Отцы и учителя явились на соборы, чтобы выразить догматы Церкви и определить ее уставы, они были уже монахами, пустынниками. Прибавим к этому, что из монастырей ни в древние, ни в новые времена ни один не был административно основан, властительно учрежден, а все они возникли свободно, лично, из какого-нибудь подвига старца, из биографии святого. Таким образом, даже как-то и в голову не может прийти кому-нибудь посягнуть на это

сердце Церкви, свободно бьющееся. Притом, вследствие страшной внутренней дисциплины и понятного духа монастыря, никогда не могло зародиться главного государственного мотива к стеснению их: подозрения в «неблагонадежности» этих своеобразных черных республик. Ибо насколько они были вдохновенны, насколько были свободны, они всюду проводили дух того же «послушания» и дисциплины, который так любили в себе, которым поэтически жили; и дух этот был в высшей степени нужен и желателен решительно при всяком политическом «обстоянии» (монашеский термин). Монастыри всегда были друзьями сильной власти, полной покорности; но друзьями не из боязни, не по политиканству, не по земным и утилитарным или временным соображениям, а по настоящему, глубокому, непоколебимому убеждению. Это была земная здешняя половина религиозно-мирового устройства, часть небесной философии, ступень к Богу, средство спасения души. Никогда еще монастырь не был возмущен какою угодно формою самовластия: если только оно не было направлено к подрыву самого монастыря или монашеского духа (как это случилось при Петре Великом); никогда монастырь или монах не положили границы человеческому самоуничтожению, не сказали «довольно, остановись!» при виде какой угодно робости, подавленности, покорности, сведения на «нет» личности в человеке. И отсюда-то, из этого глубочайшего и поэтического совпадения строя монастыря со строем развивавшихся в Европе монархических систем, эти последние оставили монастырю свободу жизни, самоуправления, свободу биографии и уставов, какой вообще не оставили никому другому, никакому лицу, общине, учреждению. Псков и Новгород как давно уже пали! между тем в эпоху Аракчеева и Клейнмихеля в монастырях разыгрывались эпизоды типично новгородские, типично псковские — только иного колорита. И кажется, монастыри сейчас же и разом все закрылись бы, «братья» и «сестры» из них разошлись бы, посягни кто-нибудь на эту чрезвычайную и (по нашим временам) странную свободу их бытия, всех его подробностей.

Сестры знаменитого Серафимо-Дивеева монастыря разошлись в кандидатке на завтрашнюю чрезвычайную над собою власть: и когда, наконец, игуменья, после всех волнений и борьбы, была выбрана, — несогласные не захотели ей повиноваться, ушли за 40 верст в сторону и основали со своей кандидаткой новый монастырь, Серафимо-Понетаевский. Теперь в нем более 700 сестер. В первый раз я видел пустынь. Это вот что такое: вы едете полями, лесами, кругом — хлеба и сосна, кругом — деревня на много десятков верст, иногда — на сотни верст. Все серо, грубо, бесприветно. Все — глубоко необразованно, и кроме вчерашнего и завтрашнего дня, ничего не помнит и ни о чем не заботится. И среди этой буквально пустыни, культурной и исторической, горит яркая точка истории, цивилизации, духа — забот самых отдаленных, воспоминаний самых древних. Сияют куполами и крестами великолепные храмы; позолота, книги, живопись, пение, самый прав, обычай, весь

внешний облик являют чрезвычайную тонкость, самый изощренный вкус, к созданию которого уже бессильно наше время и который умели выработать только великие творческие цивилизации древности и средних веков. Я в первый раз видел «пустынь»; и как вообще я ни чужд идей монастыря и всего монашеского духа, я был очарован виденным; очарован, восхищен — и воображение мое закружилось идеями, совершенно противоположными тем, к каким я привык.

Представляю себе, до чего же должно быть сильно влияние монастыря на народ, который не подходит к нему с тем специальным предубеждением, не скрою — почти с враждою, с каким подходил я. Влияние это должно быть колоссально, подавляюще; должно быть разбивающим всякое личное сопротивление. Недаром столько сильных и поэтических душ ушло в монастыри.

Прошло 19 июля, день рождения Серафима Саровского, «Угодника» всех трех обителей, Саровской, Дивеевской и Понетаевской. Все знают, как бывает скучно «назавтра» после праздника: все делается ленивее, все становится тусклее, серее, чем даже в обыкновенный день. Но день, когда я попал в обитель, был особенно несчастен: шел понедельник, «тяжелый день». Гостиница, где ночевал я, сейчас же у стены монастыря. Я вошел в ворота и пошел по краю громадного, искусственно вырытого, квадратного пруда, с прозрачной и чистой водой. Сейчас же за ним начались куртинки, цветники, палисадники. Все это — в виду огромного каменного корпуса с богатой, узорной орнаментировкой. Солнце едва поднялось, и прекрасно ложились его лучи и на зеркальную гладь вод, и на сырую, холодную зелень. «Где же служба?» Мне указали не на собор, стоявший прямо впереди, а на этот каменный корпус здания. Над входом я прочитал надпись: «Здесь помещается живописная школа». В некотором недоумении я шел дальше и вошел в церковь, домовую, при общезитии и школе; или, может быть, школа и кельи построены при церкви, занимающей бельэтаж?.. По крайней мере последняя так огромна, как самые большие петербургские храмы, и не напоминает собою обычно маленьких домовых церквей.

Шла ранняя обедня. Шел не только «понедельник» и день «после праздников», но и час суток был такой, когда в церковь приходит очень мало народа, почти исключительно серого. И здесь были только группы больных, калек, слепых и очень мало пришедших просто «к обедне». Храм был весь заполнен собственными обитательницами. Никогда в жизни я не видел такого огромного числа «черной братии», и, может быть, не разделенные, не рассеянные инородным людом, они являли вид свой в той яркой очерченности и бросающейся в глаза выпуклости, в какой собственно и следует рассматривать всякое явление. Повторяю, я не люблю монашества; но, когда я увидел стройные ряды этих сотен «черных дев», где не было ни одного лица грубого, жесткого, ни одного легкомысленного или пустого (а я очень в них вглядывался), но все светилось приветом, уступчивостью, помощью, — я удивился великому

преобразованию, какое производит в человеке обстановка, дух, «устав». Ибо ведь все эти сотни, я знал, были крестьянки, а с крестьянином (ямщиком) добросовестным, но грубым я только что провел в разговорах несколько часов. Вот подошел приложиться к огромному образу один из богомольцев: но он зачем-то стал прикладываться не к иконе, а к крошечному, в два вершка, образку, приставленному к иконе. При первом прикосновении образок свалился, и не наружу, а между деревянной подставкой иконы и шелковой желтой материей, которая эту подставку завешивала. Богомолец засуетился, сконфузился, пытался поднять образок, но даже и не мог его найти. Ему сейчас же, без упрека и досады, помогла сестра. И она не без труда отыскала завалившийся образок, указала богомольцу приложиться куда следует, а образок моментально вновь «осветила», приложив ликом к чудотворной иконе, и поставила на прежнее место. Подают ли «поминания»; не умеет ли паралитик подняться на скамейку, или слепой не видит, куда идет: везде тут — монахиня, везде — помощь, ласка, без упрека, без досады, усталости, лени; с той милой, спокойной «благоуветливостью» (монашеский термин), которая есть высший синтез природной доброты и обдуманых обычаев, к которым приучен с детства.

Я видел столь же стройные, массивные ряды, в церкви, и на публичных актах, гимназистов и гимназисток: ничего подобного и даже приблизительно! Я видел и никогда не забуду самую благовоспитанную человеческую толпу перед собою, благоустроенную, спокойную, к бесконечно многому готовую, не смятенную и, кажется, не могущую поддаться никакому смятению при всяком «обстоянии». Это большая сила и красота! Не забудем, что все они готовы повиноваться одному мановению — в их духе, в принятом ими направлении! Без этого — бунт, сопротивление. И это хорошо: потому что самое повиновение здесь не бессмысленно, не хаотично. Я стал всматриваться в храм, в богослужение.

Служил очень толстый и красный священник, с очень грубым лицом. Сколько я знал священников в женских монастырях, все они почему-то одного вида: за сорок лет, но не доходя до 50, толсты и безобразны с лица (на мужской взгляд). Ничего «духовного», какая-то странная противоположность лику монахинь. Не мог не улыбнуться в себе: «это — как Аписы в Египте». И действительно, отношение к этим толстым, физическим существам одухотворенных монахинь полно благоговения, почти молитвенности: кажется, каждая из них готова бы лечь ковриком «с крестиком» под тяжелыми сапогами пятипудовой фигуры. «Апис! Апис! его существо!» Меня это и прежде всегда удивляло. Я стал присматриваться кругом. Вот-вот, кажется, монахиня с кадилом в руках или с огромною зажженною свечью стоит не только в северной двери, но чуть ли не продвинулась в нее. Я, однако, не верил: Екатерина Вторая так жестоко разбила своего друга, Е. Р. Дашкову, когда та неосторожно позволила себе войти в алтарь. Сложилась по поводу этого острота:

«она вошла не как женщина, а как президент Академии наук». Недоступность алтаря для женщин есть не подробность в наших храмах, а одна из фундаментальных особенностей их. Когда младенцам на 40 день после рождения дают молитву, то мальчика священник вносит в алтарь, а девочек не вносит. По воззрению Православия, уже 40-дневное дитя-девочка слишком «не чиста», «греховна», чтобы вступить в «святое святых» новозаветного храма. «Евою мы все согрешили» и «наш Бог не был женщиною, ни — с женщиною». Эти вот ритуальные подробности, сказывая дух Церкви, хотя не суть «догматы», но важнее их: это — та поэзия, лирика, из которой все рождается, в том числе и догматы. Вдруг я увидел монахиню, вошедшую в самый алтарь, бесспорно, — потому что я увидел ее через царские врата!!! Я внимательно следил за движениями ее там, и мне хотелось бы увидеть ее пересекающую весь алтарь, прошедшую, напр., позади престола или особенно между престолом и царскими дверьми: но последнего я не видел, — может быть, не по невозможности, а по ненужности для целей служения проходить по этим особенно священным местам алтаря. Однако она свободно двигалась, по крайней мере, в левой половине алтаря, и это было первое зрелище для меня, где я увидел женщину *религиозно* сравненную с мужчиною, чего нет нигде решительно ни в службах, ни в молитвах, ни в чем!! Если вспомнить, что 40-дневную девочку нельзя внести в алтарь, что в него не может войти и императрица, то нельзя усомниться, что в этой особенности выражено огромное, особенное, ненормальное самочувствие монашества, монахов, монахинь. «Хлыстовка! все они хлыстовки!» — промелькнуло у меня сближение: конечно, никому из них и в голову не приходит это родство с опаснейшею из наших сект, эта их близость к «богородицам» «божьих людей». Но я вспомнил, что в обширных (и лучших у нас) исследованиях о хлыстовстве гг. Реутского и Добротворского везде описывается, как первоначальное возникновение в какой-нибудь местности этой секты неизменно приурочивалось к какому-нибудь женскому монастырю, и что в XVIII в. некоторые женские монастыри в Москве поголовно увлекались в это тайное и странное экзальтированное учение, может быть, и не всегда доходя до полноты его обрядов и учения. Есть единица и ее дробь; есть краска и ее полутона, тени. Если выбросить грубую и материальную сторону хлыстовства, их обряды и нелепую фэбулу об основателе, а взять только крайнее аскетическое учение их, постоянную молитвенность этих «божих» людей, их экстаз, а также и странное ощущение себя «богородицами» и «христами», т. е. прижизненно святыми, безгрешными, исполненными особых сил духа, то окажется множество точек соприкосновения между нормою монашества и аномальностью хлыстовства. Два тела; но одно при температуре в 38°, слегка лихорадящее, другое — 39°, 40°, совершенно больное.

Вот стоит одна из сестер в северных дверях, чтобы подать зажженное кадило дякону. Мало ли как можно стоять и мало ли как можно

держат вещь. Но здесь взято,— и это обычай, без намерений красоты выработавшийся,— самое красивое. Левая рука согнута в локте, положена на грудь и кистью поддерживает локоть правой руки, пальцы которой недвижно и высоко держат кадило... Ни одного рассеянного взгляда я не уловил; ни одного скучающего лица, с подавленной зевотой. Между тем за службой не было матери-игуменьи. «Республика» жила собою, не под надзором и не из страха, а делала все по святому одушевлению к святому делу. Стал я всматриваться в живопись: вся она в светлых тонах, голубых, розовых, зеленых, белых. Черная краска совсем почти не видна, между тем как она преобладает в городских приходских церквах. Большинство изображений — не стоящие недвижно лики, как опять же у нас, а события из Новозаветной и Ветхозаветной истории, т. е. движения, народные группы. И снова я вспомнил, в учении «божиих людей», знаменитую догму о «таинственной смерти» и «таинственном воскресении»: что сперва надо таинственно «умереть» для мира, все мирское изгнать из себя; тогда душа останется одна, в себе, и в ней обнаружится «малый росток» новой и другой жизни, который начнет с этого времени увеличиваться, и человек еще здесь, на земле, узнает тайну «воскресения». В этой монастырской живописи я не нашел ничего собственно монашеского: нашел одушевление, жизнь, полет. И вся литургия, весь храм, все молящиеся — точно имели крылья и летели. И было им легко, не уставали. Так это странно было видеть после наших обеден, когда только устают ноги и чувствуешь боль в спине; ибо прежде всего не оживлен, даже не занят в них.

II

Да и не здесь ли только христианство имеет полет? В монашестве христианство получило себе стиль, т. е. получило тот «вкус», который управляет бесчисленными подробностями религиозного выражения. Это важнее догмата, это неизмеримо его важнее! Догмат есть мысль, знание, ведение: а религия, во всяком случае,— не ведение, а биение сердца, скорбящего, умиленного или переживающего еще тысячи чувств! Она вечна в человеке. Всякий человек, почти всякий, есть центр крошечной религии, особенной, таинственной, *своей*: и только от того, что вообще люди не несходны, что они сцепляются в массы,— эти крошечные религии сливаются в одну, большую. Нет, собственно, двух людей с абсолютно тождественной религией, «вера» коих походила бы, как «*a*» и «*a*» в алгебре. И этого не нужно, это была бы смерть религии как вечного спутника человека на земле, «ковчега» души его, который он пронесет среди суеты, как евреи через пустыни несли свой национальный ковчег. Вернусь к монашеству. Были души с первоначальным в себе отращиванием к многообразию, к разнообразию, с первоначальным сильным и несколько монотонным настроением души. У нас четырех писателей: Лермонтова, Гоголя, Достоевского и, несколько менее,— Толсто-

го, можно очень представить себе монахами: Пушкина — невозможно, хоть он и написал «Отцы пустынники». В монахи вообще не годится человек с разнообразием и неустойчивостью в душе. Итак — стиль душ, монотонно-сильных, незаметно охватил собою первоначальное зерно Евангелия и дал ему свою исключительную обработку. Ведь и «общество христианское» и «семья христианская» — суть проблемы, а не факты. А монастырь — это факт, и притом давно созревший. Христианство и созрело только в монастыре. Здесь его бесспорная вершина, острие: *семья ли, общество ли, государство* и его учреждения — все это просто явления языческого порядка, к которым Евангелие никак не пристало и они никак не пристали, не подошли к Евангелию. Наденьте на «сочинения Пушкина» обложку из Добролюбова или обратно — и вы получите явление, подобное именуемым: «христианское общество», «христианское государство»; или — ближе и конкретнее — «христианский финансовый контроль», «христианский клуб». Ибо ведь «общество-христианство» бывает в клубе и служит в контроле. Что же это за смешение, за какофония?! Нет стиля. Как нет его в городах наших, где аракевская желтая стена чередуется с коринфскою колонною и стрельчатым готическим окном. Безобразие. В монастыре все выдержано. Нет противоречий. Нет несовместимых разных культур на одном вершке пространства. Поэтому-то он давит на душу, очаровывает просто потому, что это цельно и едино, а следовательно — убежденно и последовательно!

«Единое и многое», *ἓν καὶ πολλὰ* — над этим много ломала свою голову еще греческая философия. И никак, читая об этой проблеме их мудрецов, включительно до Платона, не поймешь, что, собственно, занимало тут греков и чего они не могли в этой теме разрешить себе. В монастыре это я понял. Мир — многообразен; и есть свой стиль, свое увлечение в этом многообразии. Человечество не только не могло бы, но оно и не должно хотеть жить каким бы то ни было монотонным явлением, пусть самым прекрасным. Монастырь и мир — как это совместить? Вот новая постановка вопроса об «*ἓν καὶ πολλὰ*». Нужно страшное сужение природы человека, страшный и вечный зарок ее перед потребностями развития, просто — *роста*, чтобы она могла войти в монастырь. А вне монастыря христианство хаотично; вне монастыря оно просто *попеп*¹, в приличных случаях упоминаемый. Вот великая проблема, непосильная для гиганта. Правда, Евангелие везде и говорит о «малом числе избранных», о том, что «званных много, а избранных немного», оно отделяет Марию от заботливой многообразной Марфы. И, вообще, монастырь тверд, монастырь имеет в самом Евангелии слишком много почвы для себя. Монастырь и говорит довольно ясно, что вне его «спастись нельзя» или «трудно»; что он есть тот «узкий путь», по которому идут немногие; та «драгоценная жемчужина», найдя

¹ имя, название (*лат.*).

которую купец «продает все свое имущество и покупает ее одну». В Евангелии есть тонкая игла особенного устремления, сломать которую решительно не могут «гуманисты-христиане», хотевшие бы заметить Церковь неким «универсальным братством» или «роскошью культурного пиршества». Они обманутся! В конце концов они ужасно обманутся! Ибо совершенно бесспорным остается, что Христос принес на землю что-то исключительное, особенное, *новое*, отчего и зачалась новая эра. А «культурного пиршества» и «всемирного братства» было много и до него. Как будто не Каракалла велел сравнять в «правах гражданства» всех обитателей империи-мира?!

Христова — келья, а мир — *не* Христов. «Мужайтесь, ныне Я *победил* мир»: никак гуманистам-христианам не удастся сломить это и некоторые другие столь же основные, таинственные, необходимые изречения Христа. Мир естественный, натуральный несомненно *не* Христов, ибо если бы он был уже изначала и по существу своему «Христов», то *незачем* было Христу и приходить! Фраза Тертуллиана, бесчисленное множество раз повторенная, что «душа человеческая есть *по природе* своей христианка», — одна из самых ложных, ошибочных фраз, с которой не согласится ни один монастырь. Напротив, «душа человеческая есть по природе *язычица*», которая воснытывается к христианству только через некий трудный подвиг, пройдя через «тесную дверь» бесчисленных отречений (Мария отреклась от *всего*, чтобы *только* Иисуса слушать). Без этого специального приуготовления и воспитания, *до* него, — «душа человеческая» и развернулась в язычество, в целый ряд языческих культов, языческих гражданственностей, искусств, философий, наук. Какова «естественная душа человека» — это она показала памятно и документально до Христа, в Ахилле и Тирсисите, Платоне и Эпикуре, в Сократе и Сулле, в Нероне и кротком Тите, «утешении рода человеческого» (прозвание). Древность, язычество — это и есть Humanität, чистая и исключительная человечность, новые песни которой запели Гете и Шиллер:

Радость, ты искра небес, ты божественна,
Дочь Елисейских полей,
Мы, упоенные, входим торжественно
В область святости твоей.

Этого стиха не уместишь в монастыре — ни напева в этом духе, ни картины в этом духе. Вся прелесть живописи в монастыре есть только *по-видимому* прелесть *признанной* действительности, но на самом деле — признанной уже *после* «таинственной смерти»; под углом образа смерти, через ужас которой проведена душа. «Божии люди» — пусть и мужики; но со всею мужицкою силою они глубоко схватили некоторые основные христианские идеи и, пожалуй, выразили их точнее, пунктуальнее, нежели как это есть в которой-нибудь из Церквей. Всякая радость земная рассматривается в нем через грусть. Где нет *грусти* — нет христианства! Язычество — это младенчество до какого-то перелома, потрясения,

испытания, после которого просто невозможно, неестественно впасть вторично в младенчество! Это гроб матери перед глазами семилетнего ребенка; собственная тяжелая болезнь. Христианство — *выздоровление*; но — *не* здоровье! Этой-то основной тайны христианства и не улавливают, когда воображают, что его можно слить с торжеством культуры, первоначальным, здоровым, непосредственным. Недаром древние храмы были полны тельцов, овец, голубей — здоровья еще дочеловеческого; а новые полны хромых, слепых, расслабленных.

Недаром в Евангелии вкраплено столько рассказов об «исцелениях», между прочим об исцелении именно «расслабленного», — а Христос начал свое «новое» изгнанием животных из храма. Здесь вовсе была не филантропия, а открывалась *новая* сущность, *иной* дух. «Не здоровые имеют нужду во враче, но *больные*», — этого наречения Себя врачом невозможно забыть в учении Христа. Да что иное значит и слово «Спаситель», как не тот же ли «врач»? *Болящие*, *боль* мира, и *не долгая* уже жизнь, которая после болезни кажется как «воскресение», как «преображение», — вот в волны чего Христос опустил свое слово. И решительно невозможно и ненатурально перенести это слово или привить его к первоначальному дичку природы, растущему, полному сил, и который вообще ничего себе не ожидает и ни в чем для себя не нуждается! Самодовление — и нет христианства! Нужда, жажда, алкание — о, на эту раскаленную почву христианство капнет ответной влагой. Слова о здоровье и о больных, сказанные Самим основателем новой религии, и определяют «первоначальную натуру», Humanität, «естественную душу», как неборимо внехристианскую и до-христианскую, еще не нуждающуюся в Небесном Целителе. Это не значит, что она *вне* Бога и без Бога, «безбожна» или даже просто худа: но что она пока находится в круге Отца Небесного и не доросла еще до Страдающего Сына. Весь мир до нашей эры мог бы повторить как свое исповедание весь первый член нашего Символа веры; точнее, этот первый член и объемлет собою древний мир, все его «упования». Это — «πολλὰ», «многое и разнообразное», над которым размышляла греческая философия. С Христом сошло на землю «ἐν», «единое» той же философии; «единое на потребу», как говорит наша религия, почти вторя эллинским мудрецам. В этом смысле «мир» и «монастырь» навсегда останутся неслиянны; но, оставаясь разнокатегоричны, и один и другой восходят к божественному; мир — к Ипостаси Отчей («в доме Отца обителей *много*»), монастырь к Ипостаси Сыновней («Мария избрала *единое* на потребу»).

Мне захотелось увидеть частные кельи Понетаевского монастыря, и я получил ответ, что это «можно». Сейчас, по окончании ранней обедни, монахини еще толпились во втором этаже домово́й церкви или поднялись в рисовальное училище, вверх. В нижнем этаже, где находились кельи, я увидел длинный коридор, наподобие гимназических, весь

увешанный черными монашескими мантиями. Мне отворили дверь одной из келий.— Комната, где никогда от основания не было табачного дыма, не слышалось запаха водки, в которую никогда не «ожидали гостей», имеет психическую атмосферу, весьма отличную от наших жилищ. Четыре кровати по стенам комнаты, шкаф для платья, комод для белья и книг, большой стол, несколько стульев и многочисленные карточки «сродников» (ведь почти все монахини — крёстьянки) являли, в общем, необыкновенную уютность, безукоризненный порядок и чистоту. Видно, что никогда беспокойство не смущало этого вечного покоя. Мне эти келейки напомнили комнаты воспитанниц-пансионерок здешнего Медицинского Института, которые я тоже осматривал. Только разница была в непрменном зеркале, которое у институток было, а у монахинь — нет, и еще в «героях» на стене. В кельях были карточки знаменитых духовных лиц, старцев, архимандритов, игумений, у медичек — Дарвина, Гельмгольца, Писарева, у некоторых — Батгистини или Мазини. Вообще, у одних все было по-деревенски, по-крестьянски, у других — по-дворянски, по-городскому. Но одни и другие сближались тем, что были равно упорядочены, и чисты, благоустроены, умны. «Вот где ступень от деревни к городу — монастырь!» — подумал я. Во все время осмотра у меня мерцала мысль, как было бы благоотворно, если бы девочки из окрестных деревень проводили год (не более) пансионерками в «пустыне», конечно, обучаясь какому-нибудь рукоделью или ремеслу. Здесь нет книжной науки, но пластика быта выработана до высокого совершенства, а ведь она воспитывает не меньше, чем уроки арифметики или грамматики.

III

— Ну, что же, отец бьет тебя? — спросил я девочку лет десяти во время отдыха в одной из проезжих деревень.

С изумленно поднятыми на меня глазами она отвечала:

— Вестимо, бьет!

Она как будто смеялась на мой вопрос, и что городские жители не знают такой простой вещи, что каждый отец бьет свою дочь.

— За что же он бьет тебя?

Сейчас ответа ее, с такими же изумленно поднятыми глазами, я не помню: не то — «шалю», не то — «много ем».

— А пьет он?

— Вестимо, пьет.

— А мамка бьет тебя?

— Вестимо, бьет!

И тоже как выражение — просто факта! И удивление, что городские не знают этого всеобщего их деревенского факта. Меня поразил совершенно иной тон в деревне, за два шага до монастыря, чем какой был тон в монастыре. «Вот это — правда! Вот это уже настоящая правда, в этих

физиологических нуждах деревни, и в этом фактическом языке, каким говорят деревенские жители», — промелькнуло у меня.

Говорят, по деревням, все о болезнях и о нужде. Около недоконченного сруба какой-то постройки я сделал «привал» на дороге и спросил молока и хлеба, пока кормились лошади (часа полтора); ехал я не один, и около нас собралось много мальчишек и баб с грудными ребятами. И один разговор: нужда, нужда и нужда! Спросил о священнике ближнего села: «Батюшка у нас — святой человек, моего брата на своей лошади свез в больницу»; «дал хлебца (зерно) и в долг не поставил»; «молодой: у него матушка трудно больна, да сынок прошлый год помер». Я понял, что сам страдающий, священник помогал и другим страдающим. Как и везде в христианстве, больные ходят около больных, болезнь лечит болезнь же. Где этой *связанности в боли нет* — христианство тускло или нереально, риторично. От этого наши гимназисты так глухи к «урокам Закона Божия», что они еще здоровы, молоды, у них все — в надеждах! Такое состояние — вообще не для религии, и в интересах ее самой я запретил бы ранее 40 лет «открывать тайны религии». Да и «открывать» я их стал бы опять же в каких-нибудь катакомбах, подземельях, людям специального душеустройства. А то с паркета, из гостиной, из клубов несется клич: «религия — миф, старый пережиток!» И это так громко и самоуверенно, что толпы не могут не смущаться и не верить. Между тем как религия реальна и вечна, но только рассмотреть-то ее можно из подземелий и страдания. Ведь и звезды многие видны только в телескоп, и мир новых тканей и новых организмов был неведом до микроскопа.

Крестьянам в кои-то поры было нарезано по одной, по полторы десятины «на душу». И как со времени этого прошло почти полвека, то теперь на душу приходится где $\frac{1}{2}$, где $\frac{3}{4}$ десятины. Этот нарез неполной десятины — норма во множестве сел и деревень, которыми я проезжал. Я слышал разъяснения, что в пору освобождения крестьяне потому охотно брали безвыкупной и крошечный «сиротский надел», что, при смутности понимания всего дела и вообще по темноте своей, опасались, как бы в связи с платежом денег за выкупаемый большой надел их не вернули снова в крепостное состояние за невыплату денег. Они поспешно взяли, что можно, чтобы только развязаться совсем с помещиками, заподозрив в сложности выкупной операции хитрость. Так мне приходилось слышать от пожилых сельских священников, которые и сами, вероятно, основывались на слухах же. Я вошел в несколько крестьянских изб. Самое ужасное в них был пол: он был какой-то сломанный посередине; дерево как-то не различишь от земли. Все невообразимо сорно, загрязнено, тесно и душно. Огромные, почти над всей избой, полати представляют основу сна, а огромная в пол-избы печь представляет основу еды. Еда, и сон, и труд — это все! Вдали, в перспективе, — храм, крестный ход, праздник. Редкий наряд деревни, которая так и любит праздники: не за то, что они дают простор лени (народ — трудолюбив),

а что они как бы являют единственный цветной кусочек материи, вшитой в сплошное рубище. Сколько я разговаривал по дороге, нет других интересов, вопросов, понимания, кроме как: «откуда взять помощи?», «кто придет и поможет?» Как я понял, здесь в Нижегородской губернии, еще вовсе нет штунды, появившейся лет 20 назад в Малороссии. «У немцев — лучше» — дрогнула мысль в массах. Страшная вещь масса! И поползла эта мысль по черным головам, нечесаным, неумытым, с насекомыми в волосах; поползла и все одолела: и старую привязанность (честную) к Православию, и незыблемую верность Державе-Родине.

Ямщик, который вез меня, добросовестный, огромный мужик, кормящий стариков отца и мать и четверых детей, работал года четыре назад каменную работу... в Темир-Хан-Шуре!! Вон куда заносит нужда. Значит, русский мужик не ленив, значит, он ищет! Отхожие промыслы есть великий показатель, что мужик наш не лежебока. Но он решительно сбит с ног: 1) малостью земли, 2) отсутствием верных и обильных по близости заработков. Раньше грамоты, раньше даже веры надо спасти физиологическую суть народа. Надо положить или хоть не выбирать рубль из его кошелья — и уже затем его стричь, чесать, учить, даже «креститься» учить! Раньше всего надо «быть», и уже потом на это «быть» надевать культуру. А в деревне нашей поставлен вопрос о самом «быть». Еще на ступень опуститься ей — и все треснет там; ибо пахарь на дохлой клячонке, держащий вместо коровы козу (все виденные примеры!), местами ленивец (от беспомощной бедности, до отчаяния, начинается лень), везде почти пьющий (русский опиум), вдруг протянет по дорогам руку за подаванием! Нищенство страшное явление. Тихое — оно зловещее бурь. Нищий — пансионер народа. Но когда сам народ «протянет ручку», кто же ему тогда подаст? откуда? что?!

Я разговорился с ямщиком моим как о Понетаевском монастыре, так и о Саровском, к которому мы подъезжали.

Монахинь виденного мною монастыря и он одобрял. «Они не лупят глаза на приезжих, как иные кто». Оказывается, игуменья их сама художница, хотя и из крестьянок: «получила крест в Петербурге за рисованье». Епископ Иннокентий, недавний викарий петербургский и ныне тамбовский епископ, заказал монастырю до 50 икон Преподобного Серафима. К сожалению, самой школы рисовальной я не осмотрел, думая, что это неудобно в женском монастыре для мужчины. Между тем в Петербурге мне сказали потом, что это было вполне возможно. Ямщик сообщил мне, что монастырь имеет много земель, ведет обширное хозяйство, держит огромное стадо коров, более 75 голов. «Что же, монашки их пасут?» — спросил я наивно. — «Держат пастуха». «Куда же молоко идет?» — «А на монастырь. Их 700 сестер. По воскресеньям, вторникам и четвергам выдается на каждую по стакану молока. Запас идет на масло, творог, сметану». Я забыл сказать, что за «номер» в монастырской гостинице платят «по усердию». Я дал три рубля

за большой номер, три постели в нем (с бельем) и два самовара: норму стоимости городского номера. — «Была здесь генеральша, и тоже ночевала; так та дала 80 коп.; сказывала сама». Значит, «усердие» не дает больших барышей монастырю. Вдруг я услышал от ямщика замечание, сперва удивившее меня, а потом рассмешившее.

— Они как вроде цыганок будут.

Это о монахинях. Несходство, разность категорий изумила меня. Одни пляшут, другие молятся. «Откуда такая мысль, и не бредит ли он? Да не ослышался ли я сам?» — И я его переспросил.

— Да, как цыганки, так и они то же самое. Юлят. Подлещиваются. И все, чтобы получить что-нибудь в руку. Ну, вы...

И он ударил по лошадам. В словах его была та же категоричность, не допускающая возражений, как и в девчонкином: «вестимо, бьет тятка». Но я далек от мысли как предполагать, что так-таки решительно уже в каждой деревенской избе «бьет тятка», так и от того, что единственный мотив монастыря, монашества и монахинь — «обирать». Мужик иногда видит не дальше адвоката (вспоминаю судьбище над Митрофанией). Одного задавило и подавило подозрение во всеобщей плутоватости, другого — во всеобщей грубости. Субъект расширяет свою психику до универса; голодная деревня, взглянув на великую эстетику монастыря, в первый момент изумляется, а в следующий решает: «э, да все это для корысти!» На самом деле, самая корыстность, плюшкинская корыстность — не доводит ни до чего, кроме как до разорения, провала, окончательной нищеты. Ибо она прежде всего отталкивает, антипатична: а как же вы богатство приобретете без притока людей, без окружения людьми, и это одинаково в монастыре, в торговле, в банке! Мне кажется, что именно щедрость, но только не глупая, — является источником твердого, настоящего обогащения. Все основатели великих фирм бывали поразительные филантропы, «раздаватели милостыни»; это — у нас (помню старообрядцев Курбатовых в Нижнем), у англичан, у евреев (Монтефиоре). Скупость — начало разорения; скупец-глава фирмы наносит первый удар фирме. Так в торговле; верно, что так и в монастырях. Вполне верю, что Понетаевский монастырь ласков, «благоуветлив» вовсе не потому, что ждал от меня рубля. Я его видел на литургии, когда не было никого, кроме мужиков. Да и невозможно «манер» выработать так, чтобы не прорвалась черная душа. Но монастырь богатеет, ласков поэтому, природно ласков — и на старое богатство летящее новое богатство. Что это — так, или вероятно — так, я имел случай проверить в Сарове.

IV

Коляска, после необозримых хлеонных полей, въехала в высокий бор. — «Я проведу вас дорогой, по которой никто не ездит (действительно, все другие ямщики при въезде в Саров поехали другой дорогой).

Она немного дальше, зато лучше». Действительно, только при выезде из Кавказских гор я видел это же великолепие лесной хорошей дороги; только там это было подтропическое великолепие, а здесь все в миниатюре и скромнее. Лошади легко и быстро бежали по отличной дороге. Полная тишина кругом. Ни людей, ни строений, ни проезжих. Скоро уже гостиница, самовар — и я млею в ожидании. Да и конечная цель довольно сложной и утомительной поездки оживляла душу. Вечерело. И на душе было хорошо.

— Вот они, варлаганы!..

— Как? Кто?

— Известно кто. Золотая рота.

Снова я и мои спутники были изумлены. Ямщик указал кнутом на группу «чернцов», с длинными, развевающимися по ветру волосами, как у царей на сасанидских монетах. Они то бродили, то стояли, разговаривая, между деревьями и действительно «лупили глаза» на проезжих.

— Но, вы, энвухи! — окрикнул ямщик лошадей, трогая возжой. Почему-то он всю дорогу именовал их этим названием, едва ли понимая его значение и, верно, услышав его в азиатской Темир-Хан-Шуре. И мимо каменных больших корпусов с вывесками: «Гостиница № 6», «Гостиница № 5» и т. д. подкатил нас к корпусу, ближе всего стоящему к воротам обители: «Гостиница № 1».

— Есть ли, однако, свободный номер? — забеспокоился я, как бы хватая убегающий самовар.

— У моих ездоков завсегда будет номер, — сказал твердо ямщик. — Разве в крайнем случае полчаса обождете, пока освобождают номер.

Но не пришлось ничего ждать. Номер был готов. Праздники и несносная теснота в гостиницах уже минули. Темные тени вечера падали на землю. Через полчаса, много через час запрут монастырские ворота, а я их уже видел, открытые, и через них — огромный храм, с мощами Угодника, привлекающими тысячи богомольцев. Наскоро велел готовить самовар, мы все, не переодеваясь, поспешили в монастырь. Храм был уже совсем темен, только в глубине его, очевидно над ракою, горели ряды лампад. Путники мои прошли туда, а я остановился у свечного ящика и попросил, для мелочи, разменять 25-рублевую бумажку.

— Без корысти (так и сказал) я вам не разменяю.

Всегда мне разменивали. — «Ну дайте две свечки по пяти копеек, только поскорее».

— По пяти нет. Возьмите в пятьдесят.

Опять я изумился. Никогда в жизни таких больших свеч не ставил. Действительно, он подал толстую и длинную, обернутую в золотую ленточку, свечу. Приблизившись к раке, я увидел, что других и не горело. Но я забыл суету и поклонился Великому Угоднику.

В пору, когда Пушкин писал «Руслана и Людмилу», декабристы зачитывались Ламартином и Байрон пел «Чайльд Гарольда», в эпоху

конгрессов, Меттерниха, в эпоху начинающегося социального брожения, — в этих лесах жил человек, явивший изумительное воскресение тех тихих и созерцательных душ, какие во 2-м, 3-м, 4-м веках нашей эры жили в пустынях Ливии, Синая, Сирии. Ни один еще святой Русской земли так не повторил, но без преднамерения, неумышленно, великих фигур, на которых, собственно, как мост на своих сваях, утвердилось христианство. И какие особенные слова у них были? какое учение? Томов они не оставили: хотя в трепетной памяти потомства и запомнились 2—3, 5—6 афоризмов, «изречений» их. Где же тайная их сила? Неуловимо. Но Небо им что-то сказало. Лег знак Неба на чело их. Все это почувствовали; и опять: как почувствовали, через что — неисследимо! Но все запомнили, отметили. Все с тех пор идут сюда. Это — особенное место, особенное лицо, не смешиваемое с мудрецами, с великими вздымателями волн истории, как Гус, Иероним Пражский, Лютер. Здесь — все тихо. Была ли здесь хоть малейшая неправда, как есть она везде, во всем на земле, по слабости человеческой, по греху человеческому? Мне кажется, существо «отшельничества», в первой и чистой фазе его, и заключалось в желании «уйти от греха». Ибо «грех» всегда является от замешательства обстоятельств, от столкновения их с лицом человеческим и лица человеческого с ними. Уединись — и станешь немного лучше. Уединись надолго — душа успокоится. На этом основаны религиозные идеи отдыха, праздника (бесшумного) и покоя. Наконец, уйди на всю жизнь в леса, к звездам, к утреннему солнцу, к живительной росе, проводи рукою по этой холодной росе на утренней заре или, поднявшись на пригорок, следи, как солнце садится в купы деревьев, — и так сегодня, завтра, всегда, — и душа очистится, станет прозрачна, как слеза росы на зелени, без мути в себе, без пыли на себе. Она сольется с природой, сделается от нее неразличимой. И природа как бы уже прижизненно вберет в себя такого человека, как она вбирает всякого после его смерти. И тогда придут к такому человеку животные, не боясь его, даже любя его, даже понимая как-то его, — и он их постигнет новым постижением.

Встав от мощей, я оглянулся на храм. Высоко влево над дверями было огромное изображение Св. Серафима с подходящим к нему медведем. — «Хорошо, — подумал я, — что в храмовые изображения внесены медведь и сосны».

Но я ошибся. Спрашивая потом «икону Преподобного Серафима с медведем», я услышал спокойный ответ: «Это картина, а не образ; а вот образок».

Вспитрашили, чуть-чуть согбенный, с прекрасной бледной рукой на груди, являл старец действительно дивное, единственное лицо свое.

Но это — замечательно. Уже сейчас «икона» и картина разошлись. Я задумался о судьбах нашей религиозной живописи, которым столько светил науки (в наше время — акад. Кондаков) отдали свои силы. «Почему же Серафим Саровский, молится ли он на камне, кормит ли он медведя, или идет в лесу с посохом и топором за поясом — все дивные

явления настоящей, *прожитой* им жизни, жизни *поклоняемой* — не могут быть занесены на *поклоняемую икону?*» Отчего его *жизни* мы поклоняемся, именно *она* признана *святою*: а если, однако, эту жизнь, «православленную», поклоняемую, запечатлеть *как есть* в красках, на кипарисной доске, — то это будет только «картина» и перед нею нельзя ни зачехлять лампы, ни поставить свечи?

Тема — для Кондаковых, тема — для ученых. Мне кажется, от нее начиная, они могли бы повести самую интересную часть своих исторических и философских изысканий. Очевидно, тут сокрыт принцип, ещё не формулированный, «иконы» и «живописи». Обыкновенно ссылаются, давая *типы* икон, на «подлинник» греческий или русский, что — «так было», «так — *подлинно*» (реально). Теперь, когда еще ничего официально не установлено относительно изображений Св. Серафима Саровского, нашей духовной власти, очевидно, предлежит высказать общий принцип «иконописи» — и на основании его определить, установить «дозволенный к поклонению образ» Препод. Серафима. Почему он должен быть *один*? Почему *конкретный* Св. Серафим Саровский на него не может войти? Почему не войдет *подвиг*, а только *схема* и еще *сан* (епитрахиль)?

V

При посещении Сарова, ради сохранения времени, нужно отделять то, что всегда было и по существу остается разделенным: самые останки Преподобного и тот монастырь, близ которого, в лесу, он жил и который совершенно обыкновенен. Может быть, их соотношение жизненное всего выражается в повторении, какое наблюдается и сейчас между огромным, людным, полным движения и озабоченности монастырем и между почти 90-летним старцем, отцом Анатолием, живущим верстах в семи от монастыря, в лесу. Осматривая одну из часовень в Сарове с остатками жилища и имущества Св. Серафима, я обратился к полному монаху, показывавшему мне их, с вопросом об этом «прозорливом и мудром» от. Анатолии, о котором только что услышал, — и раздумывал, не поехать ли к нему. Лицо монаха и голос его выразили равнодушие:

— Конечно, многие ездят. Да разве здесь вам мало святыхни? Ничего особенного; рассказывают, преувеличивают. Взад и вперед вы заплатите за лошадь 5 рублей, так лучше деньги эти пожертвуйте на монастырь.

Действительно, я несколько раз проходил около «лавки для записи поминаний» (вывеска). Их здесь так много, что прием поминаний (на год и проч.) не совершается за особым столиком в церкви, но потребовал отдельной для себя постройки, помещения.

Теперь «славится» от. Анатолий. Лет 70—80 назад был приблизительно в таком же отношении к монастырю Препод. Серафим. Его путь спасения был глубоко особенный, личный, свой. Старчество, теперь уже могуче поднявшееся на Руси, — ибо в редком хорошем монастыре нет

своего «старца» — представляет именно воскресение личности в монашестве и вместе углубление ее, субъективизм, снятие с себя официальности в отягощающих чертах. Таковы и были самые древние «отшельники», века II и III, без «пострига», без службы, свободные во вдохновении и подвиге. Но в веке IV, V и позднее явилось желание еще поднять, оформить и еще «усовершенствовать» это сильное явление. Превзошел «устав» в отшельничество — и создался «монастырь» как униформное, безличное сожитие многих, жизнь которых текла отныне в строжайшем подчинении мелочно-подробным правилам. Старчество, на наших глазах, явилось реакцией к древнейшему, свободному и личному, подвигу. Как монастырь не может не соединиться с понятием «братии», так старчество и старцев нельзя представить многих вместе. Таким образом, хотя старчество ютится около монастырей и сами старцы состоят в чине монахов и иеромонахов, однако они являют в себе незаметный и тихий, но вместе могущественный и очевидно победный вид антагонизма с монастырем как уставом и формой — преобразование и форм и духа его.

Собор Саровской пустыни и небольшая площадь, на которой стоит он, полны движения и звуков речи и ходьбы. Вот несут в плетеной из ивовых прутьев корзине расслабленную, худую, интеллигентную, не старую еще женщину, с недвижным, застывшим лицом и установленными в одну точку глазами. Ее пронесли в собор. Вот передвигаемая с места на место ручная кибиточка: она разделена на два отделения. Подходишь с одной стороны и видишь уродца от рождения, у которого вместо ног какие-то лепешки, а тельце маленькое. Поддаешь пятак и почти уже только из любопытства заходишь и с другой стороны: но, к ужасу, и там сидит точь-в-точь такой же уродец, а возящий тележку объясняет, что это «братцы». Навсегда врезался в моем воображении душевнобольной, «бесноватый». О них читаем в Евангелии, но в натуре я их никогда не видал, хотя и знаю, что бывают по городам. До чего верно схватил это особенное, ни на что не похожее выражение лица Рафаэль в своем «Преображении» (внизу картины, в земной ее половине, нарисовано «исцеление бесноватого», мальчика). За спиной больного стоял сторож, дюжий человек. Рядом — жена в черной косыночке и черном мещанском платье. Сам «бесноватый» — полный, плотный человек, лет 35, приблизительно из торговцев. Его поставили перед ракоу угодника, чтобы слушать чтение акафиста. Сторож нанят водить его, смотреть за ним, при случае — чтобы справиться с ним: ибо никто не знает времени, когда начнется припадок. У самого больного через каждые две минуты, в течение которых его и за больного нельзя признать, начинают так страшно выворачиваться глаза, что видишь одни почти белки, и он оскаливает зубы. Взгляд — бродящий, тяжелый, точно ищущий кого-то, ищущий имени, лица ему нужного и ему уже предвременно знакомого. И, когда он ведет глазом по здоровому, тот его не чувствует, а когда останавливается на человеке с задатками аналогичной болезни, на нервном, полубольном, душевно

угнетенном,— ужас овладевает, последним: «он меня нашел!» Вообще как есть двойные звезды, друг около друга, вращающиеся, так есть, мне кажется, и «двойные» душевные болезни, где два субъекта связаны таинственною нитью. Больной в Сарове, странствуя глазами, все искал одну женщину, которая, видимо, его пугалась, старалась на него не смотреть и ему остаться невидимою. Но маленькое движение народа, прикладывание к кресту — и вдруг они рядом! Или через море голов, пока кто-нибудь на линии пересечения глаз кладет поклон, вдруг глаза «бесноватого» и боящейся его женщины, однако украдкой и со страхом смотрящей на него, встречаются.— Поминутно читаются акафисты приезжими священниками; их очень много здесь, очевидно, приезжающих с особенным, чем другие богомольцы, чувством: «вот я, недостойный иерей, своими устами и над самыми мощами чудотворца прочту ему молитву». Прекрасная подлинная черта крепкой веры нашего священства. После каждого чтения акафиста с поминаниями (которые берутся не весьма внимательно) следует всеобщее прикладывание ко кресту и затем прикладываются к мощам. Множество серого народа. И вот мужики, бабы, вынимая из-за пазухи посконных рубах копейки, кладут, прикладываясь, на блюдо, поставленное на раку. Есть студенты, гимназисты, барышни, всякий люд. Глаз мой не ошибся, различив и 1—2-х курсисток. Молитва горяча; вряд ли где горячее. Не непременно только мужики умеют молиться. Вот полная, хорошо одетая женщина, с девочкой 7—8 лет и мальчиком 4—5. Почти нарядное платье в живом контрасте с лицом, полным слез и пылающим. Именно не глаза плакали, а все лицо; и точно из всех пор его готовы были выступить слезы. Другая женщина, простая, все клала длинные поклоны: и долго-долго лежала каждый раз голова ее на ступеньке, ведущей к раке. Когда она отошла (чтобы прикладываться), дерево ступеньки было так за-капано слезами, точно тут немного полили из лейки. Так удивительно это было видеть. Я незаметно стал на нее месте и, положив земной поклон, поцеловал эти слезы. Если бы даже кто не любил Бога, как не полюбить эту любовь к Богу? Чудное дело — религия; как-то умеет же человек самое насущное свое — боли, страдания, горести, поименные, ежедневные — связать с самым далеким, неосвязаемым, вездесущим. И молится вот о «болящей Тане» Тому, Кто держит миры под десницею и покровительствует Вечности: как будто такая даль может видеть такую малость! Но — видит она! А главное — человек верит, что видит, и жив этою верою. И свят же человек молящийся... Если бы даже «там», в небесах, и было пусто, как непременно хотят скептики, то все равно слезы человечества уже сами по себе суть религия и вызывают к себе религиозное умиление... Не на всякий час и не у каждого бывает молитва. Я так был занят виденным вокруг, что сам и не помолился, разве только холодно и механично. К тому же я не богомольщик-зритель, а богомольщик-музыкант; вдруг ударит тон молитвы, повышение, понижение голоса — и меня трогает до глубины.

Зрелище же будит во мне размышление, а не молитву. В акафисте Св. Серафиму, слишком длинном, чтобы класть сильное впечатление, мне, однако, врезались слова о нем, с большим сердцем вставленные: «наследнице добродетелей своей матери». Как известно, Св. Серафим никогда не снимал большого нагрудного креста, каким мать благословила его путь в монастырь. И как умно, благочестиво, предусмотрительно было вплести в церковное торжественное прославление Святого память о его матери, курской горожанке, которую так нежно он любил и она была (судя по биографии) достойна своего сына! Как это ему отрадно «там».

VI

Солнце высоко поднялось, и надо было спешить к источнику Преподобного. Всю дорогу я поживался: как окунуться, когда и так в воздухе холодно, в ледяную воду бьющего из-под земли ключа, влезть в колодезь или бассейн?! Малодушие мной овладевало, а уклониться было позорно, да я и не хотел, ибо «искупаться в источнике Св. Серафима» — это-то и было заключительной точкой путешествия. Всегда я любил «святые источники» и еще гимназистом из Нижнего ходил на «целебный ключ» за 12 верст. Этого богатства — я говорю о «святых ключах» — у лютеран нет. Прекрасно в Православии (и в католичестве), что у них религия гораздо глубже врубилась в природу, стоит около нее не как враждующий или равнодушный сосед, а как друг и даже как родной. Тропинка от монастыря до ключа — та самая, по которой всю свою жизнь ходил из кельи в монастырь Св. Серафим, — искажена и уже, увы, непоправимо!! Именно прошлый год, в предположении, что Государь будто будет ехать, а не идти сюда пешком (две версты расстояния), просекли и разработали инженерно большую дорогу туда: и, конечно, тропинка, которая раньше пролегла тут, бесследно исчезла — и оказался самый вид всей этой местности, на который Преподобный постоянно смотрел!! Между тем Государь именно не поехал, а пошел пешком!! На разрушение этой лесной и верно бесконечно милой тропинки я смотрю как на религиозное варварство, и — ненужное! Большую дорогу можно было, если уж она необходима была, прорубить стороной: ведь 3 или 2 версты ехать — все равно! Между тем, вступая сюда, уже вступал прежний посетитель в созерцание Серафима Саровского, в его «житие», столь исключительное, в его дух, в личность, в избравший эту местность вкус! Пятисотлетние, может быть восьмисотлетние сосны! Сосновые леса я всегда любил, за их душистость, за угрюмость и таинственный, о чем-то до-доисторическом говорящий, шум! Но здесь я увидел сосны, самой возможности которых не предполагал. В Нижегородской губернии и в Финляндии я не видал сосен толще человеческого обхвата: а здесь они были такие, что два человека не могли бы обхватить ствол. И такое варварство: проезжая (при самом въезде в монастырь) еще накануне мостом через какую-то речку, я увидел лежащие на мосту

заготовленные брусья страшной толщины. На вопрос о них сказали, что это монастырь хочет строить запруду для мельницы. А теперь я увидел родину этих брусев: по пути к источнику среди гигантов-сосен мелькали здесь и там недавно срезанные пни такой толщины, что на каждом можно было подать обед нескольким человекам! И вспомнил я из Лермонтова:

И пали на землю питомцы столетий.
Одежду их сорвали малые дети.

Очевидно то, что для меня, для всякого приезжего, для России представляется драгоценным, ненарушимым великолепием — здесь, на месте, являет просто материал экономической статьи в работе. «Нет великого и героического иначе... как издали» (текст французской поговорки грубее)... Но вот мы и у источника. Еще недавно,— мне рассказывал в дороге ямщик — почти до самого года открытия мощей, ключ стоял «среди природы»: и в великом энтузиазме, а может быть, иногда и не без соблазна, оба пола, *не разделяясь*, входили в него!! Можно представить себе зрелище... «Теперь это безобразие прекратили, и мужской пол купается отдельно от женского»,— досказал суровый ямщик. Я сошел по небольшой лесенке вниз и вошел в строеньице. Оказалось все дело не так, как можно было судить по рассказам («купаются в источнике»). Из желоба бьет толстая струя кристально-чистой воды и окачивает подходящего, но окачивает действительно всего и сразу в силу толщины своей. Одевался мальчик, весело подпрыгивая, и, ободренный примером, я быстро разделся и благоговейно дал облить себя ледяной струе. Столь же быстро накинув сорочку, я почувствовал самую сладостную теплоту в теле, здоровую, свежую. Моментально изменяется настроение духа: энергия, веселость и ко всему готовность удвоились! Усталости как не бывало. Раздевался в это время старик, из каменноугольных донецких копей, без одного глаза: в первый раз я видел рабочего из шахт, и как о последних знал только по географии и приурочивал их к одной Англии, то с живым интересом разговорился с ним о чудесах шахт, которые будто бы тянутся на целые версты под землей. Глаз он потерял на работе при выломке угля. Согбенное, старое, худое и морщинистое его тело было уже раздето, и, подойдя под струю, он начал кричать и корчиться, как в бане на полке под паром. «Горячая водица! Горячая водица!» — визжал он, быстро вертясь, и так подробно возился со своими «немощами», как мне это казалось невозможно в святом источнике. «Вот он все грехи смыл, а я только поверхностно»,— думал я с раскаянием и не без завидования.

Я вышел, и мы двинулись дальше. Все та же идет дорога, только поуже и хуже разработанная, чем до источника. Тут уже все остальные достопримечательности в нескольких десятках шагов или в нескольких сотнях шагов. Сейчас возле источника — огромный бассейн святой воды, наподобие как в Кисловодске, но обстроенный внутри часовни

с образами и свечами. Здесь в бутылках раздается вода, а бутылки (чтобы не разбиться в дороге) вставляются в особо заготовленные деревянные футляры. Это умно придумано. Еще шагов 200—300 вперед находится камень, на котором Преподобный молился 1000 ночей (так говорили кругом; по «житию» я не помню, сколько ночей). Камень этот большой (но не огромный), продолговатый, глубоко сидящий в земле (без сомнения — он не сдвинут), плоский с выемками сверху, и в самом деле удобный, чтобы на него стать на колени. Слепой (может быть слепнувший?), которого свели с пролетки, молился около него, и долго он прикладывал лоб, глаза и губы к граниту, на котором стояли колена Угодника. Конечно, — все это поразительно, и нельзя было не волноваться. И так же он поднялся, старый, слабый, и так же повели его к пролетке и ставили ногу его на «подножку». «Что же он не исцелил? что же не исцелил?» — был в душе вопрос. Как новичок — едешь в Саров, и стоит в голове одна мысль: «исцеление, исцеляются!» И, как едуци на Кавказ, думаешь: «горы», а между тем, приезжая, видишь и равнины, даже равнин (в общем) больше, чем гор, так и в Саров, приехав, точно ожидаешь и требуешь, а затем изумляешься, как же это «встал от камня и все же не прозрел». Но, в общем, я и до сих пор изумляюсь не тому, что *есть* исцеления (в них я вполне верю и о них много рассказывал дорожю реалист-ямщик), а что исцелений не гораздо больше, что они не сплошные!! Вот этому я изумляюсь. Ибо если исцеляющая сила *есть* и раз она *есть* — ну, как же этому слепому, худощавому, дрожащему от страдания (он дрожал) не помочь!! «Сними рубашку последнюю! — и отдай неимущему!» Так ведь это, я думаю, *не только в отношениях между людьми*, но и еще более, и уж конечно, в отношении между Землею и Небом! «И взял пять хлебов и насытил пять тысяч народа!» Так и должно быть, непременно, *всегда*, если алкает не один и не десять, а ровно пять тысяч!! Александр Македонский, когда войска томились от жажды в пустыне и ему воин принес немного мутной воды, где-то найденной, хотел пить, но через секунду выплеснул ее на песок! Ибо когда алкают «пять тысяч», как быть сыту одному! И когда жаждут 10000, можно ли одному пить!! Должно быть, я чего-то не понимаю: но я стоял около камня и изумлялся самым сильным изумлением, отчего же не встают все сплошь уже зрящими, не хромыми, не парализованными!

Тут сейчас и земляночка Св. Серафима: маленькая, как у огородников шалаш, только не из прутьев, а с земляными стенами и полом. Она на спуске к ручейку, внизу бегущему. Я поднялся выше: вот его грядки с капустой. Вероятно, что грядки уже не те, но, несомненно, на том самом месте, даже, пожалуй, те самые, из тех земляных частиц, которые Преподобный обделывал в свои грядки. Ведь грядка стояла, ну, 70 лет назад. Если она замечена, если ее берегут, то как ей перемениться? Закроет зима снегом, а весной вновь обозначится без ошибки, и вновь ее выкопают, и так 70 лет. На земле «метины» устойчивы: и когда нет преднамерения их уничтожить, они почти вечно стоят. Но я взобрался на

пригорок бора. Вот он тут жил, это самое место, и уже без всяких перемен кругом! С удовольствием, как в источнике, я сел, потом лег на мшистую и хвойную землю. «То самое! подлинное!» И так хорошо было кругом, что хотелось бы поселиться здесь и прожить месяцы! Осмотр был не долг, а осмотренных мест много: и для меня теперь смутно, что объяснял показывающий послушник о находящейся здесь же келье Преподобного. Дело в том, что его келья, кажется перенесенная, есть и в Дивеевском монастыре. Там подлинная, его топором срубленная (как именно рубит не настоящий плотник, а самоучка), и она вся включена в футляр-домик, как здесь, в Петербурге, домик Петра Великого. Но и в Сарове есть тоже его лесная келья, неподалеку от землянки, выше: и помню, мы даже спускались вниз и нам показывали место за печью — едва продвинуться туда можно, — где он скрывался от толпившихся посетителей для уединенного чтения «правил» (ежедневная уставная молитва). Но, кажется, эта келья в Сарове есть обновленная, в точности повторенная, а не из тех самых бревен, в которых Св. Серафим молился. Сейчас я не помню точно объяснений показывавшего: знаю только, что в Дивееве подлинная.

И капуста на грядках хороша. И камень чуден, очень чуден! И все кругом чудно и хорошо! Один есть добрейший обычай в Сарове: не бить медведей во всем этом, довольно обширном, лесу, где медведи водятся и до сих пор. «И медведь, встречая человека, никогда его не тронет, не бывало примера!» Так мне рассказывали. Приезжают сюда охотники, но на Саровской земле им не позволяют охотиться, и они вправе убить только такого медведя, который вышел отсюда и перешел в соседний казенный лес! Это чрезвычайно хорошо, это надо сохранить! Чтобы уже закончить о Сарове, замечу, что есть мужик, Иван Майоров, 117 лет и еще не слепой и на ногах, который лично помнит Серафима Саровского и хаживал к нему, а в 12-м году был взят в ополчение. Он живет верстах в 12 от Сарова, в деревне Рузаново.

Когда мы возвращались, мысль о плохом купанье томила меня. И едва я подал слово, как все мои спутники ухватились за мысль: искупаться еще раз, ибо ведь никогда больше здесь не будешь, так далеко от Петербурга, — и уже недолго, вероятно, жить. На этот раз, в желании поправить дело, я, однако, перешел через край. Именно, я о чем-то задумался, стоял долго и терпеливо под льющей водой — когда вдруг со страхом заметил, что у меня стынет мозг: буквально это ощущение распространяющейся одеревенелости под черепом. «Что же это я делаю!» И отодвинулся от струи. Но, верно, благодать не испытывается вторично. Прежнего оживления не было.

Чтобы доказать все о Сарове: чудный там квас! Выходя из гостиницы и уже садясь обратно на лошадей, увидели мы на крыльце начатую бутылку и, считая квас достоянием «общечеловеческим», попробовали на дорогу — да так и выпили всю бутылку. Замечательный вкус. И булки там чудные — вдвое больше петербургских (5 коп.), и до того нежно тесто, какого в Петербурге не найдешь, да я думаю — и нигде. И мало-

соленные огурцы, накануне попробованные, оказались превкусными. Все это за ларями, на открытом воздухе, продают бабы и мужики. Услыхав наши похвалы квасу, ямщик обернулся:

— Саровские квасы знаменитые. Тот, что вы кушали, не теперь заготовлен, а его замешивают в марте месяце и ставят в погреба.— И он стал объяснять что-то в технике заготовления, но я не помню и не очень понял.

VII

От Сарова до Дивеева монастыря только 12 верст, и две эти пустыни, мужская и женская, находятся в таком же отношении, как Оптиная пустынь и Шамордино в Калужской губернии. Замечательно вообще, что великие старцы, как Серафим и Амвросий, являются или основателями, или могущественными покровителями и двигателями вперед *женских монашеских обителей*. Шамордино, громадный и богатый женский монастырь, был основан о. Амвросием, и он за немного дней до смерти переехал туда и там умер; и матери Марии, 90-летней старице, игуменьи Дивеева монастыря († в июле этого лета), о. Серафим предсказал еще в 30-х годах XIX века: «Никогда еще женский монастырь не делался лаврою, но здесь будет лавра и место это посетит Государь со всею своею семьею». В прошедшем году последнее осуществилось: Царская семья остановилась именно в Дивеевом монастыре. Не менее достойно быть отмеченным, что хотя женские обители блистают бóльшею упорядоченностью и вообще имеют более в себе пластической красоты «монашеского жития», тем не менее в них не выдвигается вовсе таких великих характером «молитвенников», как мы это наблюдаем в мужском монашестве. Пахомий, Макарий, Антоний, Феодосий, Зосима и Савватий, Нил Сорский — этому ряду светил церковных некого противопоставить женскому монашеству. Там были мученицы; т. е. экстаз, минута — и все кончено. Но не было этой оригинальности «жития» и силы подвига. Таким образом, здесь, как и всюду в истории, на всех решительно ее пририцах, мужчина является новатором, творцом; он прорубает лес неизвестного и будущего могучим топором. Но когда эта грубая проска сделана — идут трудолюбивые следовательницы, которые расчищают землю, вспахивают, засевают. Культуру в ее подробностях, в мелочном и изящном, в ее удобном и поэтическом — делают женщины. Они разрабатывают *жизнь* в *быт*, биологический клубок развертывают в нить и плетут из него кружево. Но «образователь земли», образователь планет, новых миров — это всегда *Он*, а не *она*, всегда «Бог», который в филологии всех народов, всех языков и мифов остается мужского рода.

Усталый, я уже не пошел ко всенощной службе в Дивеевом монастыре, как и на другой день пошел только к поздней обедне и не видел красоты собственно общины монашеской здесь. Но заметно было, что все здесь первоначальнее и как-то шире, нежели в отделившемся

Понетаевском монастыре, который поразил меня красотой своей. Здесь же хранятся главные реликвии бытового образа и всех подробностей жития Преподобного Серафима, и по способу отношения к ним видно, что нигде память его не чтится с таким нежным и глубоким вниманием, с такой чисто женской заботливостью и разработкой подробностей, как здесь. В отдельных витринах, под стеклом, собрано все, что он имел на себе или около себя.

Вот лапти, им сработанные и в которых он ходил,— огромного размера и неуклюжего вида, хотя он, по-видимому, не был сам очень большого роста; но, верно, жестокие морозы заставляли много наворачивать на ноги онуч. Вот его посох, крест нагрудный, с которым он изображается на иконах и которого никогда с себя не снимал (благословение матери), мантия и клобук монашеские, и камень или часть камня, на котором он молился. Если — этот подлинный, то какой же стоит в Сарове? Недостаток печатного руководства при обозрении трех монастырей, мною виденных, вообще спутывает понимание осматриваемых вещей. Здесь, уже подъезжая к монастырю, видишь множество убогих, калек, больных. В нескольких саженях от ворот я был почти испуган видом шести слепых, которые сидели рядом. В самый вечер, как я приехал в Дивеево, случилась почти беда: в соборе есть не картина, а почти скульптурное изображение Успения Пресвятой Богородицы, вырезанное из дерева и украшенное венком и цветами. Оно стоит посреди храма, ближе к алтарю и немного вправо. Шла всенощная; и вот, приведенный сюда душевнобольной дьякон неожиданно бросился к этому изображению и начал срывать с него венок и цветы. Его едва успели и имели силу оттащить. На другой день об этом шептались за обедней и указывали на больного, стоявшего тут же.

Свидетельством бережливого отношения ко всем «памяткам» Препод. Серафима служит довольно длинная тропинка, которая ведет к его келье по невысокому валу. На дощечке надпись, предупреждающая посетителей, чтобы они не спускались вниз и не топтали дорожку сейчас же внизу этого валика, ибо по ней обыкновенно проходил Преп. Серафим. Выражено это деликатно — не как запрещение, а как надежда, что религиозное чувство самих молящихся удержит их от топтания священной тропинки. Самая келья, я уже сказал, одета в деревянный футляр, и, таким образом, ни дождь, ни снег не сократят ей жизни. Здесь непрерывно служатся панихиды по усопшем, как бы он еще вчера почил. Я пришел к концу панихиды, и служивший священник, взяв с аналоя просфору, подал мне («кому-нибудь», в толпе страшно теснящегося здесь народа). Подробности кельи в моем представлении сливаются с подробностями виденной в Сарове. Но там — это копия, воспроизведение, а здесь — подлинная.

В Дивееве великолепная церковная живопись. Первый раз я имел случай убедиться, как тонко замечание знаменитого странствования по Востоку епископа Порфирия Успенского, который писал под впечатлениями Афона: «Достоин внимания, что афонские отшельники, не пуска-

ющие женщин на Св. Гору свою, любили изображать в своих церквах семейные добродетели и занятия. Представлю вам примеры: Иоаким и Анна угощают левитов и священников, пестуют Марию и любят ее. Пресвятая Дева слушает благовестие Архангела с веретеном в руках, пряжущая червленицу для храма. Спаситель и Матерь Его присутствуют на браке в Кане Галилейской. Апостолы Петр и Павел обнимаются и лобызаются после примирения. Весьма семейна икона Богоматери, питающей Младенца своего сосцом *обнаженным* (курс. еп. Порфирия). Умилителен образ ее, называемый Сладкое Целование. Матерь и Сын лобызают друг друга. Эти картины и иконы внушили мне мысль о возможности дать новое направление церковной живописи, так чтобы она была семейная и общественная, а не монашеская только. Домашние добродетели и общественные доблести послужат превосходными и назидательными предметами для храмовой живописи». Так писал один из самых великих наших монахов за XIX век. В сущности, о характере церковной живописи, позволительном или должном в ней, мы судим по живописи городских приходских церквей, где она, как отметил еп. Порфирий, — «только монашеская». Ее одну и видят миллионы и десятки миллионов людей, весь народ. Между тем о «возможном и должном» гораздо больше могут сказать классические места сосредоточения Православия: и они говорят о живописи семейной, семейно-трудоной и общественной. Здесь, в Дивееве, я увидел широчайшее раздвижение темы: «Рождество Христово», с отдельными большими на стенах изображениями и пастухов около вертепа, слушающих пение ангелов, и поклонения «царей-волхвов» Спасителю, и самого рождения Его, и встречи Его богоприимцем Симеоном, как равно — рождения Иоанна Предтечи и Богородицы.

В последнем изображении, особенно семейном, женщины наливают в большой сосуд воды, чтобы совершить первое купанье новорожденной; тут же присутствуют родители ее, Иоаким и Анна. По сюжетам — удивительная параллель, впервые мною увиденная, храмам Флоренции и Рима; и это — в пустыне, буквально в пустыне! на половине дороги между Нижним и Тамбовом! Сперва я готов был принять это за подражание итальянскому; но по одушевлению, которое здесь явно чувствовалось в выборе сюжетов, по отсутствию эклектизма, «набора», «мешанины» сюжетов и мотивов я не мог не признать, что все имело под собою почвою одушевление самого монастыря. Как это было не похоже на мертвую, пассивную живопись в Храме Спасителя в Москве! Снова я принужден был почувствовать, до чего в монашестве, и притом в нем единственно, христианство получило себе крылья, поэзию, полет, свободу и философию. И как оно просто «не принялось», осталось «втуне» везде, едва вы переступили за монастырскую стену. Известно, что с принесением Евангелия прекратились пророки. «Где пророки? где пророчество?» Таинственно и можно указать вопрошающим, что пророчество, только глубоко изменив колорит, переменив белый цвет на черный (монашество — «черное» духовенство), не угасло

бесследно, а вот выявилось с другой и неожиданной стороны — в монашестве. «Кто пророк Нового Завета?» — на вопрос этот и можно ответить: «вот — Серафим! вот — Амвросий! вот — старица Мария!» — «Но они не гремят! не обличают! не угрожают!» Но это уже совсем другой вопрос: они *воодушевлены*, как и древние пророки (по-еврейски «пророк», «наби» значит «вдохновенный», «одушевленный»), но самый предмет и тема их одушевления действительно совершенно другие, до известной степени противоположные библейским. Вот гроб мой: в него, вместо постели, ложусь я на ночь. Это и есть молчаливые письма мои, которых я не пишу, так как смерть потребляет всякие письма.

Каким образом с идеями тления и «кончины всех вещей», каковые, несомненно, составляют зерно монашества, сочеталась эта живопись, семейная, общественная, библейская — необыкновенно трудно понять. Здесь мы стоим перед тою же трудностью, какую ученые встречают и при истолковании «хлыстовства», первый импульс которого, несомненно, состоял и до сих пор состоит в полном отречении от брака и всех плотских уз, а на другом конце оно имеет «радения» и пляски. Здесь, в нашей оригинальной секте, все доведено только до полюса: грубо и вместе сильно — как все у мужиков. Но это есть то же самое явление, краевая тень которого, первая зорька, отмечена уже Порфирием в Афонской живописи. «Таинственная смерть!» «таинственное *воскресение!*» — лучше и нельзя формулировать, как этими краугольными тезисами «божних людей».

VIII

Кроме семи «таинств», нумерационно, вещественно и явно нам известных, есть в религии еще «таинства», которых мы не считаем по пальцам, не формулируем их, а между тем присутствие их в ней несомненно. Вот, например, особенность: не увидав монастыря за *ранней обедней* или за *всенощной*, я не увидал и вообще *красоты* его. Отчего же? Живя в городе, я только однажды пошел к ранней обедне и был поражен ее сияющим, как бы горящим видом, — сравнительно с обедами поздними, какие всегда посещал. Все знают, какое великое торжество — *заутреня* на Пасху, начинаемая с *12 часов ночи*. Даже светские люди, совсем атеисты, испытывают действие ее на душу и неоднократно ее описывали. Если взять деление духовенства на *белое* и *черное*, то нельзя не заметить, что черное как бы выражает собой эти *ночные службы*, с горящими свечами в ночи, — и само горит, воспламенено более; белое же духовенство выражает дневные, неодушевленные, рациональные и сонливые службы. Вот соотношение и параллелизм, которому нельзя не удивиться. День и ночь имеют совсем разную психологию в себе; я хочу сказать, что не только изменяется психика людей в это время, но что как будто и сама природа на ночь воодушевляется совсем другим воодушевлением, нежели какое владеет ею днем. Можно бы отнести это к зелени, к виду неба;

но в городах небо за облаками и дымом не видно, а зелени совсем нет, и, однако, здесь также *поэт* или *философ* творят *ночью*, а не днем. Заседания парламента, где речи обдумываются, где люди хитрят, — бывают днем; а *музыка* и *танцы*, *концерт* и *бал* — непременно *ночью*. Даже если они случатся днем, люди входят в совершенно темное помещение и восстанавливают в нем привычное ночное освещение, т. е. хотя бы часть ночной своей психологии. Ночь более одушевлена, чем день: но не рациональным оживлением, а полетом скорее мистических сторон души. Тогда — молятся; тогда — изобретают стихи; тогда — слушают музыку; — мечтают: все — после захода солнца или ранее восхода его. Таким образом, тут есть что-то космическое, «небесное» — в прямом астрономическом смысле. Религия имеет связи с космогонией в прямом астрономическом значении; я чуть не сказал — астрологическом. Но, в самом деле, тут есть намек на астрологию, на странное «волшебство» ночи, на то, что она будто «колдует» над нами. Теперь возьмите деление христианства на церкви: протестантство — оно сплошь дневное, рациональное, белое. Кажется, там вовсе нет ночных служб, как и нет вовсе черного духовенства. И оно — не мистично. Действие его на сердце и воображение слабо. Католичество, напротив, все — ночная религия: точно будто там исключены вовсе поздние обеды, а оставлены только заутрени и всенощные. Я не говорю буквально о службах, а о психологии веры. Католичество — это ночь и — яркая свеча, зажженная в ней. И на свечу эту летят народы. Прилетели дикари, вандалы, готы. Летят до сих пор атеисты. Вообще притягательная его сила несомненно могущественнее, нежели остальных двух Церквей — что сказалось в объеме народов и стран, подчинившихся ему. Спрашивается, где всему этому основания в *Евангелии*? Не ясно ли, что в *сложение христианства* и *судьбу его вошли с могущественным влиянием такие факторы, о каких даже упоминания Христос не делал.*

Мне хочется еще указать некоторые соотношения, вообще не приходившие или немногим приходившие на ум. Длинная скорбь, в самой вершине заключающаяся неземной радостью, — вот Христианство. Черный цвет в самой его маковке вдруг переходит в белый. Христианство определенным образом и неоспоримо учит, что вся жизнь есть грех, антибожественное, грех и смерть: а вот после смерти — *белое сияние, вечная жизнь, зрение Бога*. Монастырь с светлой в нем живописью, жизнерадостной — только один из нескольких параллельных лучей, идущих в этом направлении. Но вот и еще: все монашество — в черных мантиях и клобуках (ночь), без единой в одежде белой, или серой, или цветной полоски; но тот, в коем венчается монашество и завершается вся сплошь черная иерархия Церкви, — надевает на голову чистый белый клобук, при остальных одеждах — еще черных (одеяние митрополита и, вероятно, патриархов). Каким инстинктом произошло это устройство одежд? Преднамеренной мысли тут никто не вкладывал. А «вышло» так, что мысль ясно прочиталась даже в одеждах. Идет клинок, но он имеет

лезвие. Весь клинок христианства — черный; но лезвие — белое. И так повсюду, от живописи до одежды, от деления духовенства на черное и белое — до дневных и ночных служб, до разделения всего времени христианского на черные посты, увенчиваемые торжеством Пасхи, Рождества, Успения. Это не догмат. Где такой догмат? Но это — гораздо более догмата, ибо пронизывает всю ткань христианства, от основания до вершины, и составляет самую душу его. Между тем никакой формулы этот «лейтмотив» не имеет: никакого определенного о нем учения. На вопрос об этом всякий богослов ответит: «не знаю, не приходило на ум; в рубрике вопросов этого не значитя». Иногда кажется, что *христианство живет вовсе не теми тезисами, какие вслух произносит, а подлинно живет теми тезисами, каких никогда не выговаривает*, да и сознательно, рефлексивно — не знает о них. Хотя все сердца бьются с ними в такт.

IX

— «Ну, вот и окончательно домой! — подумал я не без облегчения, садясь в коляску.— Ближе ко щам, ну ее, всю эту мистику, и белые и черные сияния, и музыку дня и ночи».— Прямо за стенами монастыря, как началось шлепанье грязи, овраги и пригорки, сразу входишь во всю реальность бытия. Это что-то совсем иное. Все познается через противоположности, и, можно сказать, не побывав в отрицании жизни — не вкусил бы так остро самой жизни. Запах дегтя от колес волновал меня теперь не менее «благоуветливого» вида монахинь. И ямщик, как повернул домой, развеселился же:

— Эй вы, зелененькие!! — приветливо покрикивал он на лошадей.

Не видя сзади сидящих пассажиров, ямщик чувствует себя наедине с лошадьми и отдается крикам, брани и ласке, как бы никто его не видит и не слышит. Достаточно вам заприметить какой-нибудь странный его окрик и переспросить его о нем — и он всю дорогу не произнесет более его. В наименовании «зелененькими» сказалося столько ласки, и какой-то другой, рабочей ласки двух заработавшихся существ, ямщика и лошади, друг к другу, что я не мог не почувствовать, что выплыл из одного моря и выплыл в совсем другое. «Своя лошадь! своя *собственность!*» — вот первое и упорное и, наконец, вековечное отрицание монастыря. Где открывает свой глазок собственность, личная, своя, особенная, поименная, а по связи с нею в прошлом дорогая и милая — нет монастыря, да, пожалуй, там нет и христианства. Недаром древние, первые, одушевленные христиане «имели все общее», как записано в истории. Это не коммунизм, который ставит усиленный плюс на собственности: а совершенно ему противоположное, ибо здесь на собственности поставлен минус. Впрочем, не столько на собственности — ибо монастыри развиваются в богатые экономии,— сколько на собственности *поименной, индивидуальной* и, в последнем анализе,— вообще на всякой *индивиду-*

ализации человека. «Своя жена! свои дети! свой дом!» Все это — отрицание и вековечное отрицание христианства, которое и учит о себе, что окончательное торжество его тогда настанет, когда «лицо мира прейдет». Когда развяжутся, ослабнут основные инстинкты человека: как бы выпустит мир из себя человека, человек — выпустит мир. «Лошадь — моя или не моя: *все равно*»; «жена — моя или не моя: и это *все равно*». До чего это вековечно и неистребимо в христианстве, можно видеть из очень редко приводимых слов Христа, записанных у евангелиста Луки, глава XII, стихи 49—53, и с которыми никак не управятся моралисты, рационалисты и вообще вынимающие метафизику из христианства, оставляя его при одних «прекрасных словах»:

«Огонь пришел Я низвести на землю: и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!

Крещением должен Я креститься, и как Я томлюсь, пока сие совершится!

Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? нет, говорю вам, но разделение.

Ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух и двое против трех.

Отец будет против сына и сын против отца, мать против дочери и дочь против матери, свекровь против невестки своей и невестка против свекрови своей».

Вот Царство Христово: разодрание уз *между людьми и с землею*. Так это монастырь и понимает, и чистосердечно, без подтасовок это и выразил. Спорящие против монастыря никак не хотят понять, что они в то же время спорят и против христианства, чистосердечнее сказать — прямо против Христа. Тогда так прямо и надо это говорить, ибо никакая победа не может быть выиграна с фальшивыми картами. Нужно прямо говорить, что «*моя лошадь! моя жена! мои дети!*» — стоят вне орбиты христианства; что это — древнее *язычество*, которому еще остается верен человек и не может, да частью и не хочет, остаться ему неверным. Если «торжество христианства» сливается с «прехождением лица мира», то, пока он все-таки стоит, этот несносный мир, и мы привязаны — я к домашним щам, ямщик мой — к лошади, другой — к жене, к детям, мы все и впряме говорить: «мир еще *не прешел* и мы *язычники*». Монастырю, в свою очередь, на это нечего ответить: сжав губы, негодуя, презрительно он скажет: «*пре́йдет! испепелится!*» Но, пока еще звезды не попадали с неба, мы — господа положения и... «*sumus ut sumus aut non simus* (останемся как есть или перестанем вовсе быть), как ответил один папа XVIII в. на предложение изменить *status quo* католичества.

Трудно постигнуть, кто выживет и одолеет — в судьбах истории и мира, — Лик ли Христов с Его испепеляющею красотою, покоряющею всякое сердце, покорившею языческий мир, или — столп земли с его тяготами, с механикой и геометрией, теоремы которой никак тоже не «испепеляются». Я был поражен великой эстетикой монастыря, а выехав

из него, все-таки, все-таки сказал про леса, поля, ямщика и его хату: «Здесь лучше, с этими... *веселее*». И «веселее» — не дурным весельем, а просто в смысле «легче стало». Экстаз всякий тяжел, между прочим — и монастырский. Если эстетика приковывает внимание, то непременно должно быть и даже вожделенно что-то «после эстетики», т. е. где нет эстетики: ибо вечное напряжение невозможно и хочется отдыха, свободы. Эстетика — это миг; а вечность — именно не эстетика, и даже что-то отрицательное в отношении ее. Здесь права Земли, права безобразного или вообще некрасивого. Эстетически можно умереть, а прожить — никак нельзя эстетически, и здесь — права жизни, реализма.

Да и эстетикой ли по-настоящему красится жизнь человека? «Эй, вы, зелененькие» — этот грубый окрик ямщика, пробудивший меня к действительности чувством *ego* собственности, напомнил мне другую собственность, вырвавшую другое восклицание. Плыл, неподалеку от Петербурга, пароход — и, уже подходя к пристани, загорелся. Так было близко от пристани, что он дошел до нее почти по инерции, — но пламя уже страшно разлилось на нем, и в нем не сгорела, но вся обгорела жена художника, ехавшая к мужу с детьми, которые каким-то чудом уцелели. Невозможно забыть, как рассказывалось об этом в газетах: выбежав, несчастная спряталась за поленницу дров, обычно складываемых возле паромных пристаней. Ее нашли там. Но когда она увидела людей, она в страхе закричала: «Не извещайте мужа и не приводите сюда детей». Через несколько часов она скончалась. Всякий знает, до чего сильно болят ожоги. Это — не как антонов огонь, без боли убивающий. Что же несчастную среди этих мук озабочивало? Не о себе она думала, что вот кончается ее молодая жизнь, «умираю»: она предсмертно думала, как обеспокоятся, восскорбят, испуганы будут судьбою ее — муж ее, дети ее. Между тем, не будь этого случая, никто бы и не узнал о ее особой любви, о всей нежности и глубине ее души, ее привязанности. Это — этика. Это — уже не эстетика. В последнем анализе, эстетические нити именно белые, холодные. А *теплота* мира и содержится в этих грубых: «Моя зелененькая лошадь!», «Мои черноглазенькие дети», — и все по-именно, индивидуально, конкретно. Тут — столп мира, «пуп земли», так же мало преходящий и «испепеливающийся», как и теоремы геометрии. Здесь встречается, т. е. получает себе изъяснение, евангельское предсказание, что «к концу мира — *охладеет* любовь», разожмутся объятия, в которых держит человек прекрасную землю-родину и земные твари. Но это — как и «звезды посьмлются с неба»... Пока еще любовь греет, а звезды стоят на месте — мы *sumus ut sumus aut non simus*.

Я вспомнил о сгоревшей жене художника. Как живые, прошли ее слова через сердце. И забыл о монастыре, как легком приглянувшемся облачке.

СВЯТОСТЬ И СМЕРТЬ

Верно в самом деле мы живем в усиленно религиозное время, когда самые молодые головы начинают интересоваться не новыми насущными вопросами, но очень старыми и, казалось бы, интересными только для стариков. Мне пишет аноним:

«...Живу я в немецком местечке, и мне часто приходится бывать в обществе лютеран, где то и дело поднимаются вопросы о религии. На днях в одном из подобных религиозных споров я был поставлен в очень неловкое положение следующим вопросом: «Почему у вас, русских, есть всевозможные мощи, святые, чудеса, и неужели у немцев нет и не было ни одного человека, достойного быть *святым*? или явиться *нетленным мощам*? Особенно — последнее?» Спрашивал я об этом у священников, говорят (автор пишет из провинции), что «не нашего ума дело» и т. д. Не желая же оставить этот вопрос не разрешенным, я покорно просил бы вас, м. г., не отказать ответить на него или на страницах газеты, или письмом (туда-то). Как еще много есть у меня вопросов к вам, но не могу беспокоить вас, и без того занятого делом. Настоящий же вопрос очень хотел бы разрешить, так как мои соперники в спорах уже начинают поднимать голову: «вот, дескать, срезали наконец, не нашел, что ответить». А как это больно и обидно, г. Р., сознавать, что не могу ничего ответить. Вы можете себе представить их радость. Неужели вы не выручите меня? Не дайте посмеяться над Православной Русью».

Очень милое и деликатное и очевидно юное письмо. Конечно, этими вопросами лучше заниматься, чем пить пиво в портерной. И молодые люди русские очень многое приобрели бы, если бы вернулись к старым вековечным вопросам от насущных ежедневных.

«По *вере* вашей — *дается* вам», вот узел вопроса о мощах. Я думаю, что у народов, которые *не верят* в мощи, и действительно их *нет* и не *может* быть; но у народов, которые в них *веруют*, действительно *есть* мощи. У лютеран есть прекрасные, глубоко человеческие, голубоко мудрые и пламенно верующие люди. Может быть (и даже наверно) — больше, чем у нас, ибо мы весьма плохи во всех линиях. Но у них нет не только в факте, но и в идеале — «святого человека», «угодника Божия». Ни Лютер, ни безусловно какой-либо правдивый, честный, величайшей души человек-протестант, тем не менее, не входит и, главное, вовсе

не хочет войти в тот, нам привычный и для нас постижимый, очерк человека, к коему мы прилагаем имя: «святой». Иоанн IV губил людей; вдруг юродивый подает ему кусок коровьего мяса. «Я не ем скоромного в пост»,— ответил грозный царь. Никита возразил: «А человеческое мясо ешь?» Это тип, и речь, и манера святого человека. Германский правдолюбец поднял бы против жестокости восстание, устроил бы заговор, произнес бы в собрании народа пламенную речь. Но святой поступил совсем иначе, пожалуй — и бессильно, но, во всяком случае, совсем в *другом очерке человека*. Минин как много сделал для Руси. Но он сделал все в формах обыкновенного человека: сказал речь, собрал войско, повел в Москву. И Русь его «святым» не назвала. В святость входит некоторая странность поведения, «юродивость»; первое, прижизненное имя для святого: «человек божий». А потом он канонизируется: в некоторых случаях открываются его мощи.

Первые «мощи» христианского мира — Христос во гробе. Лютеране вообще как-то не углубляются в христианство и, будучи мудры, все-таки как-то скользят по поверхности вещей и вопросов. Если «Господь в гробу» — то степени приближения к Богу, т. е. святость, непременно выразятся в «гробовых останках». Мощи вовсе не есть что-либо обрубленное в себе самом, не есть разрозненный и одиночный факт; они глубочайшим образом затканы во всем составе христианства, в целостности мысли его. Чудные наши заупокойные напевы не есть ли уже некоторое предготовление к идее мощей, не есть ли некое ожидание или мечта о *святости*, наступившей *для умершего*? Не святости, но — почти святости. Все, что живет,— грешно; а что не живет более — избежало греха. Все, что рождается,— нуждается в очищении; а смерть и есть настоящее очищение, наступающее для «я». Есть в человеческом составе смертный человек, и есть в человеческом составе бессмертный человек. Смертный человек — метется, суетится, тревожится, любит, ненавидит — и все это грех; «несть человек, иже не согрешит, аще и миг единый проживет», поется в одной церковной песне. И, например, новорожденный человек — полон греха, и если умрет до крещения — не пойдет в светлое место рая. Обратное этому, чем ближе к смерти — больше святости; и весь народ говорит: «хорошо *пострадать*, страдания нам *посылает Бог*», т. е. в страданиях — *святость*. Благочестивые русские (я много раз слышал) боятся умереть внезапно и даже боятся и не хотят умереть безболезненно: когда мой покойный брат умер в постели ночью, заснув и не проснувшись (разрыв сердца), и я принес это известие к себе в дом, то родственница, очень его любившая, залилась слезами. Я удивился.— «Что без покаяния умер? но ведь это непроизвольно и тут нет греха»,— возразил я.— «Как без покаяния? Не в этом дело. Но как страшно умереть, *не переболев, не выболев грехов своих, не пострадав!* Так животные умирают!..» Во всяком случае — вот воззрение. Все построение христианской святости приурочено к смерти. И святой затворник, спасающийся в пустыне, построит себе гроб, с любовью и без страха смотрит

на него, на ночь в него ложится. Одна моя родственница, семидесяти лет, вот уже лет двенадцать, куда бы ни поехала, берет с собой особое заготовленное белье, в которое ее одели бы в случае смерти и не в своем дому. Она как бы заготовила себе гроб и с любовью носит его с собою.

Этому настроению святости и отвечают мощи — и вот отчего они равно есть у нас и у католиков, и их нет только у протестантов, вообще не имеющих самой *идеи святости и образа и прототипа святого человека*. Когда святой человек умер, то собственно двигавшееся, боявшееся, мятущееся, смущенный ум и колеблющееся сердце, от него отлетели. Но есть некий малый остаток его бытия в гробу, образ бытия Христа в гробу: и вот это уже благоухает нетленной святостью. Сообразно с общим построением религии, *мощи* святее храма, святее молящихся, святее церковной службы: *на частице святых мощей становится Престол в алтаре*, святейшее место всего храма. И без мощей нет ни храма, ни литургии, ничего. Таким образом, это вовсе не есть часть Православия, а краеугольный камень его. И потрясти или самому поколебаться в вере относительно мощей — значит сдвинуть с места все Православие. В Риме на первый день Пасхи я пошел в русскую посольскую церковь к поздней литургии. Когда стали петь, я стал вслушиваться в звуки и тайную музыку наших церковных напевов. Все они таковы, что и в них как бы «умерли все стихи земные»; нигде удара голоса, восклицания, ничего горячего, страстного, т. е. могуче и благородно-страстного, что для музыки доступно и выразимо. Все спокойно, тягуче — звучит, но уже бесстрастными звуками. Нерва и крови, жизни и бытия в пении нет. Как бы это поют лики угодников из-за золотистых риз своих, и пение это — прекрасное, особенное, неземное пение. Таким образом, вот даже и такая подробность, как церковная музыка, приурочена тоже к мощам, есть как бы звуковой венчик на лбу почившего: и все вытекает из общей и главной мысли христианства, что «Господь в гробу». Вот, сколько я умею, я ответил юноше и, может быть, многим.

* * *

P. S. Теперь, сделав объяснение для другого, я прибавлю объяснение для себя, и почти — про себя (полушепотом). Иногда сделать резкое *сопоставление*, яркий *контраст*, ранее не приходивший в голову, — значит бросить свет на обе сопоставленные вещи, дотоле неясные каждая в себе самой. Цитирую из Хрисанфа «Религии древнего мира», т. III, стр. 106:

«Животная форма, в которой изображаются боги, и почитание этих священных животных — вот что в Египте поражало еще древних — и остается поразительным для нас. В самом деле, когда любопытствующий просил показать ему египетские святыни и когда жрец — как описывает это Климент Александрийский («Stromata», lib. V, 7), — проводя его в храм через длинный ряд различных зданий, в самой глубине святилища, во мраке указывал на кошку или на другое животное, говоря, что «это — бог», то нельзя было не прийти в сильнейшее изумление!»

Противоположное теперешнему — вот и все! *Им* если бы указать на *частицу трупа* как центр нашего поклонения, то они, вероятно, с такими же широко раскрытыми глазами сказали: «До чего это *изумительно!!!*» Теперь у нас и в древности, в библейские и добиблейские времена, существовали очевидно диаметрально противоположные воззрения на «святое» и «грешное»: и отсюда эта разница «святого» и «не святого». И у евреев Соломонов храм, как и Моисееву скинию, наполняли животные же: телицы и юные бычки, овцы, бараны, козлы и козы, горлинки и голуби. Да и мы можем вспомнить завет старца Зосимы:

«*Птичек любите; всякую тварь Божию любите*» («Братья Карамазовы»); «*паук ползет по стене — я и ему молюсь*» (слова Кириллова в романе Достоевского «Бесы»). Не частицы ли это египетского поклонения, до нашего времени сохранившиеся или каким-то чудом возрождающиеся ныне вновь?..

ХРИСТОС И «БОГАТЫЙ ЮНОША»

На «весенней выставке» в Академии Художеств экспонирована картина «Христос и богатый юноша» молодого русского живописца А. И. Алексеева, привезшего первые свои произведения из Рима.

Картина заключает в себе восемь лиц. На первом плане — «богатый юноша», рослый, видный еврей, в богатом древнееврейском одеянии. Он поднял правую руку к лицу, взяв подбородок между большим и указательным пальцами; лицо — задумчивое, нерешительное, без фанатизма, без той «*idée fixe*», какую вообще предполагают в этом «юноше», до того прилепившемся к своим сокровищам, что он имел силу не послушаться Христа, ради Которого, под Его невыразимым обаянием, все и всё оставляли. Христос, несколько позади, сидит на ступени портика Храма и смотрит со скорбью и упреком на удаляющегося юношу. Левее — апостолы Иоанн и Петр; еще далее, влево же, еврейские старцы; на правой стороне (картины), облокотившись около корзины, сидят мужчина и женщина. Все — смотрят, все — зрители драмы между юношею-человеком и Бого-человеком.

По причинам, которые я объясню ниже, картина мне вовсе не понравилась. И я дал бы варварский совет живописцу: сняв с нее фотографию, которая мертва и собственно души картины никогда не передаст, затем уничтожить самую картину и нарисовать ее по фотографии вторично, — нарисовать когда-нибудь, через много лет, с совершенно переродившеюся душою. А почему — обо всем этом речь сейчас.

Лица, кроме Христа, все более или менее удачны, а одно, лицо Иоанна, даже прекрасно. Молодое, безбородое, с поднятыми вверх зрачками, опираясь на ладонь, оно имеет в себе нечто Сивиллинское; и, мне кажется, знаменитые Сивиллы Микель-Анджело в Сикстинской капелле (автор работает постоянно в Риме) не остались без влияния на автора. Это тот же очерк, лица, тот же взгляд; то же в нем вещее и внутреннее, пророческое. Недурно и решительное, простонародное лицо ап. Петра, далекое от последующих иконописных нюансов, набежавших на него потом. Здесь евангельская сцена взята сейчас, в реализме современности, в реализме этнографической обстановки, будничного дня в Иерусалиме.

Лицо Христа... Отчего Оно и здесь неудачно, как и в тысячах других картин,— везде, по общему сознанию? Где тайна этой неизобразимости? Тогда как иконы, особенно старинные, беспретенциозные, передают Его или хорошо, или, по крайней мере, удовлетворительно. Общий закон иконы, в отличие от живописности, заключается в ее обобщенности, отвлеченности, схематизме. Не могу здесь не передать удивления, овладевшего мною, когда я в первый раз рассматривал, в изданиях здешнего Археологического Общества, монеты Великого князя Владимира: на них он — с длинными усами и без бороды, с малой растительностью на голове, приблизительно как изображается Тарас Бульба на олеографиях. Но вот, за историческую заслугу, Великий князь Киевский пошел на иконы, и действие основного закона иконописи — *схематичность и общность* — проявилось. Усы были сняты; на место их появилась длинная седая борода, приблизительно как у Антония и Феодосия Печерских. Князь куда-то исчез и появился на его месте «святой», «вообще» святой, под которым определенное имя мы можем подписать только при некотором усилии воли и готовности на «*ria fraus*», «благочестивую кривду». Иконы Владимира, не отличающиеся от икон Феодосия или Антония, не суть иконы *ни* Владимира, *ни* Феодосия, *ни* Антония, а суть «эмблемы», и «впечатления», и «мечтания» о святости, как *мы ее себе теперь* представляем. Это есть некий общий «слон», коего мы рисуем, желая сказать: «большое животное». Схема, символ — и *ничего действительного*, даже когда подлинная действительность (как лицо кн. Владимира на монетах) и известна. Поразительная вражда к *реализму*, к *конкретности*. Религия — вне конкретного, религия — вне реального: это какая-то всему предшествующая аксиома у нас.

Возвратимся к теме. Лицо Христа возможно изобразить в иконе и невозможно в живописи, ибо образ Его, *как он уже дан в (канонических) Евангелиях* и запечатлелся у нас с детства,— именно *иконен*, а не живописен: ибо не несет ничего из «упреков» (слабостей, пороков, подробностей) народности, звания, состояния. Христос *не имел недостатков*: между тем живописец может изобразить «скупого», «расточительно-го»,— все отдельные типы, являющие выпуклые штрихи для кисти! — может представить гневного, яростного или примиренного после гнева; может представить «эллина», «жида». Но кто не был *ни* эллином, *ни* евреем, *ни* скупым, *ни* расточительным, *ни* вообще в частности «тем» или «этим»: скажите, пожалуйста, какая кисть и какие краски могут схватить и показать зрителю «вот! вот!» — эту *сумму отсутствующих недостатков*!!! Христос — *бескрасочен*: вот источник неудачных и невозможных Его «живописаний» и, может быть, одна из тропинок для проникания в Его неисследимый Лик... Было лицо *вообще* идеальное, человеческое («Се Человек»), с добротой, которая не переходила в сантиментальность, с осуждением злу, которое не переходило в желчность, со спокойствием, но ровным, не чрезмерным: ну, вот вы возьмите кисть (пусть Репин возьмет) и нарисуйте лицо «вообще идеальное»!.. Ничего

не выйдет; при удаче — выйдет икона, «поклоняемое». Самый возраст Христа, о котором в Евангелии рассказывается, также удален от крайностей и выразительности (и след., живописи): это 30—33 года, т. е. те лета, в которых и с *живого* человека *труднее всего снимается портрет*. Ведь есть бессмертные портреты *стариков* и *детей*, также — *отроков*: а с среднего возраста равных по запоминаемости и всемирности — нет! Итак, отсутствие лично-характерного, лично-выразительного, лично-страстного, лично-порочного, отсутствие черт *племени, ремесла, сословия*, что всемирно есть, было и останется темой живописи, эта сумма отсутствия нужных живописных качеств в Сыне Человеческом есть и останется навсегда препятствием для Его удачного воспроизведения кистью, в *красках, на картине*.

Христос не картинен был *в жизни*, Он был уже *в жизни* иконой: вот что открыло эпоху иконописания в истории — и что, одновременно, ввело в рамки светскости, ограничило почти только светскими темами европейскую живопись.

Возвращаюсь к картине г. Алексева.

Прекрасно расположение в ней фигур, смотря на которое думаешь: «Да, *так* эта сцена между богатым юношей и Христом и произошла! Как же иначе? Иначе им и расположиться было невозможно!» Но это — пока обращаешь внимание, так сказать, на архитектуру полотна. Вы всматриваетесь в самую картину и приходите в некоторый ужас: между ее лицами нет нравственной, даже мысленной, да и вообще никакой связи!!! Они глядят друг на друга и ничего не понимают, не думают; никакого слова (о богатстве) не было сказано. В картине нет полета; нет именно слова, выслушанного, и которое, всех поразив, соединило бы отдельных лиц в одну группу!

Если смотреть на картину как на фотографию, отойдя далеко от нее или вовсе почти смежив глаза, то не остается желать лучшего и большего. Если же смотреть на нее как на картину — то ее вовсе нет: не только хорошей, но и никакой! Не было беседы, не было вообще ничего между этими людьми, которые даже и не люди, а фигуры: «Христос смотрит не на «богатого юношу», а просто глядит в спину ему; «сивилла»-Иоанн просто показывает белки глаз; Петр изображает мужичка; удачнее прочие лица, потому что, не имея задачи что-нибудь выразить, они не так шокируют своею манекенностью. У них в сюжете и по предположению живописца положение куафюрованных манекенов, и вот они вышли. Сцены нет, жизни нет, евангельского события нет!

Ничего нет — картина не началась!

Но отчего, отчего?

— «Аще не родишься от воды и Духа — не увидишь в Царство Небесное»... — «Учитель, но как могу я войти в утробу матери и родиться вторично?» Эти отрывки из беседы с Никодимом могут разъяснить причины неудачи русского художника. *Богатый юноша и Христос, богатство и христианство*: живописец знал учебным знанием эту тему,

а «души» ее, бесконечной и мучительной, может быть не меньшей, чем «душа» в теме Иова,— он ее не знает! Тема эта — старческая, старых лет, бесконечного жизненного опыта и углублений, которых просто недостает совершенно еще молодому художнику. И он поэтому не извлек картину из души своей, а подумал: «Какой бы мне взять великий сюжет?» Вспомнил рассказ евангельский и нарисовал к нему безжизненную и неглубокую иллюстрацию.

Богатство и христианство... Для углубления картины я на фронтоне того портика, под которым живописец представил событие, поместил бы Злого Духа в той удачной позе, какую ему придал Антокольский («Мефистофель»), а внизу и вокруг разбросал бы тела умерших от голодного тифа, хоть у нас в России за эти последние годы. Будущее, прошлое и самое событие тогда выразились бы в своей апокалиптической общности. Ведь таково оно и было. Ведь это не случай, а перелом в истории: ибо перелом божественных, *подлинно* данных человеку заветов. «И *золото* той земли хорошее: там *бдолах* и *камень оникс*» (Бытие, гл. 2, ст. 12): так сказано о рае, который «насадил человеку *Бог*». — «*Бог* дал человеку в радость и *золото*; и я им не злоупотребил, отдавая часть его на пропитание бедным», — так мог подумать богатый юноша. И отойти в *искреннем* смущении, полном непонимании. Тут была не «слабость его души», как критикуют пошленькие критики, сами далеко не распускающие своей мощи для «ближнего»: а полная растерянность при очевидности, что *тот* Бог, который «насадил рай человеку», вовсе не то же, что *сей* человек («Се Человек»), который учит с божескою властью и силою... «Бедность!» «бедные!» «раздавайте бедному!»... Но ведь что же и «раздать», когда будут *все* бедны: а напоследок времен они и не могут не стать *все* бедны, раз что никакой другой заповеди, в поправку или дополнение ее, в изъятие и *разнообразие* — не дано, а это одно-наклонное и одно-тонное «раздай» — исполнено ревнивцами «до точки». И вот — тиф; нужно бы раздать — да нечего; *ничего не накоплено*. Ибо где нет «золота и бдолах» — нет и накопления. Не нищенские же корки копить. Да и вообще при *нищем* — нужен же и *подающий*: и богатый юноша, который подавал, не должен ли был вовсе не «смущенно отойти», как записано в Евангелии, а закричать, на целый город закричать, на всю всемирную историю: «Я исполнил закон *Божий* и не хочу другого, *горького*, несущего *беды* людям»...

СЛУЧАЙ В ДЕРЕВНЕ

Сегодня — случай, вчера — случай; так уж выходит не случай, а — закон.

Из житейских разговоров

I

О «случае» этом было напечатано в газетах. Один «фанатик», размышляя о спасении души своей, сжег себя живым: он «из борисовских поселян Екатеринославского уезда, старик 51 года», Авксентий Данилов Бабенко... Вообразив себя великим грешником, Бабенко решил «искупить» свои грехи жертвою и для этого решил предать самого себя сожжению». «Забравшись,— рассказывает далее хроникер,— к себе на двор, он вкопал в землю большой столб, обложил его со всех сторон сухим хворостом и соломой, а затем привязал себя к этому столбу и зажег свободною рукою хворост. Огонь запылал, и через несколько минут яркое пламя охватило этот жертвенник, на котором корчился в судорогах несчастный. Семейство Бабенко, заметив огонь, выбежало на двор, но было уже поздно. Веревки, которыми был обвязан безумный, перегорели, а сам он, весь обгорелый, с обуглившимися ногами, лежал и жарился в догорающем хворосте. Тотчас же была извещена полиция. Бабенко был отвезен в больницу, где и скончался в ужасных мучениях». На вопросы о причине, побудившей его на этот ужасный поступок, он «прошептал, что хотел *искупить* свои *большие грехи*». Больше он не мог говорить. «Бабенко страдал, очевидно, помешательством на религиозной почве и, как почти всегда у нас в провинции, оставался на полной свободе».

Это — мнение и освещение хроникера: «нам некогда! дальше!» Но можно задуматься, позволительно задуматься вослед «хронике» и дальше. Ведь писали же чуть не год о «Мультановском жертвоприношении» у вотяков, и не находили ни неуместным, ни несвоевременным. А тут русское дело и русская кровь.

Я люблю собирать «случаи» из жизни, и кой-кто из моих добрых друзей, зная мою страсть к коллекционированию «раритетов», прислал года два тому назад вырезку из одной казанской газеты. В вырезке говорилось об одном, на этот раз образованном, молодом человеке, который, «вдавшись в религиозные размышления, заснул однажды — и вот в сонном видении ему явился Иисус Христос». Объятый необыкновенным восторгом, пламенный юноша — все во сне — спросил: «Господи, что мог бы я отдать тебе?» — «Отдай очи»,— ответил Христос.

Видение исчезло. Юноша проснулся. Он затеплил лампаду и наставил глаз на огонь. Глаз вытек. Юноша был найден окровавленный, но живой — и рассказал то, что он видел и как поступил.

...Единичное и личное заблуждение? Но вот нечто из психологии толпы. «Одесский Окружной суд препроводил в Одесскую духовную семинарию через духовную консисторию вещественные доказательства и документы, найденные при раскопках в терновских плавнях, где, как известно, несколько фанатических раскольников были заживо погребены Федором Ковалевым и его участницею, инокиней Виталией. Между этими вещественными доказательствами обращает на себя особенное внимание бездна металлических раскольничьих икон с изображением Иисуса Христа, Божией Матери и Святых. Есть также пятиярусный складной иконостас, несколько камилавок, мантий и очень много старопечатных книг, как, напр., Пролог, Жития святых, Потребник, Псалтирь с воследованием, Уложение царя Алексея Михайловича, много рукописных тетрадок духовного содержания, железные вериги и проч.». Нужно заметить, что все эти «старопечатные книги» стали «старопечатными» всего двести лет и были «новопечатными», новенькими и действительными — *шестьсот* лет: т. е. в данной «психологии толпы» мы имеем как бы воскресший или, пожалуй, не окончательно замерший дух *шестисотлетнего* существования, который покрыт сравнительно тоненькой пленкой двухстолетних «новшеств». Покрыт ею, но под нею *не умер*. У меня лежат на столе три тома превосходного издания: «Русские древности в памятниках искусства», издаваемые гр. И. И. Толстым и Н. П. Кондаковым. И вот, редкий день нет-нет я и разверну страницу 135 выпуска 6-го («Памятники Владимира, Новгорода и Пскова»), где на фигуре 159 представлены фрески Спасо-Нередицкой церкви, построенной Ярославом Мудрым и тогда же расписанной, а в настоящее время не посещаемой и заколоченной за ветхостью. Фрески изображают четыре фигуры и лица: Свв. Григория, Василия, Иеваноса,— четвертое лицо в книге не названо, я же сам не в силах разобрать около него надпись имени. Я не живописец. Историей и археологией не занимаюсь. Я — романист в сердце и чуть-чуть психолог. Что же меня все возвращает и возвращает к древней живописи? Такого *беспросветного* мрака, невыразимой *скорби*, такой бесконечной силы *осуждения*... миру, себе — я не читал ни в поэмах, ни в сатирах, ни у еврейских пророков, как на этих фресках! Ювенал, Тацит — сущие мальчишки перед этими. Они — тщеславные мальчишки, судившие мир и довольные собою, несколько напоминающие Чапкого. Дант... но и Дант, очевидно, считал себя правым, себя и свою Беатриче, «святую Беатриче». У этих четырех фигур *нет прощенных*, и глубь скорби, прежде всего, пала в их сердце, в собственное «я». — «Все будем гореть, но я первый». Это — паника. Паника заразительна, паника — мистицизм. Все испуганы и все бежим. Чего? кого? Напрасный вопрос, напрасна надежда услышать ответ.

Но от этих четырех фресок есть бесспорная и непрерывная нить как до фанатиков, закопавшихся в Азовских плавнях, так и до казанского юноши.

Вы скажете — «случай живописи»... Ну, послушайте: «случай» да «случай», но почему же мне вас, возражающего, принять не за «случай», и, напротив, тех — за закон, но которого вы, как случайное исключение, просто не понимаете? Есть Захарьин и есть лекари, лекаришки; конечно, лекаришек много, а Захарьин — один на много лет, и на целый век 5—6 Захарьиных. Однако, очевидно, наука медицины воплощается в шести вековых «Захарьиных», а вовсе не в 60 тысячах ежегодных докторишек. В этих фресках, в том казанском юноше, в приазовских старовеерах выразились, во всяком случае, некоторые специалисты, которые *без рассеяния* думали о том самом, о чем и мы думаем, но рассеянно, занятые литературой, политикой и проч. У нас — плевелы; мы — дорога, на которую пало зерно и расклевано птицами: тогда как душа тех есть, очевидно, тучная, рыхлая земля, и мы качество зерна собственно и можем наблюдать только на той рыхлой почве, «специальной, уготованной». Знаем ли мы христианство? понимаем ли его? Вот к чему я хочу свести эти наблюдения.

II

Несколько времени тому назад вышла, в течение одного года четвертым изданием, книжка священника Петрова «Евангелие как основа жизни». Ее первое издание произвело на меня впечатление, и я написал по ее поводу статью «Религия как свет и радость». Статья кой-кому понравилась, кой-кому не понравилась. Между письмами, мною полученными по поводу ее, было одно замечательное из Рязани, от человека, очень углубленного и очень страдающего, которого я никогда не видел и знаю только из переписки. «Религия света и радости... вы — *отрекаетесь от христианства*, вы — *не знаете христианства*», вот общий смысл его пространного и убедительного письма¹. Нужно заметить, что написать статью у меня был один личный и вместе теоретический интерес. Он — следующий. Я давно заинтересован, от *какого* собственно «сатаны» должен отрекаться младенец при крещении? то есть меня берет сомнение не о *бытии* сатаны, а о том, *куда* мы должны относить «сатанинское лицо» в эту минуту, — вопрос не только не разъясненный, но, кажется, никогда и не поднимавшийся. Между тем для всякого христианина более чем понятна необходимость знать конкретно и определенно местопребывание главного и даже единственного врага своего, чтобы знать, *где*, и *с кем*, и *как* бороться. Мы знаем «сатану» слишком обще как «грех» и «искушение»: но в данную

¹ Ниже, в отделе «Купол (христианского) храма», я печатаю это письмо, выразившее очень удачно те мотивы, по которым было *принято* христианство и силою которых оно спело свою «победную песнь»...

минуту, то есть при крещении новорожденного, сатана так конкретно называется, что это есть единственный пункт, с которого мы можем начать конкретные, а не обобщенные и, следовательно, неопределенные его поиски. О вопросе этом я многих спрашивал, и вот, один уже престарелый и многоопытный человек¹, духовного образования, ответил мне: «Младенец отрекается от *первородного греха*. Сейчас я ему не нашелся что сказать, но назавтра сказал, что первородный грех снят с человека крестною смертью Спасителя и что в этом весь смысл христианства, о котором мы забыли вчера, беседуя с ним. Мы, конечно,— «докторишки», а не Захарьины, и оттого могли забыть такую вещь. Но что, во всяком случае, в данную минуту и в данном таинстве называется «сатаною» не первородный грех, а что-то другое — об этом не могло быть спора после моего указания; и, придравшись к книжке священника Петрова, я написал статью с несколько специальной целью доказать, что вот уже 1900 лет как первородного греха не существует, и, следовательно,— что особенно мне нужно было в моих целях — младенец отрекается при крещении, с именем «сатанинским», не от согрешения Адама и Евы, а *от чего-то другого*.

«Прости, небо, прости, земля, прости, солнце, прости, луна, прости, звезды, простите, озера, реки и горы, простите, *все стихии небесные и земные...*»,— так «прощаются», разлучаются с светлым миром неопиты скопчества, вновь приведенные к этому учению послушники, перед тем как подвергнуться известной операции. «Прощание» это происходит в торжественном собрании скопческого «корабля», и выслушивают его те, которые уже «простились» с солнцем, луной, землей и *всеми стихиями* через потерю собственно одних детородных удов. Какая глубина сознания их значения: с *ними* расстаться — со *всем миром* расстаться! от них *отделиться* — от всего мира *отделиться*! Здесь, кажется, только одного шага недостает, чтобы эти же самые скопцы, т. е. тогда же уже «бывшие» скопцы, воскликнули «осанна!» в сторону этих «удов», которые, по их же сознанию, трансцендентно несут в себе солнце, луну и звезды, землю и небо и все стихии Космоса... Но пока что, до этого недостающего шага, какой пессимизм в этом «прощании»!.. О, что Шопенгауэр! Как и Ювенал с Тацитом, он со своим пессимизмом опять же есть мальчишка и щенок перед этим мировым прощанием наших сектантов-скопцов и хлыстов. «Прощай, мать сыра-земля! прощай — мир». Да, русские мужики глубоко плавают, и, во всяком случае, в вере они суть или нередко бывают Захарьины. Но я здесь не о них говорю, а о том, что новооскопляемый, отрекаясь от мира, восклицает нечто сливающееся с отречением и всякого младенца при крещении. Когда уже оскпление окончилось, то из старичков кто-нибудь, подняв с полу отрезанный детородный орган и показывая его «счастливому» новооскопленному члену, говорит: «Вот — *жало* сатаны: ты вырвал его из себя».

¹ Покойный Серг. Ал. Рачинский, известный деятель по церковно-народному образованию,— переведший в молодые годы Дарвина и Шлейдена.

По всем этим подробностям совершенно очевидно, что в таинстве крещения проведена великая (по объему и значительности, *не* по святости) мысль скопчества; что как и скопческий «корабль», церковь не ранее принимает в свое лоно младенца, чем он или от его имени «восприемники от купели» произнесет некоторое «прощание» же с «солнцем, луною и всеми стихиями земными» через отречение детородных удов, но только не своих, а *родительских, от которых он физиологически произошел*. В самом деле, Символ веры над крещаемым и произносится сейчас вслед за тем, как он «отрекся от Сатаны». *Родители* при крещении своего младенца не могут присутствовать, *они одни не могут*: знакомые, друзья, соседи — присутствуют. Сами акты, введенные в обряд крещения, эти акты *отвращения от чего-то зрительно гадкого и мерзкого* («дуни!» и «плюни!» в трехкратном повторении) указывают на мысль или воображение Церкви, обращенные в эту минуту к чему-то гадкому по всеобщему ощущению. Это — тот акт совокупления родителей младенца, через который он был зачат. «Ты больше не будешь рождать», — говорят скопцы вновь принимаемому; «плюнь и отрекись от своего рождения», «от твоих родителей», — говорит Церковь вновь крещаемому. В обоих случаях: «рождение — от Сатаны: ибо его нет без похоти, а похоть — от Сатаны». «Лицо Дьявола» становится совершенно ясно, читаемо для нас в церковном учении: это — вся деторождающая система, весь очерк детородных сил, качеств, форм, движений, органов, пожеланий, вожелений». «Область дьявола» — ниже пояса, как «область духа», «Бога» — выше его. Вот разделение, метафизика, космология христианства. Отсюда — монашество как идеал христианский; и напротив — семья, родители, братья и сестры, супружеская спальня и детская комнатка, игры ребенка и песня матери над дитятею, труд отца для прокормления детей и, наконец, эти «грешные животные», которые только едят и множатся, — все, все это есть «область Сатаны», чертеж дьявола, узор его возле человека, только, по-видимому, сладкий и прекрасный, ибо он предназначен уловлять падшего человека в свои петли.

Не пытаясь спорить с Церковью, я спрошу только: каким образом *она* же, эта самая Церковь, в другом своем «таинстве» или якобы таинстве, браке, этот «сатанинский» акт соития именуется уже «святым соединением» и «благословляет» на него молодых людей?! К чему это? Что это? Где правда и истинное ее учение? Где настоящая ее взгляд на область ниже пояса, в крещении ли, где все это проклинаяется («дунь и плюнь») как сатанинское дело, или в браке, где все это благословляется как «исполнение Заповеди Божией».

Несомненно, что крещение есть более основное таинство христианства, — таинство новое, «новозаветное». А как Заповедь Божия, припоминаемая в венчании, тоже несомненна — то совершенно бесспорно, что во внутреннем своем сознании Церковь именуется «Сатанинским» Божеское лицо и указывает на Бога как на главного врача своего, от которого и предостерегает человек («не множься», монашество).

Все это, в своей невыразимой путанице, в которой запуталась Ново-заветная Церковь, противопоставив себя Ветхозаветной Церкви, содержит в себе для «верующих» такие глубины скорби, печали, уныния, что... что фрески новгородской церкви, поступок казанского юноши, приазовские старoverы получают для себя фундамент.

Вот о чем священник Петров мог бы написать новую любопытную книжку. Он преподаватель богословия в высшем учебном заведении, ему и «книги в руки». Мне кажется, и я для этого и пишу настоящую статью, что все мы, занимаясь религиозными вопросами и сочиняя религиозные книжки и религиозные статейки,— «мелко плаваем», и даже попросту — занимаемся пустяками. Уж если мы не знаем, есть ли христианство мировой *пессимизм* или мировой *оптимизм*, если возможен о такой *основной* вещи спор, то, конечно,— мы ничего не знаем в нем, не знаем его основного смысла; а без этого, конечно, не знаем вовсе и «пути спасения». Но если *мы* не знаем, профессора, писатели, то что же нам спрашивать и за что судить и осуждать... хотя бы приазовских старoverов. Мы их не научили; но это — с полбеды: мы их *не можем научить*, мы *сами не знаем*, и не знают *богословы*, наставники, как свещ. Петров,— и вот это есть или тут начинается полная беда.

III

Но неужели же священник Петров так-таки ничего не знает в христианстве? Скажем ему в оправдание: не один — он. Много лет назад я прочел необыкновенно увлекшую меня книжку: «Катакомбы» Евгении Тур. И вот, я помню в этих «Катакомбах» разговор знатной, изнеженной и жестокой римлянки с ее невольницей, тайной христианкой, которая почти «для примера» набрасывает ей очерки евангельского учения. Римлянка причинила рабыне какую-то боль, кажется, бросила в нее кинжалом и ранила, а та не рассердилась. Римлянка спрашивает, почему она не рассердилась? — «Потому что я верую в Иисуса». — «Чему же учил Он?» — «Любить врагов своих». — «Любить врагов?» ...и римлянка задумалась. — «Да, это есть истинно *новое* и непонятное; любить друзей — да; любить родителей — да; любить безразличных, незнакомых — ну, так и этак; но *врагов* любить — непонятно, невозможно, неслыханно!..» Новизна и высота учения поразила и привлекла ее. Она стала христианкою, перейдя в полноту любви из мелкой языческой любви, в высоту веры из несовершенной веры, в сверхъестественную религию из естественной. Ставим точку. Ошибалась ли Евг. Тур, рисуя себе так в перспективе перелом от язычества к христианству? Если и ошибалась, то *мы* все с нею ошибаемся. Мы *все* так думаем, и нам, как и свещ. Петрову, *всем* представляется христианство именно как высшая любовь, «свет и радость», не иначе. Свещ. Петров привычною рукою начертил привычный образ; его книжка получает огромный успех;

местами, в повременных изданиях, она почти целиком перепечатывается, потому что он с нами, и за него — мы все. Мы так думали 1900 лет; мы... «докторишки». — «Прощайте, звезды», «прощай — земля»; «прощайте, стихий небесные и земные», «отрекись от сатаны». — Уж если «жало сатаны» и «родительство» — *одно и то же*, то какой же *свет? любовь? радость?* — «О, хоть бы умереть!»

Кто же ошибается? Не ошибаются покойники. Есть мнение, что «никто не приходил с того света и не приносил нам по-ту-светной истины». Нет — есть вестники, есть по-ту-светные вести. Разве *мощи* не говорят? По крайней мере — нечто, и именно ровно столько, сколько нам нужно узнать. Они почили и благоухают. Они святы и творят чудеса. Вот уж кому не причастно «жало сатаны», и, выйдя из круга рождений — они стали святы. Есть в них душа? Этого никто не утверждает. Есть в них жизнь? Думают это еще менее. Что же в них есть? Память, останки. Никто не сомневается, что *мощи* есть собственно *тело*, телесные останки, без всякой решительно *душевности, духовности*: и вот, *безжизненные* останки — они *святы*. Так вот, что значит «святость» — *умереть!* Да, Тур, очевидно, ничего не понимала, как, впрочем, и весь мир, мы все, свящ. Петров. Умереть — и значит достигнуть святости. А что это не эпизод, не частность религии, видно из молитв над умирающим и об умершем. Уже взрослым я видел одно соборование умирающего (кстати — оправившегося): я не мог не плакать, такое это чудо слов, живопись напевов! Тянул дьячок, подтягивал священник, и, однако, нельзя было не плакать. Кто изобретал эти напевы? Клянусь, я ни от какой музыки не заплачу и ни от какого певца, — но тут какие-то по-ту-светные зовы музыки, откровение напевов. Похоронные слова и звуки мы знаем же.

Так вот *суть*, выпавшая вовсе из памяти свящ. Петрова и Евг. Тур. Похороны — св. *мощи* в музыке, начало *мощей*, святость и святое воспевание смерти! Под таким углом зрения христианство есть мистическая песнь переходу из земного жития, всегда и непременно грешного, в «вечную жизнь» — там. Хорошая религия! Конечно, — но не отрицайте же, что это есть величайший пессимизм и глубочайшее отрицание земли и земного, стихий планетных, лунных, солнечных, но в основе всего — родительских, рождающих. Перед мистицизмом похорон что значит «Исаия — ликуй!» или «жена да боится своего мужа», наиболее музыкальные и выразительные места венчания? Вот уж рационализм, вот краткословие и грубословие, т. е. не в смысле, а в музыке. Музыкант, с такой дивною прилежностью сложивший напевы: «иде же несть печаль и воздыхание, но жизнь бесконечная», отмахнулся от брачующихся: «Э — пусть вам диакон проорет: жена да боится своего мужа». Очевидно — религия *там, в могиле*; здесь же, где начинается, где будет, через детей и рождение, убегание от могилы, — есть только впадение в грех, вступление в океан «жала сатанинского». Сатана — жизнь; Бог — смерть.

Но тогда за что же мы судим приазовских староверов? Святые — они; мы, их судящие, — грешники. Трижды и трижды свящ. Петров ничего не понимает в христианстве, и мы все, Евг. Тур, никто. Обратимся к Евангелию. — «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные — и Аз успокою вас». Тогда, с точки зрения смерти, тут есть: *«умрите — и вы успокоитесь»*. Но ведь мы всегда читали эти слова в том смысле, что «облегчение» и «успокоение» будет дано еще в этой жизни; и значит — просто мы не умеем читать Евангелие, догадываться о настоящем смысле слов Спасителя. Да и действительно, если обратить внимание на судьбу «труждающихся» и «обремененных» в христианском мире, то ведь в чем же, собственно, выразилось «успокоение» их? В исповедании? Но они не столько были грешны, сколько несчастны, задавлены; и, действительно, для задавленности их какое же, где и когда находилось в нашей цивилизации «успокоение»? Никакого и никогда. Просто нет для этого средств, способов, методов, и например, нет даже в Церкви. — «Я обременен и скорблю». — «Покаяться хотите?» — «Да нет, я обременен детьми и нуждой». — «Бог подаст». Таким образом, очевидно, «успокоение» значит именно смерть, выход из круга рождений; но ведь, внимая словам этим, рыдая им ответно, «обремененные и труждающиеся» именно думали, что тут — скорбь *о них и за них*, готовность *помочь, сделать, облегчить их сейчас, здесь, в сем виде тленном*, а не то чтобы «на том свете», а пока вот — «умереть». Qui pro quo...¹

IV

Тезей условился со своим отцом, Эгеем, что если он победит на Крите Минотавра и останется жив, то, возвращаясь, вывесит на корабле белый флаг. Отец уже старец, все выходил на берег моря и смотрел вдаль. Но на радостях победы Тезей забыл сделать перемену, и когда подплыл к берегу Аттики, то старец увидел на знакомом государственном корабле обычный черный флаг — траур по жертвам, отправленным в лабиринт. С нами случилось нечто обратное. Там было избавление — но остался флаг смерти; у христиан, напротив, в очах брезжит что-то бесконечно счастливое, небесно-примиряющее, окончательное, самое светлое, от чего дух занимается: *но на самом деле — это только издала так, на первый взгляд, а диагноз Захарьиных, углубление специалистов, почва без плевел и расклеивающих зерно птиц — констатирует гроб*. Просто — *гроб*. Кто же ошибается? Ведь, право, можно закричать, а не только написать «кто ошибается», и отчего мы *все* ничего не знаем в том, что нам важнее всего и первее всего нужно знать? И что за колпаки, которые учительствовали над нами до сих пор! «Любовь», «примирение с Богом», «снятие первородного греха», «религия как свет

¹ Этот вместо того; один вместо другого; смешение понятий, путаница (лат.).

и радость». Христианство смотрит на жизнь как на бесконечную непоборимую скорбь и непрерывный неодолимый грех. Что может быть печальнее? — Ничего.— Что такое жизнь? — Плач и рыдание и ничего более.— Нужно ли трудиться? — Да, сколько птицам небесным: сегодня сыты, завтра сыты, а послезавтра — умрем. Здесь опять «взгляните на птицы небесные, на лилии полевые» обозначает просто, что «вы скоропостижны к смерти и вот умрете, как птицы и цветы-поденки», так что нечего и «печься на утре», а не то чтобы там «попорхать» и «расцвести». Ничего подобного. Плачущая ива — вот подобие и образец для человека. Опустит ветви свои в воду и — плачь, плачь...

Но, повторяю, тогда для чего же *белый флаг*? Можно с ума сойти от недоразумения. Я могу не иметь совершенной правды в поступках своих, в отношениях к людям: но не иметь совершенной правды в *святой святых своей души*? Это было бы ужасно!

Но может быть, это ошибка веков и только односторонность развития Церкви? Не думаю. Ведь и «века» ошиблись же *почему-нибудь* и «преткнулись» ногою о *какой-нибудь действительно лежавший* на пути их «камень». Без «камня» не бывает «претканий». Проходя по залам Эрмитажа, в отделах живописи XV—XVI веков, я был поражен чрезвычайно множеством и чрезвычайно красотою картин на тему, которую можно было бы объединить в названии: «Младенчество Иисуса Христа». Вот — «Бегство в Египет» и его варианты; вот встреча Елизаветы и св. Девы; и «Св. Семейство» без конца, т. е. в бесконечных повторениях. Тут все так чудно: Младенец, Мать. Так необходим этот старец Иосиф, о! бесконечно необходим: ведь старость равно прекрасна и равно тождественна младенчеству, ведь это возврат человека в младенчество, но в младенчество какое-то умудренное. Старец — дитя же, но в по-ту-стороннем обращении, как дитя есть старец в по-стороннем обращении. Мне думается, что, умерев, мы выпархиваем в «будущую жизнь» малютками, и признаки старости, белые седины, уменьшение объема тела, даже беззубость, суть именно приближение к младенчеству, к выпархиванию «туда». Мы «туда» рождаемся, и рождение «туда» есть смерть, которая для родных умирающего представляется чем-то болезненным и страшным, как и корчи рождающей женщины, как сокращения ее утробы. Это моя фантазия, не имеющая никаких, впрочем, оснований. Бросим ее, и обратимся к живописи в Эрмитаже. Как хороши эти «Волхвы с Востока»: они необходимы, как и Иосиф, ибо Восток вечно и весь ожидал Спасителя. «Звезда», ведущая их, местами перенесена на чело Богоматери или в «корону» ее. Но ведь что же такое все это, как не могучая иллюзия «ивы», которая хочет поднять плачущие ветви от воды, и на два века, XV и XVI, сумела это сделать? Где это живописцы прочли о «короне» у Матери? Не в Евангелии! Увы, они так мало «читали» его, что Спаситель (что, кажется, никем еще не замечено) везде представлен на этих картинах не обрезанным, т. е. они просто не вспомнили, забыли, у них

выпал из памяти праздник «обрезания Господня», седьмой день после Рождества Христова. Что же они, бедные, рисовали? Просто — *материнство* и *младенчество*, но *окоронованное*, в *звездах*, в *прославлении* «волхвов восточных», Сил Небесных, поющих чудесными гласами, и опять столь необходимых пастухов и их стад: т. е., в сущности, в окружении тех «стихий небесных и земных», от которых отрекаются наши сектанты! Художники Renaissance'a не вспомнили об «обрезании Господнем», а сектант — все помнит, он — бесконечно внимателен. В смысле «начитанности в книгах», уж конечно, это он — Захарьин, а те живописцы были так себе, жалкие дилетанты. Знаете ли вы, что буря Лютера и особенно Кальвина, так замявшая и изорвавшая «паруса» Renaissance'a, была, в сущности, чуть-чуть скопческая же, т. е. по сути-то своей, по главной-то своей основе. «Простите, стихии земные», или что то же: «Dies irae, dies illa — veniet». Нужно читать подробности биографии Лютера, чтобы видеть, до чего, подобно нашим «ищущим пути спасения» сектантам, он исхудал, истомился, был на краю отчаяния, и его вывел на путь «верь», в «веру без добрых дел» — просто разговор с престарелым августинским монахом. — «Да что ты мучишься, Мартин! Ну, наши подвиги ничтожны, грехи — не искупимы: но кровь-то, кровь-то Спасителя, ведь ее одной капли достаточно, чтобы очистить от греха мира». И Мартин воскрес: он уперся лбом или, точнее, подобно ласточке в душевной комнате, он вырвался в форточку этих удачно сказанных, но совершенно случайных слов и полетел в бесконечность. Но мы не пишем его истории, а указываем на простой факт, что, едва этот реформатор стал прилежнее читать «книги», как смел все эти «Святые Семейства» и «Бегства Иосифа и Марии в Египет» и «Святые ночи» Корреджио в сторону, как красочную мазню, которая никакого отношения к «спасению души» не имеет. Между тем, если мы войдем к самому благочестивому человеку, ну — войдем к столь любящему живопись С. А. Рачинскому в кабинет, — он покажет нам чудные снимки с картин Рафаэля, Корреджио, Леонардо, Мурильо, всех их занося в «хор певчих Святой Церкви», всех их объясняя в силе и красоте из «религиозного вдохновения», — и вот, судя по сюжетам — очевидно именно из вдохновения христианством. Опять — белый флаг и черный гроб: ибо кто же «вдохновлялся христианством», художники ли эти, едва заглядывавшие в Евангелие, или Кальвин, Лютер или Саванаролла, читавшие всю эту живопись «жалом сатанинским», «обольщением дьявола», совершенно аналогично скопцам, возглавившим борьбу против «лени мира», т. е. против *красоты*, *изящества*, против *праздничных* одежд мира? Рачинский был бы чрезвычайно поражен мыслью, что он совершенно не понимает христианства, но что делать — именно *так*. Ф. И. Буслаев нам читал в Московском университете о староцерковной словесности и параллельно как ее разъяснение — о византийской живописи. Из слов его точно помню указание, что между прилепленностью человеческого воображения к Божией Матери и к Иисусу Христу всегда шла борьба, и именно в том смысле, что

человек искал утешения, облегчения, хоть какого-нибудь света в Божией Матери. Кстати, не отсюда ли столь любимые у нас наименования икон: «Скорбящая», «Всех скорбящих — Радости» и проч., тоже «Заступница». Буслаев прямо указывал, что в Божией Матери человек искал защиты, своего рода исторического «заступи и помилуй» *от всегда пугавшего строгостью и суровостью Лица Спаса*. И вот,— договаривал нам профессор,— в наиболее строгие эпохи истории Лик Божией Матери отступал, а на первое место почти испуганного воображения выступал Иисус Христос,— и тут-то он и говорил о его византийских изображениях. Все знают, что немного лет назад картину Ге, изображавшую «неблагообразно» распятие Спасителя, запретили показывать в Петербурге, но многие ли знают, что в строжайшие византийские эпохи было именно запрещено, как бесстыдство, изображать Иисуса Христа благообразным, и Он рисовался трупным, опухшим, искровавленным, иногда посиневшим, и непременно, непременно безобразным! Так нам читал Буслаев. Теперь я с этим прямо соединяю чтение «Двенадцати Евангелий» в Великий четверг: вот — торжество и мысль христианства! Выслушав эти «Двенадцать Евангелий», не пойдешь в Эрмитаж. Просто — не захочешь, *сам* не захочешь. Прав Лютер; не правы мы. Правы Ге и византийцы, и вовсе, вовсе не правы Рафаэль и Корреджио! Чтобы решить спор, *кто* прав, и в *свете* ли и сиянии мы, или в темноте и *плаче*, то есть решить в сущности тысячелетний спор и всеобщее недоумение, мне приходила такая мысль. Взять бесконечный лист бумаги, вроде той ленты, на которой отпечатывается 50 000 экземпляров газетного листа. Но пусть бумага эта будет разлинована в мельчайшие квадратики, каждый в букву величиной. На эту ленту наносим Евангелие по букве в квадратике. Теперь, обведя красной чертой события определенного цикла, мы получим, так сказать, относительность темных и светлых мест, плачущих и радующихся. Едва мы это сделаем, как почувствуем, до чего бесосновательно было Renaissance и верно — византийство, Лютер и, наконец, будто бы «фанатизм» и «темнота» наших сектантов разных наименований. Конечно, никакого «культа Мадонны» не существует в Евангелии, т. е. он существует только в человеческом воображении и родился из человеческого воображения; и вообще «богородичность», «богородичная» сторона христианства — один штрих, страница, десять минут чтения, а «страсти Господни» — это долгое, долгое «стояние»... Помните ли вы часы у Каиафы? у первосвященника Анны? перед Пилатом? Какие томления! Шипы, тернии, удары тростью! Отречение Петра, сон учеников, этот ужасный сон, в такой роковой час, «прощальный»... Предательство Иуды... И, наконец,— «раздралась завеса Храма и потряслась земля». Ужасно. Ужасно во впечатлении! О, какие тут «Мадонны». Христианство — ужасно во впечатлении, рыдательно.— «Крепитесь: Я победил мир». Какая-то ужасная, от нас скрытая (в сущности, в смысле) борьба.— «Ныне — суд Князю мира сего». Кто он, сей «Князь»? Темно. Все темно; хотя действительно через «младенца»

побеждается смерть, и колыбелью отмечается гроб: а мы уже видели, и таково заключение компетентнейших судей, что гроб есть существенный груз нашего корабля и существенный смысл нашего исторического плавания. «Побеждено» ли Иисусом рождение, его *инстинкты* и *сила*, словом,— весь круг *вхождения* человека в мир? До *некоторой* степени, *не окончательно* — но действительно «побеждены»: и тогда хоть сколько-нибудь становится ясна беспросветная тайна «смерти Бога», «гроба Господня»... Господь — в гробу! Какая ужасная тайна! Господь смотрит на человека из гроба! Какая тайна, как бесчувствен читатель, если он не содрогается. Как постижимы тогда «св. мощи», которые ведь все «во след Господу» благоухают из гроба и манят нас к гробу же. Вот где родник аскетизма, вот где истинный его родник, а не в словах: «лучше не жениться»; родник — в этой огромно раздвинутой, разрисованной, убранной концепции «страстей Господних». Ибо может ли прийти на мысль хоть что-нибудь из «женитьбы» у человека, выстоявшего «12 Евангелий» в Великий четверг или у простоявшего час у мощей св. Феодосия в Киеве? Ничего подобного! «Господь в гробу» — какая же мысль о браке? И вот где не только родник аскетизма, но и, в сущности, какого-то искусственного положения брака в христианстве, которое все чувствуют, начинают чувствовать. Какой тут «брак» сквозь рыдания, цветы по трауру: это — розы на плакучей иве. Конечно, это — прибавка, примечание под страницей, приписка сбоку, а не текст сплошь читаемой и связанной страницы. Романтическая страница, минута из жизни Ромео и Юлии — просто здесь не связуема и не вписуема; даже в чтении она едва выслушивается: и между тем это — земля, начало земного, устой бытия, столь же вековечный, как и гроб; т. е. это, если угодно, вторая религия или, пожалуй, *еще* религия, но только *не христианская*. Религия Отчей Ипостаси, мирового родительства, сколько мы постигаем, сколько можем постигнуть очень бедным своим умом. Религия — *сюда* войти, ниспасть на землю; и религия — *отсюда* выйти, вознестись на небо. «Земля есть подножие Твое», поется в одном псалме; вот сюда, на это «подножие», мы все падаем, в сущности, из Отчей Ипостаси. По неизменному сказыванию всех людей — «мы рождаемся *от Бога*», или, как Филарет отвечал Пушкину:

Жизнь — *от Бога* нам дана.

Отсюда, из этих представлений,— и термин псалма: «земля есть подножие Божие, а небеса — Престол его». Но совершенно вне этой орбиты лежит смысл христианства, обнимающего только одну вторую половину или вторую трансцендентную истину нашего бытия — приближения к гробу, и через гроб — вознесение в небеса. «Мы воскреснем после смерти, и даже смерть есть способ воскресения от земли в небо» (какое-то мистическое, а не астрономическое, конечно) — вот и все христианство, от точки до точки.

В этом смысле «плакучая ива» нашего бытия не бесконечно печальна: но бесконечно печально, что мы на ней упорно, как Лютер, сосредоточены. Есть розы, есть Renaissance; есть Божии на земле розы, и Renaissance был божественным явлением, даже Божиим Откровением, но лишь не в орбите Второй, но Первой Ипостаси. Но как проникновенно оказывается учение о «лицах» Божества, коему нас научили Вселенские соборы и которого, судя по записанным Эккерманом «Разговорам», не понимал и решительно отрицал даже Гете. «Никогда три не будут одно». Между тем до такой степени очевидно, что, например, семья, брак, весь исторический Renaissance просто не умещаются «в том же Лице», в коем сосредоточены гроб, смерть. И между тем *гроб* и *рождение* — *обои есть*, и есть как вечный и святой факт.

Радость свящ. Петрова и вообще оптимистов тогда основательна и только не туда адресована; как и белый флаг нашего корабля истинен же, но только не при том и не туда направлении корабля. В Апокалипсисе обещаны всем, без исключения всем людям, зеленые пальмы и «убеленные одежды» и, наконец, обещано же «Древо Жизни». Вот истинный путь исторического корабля, и некоторое примирение наших скорбей и радостей...

ЧЕРТОЧКА К ЧЕРТОЧКЕ

О случае самосожжения

М. Г.

«Вчера я прочел вашу статью «Случай в деревне», помещенную в «Мире искусства» за 1900 г. В ней вы мимоходом говорите, что любите собирать «случаи в жизни», коллекционировать «раритеты», подобные приведенному вами там же казанскому «случаю».

Я беру на себя смелость переслать вам с этим письмом заметку из газ. «Знамя» (№ 158, 14 июня 1903 г.), в которой сообщается о попытке одной девушки на самосожжение «в припадке фанатизма». Этот при- скорбный факт имел место под Петербургом, на ст. Сергиево Балт. ж. дор. (Сергиевская пустынь).

Примите уверения и пр. *Сергей К-ов.*

Весною будущего 1904 года я кончаю здешний Университет по математическому разряду физико-математического факультета. Моя специальность — небесная механика, или, в более широком смысле — астрономия; и в том же году я намерен, с Божьею помощью, стать — по нашей терминологии — «жильцом могил», т. е. принять сан иноческий, а затем поступить в Спб. Духовную Академию.

С. К.

С.-Петербург, среда, 2 (15) июля 1903 г.»

Примечание. Передача факта самосожжения перенесена мною ниже, в отдел «Купол храма». Но интересно, что увидел неофит, приблизясь к «живым могилам». Это он, при случае, сообщил мне через три года в следующем письме:

Что увидел неофит?..

7 января 1907

«Многоуважаемый В. В.

Позвольте обратить ваше внимание на одну прекрасную книгу, недавно вышедшую, посвященную небезынтересному для вас вопросу о воспитании и образовании, даваемых современной духовной школой. Название книги «Духовная школа. Сборник статей. Москва, 1906 г. Ц. 1 р. 35 к.».

Книга — подкупающая всякого беспристрастного читателя своей искренностью и вместе с тем — странная книга. Прочтите, напр., статьи «Без призора» и «Как мы изучали Библию». Какой ужас! Наша несовершенная светская «мирская» школа оказывается поистине «раем земным» по сравнению с гнилым болотом, именуемым духовными школами: я никогда не мог и представить себе ничего подобного!

Зато теперь я прекрасно понимаю, почему наше духовенство именно таково, каково оно есть. Это — покойники, какие-то мумии. Недавно тут, в Петербурге, на Стремянной ул., в зале «Общества распространения просвещения в духе православия» происходили пастырские собрания духовенства петербургской епархии. Был там и я, грешный. Очень интересно: одни эти лица чего стоят — жирные, толстые, без тени мысли¹. Безумие и ужас. И всякому живому слову они ставили свое «veto». Им хорошо и тепло, прибыльно и выгодно живется, а все прочее — «трын-трава». Что им за дело, что паства, не желая быть в положении «стриженных овец», «ушла на сторону далече», как выражался мой друг, известный и вам участник Рел. Фил. Собраний, о. архимандрит Михаил, личность высокопочтенная и талантливейший ученый; что им за дело до будущего, они бессмертны, как всякая пошлость, а затем: *arges pous le déluge*² — это-то они знают. Я считаю себя православным в том смысле, что принимаю всю совокупность догматов Пр. Церкви и считаю для себя обязательной ее канонику; но ближе узнав «духовенство», не могу не согласиться с мнением одного знакомого, человека умного, просвещенного и даже знаменитого в той отрасли русск. искусства, в которой он работает и которая соприкасается и с церковью, и с «духовными» вообще. Он часто говорит мне: «по-моему, есть Церковь и мы, миряне, верующие — ее и составляем; и есть поп — этот с Церковью ничего общего не имеет». Конечно — это резко и даже не верно. Но все горе в том, что почти верно.

Я понимаю, что не одни они виноваты в том, что вышли такими «цацами»; виноваты и мы, виновато очень и Государство, развратившие их властью и требованием абсолютного, против совести, подчинения. Но все же во многом виноваты и они сами, и, кажется, некоторые из них начинают сознавать это. По крайней мере, таковым представляется мне «Союз Ревнителей Церк. обновления». На него уповаю, хотя часто

¹ Не могу не передать одного живого впечатления. Однажды мы, несколько писателей, были на беседе у одной важной духовной особы, где присутствовало несколько епископов и архимандритов. Когда после беседы мы вышли на свежий воздух, то Д. В. Философов, обертываясь к Д. С. Мережковскому и мне, сказал своим неуверенным голосом и тихо смеясь: — «Как это странно: вот мы все пришли туда, как *защитники плоти*, и говорили смело *за плоть, за радости мира, за сытную и, во всяком случае, нормальную, без самоумерщвления жизнь*». Смех его увеличился и он продолжал: — «И думал я, сидя среди их: да какие же мы защитники плоти, — в нас и весу-то чуть не несколько фунтов, худые, бледные, малорослые. Вы, Вас. Вас., Вы, Димитрий Сергеевич? Взглянуть не на что. И они с нами спорили и говорили, что постыдно служить плоти: между тем не было между ними менее пяти пудов весу в человеке, и щеки красные, лоснящиеся, губы сочные». И он смеялся. А мы все недоумевали. В. Р-в.

² после нас хоть потоп (*лат.*).

думается: «Может ли что доброе от духовенства быть»? Не покойники ли это нравственные,— и смерть без воскресения не есть ли «злая часть», которую избрали они себе в удел? Страшно... Но надо кончить...

Сергей К-ов.»

Иногда думается, что духовенство, хотя оно и именуется «строителями Тайн Господних» (строители!!!), на самом деле просто — «примазывавшиеся» к делу веры. *Дело* религии — оно есть; какое-то странное, глубокое, верится — прекрасное; но *они*-то, именно *они* и понятия об этом «деле» не имеют. Однако нельзя не поразиться: что ведь *они*, именно *они* чаще всего читают Евангелие, знают его, непрестанно носят образ Иисуса перед глазами и в сердце. Они — иисусовцы, мы — просто «люди». Отчего же в простом человеческом сердце, куда, кажется, и не заброшено «зерно евангельское», живут эти корни страхов, радостей, смущений, скорби, ожиданий, надежд, которые все суть начало *дела* религии?.. Спрашиваем, но не находим ответа.

В. Р-ов

Церковь-наставительница

«В одной из приходских петербургских церквей мне пришлось слушать проповедь. Священник говорил о необходимости воспитания детей в церковно-религиозном направлении. Делая довольно удачные экскурсии в область психологии детской души, он доказывал, что впечатления детства кладут очень сильный отпечаток на формирующуюся личность человека, а потому религиозным впечатлениям, как абсолютно ценным, должно быть отведено в деле воспитания первое место¹. Проповедник для подтверждения своих мыслей ссылаясь на пример воспитания Девы Марии (о котором, нужно заметить, мы ничего не знаем), приводил и тексты Св. Писания.

При выходе из церкви я услышал и откровенный отзыв о поучении. Довольно прилично одетый субъект — как видно рабочий — делился со своим товарищем впечатлениями:

— Ишь ты, как поп-то поучает... Детей, говорит, воспитывать надо под его руководством, а того-то и не скажет, что теперь в голодных краях дети мрут с голодухи. Какое тут воспитание... Все они, длинноволосые, только говорят да поучать мастера, святыми притворяются, а делать ничего не хотят для других, только о своем брюхе хлопочут!

¹ Поразителен этот вечный порыв духовенства, во всем, всегда, к «первому месту». Но поистине исполнилось: «первые да будут *последними*». За «первое место», данное ему Константином Великим, духовенство объявило «равноапостольным» этого Нерона Востока, умертвившего жену, сына и тестя, изобразило его на своих иконах и велело народам поклоняться ему как Богу!!! Ибо иконам поклоняются в Православии как Богу, зажигают перед ними *лампады* и *свечи*, *кадят* им, служат перед ними *молебны*, *молятся* на *иконы*... т. е. на лица, изображенные на иконах... И вот Церковь за честь, данную духовенству, повелела христианам молиться убийце! В. Р-в.

Меня поразила эта оценка проповеди. Грубая и резкая, она, однако же, как нельзя более рельефно выставляла на вид всю неприглядность нашей официально-церковной проповеди. Нужно сознаться, что в приведенных словах заключалась большая доля правды. Церковные проповедники *in massa* не хотят считаться с действительностью. Их мысль витает в области отвлеченных схоластических рассуждений, общеизвестных сентенций и пересыпается обильно текстами кстати и некстати. Живая жизнь не задевает их ума, не волнует сердца; говорить об ее ненормальностях — не их дело».

(Из духовного журнала «Век», 1906 г., номер 5—6)

Церковь-благотворительница

«...Покойный отец мой часто говорил мне: «если будешь жить по Евангелию — пропадешь». И вот я живу по Евангелию и погибаю.

Я решил побеседовать со своим настоящим духовным отцом — Отцом Протоиереем Воскресенского всех учебных заведений Собора¹. Отныне достопамятная для меня беседа наша имела место в самом Соборе на правом его крыле в среду, 13-го сего текущего сентября.

Вся внешняя обстановка — огромный, величественный, светлый (много света) Собор, белые под мрамор стены, мигающие огоньки лампадок, постукивание рабочих на главном куполе — все говорило о жизни, труде, работе, все напоминало хорошее, доброе, светлое, прекрасное, — вообще живое, радостное, здоровое. Но не такой характер носила беседа о. Протоиерея-академика со своим духовным сыном. Беседа длилась в течение часа, никем не прерываемая, в Соборе мы находились одни, не считая сторожа, стоявшего у ящиков со свечами при входе в Собор. Сидели мы рядом, колени наши соприкасались. Мой 6-летний сын стоял у моих ног, опершись руками о мои колени. И вот, за все время беседы я не услышал от духовного отца ни одного живого, бодрого, доброго, лишнего банальности слова, чуждого всего земного, материального, стоящего выше глупости, невежества, бездарности. Я услышал одно только знаменитое слово: *терпение*. Но я тут же вспомнил ваши слова: «здесь терпение и там терпение, — не слишком ли много?» Я заявил батюшке, что я тридцать лет терплю в той или другой степени, в той или другой мере, в той или другой форме от людей всех званий, возрастов, состояний и общественных положений. И вот я подумал: «что сказал бы, как поступил бы, как использовал бы данный момент» — беседа с человеком, пришедшим за духовным советом, — «католический или протестантский проповедник?!» И вспомнилось мне надгробное слово пастора, произнесенное 24 января 1897 г. над телом моей матери-немки, вспомнил вдохновенное лицо, страстную,

¹ Выпускаем имя, отчество и фамилию живого и известного в Петербурге лица. В. Р-в.

увлекающую, захватывающую сердце, действующую на ум речь. Помню, на глазах всех, понимавших немецкий язык, навертывались слезы. Может быть, здесь была некоторая доля театрального, искусственного, было немного и позы и рисовки, но зато могу удостоверить, что не было глупости, бездарности, невежества, непонимания своего призвания, о чем я упомянул выше.

Отец протоиерей закончил тем, что направил меня к самому отцу Настоятелю, митрофорному протоиерею Н. И-чу Р-ву, сказав, что сам он, протоиерей, человек маленький и сделать для меня ничего не может. По словам протоиерея Н-го, отец Настоятель прекрасный, сердечный человек, отзывчивый на всякое человеческое горе, нужду и проч. Отправились мы с сыном к отцу Настоятелю. Отец Настоятель, не долго думая, *предложил нам на гостинцы 50 коп. и попросил нас удалиться.* Испросив благословение и *возвратив 50 сребреников* — два 15 и один 20 — мы откланялись отцу Настоятелю.

Ваш *Василий Андреев.* 15 октября 1906 г.»

(Из частного ко мне письма)

На соборном служении

«Великое познается в малом, принцип испытывается мелочами. Отведав единую каплю морской воды, можно смело заключать, что во всем океане вода соленая. Как церковь относится к жизни и может ли ею руководить? Над этим спорным и темным вопросом ослепительной искоркой вспыхивает маленький, но разительный факт, могущий служить показателем глубочайших свойств Православия. Факт до сих пор не нашел ни малейшего отклика во всей духовной печати, потому что и она не умеет обращаться с большими вопросами жизни, как и породившая ее Церковь. Я разумею случай, имевший место в дни крайнего обострения вопроса о безработных в Петербурге и попавший в хронику «Нов. времени» (№ 10830). 7 мая, по окончании обедни в Казанском соборе, духовенство, во главе с еп. Сергием, выходило на середину церкви для служения молебна. Какой-то молодой рабочий, стоявший у решетки, обратился к еп. Сергию, когда тот поравнялся с ним, со словами: — «Епископ! Я обращался к митрополиту, чтобы он помог голодающим. Вы ничего, однако, не сделали! Где же у вас душа? Где же сердце?» Произошло смятение, но духовенство, не изменив ни на йоту своей программы, дошло до места и начало служить молебен. Тогда неугомонный рабочий начал громко кричать, стараясь заглушить пение: — «Братья! Я умолял митрополита помочь голодающим, но ничего не сделали. Моя сестра 17 лет через голод пошла в дом терпимости. Можно ли дольше терпеть, посудите сами!» И он, при общем смущении, опустился в бессилии на пол, почти потеряв сознание. Церковный сторож повел его к выходу и освежил стаканом воды. Приходя

в себя, несчастный время от времени повторял: «Где же правда, где же правда?» Из рук сторожа он был передан околоточному надзирателю и отвезен в сыскное отделение.

— И только? — спросите вы. — Да, только. — Не может быть, не поверю! Не может быть, чтобы в храме, где сердца размягчены молитвой и овеныя религиозной любовью, не нашли мощного, вдохновенного отклика вопли голодного! Не может быть, чтобы епископ не сказал тут же, на месте, горячую проповедь о помощи своим согражданам и все духовенство, сняв свои золотые шапки, не пошло тотчас же собирать в них подаяние с присутствующих, не говоря уже о дальнейшей организации систематической помощи безработным вкупе с общественными деятелями! Не может быть, чтобы никто из духовенства или набожных прихожан тотчас же не отправился, по просьбе епископа, в место гибели несчастной девушки и не выкупил ее на собранные деньги с тем, чтобы устроить ей приличное существование! Ведь в любом народном собрании даже с самым несерьезным настроением, будь то среди столь презираемых духовенством атеистов, материалистов, — крики голода вызвали бы непременно хоть какую-нибудь прямую и скорую помощь!..

— Не может быть этого только с простой, человеческой точки зрения. А вот по-церковному, по-православному не только *было*, но — мы с ужасом должны сознаться — *так и быть должно*. Не случайно и не на этот только раз духовенство и молящиеся впали как бы в летаргию, онемели, окаменели, глазом не моргнули в ответ на раздирающие душу стоны плоти и крови человеческой. Стиль, дух, норма Православия характерно выразились в этом безучастии. Как смели эти стоны осквернить своды молитвенного дома, нарушить их неземную тишину, где совершается бескровная жертва, отрывающая человека от брэнного мира с его болями, где каждый предстоящий «ничтоже земное в себе да помышляет» и «отлагает всякое житейское попечение», где все находится под гипнозом *духовности*, презирающей *всюкую телесность*!?

Убиение любви к жизни и ее интересам — это *цель богослужения*, и ее ставила себе церковь всегда и не без успеха достигала. К этому направляла всю обстановку, все чары, все волшебство своего культа. Прикоснитесь к молящемуся во время богослужения — и он окажется каменным, глухим ко всему земному. Вот где познается истинная сущность Православия. Церковь всей своей догмой, моралью и дисциплиной стремится охладить в человеке привязанность к земле, всеми мерами стремится убить у него самый нерв любви к жизни. На этой почве и разрастается пышным цветком все то изумительное равнодушие и безучастие Церкви к больным и насущным вопросам культурно-исторической работы, которое издавна восстановило против нее все живые общественные силы. Церковь уводит от жизни. Дивно ли, что и жизнь уходит

от церкви?! И обе сосредоточиваются в двух враждующих между собою лагерях».

(Из «Страны», № 183 за 1906 г.)

А. Карташев¹

Около церковного сердца

«...Подхожу к монастырской кассе и прошу о. эконома дать мне билет на пароход. «С каким парходом ты приехал?» — спросил он. Я сказал, что — на парходе Мурманского Общества. «Ну,— сказал он, на Мурманском парходе и поезжай обратно. Ты этому Обществу уплатил за один конец, плати-ка и за другой; а мы возим только тех, кто платит нам за оба конца!...»

(Из «Церковно-общественной жизни», издаваемой в Казани профессором Духовной Академии В. И. Писаревым, номер 42 за 1906 г.)

* * *

«...Пред моими глазами как живая сценка в пещерах Киевской Лавры. В глубине подземных коридоров толпа длинною вереницей идет с свечами в руках и поочередно паломники друг за другом прикладываются к св. мощам угодников. Лица у всех восторженные и благоговейные. В глазах одних светится горячая надежда, у других они источают слезы благодарности, что Бог сподобил их видеть святыню. Тишина и вздохи — глубокие, сокрушенные, молитвенные. На повороте у решетки, за которой покоятся, по преданию, тела братьев — строителей главного храма,— стоит подслеповатый монах и монотонно-тягуче повторяет одну и ту же фразу: «Положите копейку, святые угоднички помолят Бога за вас! положите копейку, святые угоднички помолят Бога за вас!»

(Оттуда же)

* * *

— «Еп. Антоний о монастырском землевладении. В «Вол. еп. вед.» напечатана следующая резолюция Антония, еп. Вольнского: «Держитесь крепко за землю, которую пожертвовали церквам благочестивые наши предки за спасение своих душ. Не верьте льстивым обещаниям либералов...»

* * *

«...Если вам доведется быть в летнюю пору в каком-либо монастыре, вы обязательно найдете там каменные или штукатурные работы — то по ремонту, то по расширению старых построек; вы услышите стук молота

¹ Бывший председатель С.-Петербургской Духовной Академии и один из основателей Религиозно-философских собраний в Петербурге, теперь преподаватель Высших женских курсов (Бестужевских) в Петербурге. В. Р.-в.

о камни или увидите подвешенные люки. Если вы поинтересуетесь взглянуть на работающих, то увидите наемных мирян в ободранной одежде и с испытанными лицами, а монахи в это время, если оно не богослужбное, будут проходить мимо вас праздные, сытые и часто в дорожной одежде».

(Оттуда же)

* * *

«На Поперечно-Владимирской улице в столярной мастерской К. Г. Боль служит столяр П. А. С-в; у него есть брат, мальчик лет 14—15, по имени Илья: жил у сапожника учеником, но у него было стремление поступить в монастырь, и он часто ходил в Кизический мужской монастырь на церковные службы. И вот 12 августа перед всенощной мальчик решился и пошел в келью отца Дионисия — казначея монастыря, от которого зависит прием в монастырь. В келье он увидел почтенного иеромонаха, украшенного знаками отличия за усердное служение.

Выслушавши просьбу Ильи о приеме в монастырь, о. Дионисий сказал мальчику: «Вот я погрызу тебе ухо, если вытерпишь, приму тебя в монастырь». Смущенный мальчик ответил: «Не знаю, вытерплю или нет».

О. казначей, действительно, погрыз ухо Илье и велел снять пиджак. Потом запер дверь и, взяв мальчика в охапку, отнес его на кровать и сказал: «Теперь я буду лежать, как царь Давид в своей семье».

Пролежав несколько минут, о. Дионисий, опрокинув мальчика вниз лицом, лег на него и сказал: «Ну, Илья, если то приму в монастырь». Мальчик, ошеломленный всем происходящим и *действиями* монаха, лишился чувств.

Когда он пришел в себя, о. Дионисий собрался в церковь и приказал мальчику тоже идти туда.

Простояв всенощную, Илья пошел к послушникам, но в это время пришел мальчик Николай и сказал, что о. казначей требует к себе Илью. Оба мальчика пошли в келью к о. Дионисию.

Почтенный иерей, приказав Николаю уйти, запер парадную дверь и келью, потом, пообнимавши Илью, приказал ему раздеваться.

Затем со словами: «Ну, Илья, будешь принят в монастырь»,— положил мальчика лицом в подушки и снял с него панталоны.

Затем при словах: «Ну, теперь ж... моя»,— совершил акт, которому нет имени.

Мальчик лишился чувств.

Когда он очнулся, о. Дионисий дает ему рубль и говорит: «Ну, Илинька, не сердись и никому не говори»,— и, отворив двери, выпустил мальчика.

Это происходило в 11 часов ночи.

Выйдя из кельи, Илья постучался к послушникам и, ночуя у них до утра, рассказал им происшедшее. Затем в 6 часов утра вернулся к брату,

но не рассказал о вынесенном поругании. Тем не менее чувство обиды не давало покоя мальчику и он опять пошел в Кизический монастырь, с тем чтобы добиться аудиенции у архиерея; здесь мальчик рассказал архиерею о том оскорблении, которое он получил у него в монастыре...

Архипастырь призвал о. Дионисия и, когда тот явился, начал его «урезонивать», выставляя всю гадость подобных деяний. И когда о. Дионисий не выдержал и воскликнул: «Грешен, святой владыка!» — архиерей, удовольствовавшись этим, отпустил обоих, казначея и его жерту, «с миром».

Илья пошел из монастыря, не зная, что делать... Но по дороге не вытерпел и рассказал все неизвестному ему человеку; последний посоветовал мальчику идти в земскую больницу. Здесь мальчика освидетельствовал доктор Д., предложив мальчику идти в Окружной суд и заявить о всем судебному следователю.

Но мальчик не умел рассказать все хорошо следователю, и тот вызвал еще его брата, столяра; старший брат, желая все это проверить, пошел с Ильей в монастырь к о. Дионисию. Столяр спросил монаха: «можно ли делать то, что вы сделали?» Но отец казначей и тут не потерялся, он промолвил: «Ты, Илинька, верно бедный, и тебе надо денег?»...

Наш сотрудник был у С-х. Он увидел семью пасмурной, злобной... И действительно, больше оскорбить семью, человека невозможно...»

(Из «Казанского вечера», 1906 г., номер 20)

Все многоточия — в тексте газеты. Судя по полной прописке имен, мест и лиц, описанное — не выдумка. Это подтверждает и следующая сноска под статью:

«В № 17 нашей газеты в хронике была помещена заметка под этим же названием. В настоящее же время мы можем подробно осветить это возмутительное дело».

* * *

«В Нижний Новгород привезен из Перми для отправления в монастырь бывший архимандрит Зосима, настоятель женской общины в Красноуфимском уезде, превративший ее в свой гарем и уличенный в изнасиловании ребенка. Суд приговорил его к каторге. Но, как только состоялся приговор, верующие, по сообщению «Ниж. Листка», руководимые белогорскими монахами, начали своеобразную агитацию. Архимандрит Зосима объявлен был невинно пострадавшим праведником. К нему стали стекаться поклонники и поклонницы, искавшие его благословения, которое приносило «исцеления». В тюрьму Зосиме приносили детей под благословение. Когда Зосиму заковывали в кандалы, вокруг него стояли белогорские монахи с горящими свечами.

И эта агитация не осталась бесплодной. Цепи спали с бывшего архимандрита. Каторга и арестантский халат его миновали. Зосиму, по

словам «Ниж. Л.», везут теперь в монастырь. И надо думать, что паломничество к невинно пострадавшему не прекратится, не прекратятся и «исцеления»; и трудовые пятаки, рожденные потом и кровью обманутых, темных рабочих людей, — наполнят кружки белогорской обители.

Вспомнишь Гамлета и его задумчивое слово: «Есть что-то гнилое в Дании»...

(Из «Речи» 26 августа 1906 года, и из «Церковно-обществ. жизни» № 38)

* * *

«...От этих новостей местной жизни перейду к известию, которое меня возмутило до глубины души. Из Киева, от студента-земляка, я получил известие такого рода: «один монах — ректор семинарии, архим. Кирилл, *совратил девицу*, растратил несколько тысяч казенных денег и сослан в какую-то пустынь». А на другой день то же прочитал и в № 259 «Бирж. ведом.»:

«Ректор киевской духовной семинарии, архимандрит Кирилл, за развратное поведение сослан в *Оптину Пустынь*».

...Несчастливая Оптина Пустынь, долженствующая принять такого гостя к себе! Вот так монах — *воспитатель* духов юношества! Таких большинство! Все деланные монахи-карьеристы, худо живущие, никуда не гожие. Этот «холостой быт» в монашестве нужно искоренить.

24 окт. 1906 г.

Ваш свящ. И. N-ский».

«Дети дьявола и их проповедь свободы»¹

«Возьмемте слово *свобода*, слово, особенно излюбленное в наше время. Из-за него поднялась вся переживаемая нами сейчас смута общественная; его выставляют на своем преступном знамени вожаки смуты; это слово выкрикивают забастовщики разных слоев и сортов: и простые рабочие мыловаренных и других заводов и фабрик, и давно забывшие свое научное дело студенты и студентки, и молокососы гимназисты и гимназистки, и даже (*horribile dictu*²) питомцы некоторых духовных семинарий, даже саратовские прачки! И при всем том едва ли огромному большинству выкрикивающих слово это доступно и вполне понятно значение его. Свобода!.. Ведь это слово нуждается в уяснении определенного своего содержания. Свобода может быть и бывает разная: свобода воли, свобода совести, свобода слова и печати, свобода гражданская, политическая и т. д. Не уяснить себе как следует смысла слова и из-за него пыль столбом поднимать, — согласитесь сами, ведь это и смешно, и обидно, и горько.

¹ Из речи на молебне в Казанском обществе трезвости.

² страшно сказать (*лат.*).

Вслушаем, как понимает истинную свободу Христос. Может быть, евангельское понимание свободы осветит нам и тот путь «вольной воли», на который так усиленно заывают нас вожаки современной смуты общественной. Может быть, евангельская справка выставит в подбавляющем свете и самих зазывателей-смутьянов.

Однажды сказал Иисус к уверовавшим в Него иудеям: «Если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики. И познаете истину, и истина сделает вас *свободными*» (Иоан. VIII, 31—41). Это последнее выражение возбудило в новообратившихся иудеях целую бурю, доказав их поверхностную и непрочную веру. «Мы семя Авраамово,— возражают они,— и не были рабами никому никогда; как же Ты говоришь: сделаетесь *свободными*?» Не понял ветхий гордый ¹ человек, что в словах Господа речь идет совсем не о политическом или гражданском рабстве, а о рабстве духовном. «Истинно, истинно говорю вам,— объясняет им Иисус,— всякий, делающий грех, есть раб греха». Кичливые сыны Авраама забыли, что у них есть страшный тиран — грех ². Вот от этого-то рабства Господь и хочет их освободить. «Знаю, что вы семя Авраамово,— продолжает Он поражать неукротимую гордость мнимых сынов Авраама,— но посмотрите, такие ли в вас расположения, какие в Аврааме? Ведь сын обыкновенно носит на себе отпечаток отца ³. И если бы вы действительно были дети Авраамовы, то и дела Авраамовы делали бы. Но вы ищете убить Меня, Человека, сказавшего вам истину, которую слышал от Бога. Авраам так не делал. Очевидно, вы приходите от кого-то другого и делаете дела отца вашего». Только теперь поняли ожесточенные гордецы, что Господь говорит не о плотском происхождении от Авраама, а о нравственном их рождении. «Мы не от любодения рождены; одного Отца имеем — Бога»,— сказали они с запальчивостью. «Нет,— спокойно ответил им Иисус,— нельзя сказать, чтобы отец ваш был Бог. Если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня и понимали бы язык Мой, потому что Я от Бога изшел и пришел: ибо Я не Сам от Себя пришел, но Он послал Меня». Члены

¹ То-то «не гордый» новый человек, «Христов ученик». Послушаешь этого тона, то поймешь, отчего в народе называют всех их, сплошь и не разделяя, «жеребьячьей породой». «Мы — *духовные*». — «Нет, вы — жеребьячья порода». Этот краткий диалог между собою и *народом* (целый народ!) всегда следует держать в уме «духовным», когда они берутся за перо. В. Р.-в.

² «Скромным» сынам Иисуса, конечно, нечего помнить, что и у них тоже *может* быть «грех». Раз, стоя на клиросе, смотрел я в открытые южные двери и увидел, как из чаши св. даров «тянул» священник оставшееся после причащения мирян «тело и кровь Христову»... Слезящиеся, красные, старческие (почти) глаза, нетвердые руки; он тянул жадно, очевидно усталый за литургию, и так жевал кусочки «Христовы тела», что мне — полуотщепенцу — стало страшно. «Все-таки вера отцов», но для него, очевидно, никаких «отцов» не существовало, а только старый желудок, согреваемый вином. В. Р.-в.

³ Христос *этих слов* не говорил, как известно, и оратор ничтоже сумняшся влагает свои слова и мысли Иисусу Христу. Приписал Иисусу Христу он и этот биологический закон о непрерывном сходстве детей с родителями, забыв и то, что у *одного* Адама были Каин и Авель, и повседневные такие же примеры. Плется и врет, как «безгрешный семинарист», — и все это ставит в кавычки *как подлинную речь Иисуса Христа!* Это стоит причастия, которое другой семинарист тянет, как вино. В. Р.-в.

одной и той же семьи говорят одинаково и поэтому узнают друг друга, потому что одни и те же чувства и мысли одушевляют их ¹. Между тем собеседники Христа не только не понимают речи Его, но и намеренно, даже с каким-то сатанинским ожесточением оказывают упорное сопротивление истине — и этим ясно обличают себя, свое настроение, чьим, каким духом они проникнуты. «Ваш отец диавол,— называет наконец Господь вещи их именем,— и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца искони и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда он говорит ложь, говорит свое: ибо он лжец и отец лжи». Упорное, соединенное с ожесточением и злобою *сопротивление истине*, а также *убийственные замыслы* против человека, сказавшего истину, все это такие свойства, которые обладателей и носителей таких свойств роднят с царством сатаны, с исконным человекоубийцей и лжецом-диаволом.

Отсюда нетрудно понять и то, какую свободу проповедует в своем Евангелии Христос и что такое та свобода, которую сулят миру сыны диавола ². Свобода евангельская — свобода нравственная, свобода от греха; она — плод познания и уразумения истины, сообщает ее людям как тайну искупления через Сына Отца Небесного, но под условием, если люди пребудут в слове Его, т. е. если будут стремиться выполнить свое жизненное назначение — уподобление Богу ³. Высшая степень истинной свободы состоит в том, когда человек, руководясь мотивами очищенной путем истины и благодати своей богосозданной природы, избирает для своей деятельности только одно добро, когда его свободная воля сливается с волей Божией, когда человек начинает жить и дышать теми же мыслями и чувствами, какие наполняют душу Богочеловека Иисуса Христа, т. е. когда совершение греха делается для человека нравственно невозможностью ⁴. Тогда-то человек воистину свободен, независим от всякой внешней силы, ничем не одолевается, даже предписаниями закона: ибо праведнику закон не лежит (I Тим. 1, 9); руководясь всесовершенным законом любви и чистой

¹ Скажите! Опять биологический закон. Что за мудрецы выходят из семинарии. В. Р-в.

² Называет *неопределенное множество людей* «сынами диавола». О, конюшня — о «духовная» конюшня, кроме которой ничего-то, ничего не имел народ русский в свое религиозное просвещение. В. Р-в.

³ Вне сомнения, судя по смелости упреков, сам автор давно почитает себя «уподобленным Богу». Приходит насмешливая мысль: «если вы подобны Богу,— *то каков же ваш Бог?*!» Не здесь ли один из мотивов *народного* безбожия и отчаяния? С такими «подобиями Божества» на земле как сохранить веру отцов и вообще *какую-нибудь веру?* В. Р-в.

⁴ Таким образом, «совершение греха» давно есть «нравственная невозможность» для нашего святейшего духовенства. Как прав я был, указывая на Религиозно-философских собраниях (1902—1903, доклад «О таинстве священства», см. «Около церковных стен», т. II), что духовные все вообще ощущают себя «богами», «без-укорными», «некритикуемыми». И что это, если рассматривать под комическим углом, есть только параллель исповедуемому хлыстами учению о бытии у них «Христов» и «Богородиц», а если посмотреть с трагической стороны, то увидишь, что руководимый «церковью» весь 140-миллионный «православный» народ впал в такие степени богоухольства и богоотступничества, какие и не брезжились язычеству, евреям и теперешней Азии. Там хоть «что-нибудь» есть: у нас... кроме *цинизма*, что же еще осталось?! В. Р-в.

совести ¹, праведник не нуждается в законе, не нуждается во внешних побуждениях, он выше закона ², он — свободный и любимый сын в доме Божьем ³, в царстве Христа и благодати ⁴. Волю Божью он исполняет по вnutреннему своему влечению к Богу и добру.

Не такова свобода, которой ищут и домогаются сыны дьявола. Это — не свобода нравственная, духовная, а чисто внешняя свобода,— произвол, не знающий никакого ограничения, никакого удержу; это скорее свобода от всякого закона, свобода, которая является поводом к угождению плоти (Гал. V, 13), это — рабство греху, нравственная разнузданность. Такая *свобода* есть плод лжи и злобы против истины, добра и правды. Главным виновником такой ужасной свободы всегда был, есть да будет дьявол с его клеветами, исчадиями ада. Бедствия, какие причиняет людям эта стихийная свобода от всяких сдерживающих ее моральных начал, неисчислимы и ужасны. Ураганы и землетрясения приносят людям сравнительно меньшие бедствия, чем сатанинский произвол извергов человечества, не желающих знать ни истины, ни добра, ни правды, не признающих никакой власти, никаких прав человеческой личности, кроме своего осатаневшего «я».

Такую именно *свободу*, такую «волю вольную» и проповедают современные смутьяны, именующие себя социал-демократами,— проводниками так называемого освободительного революционного движения. Вполне достойные сыны своего отца-дьявола, они насквозь пропитаны *ложью*, намеренным искажением истины, подтасовкою фактов, буквальным *маскированием* себя и своей преступной деятельности (2 Кор. XI, 14), чтобы обмануть простодушную толпу людей доверчивых: солдат, рабочих, даже молодых школяров, невинных детей, даже девиц. Прикрываясь маскою якобы участия в судьбе страждущих и обремененных мира сего, на самом-то деле все эти клеветы дьявола несут с собою замыслы *убийственные*. Для них, исчадий исконного человекоубийцы, ничего не стоит погубить душу и тело человека. И губят они людей, губят массаи без всякой жалости, чтобы только добиться своих преступных целей. Им ненавистна Божья и царская власть на земле, ненавистна родина, им хочется выкрасть, вытравить из сердца человеческих веру в Бога и преданность Помазаннику Его, лишить русских людей Отечества, как справедливо лишены его Самим Богом исконные сыны дьявола, богоубийцы-евреи, самые главные виновники настоящей смуты общественной. Чтобы добиться этого, они пускают в ход всю силу

¹ Это вы-то?! В. Р-в.

² Будьте уверены, он все это относит к своему духовному сословию, «не зараженному дьявольской свободой». В. Р-в.

³ Совершенное хлыстовство! В. Р-в.

⁴ Прямое определение «священства», «клира»! Какое же это самоощущение? «И дана была ему власть говорить слова богохульные»,— сказано о противнике Божием в *Апокалипсисе*. И никогда свои митры, камлавки и скуфейки не ударит духовенство о камень и не зарыдает о себе слезами глубокой совести. Никогда! Еще не рождалось такой бесчувственности и непробудности, как в этом «Петровом камне»... «И врата Адовы не одолеют» этой каменной бесчувственности. В. Р-в.

сатанинской лжи: религию готовы объявить выдумкою попов, священников — обманщиками, церковь — ненужным пережитком прошлой жизни, даже Самого Христа — простым человеком, а в Его крестной смерти не видят уже никакого искупительного значения.

Если бесшабашные революционеры отваживаются с таким нахальством попирать Святыню народную, все то, чем человек русский доселе жил и дышал, то нужно ли удивляться их поистине сатанинской ненависти к священной особе Царя русского. Язык отказывается повторять всю ту грязь и ругань, какую переполнены наводнившие за последнее время нашу злополучную землю русскую разные воззвания, прокламации, брошюрки преступной лиги революционеров-крамольников. Не довольствуясь оскорблением царского имени путем устного и печатного слова, путем лжи и клеветничества, душегубы-революционеры не убоились поднять на бунт против Царя и правительства мирных тружеников — рабочих людей, сознательно обмануть, подкупить, насильственно оторвать их от честного труда и подставить эти невинные жертвы под выстрелы военной силы, которая призвана была, которая должна была рассеять мятежную толпу¹. Кровожадные душегубы-революционеры видели, как лилась неповинная кровь обманутых ими жертв, и, конечно, радовались и торжествовали, что удался их замысел кровавый. Да будет же кровь всех этих неповинных жертв вечным укором, несмываемым пятном на совести сознательных обманщиков и подстрекателей, если только хотя капля совести осталась еще у этих последних. Пусть помнят крамольники-душегубы, что кровь обманутых ими и загубленных братьев их вопиет и непрестанно будет вопиять к небу об отмщении. И рано или поздно этот вопль дойдет до Бога, и придет на них, на всех этих общественных смутьянов и кровожадных убийц, вся кровь праведная, пролитая и проливаемая ими на русской земле, от крови Царя-мученика и всех убиенных ими верных слуг царевых до крови мирных рабочих, их жен и детей, которою обагрена земля русская по лукавству и злобе сынов погибельных.

Таковы дети дьявола, носители и проповедники лжи и злобы, и вот к чему ведет их преступная проповедь ложной свободы.

Братья-трезвенники и все русские люди! Поступайте как чада света. Испытайте, что благоугодно Богу, и не участвуйте в делах тьмы. Обличайте русских крамольников, выводите их к свету, на свежую воду, ибо от том, что они делают тайно, — стыдно и говорить, а что они делают явно, открыто и нахально — это возбуждает ужас и отвращение... Берегитесь их, зорко смотрите за их действиями, а сами поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, *искупующе время*, потому

¹ Речь была произнесена после движения рабочего народа к Зимнему Дворцу, — и расстрелов его, которые так смутили светское правительство (см. быстрые, «охапкою» реформы-уступки после 9 января), — а вот на духовенство они произвели «впечатление», выразившееся в этой речи. Она — забываемый памятник «Истории русской Церкви» и пусть в качестве такового украшает могилу ее, — уже недалекая могила! Горе! Горе! Но не виновен врач, который произносит: «сердце остановилось, пульса не слышно». В. Р.-в.

что переживаемые нами дни слишком лукавы. Не упивайтесь вином и никакою греховною страстию, от которых бывает всякое распутство, всякая смута общественная (Ефес. V, 8—18). Уразумейте истину Христову, и она сделает вас истинно свободными чадами Отца небесного и царя земного и счастливыми сынами земли родной.

А о русских крамольниках-извергах знайте, что они сыны дьявола, исконного человекоубийцы и отца лжи. Свобода, ими проповедуемая, есть самая ужасная ложь, имеющая своим концом *рабство греху*. А греховное рабство есть начало всякого другого рабства — и гражданского и политического, есть начало разложения и гибели личности и целого народа.

Е. А.»

30 янв. 1905 г.

[Из журнала «Деятель», издающегося в г. Казани, 1905 г., год десятый, номер 5]

«О правде небесной и праве земном»

Слово, произнесенное в соборе Казанского Спасо-Преображенского монастыря в день памяти митрополита Казанского Ефрема, 26 дек. 1904 г.

«Сегодня, дорогие казанцы, вы собрались в нашу святую обитель, чтобы разделить с нами празднование памяти великого в своем служении и славного в смирении Святителя Казанского Ефрема. Не могу скрыть от вас искренней радости, что такое множество молящихся окружает сегодня достославную могилу великого служителя Церкви Христовой и своего земного отечества. В нынешние тяжкие дни для нашей национальной скорби вспоминать наших великих строителей истории и учиться у них — это великое утешение для смущенных русских граждан и прекрасный исторический урок для наших общественных деятелей всех степеней, и высших и низших. Исторические указания — это наилучшие советники, нелицеприятные слуги всех искренних служителей Церкви и самоотверженных слуг Царевых; но эти же воспоминания из истории нашей Св. Руси оказываются и жестоким обличением всего нашего русского общества — «детей, оставивших Завет Господа Бога отцов своих».

Итак, в бедствиях нашего отечества и среди наших личных огорчений обратимся к месту вечного покоя митрополита Ефрема за утешением и наставлением ¹...»

(Из того же «Деятеля», тот же номер)

¹ Этот елейно лгуший язык есть второй *тип* «духовной речи» после того обвинительного тона как бы палача, «свежующего» свою жертву, какой мы имели в предыдущей речи. И двумя этими типами едва ли не исчерпывается наше «духовное красноречие»... То-то «зерно евангельское», кидаемое проповедниками в «каменистую почву» и в почву, «заросшую плевелами», — каковою духовенству представляется поле народное, народная душа. В. Р-в.

Православные и католические святые о церковных истинах

Григорий Назианский писал блаженному Иерониму: «Надо побольше небылиц, чтобы производить впечатление на толпу. Чем меньше она понимает, тем больше восхищается. Наши отцы и учителя¹ не всегда говорили то, что думали, а что влагали в их уста обстоятельства и потребности».

Епископ Синезий в 410 году по Р. Х. говорил: «Народ положительно требует, чтобы его обманывали, *иначе* (курс. мой) с ним никак невозможно иметь дело... Что касается меня, то я всегда буду философом только для себя, для народа же — только священником».

(Из «Московского еженедельника» проф. Евг. Трубецкого за 1906 г.)

Суд над мертвыми

«За отступление от себя и «истин» своего учения Католическая Церковь карала виновных даже после их смерти; и существовала особая судебная процедура для подобных процессов, которая исключена из действующих французских законов только революцией около ста лет тому назад. Историю этих церковно-судебных процессов представил Габриель Дебар в первой ноябрьской книжке «Revue des Revues» на основании архивных документов. Обычай подвергать каре мертвецов за ересь возник в XI веке: в 1022 году, в Орлеане, Робер, прозванный Набожным, сжег первых еретиков альбигойцев, и в том же году, в том же городе был вырыт из могилы каноник Теодор, признан еретиком и его тело выброшено на улицу. В этом веке и в следующем более не известно ни одного процесса мертвых еретиков, но очевидно, этот обычай существовал, потому что муниципальный статус Тулузы в 1205 году регламентирует производство подобных процессов. Точно так же мы читаем в самом древнем руководстве для инквизиционных трибуналов во Франции, которое составлено для каркасонского трибунала доминиканским монахом Бернаром Гви, что «если еретик похоронен, то его вырывают из земли, влекут по улицам и бросают в яму, куда свозят городские

¹ Т. е. древнейшие учителя и отцы церкви. Поэтому хотя, конечно, нельзя сказать, что «религия есть выдумка попов», но вполне основательно и правильно, что «церковь есть выдумка попов». Да Церковь этого и не скрывает: она говорит только «велелпно» и «велегласно», что «все в церкви установили Отцы и Учителя ее», — эти Василии Долговязые и Иваны-Звонари, — что они ее *сотворили*, и посему подвигу «сотворения» наименованы «отцами», «учителями», «святыми», т. е. *мало-грешными*. Но как из головы Фивского Сераписа, когда ее разбили, выбежали мыши и там оказалось не «святое место», а мышиное гнездо, так в двух приводимых отрывках из *интимной переписки величайших отцов Восточной и Западной Церквей V века*, — видно, что не только они сами, но, по их мнению, и более ранние «святые» церкви *сознательно* лгали, чтобы *обманывать* народ. Sic transit gloria mundi... [Так проходит земная слава... — *лат.*] В. Р-в.

нечистоты, а имущество его конфискуется, причем наследникам не дозволяется доказывать на суде, что покойник не был еретиком». В XIII и XIV веках подобные процессы были нередки. В 1235 году доминиканские монахи приказали в Тулузе вырыть несколько трупов богатых горожан и аристократов, которые признаны виновными в ереси, позорно проташены по улицам и сожжены на костре («во славу Божию, святой девы Марии и св. Доминика»). При этом герольд торжественно провозглашал: «Так будет со всеми, кто так поступит». По словам одного летописца, в провинции Лангедок число процессов мертвых еретиков в течение двух лет между 1373-м и 1375-м было «бесконечно». Давность не спасала несчастные трупы: так, в Фераре инквизиция сожгла в 1301 году Арманно Пингилипо, умершего 32 года перед тем, а в 1313 году во Флоренции подвергся той же участи труп Герардо, покоившийся в могиле 63 года. В XVI столетии инквизитор Иоанн де-Рома беспощадно практиковал кару мертвецов относительно альбигойцев в Провансе. Например, Иехан Жинуи был подвергнут этим бесчеловечным инквизитором страшной пытке, и когда он не вынес пятикратного поджаривания предварительно пропитанных салом ног и умер, то его признали виновным в ереси после смерти и сожгли окончательно на костре. В XVII и XVIII веках протестанты часто подвергались посмертным преследованиям и казням, производство которых уже тогда было предусмотрено законами, именно эдиктами 1670, 1715 и 1724 годов. В этих эдиктах предписано судить и казнить мертвых не только за ересь, но за дуэль, самоубийство и мятеж. В XVII и XVIII веках были примеры посмертных процессов мятежников, дуэлистов и самоубийц. В числе последних находился Никола Лоз, секретарь министра Вилеруа, и по этому поводу Вольтер писал: «Мы таскали по улицам тело самоубийцы, мы пронзили его грудь колом и опозорили его память; мы наказываем сына за потерю отца и жену за потерю мужа, отнимая у них наследство покойника». Что касается до еретиков, подвергшихся посмертному преследованию в указанные два столетия, то невозможно их подсчитать, но Дебару удалось найти в архивах подлинные протоколы 93 подобных процессов, в числе которых обвинялись 34 женщины. Очень немногие из подсудимых были оправданы, а громадное большинство казнены, хотя достоверных сведений о казни имеется только в 60 делах. Эти процессы происходили во всех частях Франции: в Лангедоке, Пуату, Бретани, Орлеани, Пикардии, Дофинэ и т. д. Подсудимыми были самые разнообразные лица: аристократы, судьи, купцы, рабочие, поселяне. Первые из этих процессов происходили в 1685 году, а последний — в 1778 году. В одном Меце в течение 17 дней в конце 1686 года было казнено 3 мертвеца. Производились эти процессы по установленному порядку. Обыкновенно патер извещал судью, что такой-то мужчина или такая-то женщина отказались перед смертью от исповеди и причастия по католическому обряду¹, за что подлежат преследованию как еретик или еретичка;

¹ *Исповедь*, залезание в душу человека до последних ее тайников, есть вообще одно из страшных «гаинств» христианства, на которые никогда не согласились бы несчастные народы, не будь им обещано, что за это перед ними отворятся Врата Царства Небесного. *Исповедь*

судья производил с докторами осмотр тела и накладывал печать на затылок покойника, затем тело или отдавалось на хранение родственникам, или чаще всего подвергалось аресту при тюрьме, где оно оставалось иногда несколько месяцев, пока производилось судебное следствие. По окончании этого следствия вызывался на суд повесткой мертвец, а за его отсутствием опекун, иногда родственник, но обыкновенно назначенный судом посторонний человек, который, конечно, нисколько не заботился о защите доброго имени покойника и об интересах наследников, так как, в случае признания подсудимого виновным, его имущество подлежало секвестру. На суде спрашивались свидетели, обыкновенно патер и доктор, присутствовавшие при смерти подсудимого, а затем произносились обвинительная речь прокурором и защитительная опекуном, краткая и бессодержательная, или родственником, иногда очень красноречивая, если наследство было значительное. Наконец суд постановлял приговор, очень редко оправдательный, а почти всегда обвинительный. Обычная казнь состояла в том, что тело так называемого преступника привязывалось головой вниз к лестнице, которую прикрепляли сзади к телеге, и палач, держа за узды лошадь, запряженную в телегу, медленно проходил по главным улицам города. Это зрелище было ужасное, и один свидетель подобной казни в Пикардии восьмидесятилетнего виконта Нувиана, отказавшегося перед смертью вернуться из протестантской веры в католическую, пишет: «Его голова, вся окровавленная, билась о мостовую, а раны старого воина открылись, и кровь текла потоками». Когда это отвратительное шествие достигло до ямы, куда выбрасывали городские нечистоты, то тело несчастного бросили туда и приставлен был часовой, не допускавший никого подойти к телу с целью его похоронить. Обыкновенно тела казненных мертвцов делались жертвами собак или птиц, но иногда разъяренная толпа разрывала их на части. Подобные отвратительные сцены наконец стали возмущать народ и даже палачей. В 1693 году в Париже при такой казни народ возмутился, вырвал из рук палача тело несчастного протестанта, похоронил его и целый день ходил по улицам с криками: «Стыдно великому королю терпеть такое варварское обращение с его подданными, за что, конечно, он и навлекает на страну гнев Божий». Движение против таких варварств быстро увеличивалось. В Бержераке судьи отказались принимать к производству такие дела, а в Калэ в 1686 году палач не захотел исполнять свою обязанность столь позорным образом и согласился только под угрозой казни. В 1699 году некоторые епископы ¹ заявили, что посмертное преследование еретиков имеет самое вредное влияние, а потому его

есть такое орудие властвования над человеком, каким не обладала еще ни одна империя и никакой монарх. *Одна* она есть уже панихида над свободою человеческою, погребение свободной личности человека. В. Р-в.

¹ Епископы протестуют *последними*. Как и везде, «Иисусово сердце» у духовенства наиболее вяло реагирует, наименее впечатлительно. «Первые в наступлении, последние при отступлении», — можно повторить о них, как о древних воинах, — но только в «наступлении» против чего-нибудь благородного и в «отступлении» от какой-нибудь своей гадости. В. Р-в.

следовало бы уничтожить. Дижонский парламент прекратил несколько подобных дел. Однако, несмотря на все это, варварские посмертные преследования и казни продолжались до 1778 года, когда в Пикардии поселанка Локлон сделалась последней жертвой дикого законодательства, отмененного революцией спустя 11 лет после этого возмутительного процесса».

(«Исторический вестник», рубрика «Новости и мелочи»)

«Это все *католики*, а не *мы*»,— скажет самодовольно православное духовенство. Но вот что я прочел в воспоминаниях о смерти Лермонтова. Как известно, тело его, убитого на дуэли, не получило христианского погребения. О возможности или невозможности его заспорили между собою два пятигорских священника. Вследствие сомнения они обратились с запросом к архиерею. И он ответил, что не только нельзя погребать поэта, который был застрелен на дуэли Мартыновым против всякого своего предвидения, но что по-настоящему надлежало бы положить его тело в грязный мешок и, протаскив рукою палача по улицам города, выбросить его в яму с нечистотами. Но, как и всегда, «православные» только говорят, а католики исполняют; у одних — сердце дряблое, вялое, у других — сильное; но *природа-то сердца у обоих* одинаковая. Подробности о смерти Лермонтова и погребении прочитаны мною в «Путеводителе по Кавказу» г. Москвича.

В. Р-в

Народный опрос

«Парижской газетой «Petit Parisien» предпринят был недавно своего рода *плебисцит* по вопросу о том, кого считать величайшими людьми во Франции в XIX в.? На этот вопрос получено было 1 1/2 миллиона ответов с более чем 15 миллионами поданных голосов.

Оказалось, что больше всего голосов получил Пастер, знаменитый ученый, открывший средство против собачьего бешенства, именно 1 338 425; второе место занимает Виктор Гюго — 1 227 103 голоса; на третьем стоит Гамбетта — 1 155 672; на четвертом Наполеон — 1 118 034; на пятом Тьер — 1 039 453. Затем идут Лазарь Карно, «организатор побед»,— 950 772; Кюри, открывший радий,— 851 107; А. Дюма (отец)— 850 602; д-р Ру — 603 941; Пармантье, которому Франция обязана введением картофеля,— 398 863; Ампер, известный электротехник,— 352 469; Брацца, путешественник,— 344 515; Эмиль Золя — 334 747; Ламартин — 298 892; Араго — 258 892; далее Шатобриан, Мак Магон, Сара Бернар. На первом месте поставлен, таким образом, ученый, облагодетельствовавший человечество, на втором поэт, на третьем патриот. *Представителей религиозного идеала не находим вовсе*».

(Из «Церковного вестника» за 1907-й год, номер 1-й)

Этот опрос в своем роде есть параллель католическим судьбицам над умершими еретиками: здесь тоже судят живые и, пожалуй, тоже о «мертвецах», хотя и совершенно ортодоксальных. Но как торжествен и спокоен этот суд народный, выразившийся просто в молчании, с которым 15 миллионов человек прошли мимо митр, крестов, «чудес», юбилеев, булл, «силлабусов» и «энциклик». Sic transit gloria mundi...

В. Р-в

Нравоучительная книга

Один друг подал мне листок объявлений, очевидно оторванный от «приложений» к книге, со словами: «Вот, обратите внимание, о каких гадостях пишут духовные лица и еще распространяют это как что-то поучительное и наставительное». Я взглянул. Это было объявление от книжного магазина Тузова о «только что отпечатанной и поступившей в продажу вторым изданием» книге:

**«Общенародные чтения
по
православно-нравственному богословию
в порядке десяти заповедей Божиих.**

Протоиерея *Евгения Попова*. Спб., 1901 г.

Цена 3 руб., в коленкоровом переплете 4 руб.»

Заглавию предпосланы слова, что новое издание представляет «настольную книгу для всего духовенства и для каждого православного христианина». Словом, раскошелитесь и покупайте: протоиерей, верно, достраивает каменный дом и крайне нуждается в оживленном рынке.— Книга, судя по подробному оглавлению на 8 страницах, вполне bestолкова и никакого отношения к десяти библейским заповедям не имеет, даже едва ли помнит их. Напр., во 2 же главе: «Богочитание сердцем», говорится:

- О чествовании святых икон
- О почитании святых
- Об истинной и полной надежде на милосердного Бога
- О страстях телесных
- О страстях душевных
- Советы против страстей

О чем всем вовсе ничего не говорится в X заповедях, или говорится в другом смысле, или даже и вовсе отвергается, как, напр., отвергается и запрещается почитание каких бы то ни было изображений, копий, вещественных воспроизведений («кумиров»), к разряду каковых, конечно, относятся «чествуемые святые иконы» Православия. Равно «святы-

ни» Православия, среди которых на первом месте стоят, всеконечно, «мощи», относятся к тем же «кумирам», и эта форма их тщательнейшим образом предупреждена в Библии, как страшное богохульство, через сокрытие Богом смерти и смертного тела Моисея, из которого евреи, по весьма понятным основаниям, могли бы вздумать сделать для себя «мощи». Словом, православные поклонились *как раз тому*, чему поклонение особенно противно Богу и запрещено Его словом,— деревянным раскрашенным вещам и мертвым останкам. Самое прикосновение к «трупам» («отцу отцов нечистоты»,— по глубокому разъяснению Талмуда) было таким нехорошим, грешным, противо-святым и противо-чистым делом,— хотя бы оно совершилось в делах благочестивого погребения,— что это раз и навсегда было, безусловно, запрещено всем священникам; а частный человек, прикоснувшийся к мертвому телу, не мог весь этот день войти к себе в дом, приблизиться к своей чистой и святой семье. Напротив, православные именно на «отце отцов нечистоты» и воздвигают свои храмы, совершают свои молитвы, не веря ни одному слову Библии, смеясь над каждым ее словом.

Равно трудно приурочить к библейским заповедям эти рубрики поучения:

О правильном и богоугодном почитании воскресных дней и праздников.

Т. е. праздников православно-христианских, совсем обратного смысла, чем библейские *природные* праздники, напр. рождение молодой луны, «новомесечия» и проч. Все *природное* изгнано Церковью из религии и заменено «косточками» или «похвалою нам», т. е. духовенству, но только духовенству прежних веков.

О соблюдении по-православному и с усердием постов.

Непонятно, для чего было упоминать «всему» о десяти заповедях при изложении этих «наших мыслей» о посте. Ведь ничего подобного в Св. Библии нет!

В главе: «Любовь к ближайшим лицам», конечно, не забыты рубрики:

Отношение крестников к крестным отцам и последних к первым,

Обязанности в отношении к начальникам,

Отношения к пастырям духовным.

О всем указанном изложено довольно кратко, но вот автор протоиерей добирается до пресловутого «VII», т. е. «не прелюбодействуй»; и посмотрите, как он правою рукою все запрещает, даже самое невинное, а левою подсовывает «каждому православному христианину», читателям и *читательницам* его книги, такие гадости и глупости, о каких, кроме «святых обителей», нигде не слышано! и они не пришли бы никому в голову без этого «назидательного чтения», перед которым «Нана»

Зола и его «La terre»¹ — воистину представляют собою невинный ребяческий лепет! Строгий автор начинает с того, что порицает и запрещает всякие возможные способы сближения полов, все средства общения молодых людей и девушек, предоставляя родительскому авторитету устраивать судьбу их, и таким образом сводя брак к лошадиному стойлу, куда сводятся «молодые» после церковного «благословения» и где они без любви, даже без знакомства, именно как лошади, приведенные с разного поля, «творят размножение», просто, гадко, кратко, холодно!.. Брак до Петра Великого, эта старорусская конюшня, где старый боярин насилывал данную ему «в плоть едину» дочь бедного дворянина, все эти возмутительные древнерусские обыкновения, где ничего нет, кроме голого излияния семени на «плоть едину»,— все это мало-помалу было установлено и выработано похотливыми «отцами церкви», которые, кроме «истициан» (см. ниже), т. е. собственных ночных поллюций и онанизма, ничего не знали в отношении размножения. Церковь позабыла или, точнее, закрыла ладонью весь *ореол* размножения, весь этот *предварительный* свет его, сияние его, какой запечатлен так прекрасно и благородно в Библии: именно *благородное*-то она и возненавидела, оставив одни «истициания», при которых брак не различается от онанизма и содомии, где он есть воистину человеческое скотоложство (любимая форма совокуплений в монастырях). Вот эта переработка брака, установленного Богом и прославленного в Библии, поэтического, глубокого, мистического в христианское скотоложство, которое объявляется «законным», будучи совершено при участии попа и с уплатою ему денег,— и составляет историческое дело Церкви в отношении к семье. Скотоложство — и ничего более! Причем и невеста-жена — скот, приводимый на постелью после «благословения», и жених-муж входит в спальню как скот же: ибо что же другое он, *просто мужчина*, может чувствовать к *просто девушке*, раздетой и голой, перед ним положенной на кровать и к которой ему не позволено было ранее приблизиться *духовно, ласково, любяще, любуясь, уважая, доверяя...* «Соверши с нею *истициание*: это и есть христианское супружество»,— учила Церковь, учила всегда. Тут что-то содомско-развратное в мысли, тут возмутительная подтасовка заповеди Божией и во главе всего забвение этой *главной* мысли брака: «создадим ему (Адаму) помощницу, *соответственную ему*». Вот «соответствие»-то и выкинула Церковь,— выкинула любовь, связанность, гармонию душ и тел; и оставила одну конюшню, отвечающую развратному «нюху» ее. Забывая, что в Библии любят, «нравятся», любятя,— что там играли на тимпанах и кимвалах, на «псалтири» (арфа), танцовали (Давид перед ковчегом завета) и пели песни (Деворра и Мариам), что там любовь и горячие ласки сливались с религиєю и выливались в религиозные формы («Песнь Песней»),— автор-протоиерей все эти приближения супружества, световые его оттенки, его «предисловия»

¹ «Земля» (фр.).

и «введения» уравнивает с... матерною бранью!! Но я цитирую рубрики главы, которая носит характерно христианское заглавие: «Обязанности любви к ближним и самому себе в отношении целомудрия и вообще нравственной жизни»:

ВИДЫ СЕРДЕЧНОЙ ПОХОТИ

Блудные помыслы.

Вожделенные взгляды на другой пол.

Чтение книг, располагающих к незаконной любви.

Блудные разговоры.

Сквернословие (матерная брань).

Любовные песни.

Страстная музыка.

Бесстыдные танцы — пляска и такие же зрелища.

Любовная переписка и списывание любовных стихов.

Слишком короткое обращение с другим полом.

Желание прельстить собой другой пол.

Ухаживанье за женским полом.

Любопытство на чужую обнаженность.

Соблазн на собственную наготу.

Неотклонение себя от живых соблазнительных картин плотской похоти.

Украшение дома, особенно спальни, соблазнительными картинами или статуями.

Искусственное разжение похоти.

Нескромная одежда.

Замечу, что все это у нас стало действительно лакейским (как и автор говорит об этом и даже называет это лакейским языком, в лакейском тоне), однако именно от *не внесения сюда религии*. Христианство, отвергнув, по существу, все, не допустило сюда божеского света и просвещения: и все пало в тьму! Между тем, по существу, все это, что исчисляет и осуждает автор,— есть правда, должное, необходимость: и «помыслы», и «вожделенные взгляды на другой пол», и «книги, располагающие к любви», и «разговоры», «песни», «музыка», «танцы», «переписка» и «любовные стихи», «короткое обращение с другим полом», «желание прельстить собою другой пол», «ухаживание за женским полом», «соблазн на чужую обнаженность», «украшение дома, особенно спальни» (только действительно не «картинками», которые были бы «подобиями», «кумирами»), «одежда» или полураздетость и вовсе раздетость в соответственном месте и с соответственным лицом или лицами. Но только все это должно быть не на площади и улице, а в храме и храмах, должно быть не намалеванным на вывесках балагана или цирка, а иметь место в церковных процессиях, как наши теперешние «крестные ходы», «крещение», «миропомазание», где тоже есть движение и обнажение плоти, но все постное, все не в отношении к главной заповеди Божией, а «наше», выдуманное. Приведу пример. В библейскую эпоху всякая израильская семья выжидала у сыновей и дочерей появление «волос

отрочества», которыми назывались *первые три волоса*, появившиеся на лобке над детородными органами. День этот считался днем возможного супружества, наставшей *поры* его. Тогда родители отводили отрока или отроковицу в Храм, в эту таинственную «Скинию свидения» (встречи, свидания человека с Богом), и здесь священник закалал жертвенного агнца «во всесожение Господу», причем три первые волоса сбрасывались над шерстью закланного агнца и шли в жертву Богу вместе с ним. Как трогательно, просто, нужно: какая мысль у каждого мальчика, у девочки, еще так невинных и чистых, когда они видят, что священник отделяет нечто от детородных их органов, отделяет в храме, т. е. как бы у нас на литургии, и дает это отделенное в «благоухание Господу» (все жертвы приносились в «благоухание Господу»). При этом, естественно, и мальчик и девочка не могли не обнажиться. Это было в «Скинии свидения», а Бог был «супругом Израиля» (постоянный тезис всех пророков)... Совсем другое чувство, чем в наших «крестных ходах», где духовенство только показывает черни свои раззолоченные спины (ризы). Но этого было недостаточно: в «свидении с Богом» должны были участвовать не только 11-летние отроки и отроковицы, но и взрослые мужчины и женщины; и вот через Моисея Бог установил «закон назорейства». В тот же храм приходили израильтяне и израильтянки, мужья и жены, и таким же способом, как это делалось с отроками, священник «сбривал кругом волосы со всего их тела» (текст повеления Божия через Моисея), т. е. как само собою понятно — он сбривал их на голове и около детородных органов, где они и вырастают почти исключительно; после чего евреи обязывались не вкушать вина и какого-то «сикера», пока волосы не отрастут вновь. Как мы «до страсти любим ходить на исповедь», так у евреев, судя по записям в Талмуде, развивалось до страсти это «назорейство», и они спешили снова и снова приходиться в Храм и давать «в обоняние Богу» этот волосистой покров своего тела. Невольно все это сопровождалось обнажениями: как, «сбросив с себя одежду», нескромно плясал Давид перед ковчегом завета. Вообще обнажения были косвенные, не прямые, не с темой именно обнажения в себе, а было невольным и сопутствующим обстоятельством при другом обряде, в другом церковно-религиозном ритуале. Но вся эта *побочность* обнажения — только в своем роде «покров Изиды»: *суть* в том, что они именно *были!* И зрелище ветхозаветного Храма с этим множеством копошившихся в нем животных и нагих отроческих и взрослых, мужских и женских тел — являло совсем иной вид, нежели наши удрученные храмы! Заметим, что животные при Храме были помещаемы «гнездами», т. е. *неразлученными* семьями, и, конечно, при этом тоже «не на тему» обстоятельстве они нередко перед глазами молившихся совокуплялись: что было только исполнением заповеди Божией, данной агнцу, быку, телице, голубю и горлице одновременно и наряду с человеком! *На площади* — все было закрыто, но в Храме — все было открыто; *на улице* — все в одеждах, в храме многие — *решительно* без одежд (погружения

священников и первосвященника в Каменное море, принятие назорейства). Вот способ! вот закон! Конечно, *наша* молитва — из постной, сухой ткани слов — оскорбилась бы видом этих совокупающихся животных и зрелищем множества детородных органов, с которых снимаются волосы; но ведь мы поклонились тезису: *не множься! не плодись!*» *По заповеди — и молитвы!!* Евреи, жившие под законом «плодись! множись!»,— имели и другой, конечно, *тон* молитв, маслянисто-сладкий, текуче-сочный, вот как в «Песни Песней», для которого ничего оскорбительного не было в обычных зрелищах Храма, в ласках кротких животных и в органах исполнения заповеди Божией! Храм — тайна, в нем все таинственно. Мы, европейцы,— как юноши из Саиса: живем наружу, по сю сторону покрывала Изиды; но в том и существо «сверхъестественного», «откровения», «религии», что люди (библейские) вводились ими *внутри, за, под* таинственный «покров». И не падали в смертном страхе от того, что под ним, естественно, видели.

Если заповедь Бога — размножение, то Храм, естественно, и должен быть преимущественным местом его, местом воли Божией. Но именно только размножения животных: человек же, павши, потерял правду в этом акте и недостойн совершить его в Храме; не по существу дела, а по своему, и притом временному, до снятия первородного греха, неумению.

Но переходим к «христианскому целомудрию». Библейские люди все видели в Храме; но на сотни миллионов их на протяжении двух тысячелетий пришлось один скверный Онан. У нас же, при напутствии и пособии «Православно-Нравственного Богословия», все удерживающего человека от *естественного* сближения с женщиною,— и не могли не сделаться почти все онанистами. Вот, полюбуйте, о чем пишет протоиерей:

«ВИДЫ ТЕЛЕСНОГО БЛУДА

Страстное скокдание (щекотанье), осязание и лобызанье.

Ночное искушение.

Вспоминание ночного соблазна.

Истициания (поллюции).

Первая потеря целомудрия.

Незаконная беременность.

Обольщение невинной или невинного.

Насильственное растление.

Насильственное любоддеяние.

Подпадение чьему-либо насиллию.

Детораствление.

Похищение или же произвольное бегство из дома для плотского греха.

Наложничество.

Разврат.

Сводный брак.

Гражданский брак.
Падение в кумовстве или же с принятыми от купели.
Кровосмешение.
Падение с иноплеменным лицом.
Малакия (онанизм).
Муженеиство.
Научение других малакии и муженеиству.
Женеиство.
Скотенеиство».

Ну, не довольно ли, добрый читатель? Ты уже видишь, что христиане всех людей превзошли своим целомудрием: не танцуют, не музыканят, имеют всегда понурый вид, вечно крестятся, читают «Господи, помилуй!» и не смеют поднять глаза на «сосуд дьявола», женщину. «Аще соблазняет тебя глаз твой — вырви его». Так и зажимаются. В темноте и без женщины залезает худощавый христианин под ватное одеяло... и уж тут начинаются «истициания»! «Господи, помилуй» и истициания и «Господи, помилуй!». Так и до утра. А наутро — синие круги под глазами, и, «грешный», крепче бьет он лбом о каменный пол своего храма, и ярче зажигает свечу свою перед сумрачными ликами, не догадываясь, что и все они, в свое время, знали эти же «истициания» и под глазами у них были эти же синие круги.

* * *

Последнего я не решился бы от себя сказать: да сказал это известный в Петербурге странничек, г. Михаил Сопочко,— принятый во всех благочестивых домах, а ныне удалившийся в Иерусалим и оттуда присылающий на родину нравственно-поучительные листки. Между такими листками есть один, где он, предостерегая благочестивых мирян от «козней дьявола», под которыми разумеется, конечно, «женщина», — передает, что против них не могли устоять даже и «святые угодники». Отсюда и начинается любопытное свидетельство. «Никто не мог устоять, — пишет он, — ни святители, ни пустынники, ни архиереи и патриархи, ни Отцы Церкви». В подтверждение он приводит из «жития» один рассказ, где «епископу единого града», уже тогда старцу, случилось впасть в тяжкую болезнь, о которой все думали, что она — предсмертная. «И посетила его игуменья местного монастыря, в сопровождении юной послушницы. И когда они стояли у него в ногах, то послушница нечаянно для себя коснулась рукою его обнаженной ноги. И от сего вошел огонь похоти в больного старца. И сказал он игуменье, когда она стала прощаться с ним: «Я слаб, оставь девицу при мне, чтобы услужить мне в немощи». Она так и поступила. Враг же рода человеческого не только еще более разжег его похоть, но и влил в него нужные силы, и он, поднявшись с постели, совершил насильем блуд с девицею. После чего она забеременела. Сей же епископ, поняв, что все то было от навождения дьявола, выздоровев, покинул епископство свое и город тот и, уйдя в пустыню, предался подвигам поста и молитвы. В чем

так преуспел, что напоследок лет множество народа стекалось к нему, для научения и наставления, а когда он почил,— то нетленное тело его показало в нем совершенно угодившего Богу инока»¹.

«Он» пошел на церковный иконостас, в икону,— и православные теплят перед ним лампады. А «она» и ее ребенок? «Житие» не упоминает о них, и Михаил Сопозко тоже не спрашивает. Пренебрегаемая незаметная величина, которою христианские «Святцы» не занимаются. Но мы доскажем ее судьбу и сделаем обложку к «Святцам». С животом и через 9 месяцев с младенцем на руках, пошла бывшая послушница, изнасилованная архиереем и «святым», на рынки торговых городов, Константинополя или Антиохии, и, послужив лет 5—8 «товаром» для корабельных матросов, «подохла» где-нибудь в нищенском квартале. Ей — ни венца, ни иконы: не постилась, не молилась; а ребенок ее, зачатый архиереем и о котором не задумался папаша,— по общему пути подобных, вероятно, еще раньше пошел с камнем на шею в воду. «Жития» об этих частностях святительской жизни не упоминают. Но так как Вечное Солнце зрит с Небес и на записанное и на незаписанное в «житиях» и видит равно «житие» архиерея и жизнь той девушки и младенца и на весах небесных всякое бытие человека одинаково весит, то можно думать, что иконостасы православных храмов суть просто деревянные заборы, исписанные скверными лицами блудников, содомитов, онанистов, девоубийц и детоубийц. А мы кадим им и взываем: «святые отче (такие-то), молитесь Бога о нас»...

Впрочем, Солнце под своды наших храмов и не заглядывает. Темно в них. Сумрачно. И слышно в них заунывное пение действительно «грешных» людей, биющих в перси свои в невыразимой скорби...

Пора же осветить эту скорбь. Взгляни, Солнце, сюда и Расскажи молящимся все, что ты видело и знаешь!

* * *

Здесь я прилагаю извлечения из старинного, написанного полууставом «Требника»,— где среди других «чинов» Церкви приведен и «чин исповедания инокам», и затем «инокиням», и даже «схимницам» в виде *вопросов* им и *ответов* их. «Требник» этот, конечно, *практически* вырабатывался целые века: делались на исповеди *признания*, и «по прежде бывавшим случаям» вписывались вопросы. Таким образом, тут *накопленный опыт жизни* отложил свои следы, только без имен. Они и не нужны. История имеет дело с общим. Она не суд, который зовет *лицо*, а обзор, исследующий *дела*. Эти-то суммарные «дела», записанные в «Требнике», и показывают, что монастырь и монашество издревле были

¹ Излагаю по памяти, но почти дословно. Текст Михаила Сопозко с указанием Отца Церкви, из которого он заимствует рассказ, перепечатан мною буквально в «Переписке с С. А. Рачинским», напечатанной в «Русском Вестнике» года четыре тому назад.

как бы цитаделями половых извращений, где эти противоестественности — редко и мало известные в миру, хотя и случающиеся,— были сосредоточены и неприступно сохранялись под защитой молитв, лада-на, свеч, «святой воды» и «мощей», которые все окружали их и защищали от истребления, даже от беспокойства и наблюдения. «Житие тихое и безмолвное да поживем»,— как бы говорили дела Содомы, Гоморры и Онана, воздвигая стены монастырские, подымая их выше, вырабатывая себе строжайшие «уставы», где все предусмотрено, всякий шаг монаха, и предупреждена всякая возможность какого-либо *нормального отношения* к другому полу, т. е. все сохранено и сбережено для *анормального*.

Голгофа и крест

НУЖДА В СКОРБИ

Рязань, 17 апреля.

«...Безумец до конца, бунтую против вашего Бога, таким я умру,— и, согласный с вами о неизбежности замены горизонтальных созерцаний вертикальными ¹, дерзаю думать, что ваши вертикали врастают в землю, а мои — хоть и чахло — тянутся ввысь. Бледные, такие жалкие, выросшие на малосочной, точно чем-то отравленной почве, ветви моего дерева — все-таки *ветви*, порою зеленеющие, а ваши созерцания копошатся в глубине где-то, глубоко под землей, и выглядывают наружу только голыми, никогда не зелеными *корневищами*. Оттого так часто столь дики, столь непривычны для нее они,— прямо-таки непонятны ².

¹ Намек на предисловие к только что вышедшей тогда моей книге — «В мире неясного и нерешенного», где я говорю, что пора от «горизонтальных созерцаний» (политических, общественных, культурно-светских) перейти к «созерцаниям вертикальным» (родовым, *генерационным*, мистическим). В книге этой развита теория *пола* и вообще выдвинут рождающий, родящий элемент, не очень «чистенький» (снаружи), но очень хорошо пахнущий (общее мнение), но какой-то терпкий, стойкий, неуступчивый, цепкий. Это — *пол*, говоря литературно и научно, похоть, «похотливость» — говоря «свято-отеческим» языком. Я взял эти (якобы) «нечистые вожеления», от которых христианство отрещивается и «молит Бога» со страхом: и, не пугаясь, — вывел его к свету и сказал: «Отсюда происходит такая чистая вещь, как дитя, — такое единственное в мире *по совершенству* существо, как младенец». Но если таков *плод* пола, значит, и весь он то же, что яблонька с золотыми яблочками, что золотосная земляца. Автор письма и кинулся на эту мою «золотосную землю», крича: «Не надо этой новой Колумбовой Америки, проживем нашим Старым Светом», «он — *труден*, но — идеален». В. Р-в.

² Т. е «дики, непривычны и непонятны» *корневища, долженствующие быть скрытыми под землю*, — когда они выступают *наружу*, дают себя *увидеть*, когда на них взглядывают *люди, общество*... Да, это — «покрывало Изиды» (не долженствующее быть *сорванным*), мировая *стыдливость*, мировая *застенчивость*. «Все этим живем, а как *показать* — то разбегимся», «все это любим (в душе, про себя, молча), а вслух не смею не обругать» (был бы сорван покров Изиды). Между тем это показывает, до чего *пол* — *душевен*: и душу никто *не видит*, душа никому *не показывается*. Она целомудренна, свята. И это, что мы вот «никому не показываем», — столь же целомудренно, стыдливо и *никому не показывается*, а не то чтобы мы его скрываем. Отсюда так «это» дорого, что, напр., девушка, женщина (а должен бы и мужчина, но он развратился и почти атрофирован в ощущениях пола) легче переносит оскорбления *лицу* своему, нежели *полу* своему; порицать, сочинять сплетню, пустить слух о «пятнах на поле» девушки — ужаснее для нее, чем если бы был пущен слух, сплетня о лице ее, физиономии, душевных качествах, поступках. Между тем уже из уваженности материнства, уваженности во всем свете (кроме, впрочем, христианства), девушка всякая без исключения знает, что «это делать» — хорошо, благотворно, полезно для человечества. Но «не делает», чтобы не получить оухли на свой пол. Это — такая пугливая птичка, которая улетает не от окрика, а просто от нелюбящего, недружелюбного взгляда... «Улетает», как целомудреннейшее в нас. Небесная птичка! И я называю и хочу называть органы воспроизводительности *органами целомудрия, манифестациями целомудренности*; а что мы разбегаемся при виде их

И, все же, ваши воззрения лишь дают пищу моим: через ваши созерцания только надо питаться, и после — отрицать их, бороться с ними; потому что преобладание их знаменует собою царство и владычество того, что подобно в человеке породившей его земле и с чем не мирится то другое, чем по существу все мы есмь и движемся. Да, мой друг-недруг ¹, это просто сказано. И за книжку вашу бесконечное и горячее спасибо; то, что вы вспоминаете иногда обо мне, меня необычайно поддерживает. А по существу в сути-то моей слишком уже плохо: пути вперед отрезаны, назад идти — пока горд — не хочу; топтаться на месте — гнусно; остается следить за своим распадом как личности, зрительствовать над собою. Вы счастливы с вашей *земной* религией, но именно в этом-то, что вы счастливы, и лучшее для меня доказательство вашей неправоты. По существу, я непоправимо несчастен, но это-то и крепит меня, и заставляет пристально подчас всматриваться вперед и вокруг, и порою позволяет не каяться даже в том, что я, как вы и угадали,— «убивец» ²...

Я оторвался от этой странички и продолжаю писать, прочитав ваше рассуждение: «Религия — как свет и радость» ³.

(при обнажении их), то это потому, что *мы нецеломудренны, а они-то* именно, и притом *только* они одни в нас, и целомудренны. Все тело согрешило (после Адама); и грех не смел только коснуться этих органов; проказа дошла и остановилась на поже (зоне) этих органов. Оттого «грешный человек» в «грешном состоянии» не знает *существования этих органов* и не узнает до «жизни будущего века». Только вот знаем, что все отсюда рождается, отсюда — жизнь. В. Р-в.

¹ Помнится — это мое выражение из письма к нему. Автора я никогда не видал: но он был младшим товарищем моим по гимназии и в ту пору меня видал. А в некоторую грустную минуту своей жизни написал мне, и меня чрезвычайно привлекло и заняло настроение его души и вообще «точка, на которой он остановился». Это — не моя точка, но ее надо обсудить. В. Р-в.

² В моем письме к нему я спрашивал: откуда у него такой печальный тон?.. И, как он много писал о «когда-то своей живой жене», то я высказал вопрос-догадку, на которую он здесь отвечает — «да». Таким образом, следя за тоном и переливами этого необыкновенно важного письма, *ключа к победе христианства*, — мы должны помнить, что его пишет «непоправимо несчастный человек» (слова его о себе) и тяжелый грешник. В. Р-в.

³ См. «Около церковных стен», т. I. Здесь проведен взгляд на христианство как на *религию радости — светлую, белую*. Как на выразителей *белого и черного* ощущений христианства указано на старца Зосиму и на завистливого, злого и нелепого изувера Феропонта («Бр. Карамазовы» Достоевского). Нельзя сказать, чтобы это выражало даже и тогда мой настоящий взгляд на христианство: но я попытался *толкнуть* к этому белому пониманию его, чтобы увидеть, произойдет ли реакция. Подобно тому как в статьях о браке, печатавшихся в 1898—99 гг. в «Русском Труде» и «С.-Петербургских Ведомостях», я преднамеренно стал «размывать» половую сторону брака, как бы растирать между пальцами его пахучесть, дабы посмотреть, не чихнут ли «батьюшки» и «отцы духовные», не отвернутся ли Церковь и христианство. Отворотились. Как и тезис о *белом* христианстве вызвал резкий протест в С. А. Рачинском (автор «Сельской школы», Татевский труженик-педагог) и вот в авторе этого письма. У Рачинского это сказалось официально; не то чтобы этот взгляд мой («христианство — белое») был противен его душе: но он был противен церковному духу и постольку был противен и душе его. Неизмеримо глубже и страстнее сказался протест у *З-кого* (автор настоящего письма). Протест этот страшно важен как показатель, что *в человеческой душе есть вечные переживания, требующие, чтобы им отвечали в религии скорбные мотивы*. «Религия радости», белая, светлая, — *режет* скорбящего человека (тон письма): не находя себе места в ней — он не находит уже никакого места себе, ему остается «уйти», умереть, наложить руки на себя. Религия скорби, мрака и даже наказаний, муки — *ему роднее*, его *утешает*: он вдруг находит «свое» там, свои чувствования, переживания, но возведенные в перл создания (историческое творчество церкви *черной*, монашества). Находит себе место, живет, поправляется, «воскресает», хоть для старости, хоть для остатка дней. Так.

Василий Васильевич! не мелькал ли иногда, когда вы его писали, мой образ перед вами? — Во всяком случае, такой пытки, как чтение этого вашего фельетона, я давно не испытывал. Точно ножом по живому телу — каждой его строчкой вы режете меня. Мне больно, но в муках этой часто нестерпимой боли я кричу, корчась кричу: *я правее вас.*

Да — правее, и горд тем. Тяните все жилы из меня, но вы так далеки от того, что ясно мне. Вот вы же ведь проговорились сами: «Зосима — это образ, из *каторги* вынесенный, там взлелеянный». Зосима — да ведь это бледный, чахлый плод гнущейся религии, не понимающей, что она погибает! А Ферапонт — это стражник религии, *с нею* погибающий. Кто выше: этот ли нелепый стражник, для многих еще нужный и инстинктивно этими многими провозглашаемый «старцем», властителем их душ, — или Зосима, нужный только, в конце концов, кокетничающим своею религиозностью барыням¹. Ведь Алеша-то настроен как институтка: — а ему — этой красной девице — и только ему Зосима мог поведать свое «святая святых». Конечно, Ферапонт — не все, но зато Зосима — ничто. Зосима — это уступки человечеству, жалкому и слюнвятому, это — голос каторги, измучившей такую душу, как Достоевского, это — религия, до человека приниженная, и по существу это — *измена религии!* Делать то, что велит нам Зосима, можно и без религии, и лучше его делают откровенные безбожники. — Мне видно, куда ниспадает религия, и вот,

Но это — *анормальность*. И христианство или Церковь как «черная», монашеская, скорбная — *анормальна*. Можно и так закончить, что если *анормальность* есть следствие греха, есть состояние вывиха, то христианство, *насколько оно черно*, *насколько оно истолковано монашеством*, — есть вообще *религия вывихнутого состояния*: оно есть «плач и скрежет зубовный» грешников, убийц, содомитов и вообще всего «Ноева Ковчега», плавающего по океану, в котором собрано «все чистое и нечистое». Но если так, то Церкви нечего рядиться в «рызы непорочности»: совсем напротив... Более и более мы приходим к выводу, что есть две религии: нормы молодости, невинности, энергизма, и религия «охов», «ахов», стонаний умирания, как бы ослабления и опадения дерева после того, как плод спал. Религия мировой весны, религия мировой осени. Но повторяю, в качестве такового «прибежища всего падшего» христианство уже не вправе несколько поднимать голову над солнцем и молодостью, невинностью и жизнью. И как одни в человечестве могут плакать, другим в человечестве нет причины не радоваться. *В. Р-в.*

¹ Тут есть глубокая правда, но она влечет за собою новые вопросы: да *очень* ли нужна «норме» религия? нужна ли она как тяжеловесная, длинная, емкая? *Какая* была религия в раю? *Увидели* Бога, общались с Ним — и только. Ни — Филарета, ни — долгих служб. Язычество и было от этого все *коротко, немногосудно* — и отступило перед христианством, «религиозно грешников», как пресные воды ручьев и речек отступают и подаются перед *горьким океаном*. Вода в океане зеленая, соленая. По нему плавают корабли. Происходят на нем битвы. Так. Правды — нет. Счастья — нет. Но есть *сила*. Таково христианство. Все же «норме» и невинности просто с ним нечего делать. Да и оно, при всей глубине и силе своей, не может отринуть, что *не в нем дело*, оно только — *стадия, для скорбей и пока скорби*: и что выше его, как вечность и венец, малодумное и ясное язычество. Да так ведь и само Евангелие кончается: заключением к нему стоит Апокалипсис, и в нем появляется Небесный Иерусалим, у его обитателей-небожителей — белые одежды и пальмы в руках, и ходят они «на воды живые», т. е. просто — *живут как есть*. Да и в жизни нашей не так же ли? Когда избудут болезни — уходит *доктор*, выносят *лекарства*, прибирают, убирают дом, открывают форточки. Все становится проще, яснее и — *лучше*. Нет ли тут религии? *есть* ли она? *Богоощущение* — есть; а религия, по крайней мере христианство, — ведь оно и было только *лекарством*, которое для чего же употреблять в нормальном состоянии? И сам Иисус не называл ли себя «врачом» «врачующим», — в котором «имеют нужду больные» и его *ipso* [вследствие этого *лат.*], в котором нуждаются нормальные, спокойные, ясные... *В. Р-в.*

в этом процессе ее разложения, Зосима идет на уступки и, конечно, «прочахнет». А Ферапонт — стражник до конца. И, пока есть еще следы ее, Ферапонты нужны, к ним тянет, они охраняют то, что готово переродиться и корчится в муках родов, — хранят церковь, но бережно. Против каждого положения вашего и священника Петрова хочется крикнуть — но стоит ли? Но разве не чувствуете вы, что такое, как у него и у вас, толкование самого дивного евангелического образа — образа Марии, помазующей ноги Иисуса, — прямо кощунственно; а ваш «изгиб мысли», заставляющей не жалеть Иисуса, молящегося в Гефсиманском саду, а почти радоваться Его слабости, — это что такое?

Религия как свет и радость? Василий Васильевич! Да так ли это? В какую ловушку давно уже попали вы и многие, многие другие! В ловушку какого-то откровенного любованья своею животностью, смакования ¹ утех и радостей, и ниспадания, ниспадания ² до конца! Религия — как тиски того, что низменно, как вечная Божья гроза нашей греховности, проклинаящая немощь человеческую, плачущая о ней и вечно влекущая нас ввысь, — конечно, такая религия велит «оставить отца и мать», и «вырвать глаз, если он соблазняет», и «идти на крест» ³. Эта религия, все понимающая, все, но только как-то холодно, мимоходом ⁴, — как мы делаем это по отношению к маленьким детям — позволяет нам и порадоваться («ну и пусть их» — именно такой ведь колорит ⁵ всего чуда в Кане) — но именно только позволит; *возводит*

¹ Да почему утехы «смакуются», а вот пост не «смакуется», инквизиция не «смакуется»? Приложили термин пошлости и думают, что победили. Это есть просто — *тезис, положительная жизнь, свет*. Иной скажет: «Ах, свет — он идет от *сальной свечки*, вы им пользуетесь и, значит, стойте за сало, сальность». На такое остроумие нечего отвечать. *Бесскорбная жизнь нужна между прочим для того, чтобы не разозлиться*. Я скажу, что *бесскорбный путь нужен для того, чтобы дойти к святости и правде*. Довольно с вас? И замолчите Нет, недаром многоженные татары так благодушны (это все замечают) и недаром такое благодушие царит в многоженном Ветхом Завете. В. Р-в.

² Для вас — «ниспадания», а по-моему — восхождения. Вы не можете доказать, а я не хочу доказывать. Стол должен быть сытен и *вкусен*, жена добра и *красива*, дети — хороши и их *много*, деньги в достатке и *с запасом*, дом для себя и *для гостей*. Иначе, иной путь ведет вовсе к необеданию, бездомности, убеганию от соседства, к выгону гостей или всеобщему разнакомленью. Отвратительно — и не понимаю, почему «божественно». В. Р-в

³ Ну, поехал монах на своей метле. Никуда не придет, кроме киевского шабаша ведьм (инквизиция, монастырские затворы, пытки и пытанье). В. Р-в.

⁴ Поразительно верно и глубоко. Христианство ничему не радуется, кроме *себя*. Ничему не сочувствует иначе как нехотя, неглижерски и высокомерно. Начиная с Евангелия, появился «Лик Христов», и потянул к себе любовь человечества, и не осталось этой любви у человечества, не осталось *для себя* (самосогревание) и *своего* (культура). И похолодело человечество и потускло. Уже у ап. Павла, несмотря на его пышные фразы о любви, какая любовь к своему народу? к старенькому, ветхонькому у евреев? Никакой. Так и византийцы пришли и затоптали у славян песни, хороводы, сказки... «Ничего не нужно, *кроме нас*». Так эти «спасители» человечества прошлись смерчем по человечеству. И где прошел смерч — поломанные деревья, павшие хижины; зато «купола» на губернских кафедральных соборах блистают сусальным золотом. В. Р-в.

⁵ Да, пора давно разглядеть *подлинный смысл* этого «первого чуда в Кане Галилейской». Во-первых: при чем тут *брак*?! какую играют роль брачующиеся, родители их, семья? Никакой. То же, что «море» во время «чудесного улова рыбы Петром». Это просто среда, обстановка чуда, и говорится не о браке, а о *чуде* («я», «мы», «наше» — а не люди и людское). Но человечество до того жалко и грустно побегало за этим «чудом в Кане Галилейской», обрадовавшись, что «и Он, Спас наш, не отвергал наших маленьких радостей, вот позволил человеку жениться и иметь детей»... Боже, какая перемена после Ветхого Завета, где человеку

в принцип ощущение радости она не станет, а о собственной слабости и жадности к свету и радостям, и о робости перед подвигом — такая религия заплачет кровавыми слезами.

В моей религии Магды умирают, потому что им больше делать нечего, — и Генрихи куют свои колокола, измученные и суровые, — и их колокола поют славу Богу, к которому зверь тянется по-своему, по-звериному, а человек иначе невозможно, с отрицанием того, что он перерос, с культивированием того, что еле брезжится в нем и что у великого Достоевского сказалось в образе Ивана Карамазова, Дмитрия — его жалкого «Митеньки», — но никак не Алеши и не Зосимы.

Прощайте, мой друг-недруг. Мне очень грустно сейчас в своей комнате, наедине с моими мыслями. Я так страшно одинок, и те колокола, что сейчас зазвучат и запоют песню о Воскресении, — разное пропойт нам с вами. Для вас — это победная песня и торжество любви, а для меня — это наивное чаяние усталого человечества, пропитанного потом от трудов своих, и на один миг опьяняющего себя иллюзией общей любви и радости и яркого света — от восковых свечей.

Милая служба заутрени под светлый праздник — для меня она нераздельна с белыми девичьими платьицами — точно для них она случится. Милые, наивные белые платьица, из которых так скоро вырастают ¹. Грустно мне — и только один человек во всем мире понял бы меня, совсем понял бы...

В. З-цкий

не «позволяли», а *требовали* от него сладкого и ему самому умножения, размножения, плодородности! Какое тогда было *совпадение* божеского и человеческого, «примиренность» небесного и земного. В. Р-в.

¹ Вот! И не нужно скорби, а только эти «наивные белые платьица», и пусть бы еще с цветами, с цветами в руках их и у ног их. И везде — цветы, эти распускающиеся бутоны, белые, желтые, сиреневые, голубые, всякие. Около детей — родители, около бабок — внучки. И соседи. И домашние животные, помогающие человеку в труде, сопутствующие ему в жизни, — тут же. Какое чудо Бог сотворил, давши человеку в путь и в помощь «домашних животных», с этим инстинктом к «домашности» и к следованию за человеком. Да, эти зоологические чудеса не меньше «Каны Галилейской». Я не понимаю: к чему в эту полную чашу бытия вводить непременно и преднамеренно скорбь? Ну, придет *смерть* — умрем: она уже побеждена тем, что мы, двое умирающих родителей, оставляем *четверых* детей. Арифметика... Но она имеет и параллельную мораль: ибо если мы двое совершили сто *добрых дел*, то отчего детям нашим не совершить *четыре*ста *добрых дел*? А если они или кто-нибудь из них совершит дела худые, то лишь бы женился: его дети навьорят дел предобрейших. На ржи бывает спорынья; но ржаное поле мы все же называем «нивой Божией». Ею питаются, ее благословляют. Довольно, довольно проклятий, Голгофы, — проклятий и проклинающих! Устали люди, прошел дождь. И вот — радуга, «соединяющая землю и небо в знак того, что еще потопа не будет». Но вот автор письма, с его, по-видимому, преступлением позади («кубивень»), притом близкого, любимого существа, и безутешной скорбью сейчас? Из нас отделятся один, лучший, — и пойдет за ним и с ним, во весь его долгий путь жизни, и даст грудь ему в подушку на ночь, а днем будет кормить его и работать за него. Скорбящему — утешение, дружба, помощь: скорбящему и — преступнику. И преступнику — никакого зла! Боже, как не понять, что преступление есть уже величайшее несчастье, что это — болезнь, подобная чихотке и раку, *болезнь биографии*, при которой счастье индивидуума органически расстроено! *Преступление есть уже наказание*, и преступник есть *несущий наказание*. Подобно тому как малоспособность и идиотизм есть несчастье и никто таких не сечет, так догадываются со временем, что и наказаний как чего-то *преднамеренного* и *систематического* (тюремное ведомство) не должно быть. Хотя и останется естественный факт человеческого негодования, и простой суд соседей, улицы, толпы. При общей кротости, разлитой в население, он не будет суров и будет редок. И из законов останется только один: «не раздражай ближнего». В. Р-в.

Кроме мотива *скорби*, христианство еще обширно развило мотив *художественности*. И вот сплетение этих двух мотивов и составляет всю «музыку» Церкви — всю ее *наглядность*, всю ее *осязаемость*. Второй мотив ярко и наконец цинично выражен в следующем письме ко мне, которое тоже меня поразило:

ЭСТЕТИКА МРАЧНОГО

«Г-н В. Розанов.

Обет *послушания* еще не предрешает *антиэстетичности*: есть тысячи людей, вся красота которых состоит в безграничном послушании. «Ты свободен. Но какое мне дело до того, что ты освободился от ярма, если ты не сумеешь объяснить, *для чего* или *для кого* ты стал свободен?»

Красота *крестного* хода... А *мрачные* инквизиционные судилища с осьмо-гласным *misereere*¹ — разве это не красота? Шествие сотни *черных* людей, *каждый жест* которых *вырабатывался веками*, — разве это не готично?

Полуденная суতোлка на площади. Нарядная праздничная толпа виленского шляхетства выходит из ворот реформатской коллегии. Скромный протестантский пастор что-то объясняет. Чей-то пристальный взор... это прислушивается к нему *черный* человек. Два вопроса, жест, — и проповедник удаляется, *посрамленный ad majorem Dei gloriam*².

Божие наказание постигло города и села: в предсмертных судорогах больные валяются на улицах, а здоровые бегут от заразы. Но кто это закутал больного в свой *черный* плащ и уносит его на руках? Это — воин Господа Иисуса.

Бюрократ»³.

¹ сжался (*лат.*).

² к вящей славе Божией (*лат.*).

³ Странное письмо и странная подпись. Автор — очевидно, русский, петербургский чиновник (судя по штемпелю на конверте), *убежденный* чиновник (подпись). Он остановился на *эстетике мрачного*, примеры которого откуда же и взять, как не из католичества. Но встав на сей путь — он уже похвалит инквизицию. «*Жестоко, но красиво*»... В тоне — и шутка, и серьезное. *Начинает с шутки, а кончит серьезным*. Католичество никогда не могло серьезно осудить *auto-da-fe*: «слишком *красиво*»... Тут начинается с *полушутливых возражений* гуманистам, филантропам, «людям мелкого ума» и недалеких созерцаний: и может зайти в такие бездны ужаса, что сердце поледенеет. Бедные честные русские — *сами себя* жгут; католики и «бюрократ», конечно, — другого сожгут! но, главное, если кто другой *сам себя* сожжет — они полбобуются и, ей-ей, *не найдут сил в себе* ни возражать, ни остановить: «слишком красиво». Остановит или помешает какая-нибудь «прозаическая душа», вот рыбак, вот урядник (см. ниже — еще не углубившиеся в бездны христианской эстетики (Голгофа). Следом за этим письмом мы помещаем выдержку из эстетика-Леонтьева («Восток, Россия и Славянство»), где он хотя и покачивает головой, но явно любитесь или задумывается над случаем, еще ужаснейшим, чем самосожжение и инквизиция. И «случай» этот — тоже под впечатлением начитанности в «священных книгах»... Странное «священное писание», приводящее людей то к самоубийству, то к убийству. Заметим, что это — не Библия, животворяная, животворящая, живородящая: это все «свои размышления» старцев, Отцов и «учителей Церкви», размышления над Евангелием, крестом и Голгофою. В. Р-в.

САМОСОЖЖЕНИЕ

«Вечером девятого июня к полицейскому уряднику Сергиевской Пустыни явился рыбак и заявил, что он шел с моря через поле позади Сергиевского монастыря и увидел у одного из кустов доглеваящий костер, а возле него лежит чуть живой человек. Урядник, собрав понятых, отправился к указанному месту. Около кустов, действительно, догорал большой костер, а около него лежал еле живой человек с обгоревшими ногами. Его немедленно отправили в монастырскую больницу, где фельдшером ему была оказана первая медицинская помощь, а затем перевезли в Стрельнинский дворцовый приемный покой, откуда отправили в Петергоф к родителям. Из дознания выяснилось следующее: человек этот был одет в мужской монашеский костюм, но оказался девушкой. Она — крестьянка Петергофского уезда, Ольга Петровна Гвоздева. В последнее время она читала много *славянских книг* и, желая *спасти свою душу*, — дошла до фанатизма ¹, в припадке которого решила себя сжечь на костре. С этой целью она приехала в Сергиевский монастырь и, *после горячей молитвы*, пошла в поле, наломала сучьев, развела огонь и, раздевшись донага, бросилась в костер. От сильной боли она, не помня себя, выскочила из костра и упала без чувств. Придя немного в себя, она с большим трудом надела кое-что из одежды, но двигаться не могла и пролежала до появления рыбака, увидев которого, она начала кричать: «Воды! воды!» — чем обратила на себя его внимание. У костра найден воткнутый в землю *длинный посох* с *небольшим крестом* на конце, на котором был повешен *образок* ². Это она поставила себе *надгробный памятник* в случае, если бы сгорела. Здесь же была найдена *длинная коса*, которую она перед актом сожжения отрезала финским ножом. Кроме того, найдено много *книжечек духовного содержания*. Так как у несчастной обнаружены ожоги ног, живота и спины, то — по заключению врачей — жизнь ее находится в опасности» (из газеты «Знамя» за 1903 г., номер 158, июля 14. Корреспонденция — из Сергиевой Пустыни, что близ Петербурга. Курсивом отмечены мною места, требующие особого внимания).

В. Р-в.

¹ Что такое «фанатизм»? Только *сильнейшая вера* — вера, доведенная до равенства с *реальным ощущением*. «Верю в Рай как бы *вижу* его, верю в ад как бы *вижу* его, верю в Бога как бы *говорю* Ему и *от Него слышу*». «Фанатизм» в истинной, и святой, и плодотворной вере может поэтому только привести к удесятерению плодов ее, т. е. к чему-то изобильному и благостному до изумительного, до блаженства, до полного счастья. «Фанатизм» человеколюбивой веры заставит всю жизнь отдать состраданию и помощи ближним; «фанатизм» миролюбивой веры заставит новобранцев-рекрутов поломать данные им казенные ружья или закопать их в землю (наши толстовцы на Кавказе), «фанатизм» чадородия выразится в многоженстве (Ветхий Завет, мусульмане). Вообще какова *вера* — таков и «фанатизм» ее, белый или черный, плюсовой или минусный. — Но странный «фанатизм» Православия то там, то здесь приводит людей, напр., не к многоженству, а вот к истреблению и своего единоличного существования, к истреблению вообще *живого*, через самосожжение, самоуполение, самоудушение. *В. Р-в.*

² Полное Православие — и совершенно *нормальное*, без всякого *сектантства*. Это показывает, что и в сектантстве случаи самоубийства, уже чрезвычайно частые, выросли на почве *нормального Православия*, но «фанатичного», горячего, пылкого, неравнодушного.

«Вязниковского уезда, деревни Слободищ, крестьянин спасовец (секта старообрядчества беспоповщинского толка) Михаил Куртин, 57-ти лет, зарезал родного сына своего, 7-летнего мальчика Григория, в убеждении, что *это угодно Спасу*. Вот что рассказывал Куртин на суде о своем поступке: «Однажды ночью *печаль* моя о том, что все люди погибают в *грехе*, сделалась так велика, что я не мог уснуть ни на минуту и несколько раз вставал с постели, затепливал *свечи перед иконами* и *молился со слезами* на коленях о своем спасении и спасении семейства своего. Тут мне пришла на ум мысль *спасти* сына своего *от погибели вечной*, и так как сын мой Григорий, единственное детище, был очень резв, весел и сметлив не по летам, то я, *боясь, чтоб он после смерти моей не развернулся в вере и не погиб в геенне вечной*¹, решился его зарезать. С этою мыслью я вышел на заре в задние ворота и стал молиться на восход, *прося у Спаса знаменья*, что если после молитвы придет мне снова мысль эта в голову с правой стороны, то я принесу сына в жертву Богу, а если слева — то нет; потому что, по мнению нашему, помысл с правой стороны есть мысль от ангела, а с левой — от дьявола. По окончании длинной молитвы помысл этот пришел с правой стороны, и я с веселием в душе возвратился в избу, где сын мой спал с женой моей на полнике (широкая лавка). Опасаясь препятствий со стороны жены, я нарочно разбудил ее и послал за овчинами в деревню Перво, а сам, оставшись с сыном, сказал ему: «Встань, Гришенька! Надень белую рубаху, я на тебя полюбуюсь». Он надел белую рубаху и лег на лавку в передний угол. Тогда я подложил ему его шубку в голову и, заворотив подол рубашки, несколько раз ударил в живот ножом. Он затрепетал, и начал биться, и наткнулся на нож. Желая поскорее прекратить его мучения, я распорол ему живот сверху донизу... Он потерял силу сопротивляться, но все еще не кончался. Заря до этого времени светила в окно, но, когда я пронзил его ножом, вдруг первый луч солнца брызнул в окно. Что-то сотряслось во мне, нож выпал из рук, и я *упал перед образом на колени* с молитвою, прося Бога принять милостиво новую жертву. Когда я стоял перед образами на коленях и сын мой плавал в крови, то вошла вдруг в избу возвратившаяся жена моя и, с первого взгляда узнав все случившееся, упала от страха на землю перед мертвым сыном. Тогда я, поднявшись с пола, на котором стоял на коленях, сказал жене: «Иди и объяви обо всем старосте. Я *сделал праздник Святым*». — Заключение в острог, Куртин еще до решения его дела на суде запостил себя до смерти». Кон. Леонтьев. «Восток, Россия и Славянство». Москва (1886 г., том II, стр. 14—15.— Курсив мой. В. Р.).

На страницах 17-й и 19-й того же тома Леонтьев сопровождает случай размышлением:

¹ Идея «геенны вечной, где будет огонь неугасимый и плач и скрежет зубовой», — впервые была принесена и «обещана» Иисусом: ее нет в книгах Ветхого Завета. Это — новое. В. Р.-в.

«Конечно, никто не станет оспаривать у суда ¹ права карать ² поступки, подобные поступкам Куртина. Но, по высокому выражению московских славянофилов, обыкновенный суд, точно так же как и справедливая полицейская расправа, суть проявления лишь «правды внешней», и он не исчерпывает бесконечных прав личного духа, до глубины которого не всегда могут достигать общие правила законов. Судья обязан карать поступки, нарушающие общественный строй, но только там сильна и плодоносна жизнь, где почва своеобразна и глубока даже в незаконных своих произведениях. Куртин может быть *героем поэмы* гораздо более, чем самый честный и почтенный судья, осудивший его вполне законно.

В этой трагической картине нет ничего пошлого и избитого».

Русские могилы

*Воскресение Христово видевше, поклонимся Господу
Иисусу, Единому Безгрешному...*

Пасхальная песнь

I ПРИРОДА

«В сравнении с суровой северной и даже со средней Россией южные части ее представляют настоящий благодатный край по мягкости климата, красоте природы и естественным богатствам, которыми земля вознаграждает труд человека. Для жителя севера этот уголок — земной рай, полный радости и довольства. Эти черты в особенности свойственны Поднестровью. Великой красотой отличается долина реки с ее густой яркой зеленью, живописными берегами и могучей растительностью, которая своей сплошной зеленой пеленой обозначает старое широкое русло реки. Богатые сады и виноградники покрыли всю долину и служат неиссякаемым источником богатства и довольства... И здесь, в этом благодатном уголке, свила гнездо мрачная человекоубийственная секта ³. Своим дыханием она отравила жизнерадостное население долины

¹ Еще и суд! Ну, а объяснить дело, подняв другие горизонты на религию? Пожалуй, за это — тоже «суд», ибо таковое разъяснение уже означало бы «ересь». О, судьи! судите вы *темных*, судите и *просвещение*; и неужели, неужели не найдется и на вас если не «судьи», то осуждения?... В. Р-в.

² Да уж он сам себя уморил ужаснейшим видом смерти, к какой приговаривали *личных* врагов *лотейши* из средневековых деспотов-разбойников. Какого же еще хочет ему наказания К. Леонтьев? Но, виноват: Леонтьев, врач и писатель, принял тайный постриг на Афоне, жил долго в Оптиной Пустыни и умер в св. Троицкой Лавре. Таковые, как бы ни страдал человек и человечество, все хотят еще подсыпать «угольков» ему. В. Р-в.

³ Автор, профессор медицины, берет слово «секты», «сектант» в чисто паспортном смысле: не углубляясь в то, что, раз «секты» и «сектанты», *все в одном и том же направлении*, появляются и в XVII веке, и в XVIII, и в XIX, и на юге в пяти верстах от шумного городка Тирасполя, и в снежных пустынях Архангельского края, — то, очевидно, здесь уже не в «Ковалева и его родных» дело, а в *религиозном дуновении, которое захватило и Ковалева*, — захватило Тирасполь, Архангельск, Россию, Грецию, части Сирии, Африки и всю Европу; но,

и привела к страшным событиям, которые — если бы они даже были кровавыми — и тогда были бы менее ужасны. Благодаря деятельности секты — здесь, в благодатной долине, нашли себе *вольную или невольную смерть два с половиною десятка людей, из коих большая часть были женщины и дети всех возрастов, не исключая грудных младенцев. В довершение всех ужасов — смерть была медленной и одной из самых мучительных!*

Желая поближе ознакомиться с событиями этой смерти и определить психологическую природу явлений, лежавших в основании ее, автор настоящих строк взял на себя труд отправиться на место и ознакомиться с внешней обстановкой, с населением, среди которого произошли убийственные события, и с оставшимся в живых непосредственным участником событий, Федором Михайловым Ковалевым.

Внешняя сторона терновских событий настолько известна из газет, что мы ограничимся лишь кратким перечнем главнейших фактов.

Днестр своим быстрым извилистым руслом образует массу островов и заливов (лиманов). Вся широкая долина реки изрезана ее рукавами и богата часто заливаемыми водой низинами с тучным черноземом. Эти низины с небольшими на них возвышениями носят местное название «плавней». Плавни покрыты необыкновенно плодородной почвой и богаты фруктовыми садами и огородами; части же долины, прилегающие к берегу, изобилуют виноградниками. Село Терновка находится в четырех или пяти верстах от Тирасполя и расположено в плавнях. В непосредственном соседстве с Терновкой расположены многочисленные хутора, и между ними — хутора, принадлежащие семейству Ковалевых и их родственникам. Усадьба Ковалевых представляет значительную *земельную собственность, оцененную тысяч в двадцать руб.*¹

Старообрядческое² семейство Ковалевых принадлежит к давним обитателям терновских хуторов, и родоначальник нынешнего поколения Ковалевых уже в начале настоящего столетия владел усадьбой³, получившей ныне столь печальную известность. Этот родоначальник давал у себя приют прохожим, и в особенности переходящим раскольникам, и завещал такой же долг своим потомкам. Последняя владелица хуто-

захватив, «инде находит почву, покрытую камнем», инде «птицы (— иные впечатления, школа, книжки, житейские хлопоты) расклеивают зерно», — и только в некоторых местах, семьях, в единичных душах находит «почву добрую, глубокую, рыхлую», где привившись и свившись и вырастает... в тираспольские явления! «По плоду узнаем корень» — можно с грустью прибавить. В. Р.-в.

¹ Никакого горя, нужды, *унетения земными обстоятельствами* не было «Вольные смерти» — чисто по *внутреннему* порыву, по религиозному *вдохновению!* В. Р.-в.

² «Старая вера», «ищем старую веру» — это у русских только «ищем истинную веру», «как заповедал людям Христос», «как Он, Батюшка, Спас Милостивый, *хотел*». Проф. Сикорский опять берет старообрядчество как паспортную кличку — отказываясь углубиться *не в свою тему.* В. Р.-в.

³ Значит — *вековой* достаток, *вековой* покой: о котором Бокль заметил, что «благосостояние способствует углублению умов и зарождению наук и философии». Ковалев и его ближние пошли дальше «азбуки» и «складов» в Православии — и кончили тем, чем кончили. «И почва пышная, и солнышко грело»... В. Р.-в.

ров, старуха Ковалева, строго исполняла заветы предка, который был отцом ее мужа, и в усадьбе ее находили приют не только переходящие сектанты ее веры, но существовало даже целое учреждение — *скит*, в котором имели постоянное пребывание представители секты обоого пола, *ведущие безбрачную*¹ *жизнь* и составлявшие нечто вроде старообрядческого *монастыря*².

Скит представляет собою небольшое низкое здание, с фасада напоминающее собою экипажный сарай, с широкими фальшивыми входными воротами, которыми отделан фасад, и небольшими оконцами вроде слуховых отверстий в нежилых зданиях. На самом деле никакого въезда в сарай не существует: это — лишь отделка, скрывающая действительное расположение и назначение здания. Настоящий фасад и вход в здание — с противоположной стороны. Но этот истинный вход и истинный фасад просто, но искусно и умело замаскирован широким валом из соломы и тростника, представляющим собою как бы склад этих материалов. Однако же на самом деле описываемый вал представляет собой постоянную постройку, которая своей верхней частью сливается с крышей близлежащего здания и предназначена для замаскирования его. Между валом и зданием скита идет во всю его длину узенький коридор. С коридора ведут несколько входных дверей в различные части здания. Здание это и есть раскольничий скит, в котором имели временное и постоянное жительство переходящие и постоянные жильцы тернов-

¹ Вот! *Безбрачие*, воздержание от имени, от порождения детей — есть *первая* или, скорее, *сердцевинная* ступень «сухого дерева», «огненной лестницы». Кто *этим* начал, и *не остановится* и будет *последовательен*, уже непременно дойдет или до «самозаканчиваний» или до «самосожжения». «Если *детей* не надо, то почему я *надобен?*» *Кому?*» Не надо молодых веточек, не надо плодов — и *ствол* тогда не надо. «Руби все сплошь». Очень последовательно. Но *безбрачие* — *сердце* христианства (девственное зачатие Иисуса, дество Бога-Иисуса, завет Его о девстве же, Матф., 19). — Поэтому — «рубь все сплошь», ибо «Я *победил мир*», «ныне *суд* Князю мира сего» и «не *любите* мира, ни того, что в мире». Все это составляет самую суть Христова пути, до времени скрываемую от малосмысленных и постепенно открываемую (в монастыре) только углубляющимся. «Царство Небесное подобно жемчужине, нашедши которую купец продает *все свое имущество*, чтобы приобрести ее *одну*». «Марфа, — ты *заботишься о многом*, Мария же *избрала благу часть*, которая не отнимется от нее», или, как сильнее сказано в славянском тексте — «избрала *единое на потребу*». Вот этих *метафизичнейших* мест Евангелия никак не удастся и никогда не удастся затоптать или обойти сторонникам «любви к ближнему», «возлюби ближнего своего как самого себя» и прочих трюизмов, ничуть *не новых* и не *оригинальных* в устах Иисусовых. В речениях Иисуса мы должны различать *чужие* и *свои*. *Его собственные*: эти-то и есть главное, а не великолепные трюизмы Востока или аксиомы Ветхого Завета, попутно задеваемые, повторяемые. Так лесник, рубя лес, несет на сапогах листву леса же. Мы, мирские, — и собираем листочки с садалий Иисуса: но монастырь знает, что делает, когда смотрит только на топор, заткнутый за поясом дровосека. В. Р.-в.

² Вот! Курсивы в тексте ставлю я, чтобы показать, что эти «сектанты», изуверы и «сумасшедшие» суть просто люди *монастыря* и *монашеского духа*, но огненно-увлеченные, в противоположность тепло-хладным «православным» (официальная церковь). Что касается обвинений в «сумасшествии» (психиатры, ученые, культур-трегеры), то ап. Павел за 2000 лет предусмотрел и отразил это обвинение: «В мире мы будем казаться *безумными*», «Бог избрал *немудрое* мира, чтобы просрамить мудрое, и — *немоющее* мира избрал Бог, чтобы *посрамить* сильное». Вот перед такими метафизическими строками, заставившими все человечество воскликнуть. «Священное Писание! *Новое священное Писание*» — повалились целые библиотеки, а не то что «экспертизы» и «резюме» толпы медиков. Монахи знают, чему они смеются, когда смеются. Точнее, они знают, почему *никогда не смеются*. В. Р.-в.

кой общины. Самый вход в описанный выше коридорчик так искусно расположен и замаскирован, что его трудно заметить. Все описанное устройство явным образом рассчитано на то, чтобы скрыть как назначение здания, так в особенности входы и выходы из него¹. В самой существенной части здания, рядом с главной молельной, расположен поперечный коридорчик, который ведет в противоположные части усадьбы и представляет полную возможность скрыться жильцам скита тем или другим путем, в зависимости от условий обыска. Все подробности устройства скита продиктованы страхом, осторожностью и подозрениями. Здание невзрачно, низко; его крошечные окошки маскированы задвижными ставнями, разделанными под цвет фасада и т. д. В большей части комнат находятся потайные ходы и спряты. Все показывает, что здешний обитатель пребывал в постоянной тревоге и всякую минуту был готов и мог бежать. Вместе с тем внутренность здания отличается *мрачным характером*² и крайне *неприветлива*; все показывает, что люди жили здесь не только в страхе, но и в какой-то *человекобоязни* и *мрачности* (курс. проф. Сикорского).

Жильцы скита редко выходили из здания — разве только для необходимых работ³.

Обыкновенным времяпрепровождением *скитников* были *молитва, чтение, беседа*⁴ при постоянном общении с некоторыми из членов семейства Ковалевых, которые, так сказать, прониклись духом религиозного настроения скита. Эти последние совершали значительную часть работ, напр., относящихся к домашнему обиходу, облегчая или, лучше сказать; заменяя работу обитателей скита.

Что касается внутренней жизни скита, то в некотором отношении она осталась для нас невыясненной ввиду того, что главнейшие

¹ Буквально катакомбы! И никто-то, никто не зарисовал, не дал плана этих наших русских «катакомб»... В. Р-в.

² Вот! Ну, а *внешний вид* иконописи православной? а черные иконостасы с изможденными лицами что говорят? что говорят *напевы церковные*? Везде мрак. Вспомним грусть и трепет молитв — «От юности моя мнози борют мя *страсти*», «Се *женних* грядет в *полунощи*», вспомним — и тогда мы без труда поймем, что «обуреваемый страстями» юноша, девушка кинутся хоть через огонь навстречу «Полунощному», «Скорбному Жениху» и прильнут устами к его равам, которыми Он иносказательно уже показал человечеству путь для соединения с Собою. «Он истек кровью за *человечество*, мы истечем кровью за *Него*», *через кровь* Он соединился с *человечеством*, мы через *кровь* же соединимся с Ним». При чем тут «сектанство», «секты»; это *прямой* путь Православия, на который зовут — но не грубо и прямо, а поэтически и иносказательно — все молитвы, напевы, посты, постничество, образа, все! Монастырь есть как бы Альпы христианства: а в тираспольских плавнях поднялась острая игла этих Альп. В. Р-в.

³ И из монастыря гулять не ходят. «Тесное житие» есть *продолжение* поста, и как пост, так и монастырь, оба оканчиваются и завершаются в *могиле* «Тесное, самое тесное житие! Три аршина длины, аршин ширины — жилище *праведника*, наконец-то *праведника*, коим сделался человек, став *трупом*». Фанатики католицизма говорят. «*cadaver esto*» [«да будет мертвым» — *лат.*]; наши по обычаю не договаривают, но любовно — как бабочка около огня — кружатся около этой же формулы. В. Р-в.

⁴ *Специалисты* христианства, специалисты староцерковного духа идеалов и буквы; без «плевел» и «камня». У нас с проф. Сикорским есть и «плевель», в качестве лекций, журналов, газет; да и сердце покаменнее. И потому мы только научно исследуем все, не очень «отдаваясь молигве»... В. Р-в.

участники этой жизни, напр., девица-сестра Ковалева, Домна Фомина с дочерью, Суховы и др., погибли насильственной смертью. Однако же некоторые факты нам удалось узнать от самого Федора Ковалева. Но в особенности, хотя немногие, но высокой ценности данные получены нами из бесед со слепым стариком Я. Я. (76 лет), который жил в скиту и был непосредственным участником большей части событий последнего времени. Из этих двух свидетелей Федор Ковалев не понимал значения многих событий, в особенности не понимал их мотивов, и потому его фактические рассказы, подчас детски-наивные, отличаются совершенной и беспристрастной объективностью. Старик Я. Я., наоборот, очень тонок, пронизателен, опытен, отличается идеально покойной душой¹. Благодаря его показаниям возможно установить истинное значение и психологическую зависимость совершившихся фактов, и до известной степени объяснить то, что остается загадочным и противоречивым).

II ЛЮДИ

«До осени 1896 года в Ковалевских хуторах существовали две совершенно чуждые друг другу жизни — жизнь *скита* и трудовая жизнь *хозяев усадьбы* и их родственников. Эти *жизни* были близки только по месту, но в других отношениях близости не было, за исключением того обстоятельства, что отдельные члены семейства Ковалевых сближались со скитом и являлись его поклонниками и паломниками. Но главным образом скит в усадьбе Ковалевых являлся всероссийским² религиозно-благотворительным учреждением, согласно устному завещанию основателя Ковалевской усадьбы и семьи. Представительницей хутора и его жизни является старуха Ковалева, мать Федора Ковалева, а представительницей скита является Виталия.

Все отзывы, какие нам удалось собрать, рисуют старуху Ковалеву женщиной в высшей степени *мягкой, доброй и человеколюбивой*³. Хотя она торговала мукой, но торговля вовсе не была главным делом ее жизни: она жила богатыми доходами от фруктовых и виноградных садов. Она отличалась благотворительностью и помогала в широких размерах не только своим единоверцам, но также — православным

¹ Поразительно, что все это исследует медик-психиатр, с любопытством к психиатрической стороне явления. Но где же любопытство православных? в духовных журналах, в лице профессора духовных академий? В. Р-в.

² Вот! Это — *всероссийское* явление, острая вершина «Альп», раскинувшихся от Белого моря до Черного, от Атлантического океана до Великого. Везде есть прозелиты этого духа и учения (см. выше историю крест. Кудрина во *Владимирской* губернии, случай с крестьянской девушкой возле *Петербурга*). А Сикорский пишет: «*местное сумасшествие*», да и православные богословы отмахиваются: «*местное изуверство*». В. Р-в.

³ Замечательно! Дочего это трогательно! По естественным условиям природы внешней (климат, почва) и внутренней (предрасположения души) — какая это почва для роста добрых, великих, святых дел! Но на ниву естественных условий пришел «враг» не от мира сего» и всеял в них «плебель» своего учения: и погубил ниву, погубил до *ужаснейшей* смерти *прекраснейших* людей! В. Р-в.

и даже евреям¹. Согласно всем отзывам, это была не деловая, не практическая женщина, это была просто *мягкая и добрая душа*². Ее участие в фанатических смертоубийствах и ее вольная смерть вместе с Виталией вызвали у всех единодушное чувство *недоумения и сожаления*³.

Совершенно иными чертами отличается Виталия. Уроженка Херсонской губернии, девица около 35 или 40 лет, она отличалась энергией и большой решительностью. Виталия появляется впервые в терновских хуторах лет 12 тому назад. Первоначально она наезжала, по временам, в Терновский скит, а в последние три года основалась в нем окончательно и приняла в свои руки заведование делами и всей внутренней жизнью скита. До того времени скит представлял собой скорее мужской раскольниковый монастырь, но с водворением в нем Виталии преобладающая роль переходит к женщинам, и в период последних событий это уже было монастырское общежитие с *женской иерархией и администрацией во главе*⁴. Хотя в отдельных кельях скита жили и мужчины, немногие старички, но они занимали второстепенное положение и не принимали никакого участия в управлении делами, подчиняясь всецело главенству Виталии. Виталия распоряжалась всем в делах административного характера, а также и в чисто религиозных делах⁵. Она распределяла комнаты

¹ Удивительно! Никакого в собственном смысле *изуверства* нравственного, *сектантства* нравственного не было: «натура» у этих людей языческая, «своя» собственная, «от бабушки с матушкой», и она — святая; заражен только ум, идеи, «убеждения», склонившие дерево вопреки росту в сторону, — «не любите мира, ни того, что в мире, ибо все в мире — похоть плоти, похоть очей и гордость житейская» (Иоанн, II, 16)... Дочего сильно! Уж это не вяленько-старенькое «возлюбил ближнего своего»... Это *новая бурная «благая весть»* и сорвала крону дерева в приднепровских плавнях, крону «древа жизни», языческую: и все и всех потащила в ужасные могилы. В. Р-в.

² Удивительно... Золото русской природы: именно и не «деловитая», не — «практическая», но вместе, судя по всему очерку, — и деловитая, и практическая, но не уторопленно, не жадно. Таково и было *спокойное* язычество, таков был спокойный рай. «Солнышко восходит, солнышко заходит — наше утро, наш вечер, — и вчера и завтра». У Ковалевой — *дети*, она — *семьянинка*; прозелитизм — не от нее, она сама подпадает под вихрь *девы* (схимницы) Виталии (см. ниже) и ломается в судьбе своей, в своем характере, этим знойным, другим, «истинно христианским» (двественным, безбрачным) вихрем. Обратим внимание, что и пытавшая съечь себя около Сергиевой Пустыни была *девушкою, переодвешенною в мужское платье* (не монахиною, а монахом). Эти факты, как и бездна других подобных, все указуют на один источник: *пламенная религиозность*, и именно в этом духе *вражды к полу, к миру в духе скорчества*, — рождается в точке, где мы имеем не *самца-мужа* или *деву-самку* (будущую жену, будущую мать), а встречаем *деву на переходе в юношу*, которая *никакого влечения к мужу не имеет и матерью никогда не станет* («скопцы от чрева матери»). См. далее характеристику *мужественной Виталии*. Это суть лица *третьего пола* (не мужского и не женского); и в них-то и лежит *ключ ко всему*. В явлении *3-го пола* лежит *фундамент* всех этих «дуновений» истории, которые в своем роде суть такое же «откровение» этой *naturae tertiae* [третьей природе — *лат.*], как до христианства мы имели «откровение» *naturae primae* и *secundae* [первой природы и второй — *лат.*] (*мужской и женской*). В. Р-в.

³ Вот! Языческие овы, полуязыческие столпились и блеют над жертвою «истинно-христианского» отречения В. Р-в.

⁴ Вообще женские монастыри — как все замечают — удачливее, *идеальнее* мужских. Это можно сблизить только с тем, что состояние *вечного, неразрушимого девства* («скопцы от чрева матери») как проявления *образу исторической организации, полно-половой*, а не *половинчато-половой*, по наблюдениям медиков и биологов, вообще чаще встречается у женской половины рода человеческого. В. Р-в.

⁵ Эта уж и «практичная», и «деловита», ее «на все хватает», и она «езде поспела». Какая-то универсальность и закругленность — как именно у *полно-полых*, как это вытекает из

между жильцами скита, назначала им порции, определяла время препровождения, начальствовала над всеми, но также отправляла богослужение, проповедовала, поучала, добывала св. тайны для причастия и сама приобщала скитников — кого часто, кого через каждые сорок дней, кого реже.

Во всех своих делах административного характера Виталия совещалась со старухой Ковалевой, но эти совещания, как можно судить по данным, сообщенным Федором Ковалевым, носили скорее характер акта вежливости или предлагались к сведению, но, в сущности, были полновластными действиями Виталии. Уступая Ковалевой как бы первую роль, называя ее «тетенькой», Виталия распоряжалась решительно всем, и ни одно серьезное дело в хуторах не предпринималось без ее воли. Ее воля, ее авторитет требовался повсюду. Некоторые члены ковалевской семьи подпали безусловно под ее влияние, как, например, мать Сухова, Домна Фомина, ее взрослая дочь и девица-сестра Ковалева.

Как ни казалась значительной и всеобъемлющей деятельность и личность Виталии, но рядом с ней стоит другая личность, которой, по всей вероятности, принадлежит первостепенная роль во всех замыслах и в психологической подготовке всех роковых событий в терновских хуторах. Это была Поля Младшая. Поля Младшая и Поля Старшая, по-видимому, были родные сестры, по фамилии Скачковы. Старшая Поля никакой роли в делах скита не играла, но младшая имела *огромное влияние на Виталию*¹. Последняя не делала и, по-видимому, не могла сделать ничего без совещания с Полей. Об этом живо и картинно рассказывал Федор Ковалев. По его словам, Виталия хорошо постилась, молилась, громко и внятно читала по-церковному, но гражданское письмо² и газеты читала и понимала плохо. Поля же отлично и бегло все читала и толковала. Виталия не могла обходиться без Поли и решительно во всем совещалась с нею. По словам Ковалева, Виталия и Поля

сути не «половинчатости». Она — дева; и, уж конечно, при ее уме и характере — сумела бы сыскать «женишка», если бы хотела и *нуждалась*. Но и *не* хотела и *не* нуждалась. Читатель не преминет отметить *образ* истические черты в ней: напр., таинственное тяготение ее к девочке-подростку и девочки-подростка к ней, при очевидном отсутствии идейной, умственной, вообще *взрослой и деловой* связанности. Но — «тянет»; есть «склонность», «симпатия», разумеется остановившаяся на воздушной черте и не ступившая во что-нибудь твердое, во что-нибудь физическое и осязательное. В. Р-в.

¹ Я не прибавляю ни слова. Это говорит медик-психиатр, объективный наблюдатель, которому *образ* истическая нить в описываемых событиях не приходит на ум. Обратите внимание на «огромное влияние» на деву, которая сама *подчинила своему влиянию всю округу*, — и вы остановитесь перед этим как перед одним из тех чудес, какие рассказываются только об *образ* истях. В. Р-в.

² Ну, обычное «медицинское» объяснение... «Гоголь умер потому, что читал аскетические сочинения, а не Фейербаха и Мошешотта» и проч. «Поля знала грамоту и читала газеты — и от *этого* получила влияние на Виталию». Такая, подумаешь, премудрость в газетах и гражданской печати. Впрочем, что же: ведь «газеты» влияют даже на профессоров, наконец, и на профессоров-психиатров, которые другой раз только «по газетам» и думают: и уж куда тут устоять бедной Виталии против такого монстра. В. Р-в.

«все делали вдвоем». Посоветовавшись с Полей, запасшись от нее сведениями и объяснениями ¹, Виталия становилась смелой и деятельной.

Старик Я. Я. рисует Полю и Виталию такими же чертами, как и Ковалев. Он в особенности хвалит Виталию за умение *горячо молиться и увлекать других своею молитвой* ².

III СУДЬБА ЛЮДЕЙ

Мирная, безмятежная жизнь терновских хуторов была нарушена брожением, начавшимся в среде скита осенью 1896 года. Виталия и Поля стали постоянно говорить о имеющих якобы наступить преследованиях; еще не было речи о пришествии антихриста, об антихристовой печати и пр., а говорилось только об ожидаемых якобы общих мерах против раскола. Проповеди и предсказания Виталии на этот счет производили значительное действие и вызывали волнение и беспокойство, которое она никогда не старалась успокоить, а напротив — старалась усилить и раздуть. *Никогда из ее уст не раздавались слова надежды и примирения. Напротив, она постоянно поддерживала возбуждение и запугивала — часто говорила, что наступят еще худшие времена* ³ и что нужно всего ждать. Постоянные чувства, свойственные обитателям скита: *раздражение, подозрительность, неосновательные страхи*, теперь сказывались у Виталии

¹ «Сведениями и объяснениями» — гипотеза проф. Сикорского, не подтвержденная никакой ссылкой. В. Р-в.

² Вот это — главное, в этом — все. Все остальное, «практичность» и проч., — «приложилось». *Одушевленный* воин нашел и оружие, и амуницию, и обоз. В. Р-в.

³ Проф. Сикорский не знает, что «о худших еще временах», в этом тоне *печали и угрозы*, заговорил (впервые в истории) И. Христос; что от «печали и ужаса» близких «времен антихриста» почти сходили с ума в первый христианский век; и так это настроение — то оживляясь, то замирая, в зависимости от почвы «каменистой» или «утюженной», но никогда не прекращаясь, — живет и до наших времен. Как бледны слова Виталии перед этим Иисусовым громом:

«Когда некоторые говорили о Храме, что он *украшен дорогими камнями и приношениями* (начало роскоши, начало *богатого* в мире, «истинно-языческого» довольства), — Иисус сказал:

«Придут дни, в которые из того, что вы здесь видите, *не останется камня на камне*; все будет *разрушено*».

И спросили его: — «Учитель! когда же это будет? и какой признак, когда это должно произойти?»

Он сказал — «Берегитесь, чтобы вас не ввели в заблуждение; ибо многие придут под именем Моим, говоря, что это Я, — и это время близко; не ходите вслед их.

Когда же услышите о войнах и смятениях, — не ужасайтесь. Ибо этому надлежит быть прежде, — но не тогда еще конец.

Восстанет народ на народ и царство на царство; будут большие землетрясения по местам, и глады, и моры, и ужасные явления, — великие знамения с неба.

Прежде же всего возложат на вас руки и будут гнать вас, предавая в синагоги и темницы, и поведут пред царей и правителей за имя Мое (какая точность предсказания — в том числе включая даже и «землетрясения», что так близко к извержению Везувия, бывшему при императоре Тите, в пору, почти совпавшую с падением Иерусалима).

Преданы будете также и родителями, и братьями, и родственниками (какое *разъединение* кровных уз! восстановление родственников друг на друга, априорное еще до факта! И вечно «помешали родители и родственники» чему-то совершиться «Христову», везде эта как бы входящая в «древо жизни» распорка, клин).

в большей степени, чем прежде ¹. Ее тревожные речи действовали на окружающих, в особенности на молодых женщин и на подростков, но также и на старуху Ковалеву. Последняя часто плакала ² и говорила детям: «Я умру, как вы останетесь без меня».

Начало осени 1896 года (сентябрь, октябрь) прошло в беспокойстве и тревожных думах: все ждали то ссылки в отдаленные места, то заключения в тюрьму. Ожидания эти были настолько серьезны, что вызвали приостановку обычного хода дел и привели к нелепым решениям и действиям. Так, некоторые запаслись теплым платьем (шубами, валенками и проч.) в ожидании близкой якобы ссылки на далекий север. Вечера и ночи проходили в беспокойных думах и разговорах, в которых принимали участие женщины, подростки и дети, вследствие чего беспокойство и волнение нарастали, а решения заменялись фантастическими предположениями. В случае заключения в тюрьму, решали, согласно совету Виталии, *запоститься*, т. е. уморить себя голодной смертью. На этом остановилась большая часть. Немногие из мужчин давали совет — *«дождаться, что будет»*, ничего не предпринимая. Этот благоразумный исход, к сожалению, не имел места, главным образом потому, что *психологический центр всего дела перешел к затворницам* и вообще к женщинам и в силу этого *получил оттенок страстного, горячего отвлеченного дела, которое не справлялось с внешней жизнью и действительностью* (мой курсив) ³.

И будете ненавидими за имя Мое.

Когда же увидите Иерусалим, облагаемый войсками (какая точность!), тогда знайте, что приблизилось запустение его (какая точность!).

Тогда находящиеся в Иерусалиме да бегут в горы; и кто в городе — выходи из него; и кто в окрестностях — не входи в него. Потому что это *дни отмщения*, — да исполнится все написанное.

Горе же беременным и питающим сосцами в те дни; ибо великое будет бедствие на земле и гнев на народ сей. И падут от острия меча; и отведут его в плен иные народы; и Иерусалим будет попираем язычниками.

И будут знамения в солнце, и луне, и звездах, и на земле; *уныние народов* и недоумение; и море восшумит и возмутится.

Люди будут *издыхать от страха* и ожидания того, что грядет на Вселенную; ибо силы небесные поколеблются» (Лука, XXI).

Это *нагнетание страха на человечество* — одна из метафизических сторон Евангелия, далекая от морального рационализма («возлюби ближнего своего»). *Страхом* этим, как плугом, прошел наименовавший себя «Сыном Человеческим» по сердцам человеческим: и разрыхлил «почву» для принятия особенных семян своего учения. В. Р-в.

¹ Все по Иисусу. Точь-в-точь. См. приведенный из Ев. Луки отрывок. В. Р-в.

² Слезы страха, безнадежности. «Чего ждать?! Все погибает». Добрая языческая почва и *дрогнула* перед напором этого страха, мирового-исторического в I-м в. по Р. Х. и индивидуально-морального у всякого вновь обращаемого до сих пор. Таким образом, «обращения» совершаются не путем «любви к ближнему», не через указание на какой-то «край» впереди, а, скорее, через указание на *ад* впереди и путем разгона «любви к ближнему», который (разгон) есть основательный фундамент для этого трепета перед адом. *Да ведь так это исторически и было*. В России, в Англии (Нортумберланд), всюду Евангелие принималось вовсе не с *умилением* и в *спокойствии*, а трепетно и в страхе. И до настоящего времени всякая «реставрация христианства» опирается на возбуждение чувств страха и неуверенности. Спокойствие — это язычество, трепет — это христианство. А «любовь к ближнему» тут ни при чем. В. Р-в.

³ Нужно ли доказывать, что «культ Мадонны» по преимуществу выработан был и поддерживался *мужчинами* (вечный мотив этого культа передан в стихотворении Пушкина «Немножеством картин старинных мастеров» и Лермонтова «Я, Матьер Божия, ныне с молит-

С Рождественского поста (с Филипповки) беспокойное настроение терновских скитников и хуторян значительно усилилось. Проводились нередко то в той, то в другой семье бессонные ночи в бесконечных причитаниях и самоустрашениях, и посылавшиеся к Виталии за разъяснениями женщины, подростки и дети, иногда сам Федор Ковалев и другие возвращались от нее с уверениями о скором пришествии антихриста ¹, об имеющихся наступить войнах и о том, что признаком всех грядущих бед является совершившееся будто бы недавно снятие кровли с Иерусалимского храма. Вместе с тем говорилось, что народная перепись — это печать антихриста и что внесение человека в перепись равносильно наложению этой печати и вечной гибели человека. Тогда уже Виталия давала совет *запоститься*, не дожидаясь, *что будет дальше* ².

В ноябре и в особенности в декабре большинство обитателей находилось в состоянии почти непрерывного страха и тяжелых мрачных ожиданий. Это мрачное состояние не освещалось никаким лучом надежды. Смерть, погибель казались неминуемыми. Такое гуртовое настроение, овладевшее всеми, делало жизнь тяжелой и предрасполагало к самоубийству.

вою», а Иисусово поклонение, начиная с жен мироносиц, порывисто внесено было *женщинами*, внесено и пронесено по всей истории (св. Берта, св. Ольга, св. Клотильда). И вот, отмечая эту сторону, мы не можем не поразиться, что всякий раз, когда в смешанной человеческой толпе перевес берут женщины, они наклоняют религию в сторону *жестокости, самоотязания*. Так как женщины вообще нежнее и мягче мужчин, то нельзя не отнестись этого явления к той причине, что преобладание женщин *в то же время* являлось преобладанием Иисусова поклонения над Богородичным: и это не они, а оно приводило к жестокости и мраку, как это случилось и в Византии. До какой степени это основательно, можно видеть из того, что в единичных видениях и снах, если являлась Богородица, то она *утешала* или *радовала*, она всегда была «всех скорбящих радость», напротив, если являлся Иисус — то он угрожал или требовал себе жертвы. Теперь, если слыть эти видения призраками, «показавшимися», от бл. Иеронима до казанского юноши (см. выше статью «Случай в деревне», начало), то ведь показаться могло только *ожидаемое*, и возникло оно от *чтения* Евангелия, от *удубления* в него. Т. е. в Иисусе главное, что Он хочет от человека *жертвы*, жертвы *страданием*. «Голгофа» Христа — это одно, и это всего миг; но за него пошла Голгофа человечества, «во имя Христа» — и она уже тянется тысячелетия. Крест, к которому пригвожден был Он, — это опять одно, и всего три дня; но он повлек за собой «крест человечества» — и опять этому насчитывается девятнадцать веков. *В. Р.-в.*

¹ *Общие* христианские ожидания, ничуть не местные. Конечно, Феофан Прокопович в это не верил, так как он был только лизоблюд. Но всякий посерьезнее христианин *постоянно живет этими чувствами*. *В. Р.-в.*

² Стоящего на краю пропасти — тянет в пропасть, хотя он и знает, что там — смерть. Ибо *тоска ожидания часто непереносимее физической муки*. Однажды в доме у меня был тяжелый больной, близкий и дорогой человек (сам меня не любивший). Ошибившись в признаках и в толковании уклончивых слов докторов, я заключил, что больной «вот в эту ночь задохнется». С вечера и в ночь, когда я ожидал, что *это непременно случится*, тоска моя дошла до такой непереносимости, что я начал желать, чтобы это скорее случилось, чтобы больной вот теперь умер, сейчас, в эти минуты, не протягивая на всю ночь. Но христиане, которые не могут же не верить мрачным предсказаниям Христа даже о «колебании стихий небесных», не могут не жить постоянно как бы на краю ужасного мирового обрыва — такой «пропасти», перед которою что расселины гор или решеточка на краю колокольни. «Все упадем туда! Непременно! Он сказал, в этом — Церковь, религия!» И многие, не вынося этого ужаса, бросаются вперед *сами*. Вот, собственно, простая разгадка терновских самокапываний. То же чувство, как у меня тогда ночью, *ужаснее которого я не помню*. Но бедные наши «сектанты», а в сущности, просто пламенно верующие — они эту непереносимую муку ожидания носят годы; и дивно ли, что многие-многие уже прижизненно мешаются, сходят с ума, оставаясь наружно здоровыми (в том числе Гоголь, замученный *страхом*, как передают современники-друзья его). *В. Р.-в.*

Наиболее губительным оказывалось влияние Виталии на полувзрослых детей, в особенности на тринадцатилетнюю дочь Фомина, Прасковью. Эта девочка-подросток ¹ была одной из самых близких лиц к Виталии, почти постоянно у нее бывала, служила посредницей между Виталией и хуторянами, и в этом смысле играла более существенную роль, чем большая часть взрослых. Влияние ² этой девочки отражалось и на Анюше Ковалевой. И вот однажды, раньше, чем кто-нибудь другой, девочка Фомина произнесла слова: «Там (т. е. в остроге) будут резать, мучить, лучше в яму закопаться». В ответ на это ее мать Домна патетически сказала: «Хорошо ты, Пашенька, вздумала — и я с тобой» ³. Затем о закапывании стала говорить Анюша, против чего Федор

¹ Опять проходит обрач'истическое веяние. В. Р-в.

² Значит, не просто «жила на побегушках», а влияла на людей такой каменной организации, таких громадных сил. Где не возьмет сильнее, там возьмет милее». См. и у Достоевского — старец Зосима и «милый отрок» Алеша: верно подмеченная черта монастыря, монашества, где всегда ютятся одно возле другого 60-летние и 16-летние. Ничего тут худого нет: но я настаиваю, что это обрач'изм в его ранней фазе, зародившемся состоянии, в каком и вообще он не имеет «ничего худого», сказываясь поэзией, нежностью, скрепляя людей, согревая и осчастливливая их. Но это — земля, почва России или Эллады, и тут ни «любовь к ближнему», ни Христос не играют никакой роли. Между тем из монастырей, и именно из поэтической и лучшей их части, люди разбежались бы с ужасом, отвращением и скукою, отними из них этот обрач'изм. Так-то там, где не подпирают бревна, подпирает тонкая тростинка. Добавим и обратим внимание, что страх самим остаться без отроков и отроковиц был так велик у всех Святых (обычно старцев и стариц), что между ними не нашлось ни одного, кто дал бы этот «простейший и ужасный по жестокости совет»: избежать «греха» разделить в разные монастыри старцев и отроков, устроить монастыри по возрастам, а не по одному полу. И до сих пор правительство церковное знает официально об «известном пороке», но оно не решаете прибегнуть к этой легкой мере разделения. Таким образом, увы, — не столько «Небо греет землю», сколько «земля греет Небо», и только нужно постигнуть это глубоко и нежно, без пошлости и анекдота, постигнуть сердцем, в быту... вот как монахи постигают это в сокровенных сердцах, в помышлениях умственных, чтобы сказать если и не «осанна!», то просто и житейски: «что же, холодно — будем греться около огонька, какой есть». Впрочем, моя собственная мысль простирается в более положительную сторону. В обрач'изме есть и анекдот, сало. Его я всемерно отрицаю и не имею на него взгляда иного, чем мир, гнушающийся этим. Но есть тут и тайна, глубокая, какую не начала даже разгадывать наука. На фундаменте обрач'изма вырастает такая глубина и чистота, «духовность» отношений и связи, кажется не всегда переходящей в физическую, или и перейдя — сохраняющей свою духовность и высший идеализм, что слово осуждения решительно бессилует при виде конкретных примеров, и разорвать эти связи так же нельзя решиться, как резать живого человека или разведнить невинных жениха и невесту, «запретить любить» Ромео и Юлии. Отвлеченно и издали — осуждаем, а взглянув и вблизи — сочувствуем, как всемо стягивающему людей в ком горячий и живой земли, питающей все доброе и ничего худого, рождающей таланты и искусство, рождающей музыку и вдохновение, и, кто знает, даже не молитвы ли? По крайней мере, трое русских, положивших большой камень в движение Православия за вторую половину XIX века, авторитет коих в духовной литературе, в духовных сферах — непрерываем и отчасти народен (воспринят народом), — страдали этим недостатком или наслаждались этим счастьем, и все трое — по Апокалипсису — остались «не оскверненными женщиною» (врожденная аномалия пола). Аномалия эта потому только и осуждается, что неизвестны имена: откройся они — и все воскликнут: «Этих невозможно осудить!» Но, как это они считали в себе тайною — то и я не стану открывать имен их. Замечу только, что один из них есть великий деятель церковного пения, другой всю жизнь собирал мельчайшие подробности о жизни святых и вообще подвижников церкви, третий был гениальным защитником византийских церковных начал, устоев, духа. Все трое выше всего ставили монастырь и неудержимо влеклись к нему. Все трое были страстными уранистами, у двух (††) с переходом в физическое связи. Имена эти всей России известны, всеобщие чтимы. В. Р-в.

³ Ужасно! Просто дрожит сердце! «Доченька, иди в могилу живую. и я — с тобой». Какая нежность, какая печаль, и кто ужасный мог навести на человека эту печаль! Безжалостный, безжалостный! В. Р-в.

Ковалев первоначально сильно возражал и говорил жене, что не позволит этого. Наконец, около этого времени уже и сама старуха Ковалева находилась под неотразимым влиянием Виталии. Это видно из того, что, когда Ковалев, как сам о том рассказывал, первоначально возражал своей жене, протестуя против закапывания, и даже пожаловался на жену самой Виталии, а матери решительно сказал: «Лучше острог, чем яма», то его мать, после совещания с Виталией, сказала ему: «Надо идти в яму, иди, сыночек: в тюрьме тебя станут резать, мучить, и ты откажешься от веры»¹.

Народная перепись явилась тем внешним событием², тем подходящим предлогом, к которому стало приурочиваться существовавшее уже раньше душевное волнение. В это время выступили на сцену и ярко сказались *исторические переживания*. В терновских событиях нашего времени мы видим много общего с *самосожиганиями, самоутоплениями и самоистреблениями*, которые с особенной силой проявились в конце XVII и в XVIII веке в нашем отечестве, которые не скоро исчезли вполне и даже проявились в 1862 году. Терновские события составляют лишь одно из последних звеньев в этом своеобразном явлении, свойственном русскому народу.

Когда в декабре прошлого года счетчики народной переписи постучались в дверь терновского скита, то высунувшаяся рука передала им записку, которая носит яркий архаический характер и отличается всеми признаками исторического переживания. «*Мы христиане,—* говорилось в записке.— *Нам нельзя никакого нового дела принимать, и мы не согласны по-новому записывать наше имя и отечество. Нам Христос есть за всех и отечество и имя. А ваш новый устав и метрика отчуждают от истинной христианской веры и приводят в самоотвержение отечества, а наше отечество — Христос. Нам Господь глаголет во святом Евангелии своем: Рече Господь своим учеником: — «всяк убо иже исповесть Мя пред человеки, исповем его и Аз пред Отцем Моим, иже на небесах, а иже отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз перед Отцем Моим, иже на небесах»³. Посему отвечаем мы вам вкратце*

¹ Вот главный мотив: «откажемся от веры». В устах этих людей как бы живые стоят стоны Апокалипсиса и Иисуса о том, что «будет со всяким, кто откажется от веры в Иисуса». В. Р-в.

² Во внутреннем значении — совершенно ничтожным. Это батюшки закивали: «Все — перепись! Мы — при чем же?» Между тем «мы» и были настоящею и единственною причиною, как выражается ниже проф. Сикорский, «самосожжений», «самоутоплений» и вообще «самоистреблений» и «в XVII», и «в XVIII», и в XIX веках. Ваши *черные книги*, какие вы сунули народу в руки, и *ад*, а не *рай*, вами проповедуемый,— все это и повело к *болезни страха*, к *печальному заболеванию отчаянием*, высшим *религиозным отчаянием*, *мировым*, от которого и погибли эти люди, чистейшие, нежнейшие из людей. В. Р-в.

³ Угроза, *страшнее которой действительно и представить нельзя*. А ведь они были верующие, верующие! Несчастные! Ну и что же, «вера ваша спасла вас»? Пришел «Утешитель, Дух истинный»? Никто не пришел. Уползли вы, бедные, в могилу, и умерли, с какою верою умерли! Эта смерть, а не быть, есть самое ужасное и самое значительное событие XIX в., куда важнее Наполеоновских войн! Как смерть Сократа была *потрясающее*, многозначительнее Пелопоннесской войны, *многоценнее и многоплодственнее* ее — так и смерть этих терновских бедняков куда обильнее смыслом всей дипломатии XIX века, *воплощенной пошлости*. Такой народ, со способностью *такого восприятия, такого слышания*,— если

и окончательно, что мы от истинного Господа нашего Иисуса Христа отвержения не хотим, и от Православной веры, и от Святой Соборной и Апостольской Церкви отступить не желаем, и что Святыя Отцы святыми соборами приняли,— то и мы принимаем, а что Святыя Отцы и Апостолы проклинали и отринули, то и мы проклинаяем и отрекаем. А вашим новым законом повиноваться никогда не можем, но желаем паче за Христа умереть».

Почти такого же содержания грамота и точно так же была подана в конце раскольниками, которые сожглись в 1736 году. То же читаем в письме, поданном сторевшими раскольниками в 1723 году¹; наконец, те же чувства находим в основании единичных самоубийственных решений.

Наибольший психологический интерес представляют время и события, непосредственно предшествовавшие роковым решениям терновских сектантов. По рассказам Ковалева, Виталия и Поля Младшая давали совет *«запоститься»*. Мысль же о закапывании в яму возникла, по его словам, впервые у его жены Анны, которую называли Анюшей². Дело происходило таким образом. Всего за несколько дней до рокового дня 23-го декабря, во время беспокойной ночи, проведенной в избе Фомина, обсуждался вопрос о возможной судьбе детей в случае ожидавшегося заключения взрослых в остроги. Так как предполагалось *«запоститься в остроге»*, то некоторые выразили мысль, что, по смерти взрослых, дети будут крещены по-православному. При этой вести Анюша, державшая на руках ребенка, крепко прижала его и произнесла слова: *«Не отдам ребенка на погибель; лучше пойду с ним в могилу»*³. Об этих словах было немедленно доведено до сведения Виталии девочкой Фоминой (дочерью Назара Фомина), а впоследствии самим Ковалевым. Ковалев рассказывает, что Виталия, услышав про слова Анюши, вопреки его ожиданию — не только не выразила его жене порицания, но сказала: *«Это она хорошо придумала, это — пророчество. Добро, что она это нагадала, ей первой будет спасение»*. И тут же Виталия строго сказала Ковалеву, что если он не согласится на анюшкино решение, то на него упадет грех за *три души* (Ковалев понимал: за душу жены и двух детей). Эти слова сильно подействовали на Федора Ковалева, но еще более подействовали подобные же слова матери, с которой, как видно, Вита-

этот святой народ услышит с Неба ли, от человека ли настоящее живоносное слово, он повернет около себя весь мир, всю мировую историю, как около оси вертится земля. Но где такое слово? Увы, эта печальная смерть непрерываемо убеждает, что «Слово», принесенное ему, которое он счел за «Слово Жизни», — на самом деле есть, было и будет «Словом Смерти»! Вот это-то доказательство, если б мы были к нему внимательны, и уравнивает смысл смерти тридцати терновских Сократов со смертью афинского мудреца. В. Р-в.

¹ А что же батюшки? Прочитали ли хоть? Непостижимо, что делается в головах и сердце нашего духовенства. Это какая-то шестая раса, неслышанная. В. Р-в.

² Какие нежные названия! Дочего из всех свидетельств видно, как нежны и деликатны были эти кротчайшие из людей. В. Р-в.

³ Какое чувство! Какие слова! Решительно, что-то еще не слышанное в истории. Какая любовь к своему ребенку и живое чувство, что вот «Антихрист — там, Христос — здесь». В. Р-в.

лия немедленно переговорила. После этого колебания у Федора исчезли, и он пристал к решению жены. С этого времени мысль о могиле или, как выражается Ковалев, «о яме»¹ овладела всеми. «В яму» — было всеобщим решением, в особенности в среде женщин. С этим временем, по словам Ковалева, совпадает необыкновенно напряженная и спешная деятельность Виталии. Она всех торопила, говоря: «Скорей, скорей», и стала принимать во всем не только распорядительное, но исполнительное участие, приготавливала погребальные принадлежности, приглашала к себе детей и женщин. Из рассказов старика Я. Я. рисуется внутренняя сторона событий, и выясняется, что события не были неожиданными, что исходным пунктом всех решений были обитательницы скита, в особенности Поля Младшая и Виталия. Они подготавливали события и, по всей вероятности, подсказали и самые решения чрез посредство женщин и детей-подростков; одно из этих решений, в минуту возбуждения, было высказано Анюшей среди большого общества. В таком именно смысле рисуется дело по тем данным, которые нам удалось получить из беседы со стариком Я. Я.

Некоторые восставали против мысли о закапывании, усматривая в этом замаскированное² самоубийство: многие прямо говорили: «Это все равно, как наложить на себя руки»... «Как бы от одного греха уйти, да не попасть в другой». Для решения этих недоумений, по замечанию старика Я. Я., читали много старых книг³, и «великие были споры». В обсуждениях, которые велись в ските и вне его, Виталия стала принимать чрезвычайно живое участие, и ею была высказана мысль, что «все, что делается для Бога, — не грех»⁴, и она вместе с Полей нашла в книгах

¹ «Яма», вм. «могила», как-то еще страшнее. Свое слово, — выдавившееся при живом личном представлении своей будущей судьбы. И все у них «свое», у этих людей, — новое и оригинальное. Никаких повторений и ничего «с чужого голоса»; хотя все и течет параллельно и к тому же концу со старыми саможигателями и самоутопленниками, под давлением тех же одних причин. В. Р.-в.

² Да вовсе и не «замаскированное», а прямо и просто — самоубийство, как в самоожжении, самоутоплениях. Тут важно, что эти послушные люди боятся нарушить очевиднейшую волю Божию, данную в факте: Бог дал жизнь (общая вера народа), человек рождается, чтобы жить. Но буря наклона к самоистреблению так велика, что сметает эту аксиому самоощущения, и послушные люди только песялятся за форму, за подробности самоубийства: «Все же не сам и не своею рукою я зарежу себя, я удавлю себя, сожгу себя». Сожжет «огонь», утопит «вода», задавит «земля»... И нет мысли, что ведь и эти стихии должны быть безразны, что нельзя делать убийцами воду, огонь и землю, данные человеку на потребу. Но стихии уже мертвы в христианстве и бесчестны, вслед за «погаными» животными, которых Иисус выгнал из Храма под предлогом отвращения к сребролюбию торговцев. В. Р.-в.

³ Вот! Люди все «по книгам» делают, ничего по собственному побуждению. И корень, очевидно, и скрыт в этих «старых книгах» в кожаных переплетках с медными застежками, которыми Церковь пропитала дитя-народ. Корень — в Церкви, ее духе и учении, в ее идеалах. Есть социализм теоретический и есть социализм практический. Теоретиками были графы и белоручки, практиками — рабочие, умирившие на баррикадах. В терновских плавнях простцы-труженики «творили волю пославшего их». В. Р.-в.

⁴ Мысль, очень распространенная и укрепившаяся в народе, которую следовало бы давно ограничить и оговорить в церковных «катехизисах». Тогда почему «для Бога» не роскошествовать, не обедаться? Почему «для Бога» пост, а не 4-е блюдо в обеде? Корень дела, очевидно, заключается в том, что «Бог» вдолблен народу в голову (духовенством) как вечно «уменьшающий порцию», «недодающий порцию», как «Бог скорбей», а не «Бог щедрот». В этой-то аксиоме народной и все дело: что Церковь открыла Бога народу как скудного, сокращающего и недодающего. Совершенно обратное «Богу щедрот», «Сотворившему мир». В. Р.-в.

будто бы *подтверждение* правильности такого мнения. После этого — наложить на себя руки для многих уже не казалось делом греховным. Таким образом, мысль о *закапывании* вышла, несомненно, из скита; и после борьбы и противодействия возымела, наконец, власть над умами обитателей хуторов. По-видимому, патетические слова Анюши были лишь случайным эпизодом в подготовленном Виталией плане. Но эти слова показали Виталию, что наступил час перейти от слов к делу. С этого именно момента и начинается та торопливая деятельность Виталии, о которой говорит Ковалев. Виталия, видимо, боялась упустить психологический момент и торопилась дать возможно быстрый ход делу. Она коварным образом приглашает к себе родную сестру свою Елизавету Денисову, из Николаева, под тем предлогом, что якобы она (Виталия) тяжело больна и желает проститься с сестрой. Отъезд Денисовой в терновские хутора был совершенно неожиданным для ее мужа, и для ее детей, и для родных. Как видно из рассказов Федора Ковалева, Виталия *с приездом Денисовой быстро и решительно повела свое убийственное дело*¹. Она вышла из своего скрытного состояния, всех заторопила — и общими усилиями у Денисовой, по-видимому совершенно не подготовленной, *исторгнуто было согласие на закапывание* вместе с другими, так что уже на следующий день по приезде Денисовой в хутора произошло закапывание. *Сам Ковалев удивляется быстроте, с которой Денисова согласилась на закапывание*². Очевидно, что настроение в хуторах до такой степени было сильно, что Денисова сразу подчинилась общему решению³. Таким образом, едва ли можно сомневаться в том, что Виталия звала к себе сестру с готовым намерением закопать ее вместе с другими. Не остается также сомнения и в том, что поспешный вызов Денисовой сделан был Виталией в тот именно момент, когда колебания хуторян были сломлены и когда уже две семьи — семья Фоминых и семья Федора Ковалева — изъявили согласие закопаться в яме. *Ковалев настолько любил детей и свою Анюшу, что уже не колебался идти с ними в общую могилу, побуждаемый к тому и женой и собственной матерью*⁴. По-видимому, Денисова должна была послужить лептой или жертвенной данью со стороны Виталии на этом алтаре сочиненного ею безумного замысла. Таким же жертвенным приношением со стороны Поли Младшей явился ее отец. *И Виталия и Поля для успеха*

¹ Тут о «коварстве» вызова и речи быть не может. Все — обреченные, обреченные ужасною логикой, ужасным духом «спасения». Как я не спасу и любимую сестрицу?!... Если удержать термин «коварство», то ведь придется сказать и фразу, что «Виталия сама коварно закопалась в землю». В. Р-в.

² Очевидно, страшная сила убеждения, прозелитизма у Виталии — всегда плод *самоубеждения*. В. Р-в.

³ Вихрь! Вихрь толпы, зараженной, безумной, испуганной! — «Кинусь вниз со святой колоколенки», ибо «колоколья»-то шаталась и в самом зерне своем содержала веру, что даже «стихий мировые поколеблются» (см. у ап. Луки, выше). В. Р-в.

⁴ Прямо — ужасы, — неслышанные в истории! Говорят о Нероне, что он «зажигал свои светочи». Жалуются: «как он нас обижал», «как мучил», «как был жесток к христианам». Между тем не *оправдывается* ли Нерон и вся кровавая борьба, поднятая язычеством против христианства, из таких вот событий, какое случилось в терновских плавнях и которому подобных было множество. В. Р-в.

дела ¹ нашли необходимым дать каждая от себя по человеческой жертве. И в самом деле, из рассказа Федора Ковалева видно, что Виталия, решившаяся вызвать к себе сестру, с приездом ее сразу направила дело к исполнению и проявила в это время необычайную настойчивость и быстроту, которая удивила самого Ковалева. Она не щадила красок и сильных слов и не останавливалась ни перед какими средствами: она говорила, что и «антихрист пришел», что «конец мира наступит не то что через год-два, а может быть через два-три дня», что «тот, кто не захочет закопаться, делает пустой расчет на каких-нибудь два-три лишних дня жизни». Виталия приводила своими речами всех в совершенное отчаяние. По словам Ковалева, Виталия *останавливалась на подробностях предстоящей страшной смерти, она не скрывала ее ужасов* и говорила, что закопавшиеся «проживут от одного до трех дней, не более, но затем *непосредственно перейдут в чертоги небесные*» ². «Два-три дня мук,— говорила она,— ничто в сравнении с муками вечными» ³. «Подумай,— поясняла она каждому,— можешь ли ты пересчитать дождевые капли; сколько капель в дожде, столько лет муки в аду; лучше два-три дня в яме, и — *небесное царствие*» ⁴.

Ночь на 23 декабря проведена была намеченными жертвами в доме Назара Фомина. Сверх того, здесь была Виталия, Поля Младшая и монашка Таисия, известная под именем *Таисии Рассейской*, и слабоумный брат Ковалева, Дмитрий. В расстоянии нескольких аршин от дома, вдоль боковой стены его, идет тот погреб, который в эту ночь должен был сделаться человеческой могилой. С 7 или 8 часов вечера изба Фомина уже была наполнена людьми. Собравшиеся после *церковной службы* ⁵, *пений, сопровождавшихся слезами, и взаимного прощания*

¹ Одна приносит в жертву отца, другая сестру! Молох! Молох! Молох скопчества, Молох монашества! А началось все такою малостью, как «ограничим себя в питье и пище, ибо это угодно Богу», «ограничим себя одною женою, ибо это угодно Богу», и вообще «ограничим», ибо явился Бог *ограничений и малостей*, Бог *нискодящих уменьшений*. Чего же меньше *могиль*: туда и кинулись *напоследок*. В. Р-в.

² Очевидно, слова проф. Сикорского: «для успеха дела» — совсем не идут сюда. И Поля Младшая отца своего, и Виталия сестру «жалели и — спасали». О хитрости и расчете здесь не может быть и речи, ибо в том же расчете она не стала бы *раскрасивать* ужасов смерти. Весь секрет всего события заключается в этом: «непосредственно перейдут в чертоги небесные». Но это была ее и *их личная вера*. В. Р-в.

³ Вот!!! В. Р-в.

⁴ Нужно ли говорить, что это не «Виталии слова», а постоянное и ежедневное, будничное и праздничное учение всего Православия. Это в каждой церковной книге, на всякой странице Евангелия. «Будете *гореть в огне неугасимом*» или «получите *Царство Небесное*». Стереотип Православия, как и вообще христианства. В. Р-в.

⁵ Как-то в городе Арнсбурге (на о-ве Эзеле) я шел к вечеру мимо русской церкви. Церковь небольшая, низенькая, умильная, как и все наши. Вижу через окна пучки горящих свечей и слышу, несется пение. Красиво. Остановился и слушаю. Пение грустное и робкое, такое приятное. Я вошел, ожидая, что это — погребение. Народу очень много. Свеч много. Тихо, задумчиво все, прекрасно. Догадался, что всенощная; и как было среди недели, то шепотом спрашиваю: «Какой завтра праздник?» — «*Преображение*», — ответили мне. *Преображение!* Торжество Спасителя и христианства, а Православие и этот праздник не умеет стретить иначе, как предмогильными, грустными, шемдящими душу напевами. Могила везде, везде в Православии! Иначе как «погребать мертвых» Православие и не умеет ничего делать. То, что в других христианских исповеданиях, хотя тоже грустных, все же не дошли до наших самоутраченных и самозакрывающих, не дошли до *самосожжений*, объясняется тем, что христианская грусть взята Православием в ее *вышей ноте*. В. Р-в.

спустились в погреб и здесь общими усилиями началось приготовление могилы. Фомин, при участии Федора Ковалева и Кравцова, пробил отверстие в задней стене погреба, и затем все они трое с поспешностью начали рыть мину. Несколько часов длилась работа, и, наконец, была готова небольшая комлатка (мина) таких размеров, что человек вдоль и поперек ее мог свободно поместиться в лежачем положении; мина была пяти аршин длины, столько же ширины и более двух аршин высотой в средней части,— так как была сводобразной формы, и в средней части ее человек мог стоять, почти не сгибаясь. Раньше, чем была окончательно готова импровизированная могила, из дома Фоминых некоторые из оставшихся там спустились в погреб, и *здесь почти все, не исключая и Виталия, принимали участие в приготовлении могилы — кто рыл, кто убирал землю. Все были в большом волнении, и всех торопила Виталия. Перед роковым моментом все жертвы оделись в смертное платье. После общей похоронной службы¹, спетой всеми, первую вошла в приготовленную могилу Анюша с двумя детьми (мой курсив). Вопреки сведениям, сообщенным в газетах, что первым вошел Фомин, мы, со слов Ковалева, исправляем эту неточность: первой вошла именно Анюша, как вообще в этом беспримерном по своим ужасам событии женщины были впереди и направляли дело (мой курсив)*. Когда вошли все участники и готовился последним войти Федор Ковалев, уже в числе первых твердо решившийся умереть, то тут неожиданно возникло некоторое недоумение. Фомин, который должен был заложить мину свнутри, поколебался, боясь, *как бы это действие не было равносильно наложению на себя рук²*: он усиленно, со слезами стал умолять Ковалева не входить в мину и заложить ее снаружи. Так как обстоятельство это вызвало неожиданную задержку, то Виталия дала распоряжение, чтобы Ковалев остался снаружи и закладывал мину. Таким образом, в мину вошли девять человек: Назар Фомин, лет 45, с женой Домной, 40 лет, и тринадцатилетней дочерью Прасковьей,— Евсей Кравцов, 18 лет, работник в доме Фомина,— Анюша Ковалева, 22 лет, с двумя дочерьми, 3 лет и грудной,— Елизавета Денисова, 35 лет, родная сестра Виталия, старик Скачков, лет около 70, отец Поли Младшей. Закрытие отверстия происходило быстро и с особенной торопливостью. *Виталия, как простой рабочий, разбрасывала и утаптывала землю³ на дне погреба (мой курсив)*

¹ Змея тянет птичку... Птичка могла бы улететь: не связана, никто ее не держит. Но не улетает и сама летит в раскрытую пасть змеи, зная, что *умрет там*. То же явление здесь. *Смерть, гроб* со страшною силой тянет православных: и хотя они знают, что *лягут* в него и *умрут*, но он имеет какое-то такое очарование, что они уже не могут остановиться. А «православная церковь» во всех подробностях своих ритуалов, *поэзии*, смысла, доктрин, внушений есть «обстановка» этого магического процесса: как «*белые фартуки*», вымытые руки, прокипяченная вата и пр. и пр. есть «обстановка» и «предварение» операции. В. Р-в.

² Все боятся нарушить букву: до того *покорны!* Любовно покорны такому ужасу! О, что наружная, невольная «покорность», выработанная у католиков, сравнительно с этою нашею. Заметим, что этот Фомин, так деятельный в работе — первый и последний в ней,— сам закапывается с женою и 13-летней дочерью. В. Р-в.

³ Как вихрь несет всех! Падение птички в пасть змеи наиболее быстро, когда она уже подлетела к ней. «Слишком страшно! Разом!!!» Несчастные. В. Р-в.

с целью скрыть следы совершившегося. Отверстие заложено было камнем на глине, и, по словам Ковалева, с некоторыми усилиями его можно было бы раскрыть. Но для большей верности дела мина была заложена двойной стенкой: именно, внутри выведена была Фоминым вторая стенка, так что кладка Ковалева и кладка Фомина прилегали одна к другой. Фомир и Ковалев работали одновременно.

Как только заложен был Ковалевым последний камень, он вместе с Виталией, Полей Младшей и *монашкой* (мой курсив) Таисией быстро вышли из погреба, заперли его на замок и поспешно, почти бегом, удалились. Два или три дня Ковалев и не приближался к этому месту ¹. Теперь переходим к судьбе закопанных.

Слезы, *молитвы, взаимные прощания и экстаз*, в котором находились в последнюю ночь все решившиеся «закопаться в яму», были так велики, а торопливость, с которой шло все дело, была так необычна, что эти условия исключали для людей всякую возможность хотя бы на минуту остановиться и подумать о страшном будущем, которое скоро должно было для них наступить ². Кроме *Анюши Ковалевой* и ее двух девочек — грудной и трехлетней, — в могилу вошли *Назар Фомир* с женой и тринадцатилетней дочерью *Прасковьей*, работник Фомина *Кравцов*, сестра Виталии *Елизавета Денисова* и старик *Скачков*, отец Поли Младшей. Все они вошли в яму с *горящими свечами, книгами* ³, *иконами* ⁴; кроме того, они *захватили* с собой мужской *тулуп*, чтобы было на чем *положить детей* ⁵ и *корыто*, чтобы *укачивать* в нем *грудного ребенка* ⁶ Ковалевой. Замуровавшиеся сидели со свечами и, вероятно, умерли раньше, чем погас последний огонь, судя по тому, что при открытии ямы в апреле найдено было, что крышка столика, на котором стояла свечка, оказалась значительно обгоревшей, — что могло случиться в ту пору, когда заключенные в могиле были мертвы или находились в агонии. Горение свечи в замкнутом пространстве могло еще продолжаться и в то время, когда человеческая жизнь уже была невозможна.

Сколько времени могли прожить оставленные всеми несчастные? Что они испытывали? Как умирали?

¹ Крайний испуг... «Удав проглотил птичку: и мы не следим за движениями его желудка». В. Р-в.

² Поступали, как *глухие и слепые, оглушенные и ослепленные* какой-то мыслью. «Удав близок»... Все равно, ведь он *всю жизнь* тянул их, ноженки — всех их «не держали», все скользили в бездну, как весь «раскол», все старообрядчество, «старая», крепкая, неподвластная вера. И вот дошли до удава, до которого немногие доходили. В. Р-в.

³ Вот! В *книгах*-то вся и разгадка! И неужели духовенство после этой ужасной смерти не почувствовало долг совести доказать, что у него нет «книг», которые незаметно и исподволь, не называя вещи своим именем, подвели этих людей к такой судьбе?! Неужели оно решится отрицать или скрывать, что действительно во всех книгах, какие оно *дало народу*, не содержится ни одного слова, где было бы сказано, что «жизнь хороша *сама* по себе и что ее нужно удерживать», ею дорожить просто потому, что *она есть и как есть*; — что «радость человеческая хороша и *достойна*», «счастье достойно же и к нему *надо стремиться*»... Ни одного такого слова в *целой библиотеке!* Вот где удав. В. Р-в.

⁴ Вот! Все это постыные, худые, изможденные, пугающие, грозные лики (см. снимки из Спасо-Нередицкой церкви). В. Р-в.

⁵ Удивительно! Какая нежность, забота, чтобы не причинить даже *неудобства* ребенку, которого заживо укладывают в могилу. В. Р-в.

⁶ Удивительно! Трогательно, наивно. Сущие доверчивые дети.. В. Р-в.

Грудной ребенок Анюши найден был у ее обнаженной груди, другая дочь ее была рядом. Три трупа взрослых мужчин найдены лежащими посредине пещеры. Старик — отец Поли — лежал головой в небольшом, вероятно им самим вырытом, углублении. Все эти трупы обращены были лицом вверх и были обсыпаны сверху и отчасти обложены землей. По мнению некоторых лиц, с которыми мы беседовали, земля положена была на головы и грудь этих трупов пережившими их товарищами по могиле. Мы думаем об этом иначе и выскажем наше мнение дальше. Труп Анюши, труп Денисовой, труп девицы Фоминой находились у самого заложеного отверстия. Очевидно, что в тяжкую минуту смерти эти более молодые субъекты теснились здесь, у свежезаделанного отверстия — у этого места, чрез которое они вошли и с которым могла связываться еще какая-нибудь, хотя малейшая, надежда на спасение. Судя по положению трупов, несчастные стояли здесь, пока их не оставили силы, и затем падали в беспорядке друг на друга и умирали. Субъекты постарше — мужчины и старик — очевидно, уже раньше оставили всякую надежду и ложились умирать, не подходя к отверстию. Они, как сказано выше, найдены лежащими в середине мины.

Едва ли нужно говорить о том, что смерть всех была ужасной. Можно сказать почти с уверенностью, что те, кто был постарше, умирали раньше, более молодые — после. Группа с Анюшей, найденная вблизи заложеного отверстия, вероятно, пережила других и, в ужасе близкой смерти, при виде умирающих и уже умерших, не отходила от отверстия, ожидая спасения и, быть может, тщетно призывая тех, кто уже был далеко.

Входившие в могилу, по-видимому, менее всего думали об ужасах медленной смерти от задушения; *пока закладывали отверстие мины, они пели религиозные песни* (мой курсив), но, когда Ковалев и другие ушли из погреба,— что было с заключенными в роковой яме — о том можно судить по тому положению, в котором найдены трупы три месяца спустя.

Одной из самых страшных перспектив, которую рисует себе человеческое воображение, это — смерть в замкнутом пространстве, и средневековые рассказы о людях, замурованных в нишах зданий, принадлежат к наиболее ужасным. В этих рассказах приводятся различные подробности и, между прочим, тот факт, что у заживо погребенных найдено было впоследствии разорванное платье, изгрызенные руки и т. под. Нам не нужно останавливаться на опровержении этих баснословных рассказов. Не так происходит смерть в подобных условиях, и не в таком положении найдены трупы несчастных, обречших себя на вольную смерть. Ни малейшей царапины не было найдено на трупах и никакого иного повреждения. Заключенные, по недостатку воздуха, мало-помалу задохались и, тяжело страдая, постепенно теряли силы. Жажда свежести и холода была, без сомнения, нестерпимой, и, вероятно, под влиянием ее несчастные страдальцы клали себе холодную землю на грудь и на

лицо ¹, чтобы хотя несколько освежить себя и облегчить свои муки. Этой же жаждой было вызвано и то, что старик Скачков, отец Поли, вырыл себе небольшое углубление в боковой стенке ямы и на свежую, холодную землю этого углубления, умирая, положил свою голову.

Как долго могла продолжаться агония? Это было обусловлено размерами пространства, в котором находились девять человек. По приблизительному расчету кубической вместимости ямы местные врачи выразили мнение, что смерть наступила в промежутки времени от полутора часа до восьми часов.

Не лишена интереса та подробность, что положение трупов было самое беспорядочное, какое можно себе представить. — в самых разнообразных позах: одни лежали на других, скорченные, согнувшиеся ². Все указывает, что смерть была тяжкая и что несчастные в агонии метались, ползали, двигали членами, пока в них не прекратилась жизнь.

* * *

Четыре дня спустя, именно в ночь на 27-е декабря, произошел новый ряд вольных смертей и смертоубийств. Внешняя сторона события состояла в следующем. Верстах в полутора от усадьбы Ковалевых и Фоминых находится усадьба Суховых. Здесь была сделана года два тому назад выемка земли под постройку дома. И вот эта выемка послужила местом для новой общей могилы. В одном из углов выемки начата была и выведена в горизонтальном направлении длинная, наподобие бутылки, мина. Рыли мину — *Сухов* и *Павлов*. Они работали несколько часов ночью, и когда Ковалев с Виталией прибыли на это место — яма почти была готова. В эту яму готовились войти *Сухов*, его жена, их дочь *Татьяна 7-ми лет* и сын *Максим 4-х лет* и *Павлов с двухлетней дочерью* ³ *Александрой*. Старушка мать Сухова, Виталия и Федор Ковалев все

¹ Медицинское объяснение. Вероятнее, что они сделали это для уподобления *могиле* (земляной обклад): «идем в Царство Небесное», «идем к смерти», «идем к гробу», «идем в землю». Они помнили Божье: «Ты еси земля и в землю отыдеши», и исполнили текст в подробности, в букве, как и всегда. В. Р-в.

² Царство ужасов! Царь ужасов! Я думаю, *последнее метафизическое* объяснение этого события лежит, так сказать, за границами земли и планеты. Подобно тому, как *Творец* мира как бы играл воображением, создавая животных: «вот и *желтенькая* канарейка», и «*серебристый* фазан», и «*зеленый* какаду», и «*голубой* павлин, с пятнистым глазастым хвостом», нос птиц — и *так* и *этак*, толстый, длинный, крючком, прямо, — животные *ползут*, *стелются* (по земле), *скачут*, бегают, летают и, словом, все взял творческою мыслью в радости, разнообразии картин, радуясь радостью других, радуясь радостью грядущей: так великий противник Творца, такой же огромный, но черный, брызнул в лицо сотворенного мира меланхолию, грусть, печалью, отчаянием, скорбью, болью, болезнью, уродством, ужасом. Пытки инквизиции, рак, каменная болезнь, подагра — все им дано. Но вот его черное воображение, ненасытное человеческим страданием, поднялось еще несказанно высоко, и произошла вся эта история в Терновских плавнях. В. Р-в.

³ Просто невероятно читать: до того ужасно! Целая цветущая семья, с молоденькими веточками, с почечками. То-то сбылось Писание: «Он ветки *подломленной* не сломит, и *льна курящегося* не погасит»... Что же христианские «изъяснители книг Ветхого Завета» пишут, что «егда Израиль уклонялся в язычество, то там... родители приносили в жертву Молоху детей своих». Да в религии «льна курящегося не загашенного» совершены были такие ужасы, перед которыми все эти финикийские и мексиканские человеческие жертвоприношения являются игрушками. В. Р-в.

время присутствовали ¹, пока заканчивалось рытье ямы. Виталия действительно помогала, разбрасывая и утаптывая вынутую землю для сокрытия всяких следов. Как и при первом закапывании, готовившиеся войти в могилу простились с оставшимися и друг с другом, надели *смертное платье* и, напутствуемые Виталией, поодиночке проникли в яму. После повторного опроса Ковалева — готовы ли они умереть или, может быть, кто-либо выйдет из ямы — они твердо отвечали, что желают умереть. После этого Ковалев заложил вход и вместе с Виталией быстро направился в ковалевскую усадьбу, в скит. Это случилось далеко за полночь, вероятно, около двух или трех часов пополудни, а начато было приготовление мины, как только стемнело и наступила ночь.

Что касается подробностей закапывания, личных свойств закопавшихся и психологической подкладки события, то нам удалось собрать следующие данные.

Яма, как уже было сказано, имела приблизительно форму длинногорлой бутылки, шейка которой имела два сужения и расширение между ними. Федор Ковалев, входивший в мину, где он простился с Суховыми и Павловыми, следующим образом описывает устройство мины. Вход был сравнительно узок, и через него можно пройти только ползком. Проползши аршина два по узкому каналу, вступали в расширение, в котором можно было свободно сидеть, не нагибая головы; расширение это Ковалев называл *сенцами*. Из сенец вел дальше узкий и тесный ход в следующее — последнее, уже довольно просторное помещение, имевшее вид земляного погребца и настолько невысокое, что в нем можно было стоять, только наклонивши голову. Ковалев, входивший в это помещение в морозную ночь, рассказывает, что дышать было свободно, но отдавало сыростью. Когда он вышел наружу, то, как сказано было; *после двойного опроса могильных узников* он стал закладывать мину. Пока он закладывал мину, он слышал, как *там молились* ² и разговаривали. По-видимому, у Виталии или у кого-нибудь из других лиц существовали сомнения насчет прочности замуровки первой мины; поэтому для заделки этой мины были сделаны особые, исключительные приготовления, вполне обеспечивавшие заделку и исключавшие всякую возможность выхода. Быть может, это — плод предусмотрительности и решимости несчастных *второй группы*; но вероятнее, что это было делом Виталии, как мы заключаем о том из некоторых психологических соображений. В описанных *сенцах* мины Ковалев нашел большой, тяжелый камень и массу мелкого камня и свежей глины. С немалым трудом

¹ Какие ужасы! Мать присутствует при закапывании сына и внучки! Какова *подготовительная психология*, какой ужас в этих «молитвах, с которыми» и т. д. совершались все эти ужасы. Черная месса. В. Р-в.

² Кому молились — Тот и закопал: ведь закапывание — «по молитве», «во славу Божию», «по слову Божию»... Очевидно!!! Люди тут совершенно *ни при чем*, только жертвы, и, напр., этот закапывавший Ковалев не меньше жертва, чем его жена и дети, которых он закопал. Неужели это надо доказывать? В. Р-в.

Ковалев, по указанию Виталии, вдвинул большой камень во второе горлышко мины; после чего оставалась незначительная работа — положить остальные камни. Заваливши камнями плотно отверстие, Ковалев, *еще раз опросивши заключенных*, стал забивать промежутки между камнями сырой глиной. Делал он это, как говорит, с той целью, чтобы *дух не выходил* оттуда и чтобы впоследствии по запаху никто не мог узнать, что здесь погребены люди. Затем заложены были сенцы и, наконец, заложены были землей и утрамбованы наружная шейка мины и наружное выходное отверстие. Рассказавши изложенные сейчас подробности, Ковалев заметил, что из первой мины (в усадьбе Фомина) возможно было бы высвободиться, если бы того пожелали заключенные, но из этой мины выход был невозможен.

Смерть лиц, заключенных в эту мину, была одной из самых мучительных. После заделки отверстия мины жизнь заключенных могла продолжаться от 1—3 часов. В первой мине (в усадьбе Фомина) кирпичная стенка погреба, составлявшая вместе с тем одну из стен мины, еще допускала некоторую возможность вентиляции чрез свои поры: здесь входное отверстие было не только заложено, но и законопачено глиной, и всякий обмен газов был невозможен — в силу этого явления задушения должны были наступить быстрее и резче. Картина, которую представляли открытые трупы, была наиболее поразительной и ужасной в сравнении со всеми другими смертями этого рода в терновских хуторах. Описания врачей и других очевидцев, с которыми мы по этому предмету беседовали, полны потрясающих подробностей. *Все трупы этой ямы составляли одну общую кучу, в которой человеческие тела были сплетены самым беспорядочным образом, согнутые, скорченные, одни на других* ¹.

Труп Сухова найден в полусидячей позе, с расставленными ногами и наклоненной головой и туловищем; у ног его лежал труп его жены, головой к нему, а трупы детей лежали на трупе матери, прислонившись к отцу. Очевидно, что среди быстро наступившего задушения могильные узники беспомощно ползали и метались, и жались к родителям, ища помощи в тяжких муках. Ни в этой могиле, ни в первой мине не найдено было ни одного трупа со спокойной позой, какая обыкновенно свойственна людям, умирающим от болезней естественной смертью. Напротив, все трупы до единого были в таких позах, которые свидетельствуют о предсмертных мучениях и судорогах — что и естественно при насильственной смерти совершенно здоровых людей.

Все трупы этой мины, как и трупы, найденные в первой мине, одеты были *в манатейках и кожаных поясах с четками в руках* ². Сверх того на мужчинах были круглые шапки, а на женщинах так называемые *апо-стольники* ³. Все были без обуви.

¹ Царство ужасов. В. Р-в.

² Монашеский мундир. Неужели апологеты еще будут говорить, что они «сами закопались», «сами виноваты»? В. Р-в.

³ Ну вот: все свидетели налицо. В. Р-в.

Что касается душевного состояния этой группы заживо погребенных, о нем можем сказать только немного. Наиболее симпатичным является Павлов, муж Настасьи, 26 лет. Как можно заключить из слов Настасьи, ее муж Иов был мягкого, доброго характера. Поддавшись общему течению, он долго *уговаривал жену следовать за ним* и, когда та не склонилась на его слова и просьбы, он вечером, в роковой день 26 декабря, *взял с собой единственную дочь Александру и ушел с нею*. Знала ли жена, куда ее зовет муж и куда он ушел, взявши крошечного ребенка? По этому вопросу мы имели разговор с вдовой Павлова — Настасьей, молодой женщиной лет 20-ти. Разговор приблизительно состоял в следующем. Настасья с грудным ребенком на руках, который родился уже после смерти мужа, на предложенный вопрос — «жалее ли об умерших муже и ребенке» рассказала, что не может забыть о них, что она просила и умаливала мужа не идти *туда*, но муж, в свою очередь, просил, умолял и требовал, чтобы она следовала за ним. По этому поводу между супругами происходили долгие, часто горячие разговоры, в результате которых каждая сторона осталась при своем. В тот вечер, как муж с девочкой ушел *«неизвестно куда»*, Настасья ушла к своей матери. На вопрос, куда муж звал ее, она отвечала: «Не говорил *куда*, сказал только: «Пойдем *со мной*, там узнаешь». Между супругами были также горячие разговоры о их дочери, и Павлов *тайком взял дочь и ушел*. На вопрос, прощался ли муж с ней, уходя,— она отвечала: «*Вестимо, прощался, как не прощался*».

— Но так ли прощался, как прощаются перед смертью? — Настасья отвечала, что она «не знала, что муж идет на смерть».

— Да он-то знал, что прощается в последний раз, и, должно быть, прощался, как перед смертью.

Настасья на это отвечала только грустной улыбкой.

Из рассказа Ковалева видно, что в ту пору, когда Павлов со своим двухлетним ребенком на руках входил в яму, он вспомнил о жене и произнес слова: «*Эх, мне-то трудно, а ей — женское дело — и того труднее*».

Для нас осталось неясным, под чьим непосредственным влиянием молодой Павлов решился закопать. По всей вероятности, это произошло при посредстве семейства Суховых, которые закопались в этой же яме.

Остается не вполне ясным, что собственно спасло Настасью и как случилось, что она не последовала за мужем, так как Павлов пред тем, как уйти, раздарил свое имущество. Быть может, беременность Павловой и ожидание близкого разрешения послужили мотивом спасения ее ¹.

¹ Не удвоенное ли чувство в себе жизни, своей личной + потомства в ней? «*Семя женщины сотрет главу Змия*», т. е. «Дьявол будет побежден влечением к деторождению». Иконы, молитвы, пение, вериги, посты — все и постоянно *умалило* жизнь в тех, других закопавшихся: огонек в них уже теплится и колебался — и погасить его вовсе не было трудно, *хотелось* им самим его погасить, ибо жить было трудно. Уже при жизни эти люди

Старуха Сухова, постоянная жительница скита, по всей вероятности, *уговорила как свою невестку, Прасковью Сухову, так и своего сына Матвея — закопаться.* Об этом с большой вероятностью можно судить по тому, что *старуха Сухова вместе с Виталией присутствовала при рытье могилы и при ее заделке.*

Большую психологическую важность имеет вопрос о том, знала ли вторая партия закопавшихся, что они — *уже не первые*, что раньше их закопались другие. На этот вопрос можно дать положительный ответ, что *это им было неизвестно.* Виталия и ее демонические сотрудницы держали все дело в большой тайне, и Виталия религиозными угрозами и клятвами взяла слово с Ковалева никому не говорить о том, чему он был свидетелем. Ковалев держал данное ей обещание, и, как показало затем следствие, от него трудно было добиться истины из-за его сдержанности. Но здесь, в торжественную и страшную минуту, участником которой он был, из уст его вырвалось невольное признание. Когда большой камень уложен был им в горло мины и через минуту Ковалеву предстояло проститься с теми, кого уже навсегда этот камень отделял от людей, Ковалев торжественно сказал: *«Прощайте, кланяйтесь там нашим, поклонитесь Анюте»*¹. И только теперь, из обмена несколькими словами, оказалось, что *вторая партия* ничего не знала *о первой.* Тогда Ковалев кратко передал весть о *деяти закопанных.* Эта передача не казалась Ковалеву нарушением тайны, так как переход его собеседников в иной мир был делом бесповоротно решенным, почти уже совершившимся.

О том, что пятнадцать человек закопались живьем,— никто не знал за пределами терновских хуторов, но и в терновских хуторах страшная тайна хранилась строго, и вторая партия жертв шла в могилу, не зная о первой. Тайна была известна немногим и до поры до времени не была никем разглашена. Тем не менее местные власти нашли необходимым 5-го февраля подвергнуть аресту Виталию и с ней шесть других лиц. Арест был вызван тем обстоятельством, что эти лица во время народной переписи отказались дать о себе сведения; в силу этого они привлекались к ответственности за *беспаспортность* и были подвергнуты предварительному аресту. Поведение арестованных уже с первой минуты было необычно и невольно наводило на серьезные подозрения.

При первом допросе арестованные обнаружили явные признаки значительного возбужденного состояния. Они, в особенности женщины, употребляли столь резкий, страстный тон речей, такой вызывающий образ действий, что обстоятельство это не могло не обратить на себя

полузадыхались; и задохлись в «яме». Но беременность — это новое свежее пламя, зажженный вновь костер дров: утробный младенец еще не постился и не молился, и всем бытием своим кричал: «Хочу жить!» И этот свой инстинкт передал матери. В. Р-в.

¹ В этих конкретных мелочах — какая вера в *загробную жизнь!* Поистине *осязали* ее. От того и умерли, что уже при жизни точно дотронулись до И. Христа, и как бы магнетическим током Он передал им всю силу Существа Своего, и они ушли к Нему «в яму» (в Голгофу). В. Р-в.

внимание. Возбужденное состояние в особенности наглядно проявилось в том, что женщины завели спор между собой, и одна из них, именно Авдотья Ковалева, по самому незначительному поводу в резких и страстных формах сделала замечание Виталии, хотя поведение последней нисколько не оправдывало такого несдержанного отношения к ней. Поведение арестованных в тюрьме продолжало быть еще в более резкой степени таким же загадочным, каким оно показалось вначале. По наблюдению начальника тюремного замка, заключенные вели себя настолько странно, что положительно *вселяли подозрение в приготовлении себя к смерти*. Такое их поведение, главным образом, выражалось в том, что все они отказались от пищи и питья, и с 5-го по 9-е число февраля никто из них абсолютно ничего не ел и капли воды не пил, говоря, что *кормить их не обязаны ни правительство, ни частные лица и что по своим религиозным убеждениям они могут принимать только ту пищу, которую сами зарабатывают личным честным трудом, и поэтому они и впредь не будут ни пить, ни есть*¹. Первый день заключения в тюрьме все они *непрерывно молились, произнося шепотом какие-то молитвы, стоя большей частью на коленях*, и, дойдя до изнурения, легли и уснули. На другой и в остальные дни они постепенно все меньше и меньше молились, очевидно вследствие чрезмерного физического изнурения, дошедшего до того, что все они едва могли стоять на ногах, причем две женщины и старик, не будучи более в силах стоять, опустились на пол. С этим стариком случилось следующее обстоятельство. Когда по распоряжению тюремного начальства заключенным предложены были фрукты — кажется, апельсины, — то старик, мучимый жаждой, схватил апельсин так быстро и так жадно съел, что его не могли остановить и удержать товарищи — сектанты. После этого они начали осыпать его угрозами и снова проявили большую возбужденность. Ввиду этого тюремное начальство распорядилось переодеть их в арестантскую форму. Переодетые в казенное белье и арестантскую одежду, они настойчиво просили начальника тюрьмы выдать им в камеру *посмертную их одежду*², отобранную у них вместе с прочими их собственными вещами; когда же им в этом было отказано, они умоляли начальника тюрьмы, чтобы, в случае их смерти в тюрьме, они *были похоронены не в казенном белье, а в их собственном одеянии, приготовленном ими исключительно для облачения после смерти*³. 9-го февраля они обрати-

¹ Удивительная *житийская* добросовестность! С *такими* людьми, кажется, можно бы начать строить и Политех («Республику») Платона, и «Civitas Dei» бл. Августина, и «Civitas Solis» Кампанеллы, и «Небесный Иерусалим» творца Апокалипсиса. Это суть граждане всемирных идеальных построений. Но на горьких солончаках нашей истории они нашли «гражданство» только в «яме» (могиле). В. Р-в.

² Священное убранство Православия — то же, что высокие шапки парфянских царей, «белая повязка» на голове у Диоклетиана или митры — на архiereях. Бедные демократы, не цари, не первосвященники: они берут только рубашку и порты в гроб, о котором всю жизнь думали, от которого некуда было отвернуться; и в конце концов они полюбили эту точку своего единственного созерцания. В. Р-в.

³ Конечно, мундир! То же, что «риза» для священников, «Владимир» для сановников: знаки «отличия» для сих более счастливых чинов нашей империи. В. Р-в.

лись к начальнику тюрьмы с просьбой раздать всю их одежду, *кроме помертного одеяния*, заключенным в тюрьме, так как они уже, кроме помертной одежды, ни в чем больше не нуждаются. Ввиду их решимости умереть в тюрьме с голоду, эти сектанты 9-го февраля, по распоряжению товарища прокурора ¹ окружного суда, были из тюрьмы освобождены и отданы под домашний арест в дом той самой Александры Ковалевой, у которой они были задержаны.

Болез желателен был перевод всех арестованных в психиатрическую лечебницу на испытание и лечение, ввиду того, что отказ от пищи и попытка на самоубийство вообще требуют помещения в лечебницу. Без сомнения, в лечебном заведении той или иной категории жизнь арестантов была бы сохранена, возбужденное состояние их было бы успокоено, и они могли бы дать показания врачам и следователям при больничной обстановке. Эти показания, вероятно, послужили бы высокоценным материалом для разъяснения беспримерных бытовых явлений русской жизни. Но теперь, со смертью Виталии и Поли, ключ к разъяснению этих явлений безвозвратно потерян. Об этом можно скорбеть тою скорбью, какую испытал бы историк, если бы был утрачен какой-нибудь ценный пергамент, какой-нибудь нескрытый документ, какой-нибудь *unicum* ². Таковыми именно являются погибшие сектанты. Но прежде всего и более всего нельзя не горевать о том, что люди больные и ненормальные, требовавшие опеки и попечений, были лишены ее и отданы под надзор полиции ³. Вполне естественным последствием этого явилось то обстоятельство, что все эти люди погибли насильственной смертью. Искусство и меры полиции бессильны были охранить жизнь там, где для этого требуются искусство и попечение врачебное.

* * *

Дальнейшее течение событий было следующее. После первых закарпываний, 23-го и 27-го декабря, наступила пауза, прошел благополучно месяц без новых жертв. Несмотря на проповедь Виталии, новые жертвы не являлись так скоро, как первые жертвы. Из рассказа старика Я. Я. оказывается, что проповедь Виталии и Поли Младшей не слабела, но результаты ее ограничивались тем, что являлись лица, готовые *запоститься*, но уже не было, по-видимому, желающих подвергнуть себя такому страшному способу самоубийства, как закарпывание живьем. В течение января месяца в скиту и у некоторых

¹ Вот у кого нашли «милость и жертву»... Ну, а попки? Кушали суп с грибочком и спасали «душеньку». В. Р-в.

² Действительно! Глубокое и прекрасное рассуждение. Сквозь медицинскую узость врача, который везде ищет *патологии*, видно, однако, золотое сердце. Ну, а попки? Духовное ведомство, миссионеры? Топтались на своих «требах» и жалованье. В. Р-в.

³ Сектанты и старообрядцы всегда предпочитали иметь дело даже с полициею, чем с церковью,— находя в первой более понимания и человечности. «Возьмут взятку — и только». Духовные же власти и чины тоже от «взятки» не откажутся: но затем, все выбрав, имущественное,— придут и за «душою» и упрячут в ту же земляную яму, каковыми в XVII и XVIII вв. были знаменитые монастырские «места заключения для грешников». В. Р-в.

лиц вне скита *самоистязание* ограничивалось *скудной диетой*. Жильцы скита получали мало пищи и меньше обыкновенного кваса, но никого не лишали питания совсем. Виталия лишь предлагала чрез Полю Младшую и других лиц своего штата советы есть хлеб и квас или только квас и яблоки, и, согласно заявлению жильца, отпускалась соответственная порция. С возвращением Виталии из-под ареста в положении дел происходит заметное ухудшение. Некоторым жильцам скита в некоторые дни совсем переставали давать порцию¹, другим уменьшали и начали предьявлять более строгие требования режима. Когда в начале февраля произведены были аресты за беспаспортность, то некоторые из беспаспортных и уклонившихся от записи не были арестованы или, как говорит Федор Ковалев, были *забракованы* из-за своей дряхлости или болезни, как, например, Поля Старшая и, если нам не изменяет память, Виктория и Сухова. Хотя эти три старухи не были арестованы, но они находились в крайнем нервном возбуждении и беспокойстве: они неотступно просили Ковалева: «Найди нам место и закопай нас». В таком же состоянии находилась и девица Авдотья Ковалева (сестра Федора). Она возвратилась из-под ареста в состоянии крайнего изнеможения вследствие того, что, находясь под арестом, она оставалась безусловно без пищи и питья и даже не утоляла своей жажды снегом, как делали ее другие товарищи по аресту; она не могла ходить, шаталась и падала в обморок, как только вставала. Она проводила свое время молча, в сидячем положении, согнувшись и прислонившись, и безропотно страдала; ее вид возбуждал безграничную жалость, как можно заключить из рассказов Ковалева.

¹ Просто пост — вечно *растущий*: вот и все, и *суть* этого «запачивания». Мы, официальные, холодненькие, — взяли веру в *статическом* ее очерке, и «спасаемся», исполняя «форму», схему; а те, которых обзывают «фанатиками», имея нашу же веру, догму, символ и проч., взяли эту веру со стороны *динамической* как вечный *прогресс* души и *усилие* воли. «Царство Небесное подобно *зерну горчишному*, из которого *вырастает* дерево», оно «подобно *закваске*, которую женщина кладет в меру муки: и всходит все», — эти слова Иисуса, очевидно, зовут к динамической, а не статической вере. Вот в Терновских плавнях мука и взошла «вся», и «*выросло* дерево из горчишного зерна». Возвращаемся к «посту»: очевидно, *нормальная* церковь, закономерная и здоровая, должна дать нормы святого, здорового, между прочим и во вкушении пищи. Она должна показать *идеалы* святости и здесь: как? — *трунейший* вопрос! До того мы привыкли к *святым* «минусам», недоеданиям, недосыпаниям. Все дело должно, очевидно, начаться с представлений *Рая* и также Небесного Иерусалима. По-видимому, кругом года должно быть установлено не *позволительное* (яблоки с 17-го августа), а *обязательное* вкушение «первинок»: первых (каждого сорта) поспевших плодов, первой зелени, первых ягод, садовых, лесных. Равным образом должны быть установлены праздники: первых сборов — хлеба, картофеля, капусты. Эти сборы и вкушения должны быть «церковны» — совершаемы в храме и при участии и молитвах священника. Вместо теперешнего «великопостного» и проч. богослужения могут быть установлены богослужения осеннее, летнее, зимнее, весеннее. Летосчисление нужно восстановить от сотворения мира. Праздники должны быть не «двунадесятые» и проч., вообще без-народные и только клерикальные, их эгоистические, а *трудо*вые и радующиеся. «Первый день *хлебов*», «первый день колокольчиков» (полевые цветы), «день первого жаворонка» (первая его песня в городе, в деревне). И, словом:

С природою одною он жизнью дышал,
Листов разумел прозябанье...

это-то вот и нужно ввести в религию, на место их *сословного* молитвословия. В. Р-в.

Как только арестованные возвратились из тюрьмы, три старушки, оставшиеся дома («забракованные»), т. е. Сухова, Поля Старшая и Виктория Рассейская, стали усиленно просить Ковалева (как уже мы упоминали) закопать их. Они невыразимо тревожились, были в непрерывном страхе и постоянно говорили: «Нас заберут в острог и запишут». Успокоить их было невозможно, они не оставляли Федора Ковалева со своими умалениями — закопать их.

Здесь естественным является вопрос, откуда старушки узнали о закапываниях? Об этом им могла сказать старуха Сухова, которая была сама свидетельницей и участницей в закапывании всего семейства ее сына. Но вместе с тем, по словам Федора Ковалева, в это время уже повсюду, и в терновских хуторах и далеко за их пределами, как в колокола звонили, — рассказывали о совершившихся закапываниях, и в этом смысле посторонние люди предлагали жителям терновских хуторов пытливые вопросы. По мнению Федора Ковалева, тайна закапываний была разглашена *Таисией Рассейской*, так как Таисия была очень неосторожна и невоздержанна в речах. Таисия же, как было уже нами сказано, была свидетельницей первого закапывания.

Живо переданный нам Федором Ковалевым разговор его со старушками нам удалось записать отчасти почти стенографически, отчасти по свежим воспоминаниям.

— Все три просили меня: — *«Найди для нас место, закопай нас, открой яму, где Назар»* (т. е. где был закопан Назар Фомин).

— Нельзя туда, где Назар: как вы будете лазить, топтаться по ним? И там негде сидеть, там нету места. Куда вы их уберете?

— Ну, сбоку выкопай другую мину.

Всю неделю старухи неотступно просили, но Ковалев все не соглашался. Но с возвращением Виталии из острога старушки снова окружили Ковалева своими просьбами.

— Скорей выпроваживай извощиков (т. е. извощиков, которые привезли арестованных — Виталию и других — из тюрьмы).

— Выпроваживай извощиков и шукай¹ для нас место, вези нас в скалу²; там темно в пещере, там в пустоте мы умрем.

— Но вы кашляете, не удержитесь от кашля, и вас сейчас найдут.

Наутро старухи снова стали просить Ковалева все о том же. Тут к ним присоединилась и Виталия. Она сказала:

— Сотвори ты *милость*, сотвори *любовь*³, что ты за каменный: они *схимницы* и кланяются тебе, недостойному, в ноги.

¹ «Шукай», т. е. «ищи», — местное выражение. *Примечание проф. Сикорского.*

² Известные каменоломни недалеко от хуторов. *Примечание проф. Сикорского.*

³ Ужасно! Все из «милости» и «любви» в «религии милости и любви». Поистине сказал смеющийся о них: «Они будут смотреть и не увидят, будут слышать и не услышат». Все заморожено, загнипнотизировано небесною ворожбой; и несчастные, в таких ужасах ползущие, все уверены по-прежнему, что они веруют в «умершего за грехи наши» и исповедуют «религию любви», принесенную им на землю!.. В. Р.-в.

Ковалев, уже чувствовавший великую тяжесть на душе от первых закапываний, старался, по возможности, отклонить от себя новую тяжелую миссию.

— Матушка,— говорил он Виталии,— теперь уже нету переписи, как бы греха не было?

Но Виталия и Поля Младшая на это страстно воскликнули: — «Господи! спроси грех ¹ на нас».

— Ну, благословите,— сказал после этого Ковалев Виталии. «Пойду». И решил идти в усадьбу Горзина (в версте от усадьбы Ковалевых). В это время во всей усадьбе не было других лиц, кроме самой Горзиной, так что, по соображениям Ковалева, в этой усадьбе можно было рассчитывать провести несколько часов, не рискуя встретить свидетелей.

В 8-м часу вечера, когда едва начинало темнеть, 12-го февраля, Ковалев вместе с тремя старухами и Виталией направился в усадьбу Горзина. В это время ему случилось проходить мимо сестры Авдотьи, которая сидела с поникшей головой. Она, не подымая головы, дернула Федора за платье и тихо, еле слышным голосом, сказала:

— Копай на *четырёх*.

— Что ты, сестра! да ты совсем слабая, и без того сейчас помрешь.

Авдотья стала плакать.

— *Для чужих стараешься*,— сказала она,— *а для сестры не хочешь*.

Виталия вмешалась в дело и сказала:

— Греха нет, *копай и для нее*.

Все отправились в усадьбу Горзина. Виталия шла впереди с тремя старушками: Суховой, Полей Старшей и Викторией Рассейской; за ними шел Ковалев. А Авдотья Ковалева с трудом двигалась и постоянно отставала, так как была крайне слаба. Пришли на место.

Уже раньше Ковалев, обдумывая место, где можно бы закопать, не находил таких укромных углов в усадьбе Горзина, где можно было бы вывести мину вроде первых двух; и объяснил своим спутницам, что их можно закопать только в простой яме, если они на это согласны. Те на все соглашались.

Когда место было выбрано, Ковалев начал копать яму, а «они пятеро», говорит Ковалев, «сидели тут же рядом». Авдотья, еле живая, безжизненная, сидела и смотрела тупо, безучастно, как брат размерил место и начал работу. Ковалев отмерил в ширину столько места, «как на двух», и стал копать вглубь, постепенно расширяя могилу. Приготовление ямы потребовало около 6-ти часов времени, и только за полночь

¹ Совершенно *тон* финикийского благочестия, когда они приносили детей своих в жертву Молоху: кроткий, тихий, покорный! «Спроси грех на нас» — это значило: «Не вмени ему, Господи, грех тот, что он отказывается или медлит закапывать в землю живых людей: прости ему это. Но как Ты захочешь же взыскать это с кого-нибудь, то взыщи лучше с нас»: Поразительно, до чего здесь Бог представляется, как и всем христианам, неумолимым, жестоким, беспощадным; не умеющим прощать не только *ошибки*, но даже и *обмолвки*; и в то же время, комическим образом, он именуется «Милостивцем», «Спасом». В. Р.-в.

могила была готова. Она представляла собой обыкновенную могилу, какую роют для покойников, с тою разницей, что сверху она была «вроде как на двух», а внизу «как на четырех». Такую форму Ковалев придал могиле с тою целью, чтобы облегчить себе труд выемки земли. Глубина могилы была почти в рост его самого. Когда могила была готова, *они переоделись в смертные платья*¹. После этого Ковалев, стоя в могиле, принял сестру, как ребенка, на руки и спустил ее в могилу, так как она была крайне слаба, чтобы сойти самой. После этого Ковалев вылез из ямы и, подавая руку остальным, помогал им спрыгнуть вниз. Все четверо улеглись на бок, рядышком, плотно прижавшись одна к другой. Ковалев немедленно стал засыпать яму землей. По его словам, он кидал землю на ноги и затем на туловище лежавших в могиле; и, по временам приостанавливаясь, слышал, как они шептались между собой: «*Прости, прости*». Ковалев избегал бросать землю на лицо и на тело, чтобы не причинять ударов, и направлял комки бросаемой земли по стенкам могилы, от которых земля отражалась, разбиваясь в мелкие комья². Прежде чем забросить землей голову и лицо, он приостановился и стал слушать, не слышно ли разговора и не пожелают ли встать из могилы; но к удивлению заметил, что уже не слышно ни разговора, ни движения³. Тогда он быстро бросил несколько полных лопат земли, которая закрыла головы. После этого Виталия велела ему утаптывать землю; и он, потоптавшись в могиле, начинал снова забрасывать ее землей, снова топтался, снова бросал землю, пока не дошел до уровня почвы. Остальная земля была разбросана им и Виталией, и все сровнено с землей. После этого он и Виталия направились в ковалевскую усадьбу и вернулись туда уже на рассвете, после четырех часов пополудни.

Смерть четырех заживо засыпанных землей лиц должна была произойти быстро и наступила непосредственно вслед за прикрытием лица землей. О быстрой смерти свидетельствует вид трупов, в каком они

¹ Все это же «смертное платье», везде этот мундир православия.— «В каком вы министерстве служите?» — «О чем вы спрашиваете: *взгляните на мундир мой!*» У евреев, в ветхозаветной религии, «мундиром» служит *талес*, кусок шелковой полосатой материи: в нем они совершают ежедневно свои молитвы (накидывая на голову так, что края спускаются до земли), в него его тело будет обернуто перед тем, как положить его в могилу. Но что это такое? *Невестин подарок!* Невеста перед замужеством дарит жениху-мужу талес! Итак, каждая молитва еврея идет к Богу как бы через призму жены его, и даже вот невестиных ожиданий, радостей, сомнений, молитв; *через женин дух* или, еще точнее — *через женину плоть и дух*. У нас, в Православии, в «безбрачии», в «девстве», этом смертном девоскопчестве, которое ничего не помнит о земле и отвращается от земли, молитвы и могли пойти только через призму «смертной рубашечки», вуд этого «савана». «Всю жизнь *погребаемся*», «сопогребаемся *Христу*», всю жизнь тьем *саван*, в который оденемса по смерти». Ужасно! ужасная мысль, ужасное чувство! Вот откуда и *родился* монастырь, этот как бы *коллективный саван* над бытием человеческим, земным. В. Р.-в.

² Какая деликатная осторожность! Какая везде подлинная любовь у этих прекраснейших людей, которые могли бы жить, цвести, благоухать такою прекрасною жизнью! В. Р.-в.

³ Удивительно. Это они притаились в сладком ожидании: «Сейчас увидим Христа и Бога нашего» (умрем и увидим). Раз *вся жизнь* вытянулась по направлению к сей «жемчужине, которую увидев купец продает весь свой товар, чтобы купить ее одну» (слова Иисуса в Евангелии о Своем Царстве), то естественным заключением такой *одно-мысленной* жизни и такого страстного *ожидания-желания* — будет, конечно, самокапынение, самосожжение, самоутопление. В. Р.-в.

выкопаны из земли, именно: сильно выпученные глаза, опухший высу-
нутый язык, синий цвет лица ¹ и проч. Этих признаков не было на трупах
из первых двух мин, где смерть происходила гораздо медленнее.

* * *

С возвращением Виталии и других из-под ареста 9 февраля нравственная атмосфера в терновских хуторах существенно переменялась, и это ясно сказалось при закапывании третьей группы сектантов — что произошло 12-го февраля. И настроение лиц, которые шли на смерть, и обстановка смерти резко отличались от того, что мы видим при первых двух закапываниях (23 и 27 декабря). Протекшие с того времени полтора месяца произвели перемену в общем настроении сектантов и, по всей вероятности, и во взглядах их на события. Можно сказать, что уже заметна была и сказалась глубокая реакция против отвратительных человекоубийственных действий, которые были внушены мирному населению хуторов кружком фанатических затворниц. Федор Ковалев, беспрекословно зарывавший первую и вторую группы и чувствовавший себя при этом как человек, совершающий священнодействие ², — теперь согласился на зарытие третьей группы только после продолжительных просьб зарывавшихся старушек, после неотступных настаиваний их и после особых просьб самой Виталии, которая притом должна была дать, по его требованию, торжественное заявление, что она берет на себя грех этого дела. В самом скиту только один человек, слабый старик, согласно требованию Виталии запостился по выходе из тюрьмы, но все другие не отказывались вполне от еды и принимали пищу, хотя в ограниченном количестве, но в правильные промежутки. Из лиц, живших вне скита, т. е. из мирян, только Авдотья Ковалева оставалась абсолютно без еды, все же другие принимали пищу. Не остается сомнения, что наклонность к самоистреблению значительно ослабела, и даже на заморение себя голодом почти не находилось желающих. Сам Федор Ковалев не только возлагал ответственность за закапывание на Виталию, но и пытался возражать ей, высказывая суждение: «*Матушка, нынче уже нету переписи, как бы греха не было*». Само закапывание трех старушек и с ними Авдотьи Ковалевой носит совершенно иной характер, чем первые два

¹ С «выпученными глазами, опухшим, высунутым языком и синим лицом» пришли эти «девы» на «тот Свет», к «Полуночному Небесному Жениху». Чего же еще они ожидали на земле? Встречи! И вот вышел Иисус, отворил перед ними, четырьмя кроткими старушками, Райские Двери... И проходят мимо Иисуса, обещавшего «и лозы надломленной не переломить», — эти синие девы с высунутыми языками и вытарашенными глазами в Рай Христианский как его *правые отныне* жители, как купившие место в нем дорогою ценою. Входят... А оттуда идут им навстречу «мученики» первых веков, все эти изжаренные и сваренные, с содранною кожей. Если бы был живописец, который это представил!!! Вот зрелище *небесной и земной* (в терновских хуторах) половины христианства. В. Р.-в.

² Вот! «*Священнодействие...*» При чем тут «фанатизм», при чем «затворницы»... Все выросло из *одного зерна*: идеи христианской жертвы. «Он (Ковалев) — жертвоприносите-
ль; мы (закопавшиеся) — свхаристия. «Христос умер за нас, мы умираем за Христа». Там — жертва Небес за род человеческий; здесь — восторженная ответная жертва человекoв Небу. В. Р.-в.

закапывания. Там не было страха, там был экстаз, люди находились *в умилении*¹, не были лишены способности выражать свои чувства, беседовали, *молились, плакали, радовались*², были одушевлены чувствами возбуждающего характера. Здесь было противоположное душевное состояние. Три старушки и Авдотья Ковалева находились под постоянными *гнетущими* чувствами: у них были *печаль и отчаяние*³, и это ясно сказалось в последнюю минуту, когда *они четверо* сидели тупо, молча несколько часов, пока на их глазах готовилась для них могила.

Не подлежит сомнению, что в Виталии начиналась реакция против того безумного фанатического дела, виновницей которого она стала. Уже резкое замечание, которое ей сделала Авдотья Ковалева в первый день ареста, когда она укоряла Виталию как бы в измене прежним ее убеждениям, показывает, что в ту пору Виталия уже сознавала необходимость отступления назад и, сообразно этому, изменяла тон своих речей и образ действий, — что и ввело Авдотью Ковалеву в заблуждение. Существенная перемена, которую мы видим в душевном состоянии и деятельности Виталии, состояла в том, что она начинает принимать меньшее участие в делах и, видимо, начинает испытывать страх. Она уже не заботится о новых делах, но, главным образом, думает о ликвидации старых и всего более заботится о сохранении в тайне того, что уже произошло. Она закликает Ковалева никому не выдавать тайны дела, в которые он посвящен, ни под каким видом не показывать мест, где произошли закапывания; она употребляет заклинания и религиозные угрозы за нарушение этой тайны. Страх и упадок духа Виталии в особенности заметен в том, что, как увидим ниже, она гораздо меньше руководила событиями и сама подчинилась их случайному течению: самое закапывание третьей группы является далеко не делом Виталии, а состоялось по естественному ходу вещей. Наконец, Виталия, как бы в противоположность тому, что проповедовала и чего требовала от других, начала втайне отступать на деле от своих собственных убеждений. *Требуя от всех поста*⁵, умеряя и уменьшая порции у скитников, сама

¹ Вот! В. Р-в.

² Вот, вот! Чего проф. Сикорский ищет *медицинских* причин: были, единственно *религиозные* причины, концепция «Земля и Неба» в Православии, но взятая не *логически* как форма и формальность, а *динамически* — как *вечный идеал*! Кстати, эта история, описанная проф. Сикорским, дает разъяснение и смерти Гоголя — «заповившегося» и отнюдь не перешедшего из Православия в каую-нибудь секту, — *улыбнулись* с *оптинскими монахами-старцами, имевшего* духовником священника-монаха, полу-«святого» о Матвея Ржевского. В Р-в.

³ Сбивчивость в понимании проф. Сикорским всего дела. *жили* они все печально, и первые две группы, но только *восторженно умерли*. Чувства *гнетущие, печаль, страх, отчаяние* — все это было их жизненными спутниками! От *печали* они и решились толкнуться в гроб: но, в самый гроб входя, — *улыбнулись*. Нельзя же эту улыбку распространять на *колорит* прежней жизни. Впрочем, это ясно само собою. В Р-в.

⁴ Они были все *старушки* уже, молчальницы, «затворницы» Их молчание нельзя принять за «отчаяние», с которым якобы они решились на смерть. См. выше у самого проф. Сикорского, как они *просили* у Федора Ковалева закопать их. В Р-в.

⁵ Пост — начало самомурения, самозакапываний, самосожжений и проч. Религия, где есть *посты* как *идеалы жизни*, непременно где-нибудь выразит и в *идеальном самоубийстве*. Все само собой! Все от *зерна!* Кто подносит горящую спичку к стене дома, уже не может

она, по-видимому, употребляла пищу *не в самых* скудных размерах, судя по тому, что ее труп найден не очень исхудалым, а в ее желудке и кишках при вскрытии найдены остатки пищи, тогда как у других лиц, вместе с нею закопавшихся, в желудках не найдено никаких остатков пищи.

По-видимому, главным условием, поколебавшим веру и фанатизм Виталии, была начавшаяся реакция против самоистребления; но еще большее влияние произвел начинавшийся общественный суд, сказавшийся в стоустой молве. В народе ¹ слышались проклятия и ужас против закапываний, о которых, как говорил Ковалев, повсюду рассказывали — как в колокола звонили. Еще не было раскрыто дело, еще не были найдены могилы, но общий говор о страшных терновских событиях уже стоял в воздухе, и виновница этих событий уже чувствовала на себе всю тяжесть *приговора народной* совести. Упадок духа Виталии очевиден, и ее самоубийство является событием, вытекавшим из страха и отчаяния. Это вовсе не был торжественный акт, каким было первое закапывание, это было суетливое бегство растерянной души с лица земли ².

События между 12-м и 28-м февраля, т. е. от времени закапывания третьей группы до закапывания Виталии, носят на себе характеристический отпечаток случайности и отсутствия руководящего начала. Как можно заключить из рассказов Федора Ковалева и старика Я. Я., у Виталии не было определенного плана, и она *предписывала* только *пост*, но сама, как мы видели, не вполне строго следовала этому режиму. Состояние общего упадка духа и общего гнета овладело всеми. Но в особенности это состояние сказалось на старухе Ковалевой. Быть может, во всех терновских событиях *никто больше ее не пострадал душою* ³. Она потеряла все, что было ⁴ самого дорогого — свою наиболее даровитую

говорить: «Я только держал горящую спичку — она *маленькая*». Человек имеет *веру*, человек имеет *страсть*. Кто сказал ему: «Попостись немного — это *хорошо*», «угодно Богу», тот и «запустил», и «закопал в землю» или утопил и сжег всех этих благородных идеалистов! Словом, «великое учреждение поста», *в связи* со всеми прочими чертами веры, было и остается единственною причиною описываемого проф. Сикорским. Заметим, что ничего подобного нашим постам нет даже в католичестве, и соответственно этому у них «запавания» до смерти и не появились. В. Р-в.

¹ Реакция *здоровымислия, естества человеческого, всеобщего зоологического аппетита бытия*, что все так ненавидимо и презираемо «учителями церковными»; реакция *этнографии против навеянного* (из Византии, Галилеи). И в последнем слове — протест *язычества против христианства*. «Наш народ язычник,— сокрушенно качают головами миссионеры, проповедники, чиновники Духовного Ведомства,— по кабакам ходит, с девками любитя». «Еще не пришел в совершенство»... Вот этот «не пришедший в совершенство народ» и поднял кулаки против «пришедших в совершенство» терновских постников. В. Р-в.

² Гениально выражено. В. Р-в.

³ Ужасно читать! Чья душа не содрогнется и не заплачет? В тысячах духовных книг рассказывается, как в Сирии и Финикии на великих религиозных торжествах «люди отдавались блуду», «отдавались в экстазе». «Сие творилось в гнусно-языческих, *натуралистических* религиях». Авторам сих книг и статей следует продолжить рассказ и закончить: «Но мы поворотили все *назад, против естества и чувственности*. и на великих торжествах христианства, в минуты наибольшего экстаза и в *точках* наибольшего одушевления происходило вот что».. И рассказать далее историю, описываемую здесь. В. Р-в.

⁴ «Потерять все», потерять «ради Христа» — этому и учит Евангелие. Ковалева была купчихой, «продавшею все свои сокровища, чтобы купить жемчужину» земляной ямы, гроба. Ведь и великие наставники и руководители Церкви, оставляя все, «заклучались в земляной пещере», «в яме» же почти, о чем без числа повествуется в церковных книгах В. Р-в.

и наиболее мягкую и симпатичную дочь, Авдотью, потеряла горячо любимую невестку и двух внучат, потеряла в числе закопанных много других лиц, более или менее близких родных. Оставшиеся в живых не могли дать ей утешения в страшных потерях. Но в особенности она страдала при виде Федора Ковалева, который *из веселого семьянина, окруженного молодой жизнью, сделался полузатворником, полумонахом, перешел на жительство в скит и при свиданиях с матерью приводил ее в отчаяние своим тупым видом*¹ и страданиями, которые он начинал чувствовать и о которых первая узнала мать. Но более всего на старухе Ковалевой отражался гнет того факта, что она являлась главным ответственным лицом за все случившееся, как старшая в семье, как хозяйка дома, с согласия которой совершились все события; так как Виталия, хотя распоряжалась всем самовластно, обо всем, однако же, сообщала старухе Ковалевой, видимо, желая подкрепить себя ее авторитетом и ответственностью. «*Тетиньке*» — как называла Виталия старуху Ковалеву — обо всем докладывалось, на все испрашивался якобы ее совет. Самая решимость колебавшегося Федора Ковалева закопаться в первой группе состоялась, главным образом, под нравственным давлением матери. Таким образом, старуха Ковалева в своей душе носила всю тяжесть совершившихся событий. Нравственный гнет, который она испытывала, был тем более тяжел, что *вся ее жизнь прошла честно, добродетельно, в любви к людям и к своим близким, и ничто не предвещало ей такой страшной старости...*

Как можно судить по рассказам Федора Ковалева, душевное состояние его матери было чрезвычайно тяжелое, и это резко отразилось на ее внешних чертах. *Ее лицо потемнело, глаза ввали, черты лица опустились, и весь корпус ее согнулся вперед и вбок: она представляла самый жалкий вид*². Она стала молчаливой и проводила время в своем крошечном флигельке вблизи скита, где она постоянно находилась в обществе своего сына Дмитрия. Этого Дмитрия одни считали *полуумным*, другие называли его *глухонемым*. Он жил в передней того помещения, которое занимала Ковалева. Угол, в котором жил Дмитрий, представлял собой крошечное пространство без света, отделенное от остальной комнаты простой соломой, связанной в снопики. Помещение это ничем не отличалось от логовища животного. Здесь жил психически больной Дмитрий, и своим тупым и молчаливым видом не мог дать матери других впечатлений, кроме самых тягостных. Но старуха Ковалева не разлучалась с ним; и он был единственный близкий человек, так как Федор

¹ Это resumé, отсчитываемое медиком-наблюдателем, не вмешивающимся в религиозные и церковные споры, не разрешает ли множество таких споров *вернее и точнее*, чем всякие рассуждения и всякие исторические монографии? «Из веселого семьянина человек переходит на положение угрюмого одиночки», «молодая жизнь меркнет», «все увядает», «плоди затворяются друг от друга», «везде воцаряется тупой, понуры вид»: не это ли как бы тень от «затмения солнца», ползущая вокруг исповедников нового исповедания, двинувшихся в натуральное человечество Европы, Америки, Африки? В. Р-в.

² Вот, вот! И это resumé медика запишем в состав «знаков евангельских», «стигмат» церкви. В. Р-в.

в тоске, уже овладевшей им, избегал общества даже матери и проводил время в скиту.

Независимо от тяжелых нравственных чувств, которые переживала старуха Ковалева, ее сильно тревожила все расширявшаяся и росшая молва о закапываниях. Под влиянием этой молвы — быть может, и по другим соображениям — некоторые из чинов полиции предлагали Ковалевой не то требование, не то добрый житейский совет, чтобы она дала запись живущих у нее неизвестных лиц или хотя временно выпроводила бы их от себя, пока стихнет народный говор¹.

— Ты запиши их — «Галька», «Манька» или как угодно, — говорили советники, — и пусть себе живут, как жили раньше, — никто вас не тронет² (так рассказывает про это Федор Ковалев).

Сношения с властями, никогда раньше не пугавшие Ковалева³, как женщину всем известную и безукоризненную по своей репутации, — теперь ее уже сильно беспокоили ввиду возможности раскрытия страшной тайны, сохранение которой становилось изо дня в день все менее и менее вероятным.

С психологической точки зрения является трудно понятным факт, почему в это именно время Виталия все свое влияние сосредоточила на старухе Ковалевой и, оставивши без внимания других, остановилась именно на ней, запугивала ее и беспрерывно твердила: «Ты пропадешь без меня, тебя враг уловит хитростью». Эти и подобного рода выражения, по словам Федора Ковалева, постоянно слышались в беседах Виталии с его матерью. Судя по многим данным, собранным нами, необходимо заключить, что Виталия в это время уже имела в виду лишение себя жизни и всю силу своего характера употребляла на то, чтобы склонить старуху Ковалева на совместную с собою смерть; о других лицах Виталия заботилась меньше, но равным образом имела положительное намерение, как увидим ниже, вовлечь и их в мрачную драму общей

¹ Уже не так строга была полиция; и духовенство, «квивая на соседа» и указывая в придирах светского начальства повод к самозакапываниям, отводит глаза в сторону от тех старинных книжек в кожаных переплетах, которые само держит под мышкою. Без этих книг «поп — не поп» и «церкви нет». С ними они никак не расстанутся. С ними не расставались и сектанты. Дело-то все и лежит в этих книжках.. И пока они есть, попы есть, монастырь стоит, Церковь жива: до тех пор всюду, где они есть, человек уходит в землю по шиколки, по колена, по пояс, по грудь, плечи, горло, с маковкой... В терновских плаваниях дошло до «маковки», и люди закричали, народ завопил, начальство «обеспокоилось»; а попы, по обыкновению, уклончиво и предательски отошли в сторонку; но не «до маковки» везде в христианском мире самозакапываются. В. Р-в

² Классические слова... Так всегда говорит государство. В душу оно не лезет. Государство есть форма и требует, в сущности, всегда немногих формальностей... И не о нем явиться мысль: «это — Антихрист». «Антихрист» «невидимый», как и формулирует свое чувство народ, ходит за спиной у него; это тот «советник», угнездившийся ему в душу, который, перелезши через забор, хозяйничает в душевном обиходе человека. В. Р-в.

³ Замечательно! Попы, да и глупая пресса, так-таки и приписали терновские ужасы «требовательности начальства» и «испугу перед начальством»... Как будто могли хотя бы чего-нибудь испугаться люди с такою решимостью. Да, как оказывается, и не было вовсе этого испуга. Терновские самозакапывания — это влечение к идеалу, тоска по идеалу, а не бегство от чего-то. А идеал этот — идеал всей России, идеал народный и исторический, и кроме этого идеала — и нет другого у Церкви, да и нет вообще без него и самой Церкви. В. Р-в.

гибели. Мы называли раньше это стремление Виталии трудно понятным с психологической точки зрения, и оно в самом деле не перестает быть таким, несмотря на все усилия проникнуть в его смысл¹. По-видимому, эта психологическая загадка должна быть или может быть объяснена таким образом, что Виталия не хотела смерти, боялась ее и избегала: посылая других на смерть, в могильные ямы, сама она предполагала остаться в живых. Она смело истребляла людей, думая, что этим путем *спасает* их, хотя в то же время решительно не имела в виду применять к самой себе подобное средство спасения. Но, кажется, гораздо вероятнее, что, широко жертвуя человеческими жизнями, Виталия думала не столько о спасении людей, сколько о торжестве дела, которому служила и которому отдалась. Но, когда обстоятельства и неумолимая логика вещей стали изрекать свое грозное судное слово, когда реакция и ропот сказались в среде, прежде ей беспрекословно повиновавшейся, когда страх уголовной ответственности чуялся в воздухе,— Виталия пришла к мысли о неизбежности самоубийства и, ужасаясь самой мысли быть одной², она с решительностью и изобретательностью, свойственной ее характеру, составила план самоубийства, обставленный всем ореолом того положения, которым она пользовалась в скиту и в среде населения терновских хуторов. Это было одно из тех беспощадных и холодных решений, на которые способна была эта женщина, не чувствовавшая до поры до времени страха перед самыми страшными вещами.

Стремление Виталии во что бы то ни стало привлечь Ковалеву к самоубийству — не подлежит сомнению, судя по рассказам Федора Ковалева и старика Я. Я. Для этого она пользовалась всем и не упускала ни одного случая. Так, когда Ковалевой со стороны полиции дан был совет записать жильцов хоть вымышленными именами, то Виталия тотчас воспользовалась этим случаем, говоря, что *«враг хочет хитростью обойти ее, хитрым крючком захватит ее»*, и при этом добавила, что без нее Ковалева *«попадет в расставленные врагом сети»*, что ввиду этого должна жить и умереть вместе с нею. Состояние Ковалевой было таково, что, независимо от тяготившего над нею авторитета Виталии,

¹ Ничего нет «непонятного», если стоять на психологической, а не на *психиатрической* (специальность проф. Сикорского) точке зрения. С почетною старухою, которую Виталия *любила*, уважала и которая была для нее авторитетом («не токмо за страх, но и за совесть», она как настоящая хозяйка дела, хозяйка «веры и спасения», последнею сходит в могилу «убрав все хозяйство» (погребя других) «приведа в *чистоту* хранину» (смерть). Но остался же «сор» в избе, вот эта возможная слабость и колебания старухи Ковалевой. Нужно было подобрать все «дочиста» и закопать не только самой, но и с другою «хозяйкою», с почитаемым старшим авторитетом, хотя и пассивным. Так капитан судна, *настоящий*, последним сходит с него, когда уже на нем никого нет. Все переселились «в Царство Небесное»: и идет сзади, последняя, сама Виталия, идет с матерью — владельницею этих мест. Тут удивительно сочетались порыв веры с этим великорусским, старорусским укладом хозяйства, экономики, быта, дома «Схимницы» и вместе точно «Марфы Посадницы»... Какой бы матерьял для политической жизни! В. Р-в.

² Совершенно неосновательное рассуждение, чуждое какого-либо понимания психологии людей. Судит эмпирик и о всех «как бы сам поступил». Это слишком недостаточно и неисторично. В. Р-в.

к самоубийству ее могли побудить тоска и отчаяние, вызванные всем совершившимся, и готовый пример многих предшествовавших смертей. По-видимому, никто так долго не сопротивлялся мысли о самоубийстве, как старуха Ковалева. Это видно из того, что убеждения Виталии, склонявшей Ковалева, были многочисленны и продолжительны, как это видно из слов Ковалева. Ускорило развязку обстоятельство случайное, но и крайне характерное. Деятелем в заключительной фазе терновской драмы явился слабоумный Дмитрий Ковалев.

Как мы уже упоминали выше, о болезненном состоянии Ковалева существовали различные мнения: одни считали его глухонемым, другие полуумным. Хотя его называли глухонемым, однако же не подлежит сомнению, что он обладал слухом, ибо, по словам Федора, он по временам очень хорошо слышал. С другой стороны, Дмитрий Ковалев не был и немым, так как, хотя вообще он был молчалив и иногда по целым дням и неделям ничего не говорил, однако же по временам говорил очень ясно и отчетливо. Наконец, еще одной чертой, свойственной Дмитрию, была его крайняя возбужденность, наступавшая по временам и заставлявшая даже брать его на цепь. Тот, кто знаком с психическими болезнями, не затруднится на основании приведенных фактов распознать в Дмитрии Ковалева большого, страдающего *идиотизмом*. Больные этого рода мало или вовсе не говорят, вследствие слабости мыслительных процессов; но в лихорадочном жару, а также в возбужденном состоянии они вдруг начинают хорошо говорить и проявляют умственные способности, превышающие обычную, всedневную норму их ума. Таков был именно Дмитрий Ковалев, как в том мы убедились из расспросов о нем брата его Федора. Хотя Дмитрий Ковалев присутствовал при первом закапывании, но, по-видимому, потрясающая сцена не оставила на нем никакого впечатления. Равным образом на нем, казалось, не отразились и все другие события, свидетелем которых он был. Так как его присутствие обыкновенно никого не стесняло, то от него, как и от ребенка, не держали никаких секретов. Однако же исключительные события отразились и в его тупой голове, и вот однажды он, совершенно неожиданно для всех, произнес патетический монолог, который поразил мать, но в особенности поразил Федора. Дело состоялось в следующем. Дмитрий стал в позу и страстно заговорил:

— Мать, что ты все вот так, да так?

При этих словах Дмитрий не без искусства скопировал согнутую несчастную фигуру своей матери.

— Что ты журишься¹, — продолжал он, — плюнь на все, а там, — при этом он указал на небо, — там будет тебе хорошо.

Сцена эта произвела большое впечатление на старуху Ковалева. Она произвела также сильное впечатление и на Федора Ковалева и, быть может, заставила колебавшегося Федора взять на себя предстоящую

¹ Тревожишься — местное выражение. Примеч. проф. Сикорского.

ему страшную роль — *закопать мать*¹. До какой степени описанная сцена имела влияние на Федора Ковалева, можно заключить из того, что во время свидания нашего с Ковалевым 28-го июня Ковалев, ныне уже почти освободившийся от тумана, которым он был окутан, все еще выражал изумление перед описанной сценой с его братом, и даже до некоторой степени был того мнения — не говорил ли его брат *по внушению свыше*, и в этом смысле даже предложил нам вопрос. Но в ту пору, когда сама сцена произошла, Федор Ковалев принял ее за *небесное откровение*.

Виталия воспользовалась словами Дмитрия Ковалева и склонила старуху, его мать, умереть вместе с нею, еще раз подтвердивши: «Ты без меня пропадешь».

Каким образом склонены были к общей смерти другие участники, об этом мы не имеем сведений, но некоторые высоко интересные сообщения по этому вопросу получены нами от старика Я. Я. Это прежде всего касается вопроса о способе самоубийства.

По-видимому, Виталия страшилась всех других видов смерти², кроме медленной смерти от голода. По освобождении ее из-под ареста 9-го февраля она, кажется, остановилась на мысли о лишении жизни путем голодания. В этом направлении дело и поведено было первоначально. По словам старика Я. Я., порции обитателей скита были значительно сокращены, а тем, кто изъявлял на то согласие, вовсе не давались ни пища, ни питье, как, например, старику, который был в числе арестованных и по выходе из тюрьмы не принимал пищи и скоро умер. Но, по-видимому, голодание было слишком тяжело для Виталии, и хотя она привыкла к постной и умеренной пище, но полный отказ от пищи и медленная смерть от голода были для нее нестерпимы³, и она употребляла пищу, как показало вскрытие ее тела. Но затем неожиданно и решительно у нее родился другой план, именно смерть через закапывание *в очень тесном пространстве*. Быть может, быстрая смерть Авдотьи Ковалевой и трех старушек, свидетелем чего Виталия была, остановила ее мысль на этом способе, тем более что смерть от закапывания в минах, по ее мнению, могла быть слишком продолжительной, судя по тому, что первой группе закопавшихся она указывала трехдневный срок мучений, а она, без сомнения, с целью успокоения и ободрения, наверно показала возможно краткий срок. Можно предположить, что в действительности

¹ Какие ужасы! Кстати: да была ли хоть *пересказана* в духовных журналах терновская трагедия? О, равнодушные... В. Р-в.

² Естественное, неодолимое, вопреки всем идеям, всему навеянному, выражение *страшной жизненности* этого субъекта. Виталия, несомненно, была гениальная личность, Ломоносов в «подполье». В религии *положительной*, к добру и свету направленной, она сделалась бы великою жрицею, пророчицею, великою героинею; «*сотеира*» [спасительница; эпитет богини (*греч.*)], как говорили в древности. По ее имени звался бы город, поселок, устав, закон. Но та же самая героиня древности, перенесенная в отрицательную религию, могла довести своих последователей только до самозакапываний. Какая последовательность! Какой ужас. В. Р-в.

³ Какая жизненность! До чего *в самой все было нормально*, в этой Виталии. Именно гений, поведший толпу за собою по смертоубийственной стезе, которая под ногой ей дана была историей, церковью, религиею. В. Р-в.

она считала этот срок более продолжительным, и ее воображение сразу отвернулось от перспективы столь продолжительных мук. Таким образом, она остановилась на мысли о закапывании в очень тесном пространстве. Этот способ являлся средним между закапыванием в просторных минах первой и второй партии и закапыванием живьем третьей партии. Она была свидетельницей этого последнего вида смерти и, при всей ее холодности, не могла не ужаснуться мысли о подобной смерти для нее самой.

Когда Виталия остановилась на способе смерти, она прямо и открыто ¹ объявила жильцам скита о состоявшемся решении. Уверенность ее в согласии всех была так полна, что назначен был срок, именно ночь на 21-е февраля, для исполнения. К удивлению своему, Виталия встретила неожиданное препятствие в старике Я. Я., который решительно отказался закопаться. Этот старик уже и раньше, в пору первых закапываний, не разделял мысли о необходимости насильственной смерти и склонен был думать, что такого рода смерть равносильна наложению на себя рук. Теперь он твердо заявил Виталии свой решительный отказ. Между ним и Виталией произошел следующий обмен мнений. Видя сопротивление старика, Виталия сказала, что больше не остается Святых Тайн для причащения, что имеется всего для одного раза; между тем ему, старику, весьма необходимо причащаться всякие сорок дней, и не стоит отсрочивать смерти при таких условиях. На это старик заметил: *«Нынче Тайн нет, а там Бог пошлет, откуда-нибудь получим»*. Тогда Виталия сказала, что имеющиеся у нее Тайны — старые, от старинных хороших попов, а нынешние Тайны от теперешних попов той силы не имеют, и что он, старик, продолжая жизнь, будет лишен тех средств спасения, на которые рассчитывает: так как нынешние попы и даже архиереи *«одни против других орудуют»* и Тайн не выдают.

Так как Виталия была сильнее старика Я. Я. в диалектике, то он разговора с нею продолжать не мог, но прибегнул к извороту, сказав:

— *Матушка, вы все долго молились, а я всего три недели, как надел черное платье; я еще недостаточно молился, мне еще надо помолиться, еще я не готов на смерть.*

Отказ старика Я. Я. сильно разгневал Виталию. Последствием этого было то, что старик Я. Я., бывший с другим стариком в одной келье, немедленно был от него отделен и помещен особо, в отдельную камеру, и два дня не получал никакой пищи.

Отказ старика Я. Я. произвел такое сильное действие, что закапывание, назначенное на этот день, было отменено — и затем оно произошло неделю спустя, в ночь на 28-е февраля. Об этом Я. Я. узнал только впоследствии. Со времени его отказа ему не сообщали больше никаких новостей, держали его в строгом уединении и крайне скудно и неаккуратно кормили ².

¹ Как все благородно и гордо у этой девушки. Именно — героиня, и именно — древности, попавшая в несчастную обстановку. В. Р.-в.

² Выброшен, сброшен со счетов «святости»... В. Р.-в.

Главнейшим аргументом, к которому Виталия в это время наиболее прибегала, было запугивание угрозами небесных кар, между тем как раньше в ее словах звучала надежда, указание на грядущие блага и проч.¹

Местом для закапывания был избран тот самый погреб, которого так добивались три старушки третьей группы, т. е. погреб в усадьбе Фомина, где зарылась первая группа. Этот погреб находился очень близко от усадьбы Ковалевых и скита, что значительно облегчало предстоящую задачу.

Сравнительно поздно, в ночь на 28-е февраля, направились туда все участники мрачного дела.

На этот раз все шло с чрезвычайной торопливостью. Ночи, по справедливому замечанию Федора Ковалева, были уже в это время года короче, и уже по одному этому необходимо было торопиться, чтобы до наступления утренней зари со всем покончить. Яму могли рыть только двое мужчин — Федор Ковалев и его брат Дмитрий. Но более всего поспешность внушена была Виталией, которая и с первыми закапываниями торопилась, а здесь время ожидания лично для нее, как для жертвы, могло быть особенно тягостным²; в силу этого она чрезвычайно торопила обоих работавших Ковалевых и со всеми почти присутствующими помогала приготовлению мины, причем сама она трудилась более дру- гия, убирая землю.

Презней мины, которая заключала в себе тела первой группы закопавшихся, не коснулись, но было назначено Виталией смежное место, именно — левая боковая стенка погреба, в которой стали рыть мину в направлении перпендикулярном или несколько под углом к первой мине. Расстояние входных отверстий первой и настоящей мины было не более двух с половиной или трех аршин. Вырытая мина представляла собой широкую, но не высокую нишу, дно которой было на одном уровне с дном погреба или несколько ниже. Ниша была в длину около двух аршин, шириной около трех с половиной, а в высоту имела не более трех четвертей аршина. Чтобы прорыть мину, было необходимо вынуть несколько камней неглубокого фундамента боковой стенки погреба. Когда яма была готова, быстро последовала торопливая, неторжественная процедура закапывания. Несчастные жертвы поместились в мине в следующем, кажется, порядке: Дмитрий Ковалев, Виталия, Поля

¹ Оба мотива — вечные мотивы Церкви, поставившей людей между страхом *ада* и обещаниями *рая* (загробного). «Рай» и «Ад» — это есть изъятие *свободной воли* у человека, *свободного решения*... Замечательно, что в Ветхом Завете, при полном вообще молчании о загробном существовании, и нет никаких картин «ада» и «рая». Люди там наказываются угрозою бесплодия, догорания, угасания семени и крови и «лика человеческого» здесь, на земле; как обилием потомства награждаются. Таковы естественные выражения, с одной стороны, *религии семени и потомства*, — и, с другой стороны, *религии «бессемennого зачатия» и бесплодия*. В. Р-в.

² Грубая ошибка медика: тягостное — замедляет, «руки опускаются», а оживляет — близость исполнения давних желаний. «Оставьте меня, мне *хорошо*», — говорил Гоголь на молитве перед смертью, *умирая с голоду*. В. Р-в.

Младшая, Таисия Рассейская и старуха Ковалева ¹. Вырытая ниша была достаточно широка, чтобы в ней поместились шесть человек, лежа боком, вплотную друг к другу; но длина ниши была короче роста человека, и все поместившиеся в этой, поспешно сделанной, неудобной могиле должны были согнуться, прижав голову к груди и поджав ноги. Когда они улеглись, Федор Ковалев, по распоряжению Виталия, заложил мину камнями, засыпал землей и утрамбовал. На этот раз совершенно один, Ковалев быстро ушел от этого страшного места и страшного дела!

Что касается психического состояния ², в котором находились в последнюю ночь закопавшиеся, то оно ближе всего подходит к общей спутанности чувств, вытекающей из страха. Наиболее была свободна от этого Виталия. Для нее предстоявшая смерть была более всего следствием убеждения в необходимости подобного шага. Ее последние распоряжения касались более всего сокрытия тайны. Она многократно передавала в этом смысле Федору Ковалеву свои распоряжения, сопровождаемые клятвами и религиозными угрозами. Виталия грозила Ковалеву страшной ответственностью, если, по его вине, тела закопанных, в особенности ее тело, будут открыты. «Тебе будет великий грех, если нас откроют», — сказала она. Она, между прочим, мотивировала свое требование и тем, что открытие трупов может повлечь за собой *вскрытие тел* ³. Сказался ли в этом требовании обычный человеческий

¹ Старуха Ковалева, Поля Младшая и, главное, Виталия — это и суть как бы «гвардия самозакапывания»; машинист, лоцман и капитан корабля «спасения». Виталия эту группу и сберегла под конец; если она раньше не закопалась, то не по смущению или боязни, а оттого, что «кому же бы тогда устраивать спасение? Но, «подмета комнату» и взяв клятвенное обещание с «закапывателя» последнего, Федора Ковалева, так же закопаться, она вышла из «комнатки» жизни в могилу-небытия и «рая». В. Р.-в.

² Удивительная тенденция проф. Сикорского все дело представить как *психиатрический факт* — чему охотно подмигнули попки. «Больные! страдающие!», «не в здравом уме и полной памяти», «невропатологические субъекты!» На самом деле, конечно, мы имеем дело с *невропатологической религией*, с «заразным contagiем», но привитым к людям абсолютного душевного здоровья, здоровья повышенного, — темпераментов, умов и сердец ярких. Это как бы сердце и кровь птицы, быющее горячее, живее, чем у четвероногих (обычные «православные»); и оттого-то эта живая кровь ярче схватила ядовитых contagiй, сильнее заразилась им и скорее погибла. Все события самозакапывания не являют ни в одном случае смутности ума, запутанности воли, ничего порочного и вообще никакого следа патологичности: кроме вот этой идеи «умереть о Господе», отнюдь, впрочем, не прибегая к самоубийству (как и оговорено строго при первом закапывании); а так, просто: «жили для Господа, умрем о Господе: все — в Господе». Но это же есть мысль всех православных людей; даже всех религиозных людей! Но в других религиях, не патологических, нормальных, это привело бы и приводило к расцвету, плодородию, жизни вечной и радостной здесь, на земле; а в религии, все перенесшей «туда», всякую радость, сияние и цвет вынесшей за порог гроба, в это ужасное, всепожирающее «загробное существование», которое, как вампир, сосет живую жизнь, — в этой религии «загробных утешений» само собою идеалисты веры рванулись «туда»!.. Какой же игрок ведет игру без желания *скорее выиграть*, какой автор пишет сочинение без желания *скорее кончить книгу*, и путник без желания *закончить путь* так и всякий настоящий христианин не может не жаждать скорее умереть, скорее кончить земной, слезный путь — и перейти в *вечную радость*. Так все естественно — и при чем тут *личная, индивидуальная патология*? В. Р.-в.

³ До чего все это распорядительно и умно! Разумеется, она имела воззрение всего народа, что «вскрытие умершего тела» есть такое же «осквернение» его, как если бы в лаборатории стали химически исследовать причастие или стали бы раскопывать и ковырять икону. По мысли русских (Православия) — жизнь есть грех, а умершее тело eo ipso есть

страх при мысли о вскрытии собственного тела или же имелись в виду со стороны Виталии религиозные или иные основания — осталось неизвестным. Затем она взяла с Ковалева *строгое клятвенное обещание, что он после их смерти не останется в живых*. Она прямо говорила ему: «*Не живи после нас, не ешь, умри с голоду*».

В ответ на это Ковалев дал обещание: «*Как вас зарюю, не буду жить*».

Из подробностей, относящихся к самой смерти, можем привести только, что легши в могилу, все жертвы тихо шептались между собой; слышалось, как они говорили: «*Прости, прости*»; старались поудобнее лечь в тесном помещении. Наблюдения единственного свидетеля событий, Федора Ковалева, который и сам был в это время сильно взволнован, носят характер отрывочный. Впрочем, при быстроте и торопливости, с которой шло дело, психическое состояние жертв, кроме страха и спутанности, едва ли могло содержать другие элементы.

Пространство, в котором были заключены шесть жертв, хотя и допускало некоторую вентиляцию через заложенное входное отверстие, но, в сущности, помещение было так мало, что жизнь могла продолжаться самое короткое время — от десяти до двадцати минут.

По вскрытии ямы 6-го мая погребенные найдены одетыми в *монашеское платье, как и в первых группах*¹, а Виталия была одета в костюм *схимницы*², который представлял собою длинное суконное платье с капюшоном, надевавшимся на голову. Все это платье было расшито нашивками и надписями на *церковнославянском языке*³. По снятии с Виталии одежд, при вскрытии тела на ней найдены *вериги* в форме *двух крестов*, из которых один приходится на *грудь*, другой на *спине*, причем оба были между собою соединены в верхней и нижней части медной цепью небольшого веса. Нижняя часть этой цепи в виде пояса охватывала тело, и концы ее захвачены были замком, ключа к которому не было.

Кроме того, при трупе Виталии найдена небольшая жестянка из-под икры, на которой остались печатные наклейки с обозначением торговой фирмы. В жестянке этой находилась небольшая *серебряная чаша, крошечная ложечка и шелковый платочек для вытирания губ*, т. е. предметы, относящиеся к *причащению*. Найдены были также *старинные книги* и другие предметы.

«святое», икона. Отсюда высокое торжество погребения, где перед телом, как перед образами, зажигают церковные свечи. В. Р-в.

¹ Ну, вот! И ничего в этих самозакапываниях нет, кроме *монашества*, — самого обыкновенного и заправского монашества, но только *горячо взятого* (кровь и сердце птицы). В. Р-в.

² Вот, вот! И — только! Уже *схимники* и самый постриг в *схимничество*, это высшее выражение, высший *официальный* пункт *официального* Православия, — есть не что другое, как история же, здесь рассказанная; есть нерешительный и малый образ самозакапывания! Боже, да ведь это известно каждому мужику и только неизвестно проф. Сикорскому. В. Р-в.

³ Ну, вот! В *церковнославянской-то печати*, в *церковных книгах* и лежит ключ и разгадка всей тайны. В. Р-в.

IV ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда был арестован Федор Ковалев и стали известны главнейшие подробности терновских событий, взрыв общего негодования был направлен против Федора Ковалева как главного якобы виновника страшных дел. Даже в прессе можно было встретить выражения, характеризовавшие Федора Ковалева ¹ как изувера и самого дикого человека, какого воображение может представить себе. События, в центре которых обстоятельства поставили Ковалева, были так исключительны и так ужасны, что человеческая мысль не могла не облечь в те же краски и человека, который стоял среди этих событий и принимал в них столь видное участие. Однако уже и теперь можно сказать, что участие Ковалева в терновских событиях, хотя и было очень *видным*, но далеко не было существенным. Нам, как и всякому, казалось естественным познакомиться поближе с этим человеком, чтобы тем до некоторой степени облегчить себе понимание бытовых явлений, которые при первом взгляде на них вызвали ужас, но при ближайшем ознакомлении возбуждают совершенно другое чувство... — безграничную гражданскую скорбь ².

Первоначально мы составили себе некоторое представление о Ковалеве из рассматривания его фотографии, снятой с него вскоре после ареста его, т. е. в конце апреля. Затем, два месяца спустя, мы имели случай видеть его лично, именно — 28-го июня. Впечатление получилось весьма неодинаковое, так как черты лица в апреле и в июне оказались существенно различными, притом в такой степени, как это приходится наблюдать лишь весьма редко. Как показывает фототипия, сделанная с тираспольской фотографии, на лице Ковалева ясно отпечатлеваются следующие черты:

Сокращение мышцы, сдвигающей брови.

Сокращение пирамидальной мышцы носа.

Сокращение мышц, опускающих углы рта.

Вместе взятые, эти мышцы придают лицу выражение печали, озлобленности. Существующее напряжение всех остальных мышц туловища и лица придает общему выражению Ковалева отпечаток воли, напряженной под влиянием чувств, т. е. *фанатической решимости*. Этот отпечаток значительно усиливается еще и тем, что мышцы обеих половин лица сокращены неравномерно, именно — левая лобная мышца сокращена значительно сильнее правой, отчего левая бровь стоит выше правой; а в то же время круговая мышца глаза правой стороны сокращена сильнее, чем на левой, отчего правый глаз кажется меньше левого. Эта неравномерность мимики на одной и другой стороне лица является

¹ Пресса наша, понятия не имеющая о церковном учении, более и всего скрывает от «большой публики» его смысл. При всяком подобном событии (а сколько аналогичных, приближающихся) она кричит: «Дикость! изуверство! невежество!» В. Р.-в.

² Как это хорошо сказано! О, какой это христианин... то бишь анти-христианин этот Сикорский, со своим простым человеческим сердцем. В. Р.-в.

знаком вырождения ¹ и указывает на принадлежность Ковалева к психопатической семье ².

Наше ознакомление с чертами лица Ковалева при личном свидании с ним показало совершенно иную мимику, именно — почти незаметное сокращение пирамидальной мышцы носа, а равно отсутствие резкого напряжения в мышцах лица и туловища ³. Но вместо того замечается сокращение верхней орбитальной мышцы, сдвигателя бровей, и мышцы, опускающей угол рта. В такой комбинации мимических сокращений фигура Ковалева производит впечатление человека *доброго, преданного тихой грусти и грустному раздумью* (единовременное умеренное сокращение орбитальной мышцы и сдвигателя бровей). Вместе с тем неравномерность мимики стала заметна меньше, что указывает на то, что некоторые природные неправильности в характере, резко заметные в апреле, в настоящее время (28-го июня) значительно сгладились ⁴. Столь резкая перемена в чертах, происшедшая в течение двух месяцев, почти разрешает вопрос о значении и сущности участия Ковалева в терновских событиях. В период этих событий Ковалев находился под могущественным влиянием другой личности и в такой мере усвоил себе ее нравственный облик и характер, что это отразилось даже на основных чертах его лица. Можно сказать с совершенной научной точностью, что

¹ Признаюсь, и я, грешный, такой же «вырождающийся субъект», как этот Федор Ковалев: у меня даже левая часть бороды скорее и лучше растет, чем правая. Но я замечал, что и у всех почти людей, по крайней мере у всех *деятельных, устремляющихся* и чуть-чуть *ярких*, есть эта асимметрия лица. Художники отлично о ней знают, и вот не заметили ее только медики и «психиатры». В. Р-в.

² А мать Ковалева, эта беспримерная старуха, столь ясная, спокойная и уравновешенная, по собственной же характеристике проф. Сикорского? В. Р-в.

³ Все это исследование весьма похоже на размышления Пиквика над камнем «с неизвестными древними надписями», которые оказались резами какого-то кучера (Диккенс. «Записки Пиквикского клуба»). Кто же не знает, что две фотографии, снятые в один и тот же день или в одну и ту же неделю, — даже серия фотографий — являют совершенно разные выражения лица, то вот с поднятой бровью, то опущенною, со сжатыми или распушенными губами, с лицом то *сердитым*, то *спокойным* и даже *сонным*, смотря, напр., по тому, *сердится* ли снимаемый на своего фотографа, или *уверен* в его работе, или он *скучает* повторяющейся неудачною его работою; от того, *сыт* он или *голоден*, *выспался* или *не выспался*, и проч., и проч. Раз фотограф непременно хотел меня снять, но ему не удавалось: получилось несколько снимков, восхищавших его и приводивших меня в негодование. Это было на протяжении 2-х недель, когда я заходил за карточками членов семьи моей: эти мои карточки до того были не похожи друг на друга, что нельзя было бы поверить, что они сняты с одного субъекта. Так много зависит от момента, настроения снимаемого, от освещения, позы и поворота, какие ему придает фотограф, не всегда знающий *суть* и *психологию* снимаемого лица. Верны только художественные портреты *живописцев* — плод *осторожной* и *долгой* работы над лицом. В. Р-в.

⁴ Ну, а где же «психопатическая семья», от которой родился Ковалев? Все это не наука, а детский лепет около науки. Хотя изучение выражений человеческого лица, но настоящее, — есть не только наука, но огромная наука! Я уверен, что душа *разлита по наружной форме человека и сосредоточена в лице его*: от чего и возможно действовать на нее через «пассы» (гипнотизм), эти пластические движения рук *около поверхности тела и особенно около лица*, и можно лечить «душу» через обтирания и омывания тела. Здесь и там (ванны и гипнотизм) ни малейшего нет воздействия на мозг, предполагаемое седалище души, а действуют на поверхность тела, кожу, на пластику и *художественный вид* ее: и через них действуют на душу, воображение, сердце, ум, мысль! От того мы «морщим брови», мысля; и вообще у нас «играет лицо» в страстях, при волнении. А о мозге, «играет» ли он при этом, ничего не известно, да и трудно себе представить это и допустить это. «Играющий» желудок, «играющая» печень, «играющие» почки, «играющий» мозг — как-то это дико. В. Р-в.

преступник, совершающий иной раз самые тяжелые преступления, остается по основным чертам характера тем же человеком, каким он был раньше; здесь же у Ковалева мы видим временное преобразование всего характера. Обстоятельства дела и признания самого Ковалева подтверждают приведенное заключение, основанное на физиогномических наблюдениях.

Отношение Ковалева к тяжелому мраку, окутывавшему жителей хуторов осенью прошлого года, было вполне отрицательное. Опасности, которые предсказывала Виталия, не пугали Ковалева; он долее всех оставался оптимистом, и даже в самую последнюю минуту, когда уже всеми овладела мысль о грядущих бедах и о необходимости искать от них спасения в смерти,— Ковалев все еще продолжал думать, что необходимо выждать события, но не идти к ним навстречу, не предварять их. Он первый останавливал свою жену, склонявшуюся к смерти, и в наивности своей даже принес на нее жалобу Виталии, в уверенности, что Виталия своим авторитетом остановит страстный порыв молодой женщины. Он даже имел слабую догадку о действительной истине, т. е. был уверен, что ничего особенного не произошло в мире и что события должны идти тем же порядком, как они шли до настоящего времени. Под влиянием этого чутья истины он первоначально обнаруживал скептицизм в отношении того, что проповедовала Виталия и чему все начали верить. Для разъяснения своих сомнений он даже воспользовался случаем, как мы видели, и обратился с вопросами к случайно встреченному полуобразованному собеседнику, и был очень рад и ободрен, встретив в нем поддержку своему скептицизму.

Но причиной всех дальнейших ошибок Ковалева была его умственная недалекость и слабая воля, другими словами — его малая одаренность от природы. Он — только добрый человек, но недалекий и соответственно тому слаб волей¹. В этих основных чертах его характера и кроется источник тех личных несчастий, которые он сам приготовил себе, погубивши собственными руками жену, детей, мать, брата, сестру². На Ковалеве оправдались те глубокие идеи, которые в своих художественных произведениях впервые старался раскрыть Шекспир,— что причиной несчастий человека являются не столько внешние условия, сколько неправильности или недочеты, лежащие в самом характере человека. Это мы видим на Ковалеве. В самом деле, имея столько

¹ Вот как *народ* наш, как вообще *масса* — все эти, *увлекаемые* на путь смертный, люди. В. Р.-в.

² Просто ужас читать: было ли что-нибудь подобное во всемирной истории, подобная *ужасная психология*, *ужас такого религиозного вдохновения*?! Но изречено: «Кто не оставит отца и мать», «не возненавидит их Имени Моего ради — тот не есть мой ученик». Все из *начала*: и даже схимники и схимницы, четки и славянская печать — все это такие же обреченные, такие же несчастные и грустные люди, как и терновские «затворники». Я много смеялся над попками: однако «простим и им вину их»... «не знают бо, что творят». И они — несчастные... И все это, вся тысяча лет, даже две — одно несчастье, слезы, грусть, отчаяние, порок и преступление — одного *неведения*. Заразила птичку змея: а птичка-то хороша, хотя и дрыгает ножками в предсмертной сладкой муке. В. Р.-в.

здорового смысла и воли, чтобы протестовать и бороться с порывами жены, склонявшейся на смерть, он сразу уступил Виталии и своей матери, когда те поддержали его жену¹. Здраво понимавший слова своего случайного собеседника, он вернулся домой просветленный и ободренный его беседой; но здесь, увидев слезы и волнения, поддался этим волнениям — и слова его собеседника и его собственные догадки остались в глубине души бессильным знанием.

Во всей дальнейшей трагической жизни Ковалева ясной бороздой сказываются описанные черты его характера. В течение января в его бедном поработанном уме успело всплыть сознание безумности закапываний, и когда старушки приставали к нему с просьбой закопать их, у него доставало разума и воли отказывать им, полемизировать с ними и отклонять в течение многих дней их упрашивания и умаливания; но достаточно было сказать несколько слов Виталии, и он, несмотря на правильную постановку дела своей оппозиции, подчинился ее требованию и явился орудием ее воли — в самом прямом смысле этого слова, в такой мере, в какой ребенок может явиться орудием воли взрослого. Мы не станем приводить дальнейших примеров, так как они были бы излишними.

Нравственное освобождение этого поработанного человека совершалось медленно, но оно началось тотчас после смерти Виталии. Рассказы об этом Федора Ковалева, отличающиеся детской искренностью и простотой, полны психологического интереса.

Закопавши Виталию, своих близких и большую часть жильцов скита, Ковалев вернулся в опустевший скит, где он нашел старика Я. Я. и еще двух-трех лиц. Согласно данному Виталии обещанию, он не ел и не пил, оставаясь в твердом намерении запоститься; и ждал, что через три-четыре дня наступит светопреставление², как предсказывала Виталия.

— «Три или четыре дня ничего не ем и не пью,— рассказывал Ковалев,— вижу — нет светопреставления; я напился водицы на четвертый день. На пятый день нет светопреставления³ — я съел баклажанчик.

¹ Очень просто: и проф. Сикорский уступил бы, *заговори в лицо ему*, с проникновенным убеждением, Гиппократ, Гален, Пастер, Бильрот, Шарко... Вся всемирная история плывет в (рациональных) гипнозах и самогипнозах. В. Р-в.

² Вообще это замечательно: в Евангелии дана определенная концепция того, что *есть* и что *будет*, но — в *отдалении*. «Давно прошло», «не скоро будет»: и мы не *страшимся*, потому что слишком *далеки* от обоих концов. Но едва эта «какая-то» концепция, хотя бы вследствие умственной иллюзии, приближается, становится «вот-вот», осязаемо, неизбежно — как людьми овладевает такой ужас, что они предпочитают немедленную смерть нескольким дням ожидания. Еще любопытнее, что это не случайность: идя на распятие, Иисус и предсказал этот особенный страх, в котором люди будут звать: «Горы, *падите* на нас! Холмы, *покройте* нас!» (как земля и *покрыла* несчастных в терновских плавнях). Итак, вот концепция, о которой мы сказали, как о неизвестном: «какая-то». Что же она: добро, зло? грех, святость? благодеяние, несчастье? «От взгляда на нее — умирают в *страхе*»: и этим, кажется, *все* сказано и *окончательно* сказано. В. Р-в.

³ Какой реализм ожидания! Боже, какая все это история! И сколько *быта*, бытовых русских черточек! Эти «водица» и «баклажанчик» ожидающего «светопреставления» мужички оставляют за собою подробности описаний ада в «Divina Comedia». В. Р-в.

Так прошло две недели,— продолжал он,— вижу — светопреставления нет, в острог не берут, войны нету. Что такое, думаю себе ¹,— и стал хлеб есть, и так помаленьку стал все есть» ².

Таким образом, освободившись от гнета чужой мысли и воли, Ковалев стал правильно понимать окружающие явления и сообразовать с этим пониманием свои действия. Как постепенно воспрянула и восстановилась его поработанная личность — об этом в его рассказах содержатся некоторые указания, которые мы и приведем.

Размеры нравственного обезличения, до которого доведен был Ковалев, станут понятными, если мы подумаем, что не только мысль и воля у него были подавлены, но даже и чувства были глубоко расстроены, несмотря на то, что эта сторона души у Ковалева развита гораздо лучше, чем мысль и воля. Мы позволим себе войти в некоторые подробности и выскажем соображения, которые нам кажутся не лишними для лучшего уяснения этого сложного вопроса. Как известно, долг может иногда побудить человека идти против естественных чувств, но в нормальном человеке это сопровождается внутренней борьбой, в которой элементы долга лишь берут перевес над обыкновенной природой человека, не уничтожая ее в корень. Но мы сочли бы чудовищным такое человеческое существо, в котором естественных чувств неостатало бы вовсе; да и самой заслуги нравственной не существовало бы, если бы не было борьбы между долгом и естественными требованиями. Известный убийца Карл Маш, совершивший в своей жизни множество убийств, рассказывает о себе, что когда ему случилось однажды совершать убийство в доме, где были дети, то, подойдя к ребенку, которого он также должен был убить, он на минуту остановился и затем некоторое время колебался, так как пробудившееся в нем чувство жалости мешало ему наносить удары с тем спокойствием, с каким он убивал взрослых. Солдат, расстреливающий по долгу службы приговоренного к смерти, не может с легким сердцем исполнить свой тяжелый долг, и старая практика научила военных людей давать в числе других заряженных ружей одно незаряженное, чтобы тяжелый долг — стрелять в человека, был облегчен некоторой вероятностью, что смертоносное оружие лишено заряда. Каково же должно быть нравственное и эмоциональное состояние человека, совершившего ряд чудовищных убийств со спокойствием, которое кажется почти невероятным ³. В таком именно состоя-

¹ «Что такое, думаю себе»,— как это хорошо! Вот это и есть та вера, что «горами двигает», и даже больше этого. В. Р.-в.

² «Помаленьку стал все есть»... Подумать только, что без записи проф. Сикорского «по следам» мог бы исчезнуть этот документ *веры*, не худший, чем «Слово о полку Игореве». И, может быть, сколько таких пройденных без освещения, неописанных фактов *настоящей* русской истории... В. Р.-в.

³ Автор-медик здесь (как и во всей книге) совершенно забывает о мотивах якобы «убийства» — которое на самом деле было жертвоприношением «Иисусу Сладчайшему» (выражение акафиста), так же мало походившим на работу убийц или солдат, как возжение восковой свечи в храме имеет мало общего с поджогом чужого дома. Здесь все было «для лобви», «во имя Божие», с «родными». До чего бывает слепа наука, ослеплены ученые! Кажется, наряду с «пороками нравственности», «пороками своей профессии» и проч., придет-

нии Ковалев совершил все закапывания. И, однако же, этот человек раньше был совершенно другим: он был глубоко потрясен, когда от жены услышал впервые о намерении закопать. Но затем давление авторитета ¹ Виталии и матери и тяжелые волнения, которыми была полна терновская атмосфера, а затем потрясающая сцена первого закапывания — свергли его в состояние нравственного безразличия и бесчувственности ². Спокойствие, с которым Ковалев передавал подробности потрясающей сцены закапывания живьем своей сестры, справедливо производило наиболее тяжелое впечатление на всех, кто выслушал этот рассказ непосредственно от самого Ковалева. Нравственная бесчувственность сказалась почти во всем ³, Ковалев перестал испытывать чувство страха; и ночью, после совершенных им убийств, не испытывал боязни. Таково было состояние этого человека, в сущности ⁴ доброго по природе!

Нравственное восстановление Ковалева идет медленно, и в ту пору, когда мы имели случай беседовать с ним (28 июня), его нравственные силы еще носили глубокие следы потрясения, но уже он стоит на верном пути, и черты его душевного склада освободились от тумана, которым были закрыты. О процессе этого восстановления мы из бесед с Ковалевым узнали следующие подробности, которыми и дополняем сказанное выше.

В первые дни после закапывания жены и детей Ковалев находился в полном нравственном безразличии и бесчувствии, и лишь в дни Рождественских праздников, 25-го и 26-го декабря, войдя вечером в свою опустелую избу, он впервые почувствовал жалость к умершим и заплакал, но сердце не отходило. В первое время печальные воспоминания о погибшей семье приходили нечасто; и хотя они давали отраду душе, но не могли быть вызваны, а сами собой редко приходили. Большею же частью в душе оставалось тупое безразличие, которое формулировалось в такую фразу: *«Не жалко и не страшно, потому что они пошли не на*

ся изобрести термины: «порок учености», «известный недостаток ученых». Если «сапожник всегда без сапогов», босой или ходит в опорках, то ученый всего чаще «слеп вне самого точного и ограниченного поля зрения», куда он смотрит и за пределами которого для него начинается такая тьма, где он видит и понимает меньше всякого смертного. Все ученые суть *телескописты*: видят ясно и ярко кружочек неба; а все небо, для всех видное,— для них невидимо. В. Р-в.

¹ Нравственного авторитета, богословского: а то можно подумать, что он боялся Виталии или был стеснен, придавлен ее мнением. В. Р-в.

² Ни из чего не следует и ни на чем не основано. В. Р-в.

³ Совершенно ни в чем! Разве этот человек был с другими жесток? был лжив? Он был и остается нежнейшею и кроткою душою, глубочайше *нравственно-чуткою*. Напротив, от *нравственной-то чуткости* он и закопал своих ближних, сострада им. Без нее, без этой *нравственной возбужденности* в сфере *ошибочной религии*, ничего бы и не было в скиту. В. Р-в.

⁴ «В сущности»...— Как хорошо это в устах ученого. «Вы честный человек, хотя в сущности и мошенник», или обратно: «Вы мошенник, хотя в сущности честный человек». У Сихорского: «Ковалев — нравственно бесчувственный человек, хотя в сущности по природе добр». В. Р-в.

муку, а в Царствие Небесное»¹. И, однако же, мысль о переходе близких в Царствие Небесное не давала душе никакой радости², оставляя в ней какую-то тяжелую и непонятную пустоту. Самое чувство стыда и виновности как бы совсем угасло, и Ковалев, находясь в день вскрытия могилы Виталия на глазах многотысячной толпы, ничего особенного не чувствовал³. И лишь много времени спустя он, по его собственным словам, стал чувствовать нравственную тягость, когда толпа обстреливала на него взор и посылала ему проклятия в то время, как его проводили по улице. Но с течением времени мало-помалу печальные воспоминания и тихое раздумье постепенно просветляли его душу, и по мере восстановления чувств мысль Ковалева шаг за шагом начала освещать протекшие как в кошмаре⁴ события. Теперь Ковалев начинает понимать, что «горше всех Виталия виновата»⁵, и в объяснении своей веры в нее говорит: «Она не ест, не пьет, молится, грамоту читает⁶ — и она это все одобряла», т. е. закапывания; «на нее все положились: Анюша, Фомина, — все на нее положились, потому что она постница, воздержница⁷: никто не думал, что это — одна погибель» (т. е. погибель в том, что слушали Виталию). «И как это не перебили» (т. е. не помешали), «и не нашлось такого человека, чтобы рассказать» (т. е. объяснить, образумить), — закончил он с глубоким сожалением о невозвратном»⁸.

В заключение наших бесед, на вопрос о жене и детях, Ковалев снова повторил: «Сердце и теперь все болит и не отходит. Спать — сплю, а как проснусь — сейчас сердце болит. И как не болеть? Другой матери и другой жены не будет»⁹.

¹ Ну, вот! В двух строчках вся терновская история, полное объяснение ее! Во всей брошюре проф. Сикорского нет двух таких строк, столь ярких, как бы налитых смыслом, — что зрелый колос. «Они пошли в Царство Небесное», о котором поет вся Церковь, — поет и славит это Царство и манит в него. В. Р-в.

² «Радости» и прежде, и вообще никогда, не было в скиту, и это его суть («режим»); от этой сути никогда не радующейся религии, ничему земному и на земле не радующейся, — все и произошло. В. Р-в.

³ Вот! Полная вера в себя и свое дело! Это покрепче, потруднее, наконец, это гениальнее и человечнее, чем Галилей перед инквизиторами. В. Р-в.

⁴ «Как в кошмаре»... Но, Боже, ведь и вся горячая поэзия, вот для Пушкина или Байрона, была «кошмаром»; и пламенная философия — «кошмар» же (Платон, Шопенгауэр), а уж особенно всякая вера, пророки, апостолы... «Мы видим сны: но как они милее действительности!» «Мы грезим, и грезы милее жизни!» Но ведь без этого, без грез, без снов, без религии, философии, поэзии и «кошмаров» вообще — что был бы человек и его жизнь? — Корова, пасущаяся на траве. Не спорю — хорошо и невинно; но очень уж скучно. В. Р-в.

⁵ Ну, да: «философ» скитский, «мистагог» самозакапываний, «митрополит Филарет» отделившегося кусочка старой, «истовой» веры... В. Р-в.

⁶ «Грамоту» и все книги — «начетчица», академик местный. Итак, перед слитным авторитетом святого и мудреца, как бы Серафима и катехизатора-Филарета, могла ли устоять темная, безграмотная толпа? Мудрая Виталия «Царство Небесное» показала. В. Р-в.

⁷ Ну, обычные церковные идеалы, всеобщие: «пост и воздержание» — да в этом все христианство, вся церковь. В. Р-в.

⁸ Как глубока и прекрасна его речь. Да он, этот «недалекий Федор», говорит лучше, внушительнее, яснее и убедительнее, чем проф. Сикорский. И он считает его «больным», а в самозакапываниях усмотрел один «психиатрический материал». В. Р-в.

⁹ Как глубоки и просты слова! Натуральный человеческий материал, до чего ты выше «благодатственного», — как вот вся эта мостовая богословского бульжника, который ничего-то, ничего не почувствовал, когда разразилась такая история. В. Р-в.

В настоящее время Ковалев со всеми говорит вполне откровенно и с особенной искренностью; на каждый вопрос отвечает подробностями, которые превышают самый запрос собеседника. Видимо, что в обмене мыслей он находит себе утешение. Из уст его часто слышится фраза: «И как не нашлось человека, чтобы объяснить».

К концу нашей продолжительной беседы с Ковалевым неожиданная ассоциация вызвала в нашем уме цепь мыслей о бедной простодушной чешской вдове, которая положила свою вязанку дров на пылавший костер Гуса. Она умерла с утешительной мыслью, что совершила доброе дело, прибавив лишний огонь для еретика. Такой же нравственно-бедный ¹ и простодушный Ковалев сделал нечто, беспредельно превосходящее подвиг чешской вдовы, и теперь прозрел и пришел к ясному пониманию своего непоправимого заблуждения. Самым симпатичным впечатлением, которое оставил в нас своей личностью Ковалев, это — его наивные непрестанные усилия вспоминать и разбирать свои ошибки ² и давать самому себе советы, как надо было поступить тогда-то и тогда-то. В обмене мыслей, которого он, видимо, ищет, он находит себе утешение, как в источнике живой воды ³, которая смывает налет с его ума. Фразу, услышанную от нас по поводу народной переписи, что людей надо перечесать так же, как деньги в кошельке,— эту фразу он повторил несколько раз, как бы в противовес тому нелепому толкованию, которому он верил и которое так дорого обошлось ему.

Теперешний Ковалев — это тихая, неусыпающая грусть о невозвратном и неустанное искание истины для рассеяния следов еще не вполне исчезнувшего из души тумана.

События, подобные тем, которые случились в терновских хуторах, как ни кажутся поразительными и беспримерными, на самом деле представляются далеко не редкое ⁴ явление в нашей истории и неоднократно происходили не только в течение XVII и XVIII веков, но даже и в нынешнем столетии. Несмотря на разницу времени более чем в два столетия, терновская драма в такой мере сходна до подробностей ⁵

¹ Непостижимо, почему «нравственно-бедный»?!! В. Р-в.

² То-то: вечная жажда поучения, разъяснения. Вот так он был чуток и к Виталии, которая «разъясляла» — разъясняла, «зная грамоту»... Куда же овца пойдет, как не за пастухом? и сама Виталия куда бы пошла, как не за «святителями». В. Р-в.

³ Вот! Какая прелесть доверчивого чистого ума. Сравнить-ка с нашими семинаристами и академиками. В. Р-в.

⁴ Постоянное течение в Церкви, как бы тень около предмета, хвост около кометы, тяготение около земли, свет около солнца. Только это черный свет и около Черного Солнца. Не взглянешь на Него — ничего не поймешь («я ничего не понимаю»), «невозможно этого постигнуть», — отговаривается часто в изложении проф. Сикорский); а взглянешь — поверишь, что Солнце в самом деле черно: и все сразу поймешь, до ниточки, до последнего словца. Этому Черному Солнцу, великой мировой Смерти, метафизике Смерти и поклоняются монахи, по самым одеждам своим именуемые «черноризцами». В. Р-в.

⁵ Вот! «Сходна в подробностях»... Значит, одно течение, одинаковая соль в море. Да, все это — «горько-соленое море», «Мертвое Озеро». «И окаменеет всякий, кто оглянется на Содом и Гоморру», Бог ныне предаст ее пламени: и беги всякий, беги, не оглядываясь, отсюда — вывода детей, жен и домочадцев... В. Р-в.

с самоистреблениями, бывшими при царях Алексее Михайловиче, Иоанне и Петре Алексеевичах, что не может быть и речи о чем-нибудь новом и небывалом; напротив, на все случившееся необходимо смотреть как на печальное, но обычное историческое ¹ явление в русской жизни. Правда, явление повторяется все реже и реже ², но едва ли навсегда исчезло.

Издавна способы самоистребления были различные: из них самым частым способом было самосожжение ³. Для этого выбирались избы, обкладывались горючим материалом и зажигались, причем почти всегда гибли все, кто не ускользнул от роковой засады. Иногда делалась специальная постройка для *гари*, например, более или менее значительное пространство обносилось оградой из весьма горючих материалов (смолы, стружек, соломы и даже пороха). Сожигались более или менее в значительном числе — сотнями и даже тысячами ⁴. При Петре Первом сгорел (сжег себя) князь Мышецкий со всей своей дворней — свыше 100 человек.

¹ «Печальное и обычное явление» — в такой краткости не напоминают ли эти слова классическое изречение одного неумного крестьянина, уморившего с голода свою лошадь и удивленного ее смертью: «Отчего она умерла? она должна была привыкнуть ничего не есть». Ни в каком случае не может быть «обычного» в явлении самосжигания или самозакапывания: ибо для каждого человека это *новое страшное!* И только для ученых, для историка, в чтении и в перспективе — это «серия», «ряд», *частое, многое*, и — все же не «обычное!». Хороши «обычай» во «Святой Руси!! Это что-то до того страшное в изложении профессора, что волосы на голове шевелятся. Но сбросим кошмар и разберемся. «Обычное явление» чего? удовольствия, утехи? «Обычные явления» суть всегда *приятные явления*, для повторения которых не требуется побуждения и которые обращаются в привычку без объяснения. Здесь же в каждом случае — *особое, личное* побуждение к смерти. Ясно, что должно было существовать *постоянное давление на душу* чего-то, что *некоторых и иногда* доводило до самосожжения и самозакапывания, а остальных *не довело*. Но именно «не довело», а *вело*-то всех сюда!.. Но сказано: «одна почва — каменная (попы), другая — с терниями (мы все), третья — при дороге» (купцы, ученые, люди с другими темами существования). Но как только встретилась рыхлая почва *уединенной души, воспринявшей слово Иисусово и им одним живущей*, то — вот монастырь, скит, пустыня, пещера, яма, гроб, самозакапывание, самоумерщвление. Не явно ли — возвращаюсь к давлению, — что тут давит что-то *одно и постоянно*. Что же это у русского человека? То, чем он дышит: это — *вера* его, столь *искренно* принятая. Самозакапываются не «вообще» русские люди, «привычные» увы, «обыкновенно» закапываются, сжигаются *церковные* люди, люди *церковного духа и склада*, начитавшиеся церковных книг, доверившиеся их *авторитету*, вот как Ф Ковалев слушал Сикорского и сперва Виталию. В «послушании Церкви» (любимый термин монастырей) и лежит все дело: в «послушании» не пассивном, а активном, все прогрессирующем, поднимающемся, и — «в послушании Церкви» не как «правилу и уставу» для несовершеннолетних, а как *позиции* — для совершенных. Все это «путь Марии» — «севшей у ног Учителя и слушавшей слова Его». В. Р-в.

² «Реже и реже», потому что стали расти «плевелы» науки и школьного образования, появились «тернии» всяческих забот, экономики, нужды, фабрик. В терновском скиту — прекрасная природа, мягкий климат, обеспеченность, большая собственность: и — закопаться. Как не закопаться? И Бокль говорит, что «благополучие и досуг суть условия расцвета наук и искусств», ибо «дают свободному от заботы человеку углубиться». Вот и «углубились» — сперва в книги, а потом на три аршина в землю. В Р-в.

³ Самый ужасный, *острый* способ. Самый томящий для воображения. «Сгорел во время пожара» — это годы помнят. Отчего же это избрано? Но отчего природа вырабатывает яды и заставляет умирать от них невинных птичек, прекраснейших и беззаботнейших (зменный яд)? Вопросов много, ответов нет; вопросы так страшны, что, пожалуй, лучше для человека никогда не знать на них ответа. В. Р-в.

⁴ Ужасно! О, что перед этим и ужасы инквизиции! В. Р-в.

Другим нередким способом самоистребления было моренье голодом¹. Кроме того, употреблялось *самоутопление*, причем старшие топили детей или младших, сопротивлявшихся смерти. Наконец, практиковались и *закапывания*. Андрей Иоаннов, описывая случившиеся при царе Алексее Михайловиче самосожжения, говорит: «В Новгородской области многие в могилах живые погребались, и тако живота своего бедного лишиались; и в той же Новгородской области тоже многие тышчи огнем в овинах горели, и в лесах, — а в луговой стороне в морильнях от учительей своих запертые помирали»².

Обстановка, при которой происходили самоистребления в два последние столетия, до такой степени напоминает обстановку терновских событий, даже до подробностей³, что нам невольно приходит на мысль, что в самоистреблениях мы встречаемся не просто с историческими или бытовыми явлениями, но в известной степени с явлениями *патологическими*, относящимися к разряду так называемых⁴ *психических эпидемий*. В самом деле, явления бытовые или исторические хотя и повторяются, но всегда с некоторыми переменами, обусловленными протекшим временем и историей; между тем явления патологические гораздо более неподвижны, гораздо менее изменчивы. Бред помешанных, галлюцинации алкоголиков гораздо менее подлежат изменяющему действию времени и обстоятельству и остаются в течение веков шаблонными и стереотипными. Этой именно особенностью отличается самоистребление в русском народе.

Что касается причин этого странного явления, то нам почти буквально приходится повторить то, что было сказано двести лет назад в одном официальном документе. Описывая одно из самосожжений, случившееся в 1684 году в Пошехонском уезде, в поместье Сикорских, в деревне Лейкине, официальное донесение заканчивается словами, — что «*крестьяне сожгли сами себя, а для чего то учинили, про то никто не ведает*».

¹ Как я уже говорил, *пост* есть начало этого: а пост везде, всегда, в каждом дому. «Ось», на которой едет «колесо Православия». Никто и никогда не «морил себя голодом», как выражается проф. Сикорский, а все «запацивались» — как ему докладывали в скиту, да он не расслышал или не дослушал. «Поститься» просто (по-нашему), «поститься истово» (мужики), «поститься строго» (монастыри), «поститься *очень строго*» (схимники, юродивые, «блаженные»; святые), «держать великий пост» (великие святые Египта и Сирии, первых веков христианства), «запоститься, умереть» (ревностные люди старой веры у нас). Явно, что здесь везде мы имеем градации одного явления — нажим одного винта, в одну гайку, в одном направлении. В. Р-в.

² Д. И. Сапожников. Самосожжение в русском расколе. Москва, 1891 г., стр. 15. *Примечание проф. Сикорского*.

³ Вот! «до подробностей». Нечего и размазывать, все ясно... В. Р-в.

⁴ «Так называемых» — и успокоился. Но «называемых» еще не значит «объясненных». Хорошо «эпидемическое явление», которое в каждом единичном месте и случае приготавливается, зреет *всю жизнь*, которое основано на *книгах*, которые эти несчастные взяли с собою в могилу, и тем сказали: *отчего* они умирают и *для чего* умирают, сказали так ясно, мудро и просто (слова Ф. Ковалева)! Рассуждая как Сикорский, можно начать говорить, что океан имеет приливы и отливы на «исторической почве» или что луна так светит «по причине своей меланхолии, melancholia», и наконец, что профессора обычно врут «по причине врожденного слабоумия, dementia» [безумие, помешательство — *лат.*]. Словом, тут *défait de science* [недостаток знания — *фр.*], и можно не продолжать и не возражать. В. Р-в.

Историки, занимавшиеся вопросом о самоистреблениях, высказывают касательно причин этого явления малоопределенные взгляды; но наибольшей определенностью отличается точка зрения Пыпина, который причину самоистребления видит в преследованиях, каким подвергался раскол со стороны правительства¹. Почти такой же взгляд, как Пыпин, но гораздо резче, высказывает о самосожжениях автор предисловия к новому изданию «Истории Выговской Пустыни». Но объяснения обоих авторов, если их признать верными, применимы только к некоторым случаям, так как известно из истории немалое число несомненных примеров, которые не могут быть объяснены с точки зрения преследований². Нам кажется, что оба уважаемые историка обобщили частные случаи. В этом отношении интересны фактические данные, приводимые Сапожниковым; из этих данных видно, что самоистребления практиковались по преимуществу в некоторых местностях, тогда как в других местностях они не случались или случались реже, несмотря на то, что именно здесь отношение властей к расколу было более резко³. Наконец, такой крупный историк, как Соловьев, усматривает причину самосжигания не в преследованиях правительства, а в иных условиях. Очевидно и несомненно, что в самоистреблениях мы имеем дело с явлением сложным, которое не может быть объяснено одной исторической точкой зрения. Нам кажется, что важнейшим источником для объяснений самоистреблений могло бы послужить подробное психологическое и психиатрическое⁴ исследование тех лиц, которые были непосредственными участниками событий; но так как источник этот для терновской драмы

¹ Ну, тоже мудрец! Да ведь «преследование»-то будет еще *завтра*; для чего же *сегодня* гореть? Ну, был ли хоть один пример в истории, чтобы «преследуемый» разбойником несчастный,— добежав до ножа на кухне, взял да и *зарезался сам*? «Правительственное преследование» было только *последней каплей горечи* в жизни *постоянно горькой*, было толчком, поводом, случаем, почти придиракою. Да очень часто вот те, что «топили маленьких детей», делали это и без всякого «правительственного преследования». Скорее они гибли не от «преследований», а среди общего равнодушия: но само это равнодушие-то опять выработалось под впечатлением вечной религиозной меланхолии, в которой жил несчастный народ. Затем, как в данном ужасном случае, все «преследование» заключалось в опросе сказать свою фамилию. Ясно, что это *повод*, песчинка на горе! *Им раньше* хотелось умереть — «прекрасной этой смертью», «христовой смертью», в «венце колючем» мучений, чтобы уподобиться «святым»... Это «путь святых» христианства, мученический всегда, везде,— и неужели нужно это доказывать? В терновском скиту случился акт такой веры, *actum fidei*, *auto-da-fe*, но только над *собою*, не над иноверцами, перед которым все подвиги Египта, Сирии, Радожежа, Задонска, Сарова кажутся слабыми. В. Р-в.

² То-то. И нечего было упоминать очевидно побочное обстоятельство. «Сгорел дом». — «Отчего?» — «В Китае растет чай, от этого». — «Как?» — «Связь ясная: там растет чай, у нас его пьют, и вот раз, попивши чайку, закурили папироски, обронили огонь, не заметили его, и дом сгорел. Дом сгорел от табаку и чая». Подумавши: «Дома горят от табаку, от чая, но есть удостоверенные случаи, что они горят и без чая и без табаку». Хорошее естествознание. В. Р-в.

³ То-то и дело. Совсем «Китай» ни при чем, что горит Россия. В. Р-в.

⁴ Психологическое еще можно допустить: тут — *метафизика* духа человеческого. Но едва произнесено слово «психиатрическое объяснение», как мы чувствуем, что ученый надевает на явление мешок, чтобы не дать никому ничего в нем увидеть. Этот мешок он тащит к себе как «собственность», но из «собственности» этой не получается ничего, кроме вещей, подобных вот этой брошюре. Насколько в ней высок человек, любящий братьев своих, оставивший о них единственный памятник внимания, заботы и *фактической* осведомленности,— настолько же в ней человек науки говорит все о «Китае» и «чае». В. Р-в.

со смертью Виталии и других утрачен, то остается единственная возможность сделать некоторые выводы по этому важному вопросу, руководясь исключительно соображениями, основанными отчасти на фактических, отчасти на психологических данных. Психологические и психиатрические данные мы считаем в этом случае важным источником разъяснения и будем пользоваться этим источником, подтверждая наши выводы историческими справками.

К числу исторических данных относится прежде всего то обстоятельство, что самоистребление свойственно исключительно, или почти исключительно, расколу. В этом смысле можно сказать, что самоистребление — по крайней мере массовое, о котором у нас идет речь, — относится к широкой области *церковной или религиозной жизни*¹, но оно не вызвано политическими или иными условиями. Политическая жизнь, социальные бедствия, преследования правительств скорее вызывают появление мятежей, бунтов, *активного сопротивления*²; в самоистреблениях же мы имеем дело с психологическим явлением *глубоко пассивного типа*³. Этой своей стороной самоистребление ближе всего подходит к явлениям патологическим. Эта особенная черта не ускользнула и от внимания автора предисловия к новому изданию «Истории Выговской Пустыни». Он усматривает в этой черте *средство уравнивать свое бессилие в борьбе — пожертвованием личностей*. При всем глубоком уважении нашем к мнению почтенного историка, не можем не сказать, что в словах его содержится не объяснение психологического факта, а лишь простое засвидетельствование его.

Другую отличительную черту самоистреблений составляет то обстоятельство, что они всегда совпадали с какими-либо особенными событиями церковной жизни. Так, частые массовые самоистребления при Алексее Михайловиче, при царях Федоре, Иоанне и Петре Алексеевичах соответствовали времени появления раскола⁴. В это время в русской

¹ Ну, вот — выходит на настоящий путь. История рассказанная — просто глава в «Истории христианства», даже без упоминания о Православии. Тут не католичество, не православие, а просто один толчок, толкнувший все, весь мир, и православия, и католичества. «Царство ты, царство, духовное царство», — как поют Божии люди у нас. Вот океан. И вода в нем везде горька. И до того она велика и всеобъемлюща, что даже и неинтересно, что сожглись или закопались. Как христиане, поистине, и не интересуются даже, вот из них закапывается и кто сжигается: до того всем грустно и до того не до них; наконец, до того *приблизительно так же* все себя ощущают. В. Р.-в.

² Вот, вот! Здесь проф. бьет в самый центр дела: и только бы взять ему скальпель и расчленил в одной скорлупке («русская вера», «церковь», «европейское христианство») два ядрышка: ядро натуральной нации — «Русь», от ее пресловутой — «святости». Это, судя по данным, *сообщенным в его же труде*, — люди добрые, спокойные и ясные; если не очень деятельные, то и не преувеличенно бездеятельные; однако в некоторых случаях, лицах — чрезвычайно деятельные, гениальные. Второе ядрышко — это «то, чему они учились», славянская печать, тексты. В. Р.-в.

³ Вот! Чудное объяснение. Это уже наука. В. Р.-в.

⁴ Просто момент возбуждения чувства — «великая отечественная война» веры. «Побеждаем Антихриста», «воюем с ним», «победим или не победим?» — «Если сойдем в яму, утопимся, сожжемся — то победим; останемся живы — победит Антихрист, жизнь». Ведь и сказал Он: «Радуйтесь, Я победил мир»; а любимый Его ученик добавил: «*Не любите мира*, ни того, что в мире: все что в мире — *похоть очей и гордость житейская*». Ну, вот «в яме» они и избыли все это, против чего предостерегал Апостол людей: он, значит, и привел их

жизни самоистребления были чрезвычайно часты ¹. Но и эта связь не противоречит предположению, что в самоистреблениях мы имеем дело с явлениями, не лишенными, между прочим, и болезненного оттенка. В самом деле, с психиатрической точки зрения можно считать вполне доказанным, что политические перевороты и религиозные события всегда оказывали влияние на увеличение числа душевных заболеваний или на более резкие проявления тех болезненных состояний, которые до этого времени были выражены слабо или оставались скрытыми. Этот факт, конечно, необходимо понимать в том смысле, что всякого рода преобразования и перемены в жизни политической или в вопросах совести и т. п., составляя успех жизни, требуют напряжения и подъема сил. На такой подъем способны только лучшие люди, но не те, кто слаб душой и телом. Прогресс жизни подвигает вперед лучших людей и выбивает из строя или оставляет за флагом неподготовленных и слабых. В вопросах умственного или нравственного прогресса такими *слабыми* обыкновенно являются субъекты с так называемыми *болезненными и неправильными характерами*. Возникшее в недавнее время в психиатрии учение об этих характерах должно быть принято во внимание при объяснении исключительных явлений, о которых у нас идет речь. Болезненные характеры, менее заметные при обычном течении жизни, могут резко проявиться в ту пору, когда жизнь делает поворот, к которому эти натуры не могут так легко приспособиться, как натуры нормальные. В таком случае эти натуры обнаруживают странную деятельность, и даже заболевают психически в эпидемических размерах. Таким образом, преобразования или реформы отделяют здоровое от болезненного и являются той силой, которая увлекает за собой все здоровое и ломает все болезненное и слабое ².

Исследуя явления самоистребления с изложенной точки зрения, мы встречаемся с некоторыми существенно важными фактами, указывающими на видную роль болезненных натур при всех преобразованиях: натуры эти резко выступают со своей психопатической реакцией и, как *странные* персонажи в драмах, подчеркивают собою могучий ход реформы. На этих болезненных натурах и на их психопатической реакции мы остановим наше внимание тем более, что этот новый вопрос, созданный психиатрической наукой, не был предметом особого внимания историков.

Во всех случаях самоистреблений яркой чертой, заметной в настроении масс, является *пессимизм*, отсутствие веры в лучшее будущее ³ и упадок духа. Типический пример такого состояния духа находим в «*Письменных Известиях*» чаусских раскольников. «*Ныне*, — говорится

сюда. В «яме» они одержали такую победу, как Русь при Бородине, англичане при Ватерлоо! Так все понятно — и зачем столько слов для объяснения? В. Р-в.

¹ Большая повышенность чувства, «великая отечественная война» веры. В. Р-в.

² «Китай при пожарах»... Это Виталия-то «слабое и неправильное явление», «болезненная и слабая личность»!!! В. Р-в.

³ Да «о лучшем будущем» христианство и не учит *нигде* — как это точно указал К. Н. Леонтьев, возражая Достоевскому и Толстому («Наши новые христиане»). В. Р-в.

в Известии,— как духовные и земские власти не по избранию Святого Духа поставляются, а злата ради, того ради они нарицаются от бесов, а не от Бога; того ради нынешние власти во всем жестоки, гневливы, наглы, люты, яры, нестройные, страшны, ненавистны, мерзки, не кротки, лукавы; своими ересьми и прельщением они отставляют человека от пути правого и сводят в погибельный путь»... «Ныне во все страны посылают указы и законения с посланники жестокими,— те нарицаются бесы, чувственные человеки»... «Ныне глад по всей земле, запустение Церкви, умножение ересем»... Как видно, речь идет не о каких-либо исключительных, но о самых обыкновенных общественных недостатках, а между тем тон, которым описываются эти недостатки, свидетельствует о крайнем пессимизме авторов и указывает на их болезненную чувствительность ¹, на душевное страдание, вызванное *преувеличенной оценкой* обычных общественных зол. Таким оттенком отличается большая часть раскольнических писаний и жалоб, но в особенности такой отпечаток замечается в словах и жалобах тех, которые обрекали себя на самоистребление ². Весьма замечательно, что даже и в этих крайних случаях жалобы нередко носили характер общий — печалований и всеобщего недовольства всем, без указания на какие-либо конкретные обстоятельства или частные события, вызвавшие такое настроение. Все такие жалобы отличаются общим и субъективным отпечатком мало мотивированной мировой скорби ³. Читая эти жалобы и взвешивая психологические оттенки чувств, которыми они запечатлены, мы приходим к убеждению, что в большинстве случаев стремление к самоуничтожению вызвано было скорее субъективным состоянием, нежели внешними событиями. Внешние же события в этих случаях служили лишь поводом к самоистреблению, но вовсе не причиной: истинная причина коренилась в болезненном настроении и в давнем ⁴, готовом пессимизме ⁵, которым жили отдельные лица или целые группы людей.

Рядом с пессимизмом и с крайней болезненной чувствительностью всегда стоит склонность к самоубийству у раскольников XVII века. Эту связь тонко подмечает Андрей Иоаннов. «К самоубийству столько склонны,— говорит он,— что всегда наведываются ⁶, где, когда и сколько сожглось или запостилось самовольно» ⁷.

¹ Просто очень нежные натуры, которые грубость государственную, едва задевающую грубых же людей, чувствуют, как бы по коже их дерет лошадиная щетка. Нежные натуры — и только. Так и пьянство ведь всегда было. но как апостолы и христиане первых веков закричали *от боли* при виде римских попоек, даже едва ли очень значительных. В. Р-в.

² Нежнейшие, самые нежные! — вот и все! В. Р-в.

³ Да, знаменитый Никанор, архиепископ Одесский,— определяет все *монашество* как «мировую скорбь и мировой пессимизм». «Мы, ученые монахи,— носители мировой скорби»,— сказал он о себе и от лица своих миру. В. Р-в.

⁴ Вот! В. Р-в.

⁵ Вот! Вот! В. Р-в.

⁶ Ну, какой же солдат не спрашивает о Бородине? Из самых расспросов явно, что все эти несчастные смотрят на уход из «любодейного мира» как на славу и победу! как на неслыханную победу над страшным врагом — жизнью прельщающею, обольщающею («похоть очей и гордость житейская»). Ватерлоо, Бородино! В. Р-в.

⁷ Сапожников Д. И., стр. 151. Примеч. проф. Сикорского.

Пессимизм и стремление к самоубийству яркой чертой проходит и в терновских событиях. С полным правом можно сказать, что события эти являются беспочвенными и безосновательными — и представляют собой плод измененного настроения духа, вызванного психопатическими причинами, но не внешними событиями. В самоистреблениях терновских, как и в саможоганиях XVII века, мы видим следующие сходные психологические черты: замена рассудка чувством, слабая воля¹ и склонность к самоубийству.

Было бы крайне важным делом разрешить вопрос о том, к какой болезни или к какому психическому состоянию относится группа указанных симптомов, — можно ли их отнести к *большой истерии*² или к так называемому *утомлению жизнью* — *taedium vitae*³. То и другое психопатическое состояние может появляться как у отдельных лиц, так и у целых масс людей. Появление их у отдельных людей не представляет никаких трудностей для объяснения. Что же касается эпидемического распространения болезненных состояний, то для объяснения их можно допустить отчасти общность условий, в которых живут массы. Главным же образом массовая психопатия является искусственным результатом *психологического подбора*. Этот подбор можно проследить в истории саможоганий XVII и XVIII века, но в особенности в терновских событиях.

В истории саможоганий мы постоянно встречаемся с фактом более или менее продолжительной подготовки масс путем пропаганды, увещаний и обманов со стороны так называемых *учителей*, как их называет народ, или *расколуучителей*, как они именуется официально. Эти *учители* с помощью разнообразных приемов старались объединить субъектов болезненного и психопатического типа и направить их *сообща* к той цели, к какой те стремились, т. е. к самоистреблению. В этих случаях учителя, в сущности, делали то же, что теперь делают американские *клубы самоубийц*. Без сомнения, в этих случаях религиозные агитаторы пользовались существовавшей в населении склонностью и старались ее развить и придать ей более широкие размеры.

* * *

В прессе указаны были два события, толкнувшие терновских сектантов к самозакапываниям: *всеобщая народная перепись и открытие мощей Святителя Феодосия Углицкого*. Первое событие относится к области политической жизни, второе к церковной. Внешним образом терновские события несомненно связаны с всеобщей народной переписью, однако же по своему внутреннему характеру события эти всецело относятся

¹ «Слабая воля»!.. O, sancta simplicitas [святая простота — лат.] — можно сказать эти слова Гуса о старушке, подложившей ему дровец,— и обо многих ученых. В. Р-в.

² Sancta simplicitas! В. Р-в.

³ Sancta simplicitas! В. Р-в.

к сфере религиозной, или церковной, жизни¹. Правда, трудно указать непосредственную связь терновской эпидемии с церковным торжеством 9-го сентября; но по времени — некоторая связь, по-видимому, существует, и Федор Ковалев положительно указывает на начало сентября, как на время, когда беспокойство и брожение среди терновских раскольников резко обозначилось. Без сомнения, открытие мощей святителя Феодосия Углицкого явилось крупным событием не только в церковной, но и в народной жизни: оно вызвало общее народное возбуждение, выразившееся подъемом духа, паломничеством, усилением надежд и чаяний. Несомненно также, что на раскольников и других диссидентов это церковное торжество не могло не произвести противоположного действия: не могло не напомнить об их обособлении, о мучительном религиозном отщеплении и отделении от великого народного организма, с которым они соединены языком, бытом, обычаями и в то же время резко разграничены в церковном и вероисповедном отношении. При религиозности русского народа это разделение является весьма существенным обстоятельством для народной совести и влечет за собою нечто вроде безмолвного, непрекращающегося суда одной стороны над другой, т. е. православных и старообрядцев². Этот народный суд явно сказался во время открытия трупов погибших сектантов, когда тысячи зрителей своими массами запрудили терновские хутора и когда сотни изумленных лиц, собравшихся на крышах, деревьях, возвышенных местах, устремили взоры свои на страшную картину откапывания трупов. В собравшейся толпе слышались угрозы, раздавались проклятия; в настроении тысяч присутствующих сказывалось строгое осуждение не только терновским сектантам, но и всему расколу³. Это осуждение принимали на свой счет не одни терновские обитатели, но и многочисленные представители других раскольнических толков и согласий, присутствовавшие при открытии трупов. Они чувствовали тяжесть события, которое ложилось укором на весь раскол⁴, без различия его партий. Как на подробность,

¹ В 2-х этих строчках больше правды и мысли, чем в страницах текста: но что значит *пропорциональность* текста! Никто не обратит внимания на 2 эти строчки и, помня крупные полосы другого текста, будет твердить: «Патология! нервы! слабоумные!» И повторит это *стоустая* молва... Закивают головами хитрые попки... И та истина, та страшная истина, что это есть *событие* нашей веры, нашей религии, что здесь *манифестовано* наше исповедание, и, словом, как сам же проф. Сикорский обмолвился здесь: «События эти *всецело* (всецело!) относятся к сфере религиозной, или церковной, жизни», потонет в общем невнимании. «Они будут видеть и не увидят, будут слышать и не услышат», — сказал посмеявшийся над ними. Но для чего сам же проф. Сикорский столько гордил о Китае и китайцах по поводу русского пожара?! В. Р.-в.

² Очень глубоко. В. Р.-в.

³ Sancta simplicitas... При чем тут «раскол», что значит: «раскольники»?.. Это мы, наше, вот эти самые озлобленные по заборам мужики и бабы, — «судившие» о самозакапываниях, не догадываясь, что закопала несчастных *вся* «святая Русь» и эти зрители, все, все... Ибо *все* мы исповедом то же, что они: но лишь *прохладно*, когда те все взяли в пламени и буре. В. Р.-в.

⁴ Тут постарались наши миссионеры с вековым уверением: «раскол — это *совсем* не то, что мы». — «Не то, что мы», «закопал раскол»: но неужели пункты расхождения раскольников и «нас», этот «Исус» вместо «Иисус», трехперстное сложение вместо двуперстного и хождение «навстречу солнцу» (при богослужении) вместо хождения «по солнцу» — имеют *специфическое свойство* производить самосожжения, самозакапывания и проч. или

свидетельствующую о таком настроении старообрядцев, можем указать на тот факт, замеченный многими, что окрестные старообрядцы старались всеми мерами загладить и смягчить впечатление терновских событий и во время извлечения из земли трупов и вскрытия помогали полиции, переносили разлагающиеся трупы, до которых никто не хотел прикоснуться. По замечаниям наблюдателей, этим они хотели дать как бы некоторое удовлетворение негодование и безмолвному осуждению массы, безропотно покоряясь суду народной совести.

Таким образом, разделение русских людей на *старообрядцев* и *православных* не остается без серьезных психологических последствий; оно способно колебать настроение народных масс, в особенности среди событий исключительных. Успех и подъем духа у одних может вызывать противоположные чувства у других. И в самом деле, многие события в церковной жизни православных вызывали у старообрядцев то фанатизм и озлобление, то упадок духа и скорбь. Скорбь, печаль, упадок духа и неразлучная с ними склонность к самоубийству¹ появляются именно у лучшей части раскольников, у людей с нежной душой, для которых рознь по высшим вопросам жизни является исходом глубокого страдания, истинной мировой скорби². В этом смысле и торжество 9-го сентября не могло остаться без влияния на старообрядцев.

Это церковное торжество произвело вообще немаловажное впечатление на народную душу. И в самом деле, если мы сравним два параллельные и почти одновременные события — канонизацию Святителя Феофана и канонизацию трех святых Западной церкви, то перевес окажется на стороне русского церковного торжества по силе и степени народного участия в нем. Таким образом, каковы бы ни были взгляды на сущность и значение церковного торжества 9-го сентября, нельзя не признать, что оно произвело значительное впечатление на народные массы, — впечатление весьма не одинаковое для православных и для старообрядцев. По понятиям народной совести, открытие мощей Феофана Углицкого явилось событием, оправдывающим одну сторону и осуждающим другую. Говорят, что такое именно настроение замечалось осенью минувшего года в среде терновских сектантов и послужило основанием пессимизма, который так резко проявился именно в это время.

даже производить меланхолию, грусть, тоску?! Явно, что обрядовые различия раскола и никакого отношения не имеют к *духу церкви*, который взят раскольниками, как бы горячая земляца, прямо из-под ног святых угодников. Конечно, не *обряды* церковные, а *дух* церкви закопал их: и он у них *один* с нами. В. Р-в.

¹ Что «*монахи* являются носителями высшей мировой скорби на земле» и что «в печали и упадке духа они даже иногда останавливаются на самоубийстве, а некоторые — как Иоанн, еп. Смоленский, — и прибегли к нему», — об этом свидетельствует в «Записках из истории ученого монашества» архиепископ. Никанор Одесский, и не раскольник, и до открытия мощей Феоф. Углицкого. В. Р-в.

² Тут уж не «патология»... Но для чего раньше, *затемняя все дело*, было говорить о «патологии», «нравственной невменяемости», слабости; и даже что это вообще «худшие, слабейшие элементы своего времени и племени, гибнущие в свежем воздухе новых реформ»? Все «китайский чай» попутал. В. Р-в.

Пессимизм особенно был замечен в терновском скиту, и деятельность Виталии и ее сотрудниц по скиту является попыткой противодействовать этому настроению, найти героическое лекарство против болезни, которая грозила поразить многих. По-видимому, эта решительная женщина задалась смелой мыслью устроить в терновских хуторах священное место, богатое останками мучеников, у таинственных могил которых должны будут стекаться поклонники, подобно тому как это случилось в Чернигове ¹. Это предположение, слышанное нами на месте происшествия, подтверждается поведением Федора Ковалева. Когда в его присутствии происходило откапывание замурованных сектантов, его настроение носило характер уверенности и торжественного ожидания ², но он сразу упал духом, когда его взору представились трупы с признаками разложения и с ползавшими по ним червями: он увидел не то, чего ждал. Это обстоятельство поколебало его фанатическую уверенность в правоте религии, которой он служил, и явилось исходной точкой поворота в его мыслях и началом откровенных признаний.

Несомненно, что Виталия и Поля не чужды были некоторым историческим сведениям о *самоистреблениях* в русском расколе. Об этом можно судить по стилю и содержанию той записки, которая была подана из скита счетчикам народной переписи и которая была редактирована, по всей вероятности, Полей Младшей. Записка эта во многом напоминает те челобитные и заявления, которые писались в XVII веке раскольниками, готовившимися к *гару*. Весьма правдоподобно, что в уме Виталии или Поля Младшей, на основании исторических сведений, созрел план ответить на церковное торжество 9-го сентября так, как отвечали раскольники XVII и XVIII века на церковные реформы. С этой целью Виталия и Поля Младшая воспользовались готовыми описаниями самоистребления в русском расколе и, подобно *учителям* XVII века, возбудили известное настроение в терновском скиту и отсюда направили его в терновские хутора. Их личные качества обеспечили им успех печального дела.

В заключение нельзя не высказать некоторых общих мыслей, которые невольно возникают в уме при чтении скорбного сказания о беспримерном несчастье ³, поразившем раскол в лице терновских сектантов. Никогда печальное состояние раскола не обнаруживалось в более мрачных красках, как в терновской драме. Поэтому не должно быть в отношении несчастных сектантов иного чувства, кроме

¹ Красивое объяснение, но едва ли правдоподобное: слишком люди эти просты и серьезны, слишком думали о спасении души своей, личной души, чтобы помышлять об исторических монументах и соперничестве с Феодосием Углицким, открытию мощей которого, как и всем событиям «Никонианской» церкви — уже, по их мнению, павшей, извратившейся и лживой (см. выше их отзывы), — они не придавали, вероятно, никакого значения. В. Р-в.

² Удивительно! Ну, что таким людям Феодосий Углицкий или Серафим Саровский. В. Р-в.

³ Как благородно... Да, «беспримерное несчастье», как говорит медик, филантроп, дарвинист, материалист. В. Р-в.

безграничной жалости, и иного отношения, кроме самых искренних братских усилий к примирению и объединению с ними. Каковы бы ни были понятия о расколе с догматической и обрядовой стороны, нельзя не признать того факта, что все держащиеся старой веры — дети того же доброго русского народа, что они строго хранят в себе все его народные черты и остаются верными народному духу даже за пределами отечества.

Ввиду этого истинная забота о них (а не одни догматические словопрения с ними) является самым настоятельным и самым неотложным долгом церкви и государства». — *Проф. И. А. Сикорский.*

Конец и Deo ignoto «слава»...

¹ неведомому Богу (*лат.*).

«Бородатые Венеры» древности

...«Кедеши Молоха и Астарты обязывались к жертвам иного рода. Бог разрушения и враг жизни умиловлялся самоистязаниями и требовал уничтожения той силы, которая служила к продолжению существования на земле человеческого рода,— половой силы. Известны были *огненные очищения*¹, или *прохождения через огонь* в честь Молоха; жрецы его

¹ «Они (раскольники XVII века) все спрашивали о *гари*, ужасно интересовались *гарью*, прислушиваясь, не *горят* ли где люди, сколько, когда и пр.,— говорит проф. Сикорский в исследовании о самозакопавшихся Терновских старообрядцах (см. главу «Русские могилы»). В этих расспросах уже чувствуется любящая страсть: «И *страшно*, а как *хорошо!*», «У, как *боюсь*, а *испробовать* бы». Тут влечет, тянет. Что? Какой ужас! Мне приходилось читать в медицинских книгах, что некоторые женщины любят *оперироваться* (о мужчинах этого известия нет). «Женщины особенно *религиозны*, женщины дали *все религиозное на земле*»,— как-то обмолвилась в разговоре со мною грустная Л. И. Веселитская (Микулич). И об «операциях», и о «религиозности» можно сопоставить. Есть какая-то религия грусти, есть какая-то религия ужаса и грусти, «далекая от земли», «caelestis» [«небесный» — *лат.*]. Тут какой-то другой корень, совсем иной, чем на каком держатся цветы, плоды, радость мира. Другой и *сильный*, другой и *необоримый*. В «Молохе-Астарте» древние и схватили, и уловили этот другой корень, и в трепете поклонились и ему. «Ваалу — соития, деторождение! Молоху — смерть, самосожжение, *гарь* (у русских), могила!». Я хочу, однако, обратить внимание на то, что опущение Молоха (и Астарты) не присуще *сплошь человеческому роду*, а некоторым как бы *вкраданным* в человеческую породу *частицам*, индивидуумам, душам, которые *врожденно неспособны к браку и никогда не будут иметь детей*, хотя и имеют детородную систему внешне правильно выраженную. Это — «те, которые не осквернились с женами: ибо они — девственники», и которые «последуют за Агнцем всюду, куда он ни пойдет» (Апокалипсис). Чтобы знать, за каким «Агнцем» последуют девственники, нужно раскрыть громадный (12 фолиантов) атлас научного путешествия Лепснуса в Египет и обратить *весь* атлас, мы встретим «это другое», извая которое художник-жрец отступил от натурального его вида и *сблизил с головою барана*, особенно через посредство спускающихся вниз и закругляющихся рогов. Хотя, впрочем, и рога отвечают некоторой линии в натуре вещи («этой другой вещи»). На все эти сближения я не имел бы права, если бы наблюдения новых биологов не показали, что абсолютные, врожденные девственники, иногда уничтожающие у себя детородные органы, или сводящие их к «нет», посредством бандажей особого рода — у других... «во всем последуют Агнцу», как об этом рассказал — по собственным словам «в дифирамбах», т. е. поэтически и патетически,— Платон в «Федре». — «И не опасайся (такой «девственник») показаться безумным — он зажал как (перед отроком-любимцем) *лапиды*» (религия, обожествление заживо, на земле еще). Все это неясно в отрывках, но становится совершенно ясно, если годы продумать над темою, и много читать о ней. Египет и его *бараны-сфинксы* были еще натуральной очевидностью в эпоху написания Апокалипсиса. Заметим также, что египетские божества, культ и *изображения* (см. монеты) были распространены во всей Малой Азии и в *Сирии*, где был написан «Апокалипсис». В. Р-в.

резали себе тело и бичевали себя. Еще более *распространено было* *скопчество*. Кедеши, т. е. «святые», «священники» Молоха и Астарты, были кастрировавшие себя так называемые galli ¹. Сцены этого обряда, сопровождавшиеся неистовством, поразительны. Греческие писатели передают, что среди раздирающих (печальных? грустных? — В. Р.) звуков музыки и пения они резали себе руки и бичевали себя; а юноша, которому приходила очередь оскопиться, срывал с себя одежды ² и, что-то неистово выкрикивая ³, хватал нож и отсекал свой детородный член. Вслед затем он бежал по улицам города, держа в руке отрубленный детородный уд, и, войдя в первый попавшийся дом, — потрясая, показывал его найденной там женщине и бросал к ее ногам ⁴ (Movers. «Ueber d. Relig. d. Phoeniz». S. 684—685). Женщины в честь Небесной Девы, Астарты, — также обрекали себя на всегдашнее безбрачие ⁵. В связи с такого рода посвящением ⁶ мужчин и женщин на служение Молоху и Астарте, и сопровождавшими его обрядами, находился преследуемый Моисеем ⁷ обычай, по которому *мужчины одевались в платье женщин*,

¹ жрец Кибелы (лат.).

² Вероятно — блестящие, «мирские», веселые, нарядные. И вообще все это весьма похоже на наш постриг в монашество, но лишь выражено жестко и решительно, «до конца», как это соответствует наивной и откровенной тогдашней культуре. В. Р.-в.

³ Вероятно — подобное нашим «обетам отречения»: что он «никогда не взглянет на женщину, не соблазнится женщиною», и, может быть, что «отныне, сверх целомудрия, будет хранить и смирение, послушание» и проч. *Зерно* дерева, конечно, не похоже на дерево, но оба — одно: как бесспорно имеет *что-то одно в себе* эта история с «галлами» у древних и у нас пострижение в вечное девство... *Хотят* одного («не оскверниться с женами»), значит — *одно!* В. Р.-в.

⁴ С презрением, как бы сделали теперешние (неискренние и непоследовательные монахи), будь они *физически* верны *духовному* обету. «Вот — это *твое* (женщины), мне его — не надо! Возьми свое добро и наслаждайся им: а я — другой! *святой!* («кедеш», «священник»; как у нас «монах» всегда кажется «святым») сравнительно с *семейным* священником. «Самый худой монах все же лучше самого добродетельного священника» — аксиома монастырей. В. Р.-в.

⁵ Совершенная аналогия посвящению у нас в монашестве обоих полов! «Аналогия» потому, что здесь и там это *религиозно*, там и здесь это — *культ*, религиозный обряд, религиозная церемония, «церковное торжество» (как у нас всякое «пострижение»). Торжество *чего?* Ясно видно, вслух сказано (у нас — с оговорками, ибо, уже по Нестору, «греки издревле *льстивы* суть», т. е. уклончивы, неправдивы, не прямые, любят ласковые слова, облекая в них жесткую или ужасную действительность). Это — «торжество», т. е. достигнутая цель, давнишняя мечта («не имеет ничего общего с женщинами», не касаться их, не скверниться с ними... «Гадко! мерзость!») — вот суть Федра-Платона, древнего «галла» и нашего монаха. Это *неодолжимое физиологическое* (и *психическое*) *отвращение* и есть *primum* всего дела, тот *στοχέον*, элемент, атом, — из какового и выросло все «дерево» тогдашнего и последующего аскетизма. В. Р.-в.

⁶ Вот («посвящение»), а не факт; религия, а не история. Не «нравы диких», как, вероятно, уже изготовились сказать попики. В. Р.-в.

⁷ Религия плодородия, только плодородия, — у Моисея, у евреев, у Израиля. Историки не догадываются и законоучители не стараются объяснить в классе «на уроках Закона Божия» (= закона чадородия), что уклонения древних евреев в сторону поклонения Молоху и Астарте были постоянные попытки вторгнуться к ним *монашеству*, девственному духу, безбрачию; на что Израиль и пророки, увлекая и царей, говорили: «Нет!» У нас на уроках Закона Божия все это представлено так, что «пророки» и «благочестивые дары» Израиля были чуть не монахами, все постились и все молились, по примеру Филарета Московского или «в предтечу» Филарета Московского; а «гнусный культ Молоха» отвлекал их от этого ветхозаветного еще монашества в сторону «осквернения с женами»... Забывают законоучители, что святому Давиду, до того старому, что он ничем не мог согреться, якобы «монашествующие» священники Иеговы подложили двух молоденьких девушек! То-то католики не велят мирянам *самим* читать Библию, а наши озабочены изданием «учебной Библии»,

и — наоборот ¹. Юноши как бы обращались в девушек, после посвящения их божеству, т. е. после того, как они лишались детородных органов. Быть может, в этом отчасти выражалась и мысль о том, что божество есть нечто безразличное по отношению к полам ². На это указывает свидетельство древних: согласно им, богиня Венера представлялась иногда андро-гином (ανρ + γυνη) и называлась и «Марсом», и «Венерою». Особенно в мистериях признавалась она *intrinsicque sexus* ³. Ее называли поэтою «Deus Venus», как и сирийскую богиню Луны «Deus Lunus» и «Dea Luna». На острове Кипр была даже «бородатая Венера», «Venus Barbatus». Молох превращался в Мелитту и наоборот. Вот почему мужчины перед Венерой приносили жертву в одежде женщин, а женщины перед Марсом в мужской одежде ⁴. «Invenies in libro magico graeceri, — говорит Маймонид о религии сирийцев, «ut vestimentum muliebri induat vir, quando stat coram stella Veneris, similiter et mulier induat lorica, quando stat coram stella Martis» ⁵ (Архимандрит Хрисанф: «Религии древнего мира», т. III, стр. 302—303).

* * *

«В Сидоне, столице Финикии, Астарта — или «Великая Астарта», как здесь называли ее, — была верховным божеством и покровительницей города. Самые свойства этой финикийской богини, по общему значению сходной с Ваалит и Ашерой, были, в существе, совершенно отличны. Эта

с пропуском таких и аналогичных мест! Но неизвестно, где «дух святой», в Библии или в семинариях и духовной цензуре. Последние еще никого не «спасли», а Библия выучила молиться весь род человеческий. В. Р-в.

¹ Т. е. не то, что мужчина наденет платье, которое сняла с себя женщина, и обратно; а мужчины одевались в женские, женоподобные платья, в платья женского покроя (теперешние наши духовные одежды); а женщины «кедеш» одевали платье мужского покроя. Здесь и выступает (у мужчин-кедешей) «Агнец, за которым вы будете всюду следовать»... Но не будем предупреждать биологических наблюдений. В. Р-в.

² Тупая мысль автора книги. Впрочем, естественная: проводить свою «духовность», что «Бог есть дух» и что все «религиозное» есть только духовное, бесплотное, (якобы) бесполое. О том, что самый дух имеет пол, и духовные явления и таланты явно распадаются на мужественные и женственные, на мужские и женские — этого ему, конечно, не приходит на ум. В. Р-в.

³ Обоюдо-полою, дву-полою: так неужели же обладание в одном «я» обоими полами, такая «через край» — полость, есть то же, что вне-полость, без-полость, сухое дерево или «чистая духовность». До чего духовные не понимают даже грамоты тех предметов, о которых пишут; и все, между тем, стараются «изъяснить». В. Р-в.

⁴ Характерно... Мужчины, подходя к женскому божеству, не осмеливаются быть одетыми в свое мужское одеяние, к которому, очевидно, богиня питает отвращение, а должны переодеться в женщину, в каковом виде «пилигрим» уже допускается богинею перед своею лицо... Но пусть (духовные объяснят) богиня-Дева не хочет, застенчива быть увиденно мужчинами, отвращается увидеть мужчин. Но тогда зачем же женщины перед stella Martis являются мужчинами? Марс и вообще «мужской пол» уже не пренебрегают женщинами и не избегают их встреч. Неправдоподобное в Марсе, — очевидно, это и в Венере неверно. Дева-богиня, stella Venus, «Небесная Дева» говорит: «я хочу только женщин, мужской род мне ненавистен»; муж-Марс, «Небесный (stella) Марс» говорит: «мне угодны только мужчины, юбок и корсетов я не выношу». Все это глубоко связано с оскотением («галлы»); и вообще поклонение объясняет культ и, в свою очередь, разъясняет себя и свою метафизику в культе. В. Р-в.

⁵ Ты прочтешь, что в магической книге предписано: мужу облачаться в женские одежды, когда пред глазами стоит Венера, и точно так же жене облачаться в кольчугу, когда восходит Марс (лат.).

астроарх — как по-своему переводили ее имя греки была Девственница, *Virgo Caelestis* — в противоположность Ашере. Характер ее — суровый и мрачный, а культ требовал воздержания и самоистязаний и соединялся обыкновенно с культом Молоха. Ее поклонники обязывались к целомудрию и должны были приносить ей в жертву свою страсть и свои чувственные пожелания¹. Санхониатон и ее, как Ваалит и Истар, называет «звездой Венера», но большинство греческих писателей признают ее богиней Луны². Нет сомнения, что Астарта представляет собою женскую половину Молоха, как Ашера — Ваала. Первоначально, конечно, она была то же, что и Ваалит и Ашера; но впоследствии, параллельно Молоху, который присоединился к Ваалу, в сидонской Астарте воплотилась сторона этого Молоха — элемент, враждебной жизни и ее развитию. По крайней мере, тип этой вечной Небесной Девы, суровой, услаждавшейся кровавыми жертвами, ближе всего подходит к типу Молоха... По всей вероятности, за нею оставалось значение не планеты Венера, как за Ашерою, а Луны»... (там же, стр. 284—285).

¹ Если бы не обычный «двоящийся язык» духовных авторов, как было бы все ясно, каким светом залилась бы Библия. «Служительницы дворцов были монахини», «нечестивые цари Израиля и царицы, как Иезавель, наполнили дворцы свои монахами и монахинями», каковых стоятель Божий «порубил при потоке Кедровском», когда они зывали к глухому богу о дожде, как и теперь он таких же не очень слушает «о дождичке»... И все было бы ясно! О, как все ясно! Из Финикии, из Сирии, уже задолго до христианства возникшее там монашество, «галли», силилось прорваться к храму Иеговы, с золотую виноградную гроздью в нем, где все было плодородие и плодородие, чадородие и чадородие! Но не удалось тогда; пока «камня на камне не осталось от храма» Иеговы, и вот тогда все «удалось»... Меланхолические звуки полились в история, а темные монашеские тени забегали во всех храмах, от Рима до Вологды, от Иерусалима до Аранжуэца. В. Р-в.

² Мифологам и историкам давно бы пора оставить такие ничего не значащие выражения, как «богиня Луны», «божество солнца» и пр. Это как бы об Иверской Божией Матери кто сказал «божество дерева» или «известное божество городских врат Китай-города» (в Москве). Разумеется, в древности говорилось о божестве лунных свойств, о божестве лунного характера, вот этого не рождающего и светящего, грустного, манящего, нежного, влюбляющего в себя и как бы ласкающего влюбленных, но именно только влюбленных — до сближения. Все женихи и невесты почему-то «смотрят на луну», чего и на ум не приходит супругам, даже самым любящим, очень любящим. Совсем другой колорит любви! Супруги любят солнышко. Почему? Кто разгадал? Луна запрещает «очень любиться», вот «сближаться»; «грозит с неба пальчиком». — «Поллуйте, пометайте, но — и довольно». Это — монашеская любовь, прогулки до полно влюбленных монахинь, грустных, молчаливых, не знающих, что делать со своею любовью, не наших тогда еще «предмета»... Это — несчастная или преступная любовь, не нормальная, ничем не кончающаяся, которой положены роковые пределы. Мечтательное начало с тем вместе есть и жестокое: ведь *сантиментализм* Руссо родил фурий террора, как был *сантиментален* и *Робеспьер*... В мечтах рождается идеал; а идеал всегда бывает и особенно ощущает себя оскорбленным действительностью. Идеал и «луна» не знают компромиссов... Луна и ночь — *единенны*: опять — это *монашеский зов*! Все это совершенно обратно горячему солнышку (Ваал и Ашера), ясному, пекущему, выгоняющему из земли траву, выгоняющему из стволов древесных сладкую камедь (сок), от которого цветы расцветают, пестики цветов опыляются, а тычинки и околоплодник цветов наполняются нектаром. И, наконец, все зреет к августу, когда тяжелые гроздьи, яблоки, всякие плоды склоняют почти до земли ветки дерев. Солнце — супружество (совокупление), солнце — факт, действительность. Луна — вечное «обещание», греза, томление, ожидание, надежда: что-то совершенно *противоположное действительному*, и — очень *спиритуалистическое*. В. Р-в.

Подвижники раннего христианства

«Иночество» глубоко коренится в духе и сущности христианства, и чтобы убедиться в этом — стоит только раскрыть правдивые сказания лет древних. Там мы увидим, что оно появилось вместе с проповедью Евангелия, что с самого начала христианства души, наиболее верные Евангелию, избирали путь отречения от мира и мирских привязанностей. «Преподобные» явились на земле в лице тех, кто всеми силами души стремился *уподобиться* Сладчайшему Иисусу.

Вот почему еще в Ветхом Завете встречаются следы монашества. Таковы были Назореи¹, посвящавшие себя Богу по особенному обету,

¹ Через всю богословскую и «святоотческую» письменность и литературу проходит желание, притом искреннее и наивное, основанное на невежестве, связывать «наши пожелания» и «вашу уверенность» с ветхозаветными примерами, как *прецедентами*. Так и здесь. «Назореи суть ветхозаветные монахи» — это вам ткнут в споре и малоученые миряне, и многоученые богословы-академисты. На вопрос «почему» ответят: «Как же, в дни назорейства своего они *воздерживались* от сикера и вина». — «Ну?» — «Воздержание есть *пост*, а постничество есть суть монастыря: следовательно, назореи были то же, что теперешние монахи. Воздержанники, постники»... Между тем стоило бы не только глазами читать буквы Ветхого Завета, но и душою вникнуть в его музыку, чтобы понять, что «назореи» были «святыне», «угождающие» Богу, но именно в духе плодородного Ветхого Завета: т. е. они были *противоположностью* монашества! С чего *начиналось* назорейство? Великий этот закон учредил Моисей, имевший двух жен (Сенфору и Эфиоплянку) и, уже конечно, о монашестве не помышлявший. Он ввел или, точнее, *разлил в народе* обычай, обыкновение, которое привилось со страстною горячностью, как, впрочем, естественно должно сладко привиться все, что помогает чадородию и увеличивает его, — увеличивает не в моментах разрешения от бремени, беременности, а в зачинающем его моменте, поднимая его энергию. Назорейство было обыкновением, но не обязательным, не всеобщим и пассивным, а поставленным под закон внутренней у всякого прихоти, фантазии, поэмы. «Есть охотка, становись назореем». Уж это должно бы обратиться на себя внимание наших богословов и заставить их спросить себя: «Для чего оно?» «Хорошее дело» — это «назорейство» — ну, пусть бы исполнили *все*. Ведь оно длилось недолго, вот как наши посты, и под силу было бы и народу. Но Моисей сказал: «Пусть по фантазии». В чем же тут дело? Да в чем суть назорейства? К этому можно подойти, всмотревшись в обряд его. Вот я хочу быть назореем. «Тогда, — учит Моисей, — ты поди в Скинию свидения («свидание», «встречи») с Богом: ибо она была вечно наполнена «Славою Господнею», как бы мы сказали теперь: «полна Св. Духа», «полна благодати»). Там, купив жертвенное животное (не дорогое, овцу, т. е. *обыкновеннейшее* у пастушеского народа -- это в видах доступности всем), *сними одежды с себя; и священник*, служивший при храме, положив к ногам твоим это животное, *обреет кругом твое тело*, так, чтобы срезанные волосы падали в шерсть этого животного и смешивались с волосами его». После того животное закалывалось и сжигалось на жертвеннике всесожжений, *вместе с волосами нового назорей*, «в сладкое благоухание Господу» (обычное прикладное слово о всех жертвах). Затем «назорей» возвращался в дом свой, к жене и детям (без жены и детей не было евреев), обзаванный на дни «назорейства», срок коего он сам для себя определял, «воздерживаться от сикера и вина», как известно, *расходолаживающего* (разжижающего) *кровь и расслабляющего половые силы*. Срок назорейства, избираемый обыкновенно на 30 или немного больше дней (по «фантазии»), — был тьмпом изопренно-чистых, глубокоюсных в сознании, совокуплений; конечно, ни малейше не преувеличенных в числе (что всегда ведет к сплывности и пакости, к *частым слабеньким совокуплениям*), но, бесспорно, более, так сказать, полновесных, зернистых, содержательных. Это как рожь набирают «на семена» — всегда лучшую, крупнейшую, свежую. На это указываете бритые волос *около половых органов*: как мы, готовясь сделать визиту — «бремсея», к празднику — «бремсея», так бритые детородных органов ясно знаменует «праздник» их, «торжество» их. А что Моисеево «обрей все тело кругом», имело в виду именно особенно половые органы, это ясно само собою: потому что *без обращения на них внимания*, не надо бы новичку-назорю раздваться и священник мог бы просто обривать ему голову. Наконец, выбривать место «под мышками» можно было тоже лишь слегка откинув

на время или на всю жизнь. Таковы были Илия, Елисей, и ученики пророческие, соблюдающие целомудрие ¹ и нестяжательность и жившие в пустынях; таковы были все те, которые, по слову Апостола, скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, бедствия, озлобления ² — те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли (Евр. XI, 37, 38). Таков был и Предтеча Господень.

Но в полном совершенстве иночество раскрылось только в Новом Завете. По словам аввы Пнаммона, *новозаветное иночество ведет свое начало от самих Апостолов. Таким в начале было и все множество первых уверовавших во Христа. Св. Василий Великий в самом обществе Господа Иисуса Христа и Апостолов видит первообраз иночества* ³...

не тяжелесную южную одежду В ритуал входит и в мысль Моисееву явно входило это, чтобы в Скинии свидения «назорей», т е в конце концов (в течение года) весь народ, все зрелые евреи и еврейки, показались нагими, с органами открытыми, видимыми, обвееваемыми «благотатным воздухом» Скинии Назорейство было воздушною миквою Израйля. И как миква имеет отношение к вот-вот сейчас вслед за нею имеющему совершиться совокуплению, — так же точно и назорейство Это было храмовое «посвящение», «благословение», «напугствие» в совокуплении С монашеством оно имеет только то подобие, что «назорей» также чувствовал себя «посвященным Богу», «посвятившимся»; но «через совокупления, угонные Богу», «посвященные Богу», как и Богом указанные, предписанные («плодитесь, множитесь»), а не через «пост, скопчество и молитву» (монахи) В Талмуде, который есть «ограда закона», — исчислены яства и питья, понижающие и повышающие половую силу, половую предрасположенность, жажду Между прочим от чеснока и шуки — жаждут отчего это и есть любимейши, всегдашние блюда любовитых евреев; от сикера и вина сила увядает, как это подтвердила в наши дни и наука Мне где-то пришлось прочитать в статистической книге, касавшейся приуральских наших губерний, что вот в такое-то время уменьшения акцизного дохода, т е сокращения пьянства, — пропорционально увеличилось число изнасилований, т е нетерпеливых, неудержимых совокуплений. Нет пьянства — половой напор становится сильнее И с сильным половым напором народы не имеют предрасположения к пьянству (евреи, мусульмане) В Р-в

¹ Не помню, которому из пророков (богословы знают) Бог сказал. «Поди к блуднице и зачни с нею». Пророк исполнил «Поди и еще зачни», — повторил Иегова И так до трех раз. Да и вообще, нужно ли объяснять, когда это говорит каждая страница Библии, что на том самом месте, где образовалась голое скопчество потом, пресловутое девство, «святое девство» на этом самом месте в Ветхом Завете росла, зеленеда и вечно поливалась свежо водою («омовения») густая-густая, высокая-высокая трава совокуплений! И та самая «святость», которая отнесена была потом к девству, она ранее принадлежала совокуплениям Многоженство гораздо священнее считалось, чем одноженство что видно из того, что, например, одноженный Исаак был «так себе» у Бога, без знамений, без посещений, без особенных ему обетований, — многоженных же Авраама и Иакова Он посещал, говорил с ними, и точно всячески делая и ласкал Да и понятно: если «женность» хорошо, то многоженность лучше одноженности, как «пять» больше, лучше «единицы», как полководец, выигравший «три сражения», лучше выигравшего «одно», и учитель, обучивший «толпу» детей, лучше, угоннее Богу и нужнее в миру, чем обучивший единственного ученика В Р-в

² Где это в Ветхом Завете культ «недостатков, бедствий, озлоблений»? Терпишь, когда приходится: а искать — грешно. Это уж в Новом Завете стали «изъявлять себя», и что отчаянее, горше — «испытывать сладкую муку язва». Когда это пришло, со «счастьем человеческим» было кончено, и дверь в Эдем, обещанный вторично человеку (Апокалипсис) — наглухо заколотилась В Р-в.

³ Все это и так, и не так «Община Иисуса уже была иноческою», «была образом и примером иночества» Действительно все в этой общине и она сама была «не от похоти мужския рожденною, ни — от похоти женския». Уже в ней ничего не было «от плоти»: все устремления — «духовные», все интересы — «духовные», и община эта была, конечно, зачатком и прообразом «духовенства», греко-российского, латинского, германского Кой-кто из них был женат; но каким-то боковым способом, не центрально, не главным образом Как и духовенство всемирное с тех пор имеет семью «как сбоку припека», «дозволенную» (у нас), замененную «экономками и служанками» (у католиков) Везде от семьи остались «поскребы-

Действительно, некоторые из Апостолов, не вступившие в брак до своего призвания к апостольству, *остались навсегда девственниками*: св. Иаков, брат Господень, сыны Зеведеевы — Иоанн и Иаков и Апостол Павел. Ученики св. Апостола Павла, Тит и Тимофей, подобно своему наставнику *оставшись безбрачными*, всецело посвятили себя на служение Господу. *Дщери перводиаконов Филиппа и Николая пребывали в девстве*¹. Климент, ученик апостольский, писал уже окружные *послания к девственницам*²... С самых времен апостольских идет почти непрерывный ряд свидетельств церковных писателей о девственниках и девственницах.

ши), хлам: сердцевина была выедена. Сердцевина величия, сердцевина яркого признания, сердцевина верности и доблестей. Точно вокруг семьи, этого «райского дерева», этого «дерева жизни», походил больной, калека; и заразил ее калечеством своим, «убогим видом». Но это был именно только вид убогости: на самом деле под убожеством скрывался Сильный, Сильнейший. Передав семье «убожество» свое, сам он начал расти — о, тоже в этом идеал «убожества», но в сущности — «якобы убожества»: поднялась сатанинская гордость «смиранных видов», и недаром 1-й основатель папства определил себя «*servus servorum Dei*», «*раб рабов Господних*». В «красбских чертах», «прихрамывая», «сгибаясь», — все они занесли голову свою за облака. Вернемся к теме: да, *женаты* были некоторые Апостолы; но чтобы у которого-нибудь из них *родился ребенок* — этого не только нигде не сказано в Евангелии, но как-то и представить себе нельзя, чтобы об этом было на его страницах сказано. *Весь дух его изменился бы*. «Плотская радость», «плотское счастье» — это «дерево жизни» растет; тогда как в Евангелии оно нигде уже не растет... Как с пришествием Христа прекратились жертвоприношения — т. е. та древнейшая часть *всех* религий, тот ее *первый* камень, который уже описан подробно у сынов первого человека, Адама, — так *сам* Христос явился как бы *последний рожденный со славою* женами человеческими, после Которого прекратились *настоящие* рождения, и осталась лишь тень их, схема их, даже смрад их, без сока и сладости. В. Р-в.

¹ Вот! Начинается этот культ «старых дев», маринад из «похоти мужской и женской», который касается в собственном укусе, вместо того чтобы давать лозу. В. Р-в.

² Вот! И такое величественное это слово: «девственницы», «двственники». Но это хорошо — бессемянным: а горькие старики-семьянины, видя, как взрослые дочери их, и одна, и другая, и шестая, оставляются «бессеменной эпохой» за флагом, горько плачутся про себя, а в слух называют их «старыми девками». Климент поэтому написал не «Послание к девственницам», а «Послание к старым мухоморам», от яда коих — через мглу веков — произошли теперешние наши «бульвары» и «городские сады», где такие же мухоморы, на исходе увядающей, никому не нужной, никому не потребовавшейся их молодости, бегают, высунув язык, за гимназистами, за столоначальниками, за кем-нибудь, за кем угодно. О, Боже, да ведь и жизнь изжита, и как их осудить! Это уже не человеколюбивый Талмуд, по одному из правил коего если у отца есть дочь особенно непривлекательная, то отец все-таки обязан, хоть за деньги, ей приобрести временного мужа. Навеки-то, на наш «вечный брак» — и «за деньги» на многих нельзя жениться; ну, а *временно* — при свободе хоть на завтра развода — конечно, уже не было такого уroda из девушек, которую «познать» решительно отказался бы всякий. При заповеди «плодородия» естественно вытекло это мудрое правило, что как только у девушки лобок начал покрываться волосами (см. у пророка Иезекииля), — так отец и мать *обязаны* были привести ей на ложе, кто бы «вошел» к ней и зачал в ней. И уже, конечно, нельзя было ожидать отказа, когда сестра упрашивала своего брата, холостого или женатого — все равно, совокупиться с ее дочерью, хотя бы сколько-нибудь раз, хотя бы до первой беременности, когда (в случае нестерпимого ее безобразия) он мог быть заменен другим мужем (механизм развода, закон родственных браков), опять не вечным, опять каким-нибудь. Вот уж там и «лен курящийся» не «загашивался», и «трость надломленная» — не переламывалась. Заметим, что великая есть доблесть, великое служение Богу (вот *где* настоящее «монашество»), как «жертва Богу» заключается в женитьбе на тех девушках, вдовах, вообще женских существах, которые «никому не понадобились», «никому не нравятся», некрасивых, слабеньких, невидненьких; но «тяжких бремени» не надо возлагать, и, конечно, можно надеяться на охотную женитьбу на таких лишь при многоженстве, которое да будет *благословенно между прочим именно и за это*, что при многоженстве возможно брать некрасивых, космических «сирот», космическое «убожество», производя от него иногда красивейшие лозы: ибо «убогие» с лица своего, в *поле* бывают часто гениальны, воспримчивы, страстны, «похотливы». Уверен, что доля избранничества Богом Магомета объясняется любовью и верностью его, еще в 17 лет, к 40-летней милой Хадидже: только на небесах известно,

Св. Игнатий, св. Иустин мученик, апологеты Афинагор и Минуций Феликс, Ориген, Тертуллиан, св. Мефодий Тарский, св. Киприан — говорят нам о существовании в древней Церкви подвижников и подвижниц, отрекавшихся от мира для нераздельного служения Господу ¹.

После Апостолов из подвижников и подвижниц первого века нам известны святые: *Фекла, Зинаида и Филонида, Евдокия и Телесфор*.

Св. Фекла, после проповеди Апостола Павла и Варнавы в Иконии, уверовав в Господа, оставила своего жениха ². После чудесного избавления от огня в Иконии и зверей в Антиохии, с благословения Апостола Павла «иде в Селевкию и вселися в пустем месте на некоей горе близ Селевкии, и тамо живяше в посте и молитвах и богомыслии» — до 90 лет своей жизни. Память ее 24 сентября.

Святые Зинаида и Филонида были сродницами Апостола Павла. «Оставляше своя стяжания и всего отрехшеся мира», — они пришли в Фиваиду и там, близ города Димитриады, «в некоем вертепе житие свое провождаху». — Язычники, «нощию нападше, камением побиша их, и тако блаженным сном уснули»... Память их 11 октября.

Святая Евдокия прежде была блудницей в Илиополе и обладала огромным богатством. Ее обратил ко Христу «инок некий, именем Герман», который в своей обители «имяше братьи семьдесят иноков». Искренно раскаявшись, св. Евдокия в святом крещении возродилась в (96 году) к новой жизни и, раздав все свои сокровища, вступила «в монастырь девическ, в пустыни». Скончалась мученическою смертью уже в 152 году, прожив царствования Домициана, Нервы, Траяна, Адриана и Антонина. Память ее 1 марта.

Святой Телесфор проводил, до своего избрания в папы, отшельническую жизнь. Скончался мученическою смертью (128—139 г.)

Из второго века известны своей подвижническою жизнью: *святый Фронтон*, имевший под своим руководством до 70 иноков и построивший монастырь в пустыне Нитриской, *св. Параскева*, раздавшая по кончине родителей все имущество и принявшая иноческий чин, впоследствии пострадавшая за Христа, *св. Наркис*, епископ Иерусалимский. Оставивши престол, он удалился в пустыню, где и пробыл до конца дней своих в подвигах иноческих. *Св. Евгения*, римлянка, дочь наместника

а не у пустых людей, как было отраднo Богу, что он так любил и никогда — уже женившись на других — не обидел свою Халиджу, бывшую тогда «беззубою старухою», как ее ревниво называла младшая из Магометовых жен, прекрасная Аиша. Хотя он безумно любил ее, последнюю, но не переставал и в это даже время любить, ласкать и нежить Халиджу. За Халиджу ему и послал Бог победы и успех и дал Свои слова пророчества. *В. Р-в.*

¹ Читай: «Для угождения Богу отрекавшихся от исполнения воли Божией, заповеди Господней». *В. Р-в.*

² Вот... Начались эти «оставления жениха», «ухождения в монастырь», прообраз скорбных Лиз Калитиных... Но оставим уродство. Или — вот оно произошло; то и пусть осталось бы в молчании, как эмпирический факт, не переходя ни в принципиальное *да*, ни в принципиальное *нет*. Но этого не случилось: о нем *записали*, его *прославили* «оставление жениха», т. е. *безмужество*. О, поистине, как «благочестиво есть в Пустынной Аравии посадить хотя одно в жизни дерево» — так в нашей цивилизации старых дев и беспутных холостяков «благочестиво есть» бросить в огонь хоть одну из этих старопечатных книжонок, в кожаных переплетах и с медными застежками. *В. Р-в.*

александрийского, в царствование императора Коммода обратившись ко Христу чтением Свящ. Писания, тайно удалась из дома родительского и по дороге встретила обитель. Ее сопровождали внуки Протасий и Иакинф. «Слышу, яко Елий, епископ христианский,— сказала она слугам,— созда зде монастырь, в нем же черноризцы непрестанно во дни и нощи хвалят Бога песньми». Увидав Елия, построившего монастырь, она приняла св. крещение вместе с внуками. *Переодетая в мужскую одежду*, Евгения принята была в мужской монастырь, «*юноше подобно одеянием и остриженными власы*». «В монастыре живяше,— добре иночествуя и работая Богу». Избранная по смерти аввы в *настоятели*, она подверглась низкой клевете. Явившись на суд к наместнику Филиппу, своему отцу, она открыла ему свой пол и происхождение. Впоследствии основала женский монастырь, в котором была настоятельницей. Жизнь свою окончила мученически. Память ее 24 декабря.

В III веке прославился своими подвигами св. *Никон*. Родом из Неаполя, он после св. крещения отплыл на остров Хиос, где на горе Ганос был крещен епископом Кизическим Феодосием, укрывавшимся в пещерах от гонения со множеством иноков. «По приятии крещения святого, блаженный Никон живяше в пещерном том монастыре, учася божественным книгам и иноческому присматриваяся житию: то же и сам обложен бысть во иноческий образ кротости ради своея».

Св. *Галактион и Епистима* — из г. Емеса в Финикии. Св. Галактион, будучи христианином, *по воле родителей был обручен с язычницей Епистимой*. Обратив ее ко Христу, он *убедил ее вести девственную жизнь*¹. Ночью они удалились из дома и пришли к Синаю, и там, близ горы Публиона, Галактион вступил в мужской монастырь, а Епистима — в женский. «Подвиги его и труды кто изрещи может? Никогда не виден бысть празден, но или делаше, что монастырю потребно, или моляшеся: пост его бе безмерен, иногда бо во всю седмицу не вкуси. Толикий же целомудрия и чистоты своя бе хранитель, яко во вся лета постничества своего соблюдашеся опасно, *да не видит лица женска*»²... Впоследствии Галактион и Епистима сподобились мученического венца. Память их 5 ноября.

Св. *Пансофий*, родом из Александрии, по смерти отца своего Антипата раздав все свое имущество, удалился в пустыню. Скончался мучеником в царствование Декия. Память его 15 января. В то же царствование пострадал за Христа иннок диакон *Авив*. Память 6 сентября.

Св. *Анастасия Римляныня*. Близ Рима, на уединенном и неизвестном месте, находился женский монастырь. Круглой сиротой Анастасия, трех лет, была взята на воспитание игуменией Софией. Она выросла красавицей, но «вся уметы вменивши, увенчана Христу, и день и ночь в моли-

¹ Вот!.. В. Р-а.

² Вот! «Не надо Евы». До чего явен бунт против Бога, не со стороны откуда-то, но из Адама же извлечшего жену ему, и тем показавшего, какое это внутреннее существо вещей, не придуманное, не постороннее, не случайное. «Уже в тебе, Адам,— есть Ева: которая и выходит во благовремении» (= брак). В. Р-а.

твах служаще». На 21 году от роду скончалась мученически. Память ее 29 октября.

Из переводного творения *Руфина*:
«Жизнь пустынных отцов».

Благочестивому читателю

«После плачевного отпадения от Бога в человеке произошла печальная перемена: в нем образовалась тайная, безмолвная сила, непреодолимо влекущая его к земле, к благам и наслаждениям мира сего. Это было вполне естественно: не направляясь более вверх к живому, святолюбящему Богу, как к высочайшей цели желаний, дух человеческий по необходимости низвергается вниз, в мир земных благ, с беспокойно-страстным желанием наполнить образовавшуюся, с удалением от Бога, пустоту. И вот — нет конца, нет насыщения... Не насытится око зрением; не наполнится ухо слышанием; и вот — «все суета и томление духа» (Еккл. 1, 8, 14). Множество *конечных* целей никогда не удовлетворит духа с его *бесконечными* стремлениями ¹.

Ни у одного народа это всецелое увлечение внешним миром не выразилось в такой яркой, вполне законченной — до художественности — форме, как у древних греков. Всеми силами души, всеми своими стремлениями они погружены были во внешний чувственный мир, смотря на земную жизнь, как на законченное целое, и почти совсем не задумываясь о жизни вечной. Как дивно прославляли они блага земной жизни! Какая чудесная картина разворачивается пред нами в песнопениях Гомера. Земная жизнь человеческая во всех ее проявлениях предстает здесь пред нами, вся облитая лучами чарующей поэзии.

Никогда земля и небо не сияют столь лучезарным блеском, как после грозы, бури и проливного дождя. Так и в песнях Гомера «мы ощущаем как в целом, так и в частях — свежую, цветущую юность человечества» (Шеллинг). Весь мир полон дивной гармонии! Нигде нет разлада — ни в жизни природы, ни в жизни человеческой. Даже несчастья, даже слезы — не портят того жизнерадостного ощущения, которое ощущается при чтении Гомера. Они лишь не более, как игра света и тени в чудно-прекрасной картине. Все божественно и человечно! Смысл жизни — в самой жизни, в наслаждении ее дарами.

Сладко вниманье свое нам склонить к песнопевцу, который —
Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким подобен.
Я же скажу, что великая нашему сердцу утеха
Видать, как целой страной обладает веселье, как всюду
Сладко пируют в домах, песнопевцам внимая, как гости
Рядом по чину сидят за столами, и хлебом и мясом
Пышно покрытыми, как из кратер животворный напиток
Льет виночерпий и в кубках его опененных разносит.
Думаю я, что для сердца ничто быть утешней не может!

.....

¹ О, семинарищина, о глупая семинарищина! И еще туда же, философствует... В. Р.-в.

Но вот — пришло Евангелие. Оно открыло миру новый, неведомый язычеству, смысл жизни. Перед очами мира засияла новая красота, перед которою поблекла красота мира сего. В мир явилась Божественная Мудрость, научившая людей *жить для смерти и умирать для жизни*. Огонь, низведенный Спасителем на землю, поपालил прежнюю и воспламенил новую жизнь на ней...

...Вместо героев, увлекавшихся борьбою, вместо гостей, увенчанных миртом и розами ¹, вместо веселых хороводных песен — явились другие люди, с другими стремлениями. Не чарующие дубравы, не светлоструйные ручьи, не изумрудное море, не очаровательные ландшафты веселой Эллады — нет, — ужасающие египетские пустыни, одинокие пещеры —

¹ Да, *психологическое* основание для перелома, конечно, было, но не было основания *религиозного*, т. е. относящегося «до вечности» и в себе самом заключающего «вечность». Вся древняя цивилизация *износилась, истерлась*. Стреляли, стреляли из пушки — и она обратилась в «кувалду»: нарезы сгладились, ствол измялся, вся она «деформировалась»... Вчера сыт, сегодня сыт, *всегда* был сыт: нужно и поголодать, *хочется* поголодать. Но это — феномены, психические состояния, *перемены бытия, жизни!* Нет жизни, где нет перемены, пульса. Вот в смысле «пульса» покаяние и пост, пустыня и молитва были нужны. Но, повторяем, — это феномен, который никогда *не смел* переходить в религию, в котором *не было содержания* для религии! В этом все дело. Но и затем вопрос: где «изначальная правда» и где «первородный грех», в светлом ли взаимодействии с природой, или «в облачках» души человеческой, которые тоже есть, есть они *извечно*, прорезывают самую чистую радость, самый безмятежный, казалось бы, покой? Здесь, не в силах *разгадать*, я передам, *что чувствую*: хотя я вечно, казалось бы, «защищаю язычество», но на светлом пиру Эллады и я выбрал бы, сел бы рядом и заговорил бы с той, которую так хорошо очертил поэт:

Но, в разговор веселый не вступаю,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена...

Интереснее! Да не только интереснее, — *лучше!* Монашеская красота извечно победит внешнюю, плотскую, мясную, тельную: как Рафаэль победил же Рубенса... и «суровая» Астарта-Девственница побеждала юную, полнобедренную, грудистую Венеру. Удивлен я был, рассматривая карфагенские монеты (см. Müller: «Монеты Африки») с изображением на них Астарты-Таниты. Это очень редкие монеты, выбитые в эпоху Цезаря и Августа *в самом Карфагене*, тогда как более древние карфагенские монеты, чеканившиеся в сицилийских колониях, все носят на себе изображения других божеств. Я был не только удивлен, но поражен: на монете изображена голова *теперешней, нашей монахини*, не только с чертами пожилого и сурового лица «ханжи-игуменьи», но голова и покрыта каким-то монашеским куколем, некрасивым узким покрывалом. *Весь стиль* — монахини! Вдобавок и прямо к ужасу — позади головы стоит крест, длинный латинский «крязь», т. е. «крест на кресте» две прямых линии, поперечная ближе к верхнему концу, и без всяких наших «православных» перекладинок! Между тем это — подлинная языческая монета, вне всякого ведения христианства вычеканенная и посвященная Таните-Астарте, «женской половине» Молоха, — в честь коей, как и Молоха, сожигали детей! Значит, эта «меланхолия» — извечна! И краткий «рай», конечно, должен был смениться «грехопадением». Душа человеческая, сама *душа* его, а не обстоятельства его жизни, рождена «с облачком»... которое мы или видим, или ждем, или вспоминаем. В «Астарте-Молохе» древние, по-видимому, отнесли это «облачко души человеческой» к извечному, к небесному: провидели в самом Боге-Творце это «облачко», или уже в Нем-то — целую «тучу»... «грозы и молнии»... Мы тут, конечно, ничего не можем сказать, где «да», где «нет». Мой окончательный взгляд заключается в том, что все должно быть введено в свою меру: должна быть размерена и радость и грусть, свой черед и закон — одному, черед и закон — и другому, без «диктования условий» которым-нибудь, и к абсолютно свободному выбору человека. Почтим монастыри; но почтим и того, кто никогда в монастырь не заглядывает. И только скажем ему: «Брат наш, будь в удовольствиях прекрасен, как эллин, и не переходи нигде в свинство» (способ веселиться у христиан); а монастырю скажем: «Не наводи *грим* скорби на лицо свое и не разыгрывай *театр* скорби с комедией в душе»... В. Р-в.

вот что теперь привлекало взоры и внимание целого света. Суровые подвиги воздержания, умерщвления плоти, страшные лишения, слезы сокрушения, неустанная молитва, отречение от суетных радостей мира — вот что вдохновляло этих новых людей»...

Предисловие священн. М. И. Хитрово
к переводу «Жизнь пустынных отцов» *Руфина*.

Люди третьего пола

ПОЛ КАК ПРОГРЕССИЯ НИСХОДЯЩИХ И ВОСХОДЯЩИХ ВЕЛИЧИН

Во всех фактах, которые мы привели, христианских и дохристианских, мы имеем в зерне дела какое-то органическое, неодолимое, врожденное, свое собственное и не внушенное, отвращение к *совокуплению*, т. е. к соединению *своего* детородного органа с *дополняющим* его детородным органом другого пола. «Не хочу! не хочу!» — как крик *самой природы*, вот что лежит в основе всех этих, казалось бы, столь противоположных религиозных явлений. Крик... «самой природы»: и мы должны предположить, что в том как бы мировом котле, где замешивалась каша всемирной насущности, всемирной наличности, уже содержались какие-то элементы этого противоборства, этой противоположности; что уже там в этом первозданном или, вернее, до-мирозданном котле бурлили *течения* и *противотечения*, ходили круги кипящей материи туда, сюда, *винтом*, кругообразно, а *отнюдь не по прямой линии*; и когда она застыла и родился *оформленный мир*, — мы так и видим в нем эти застывшие и переданные нам, т. е. *вложенные в природу существ*, движения «туда», «сюда», «винтом» и, словом, *не по прямой линии*. Пол был бы совершенно ясное или довольно ясное явление, если бы он состоял в периодически совершающемся совокуплении самца и самки для произведения новой особи: тогда это было бы то же, что стихии кислорода и водорода, образующие «в соединении» третье и «новое существо» — *воду*. Но кислород и водород «*противотечений*» не знают: и если бы мы увидали, что вдруг не частица кислорода, *жадно* соединяясь (как всегда в химическом средстве) с частицей водорода, — порождают *каплю воды*, а, напротив, частица водорода, которая-нибудь одна и исключительная, вдруг начинает тоже «с жадностью» лезть *на себе подобную частицу* водорода же, убегая с отвращением от дополнительной для себя частицы кислорода, мы сказали бы: «чудо! *живое! индивидуально-отличное! лицо!!*» Индивидуум начался там, где вдруг сказано закону природы: «стой! *не нускаю сюда!*» Тот, кто его не пустил, — и был первым «духом», *не-«природою», не-«механикою»*. Итак, «лицо» в мире появилось там, где впервые произошло «нарушение закона».

Нарушение его как единообразия и постоянства, как нормы и «обыкновенного», как «естественного» и «всеобщее-ожидаемого».

Тогда нам понятны будут «противоборства» в «котле», как такой процесс, в котором «от века» залагалось такое важное, универсально-значительное для космоса, универсально-нужное миру начало, как *лицо*, *личность*, индивидуализм, как «я» в мире. «Я» борется со всяким не-«я»: суть «я» и заключается в том, чтобы вечно утверждать о себе: «не вы», «не они». Суть «я» именно в я. Это и не добро, и не зло: точнее, «добро» я заключается в обособлении, в несмешивании, в противоборстве всему, а «зло» я заключается в слабости, в уступчивости, в том, что оно хотя бы ради «гармонии» и для избежания «ссоры» *мирится* с другим, *сливается* с ним. Тогда есть «мораль», но нет *лица*: ну, а важно или не важно «лицо» для мира — об этом будут судить уже не одни моралисты. Без «лица» мир не имел бы сиянья,— шли бы «облака» людей, народов, генераций... И, словом, без «лица» нет *духа* и *гения*.

Когда мир был сотворен, то он, конечно, был цел, «закончен»: но он был *матовый*. Бог (боги) сказал: «Дадим ему *сверкание!*» И сотворили бог — *лицо*.

Я все сбиваюсь говорить по-старому «Бог», когда давно надо говорить *Боги*; ибо ведь их *два*, Эло-*гим*, а не Эло-*ах* (ед. число). Пора оставлять эту навеянную нам богословским недомыслием ошибку. Два Бога — *мужская* сторона Его, и сторона — *женская*. Эта последняя есть та «Вечная Женственность», мировая женственность, о которой начали теперь говорить повсюду. «По образу и подобию Богов (Элогим) сотворенное», все и стало или «*мужем*», или «*женой*», «*самкой*» или «*самцом*», от яблони и до человека. «*Девочки*» — конечно, в Отца Небесного, а мальчики — в Мать Вселенной! Как и у людей: дочери — в отца, сыновья — в мать.

Но я несколько отвлекся в космологическую сторону от изыскания первоначального зерна, которое лежит в основе «безбрачных» явлений. Мировое «не хочу» самца в отношении самки, и самки в отношении самца, не было подвергнуто до последнего времени наблюдению, и только XIX век начал собирать в этом направлении факты. Факты эти приводят к бесспорному заключению, что «пол» не есть в нас — в человечестве, в человеке — так сказать «постоянная величина», «цельная единица», но что он принадлежит к тому порядку явлений или величин, которую ньютоно-лейбницевская математика и философия математики наименовала величинами «текущими», «флюксиями» (Ньютон). Обращение внимания на эти величины привело одновременно Ньютона и Лейбница к открытию «исчисления бесконечно малых» (дифференциальное исчисление), которое, между прочим, интересно

в том отношении, что через него впервые мертвая математика, или как бы мертвая, мертвая в арифметике и вообще пока она занимается «постоянными величинами», — получила доступ, получила силу *допнутья, коснуться и живых* (органических) явлений, «вечно текущих»... Вот такая-то «вечно текущая» величина в нас или, точнее, существо в нас есть *пол* наш, как наша «самочность», что мы суть *или* «самец» *или* «самка». Вообще — это так: мы суть 1) самцы, 2) самки. Но около этого «так» лежит и *не так*: противоборство, противотечение, «флюксия» (Ньютон), «я», отрицающееся всякого «не-я». И, словом, — *жизнь*, начало жизни; *лицо*, начало лица...

Предположение, что *пол* есть «цельная величина» и вообще *не* «текущее», породило ожидание, что всякий самец хочет самки и всякая самка хочет самца; ожидание, до того всеобщее, что оно перешло и в требование: «всякий самец *да пожелает* своей самки» и «всякая самка *да пожелает* себе самца»... «Оплодотворяйтесь и множитесь», конечно, это включает. Но навсегда останется тайной, отчего же при *универсальном* «оплодотворяйтесь, множитесь», данном *всей* природе, *один* человек был создан в единичном лице *Адама!* Изумление еще увеличится, если мы обратим внимание, что позднее из Адама вышла Ева, «мать жизни» (по-еврейски — «мать *жизней*», яйценосная, живородящая «ad infinitum»¹), т. е. что в существе Адама *скрыта была и Ева*, будившая в нем грезы о «подруге жизни»... Адам, «по образу и подобию Божию сотворенный», был в скрытой полноте своей *Адамо-Евою*, и самцом, и (in potentia²) самкою, кои *разделились*, и это — было *сотворением Евы*, которою, как мы знаем, закончилось творение новых тварей. «Больше нового не будет». Ева была *последней новизной в мире*, последней и *окончательной новизной*.

Лишь в силу всеобщего ожидания «всякий самец хочет самки» и т. д. образовалось и ожидание, что самые спаривания самцов и самок имеют течь «с правильностью обращения Луны и солнца» или по типу «соединяющихся кислорода и углерода», *без исключения*. Но все живое, начиная от грамматики языков, имеет «исключения»: и пол, т. е. начало *жизни*, был бы просто *не жив*, если бы он не имел в себе «исключений», и, конечно, тем более, чем он более жив, жизнен, жизнеспособен, животоворящ... Не все знают, что уже в животном мире встречаются, но лишь в более редком виде, решительно все или почти все «уклонения», какие отмечены и у человека; у человека же, можно сказать, нельзя найти двух самочных пар, которые совокуплялись бы «точка в точку» одинаково. «Сколько почерков — столько людей», или наоборот и совершенно *дика* даже ожидать, что если уж человек так *индивидуализирован* в столь ничтожной и не представляющей интереса и нужды вещи, как почерк, — чтобы он не был индивидуализирован также в совокуплениях. Конечно, «сколько людей — столько *лиц, обособлений* в течении половой жизни».

¹ до бесконечности (лат.).

² в возможности (лат.).

Это не только всеобщее «так»: но было бы порочно, преступно, «нищелюбиво» и «нищесобразно», и совершенно уродливо, если бы это не было «так». Всякий «творит совокупление *по своему* образу и подобию», решительно не повторяя никого и совершенно не обязанный никому вторить: как в почерке, как в чертах лица...

«Всеобщее ожидание» в области, где вообще нет и *не должно* быть «всеобщего», породило ропот, осуждение, недовольство, пересуды: «Отчего та *пара* совокупляется не так, как *все*», причем разумеется собственно — «не так, как *Я*»... Ответ на это многообразен: «Да *вы*-то точь ли в точь живете так, как *все*?» или: «*Я* не живу, как *вы*, по той причине, по которой *вы* не живете так, как *я*». Но, в итоге, эти «всеобщие ожидания», присмотревшись к которым можно бы заметить, что самых-то «ожиданий» столько, сколько людей, но только это особенное в каждом затаено про себя,— они породили давление *морального закона* там, где в общем его не может быть, так как вся-то область эта — *биологическая*, и *не* «моральная», и *не анти*-«моральная», а просто — *своя*, «другая»¹. Моральный закон, неправо вторгнувшись в не свою область, расслоил совокупление на «нормальные», т. е. ожидаемые, и «не нормальные», т. е. «не желаемые», причем эти «не желаемые» не желаются теми, которые их не желают, и в высшей степени желаются теми, которые их желают и в таком случае исполняют. Все возвращается, собственно, к тому, «что есть», как и естественно в биологии; но около того, что «есть», с тех пор приставился раб, бегущий за торжественной колесницей жизни, хватающийся за спицы ее колес, обрызгиваемый из-под нее грязью, падающий в грязь, вновь встающий, догоняющий, опять хватающийся за спицы и неумолчно ругающийся. Он представляет собой те «ожидания всех», которых в наличности нет с абсолютным тожеством, но к которым равнодушно присоединились и те, которые далеко отступили от нормы: равнодушно по интимности самой этой области, о которой каждый думает про себя, что ее не уконтролирует «общее правило», и по стыдливости этой области, где каждый «свое особое» хоронит особенно глубоко, и нет лучшего средства схоронить это «особое», как присоединясь к «общему правилу» и осуждая все «особое». От совокупности этих обстоятельств и условий вытекла необыкновенная твердость, можно сказать, «незыблемость» морального закона в полевой сфере, которая в действительности не только всегда была «зыбка», но, можно сказать, ни в одной точке своей и ни на одну минуту не переставала волноваться и представляла вечный океан, с величественными в нем течениями, с бурями, водоворотами, с прибоем и отбоем у всякой отдельной скалы... «Незыблемость» правила шла параллельно совершенной «зыбкости» того, к чему оно относилось;

¹ Единственный из богословов, ясно это понявший и последовательно и пламенно выразивший,— М. М. Тареев. См. его «Основы христианства», т. IV. «Христианская свобода».

и, собственно, «зыбкость»-то и была единственным *внутренним* правилом, из самой сущности стихии вытекающим... Семейные добродетели восхвалялись и содомитами, о вреде онанизма писали и оналисты, а отшельники пустынь, совокуплявшиеся с полевой птицей и лесным зверем, не умели допустить, чтобы мужчина мог иметь сношения на протяжении своей жизни более, нежели с тремя женщинами, и женщина более, чем с тремя мужчинами тоже на протяжении всей жизни (недопустимость 4-го брака у христиан, т. е. по требованию «святых») (христианства). Все это не так безразлично. Конечно, все таятся — и потому никто особенно не страдает от «общего правила»; но выпадают случаи объявления, обнаружения: и тогда поднятые камни побивают «отступника» от того, к чему решительно никто «не прилежит». Между тем пол — именно океан, и в нем не зародится «водоворот» там, где ему «не указано быть», вековечные течения его не перестанут и не спутаются, не расширятся и не сузятся; и все останется так, «как есть» и «предуказано», и в том случае, если правило исчезнет под давлением истины, что оно вмешалось в область, существенно *не свою*.

Здесь все принадлежит наблюдению и ничто исправлению.

* * *

«Свое» у каждого выражается прежде всего в *силе*, в *напряжении*. Здесь мы имеем ряд степеней, которые удобно выражаются рядом натуральных чисел:

...+7+6+5+4+3+2+1±0—1—2—3—4—5—6—7...

Наибольшая напряженность в смысле возможности удовлетворить и в смысле постоянной жажды удовлетворения указывает на наибольшую степень самочности — самца в *противолежании* его самке и самки в *противолежании* ее самцу. Наибольший самец есть *наичаще*, *наioxотнее* и *наимогущественнее* овладевающий самкой; и наибольшая самка есть та, которая *томительнее*, *нежнее* и *кротче* других подпадает самцу. Под наслоением суеверий, страхов, в особенности предположений и пересудов у человечества образовалось совершенно неверное представление образа «настоящего самца» и «настоящей самки»; т. е. человечество — народы и единичные люди — совершенно неправильно усложнили наибольшую половую силу второстепенными, добавочными чертами, и притом не только психическими, но даже и физическими. В общем представлении романистов, драматургов, мещан и «общества» — это что-то огромное, шумное, голос громкий, манеры наглые, оскорбительные; «он» и «она» стучат, гремят, никому не дают покоя; что-то неудобное для всех, смущающее. «Нахал» и «разухабистая баба» — вот предполагается люди, от которых матери и отцы должны уберечь дочек, прятать подрастающих сыновей. Такие-то будто бы «соблазняют» и «сворачивают», насилуют и растлевают. Но было бы печальное потомство от

сих пустых стучащих бочек; тогда как род человеческий, «плодящийся», «множащийся», вовсе, однако, не таков: жив, энергичен, неутомим, неистощим. Настоящие силы — не стучат. Настоящая сила скорее стелется, ползет. Не буйвол, ревуший в степи, есть господин степи, а ягуар, прячущийся в тростнике. Скорей полу-испуг, полу-догадку выразила народная мудрость, русская и китайская. Русские говорят: «В тихом омуте черти водятся», а о китайцах мне привелось прочитать, что у них будто бы есть поговорка: «Когда женщина походит на ангела, то берегись и знай, что в ней сидит дьявол». В обоих случаях старые люди, сложившие поговорку, как бы предупреждают молодых, указывая им не доверяться наружным признакам, предполагать за ними обратное внутреннее содержание. Поговорки эти, конечно, сложены не в отношении только пола, но они едва ли бы сложились в этой общей форме, если бы половая жизнь, половые образы, фигуры, играющие такую выдающуюся роль во всякой народной, общинной и частной жизни, стояли в резком противоположении тезисам этих поговорок. Очевидно — нет! И китайцы, и русские указали, что половая страсть не «ревет в поле», а скорее крадется в лозняках; что это что-то на вид «тихое» и иногда даже «ангелоподобное», по крайней мере у женщин. Но здесь мы должны войти в небольшое рассуждение. С первого же взгляда очевидно, что «наибольший самец» должен выглядеть, должен иметь все сопутствующие вторичные качества совсем иные, чем «наибольшая самка», — именно уже потому, что он *противостоит* ей, что он есть другой ее *полос!* У очень мужественных мужчин растет большая борода: неужели же из этого мы заключим, что совершеннейшая женщина должна тоже иметь бороду или хоть те маленькие усики, которые иногда появляются у женщин?! Между тем предположение, что женщина-самка должна быть «разухабиста», — именно подобно предположению, что у Жанны д'Арк или Дездемоны, у Офелии и Татьяны росли усики. Конечно, это глупо, и в такой мере, что можно, отметив ее, и не останавливаться на опровержении.

Нет, самец и самка — они *противоположны*, и только! Отсюда — все выводы, вся философия и истина. *Наибольшая противоположность* мужчины и женщины и выразит *наисильнейший в них пол!* Т. е. чем менее «мужеподобна» женщина — тем она самочнее; как чем менее «женподобен» мужчина — тем наиболее он самец. Паллада-Афина, «воительница» и «мудрая» — не замужняя, не мать и вообще очень мало самка. В ней возраста нет; она не знала детства, не будет бабушкой. Ей, *мужеподобной*, — параллелен только *женподобный* Ганимед, который никогда не будет отцом, мужем и дедушкой. Явно, что в *противостоянии* своем наибольший самец и наибольшая самка суть:

- 1) герой, деятель;
- 2) семьянинка, домоводка.

Один будет:

1) деятельен, предприимчив, изобретателен, смел, отважен и, пожалуй, — действительно «топает» и «стукает»; другая же:

- 2) тиха, нежна, кротка, безмолвна или маломолвна.
«Вечная женственность» — прообраз одной.
«Творец миров» — прообраз другого.

Есть какое-то тайное, невыразимое, никем еще не исследованное не только соотношение, но полное тожество между *типичными качествами* у обоих полов их половых лиц (детородных органов) с их душой в ее *идеале, завершении*. И слова о «слиянии душ» в супружестве, т. е. в половом сопряжении, верны до потрясающей глубины. Действительно, «души сливаются» у особей, когда они сопряжены в органах! Но до чего противоположны (и от этого *дополняют* друг друга) эти души! Мужская душа в идеале, — *твердая, прямая, крепкая, наступающая, движущаяся вперед, напиральная, одолевающая*; но между тем ведь это все — почти словесная фотография того, что стыдливо мужчина закрывает рукой!.. Перейдем к женщине: идеал ее характера, поведения, жизни и вообще всего очерка души — *нежность, мягкость, податливость, уступчивость*. Но это только названия качеств ее детородного органа. Мы в *одних и тех же словах, терминах и понятиях* выражаем *ожидаемое и желаемое* в мужчине, в *душе* его и *биографии* его, в каких терминах его жена выражает наедине с собой «желаемое и ожидаемое» от его органа; и взаимно, когда муж восхищенно и восторженно описывает «душу» и «характер» жены своей, он употребляет и *не может избежать употребления* тех слов, какие употребляет мысленно, когда — в разлуке или вообще долго не видавшись, представляет себе половую сферу ее тела. Обратим внимание еще на следующую тонкую особенность. В *психике* женской есть то качество, что *она не жестка, не тверда, не очерчена резко и ясно*, а, напротив, ширится, как туман, захватывает собою *неопределенно далекое*; и, собственно, не знаешь, где ее границы. Но ведь это же все *предикаты увлажненных и пахучих тканей* ее органа и вообще половой сферы. Дом женщины, комната женщины, вещи женские — все это не то, что вещи, комната и дом мужчины: они точно размягчены, растворены, точно *вещи и место* превращены в ароматистость, эту милую и теплую женскую ароматистость, и душевную и не только душевную, с притяжения к которой начинается «влюбленность» мужчины. Но все эти качества — лица, биографии и самой *обстановки, самых вещей* — суть качества воспроизводительной ее сферы! Мужчина никогда «не наполнит ароматом» весь дом: психика его, образ его, дела его — шумны, но «не распространяются». Он — дерево, а без запаха; она — цветок, вечно пахучий, далеко пахучий. Каковы *души*, — таковы и *органы*! От этого-то, в сущности, *космогонического сложения* (не земного только) они и являются из всего одни плодородными, потомственными, сотворяют и далее, в бесконечность, «по образу и подобию своему»... Душа — от души, как искра — от пламени: вот деторождение!

В европейской литературе есть книжка, и даже, пожалуй, книжонка, из которой, как это ни неприятно, только и можно почерпнуть некоторые факты половой жизни: так как Европа, проникнутая христианским гнушением к полу, не допустила ни философов, ни поэтов заняться собиранием здесь любопытных фактов, и только «грязные медики», все равно копающиеся во всяких экскрементах, во всякой вони, болезнях, нечистотах, не брезгающие ничем, не побрезгали «и этим». Но, в сущности, даже и они побрезгали! О дифтерите, который *убивает детей*, все же они говорят не этим отталкивающим тоном, не с этим отталкивающим чувством, как о *дающих жизнь* половых органах и о самой половой жизни, половой деятельности. Например, мне было передано об одном парижском светиле медицины, который в сочинениях своих серьезно проводил ту мысль, что «женатые и замужние, если они, не довольствуясь имеющимся у них удовлетворением половой страсти, обращаются на сторону, т. е. изменяют — муж жене или жена мужу, — то они суть явно ненормальные люди, душевнобольные; и что, как таковые, они не могут быть оставляемы на свободе в благоустроенном обществе, а должны запираяться на замок, в психиатрических лечебницах или же просто в тюрьмах». Любопытно, что, кажется, ни одного не было случая, чтобы с медицинской стороны предложено было так поступить с сифилитиками; и это нельзя объяснить только тем, что они дают хлеб врачам, а уже Фурье заметил, что «доктора очень любят, когда страну посещают хорошие лихорадки, тифы и т. п.»; нет, тут больше и печальнее: медицина, «христианская медицина», действительно не видит «ничего особенного» в сифилисе, считает его картиной здоровой структуры общества; а совокупления, и особенно когда они счастливы, обильны, когда они «приливают», как океанический прилив, — они считают «вырождением» и «патологией» и предлагают запереться от них обществу. Есть «крещеные люди»; но ведь есть и «крещеные профессии», и даже, наконец, есть «крещеные науки»: в их обществе очутилась и медицина, и это ничего, что ее столпами были тоже совершенно «крещеные», даже до погружения семи раз в купель, Фохты, Молешотты и Бюхнеры, не опознавшие себя младенцы...

Книжка, или книжонка, о которой мы говорим, — Крафт-Эбинга: «Половая *психопатия*». Павоџ — значит «страдание»: то, от чего *кричат*, на что имеющие ее — *жалуются*. И хотя никто из описываемых в книжке лиц не «кричал» и не «жаловался» Крафт-Эбингу, но он собрал ставшие известными ему факты в книжку «о страданиях пола», не имея для этого даже того основания, какое имел бы *механик*, занятый давлениями, толчками и вообще действиями на *вещественные массы*, наименовать «патологической физикой» явления электричества, гальванизма или явления света, где эти *массы* отсутствуют.

Мне лично половая жизнь ни из рассказов, ни из книг не известна в большей степени, чем как это узнаешь случайно. Но я предположу

извлечениям из Крафт-Эбинга кое-что, что мне, однако, пришлось узнать, ибо, всегда эту жизнь интересуясь, я дополнительными вопросами, когда было можно, а также и просмотром куда следует, открывал подробности, опущенные у «испуганного» Крафт-Эбинга. Первый раз мне пришлось прочесть о наибольшей самочности лет 20 назад в известных «Записках» о своей жизни Н. И. Пирогова, нашего великого хирурга. Там, описывая разные свои переезды и поездки в начале служебной деятельности, он между прочим упоминает о встрече — сколько помнится где-то в западном крае, около Риги или Пскова, — должно быть, с университетским своим товарищем. Именно, он у него остановился на перепутьи. Товарищ оказался женатым, недавно, — и на совершенно молоденькой женщине, лет 16-ти. В мимолетной встрече он ему жаловался, что хотя очень любит свою жену и доволен ее характером, но чувствует себя изнеможенным от ее постоянного желания совокупляться. Здесь нужно отметить и то, что сам он был очень молод и, следовательно, не изношен; и то, что в ту пору 30-х или 40-х годов «развращающего чтения» еще не было; или, по крайней мере, на него еще не могла натолкнуться женщина, столь юная, что она, очевидно, только что вышла «из-под крыла матерного». Здесь мы имеем таким образом *естественное, не возбужденное, глубоко природное* влечение в такой силе и напряжении, какому, во всяком случае, не отвечало тоже природное и молодое влечение молодого мужчины, но как самца — обыкновенного. Это наблюдение показывает, что «самочность» не есть постоянная величина, приблизительно одинаковая у всех, но что она варьирует: в одном «самца» более, «самки» более, чем в другом, и это не есть ни плод развращения, ни плод возбуждения или дурного воспитания. О следующем случае мне пришлось слышать: однажды в кружке женщин из «общества», среднего и скромного, зашли «суды и пересуды» о девицах и женщинах их круга; и некоторые очень осуждали таких-то и таких-то лиц своего пола «за их выдающееся нескромное поведение, развязность манер, речей» и пр. Тогда их прервала одна из слушавших, замужняя женщина: «Вообразите, все, о ком вы говорите, — *скромные* девушки, нисколько не заслуживающие вашего порицания; но вот эти, и она назвала несколько скромнейших девушек и женщин, — сущие подлюги: я знаю от мужа своего, что те, о ком вы говорите дурно, — были и остаются невинными, несмотря на всяческое ухаживание мужчины, на все его усилия, а эти скромницы совсем напротив...» Мне позднее привелось узнать два случая, когда жены не только не удерживали своих мужей от ухаживания «с последствиями», но толкали их на такое ухаживание, как бы любопытствуя через них о поле окружающих женщин и девиц; и разразившаяся гневом или, во всяком случае, порицанием — была, очевидно или может быть, из таких женщин. Здесь, однако, следует принять во внимание следующее. Очевидно, что эти «падавшие» женщины и девицы не «заготовили» же себе «скромности» на случай ухаживания, в предположении, что она понравится или при-

влечет: в общем — она ведь отпугивает, предупреждает самое начало ухаживания; очевидно, они ничего не думали, ничего не ожидали, но были действительно скромны и именно скромнее остальных; они были их женственнее, добродетельнее, и в меру этого *самочнее*; были, так сказать, более нежны, ароматисты, более содержали в себе сладкого нектара; и... «упали» не оттого, что менее *хотели* сопротивляться, но оттого, что приближение и видимое желание мужчины возбудило в них ответный ток такой силы и напряжения, который повалил их: как мучнистость колоса тянет стебель его к земле, как отрывается и падает на землю самое налитое, сладкое, сахаристое яблоко, а не яблоко-сморчок, неотрываемо сидящее на своем стебле, кислое, жесткое, безвкусное. «Нахально вели себя», по укоризне собеседниц, бесполые, почти бесполые женщины и девушки; у них, верно, были и «усики» на губе, и «разухабистые» манеры, как у писарей; громкий и жесткий голос, мужицкая походка. Те же сидели тихо в уголке; не ходили — а плыли или скользили по полу; были застенчивы, конфузливы, стыдливы... Они были добродетельны: как героизм в мужчине, конечно, есть добродетель — так главная добродетель в женщине, семьянинке и домоводке, матери и жене, есть изящество манер, миловидность (другое, чем красота) лица, рост небольшой, но округлый, сложение тела нежное, не угловатое, ум проникновенно-сладкий, душа добрая и ласковая. Это — те, которых помнят; те, к которым влекутся; те, которые нужны человеку, обществу, нации; те, которые угодны Богу и которых Бог избрал для продолжения и поддержания любимого своего рода человеческого. Часто они бывают и не красивы, но как соловей: ибо зато «поют, как никто»...

О следующем случае я имел случай расспросить: мне и еще одному писателю передавала пожилая женщина, что ее молодой друг испытывает то несчастье, на какое жаловался Н. И. Пирогову его университетский товарищ. «Он недавно женат, сам молод, военный — и почти болен от жены, до бегства, до желания развестись. Говорит, что ее могли бы насытить только три мужа. И удивительно — это такая милая дама. Он ничего не может сделать, потому что, ненасытная сама, она вечно его возбуждает, и он не в силах уклониться от исполнения ее желаний.

— Вы говорите, она приятная женщина?

— Чрезвычайно. Наблюдая ее в обществе, никак нельзя предположить, что у нее такой... исключительный аппетит. И какой голос: такого нежного, глубокого голоса я ни у одной женщины не слыхала!

«Голос»... но ведь это то, чего *не подделаешь!* Это уже не «кокетство скромностью», которую еще можно подделать: это — сама *душа*, вернее говорящая о сокровищнице сердца, о характере, чем взгляд, чем улыбка. Все поддельно, кроме *голоса*. «*Задушевный голос*»...И вот у такой женщины, которая, судя по отзыву мужа, носила в себе утроенную самочность, — голос был «неги, какой я ни у кого не слыхала»: и шел явно от «души» — утроенно человеческой, небесной...

«Вечная женственность»... как совершенно другой полюс, как диаметрально противоположная вещь несокрушимому *мужеству, напору, смелости, упругости, твердости* самца... она есть только сердечная, умственная, бытовая, манерная, нравная фотосфера, распространяющаяся около утроенной, удесятеренной *самочности* ее. Молчаливая, но с каким говором в душе! «Вечная молчаливица»: как кто-то сказал и о мужчинах-героях, что «они — прежде всего *молчаливики*».

Эта-то «вечная женственность», как проявление повышенной самочности, и лежит объяснением в основе древнего факта, неразгаданного историками, — так называемой «священной проституции». «*La sainte est toujours prostituée*»¹, — пишет об египтянах в большой своей «Истории Востока» Масперо. Что за загадка? Каким образом глубокому и серьезному народу, каковы были египтяне, по свидетельству всех древних наблюдателей и новых историков, — как им пришло на ум *религиозным* именем «*sainte*» наименовать тех особых существ, тех редких и исключительных существ, которые неопределенно и беспредельно отдавались мужчинам, были «*prostituée*»? Неужели имя «*sainte*» мы могли бы кинуть толпящимся у нас на Невском «проституткам» — этим чахлым, намазанным, пьяным, скотски ругающимся и хватающим вас за рукав особам? Ну вот перед человечеством *впервые* стоят два понятия, два признака: «*святая*» — это понятие небесного, Божьего; и простой факт, что «*всем отдает себя*». И невинный человек, первозданным глазом взглянув на оба факта, должен сотворить их *соединение* или *разъединение*, т. е. сказать или «*prostituée est sainte*», или «*prostituée est grande pecheusesse*», «*великая грешница!*» Вообразите: *первый* народ сказал — «*prostituée est sainte*»... Что же это такое? Не имел он *вкуса*, глаза? Не умел обонять, ничего не понимал в характерах человеческих? Но тогда «совокупность цивилизации египетской», сумма «всех прочих ее качеств» разила бы... как наша Невская проститутка, и тогда едва ли бы Масперо, Бругш, Ленорман стали изучать эту вонючую гадость. «Очень интересно»... Тут может покопаться медик, но что тут делать историку *культуры!* Египетская культура приковала к себе внимание бесчисленных ученых, этих скромных и добродетельных тружеников, своим беспримерным изяществом, соединенным с глубиной и торжественностью:

Выхожу один я на дорогу.
Сквозь туман кремнистый путь блестит:
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу
И звезда с звездою говорит.

В двух последних строчках написана как бы эпитафия над всей могилой Египта. Что-то пустынное... молчаливое... устремленное к Небу, религиозное... и, как тонко замечает Бругш, «не меланхолическое, но глубоко радостное в себе, восторженно счастливое при этой сдержанности языка и скромности движений!» Так это и есть на рисунках Египта:

¹ Святая — всегда проститутка (*фр.*).

в необозримых изданиях, в необозримых фолиантах, где воспроизведено все нарисованное ими за четыре тысячи лет жизни, культуры, я встретил только *один* рисунок сбора винограда, где один, очевидно полупьяный, мужчина повис, обняв за шею двух тоже не весьма трезвых своих друзей, и «пишет мыслете» с ними. Сценка — полная реализма, какую я не встречал в рисунках греческой живописи; но и она — скорее милая, чуть-чуть смешная, нонисколько не нахальная. Сала, грязи — я не встретил нигде в этих бесчисленных фолиантах, грязи «сального анекдотца», кое-чего «во вкусе Боккаччио». Ничего, ни разу; и между тем сколько повторяющихся, как стереотип, фигур, где и «они» и «оне» с плодами и цветами, с жертвами идут к громадной статуе Озириса, «Судии мертвых» — статуе «всегда *cum fallo in statu erectionis*»¹, как грустно замечает архимандрит Хрисанф в «Истории древних религий».

И вот — «*sainte prostituée*»... Есть и рождаются иногда исключительные, редкие младенцы-девочки, вот именно с этой «вечной женственностью» в себе, с голосом неизъяснимо глубоким, с редкой задумчивостью в лице, или, как описал Лермонтов,—

...в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена.

И она расцветает в *sainte prostituée*... как вечную *податливость* на самый слабый зов, как нежное *эхо*, в ответ на всякий звук...

Есть ведь «всемирные педагоги», ну — в желаниях, ну — в поэзии; есть «всемирные воины», как древние скандинавы; всемирные мудрецы — Сократ, Спиноза: как же не быть, естественно *быть кому-то* и «всемирной женой», всемирной как бы «матерью», всемирной «невестой»... Она «невестится» перед всем миром, для всего мира,— как ведь и все вообще девушки в 14—15 лет «невестятся» *неопределенно перед кем*, перед всяким, перед *всеми* (чуть-чуть «*sainte prostituée*» проглядывает). Из таковой врожденной девочки-девушки-женщины как бы истекают потоки жизни,— и ей мерещится, «будто я *всех* родила», «*все* родила»... И волосы ее, и очи, и сосцы, и бедра, и чрево... таковы, что первозданный невинный взгляд египтянина уловил и назвал и торжественно воскликнул, или скорее богомольно прошептал — «*sainte*». Масперо договаривает: «Египтянки *из лучших семейств*, дочери жрецов и знатных военачальников, достигнув зрелости,— отдавались кому хотели и сколько хотели, и так проводили много лет, что не вредило будущему их замужеству: так как по миновании этой свободной жизни их охотно брали в жены лучшие и знатные из воинов и священников». Почему не взять, если она «*sainte*»? Как не прельститься, если она «*religieuse et sainte*»? Как не надеяться, что она будет верной женой и преданной материнству матерью, если она уже испила все и насытилась всем,

¹ в положении возбуждения (*лат.*).

нимало, однако, не истощившись — ибо истощаются *торопясь*, например «наши», а этим куда же было спешить? — и в естественные годы спокойствия и равновесия, безбурности и тихости она выбрала себе лучшего и *одного*. Он так же ее не ревнует, как она его, к тому возрасту молодости, когда он проводил жизнь, как и она: хотя, наверное, к этим «*saintes*» влеклись и пылкие, совершенно невинные юноши, первозданным взглядом своего возраста подмечая в них подлинную «*sainteté*», за которую все отдают. Однако Масперо не договорил (или не знал), что этих «*saintes prostituées*» было немного в каждом городе и всей стране: ибо вообще немного рождается в стране и городе, в году и десятилетии Василиев Блаженных, Спиноз, Малекбраншей, Кольцовых, Жуковских. «Не *все* вмещают слово сие, но *кому дано*» (природно, от Бога). Огромное большинство египтянок, без сомнения, имели инстинкт, как и наши: т. е. сразу же выбирали себе мужа — одного и на всю жизнь, или выходя за второго, третьего, четвертого... седьмого (беседа Иисуса с *семи*-мужней самарянкой), в случаях смерти или разлада, не более. Женщина, познавшая только семерых мужчин, когда ни закон, ни религия, ни родители ей не ставили предела и хотели и ждали от нее большего, — конечно есть умереннейшая в желаниях женщина, врожденно тихая и спокойная! Как наши «все».

Нужно только иметь в виду эту нумерацию:

...+8+7+6+5+4+3+2+1±0—1—2—3—4—5—6—7—...

«*Sainte prostituée*» есть +8+7+6... По мере приближения к низшим цифрам, к +3, +2, +1, — тембр голоса грубеет, взгляд становится жестче, манеры резче, «нахальства больше», как сказали бы семинаристы. Появляются типичные их «поповские дочки», которые входят в замужество с мешком определенного приданого, и всю жизнь счастливы, составляя «приданое к своему приданому», не весьма сладкое для попа и диакона, но «ничего себе», «терпится». Наконец наступает «±0». Обратите внимание на знаки и «+» и «—». Такие не мертвы; хотя, абсолютно никогда не «хотят». «Кое-что» по части «+» в них есть: но оно связывается «кое-чем» по части «—». Таким образом, в них нет *однолинейного* тяготения — к «самцу»: но две как бы стрелки, обращенные остриями в разные стороны: к «самцу» — одна, а другая?... Закон прогрессивности, как и то, что здесь все происходит только между *двумя* полами, указывает, что вторая стрелка и не может быть ни к чему еще направлена, кроме как к *самке же*. Самка ищет самки; в первой самке значит соприсутствует и самец: но пока он так слаб еще, едва рожден, что совершенно связывается остатками самки, угасающей самкой; которая, однако, тоже связана вновь народившимся здесь самцом. «Ни туда, ни сюда». Голос страшно груб, манеры «полумужские», курит, затягивает и плюет, басит. Волосы растут дурно, некрасивы, и она их стрижет:

«коса не заплетается»; нет девицы, а какой-то «парень». Где здесь «вечная женственность»?

...Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена.

Нет, уж об такой этого не скажешь: ходит на курсы, на митинги, спорит, ругается, читает, переводит, компилирует. «Синий чулок» с примесью политики, или политик с претензиями на начитанность. «Избави Бог такую взять в жены», и их инстинктивно не берут (хотя берут дурнушек, некрасивых, даже уродцев), ибо действительно «какая же она жена, когда в ней едва-едва «+1» самки, а то и вовсе «+0». Если бы, «паче чаяния», у нее и родился ребенок — она не сумеет вынуть грудь и накормить его; «не Мадонна, а вахмистр». И мужа ей совсем не нужно, она скучает с ним, убегая неудержимо в «общественные дела», в разные «организации», притворную «благотворительность», в основе же — в шум, беганье, возню, суету. Мужчина, «воин и гражданин» (стрелка самца), — уже полупробужден в ней; и только вот не растут усики. И она не умеет нести на себе *по настояще-женскому женское платье*: оно на нее не так надето, неукложе, и все как-то коротит, без этих длинных и красивых линий, волнующих мужчину. Их и не любят мужчины. Но уже начинают любить женщины: «Какой славный товарищ эта Маша».

И, наконец, все переходит в чисто *минусовые* величины: «она» волнуется между своим полом, бросает страстные взгляды, горячится, чувствует себя разгоряченной около женщин, девушек. Косы их, руки их, шея их... и, увы, *невидимые* перси, и, увы! увы! — вовсе *скрытые* части, вся «женская тайна» — все их неизъяснимо волнует и тянет, тем сильнее, до муки, до страдальчества, что это так навеки закрыто для них — именно, именно для *них*-то и закрыто, открываясь только *для мужчины, мужу*. Танталовы муки: так близко, постоянно вокруг, даже и видится при небрежном раздевании, при купании; но невозможно *внимательно взглянуть*, не умерев сейчас же со стыда. Мировая преграда — в самом устройении вещей, в плане мира! «Ничего нет ближе локтя *своего*: но *невозможно* укусить!»...

Муки Тантала! — бесконечно *отодвинутое* исполнение! невозможно оно, не будет! — никогда!..

Слезы, тоска, мечты. Грезы. Стихи, много стихов. Философия, длинная философия! Кстати, и некоторое призвание к ней. «Вахмистр в юбке» усваивает легко и Маркса и Куно-Фишера, и вообще умственно, духовно, идейно, словесно, *работе* куда *выше* «слабого пола».

Закон этот, конечно, применим и к мужскому полу. Как он здесь выразится?

Там «пробиваются усики», здесь укорачивается борода — все это не в физическом, а преимущественно в духовном, нравном, бытовом, сердечном отношении, но отчасти также и физическом. Северные

норманны, как их описывает Иловайский,— пожалуй, лучше всего живописуют первоначального самца, «+8», «+7» мужской прогрессии. «В мирное время, когда не было ни с кем войны, они выезжали в поле и, зажмурив глаза, бросались вперед, рассекая воздух мечами, как бы поражая врагов; а в битве они без всякого страха кидались в самую сечу, рубили, наносили раны и гибли сами, думая перейти по смерти в Валгаллу, которую также представляли наполненной героями, которые вечно сражались». Неукротимая энергия — как и у ту-рок, потрясших Европу храбростью и войнами. Ранние войны латинян и вечная «междоусобная борьба» ранних эллинов тоже имеет в основе себя, вероятно, этого же самца, который не знает, куда ему деваться от сжигающего жара,— и кидается туда и сюда, в битвы, в приключения, в странствия (Одиссей и эпоха Генриха Мореплавателя). Все это первоначальное грубое ворочанье камней культуры. Вулкан ворочает землю, по-видимому безобразя ее, разбивая ее, разрывая ее, но на самом деле это уже *начало* культуры, ибо это уже не есть неподвижность мертвого *материка*. Островок культурнее материка, «Маленькая земляца» всегда принимает первый луч Божий, *разбитость, расшибленность* чего-либо вообще есть *первый шаг к культуре*.

Но одно — разбить косную массу на куски; и другое — начать обрабатывать куски. Бой и шлифование — разные фазисы одного процесса, но требуют они совсем разных качеств.

Вот здесь-то, во всемирной потребности *шлифовать*ся, и выступает роль +2, +1, ±0 пола, —1, —2 его.

Борода начинает укорачиваться, пыль — опадать, а в характере, дотоле жестком, грубом, *непереносимом* для «ближнего», начинает проступать мягкость, делающая удобным и даже приятным соседство. Являются «ближние», и в территориальном и в нравственном смысле; является «родство», в смысле духовном и переносном, а не в одном кровном. Все это по мере того, как самец от высоких степеней «+8», «+7» переходит к умеренным и совсем низким: «+3», «+2», «+1». В этих умеренных степенях зарождается брак, как привязанность одного к *одной*, как довольство *одною*; и, наконец, появляется таинственный «±0», полное «не-воленье» пола, отсутствие «хочу». Нет жажды. Гладь существования не возмущена. Никогда такой не вызовет «на дуэль», не оскорбится,— и уже всего менее «оскорбит». Сократ, сказавший, что он легче *перенесет обиду*, чем *нанесет* ее,— тут в этих гранках; как и мировое: «Боже, *прости* им — не ведут-бо что творят». Вообще выступает начало *прощения*, кротости, мировое «непротivление злу». Платон Каратаев — тут же, около Сократа; как и Спиноза, мирно писавший трактаты и наблюдавший жизнь пауков. Все — выразители мирового «не хочу». «Не хочется»... Созерцательность страшно выросла, энергия страшно упала, почти на *нуле* (Амиель, Марк Аврелий). Мечты длинны, мечты бесконечны... Все существование — кружевное, паутинное, точно солнышко здесь не играет, точно это зародилось и существует в каком-

то темном, не освещенном угле мира. Тайна мира. В характере много лунного, нежного, мечтательного; для жизни, для *дел* — бесплодного; но удивительно плодородного для культуры, для цивилизации. Именно — паутина, и именно — кружево, с длинными нитями из себя, *завязывающимися со всем*. В характере людей этих есть что-то меланхолическое, даже при ясности и спокойной вида и жизни; меланхолическое безотчетно и беспричинно. «Мировая скорбь», «Weltschmerz» здесь коренится, в этом таинственном «не хочу» организма. Здесь цветут науки и философия. И, наконец, «±0» разлагается в «+0» и «-0»: первый отмирает — в нем ведь *ничего* и не было? И остается «-0», который быстро переходит в «-1», «-2», «-3» и проч.

На низких, первоначальных степенях, «-0», «-1», мы наблюдаем это в форме известных *двойных* содружеств; не в форме товарищества, шумного и обширного, с забавами и «предприятиями», но всегда — дружба только *двух*, тихая, бесшумная. Если вы присмотритесь, то эти «два» стоят всегда в контрасте, духовном, бытовом, характерном и даже физическом: и один как бы *дополняет* другого. Есть взаимная дополняемость, и отсюда получается житейская гармония и слиянность. Жизнь, можно сказать, переполнена этими странствующими и стоячими диадами (сцепление двух), которые вообще всегда образуют красивое явление, привлекая взор всех тишиной, незамутненностью своей, — тем, что никому не мешают и явно довольны спокойным довольствием, — довольны своим существованием. Гоголь первый дал нам такую диаду в известном соседстве знаменитых «Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича». Злой Гоголь их поссорил, но обыкновенно они не ссорятся, и один хоронит другого. Из-за чего им ссориться? Еще заметите это в живописи Тургенева: он нарисовал целый ряд таких диад — «Хорь и Калиныч», «Чертопханов и Недоюскин», отчасти Лежнев и Рудин (вода и огонь), кажется, еще несколько, много. Чаще всего один покровительствует, другой — покровительствуем, один — жесток, жесток, груб, резок, другой — нежен, мягок, податлив. «Точно муж и жена, мужчина и женщина». Но ничего нет, еще ничего нет. У Достоевского это выражено в идиллии «Честного вора», где этому слабому и бесхарактерному человеку, к тому же запивающему, покровительствует трезвый, тихий и милый портной. Перефразируем наблюдение первых христиан: «У язычников самые *добродетели* их суть только красивые *пороки*», можно сказать, что у этих диад «самые *пороки* становятся как-то *невинны*». У других людей в *воровстве* сказалась бы хищность, бессовестность; и на него ответили бы боем. Но у этих самое воровство добродетельно: «*Честный вор*». Да и в самом деле «честный»: до того кроткий, что его и обругать не придет в голову никому, не то что побить; но сам он до того мил и праведен, что от одного тихого укора — повесился. Воистину, «таковых есть царство небесное»... Делают ли что они — добро им, не делают — добро же. Не воруют — хорошо, а украли — тоже хорошо. Как-то безвредно, без «последствий». И любодей-

ствуют они — тоже хорошо, и не любодествуют — хорошо же. Впрочем, они почти никогда не любодествуют. «Не хочется». Ни Хоря, ни Калиныча, ни Чертопханова, ни Недоюскина, ни «Лишнего человека» (см. «Дневник лишнего человека») мы не умеем представить себе «с бабою» или «около девицы». Эти диады, или пассивные одиночки,— до такой степени есть *начинающиеся праведники*, линии *начинающейся христианской праведности*, такой особенной, такой типичной, с кроткими глазами, с опущенными руками, с тихим взором, взором — длинным, задумчивым, что невозможно усомниться в том, что уже задолго до христианства в них началось христианство, или что Евангелие, само в этой же категории явлений существующее, встретившись с этим течением — слилось с ним, «обнялось» с ним, и они-то соединенным руслом своим и произвели то, что мы именуем «историей христианства», «историей христианской цивилизации», «историей Церкви». Я сказал «и Евангелие в этом ряду». И в самом деле, это — его откровенный глагол. «Бессеменное зачатие» — вот с чего оно начинается, с требованием признать его — оно выступило. Это есть то *чудо*, то «неизреченное», «не вмещающееся в разум», не бывающее и невероятное, о чем услышав все засмеются, так как это есть «дважды-два — пять» пола, и между тем без согласия на это «чудо» и «бессмыслицу» — вы не христианин, «не крещеный». А как только это приняли и этому покорились, как только уверовали в это половое «дважды-два — пять», так вы «христианин», «крещень», «в сынах спасения» и «Царствия Божия».

«— В Православную Святую Церковь веруешь?

— Верую.

— И в Божию Матерь тоже веруешь?

— Верую.

— А ну, сынку, перекрестись.

Приходивший крестился. Тогда кошевой говорил ему: — „Ступай“».

Так совершался, по Гоголю, прием в Православную Сечь, эту азбучную общину мужиков-рыцарей.

«Бессеменное зачатие»... но что оно такое? Это «+0» пола, «—0» пола, или «±0» пола, как хотите определяйте, принимайте, но как только в половом месте вы поставили *значащую величину*, все равно *единицу* или *дробь*, поставили *что-нибудь*, — вы отвергли, ниспровергли Евангелие и христианизм. Самая его суть и есть «±0» пола. В этом не «что-нибудь» его, а *все оно*. Церковь до такой степени на этом яростно настаивает, что ее невозможно ничем так оскорбить, как и действительно нельзя бы ничем ее так ниспровергнуть, как утверждением, намеком, предположением, что в И. Христе или Божией Матери было что-нибудь *настоящее* половое, а не только «схема», «очерк», да и то лишь *словесный*, «девы-женщины», «учителя-мужчины». «У Иисуса были *братья*» — сказано в Евангелии; «она не знала Иосифа, *дондеже не родила* (т. е. пока не родила) Иисуса». «Нет! нет! — восклицает Церковь.— Божия Матерь была *монахиною*, монахиною *в существе* и только без формы, и ничем

ным она и не могла быть, потому что иначе и не началось бы христианство, как что-то совсем новое в мире!» «И эти братья Иисуса суть его двоюродные братья или что-то другое, а не родные братья: ибо у Божией Матери не могло быть детей, она — монахиня». Открывая Евангелие, конечно, видим, что как будто оно опрокидывает этот крик Церкви: сказано «братья Господни» и «дондеже не роди Иисуса». Но, вчитываясь глубже, больше, вчитываясь годы, «до седых волос», «до поседения», — видим, что втайне, не в буквальном смысле, а в духе своем Евангелие поддерживает этот крик Церкви, и даже именно оно и породило его собой, как вопль, как неистовое и страшно уверенное в себе утверждение!! Конечно, Божия Мать — монахиня, как и рожденный Ею — монах же; без пострига, без формы, без громких слов, без чина исповедания, но в существе — *таковы именно!* Иначе зачем бы и говорить о «бессеменном зачатии» и подчеркивать потом, страстно и мучительно: «*Не от похоти мужския и не от похоти женския*» (зачат Иисус). Итак, «бессеменное зачатие» — это раз; и затем, зачатый так и Сам был *бессеменен: это-то и есть новое и оригинальное*, почему Его и нарекли «сыном Божиим», «богочеловеком», и приняли, и поклонились Ему — как *таковому именно*. Как только в образ Его, в Лик Его вы внесете семенность, семе-несение; так вы и разрушили, раскололи, уничтожили этот Лик. Согласились вы на него — вы приняли Христа, «нового Бога»; нет — и вы отвергли Его, вы — не христианин.

Но «бессеменность» в видимом, ясном, признанном очерке мужчины, в каком ходил Иисус, это и есть «±0» пола, то таинственное явление, какое не неизвестно в биологии. Понятен глубочайший интерес, глубочайшее волнение, с каким мы должны бы, ученые обязаны бы давно начать к нему приглядываться.

КОЛЕБЛЮЩИЕСЯ НАПРЯЖЕНИЯ В ПОЛЕ

Дабы у читателя не могло остаться сомнения в объективной верности моих наблюдений-размышлений, я приведу факты из медицины.

Наибольшее половое напряжение

«R. L., купец 36 лет, был консультируем мною в апреле 1899 г. по поводу частых возбуждений и следовавших иногда за этим семяизвержений среди дня, без всякого повода. Родители были вполне здоровы. L.— нормального, достаточно крепкого телосложения, с 29 лет жена. Сурово воспитанный в своей юности, уже с 12 лет стал тайно предаваться онанизму, считая в среднем один-два раза в день. 16 лет имел первое соитие, и с той поры имел весьма много половых сношений с самыми различными женщинами. Он допускает число половых сношений с одной женщиной, с которой был в связи, около 250—300 в год. В брачной жизни его половой аппетит, если можно так выразиться, был настолько велик, что жена его неотступно просила его для ее облегчения где-либо

в ином месте удовлетворять свою похоть. Половое *возбуждение* особенно *вспыхивало* у него *при работе*. Во время занятий в конторе у него внезапно, моментально наступало, без какого-либо повода, состояние возбуждения, сопровождавшееся сильным волнением и дрожанием всего тела. Похоть была так велика, что он должен был бросать занятия, чтобы как можно скорее иметь соитие с первым встречным женским субъектом. Холодные души (ручным аппаратом Moosdorf Hochhausler'a), применявшиеся по моему совету, лишь весьма редко могли ослабить его satyriasis¹, порой отдаляя лишь на некоторое время приступы. Несравненно лучше действовал бром в соединении с лупулином, «геср. шипучая бромистая соль» (Проф. Роллендер. «Половое влечение», стр. 80—81).

Наблюдения над половым влечением высоких степеней у женщин очень многочисленны. Я приведу следующие.

Д-р Гарнье сообщает следующий факт.

«Генриетте С. 31 год. С самого раннего возраста один вид мальчиков действовал на нее с непонятной возбуждающей силой. Выйдя замуж очень молодой, она не могла найти в супружеских отношениях удовлетворения своей почти беспрестанной потребности в половом акте. Она обзаводилась множеством любовников и приводила в глубокое отчаяние своего мужа, так как безнравственное поведение ее получило огласку.

Когда ее вдруг охватывала непреодолимая потребность полового акта, она пыталась бороться со своим желанием, но вскоре оказывалась до того всецело в его власти, что выбегала на улицу и принималась охотиться за самцом.

Но помимо таких непреодолимых импульсивных припадков — и в нормальном своем состоянии ей достаточно встретить крепкого, хорошо сложенного мужчину, чтобы почувствовать себя охваченной жадной совокупления, одно представление о котором способно, впрочем, вызвать у нее сладострастный спазм; такие спазмы бывают у нее по шести и по семи раз в один и тот же день».

«Вот другой поразительный случай. Женщина с детского возраста испытывала необычайное влечение к половым наслаждениям.

Когда ей было всего 8 лет, на нее действовал возбуждающе вид совокупающихся животных, причем ее неудержимо влекло дотрагиваться до них.

В 17 лет она вышла замуж за человека 36 лет, очень крепкого, объятия которого по несколько раз сряду оставляли ее все же неудовлетворенной; случалось даже часто так, что после троекратных естественных сношений ей необходимы были лесбийские приемы для того, чтобы чувственность ее вполне насытилась.

В 49 лет, будучи уже матерью восьмерых детей, она овдовела. После двух месяцев абсолютного воздержания желания снова начали неотступно осаждать ее. Умом ее непрерывно владело одно — по ночам самые эротические сны, в бодрствующем состоянии самые сладострастные мысли и представления.

¹ похоть (лат.).

Побежденная ими, она поддалась рукоблудию и только таким образом могла бороться со своими беспрестанно томившими ее желаниями, не давая подозревать никому об этом половом возбуждении своем». (*Скромность. В. Р.*)

Д-р. Трэла сообщает очень интересный случай сильного полового влечения.

«Г-жа V., среднего роста, но очень сильного сложения, обладавшая очень приличным выражением лица, большой учтивостью в обращении и разговоре, большой сдержанностью в манерах, поступила ко мне в приют 17 января 1854 года.

Будучи спрошена обо всем необходимом, она превосходно отвечала на все вопросы, принялась за работу и, несмотря на свои 69 лет, делала все очень быстро и хорошо; всегда спокойно и ровно настроенная, всегда усидчиво работающая, она послушно отправлялась, когда ее звали, за стол или на прогулку.

Решительно ничто ни в наружности ее, ни в поступках не могло внушить, за все время ее пребывания в лечебнице, ни малейшего подозрения о ее ненормальности.

В течение целых 4 лет ни одного непристойного слова, ни одного жеста, ни малейшего движения, которое обнаружило бы волнение или раздражительность, или нетерпение. Она превосходно сознавала, что она в заключении, но злоупотребить свободой была абсолютно неспособна.

Всю свою жизнь, от ранней юности, она отыскивала мужчин и отдавалась им. Молодой девушкой она приводила в отчаяние своих родителей, подвергая их своим поведением позору и унижению.

Отличаясь самым послушным, самым приветливым и самым веселым характером, она краснела при всяком обращении к ней, опускала глаза каждый раз, когда оказывалась в многолюдном обществе, но стоило ей очутиться наедине с мужчиной — старым ли или молодым, или даже с ребенком, — она внезапно и мгновенно преобразовывалась, подымала юбки и нападала с самой дикой энергией на того, кто сделался предметом ее иступленной любви. В такие моменты это была настоящая Мессалина, но всего за несколько мгновений до того ее можно было принять за невинную девушку.

Иногда ей случалось натолкнуться на сопротивление и даже на серьезное внушение, но гораздо чаще она встречала добровольное согласие.

Несмотря на неоднократные приключения такого печального рода, ее родителям удалось выдать ее замуж, причем они надеялись, что это положит конец ее расстройству. Но для нее замужество явилось только лишним скандалом.

Она любила своего мужа неистовой любовью, но так же неистово она любила всякого мужчину, с которым случай приводил ее остаться наедине, — и обнаруживала в таких случаях столько предусмотрительности и ловкости, что сбивала с толку всякий надзор и очень часто добивалась, чего хотела.

Под первым попавшимся и тут же на месте придуманным предлогом она зазывала к себе то рабочего, отрывая его от работы, то случайного прохожего на улице, то молодого мастерового, то слугу, то мальчика, возвращающегося из школы.

Разговоры, которые она с ними заводила в подобных случаях, *были* до такой степени *невинны*, что всякий направлялся за ней вполне доверчиво, нисколько не задумываясь.

Неоднократно случалось, что такой гость бил или обкрадывал ее,— но это не мешало ей снова зазывать к себе.

Этот образ жизни она продолжала вести даже тогда, когда сделалась бабушкой.

Однажды она зазвала к себе мальчика 12 лет, уверив его, что мать его должна прийти к ней. Она дала ему конфет, целовала его, ласкала; но потом, когда она хотела раздеть его и начала непристойно прикасаться к нему, инстинктивная нравственность ребенка возмутилась: он ее ударил и убежал. Дома он все рассказал своему брату, молодому человеку 24 лет; тот пошел в указанный мальчиком дом и безжалостно побил скверную женщину, сказав ей на прощанье:

— В подобных случаях следует расправляться своим судом, чтобы не пакать оглаской свое имя, имея дело с подобными особами. Надеюсь, что этот урок отобьет у вас охоту проделать еще раз подобное с кем-нибудь другим.

Во время этой сцены зашел зять женщины; он сразу догадался обо всем раньше, чем услышал слово, и сам стал на сторону того, кто учинил этот быстрый самосуд.

Ее заточили в монастырь. Там *ее нашли такой доброй, такой кроткой и послушной — розовой и невинной, как молодая девушка*,— что никто не хотел верить возможности того, чтоб она когда-нибудь могла совершить малейший проступок; ее решили освободить от искупления, так она *завоевала симпатии* и доверие всего населения монастыря ревностью, с которой она *предавалась религиозным обрядам*.

Но, едва очутившись на свободе, она снова начала по-прежнему скандалить. И так проходила вся ее жизнь.

Она отравила всю жизнь своего мужа и своих детей. Но они надеялись, по крайней мере, что на помощь ей явится время, что, когда она постареет, умерится пожиравшее ее пламя. Они ошиблись, однако. Чем более она предавалась этим излишествам и чем более она тучнела, тем неукротимее становилось ее расстройство.

Непостижимо, каким образом при таких низменных склонностях и таких позорных привычках могла уцелеть такая *кротость в выражении лица*, такое *спокойное достоинство манер*, как мог сохраниться такой *молодой голос и такая прозрачная ясность взгляда*.

— Когда она овдовела, дети не могли ее оставить жить у себя — для них она была предметом ужаса; они назначили ей пенсию и предоставили ей устроиться отдельно.

Когда она стала старухой, она вынуждена была оплачивать благосклонность, которую ей оказывали; и так как маленькой пенсии, которую она получала, ей для этих надобностей не хватало, то она *работала с неумолимой энергией*, чтобы иметь возможность заводить много любовников.

При взгляде на эту женщину, *вечно бодро трудящуюся над иголкой*, обходящуюся без очков в 70 с лишком лет, *всегда чисто и опрятно одетую, с простой и честной наружностью, с открытым лицом*,— никто никогда не догадался бы обо всех проделанных ею гадостях. Когда нам

все это рассказали, мы совершенно не поверили бы, если бы не получили вскоре несомненных доказательств.

Мы видели некоторых из этих жалких негодаев, получавших от нее плату за свое мерзкое ремесло. Они являлись к нам рассказывать, *как она трудолюбива, уверяла нас в ее безупречной нравственности*, — и все это в надежде, что ее освободят и они снова будут получать свою плату.

При всем отвращении, которое нам внушали эти проходимцы, мы не могли удержаться, чтобы не вырвать у одного из них признание о подробностях их бесстыдной любви.

Эта презренная женщина, это чудовище сохранило до последнего дня жизни *свое спокойствие, свою неизменную кротость и честную наружность*. Она умерла 27 мая 1853 г., *73-х лет от роду*».

Рассказ вполне поразительный, достойный долгих, многолетних размышлений. Что такое этот субъект? Несла в себе как бы трех человек, имела тройной запас жизни! Если «человек» есть зло, если «жизнь» есть зло — осудите ее. Другого мотива для осуждения она не дала заметить в себе.

Все приведенные случаи заимствованы из книги доктора Жафф Кофейлона. Наблюдения свои он сопровождает еще следующим, которое повторяется и в других книгах о том же предмете:

«В числе подобных женщин нередко встречаются такие, у которых *сильнейшие половые стремления соединяются с проявлениями религиозного восторга*. Они то посвящают себя чрезмерным подвигам благочестия, при самом строгом аскетизме; то разыскивают мужчин, потеряв сон, и произносят речи, в которых *сквернословие смешано с мистическими идеями*. Они напоминают, по своим манерам, богомолки, но при этом жестикуляция их бывает часто непристойна.

«Бред их, — говорит Бушера, — бывает *то религиозный, то эротический*; без малейшего перехода это следует одно за другим».

В том самом случае, в котором один наблюдатель нашел бы *религиозную манию*, — другой наблюдатель, если он явится свидетелем следующего припадка, будет иметь основание признать *эротическую манию*».

Последнее наблюдение необъяснимо *никак* с медицинской точки зрения: ибо отчего бы женщинам сильнейшего полового возбуждения не бредить: 1) вином, 2) картами, 3) базаром, толпой, улицей, 4) банями, трактиром, кабаком? По *бытовой близости* этих предметов должно бы быть так. *Но этого никогда нет*. И оттого нет, что, сближенные в быту, они *корнями* лежат как бы в противоположных полушариях. Бред как явление, где наименее участвует преднамерение и сознание, всегда указывает корневую близость вещей, соединяет космологически-родственное, метафизически-родственное. Так же точно совершенно необъяснимы эти феномены и с аскетическо-христианской точки зрения — с точки зрения *бестелесно-духовной, скопческо-религиозной*: ибо, очевидно, если бы действительно религия заключала в себе *плото-умерщвляющие* идеалы, если бы она *с полом не имела ничего общего* и даже была бы *противоположна*

ему, *исключала бы* его, — то повышение половой импульсивности сопровождалось бы *безбожием, голизной и опустошенностью* религиозного чувства, падением религии, *неупоминанием о ней*, в бреду ли, наяву ли, *никогда!* Разное религия и пол — и нет их *соединения* в бреду, в словах, в мысли! Но если мы допустим то, что *пол и действительная истинная религия* имеют не только корневую близость, но и корневое тожество, единство, *слиянность или, точнее, целость одного и того же существа*, то все эти феномены не только объясняются, но мы о них скажем, что «*киначе и не могло быть*»... При этом я совершенно допускаю, что «половой бред» в этих медицинских случаях есть «ерунда», как «ерундою» же является и религиозный бред этих субъектов: *это уже не меняет дела и ничего не изменяет в заключениях*. Ведь и обычный бред обычных сумасшедших есть, однако же, *психический бред или логическая нелепость*, все-таки тем не менее — *логический*, все-таки тем не менее *психический*, из этого *моря*, из этого *океана* взятый. Поэтому как только «эротический бред» путается с «религиозным бредом» — мы заключаем с неизбежностью, что «та капля» и «эта капля» — из *одного моря!* Иначе нельзя: ведь никто же лепет *идиота* не отнесет к *кожным явлениям*, маниакальные идеи не назовет *феноменом перерождения мускульной ткани*, и проч. Такой «абдекарабды» никто не скажет: но значит и раз-единить пол и религию было бы научной «абдекарабдою». Если «бредовые», т. е. нелепые, явления лежат тем не менее *рядом*, то очевидно, *ясные и спокойные* явления двух этих порядков текут не только рядом же, но это есть даже *одна текущая река*, одни *воды*, дающие в одной части *спокойную и ясную религию*, как наше *отношение к Богу*, как *связь с Небом*, как чувство Судьбы и Провидения, как мистику и трепет перед «миром Иным», «миром Еще», поверх эмпирической, наличной действительности; и в другой части влекущие к сближению, к совокуплению, к рождению детей, к жизни бесконечной здесь на земле... Только христианство могло отвернуться, или, как теперь очевидно, *попыталось* отвернуться от этого, и через это потрясти очаги рождения, разрушить недра мира, как бы проколоть иглой *мировой зародыш*, зародышевое начало *мира, зародышевую сущность мира*. Попыталось и не успело: ибо люди все-таки рождали, «во грехе» (с идеей греха) рождали, «в скверне» — но рождали. «Рождали», «рождали»... их проклинали, звали к *другому* (девство, монашество, аскетизм) — но все-таки они рождали и рождали: и *в этом одном христианство*, как выразился Достоевский, и «не удалось». А «не удалось» оно в этом одном, то «не удалось» — и во всем: ибо *это-то* и есть «все» его — сущность, основание и цель. Но уже *постановка этой цели* естественно вела к идее «конца мира», к *распространению чувства*, что «*конец пришел*», «*конец близок*» и даже «*у дверей стоит*»: ибо цель эта именно включала «конец мира», но не как *существо и истину*, а как *зов*, как *пожелание*, как *черный идеал!* Таким образом, «бессеменное зачатие, поставленное как «А» в Евангелии, уже содержит его «О» — конец, катастрофу, «падающие звезды» и «серный огонь»

с неба», и «восстание мертвецов», сих «граждан нового века», и «страшный суд». «Чем началось, тем и кончится»... Наоборот, «святое рождение» воскрешает древние, до-христианские Небеса: «мертвым» совершенно незачем исходить из могил, потому что земля не пустынна, на могилах выросли новые цветы, с памятью первых, с благоговением к первым, даже *в сущности повторяющие в себе тех первых*. Смерть есть не смерть *окончательная*, а только способ *обновления*: ведь в детях в точности *я живу*, в них *живет моя кровь и тело*, и, следовательно, буквально *я не умираю вовсе*, а умирает только мое *сегодняшнее имя*. Тело же и кровь *продолжают жить*; и в их детях — снова, и затем опять в детях — *вечно!* Только бы, значит, «рождаюсь», и — «я никогда не умру». Точно «снимаются сапоги»: «одни сапоги», «другие сапоги»... а «ходит в них — один». Этот «один некто» и есть «Адам» — «я» — «бесконечный потомок наш», меняющий паспорт, меняющий лица, ремесла и обитаемые страны, учащийся или хлебопашествующий, несчастный или счастливый, но — «один». Таким образом, смерть — у правильных субъектов и при правильной жизни безболезненная (склероз артерий, лопнувший сосуд и смерть даже без крика, без вздоха, без *всякого ощущения*) — есть просто способ *вечно обновленного* и, следовательно, *вечно молодого, юного лица* земли в сущности при том же *ее обитателе*, при одном *жителе*... При этом зачем же покойникам «выходить из могил», когда они преспокойно *продолжают жить на ней*, но не в старом и тягостном для себя самих состоянии, а в чрезвычайно счастливом состоянии полного мужества, цветущей юности и беззаботного детства! Что за счастье прожить 1 000 000 лет стариком: лучше прожить 60 лет + [60 × 3] + [60 × 3 × 3] + [60 × 3 × 3 × 3] и т. д. Т. е. жить «целым рядом» семей — уже на своих глазах, целой колонийкой — через 200 лет, целым селом — через 400 лет, целым народцем — через 1000! При этом взгляде — праведны усилия к накоплению земных сокровищ, *обеспечивающих существование*: больше скота, больше земли, больше плодородия, жатвы, посевов, больше домов, крепче города, больше труда и запасов (денег); и еще другое *с равным напряжением усилия* — воспитание: ибо только воспитанный человек живет хорошо, есть «счастливое я», «хорошее я».

При этом слиянии религии и пола только и является «благословенное рождение»; не в том поддельном и фальшивом виде, что оно «разрешено попом», а в том, что оно «угодно Богу», и притом из существа своего, по существу своему. Тогда *неудержимость* рождения становится понятной, как исполнение воли *Всемогущего, Всевозящего*. Тогда удерживать его никто не станет: рождается столько, сколько «хочется», и волна рождаемости есть волна этого «хочется», то подымающаяся, то опускающаяся, не сдерживаемая в одном, не сдерживаемая в другом, — как молитва в чередованиях с отдыхом. Много рождается —

хорошо, один рождается — хорошо, ни одного не рождается (у кого-нибудь) — это его индивидуальное несчастье, как скинутого со счетов человечества; но в общем и для самого человечества — и это хорошо! Все — хорошо, ибо все — безопасно: «нет» у одного возмещается «обильем» у другого; примеры, приведенные из нашего якобы «истощенного» поколения, показывают, до чего волна временами подымается высоко. Не надо статистики населения, ничего не надо: никакой заботы! Только бережным взором надо следить, истинные священники истинной веры должны бы следить, чтобы ни одна щепочка, ни одна соринка, ни одна злоба, ссора, ненавидение, случайное несчастное совпадение (неудачный брак, недостаточное число форм брака) не мешало чистым волнам этого «хочется», чтобы никто не *нудил себя и ни к чему не нудил...*

Душа, ее неземные предчувствия, ее метафизические тревоги, ее томление по Боге — все объясняется как *врожденные дары, врожденные сокровища*, если самая душа, вложенная в $\frac{1}{2}$ из материи и в $\frac{1}{2}$ из отца, через их половое слияние, есть в то же время «капля метафизического существа», капнувшая в земные условия через этот миг их слияния. Тогда, очевидно, есть два Неба: внешнее — на которое *мы смотрим*, и внутреннее — *которым мы живем*; и оно, тоже со звездами и солнцем, как бы выстилает внутренность нас, присутствует каждой частице нашего организма, — *физической в то же время, как и метафизической*. Тогда есть два глаза — физический, такого-то устройства и из таких-то веществ, и метафизический — который видит. «Видит», «слушает», «живет» в нас метафизика, — запутанная вся в *физику*, в соки, кости, мускулы, нервы. Это и *одно и не одно*. Одно — в разделении, не одно — в слиянии. Нет крупинки в нас, ногтя, волоса, капли крови, которые не имели бы в себе «духовного начала». И как я, умерев, разделяюсь на *смертную половину* — вот что положат в могилу, и что *во мне при жизни было* «персть» и прах, ничто и могила, и на *часть живую* — вот что останется в детях: так во всяком волоске и кровинке есть «гроб» и «персть», чему — умереть, и эта часть кровинки меня не живит, а тянет книзу, если же она в глазу — то я ею *не вижу* и даже от нее происходят *болезни*; и есть в этой же кровинке часть, которая «к жизни», чем глаз *видит*, что *поправляет начавшееся заболевание*, что *помогает врачу* лечить: это ее «дух» и «жизненность», ее подъем и «вставание»... Как пол «встает» и «опускается» и это его *суть*: так, по типу этого, «встает» и «опускается» *все* в нас, в организме нашем, в душе нашей, в жизни нашей, даже в судьбе нашей! Таким образом, человек весь есть только трансформация пола, только модификация пола, и *своего*, и *универсального*; что, впрочем, и понятно, иначе и быть не может, так как он *весь* ведь и составлен только из двух половинок, от матерного тела, от отцовского тела, отделившихся в половых их органах и в страстном половом акте. Ничего *третьего*, ничего *не полового* там не было;

и, следовательно, неоткуда взяться ничему *третьему* в нас, ничему *не половому*... И даже когда мы что-нибудь делаем или думаем, хотим или намерены якобы вне пола, «духовно», даже что-нибудь замыслием *противополое* — это есть *половое* же, но только так закутанное и преображенное, что не узнаешь лица его. Так гусеница ползает, а бабочка летает, но обе — *одно существо*; куколка же и совсем лежит, как мертвая, — однако и это то же *существо*. Человек, из полового акта вышедший и из страстно-половых частиц сложенный, есть во всем своем «я», «целом» и «дробном» — половое же существо, страстно дышащее полом и только им, в битвах, в пустыне, в отшельничестве, в аскетизме, торговле, но в самом чистом и святом виде, в самом нормальном — в семье. Торговля и политика — куколки и гусеницы; а мотылек, «душа» — семья, отец-мать, сын-дочь, брат-сестра, свекор-сноха, свекровь-невестка, тетки-дяди, деды-внуки, род, круг, родной народец.

Умеренные степени полового влечения

Это — те обычные, какие мы знаем и испытываем. Примеров их не для чего приводить. Лютер предполагал и предлагал двукратное или троекратное в неделю совокупление; но полагая, что не без причины «день *седьмой* суббота — Господу Богу твоему», я бы предложил или посоветовал всякой семье удерживаться в пределах одного недельного совокупления; дабы для других трудов жизни, для трения жизни, для скорбей и тягостей ее, всегда иметь бокал *жизненности* в себе *наполненным до краев*, и так именно, чтобы влага была *дугою* над краями. Пусть изливается, что не может держаться, что «через край». «Небо» должно быть именно в нас, густое, темно-синее, с налившимися звездами, с жгучим солнцем, полною луною: «вот-вот» просыпнется и упадет; но не просыпай его, береги его. Тогда будешь нежен к людям, привязчив, памятлив, милосерд, словоохотлив, делоохотлив, труженик без усталости, работа будет не тяжела, скорбь не будет переходить в отчаяние и меланхолию, люди станут нравиться, природа — нравиться, будешь путешествовать, торговать, увеличивать имущество. И дети будут очень здоровы и очень талантливы. Мы должны помнить, что ко всему в мире мы привязываемся через себя свое; как всем в мире мы пользуемся для себя своего. Однако, чтобы не впадать «в пост», мы не должны выпускать из виду, что в мире *до* человека совокупления происходят редко, между тем ласки совершаются все время — и что *в природе нет ничего нецелесообразного*. Слабеет и холодеет человек, когда его бокал не полон: итак, пусть он и будет постоянно полон, т. е. совокуплению должно быть дано место тогда, когда внутреннее вино и гений вот-вот поднимается через край. Но все остальное и на все остальное в прелести мужской для женщины-жены и в прелести женской для мужчины-мужа — сохраняет свое место и имеет свое право. Остальные шесть суток дневной труд все-таки должен иметь себе награду в обаятельности, нежности, поцелуях, взорах

прикосновениях, ласках и более всего, конечно, в словах, в речах, и носимое в чреве дитя может получить полноту даров только тогда, когда муж лелеет и ласкает чрево жены так, чтобы истома и сладкое волнение в нем никогда не прекращалось, никогда бы оно не замирало и не костенело, не мертвело. Можно так сказать, что как мать кормит ребенка по выходе из чрева молоком и дает *тело* *из* *молока* *своего*, так до родов она еще *непосредственнее* и *прямее*, «из кишки в кишку», кормит все его существо, кровь его, кости его, нервы его и *присущую* *всему* *этому* *метафизику* (вторая духовная половина всякой частицы тела) совокуплениями своими и вообще чревными трепетаниями; и по участию в них мужа можно даже продолжить и сказать, что эти девять месяцев оба они совместно питают ребенка, притом питают такими частицами внутреннего существа своего, которые несравненно драгоценнее, значуще и могущественнее, чем молоко, это сравнительно рациональное и земное вещество. Из молока *цельного* *человека* не выходит, а из семени — выходит; молоко не растет, не вырастает, а росинка семени растет в полного человека и живет в нем до 70 лет. Так природа расположила свои цели и средства. Полуимпотентная, полусодомическая (по отвращению к совокуплению) мысль, что: 1) совокупление-де *должно* ослабить силы матери, 2) когда эти силы *нужны* *ребенку*,— должна читаться наоборот: 1) когда матери так нужны силы для вынашивания плода,— 2) тогда муж должен дать их ей через совокупление. Ибо кому же, кроме совершенных лгунов и лицемеров, неизвестно, что в совокуплении, если оно *предварительно* *желается* *женщиной*, если она к нему предрасположена,— она получает силы, получает новую свежесть, получает расцвет в себя! Кому неизвестны анемичные, бледные, с хлорозом, нервные девицы до замужества: и что за фантазия повергать в некое подобие всего этого беременную женщину?! А между тем женщина 30-ти лет, с прерванными привычными совокуплениями, есть что-то еще более страдальческое и несчастное, нежели «девица 17 лет до совокуплений»: ибо известно, что *вдовы* страдают от недостатка совокуплений еще гораздо сильнее, чем девицы; а всякая беременная, покинутая ласками мужа, есть «соломенная вдова» на девять месяцев ¹.

Что такое совокупление?

Боковой рост человека. В утробной жизни своей младенец, проживая в *земных* измерениях девять месяцев, в *измерениях* *абсолютных* прожи-

¹ Проф. Роллендер, на стр. 78, закончив объяснение *побочных действий* совокупления на всю сеть органов женского тела и, между прочим, на питание, на отправление кишок (важнейшее, на *кровь*, он пропустил по невинному медицинскому неведению), говорит, впрочем, всякому известную истину: «Этим всем объясняется известный факт, что *весьма* *часто* случается, когда девушек, вступивших в замужество бледными, истощенными, уже *через* *несколько* *недель* нельзя бывает узнать: они превращаются в *цветущих*, *дышащих* *здоровьем* женщин, тогда как раньше все применявшиеся, самые разнообразные методы лечения ничего не могли поделать против их жалкого вида и худощавости». Вот такую-то гадость, такой опиум и мертвечину советуют «лекарственно» принимать беременной женщине моралисты (Толстой в «Крейцер. сонате», и за ним целые толпы писак).

вает века... *Абсолютными измерениями* мы называем те единственно значащие для всякого измеряемого существа меры, какие проистекают *из его собственного существа, из величины и количества перемен в нем.* Земные меры — это меры по явлениям на земле: обернулась земля около оси — *сутки*, обошла земля около солнца — *год*. Явно, что для утробного младенца, который не видит ни солнца, ни земли, этих мер нет, потому что нет этих, *для нас существующих*, перемен. Для него есть перемены в себе: и вот то, что из *маковой росинки* он превращается в 7-ми фунтовое существо, из *пузырька в человека* — есть как бы миллиард лет! В первый год жизни ребенок лишь удваивается: считаем прогрессирующие *удвоения* маковой росинки (зачатие) до 7-ми фунтового веса и объема (роды), и мы получим число «оборотов» этой росинки около себя, число *лет* ее! Не будет преувеличением сказать, что в *утробной жизни* своей младенец проживает *столько лет*, сколько вся природа *прожила до его рождения*, не менее! Но вот он родился. Темп развития сейчас же замедляется, но все еще очень быстр: в двенадцать месяцев ребенок удваивается, в следующие двенадцать он увеличивается еще на $\frac{1}{2}$, потом в двенадцать на $\frac{1}{4}$, на $\frac{1}{8}$ и т. д.: *чем далее — тем он медленнее растет.* Ведь продолжай он развиваться с быстротой утробной жизни, и к 20-ти годам он поднялся бы выше Страсбургского собора, а к старости касался бы головою облаков!

Этого нет. Отчего?! Что же происходит? Вероятно, с того момента еще утробной жизни младенца, когда у него обозначаются половые органы; когда вообще выделяется в нем пол, в нем начинают на счет *удлинения или линейного* (вверх) *роста* отлагаться залогов для *будущего воспроизведения*: и чем их *отлагается более* — тем все замедляется и замедляется рост. Но залогов есть, потенции есть — капитал накоплен; но еще процентов не приносит, т. е. размножения нет. Есть только «позывы» к нему, мечты, грезы, наступающая влюбленность, но без принудительного толчка. Однако отлагание «залогов» происходит тем интенсивнее, чем более замедляется рост. Если размножение *искусственно задержать* — то отрок необыкновенно сильно вытягивается кверху, проявляет «сильный рост», тот опасный «сильный рост», который в некоторых случаях заканчивается чахоткой, а во всяком случае сильнейшим расслаблением организма. Это едва ли происходило «в доброе старое время», когда дедушки и бабушки наши женили наших отцов в 15—16 лет и выдавали дочерей замуж 13-ти лет. Тогда «хлороза», «бледной немочи», «угроз чахотки» не происходило, ибо линейный рост «во благовремени» переходил в рост боковой: через половую систему проценты отложенных залогов, как и все новые, ежедневно новые отлагания — переходили приблизительно в еженедельные, или по два в неделю, совокупления: являлись дети, т. е. тот же самый человек, тот же индивидуум, но отделенный в частицах своего существа, которые теперь самостоятельно ползают по земле, по полу (дети). Что такое дед,

отец и внучек? Переломившийся на три части великан ростом в дом, одной части которого 60 лет, другой 30 лет, третьей 2 года; и все эти части — разной свежести и одаренности. *Обилие* чрезвычайно возросло здесь, и *прекраснейшим* способом, гораздо лучшим, чем если бы землю наполняли два-три миллиона тысячелетних старцев высотой в колокольню Ивана Великого. *Размножение* и вот *теперешний вид* земли и *человечества* есть чудодейственное, мудрое, необыкновенно хитрое по тайне его и всемогущее преобразование неэстетичной картины великанов-стариков — в картину всевозможных возрастов, и оживленную, и медленную, в одном месте медленную, и в другом месте оживленную. Глядя на размножение, мы должны повторять библейское изречение, каким Бог сопровождает дни творения Своего: «И увидел, что все — *хорошо*, и сказал: — *хорошо!*»

Очевидно отсюда, какой метафизический и божеский смысл влить в размножение; аскеты — воистину *пошлые* аскеты, — так же мало в нем понимающие, как они не знают астрономии и течения звезд, не только говорят позорную дурь со своим противодействием ему, но еще и творят великий и страшный грех, отвергая Божеский Промысел, перепутывая планы творения, отрицают Бога, противятся Богу. Только по его великой глупости нельзя назвать его преступлением; ибо глупые — невинны; но в *содержании* своем и безотносительно к глупости — аскетизм есть не только грех, но до некоторой степени — *весь* грех, полный грех, *целый* грех. Что ложь, злоба, зависть, наши *личные* грехи в *личных* делах — сравнительно с этим всовыванием палки в колесо божественной колесницы, которая, конечно, палку ломает или ее переезжает... Но все-таки зачем *это* хотя бы и бессильное желание?

Законы о браке у христианских народов, все продиктованные аскетами, — или, когда они и светского происхождения, то все же несущие *исторический привкус* этих монашеских диктовок, *остаток* этих диктовок, *уклон их, план их*, — все суть *обобщенные, коллективные, нормированные* преступления, и даже не могут быть ничем иным как родившиеся от греха. «*Боковой* рост» нельзя у человека, остановившегося в вертикальном росте, удерживать более, чем на неделю: аскетизм говорит — «*удерживай на три года*» (эпитимья), «*удерживай навсегда*» (монашество), «*удерживай у солдат*», «*удерживай у студента*», удерживай «*всегда, когда тебе* (государству, светской власти) *нужно или нравится*».

Что *привкус* этого перешел даже в науку, даже в *бесстрастную* медицину, наконец даже к лютеранам, якобы «восставшим против католичества и *извращений* его», можно видеть, напр. из удивительного медицинского спора о том, что *лучше* — проституция или онанизм? на чем практически следует останавливаться «*благосклонным читателям*» их советодательных книжек? Причем все в один голос кричат, что «брак следовало бы запретить мужчинам до 25-ти и девушкам до 20-ти лет», хотя сами же, в скотски глупых книжонках своих, всюду передают, что

начинается онанизм обычно около 14—16 лет и редко позже ¹... Как мороз стоит в крепкую зиму, так стоит этот столп христианской цивилизации: брак — это скверно, это — оскорбительно для всего чистого и невинного, гнусно для гимназиста и гимназистки, гнусно для студента, помеха солдату, помеха учебе, разорение для рабочего и бедняка; а проституция для всех этих состояний, для гимназистов, солдат, студентов, для разведенных, для вдовцов есть естественная и нисколько не зазорная, к тому же дешевая и удобная форма полового общения». «Ведь потихоньку»... И соглашаясь, что «потихоньку» — стоят на этом поп, пастор, ксендз, ученый профессор и обычный врач, один «отпуская грех на исповеди», а другой «прописывая ванны» сифилитику, кто за пять рублей, а поп обычно за 50 копеек. И этому вторят государственные мужи, «уже тайные советники» и «гофраты», помавая седеющими главами: «Как, неужели же вы хотите допустить, чтобы гимназист в мундире (лет 18-ти детина, давно бреющий бороду) носил на пальце обручальное кольцо и... и... имел детей! — какое неприличие!!!». «Или чтобы гимназистка 16—17-ти лет отвечала урок математики у доски, имея на глазах всего класса и перед учителем *беременный живот?!! О, позор!!!*»... И невозможно сих старцев убедить, что ведь закон же (даже наш несовершенный закон) позволяет брак 18-летнему и 16-летней, и что же за «позор», в чем позор гимназисту и гимназистке быть в «законном состоянии»? А забота о детях, забота о будущем заработке и пробуждение всех сокровищ отцовского и материнского сердца сделали бы из юноши и отроковицы — людей прекрасных, с чувством долга в себе, с ответственностью в себе...

Нельзя ни в чем убедить. Оставим эти темы. Раз брак *69-летнего старца* не «оскорбляет» юриста, попа, медика, не есть *грех* для церкви, не есть *вред* для государства и общества, а брак цветущих невинностью и силами 16-летнего и 14-летней есть «грех», «вред» и «отвратительная безнравственность» для всех их, то тут — могила, все кончено, «дважды-два = семь» и проч. Тут надо пройти и умереть цивилизации, культуре (культуре аскетизма), пройти целому циклу человечества; и начаться совсем новому летосчислению, чтобы люди вдруг начали слышать, понимать и видеть, что $2 \times 2 = 4$.

Оставим это.

Очевидно, сила *бокового* роста соответственна всегда силе *вообще* роста, силе *крепости* и *внутренней деятельности* организма. Она у отдельных субъектов не одинакова — и происходит эта неодинаковость, вероятнее всего, от энергии зачатия. Как-то верится, думается, что оно дает импульс всему; и тут применим стих Майкова о «стреле, летящей

¹ См. д-р Форель: «Половой вопрос»; да и во множестве книжек, просмотренных мною для этой главы, мелькает этот совет. Совет онанировать (вместо проституции, угрожающей заражением), давали «ex cathedra» [с кафедры — *лат.*], на лекциях, некоторые профессора Петербургской медицинской академии студентам-слушателям, о чем мне сообщил отец одного студента, С. В. Б-х.

далеко», когда предварительно лук был «туго натянут». Высокое здоровье и красоту древних греков, палестинских евреев и теперешних мусульман можно, между прочим, объяснить тем, что муж *посещает* жену свою, живущую *отдельно в своем шатре*: тут совокупление происходит так нежно, ласкаясь, так свежо и, в заключение, так сладко и напряженно, с *такой большой активностью в себе*, как у нас случается, когда муж с заработка в недалеком городке или с ямщицкой поездки возвращается в дом «на побывку». А несколько обломовский характер вообще русских, как *племени*, как *массы*, происходит едва ли не от «родительских кроватей», еженощного спанья вместе жены и мужа. При этом условии привычно все слёживается, формы приспособляются одна к другой,— детей рождается очень много в населении, но с невысокой жизненностью, вялых, анемичных, бесталанных, склонных к заболеванию. Известно, что детская смертность в России велика, как нигде. Нет бури, а все дождичек. Между тем только из бури выходит — талант, красота, сила, жизненность. При «побывках домой» или при «посещениях шатра» (одной из жен), как и в священное установление «субботы»,— как известно, начинающейся у евреев с появления первых вечерних звезд *пятницы* и, следовательно, *центрально* вмещающей в себя *ночь с пятницы на субботу*, когда «старое благочестие каждого еврея требовало родительского совокупления» (признание мне одного еврея),— во всех этих трех случаях разыгрывалась гроза страсти, и естественно она разыгрывалась во всех красотах своих, так запечатленных в «Песни Песней»: «Да лобзает он меня лобзанием уст своих»... У нас все это проходит сонно. Нет священства, а только «нужда». Праздник не окружает совокупления, как у евреев их Суббота и у мусульман Пятница... Между тем совокупление должно быть именно не «нуждою», «сходил» и заснул... вовсе нет: оно должно быть средоточием праздничного, легкого, светлого, безработного, не отягченного ничем настроения души, последним моментом ласк, нежности, деликатности, воркованья, поцелуев, объятий. Но как у нас в старомосковскую пору новобрачных, даже *незнакомых друг другу*, укладывали в постель и они «делали», так и до сих пор русские «скидают сапоги» и проч., и улегшись — «делают», и затем — засыпают, без поэзии, без религии, без единого поцелуя, часто без единого даже друг другу слова! Нет *культуры как всеобщего* — и нет явлений, единичностей в ней, нет единичных праведных, благочестивых зачатий (кроме счастливых редких случаев).

Брак и семья в Европе органически, окончательно испорчены, и не расцветут, пока не отцветет Европа. Весь цветок Европы — черный, и белая роза вырастет только на ее могиле.

Замечательно, что единственная надежда здесь осталась в свободной любви, и как она гонится, какое против нее озлобление! Дети, рождаемые среди единственных сохранившихся цветов, выкидываются всюю массою в воспитательные дома, и среди вообще человеческих *детей* они имеют то же положение, как наши *проститутки* среди *женщин*.

Отчего не сознаться, что над мусульманами, евреями и над Древнею Грециею и еще более над Египтом горело небо дорогого «ведовства» и «колдовства» — чудное небо других звезд, другой луны и солнца: откуда что бы ни исходило, а только там рождались лучезарнейшие младенцы, каких видел мир. Что-что другое — а уж *дети* там были хороши... Полновесны, полновидны, полножизненны, полнодарственны.

Великое учреждение «субботы» желательно к исполнению каждому: вслед за «помни день *субботний*» и сказано поэтому — «чти *отца* и *матерь* твою», каковых главнейшее почитание только и можно выразить через *родительство* же, новый родительский акт, через *повторение* в себе того акта, через который мои родители стали именно моими родителями. Они суть «мои родители» не потому, что пьют, едят, путешествуют, гражданствуют: а оттого, что мое «я» изошло из совокупления их. И как «почитание», например священника, естественно есть «духовное», ибо он «духовная особа», как «почитание» полководца естественно есть триумф, так точно «почесть» или «почитать» родителей только и можно, совокупившись *в память их* (если умерли), *в честь их, в славу их, в имя их, в радость им* (если живы). Только лживо-«духовные» отношения христианства свели всякое «почитание» к низким поклонам и целованью ручки, к льстивому заглядыванию в глаза и говоренью приторных любезностей. Конечно, древний Ветхий Завет, с живыми костями и живой кровью в себе, с животными в себе жертвами, знал почитание совсем другое. Если Бога «чтили» *ягненком* или *теленком*, — как могло прийти в голову «почесть» отца *словом*? Конечно — жертвою же: и родителей почесть, или, теснее, почесть их родительский акт, произведший меня, — и можно было только возрадовавшись в новом *своем* родительском акте. Что это правильно, можно видеть и из того, что не так родители радуются, отдавая детей в *ученье*, не так веселы, видя начало их *службы*, не так счастливы — полным *колоритом счастья* — их успехам в жизни, славе их, молве о них, как эти родители радовались и радуются *всемирно*, во *всех странах* и во *все времена* вступлении детей в супружество, т. е. во сонм родительской же жизни, вновь родительской, повторно родительской. Церковь очень хорошо сделала, что устранила присутствие родителей на своем венчании: так как эта казенная припись молодых к консистории никакого отношения к родительству и браку не имеет; в браке *настоящую обрядовую функцию* имеет только устройство «чертога брачного», т. е. ночной свадебный пир; хотя теперь это уже *остаток древности*, без мысли, без понимания, без красоты и торжественности, без традиционных линий в себе, в распорядке своем, в ходе своем. Но пиром выразилась *встреча* брака юных их родителями и всею общиною. Пир — всегда есть радостное. Итак: супружество детей есть радость и родителям: и, следовательно, «почитанием» родителей является, главным образом,

вступление самих в супружество; и в нем, понятно, его центральные, существенные минуты.

Вот что означало собой древнее и священное заповедание: «чти отца и мать твою». Значило: «не оставайся безбрачным», «не оставайся бесплодным», «радуйся с молодою женою своею, с молодым мужем своим».

Закон — это всегда берег; но и берег *заливается* наводнением, *освежается* наводнением; и закон был бы слишком пассивен, был бы безжизненным в безжизненном, если бы иногда он не *нарушался*. Было у евреев великое учреждение — *утренние тамиды* при Храме, т. е. «жертвы за грех», — по *утреннему часу* жертвы очевидно за грех *в ночные часы*. Будь суббота мертвым законом, и она развратила бы уста и сердце израильского народа, как развратили сердце и уста христианских народов мертвые законы о браке, данные каноном: принудила бы уста ко лжи, сердце к лукавству, лицо — к лицемерию, а волю вызвав на дерзкое противление себе. Воздержание до ночи с пятницы на субботу было идеалом, звавшим к себе: но «затоплялись берега» субботы, и израильская молодая чета шла в храм и приносила в жертву двух горлинок в «очищение от греха». И грех очищался. Дети Иеговы — как звали и чувствовали себя все израильяне — были опять невинны перед своим Небесным Отцом; и если они нетерпением и в следующую ночь нарушали субботу, умаляли субботу: опять — жертва, и опять — ничего. В Талмуде сказано, что частота совокуплений зависит: 1) от здоровья, 2) молодости и 3) *работы*. «В *молодом возрасте* супруги, если в то же время они имеют *не занятым свое время* (не устают на работе), совокупаются ежесуточно», — сказано там. А благочестивый обычай евреев, установленный их равви, указал в первый год брака не брать молодого мужа в военную службу, т. е. если даже есть война, и принимать прокормление молодых на счет родителей три года; т. е. избавлять их от труда, работы, заботы. Таким образом каждая родительская семья, как и учреждения государственные (в Старой Палестине), предусматривала и так устроила силы молодого мужа, дабы всякие сутки ему хотелось войти и он мог войти в лоно их дочери. Ибо, по обычаю, первый год супружества проводился еще в родительском гнезде молодой женщины (приближенность жертвоприношений, магическая и физическая, через ум, слух, изредка и случайно, через виденье, к лицам, этих жертв желающим, и на алкании которых трансцендентно все в браке и держится, основывается). Каждый поймет, что *один* этот закон мудрее и любящее, чем все христианские законы о браке, впрочем вытекшие из ненавистия молодого и невинного счастья. Ибо все законы евреев — от обрезания и в духе обрезания, все законы христиан — от скопчества и в духе оскотления.

Умалять субботу не следует: но у евреев был и «субботный год»; вот молодые в возрасте 13—16 лет и проходили, при обеспечении от роди-

телей, такой в своем роде «субботний год» брака, беспечально размножаясь. Столько именно отлагается в этом возрасте «залогов» в организме, что каждый день для юных становится «субботою»; это как бы «субботний» возраст, «субботние» силы. Об обилии семени: нельзя ни на минуту забывать, что как *рост* не останавливается, так не останавливается никогда, ни на час, ни на минуту, отделение в организме семени, раз что он перестал *вертикально* расти или *замедлился* в росте: и в течение 6 дней (по идее «субботы»), в 3—2 дня (по Лютеру) или в 1 сутки (у молодых и без дела), или, наконец, в течение нескольких часов (в приведенных из медицины случаях) семени выделяется внутренне столько, что совокупление становится невольным, томительно желательным, и угнетало бы душу, если бы не совершилось. Тогда, конечно, оно должно быть совершено, хотя «утренняя жертва» тоже должна быть принесена, потому что все же нечто отнято у субботы. Наконец, именно в медицине рассказанные случаи, которые не укладываются в норму никакого *верного* супружества (а *нет* супружества — без верности), для избежания лукавства и лжи в народе, чтобы не *привить* народу *привычки* ко лжи — вызвали у евреев два великих института: чрезмерное напряжение половой силы у мужа находило себе разрешение в благословенном по закону многоженстве, а чрезмерное напряжение половой силы у женщины разрешилось в институте священных блудниц, живших при Храме, вероятно в тех комнатах 3-этажного здания, которое окружало Храм и которое по христианским комментариям (Олесницкий — «Ветхозаветный храм») служило «для хранения священных сосудов»... Можно представить себе такое множество металлических щипчиков (для углей), чаш и ковшей (для жертвенной крови), что они заняли собой столько же помещения, сколько все товары — *все товары!* — в Московском или Петербургском пассаже!!! Ибо здание в три этажа, свободно облежавшее Храм, было даже больше Пассажа! Но, надеемся, в Ветхом Завете не было столько камилавок, эфодов, столько ложечек и чаш. О камилавках упоминаю потому, что остроумные христианские комментаторы, не зная, чем наполнить эти комнатки, предполагают еще, что в них хранились «священнические одежды». Их язык обижает сознаться, их перо бессильно *переписать* в христианскую книгу из Библии то сведение, что при Храме постоянно обитали, как у нас живут при церквях «просвирни» (старушки), — юницы израильские, не пошедшие, *как все прочие*, в замужество по неспособности к нему, а обрекшие в супружество себя не *лицу*, а всему священному *народу*. Все было из обрезания, все в духе обрезания. С этими-то блудницами, *по повелению Божию*, зачинал детей один из пророков, как об этом он рассказывает в книге пророчества своего — беря в «свидетели» двух священников храма. «Свидетели» были — как у нас при браке. Подобное совокупление с блудницами, ритуально обставленное («свидетели-священники»), не было очевидно порицаемо в пророке, «человеке Божиим» по взгляду народа и по действительности, а следовательно, таковое же с блудницею совокупление не порицалось

и не могло порицаться и в каком бы то ни было израильтянине; оно не «марало» ни блудницу, ни приходившего к ней, как не марает никого наш брак, что видно именно из краткого ритуала («священники-свидетели»).

Через эти великие, величайшие учреждения, давшие бархатное и вместе каменное русло чрезмерным половым напряжениям в обоих полах, — навсегда было обеспечено здоровье народное от половых заболеваний, заливших христианский мир и неустраимых при христианской форме брака. Вода течет в ручье, в реке и в водопаде; и все три прекрасны, если каждый стоит *особо* и они не смешиваются вместе. Но при христианском узком, скопческом браке, водопад стал падать в ручей и разбил ручей; некоторые мужья пошли к проституткам, многие жены стали проституировать, сохраняя положение и лживое лицо и имя. *Границы всего перемешались*. Старцы женятся, юношам запрещен брак. Водопад все залил... А отделенно, как избыток сил у *некоторых*, этот водопад (со стороны женской) поил всякого усталого израильтянина, приходившего по торговым делам в Иерусалим, всякого странника из чужой земли, воина без жены, купца вне семьи и, наконец, вот самого пророка, который при свидетельстве двух священников и по повелению Иеговы вошел к блуднице — не для сожительства, не для брака в нашем смысле, но чтобы иметь с нею *одно* сношение, у нас именуемое типично протитуционным.

И у нас от таких заболеваний: ибо на него нудит себя раба, нищая, кляча, торговка. У Израиля же никто от этого не мог заболеть, так как из девушек, из разведенных и из вдов в «блудницы» беспорочно шла наиболее полнокровная, у которой вино не *доползло* до краев чаши (тип всякого человека, тип супруга, супруги), но чудесным образом играло и ежечасно выкидывалось вон. Таков на острове Исландии есть чудодейственный гейзер, на который ездят смотреть путешественники, и никто в этот гейзер не плюет. И израиль не «плевал» на эту силу: но назвал таких «супругами израиля» и поместил их в Храм.

Conjux totius populi, sacra conjux populi sacri¹ — вот и все.

Все было от обрезания, все — в духе обрезания.

Линия безразличия в поле

Т. е. линия абсолютного покоя, ± 0 напряжения.

Я ограничусь следующими фактами, сообщенными д-ром Августом Форелем в его книге «Половой вопрос», СПб., 1906 г., выпуск 1.

«Молодой человек, наделенный довольно сильным половым влечением, в то же время весьма положительный и серьезный, женился, не имея до того никогда сношений с женщинами, на девушке очень *добрый, спокойной, интеллигентной и порядочной*. Жена искренно и сердечно любит своего мужа, но *совершенно равнодушна в половом отношении* — хотя его ласки доставляют ей большое удовольствие. При половом акте

¹ Супруга всего народа, священная супруга священного народа (лат.).

она не испытывает никаких ощущений; он кажется ей лишь грязным придатком любви. Несмотря на это, жизнь их протекала вполне счастливо» (стр. 150, случай 3).

«Ласки доставляют удовольствие», т. е. впечатлительность наружной половой системы есть; и кто бы эти ласки ни совершал, мужчина или женщина, очевидно удовольствие будет одинаковым. Этой важной стороны не отмечает Форель, — тогда как в ней ясен переход к расширенным возможностям. Но вполне отсутствует позыв к мужскому семени: и этот-то биологический изворот парализовал удовольствие полового акта, в котором это семя воспринимается. Женщина обладает органом совокупления — но не для совокупления: оно не нужно, потому что семя не нужно. Поразительно и достопримечательно, что это биологическое «не нужно мне» перешло или, лучше сказать, отразилось во вкусе: *отвратительно для меня*. На это нужно очень расширить глаза: мы везде будем встречать это «отвратительно» по отношению к половому акту в обеих линиях: в содомии, в аскетизме.

Поразительно, но вполне понятно и вполне ожидаемо, что с падением полового инстинкта падает, так сказать, «домоводственность». *Половой акт* — безразличен, муж — не нужен. Тогда зачем же дом, хозяйство, в обширном смысле — «гнездо»? Явно, что их и «не нужно». Умерла или как-то внутренне парализована, еще точнее — *чем-то связана* половая страсть в женщине: и как в жене в ней разрушена хозяйка и домоводительница.

«Второй случай.

Нормальный мужчина, с нормальным половым чувством, женился по любви на девушке из хорошей семьи, но несколько нервной. Невеста разговорчива, оживлена и, по-видимому, очень влюблена. Наступает свадьба, а с нею и первый холодный душ для новобрачных. Молодая жена видит в половом акте грубое оскорбление своих чувств; супружеские сношения ей противны. Для мужа это большое разочарование, но он спокойно рассудителен и потому решает вооружиться терпением. Чтобы избежать огласки, обе стороны мирятся со своими разочарованиями и стараются кое-как приспособиться друг к другу. Жена соглашается на половые сношения, а муж примиряется с ее холодностью. Появляются дети. Жена оказывается неспособной ни к ведению хозяйства, ни воспитанию детей. Муж, будучи очень занят, вынужден заботиться и об этом, но ему все труднее скрывать свое недовольство таким положением вещей, хотя для постороннего глаза это еще и незаметно. Он много зарабатывает, так что хватает на все» (стр. 148).

Таким образом, субъекты с половым безразличием бывают не только брачны, но даже у них и рождаются дети! Это нужно помнить, слыша иногда голоса даже брачных людей об отвращении их к половому акту: такой голос всегда звучит со стороны лиц, которые уже вошли в линию передвижения к содомии. Они выступили из категории своего пола, но пока остановились на черте безразличия!

«Третий случай».

Мужчина совершенно *нормального крепкого телосложения, высокообразованный, очень даровитый и этически развитый*; по странной случайности (! В. Р.) *смолоду лишен всякого полового чувства*. Только от поры до времени у него во время сна появляются поллюции, которые он замечает проснувшись. Эрекция тоже бывает во время сна, но без всяких эротических представлений, которых у него, так сказать (! В. Р.), никогда не бывало. Несмотря на высокое образование и зрелый возраст, этот человек не имеет понятия о половых отношениях, и все, что он слышал или читал об этом предмете, превратно понималось им или проходило для него незамеченным. Когда мне пришлось говорить с ним об этом, получилось впечатление, *как если бы человека, страдающего дальтонизмом* (неспособностью различать цвета), учили отличать цвета. *В супружестве он видел лишь интеллектуальный и сердечный союз*¹, и воображал, что когда люди женятся, то дети появляются сами собой. *Женился он на очень образованной девушке, не очень интеллигентной, но в высшей степени стыдливой и скромной*. Отношения, конечно, получились странные. Жена вскоре заметила недостаток мужа, а так как *ей очень хотелось иметь детей*, то это сильно огорчало мужа и она жестоко упрекала мужа². Тогда ему мало-помалу стало ясно, что брак, пожалуй, и не совсем то, что он себе представлял. Но никакие советы насчет полового акта, разумеется, не помогли, и никакими способами не удалось в нем возбудить ни малейшего полового чувства. Тем не менее к жене он всегда относился с большим вниманием и любовью; хотя при всем своем желании не мог проявить к ней половой, т. е. чувственной, любовной страсти. Не желая огласки, она предпочитала терпеть.

Другой мужчина, тоже образованный, хотя и односторонне, отличался необыкновенной *застенчивостью*³ и вел уединенную жизнь. В половом отношении он был совершенно равнодушен, и только изредка у него происходили ночные поллюции. Хотя половые отношения не были совершенно чужды его пониманию, но у него отсутствовало всякое желание их; и брак, подобно предыдущему, он представлял лишь в виде чисто интеллектуальной связи. *Женился он на интеллигентной, довольно страстной девушке*. С самого начала он стал вести себя с женой необыкновенно сдержанно, что до глубины души возмущало и огорчало ее. Правда, что такое поведение вытекало, главным образом, из его *застенчивости и чисто девичьей конфузливости*. Жена явилась ко мне за советом. Родные советовали ей развестись, на что она не могла решить-

¹ Основная точка зрения *исторической церкви* на брак («ради духовных целей», «ради духовной гармонии душ», «ради совместного стремления к нравственному совершенству»). Этот взгляд так упорен и, традиционно, так давно установился, что духовные писатели, даже под напором полемики, не в силах выговорить, написать: «Брак ради страстно-любовного совокупления», что составляет очевидность для 999 из 1000 человек, ибо составляет наличный факт жизни этих 999 из 1000 человек. В. Р.-в.

² Поразительно, и соответствует тому, что мы выше говорили о вечной женственности: «стыдлива и скромна» до степени, что это отмечается в медицинском документе («что ему Гекуба?»), и параллельно этому, точнее, в основе этого, — в ней лежит сильнейший инстинкт материнства, плодородия, чревонаполнения, и, следовательно, предварительнее всего — совокупления! «Стыдлива и скромна, потому что похотлива»; «рвется, молча и застенчиво, к фаллу пропорционально целомудрию» — вот формула! В. Р.-в.

³ Первые появляются качество девушки! Как это интересно, — просто содрогаешься читать! Мировая тайна, колодезь мировых секретов. В. Р.-в.

ся, жалея мужа. Пришел и муж ко мне. Я основательно просветил его и в довершение прочел ему порядочную нотацию за его поведение в отношении жены ¹... Спустя некоторое время я сказал жене его, что ей придется духовно *взять на себя роль мужа* и, ввиду его застенчивости, сделать первый шаг в половом отношении. К сожалению, мне не удалось дальше проследить этот случай» (стр. 151—153).

Д-р Форель не подчеркивает здесь появления «неодолимой застенчивости», «чисто девической стыдливости» — симптомов вовсе не кажущихся только, но *совершенно реальных — девушки*. Между тем этот факт проливает свет на весь ряд этих явлений, определяя его как *переход мужчины в девичество*, из «+О» пола в «—О» его. Он, следовательно, выражается.

- 1) в молчании полового аппетита — вечной *сытостью собою и в себе*;
- 2) в чувстве *отвращения к половому акту*;
- 3) в *неспособности совершить его*, полной или почти полной (степени, ряд оттенков);
- 4) в сохранении *вторичных* (дополнительных) *качеств супруга*: влечения к психологическому или интеллектуальному общению с женщиной, постоянному и тесному,— что и бывает причиной заключения брака, в этом случае не *плотского*, а *духовного*, спиритуалистического;
- 5) в появлении *вторичных* же, дополнительных *качеств девушки*, выраженных более или менее, и при необращении в эту сторону внимания наблюдателя — не отмечаемых вовсе (застенчивость, но встречаются и другие).

Касательно «сытости собою и в себе» я должен заметить, что брак, супружество и даже половой акт, конечно, происходит у этих субъектов, но протекает *не в половых их органах*, а во *всей организации*, в *общей организации*, преимущественно же *в крови*. Брак и даже акт супружества есть проникание друг в друга и друг другом мужской природы и женской природы. В данном субъекте, как и в каждом человеке, обе эти природы есть: так как он произошел не от *одной* матери и не от *одного* отца, но от *соединенных* матери и отца, от клеточки мужской и женской. До 11—13 лет обе эти стороны или, точнее, части бывают *связаны* одна другой, и от этого *недеятельны*; но с первого же дня зачатия и во все время утробной жизни и потом вовнеутробной, *до пробуждения полового инстинкта*,— совершается половая вибрация, как бы нажим и разжим гармоника, одна половина которой — женская, а другая — мужская, *внутри самого организма*; откуда и происходит его жизненность, жизнь, сила, сияние (младенчество, детство). Но с 11—13 лет та половина, которая соответствует наружным половым органам, получает перевес, противоположная же подсыхает, иссыкает, малится (хотя никогда *вовсе* не исчезает, ибо тогда человек *умер бы*); и женщину, которую ранее

¹ Совершенный дурак, т. е. доктор.

отрок *находил внутри себя*, — он теперь ищет *вне себя*, находит ее и вступает с нею в брак; и является *внешнее половое слияние*. Так бывает обыкновенно в 995 из 1000. Но в немногих случаях, в пяти из тысячи, *ни которая* половина до конца жизни не перевешивает — и *внешний брак невозможен*. Человек остается, в сущности, до конца жизни *отроком*. Наконец, в 1 случае из 10 000 (приблизительно) получает перевес не сторона, отвечающая наружным половым органам (которые в таком случае являются напрасно и не нужны данными этому субъекту, *ни к чему у него не пригодными*, подлежащими собственно полному, напр., хирургическому удалению), а сторона другая: именно девушки, несмотря на мужские половые органы, и мужчины — несмотря на женскую детородную систему.

Рассказанные случаи все и относятся к моменту этого перехода, суть начало этого перехода. Они образуют $\frac{\text{муже}}{\text{девство}}$ и $\frac{\text{дево}}{\text{мужество}}$, полугомосексуальность или *полусодомию*, иначе могущую быть названной, за отсутствием физического общения, *духовной содомией* или *духовной гомосексуальностью*. Хотя, должен признаться, оба эти термина мне противны и неточны, и употребляю я их единственно для того, чтобы обозначить явления, о которых говорю. Это есть то удивлявшее еще в древности состояние людей, когда они не отяжелены общим бременем всех людей, общей заботой всех людей, всемирной рода человеческого нуждой — найти себе самку, «соответственную себе» (бытие, II), самца, «соответственного себе», — «супругу», «супруга». Это — от века *не «обрученные»* люди, которые или не будут «супружиться», или, и поспужась, — будут вести жизнь, как девственные. Это «те, которые неосквернились с женами, понеже девственники суть», и число их исчислено в небольшую для судеб всего человечества цифру 144 000; «скопцы от чрева матери», предназначенные для «царства небесного», где «не посягают и не женятся» и «не будут иметь детей». Отвратительными медицинскими терминами и фантастическими, совершенно глупыми представлениями и сплетнями общества *истина* этого явления глубоко погребена под *сором*; и в то время как общество, ничего не знающее о таком субъекте *лично*, любит его как каким-то спокойным «ангелом», не знающим самых томительных человеческих забот и вместе с тем самых унижительных, ибо «отыскание» самки (или самца) себе всегда сопряжено с само-порабощением, с заискиванием, «ухаживанием», — то же самое общество, не зная глубины явления и не догадываясь, что к категории этой принадлежат всеобщие любимые и почитаемые лица, — рисует вообще и шаблонно, механически и машинно всю эту категорию людей «извращенными», «развратными», «больными», «уродами», чему, главным образом, способствовала ремесленная медицина и ремесленная юрисдикция. Врач с клистирной трубкой и пластырем и судья, всегда судивший кражи, убийства и подлоги, встретясь с явлением, для которого недостаточно всех умственных сил Пастера, Шарко и друг., стали —

один брызгать на него из клисторной трубки, а другой приговорил его в тюрьму; оба — «по профессии своей», по привычке своей, по традиции своей; проще же — оттого, что они *никогда ничего другого* и не умели делать ни с чем. Все это рассказано еще в басне о петухе, который,

Навозну кучу разрывая,
нашел зерно особой породы, вида и, *спросив* у него свойств ячменного зерна и *не найдя* их — разразился известным глубокомысленным рассуждением-бранью.

Самоотрицание пола; духовная содомия и аскетизм

Между тем это редкое явление, но совершенно естественное в *текущем поле*, явление \pm *полового вожделения*, оно-то и лежит малым горчичным зерном, из которого выросло дерево, затенившее ветвями своими целую землю и от плодов которого духовно питаются все народы.

Спешат ли в далекие страны вновь открытой Америки или древнего Китая посланцы папы, прозелиты веры, возможные мученики: знайте, это — *девственники*. Они *никогда* не женятся.

Спешит ли в духовную академию загасить лишнюю *светскость*, лишние *земные интересы*, излишнее увлечение *наукой*, а не *святостью* — строгий судья: и не спрашивая можно знать, что это есть лицо, *никогда не осквернившее* себя прикосновением к женщине!

Кто слагал дивные обращения к Богу? — Они!

Кто выработал с *дивным вкусом* все ритуалы? — Они!

Кто выткал всю необозримую ткань нашей религиозности? — Они, они!

«Особые силы духовные!...»

«Особая, небесная помощь!»

\pm пола и есть та *свеча*, о свете которой сказано, что «тьма никогда его не обнимет». Тьма чего? «Греха», «похоти», «вожделения к женщине», «*скверны*».

Это имя «скверна», как только оно где-нибудь прозвучало, до Р. Х. или после Р. Х., в Элладе или в Германии, в книге светской или в книге духовной, оно выразило *обоняние* $\frac{\text{муже}}{\text{девы}}$, осязание $\frac{\text{муже}}{\text{девы}}$, вкус $\frac{\text{его}}{\text{ее}}$, представление $\frac{\text{его}}{\text{ее}}$, воображение $\frac{\text{его}}{\text{ее}}$. *Только это одно ощущение* и кладет водораздел между $+$ пола и \pm пола, размножением и содомией. *Ничто еще!* Или все другое — побочно, второстепенно, не непременно. «Вкусно!» — «*Не вкусно!*» И — больше ничего. Это — *главное*, почти — *все!*

«Все» это — «вкусно» и «не вкусно» — проникает человека до глубины костей, до последней кишки, до самой малой артерии; объемлет мозг его, зрение его, слух его, обоняние его. У духовного содомита это все — уже *другое*, нежели у размножающегося, у многодетного самца.

Глаз у содомита — другой!

Рукопожатие — другое!

Улыбка — совсем иная. Обращение, манеры, все, все — новое!

Если хотите — он *третий* человек около Адама и Евы; в сущности — это тот «Адам», из которого *еще не вышла* Ева; первый *полный* Адам. Он древнее того «первого человека, который *начал размножаться*». Он смотрит на мир более древним глазом; несет в натуре своей более древние залогов, помнит более древние сказки мира и более древние песни земли. В *космологическом* и *религиозном* порядке он предшествует размножению; размножение пришло *потом*, пришло *позднее*, и покрыло его, как теперешние пласты земли покрыли девонскую или юрскую формацию. Он — девонская формация; размножение — теперешняя.

От этих «более древних сказок» и «более древних песен», какие он несет в своей натуре, помнит и не помнит их, забыл и не совсем забыл,— все существо его какое-то терпкое, сопротивляющееся, устойчивое, необоримое. «И мгла (размножения) его не поглотит». Как ни *мало* их на земле во всякое время — так мало, что даже к «светопредставлению» наберется всего 144 000,— творчество их, начиная с двух мудрецов Греции, Сократа и Платона, необозримо по величине и не только устойчиво, но и совершенно вечно. «Девонская формация в человечестве заговорила». Почти всегда они консерваторы («девонская формация»), не любят нового, точнее — новенького, «современного». Все тянут назад, в глубь веков. Это говорит в них древняя песня, зовет к себе древняя песня,— их «рай» метафизический, «рай» в костях их, в крови их, во *вкусовом* их ощущении. Будет ли он композитором — музыка его будет особенная; будет ли он живописцем — картина его будет особенная; что *философия* их была особенная — об этом говорят Сократ и Платон, неудачный муж Ксантипы и вечный девственник, инок-старец античного мира. До него были дьячки и диаконы философии: но вот из садов Академии, точно с трикириями и в полном облачении, исшел великий архиерей метафизики. И все умолкло, преклонилось и восхитилось.

Муже-девы и их учение

Как человек с +1+2+3 и т. д. полового притяжения чувствует в половом акте 1) здоровье, 2) нравственное, 3) полезное, 4) благородное, 5) прекрасное,— и отцы и матери чистейших девушек, в случае выхода их замуж за неспособного, гневно требуют расторжения такого брака, как *гнилого* и *мерзкого*, чтобы отдать вторично дочь свою за способного мужчину, который мог бы ее растлить и забеременить,— а когда у дочери родится первый младенец, то, как я два раза наблюдал, деды трогательно носят при себе фотографию ¹ этого младенца (в одном

¹ Об Д. И. Менделееве мне было передано, очень трогательно, что когда одна из дочерей его, выйдя замуж, первые годы не беременела, то отец выражал крайнее смущение, нервность и беспокойство, исчезнувшее с беременностью ее. В «Семейной хронике» С. Т. Аксакова это же рассказывается об отце женившегося молодого человека. Одна замужняя и бездетная дама, супруга высокоинтеллигентного доктора и сама высокоинтеллигентная женщина, передала мне, что на год 5-ый замужества отец прошептал ей как-то: «Что же, Н (ласкательное имя), ты не родишь нам с матерью внука». Вообще потомства все ждут не спокойно, а *жадно*; и как мы — «по образу и подобию Божию», то *также* ожидает, именно *нетерпеливо*

случае младенец был снят голеньким),— так духовные содомиты «и вообразить себе не могут» этот акт иначе, как позорным, глупым, скверным, грязным, обобщенно и отдаленно — греховным, противным Богу, безнравственным. То ожесточенное «я *девица*», которым отвечают полные, физические содомиты, когда медик и судья называют их мужским именем, данным при крещении, это самое ожесточенье и *полная уверенность*, будто с ними солидарен и весь свет, будто все люди «так же чувствуют», выражается у полусодомитов в ощущении гнусности полового акта. И это понятно. Вся та степень гнушения, какую нормальный человек (с «+1» пола) испытывает к воображаемому или действительному, к видимому или читаемому так называемому *извращенному* половому сближению мужчины и мужчины или женщины и женщины, весь *этот же ужас и мистический страх* чувствует человек с «±» полового притяжения к *естественному*, т. е. вообще к *бывающему совокуплению*, к *браку*: «Нельзя *поверить*, чтобы *кто-нибудь* это делал без ощущения *греха!*» Никто не может перескочить через свою *кровь*: и что для нас — *содомический акт*, то для них — *нормальный*. Содомия есть «извращение» для нас, но и обратно — «наше» есть «извращение» для содомита. В бесчисленных сочинениях, светских и философских, но главным образом — в духовных, они убеждают, уверяют, клянутся, что это «гнусно», хотя все другие говорят, что это — «хорошо»; уверяют, что «никто этого не чувствует как *хорошее*», что «*все этого стыдятся*», когда *никто* этого не стыдится (*открытое* семейное положение, «откровенное» выдавание дочерей в замужество, «откровенная» женитьба родителями сыновей); *твердят*, будто «Бог *запретил* это», «*не хочет* этого», хотя «плодитесь, множитесь» стоит на первой странице Библии. «Чувствуем, как *девы*»,— говорят длинноволосые, с *девичьими* волосами субъекты; и, по крайней мере в *духовной* литературе, нет ни одного голоса, который разрушил бы это согласие, это единогласье,— почему можно заключить, что *вся* духовная литература течет *от этого источника*, ему *одному* обязана своим происхождением; и, словом, что «*суть* духовного» есть в то же время «*суть* содомского». Не говорю, что все духовные писатели искренни в этом утверждении, так как они множатся вообще как и мы, и вообще *сословие* не может принадлежать к этой редкой категории, но кто внутренне и не согласен с этим содомским вкусом — вынужден уже законом и традицией повторять то же; «приличие требует» не изменять духовному содому и хотя бы слово сказать в пользу библейского, естественного, всеобщего совокупления и ощущения этого совокупления. «И нам *не нравится*»,— говорят десятилетний протоиерей и восьмидесятилетний диакон; «И мы *стыдимся* — чувствуем *противоестественность* и *греховность*»,— говорит приискивающий спешно и жадно для своей дочери мужа соборный настоятель.

ожидает Бог от всякого юноши и от всякой девушки детенышей. Этому-то Божескому ожиданию и отвечает волна страсти в нас. Все богословские книги не могут опровергнуть этой строки. А в ней — гроб монашества. В. Р-в.

Замечательно, что у двух наших писателей, которые «с ума бы сошли», если бы кто-нибудь их заподозрил в содомии (духовной), тем не менее встречаются слова, выражения, описания, бесспорно говорящие о присутствии у них обоих этого начала, этой стихии, по крайней мере в качестве *прослойки души, вяния, горчичного зерна...*

Вот любопытные отрывки:

«Нехлюдов, хотя и скрывал это от себя, хотя и боролся с этим чувством, *ненавидел своего зятя*. Антипатичен он ему был своей вульгарностью чувств, самоуверенной ограниченностью, и, *главное, антипатичен был ему за сестру*, которая могла так страстно, эгоистично-чувственно любить эту бедную натуру, и в угоду мужу могла заглушить все то хорошее, что было в ней»... Доселе — мораль; хотя где же набраться все «даровитых» зятёв?.. Можно любить и «кой-каких»: ведь любил же и оттенил все качества сам Толстой у Ник. Ростова («Война и мир»). Но вот слушайте дальше: выступает физиология, и Толстой произносит слова типичного урнинга, каких не пришло бы на ум написать, не «написалось бы» *по натуре* ни у какого автора — *только самца*: «Нехлюдову всегда было мучительно больно думать, что Наташа — *жена этого волосатого с глянцевитой лысиной самоуверенного человека*. Он даже не мог удерживать отращения к его детям. И всякий раз, когда узнавал, что она готовится быть матерью, *испытывал чувство, подобное соболезнованию, о том, что опять она чем-то дурным заразилась от этого чуждого им всем человека*» («Воскресенье» Л. Н. Толстого, гл. XXIX).

Эти слова о *беременности*, как «заразе чем-то», до того новы и необычайны во всемирной литературе, во всемирной мысли, и вместе они до того ярки, страстны, что и без моего подсказывания всякий читатель почувствует, что тут в фундаменте лежит какое-то мировое извращение, «поворот земной оси на другой градус»...

Там же, в «Воскресении», в части 3-й гл. III, описана содомитянка, без всякого подозрения автора о том, что он именно рисует, но портрет так полон, что просится к Крафт-Эбингу. Вернее, Эбинг никогда не написал бы своей глупой книжонки, узнай он это описание Толстого и догадайся в неповоротливом уме своем, что дело тут идет о его (мнимых) «пациентах»:

«Она (Катюша Маслова) восхищалась всеми своими новыми сотоварищами (политически-ссылными). Но больше всех она восхищалась Марьей Павловной: и не только восхищалась ею, но полюбила ее *особенной почтительной и восторженной любовью*. Ее поражало то, что эта *красивая девушка из богатого генеральского дома*, говорившая на трех языках, *держала себя как простая работница*¹, отдавала другим

¹ Параллель этому — легкое, без страдания, без физической муки от трения, оставление древними христианами-девами родительских домов и всей обстановки богатства и *удобства*. Полусодомитки, т. е. полумужчины, — внутренне жестки; и потому жесткое снаружи их не «дерет» по коже, по вкусам и по душе. В. Р-в.

все, что присылал ей ее богатый брат, и одевалась и обувалась *не только просто, но и бедно, не обращая никакого внимания на свою наружность*¹. Эта черта: совершенное отсутствие кокетства, особенно удивляла и потому прельщала Маслову. Маслова видела, что Марья Павловна *знала, и даже что ей приятно было знать, что она красива*, но что она не только не радовалась тому впечатлению, которое производила на мужчин, но боялась этого и испытывала *прямое отвращение и страх к влюбленною*². Товарищи ее, *мужчины*, знавшие это, если и чувствовали влечение к ней, то уж не позволяли себе показывать этого, и *обращались с ней как с товарищем-мужчиной*. Но незнакомые люди часто приставали к ней, и от них, как она рассказывала, спасала ее *большая физическая сила, которой она особенно гордилась*³. «Один раз,— как она смеясь рассказывала,— ко мне пристал на улице какой-то господин, и ни за что не хотел отстать: так я так его потрясла, что он испугался и убежал от меня».

Она рассказывала, что *с детства чувствовала отвращение к господской жизни, а любила жизнь простых людей, и ее всегда бранили за то, что она — в девичьей, в кухне, в конюшне, а не — в гостиной*.

«— А мне с кухарками и кучерами бывало весело, а с нашими дамами и господами скучно,— рассказывала она.— Потом, когда я стала понимать, я увидела, что наша жизнь совсем дурная. Матери у меня не было, *отца я не любила*; девятнадцать лет я с товаркой ушла из дому и *поступила работницей на фабрику*»⁴.

¹ Какая аналогия с инокинями, с монастырем! Явно,— одно вдохновение там и здесь! Но следите же, из какого, *однако, родника физиологии* бьет это вдохновение, и вся сумма этих вкусов, как антипатий и симпатий: в корне *Venus utriusque sexus* (см. выше), отвращающаяся от мужской похоти!.. В. Р-в.

² Поразительно. Толстой чуть-чуть не договорил «всего дела»: «своя *красота* радует, но мужское влюбление пугает». Да ведь это *весь очерк* — Артемиды (богини луны) греческой, охотницы, блуждающей по лесам. Но «радующая красота» явно радует в отношении *кого-то*, п. ч. иначе это была бы какая-то ованестическая эстетика. Кого же? Да *девушек, женщин!* Марья Павловна не дошла немного «до точки», как не дошла и Артемиды. Еще шаг — и получилась бы поэтесса Сафо с о-ва Лесбоса. Артемиды — *недоконченный* или, вернее, *переходный* тип греческой мифологии. В. Р-в.

³ Полная аналогия «паписткам» Крафт-Эбинга! Если бы Толстой знал об этом совпадении! Если бы об этом совпадении знал Крафт-Эбинг! В. Р-в.

⁴ Поразительные подробности... О, сколько аналогий с первыми инокинями... «Не любила *отца*»... Имеющие *сами не рождать*, «бессеменные» сами,— ничего не чувствуют к вертикальным степеням родства: детей — *не будет*, а родителей как бы *нет*. «Чужие» по направлению *вниз и вверх*, но зато *удвоенно родные* в связанности с *однолетками*, с друзьями (юноши), с подругами (девушки)... Лесбиянство — в духовной степени — этой Мар. Пав. выражается в том, что она уходит на фабрику не с «героем-юношей», не с «женихом» (обычная форма, обычный мотив, обычная тяга), а с *подругою*... Но уже поистине ее «подруга» есть ее тайный «жених»... Два шага бы вперед, в организации и жизни; и эта Мария Павловна, как древняя жрица Крита или Египта, пошла бы с этою «подругою» не на фабрику, а в храм Парсефены или Плутона («подземные» боги, боги «Аида»), с цветами, жертвами и мольбою: «Побратьте нас, двух девушек... Ибо *мужчин мы обе ненавидим*» (Dea Lopus). Еще заметка: так вот где *родник* безумной роскоши, утопания в роскоши «наупурренных маркиз» или разных «Клеопатр» всех веков, обычно окруженных любовниками (самцами). Близость к Лесбосу, «мужское в женском», «вливание Луны» отражается суровостью, «ненужностью вещей», «ненужностью имущества и обстановки» (всего, что «рождает Солянышко»)... Обратное: *повышенная самоочность* и приближение к «вечной женственности», утончая нервы, увеличивая пахучесть, увеличивая «нектар» души и физики, порождает тоскливое желание весь мир обратить в «кружева и паутину», или обвить весь мир чем-то «кружевным», роскошью, неюгою... «Дворец не дворец» и «обстановка не обстановка»... Это —

После фабрики она жила в деревне, потом приехала в город, была арестована и приговорена к каторге. Мария Павловна не рассказывала никогда этого сама, но Катюша узнала от других, что *взяла на себя чужую вину*¹.

С тех пор, как Катюша узнала ее, она видела, что, где бы она ни была, при каких бы ни было условиях, Марья Павловна *никогда не думала о себе, а всегда была озабочена только тем, как бы услужить, помочь кому-нибудь в большом или малом*. Один из теперешних товарищей ее, Новодворов, шутя говорил про нее, что она *предается спорту благотворения*. И это была правда. *Весь интерес ее жизни состоял, как для охотника найти дичь, в том, чтобы найти случай служения другим*. И этот спорт сделался привычкой, сделался делом ее жизни. И делала она это так естественно, что все, знавшие ее, уже не ценили, а требовали этого².

другой полос монастыря: увы, столь естественный полюс! До чего разгадывается цивилизация! Как невозможно цивилизацию постигнуть без обращения внимания на вечную борьбу «полнобедренной» Афродиты и («Песни Песней») с худощавою Ашерою, которой в «жертву» сжигали детей... которой «ничего не надо», кроме кельи и ломтя хлеба, кроме «сеledки» наших социал-демократов (см. у Степняка в «Подпольной России» вечно едят, на «конспиративных пирушках», свою «сеledку», не догадываясь, до чего это показывает их связь и с Ганнимедом-Лесбосом, и с Ашерою-инюкинею). В. Р.-в.

¹ Великодушие, сострадание, чисто «христианские чувства» и «христианские отношения»... Между тем по исповеданию она атеистка и, вообще, вне — всяких религий. Мы отсюда можем судить, откуда в религиях-то *взялись* все эти их типичные черты, будто бы «Богом заповеданные» и человеком только «принятые к исполнению». Нет, все от матушки-натуры: во только в «натуру»-то эту надо вглядеться и рассмотреть все ее разнообразные слои, «почвы», «подпочвы», «суглинок», «песок» и «среднее»... В. Р.-в.

² Поразительно: *полный очерк древней христианки!* Но родник в том, что *метафизически* перерезаны вертикальные связи (*с детьми и родителями*) и *метафизически* же отросли такие толстые «ручички» (вместо genital'ий) для «связывания» с «ближними», с «соседями», с «однолетками», что связь эта необорима, неубиваема, неустанна, не тягостна, и прямо «в пищу», «в насыщение» полусодомиток... Она вовсе не *устаёт* на помощи «ближнему», «в услужении» ближнему, духовным «братьям» и «сестрам», — и точно так же и по той же причине не *устаёт*, как sainte prostituée Египта не уставала, совокупляясь... Разные «призвания», и радость, восторг в исполнении мирового «служения»... Но из этого ясно, до чего «дево-мужи» и «муже-девы» необходимы в цивилизации, какую колоссальную роль в жизни играют эти «никогда не выходящие замуж», какая толща работы принесена ими на алтарь человечества. Между тем что такое «содом» по оценке юриспруденции, полиции? по оценке религии? наконец, «бесстрастной науки»? Предмет «серного огня», кутузки и дома умалишенных!!! И только оттого, что незамечены были *переходные формы* к содомии, да и она сама была постигнута не в психологии своей, не в таланте и чести, но под углом единственно и *одного actus'a sodomicus'a*, которого в ⁹/₁₀ случаев и не *бывает* вовсе, а при «духовных содружествах», хотя они сопровождаются уже телесною любовью, иногда — телесным влюблением (тут — мириады степеней), этот actus отсутствует в ¹⁰/₁₀ случаев... Все было проклято из-за действительно гнусного coitus'a per anum: которого или *нет*, или он есть только одна *жилка*, который-то «нерв», не главный и даже не *значащий*, в необозримом организме содомии, как необыкновенной близости, как «проницания лучами друг друга», как «щупанье бесесными щупальцами» душ друг друга, как любовь и, наконец, (лунная) влюбленность особей с теми же genital'иями, одинаковыми у обоих влюбленных. Стоило бы медицине и юриспруденции плюнуть на эти «genital'ии», как «плевали» на свои genitalia «пациенты», подавляли их, хотели бы отрезать, они им были «не нужны», «не интересны», «мертвы», и никогда «не возбуждались»: и тотчас бы они поняли это явление, и сами обольщению залюбовались бы роскошью плодов, приносимых им на стол всемирной цивилизации! Добавлю то, что все время, на всем пространстве этой книги, хотел сказать: что уже самая *обыкновенная* дружба, — между «Иваном Ивановичем» и «Петр Ивановичем», между «Ольгой Семеновной» и «Варварой Петровною», — простое их «симпатизирование» друг другу, но *отличающееся от безразличия или равнодушию отношения к прочим окружающим*, есть содомия в дроби

Когда Маслова поступила к ним, Марья Павловна почувствовала к ней отвращение, гадливость; Катюша заметила это. Но потом также заметила, что Марья Павловна, сделав усилие над собой, стала с нею особенно добра и ласкова. И доброта, и ласка такого необыкновенного существа так тронули Маслову, что она всей душой отдалась ей, бессознательно усваивая ее взгляды и невольно во всем подражая ей. Эта преданная любовь Катюши тронула Марью Павловну, и она также полюбила Катюшу.

Женщин этих сближало еще и то *отвращение, которое обе они испытывали к физической любви*. Одна ненавидела эту любовь потому, что извела весь ужас ее; другая — потому, что, не испытав ее, смотрела на нее, как на что-то непонятное и вместе с тем *отвратительное и оскорбительное для человеческого достоинства*¹.

Влад. Соловьѣм, в сумбурном, спутанном предисловии к своим стихам, высказывает несколько суждений, не связанных и несвязуемых между собою, но в которых слышится этот же крик «священного галла»:

«Стихотворения «Das Ewig-weibliche» и «Три свидания» могут подать повод к обвинению меня в пагубном лжеучении, не вносится ли здесь женское начало в самое Божество? В ответ на это я должен сказать следующее: 1) перенесение плотских животнo-человеческих отношений в область сверхчеловеческую есть величайшая *мерзость* и причина крайней гибели (потом, Содом и Гоморра, «глубины сатанинские» последних времен); 2) поклонение женской природе самой по себе, т. е. началу двусмыслия и безразличия, восприимчивому ко лжи и злу не менее, чем к истине и добру, — есть величайшее *безумие* (оба курсива С-ва) и главная причина господствующего ныне размягчения и расслабления; 3) ничѣго общего с этой глупостью и с той мерзостью не имеет истинное почитание вечной женственности («Вечного Девства»? «Вечной Девы», — мерцавшей древним в их Луне-Астарте? В. Р.), как действительно от века восприявшей силу Божества, действительно вместившей полноту добра и истины, а через них — нетленное сияние красоты».

Заметим, что «внесение женского начала в природу Божества», страстно отвергаемое, вызывает как *продолжение свое* столько же страстное

¹/₁₀₀, ¹/₁₀₀₀. Но все-таки именно «бескорыстное», не «утилитарное» отношение близости на почве любви, на почве «почему-то нравится», и «нравится особенно и больше всех» — есть *содомия*, т. е. дробь содомия. Как только мы это признаем или об этом догадались, так поймем, что в сущности вся жизнь залита содомиею, проникнута ею, как сахар, опущенный в стакан чаю, тающий и еще не растаявший... И что как сахар придает вкус чаю, так *essentia sodomica* сообщает сладость, приятность, легкость, облегченность, связанность и «социальность» всей жизни... В. Р.-в.

¹ Ну, вот — и больше ничего не надо! Полное определение содомии по Крафт-Эбингу и друг. «Им это (половое сношение) непонятно и отвратительно» и кажется чем-то «оскорбительным для человеческого достоинства». Ретроспективно бросая взгляд на споры, изложенные в моей книге «В мире неясного и нерешенного», только теперь понимаешь их источник и пафос, и что спорившие о *девстве* и *браке* «никак не могли согласиться»: да спорили-то *полусодомиты* — сами этого о себе не знавшие — и *обыкновенные люди*. В. Р.-в.

отвержение в Божестве и *мужского начала*. Но тогда, во-первых, что же нам делать с выражением Слова Божия: «*по образу Нашему сотворим его*» (человека), «*мужчину и женщину сотворили их*» (Адама и Еву)?.. и, 2) не останется ли тогда Божество совсем *без сущности, без содержания, отвлеченным именем и понятием?* — применительно к которому нельзя не вспомнить спора средневековых номиналистов и реалистов, что «*понятия бывают всякие*» и все они «*суть плод ума человеческого*»... Бог не станет ли тогда уже слишком *безвиден?*.. Во всяком случае, на иконах Православия «*Ветхий деньми*» изображается в виде Старца, т. е. *в определенно мужском образе*... И этд никого не оскорбляет, ни у кого не вызывает недоумения или спора. Будем продолжать цитату из Соловьева.

«Но чем совершеннее и ближе откровение настоящей красоты, одевающей Божество и Его силой ведущей нас *к избавлению от страдания и смерти* (N. B. — конечно, ценой избавления и от «зачатий и рождений», ибо что рождается — *умирает*, а что умирает — то раньше *родилось*. B. P.), тем тоньше черта, отделяющая ее от лживого ее подобия — от той обманчивой и бессильной красоты, которая только увековечивает царство страданий и смерти (т. е. от обыкновенной красоты женщин, которая, соблазняя мужчин, оплодотворяется ими, вечно *продолжает* рождения и с ними заготавливает жатву смерти. B. P.)... Из вечной красоты некогда выйдет спасение мира... выйдет, когда ее *обманчивые подобия* (обычная женская прелесть) исчезнут, как та морская пена, что родила *простонародную Афродиту* (по Платону — «простонародная Афродита» рождает детей, а Небесная Афродита, Афродита-Уrania — бесплодна, но зато рождает образы, фантазии, философии, молитвы; т. е. это есть Aphrodita Sodomica в том особом слиянии сияний, как я здесь объясняю). *Этой* (курс. С-ва) мои стихи не служат ни единым словом»...

Рождению — ничего, ноль! Никакого зернышка вдохновения! Это и есть крик Содома. «О, если бы я могла *разбить детей твоих о камень*», — говорит Афродита-Уrania земной Афродите, — и в этом вся ее *суть*.

Мне только что принесли с почты брошюру «Брак и нравственная личность» некоего О. Фози, печатающегося в «Мирном труде», нравственно-просветительном журнале, издающемся в Харькове. На обложке написано насмешливое: «В. В. Розанову — как специалисту брачных вопросов, *от автора*». Я действительно «как специалист» в этом деле, отогнув где нужно, моментально учуял рассуждение типичной mademoiselle в сюртуке, мыслящей о половом акте *точь-в-точь, так* как судят с пафосом в бесчисленных излияниях субъекты, исповедовавшиеся Крафт-Эбингу, Форелю и другим. И так как на обложках своих трудов авторы не пишут своих фамилий, — *как следовало бы* — с женским окончанием *а*, а удерживают мужское *ь*, не пишут М. Иванова (Маша Иванова), а пишут М. Ивановъ (Михаил Иванов), то публика, ни о чем не догадываясь, все слушает и все внушается их рассуждениями, как чем-то *обще-человеческим, обще-философским, обще-религиозным!*

Автор с редкой для *mademoiselles* твердостью говорит, что *сущность* брака состоит, конечно, в половом общении, в совокуплении, а не в придатках к нему. «Нужно взять брак так, как *он есть* и каковым по самым естественным условиям своего существования *всегда должен быть*; и притом взять его не в отношении различных земных благ, которых через него можно достигнуть, а взять брак в его непосредственном фактическом отношении к человеку как непреходящей личности, и к осуществлению этой личностью своего понятия о цели жизни». И далее (тут речь автора показывает сама себя, и в своей духовной разумности, и в ясном органическом извращении, которое лежит под ней и направляет ее):

«Нужно взять неизменяемую часть брака, которая заключается, во-первых, в *акте чувственного единения* супругов и, во-вторых, в *поддержании рода* как естественном значении брака, как его внутренней целесообразности. И нужно взять человека как *носителя идеального нравственного начала* в самой своей природе и непосредственное отношение человека к раскрытию себя в мире по этому началу — как *нравственной личности*. Взяв так все дело, только и можно будет получить *догматическое* решение вопроса. Ибо здесь брак с самого первого же момента должен *фактически* оказаться или в совершенно отрицательном положении, или, наоборот, он будет всем своим содержанием только утверждать истинные начала жизни. В первом случае он уже имел бы право на *безусловное* существование; во втором случае, т. е. если задача каждой человеческой личности заключается в том, чтобы раскрыть в мировом бытии себя как *нравственную личность* — явить в себе *образ Бога*, — тогда естественный брак как в самой половой функции, так и в необходимых следствиях ее — есть дело, фактически несоответствующее истине ¹. Здесь через родовой акт общения идеально нравственное начало природы человека всецело поглощается *бессмысленным чувственным материальным процессом организма* ² и человек из своей разумной всегдашней жизнедеятельности сводится на степень *простого животного существования* ³.

¹ Природа превозмогает! Автор, конечно, знает, что *на той же странице Библии*, где сказан радостный глагол о человеке, что он есть «подобие и образ Божий», сказана ему и заповедь: «Плодись, множись, наполни землю». Но *mademoiselle* кричит на него: «Не вижу, не читаю, не знаю!», «образ Божий и нравственный закон» несовместим с «плодитесь, множитесь», ибо я — *нравствен, и не могу, оттращаюсь* размножаться». В. Р-в.

² Да вовсе не «бессмысленным», а прекрасным и духовным, этическим и метафизическим. Не пора ли сказать философствующим *mademoiselles*, что половая деятельность, которая никем (кроме совершающих) *не зрима, никем не осязаема, о которой не говорят, не пишут* (сознают дурное и грех в писании), явно и есть *умопостигаемая область*, чисто духовная область, носящаяся, как пар и свет, только в *мысли, воображении и желаниях*; что это есть, таким образом, самый спиритуалистический мир. В. Р-в.

³ Вот дурак: да чем животные плохи?! Египтяне их почитали за *святых*, и мы тоже считаем их *безгрешнее* людей. Между тем у животных самец и самка не могут даже встретиться, чтобы сейчас же самец не начал особенным образом ласкать и нежить самку, т. е. они находятся в *постоянном, непрерывном* половом возбуждении. И — *невинны*. Урок мудрецам и мудречихам. В. Р-в.

Все это необходимо должно быть именно так, если только не принимать брак в понятии христианского таинства, где он является *орудием борьбы человека с его нравственным несовершенством*, — школой воздержания¹ и полного освобождения супругов из-под власти материальных начал, — хотя², конечно, и христианское таинство не уничтожает добровольного постоянного качества брака и его фактического значения для нравственного начала, ибо никто не может изменить природу вещи. А потому, *если где-либо в мире существует зло не как простой естественный недостаток добра, т. е. несовершенство, а как активная злая сила, как прямое отрицание нравственного добра*, а вместе с ним и вечного смысла бытия и Бога, то брак есть *сосредоточие, центральный пункт для этого зла*³. *Здесь дьявол борется с Богом, добро и зло враждуют за свое значение в мире человека. Кто победит?*

В суждениях по вопросу о браке нередко указывают в качестве действительного его основания на те поставленные задачи и часто весьма высокие намерения, которые будущие супруги желают видеть и думают осуществить в своей совместной супружеской жизни. Но тот наличный факт, что брак существует и всегда может существовать помимо каких бы то ни было посторонних целей, с ясной очевидностью показывает, что они не только не служат для брака его естественным основанием, но даже можно сказать, что с чисто внешней стороны дела они вовсе и не обязательны для него. *Никакие благородные начинания человека сами по себе никогда не были бы в состоянии создать никакого брака в точном смысле этого слова, если бы не было дано в действительности фактической возможности брака* (мой курс.). Но независимо от всех подобных мотивов и вообще различных целей, которые могут преследовать вступающие в брак, последний сам по себе всегда должен иметь какое-либо основание по отношению к самой возможности его существования как такового. И брак, действительно, имеет это свое основание, и именно в заложенном в физическую природу организма *инстинкте рода*, без которого как не могло бы никогда возникнуть никакого брака, так и заключенный помимо его брак потерял бы для человека всякое значение, ибо оказался бы не имеющим никакого смысла содружества двух, а не трех, четырех, десяти и т. д. лиц. Пусть чисто физическая сторона брака будет играть совсем незначительную роль в супружеской жизни, а при

¹ Скажите, пожалуйста! Писал бы уж прямо: «мы настоящие христиане — mademoiselles, и мужчин-язычников нам вовсе не надо». В. Р-в.

² Хорошо это «хотя»... *Логика* говорит: «Нет брака без совокупления», а *натура* кричит: «Не хочу совокупления, не могу». В. Р-в.

³ Ну, вот это хорошо, потому что прямо. Попики так решительно не говорят, все виляют. И «таинство», и «скверна». Г-н Фози не виляет, и говорит, что брак есть борьба с Богом, т. е. конечно с христианским Богом, с И. Христом; и что уж если в нем есть «таинство», то — сатанинское. Но ведь отсюда уже прямой вывод у автора и авторов такой мысли, что Ветхий Завет, благословляющий чадородие, есть завет человека с Сатаной, а Библия — сатанинская книга: с чем согласно тех христиан, которые позволяли себе обрезать, приобщались как к братьям своим к состоящим в Ветхом Завете евреям — *сжигали на костре*, как служителей Сатаны и детей дьявола. У нас, в России, был один случай такого сожжения, в Византии — множество таких случаев, целая эпоха. В. Р-в.

заключении брака пусть ей отводится самое последнее место, или даже пусть она умышленно совсем игнорируется — все это, однако, ничуть не изменяет и не может изменить того положения, что *основу* всякого брака в действительности составляет все-таки *родовой акт*, а не что-либо другое, ибо только чрез него получает свою реальность инстинкт рода¹. «Брак на всех ступенях органической лестницы, начиная водорослью и кончая человеком, представляет одно и то же явление, это слияние двух существований, в ближайшем смысле двух клеточек, в одну»². И если как в истории, так и в настоящее время встречаются иногда неумные попытки создать для человека брак на других фантастических началах, а именно на началах простого содружества мужчины и женщины, то такие попытки всегда признавались и признаются аномалиями: ибо единственная, самой природой осуществляемая цель всякого брака, есть поддержание жизни своего рода, каковая цель здесь положительно отрицается. Только дети дают исключительно возможный разумный смысл брака для естественного человека. А так как этот разумный смысл брака не может быть осуществлен никаким иным путем, кроме супружеского сожителства, то поэтому-то все попытки создать брак на иных началах и нужно признать аномалиями³.

Что касается брака как определенной внешней нормы жизни, которую иногда *по недоразумению*⁴ также указывают в качестве истинной его сущности, то, хотя она и связана непосредственно с родовым актом, однако, находится в постоянной зависимости совсем от других побочных причин: социальных, моральных, от высокой или низкой степени нравственного, умственного и даже физического развития человека. Для человека, напр., на первой ступени его развития брак положительно не связан ни с какой, той или другой, обязательной для него формой жизни; тогда как для современных культурных народов, и тем более для христиан, брак является не только неразрешимой связью двух лиц, но и обставлен массой всевозможных обязанностей, налагаемых и поддерживаемых социальными законами и современной жизнью.

Вследствие такой своей *изменчивости* и совершенно *условной зависимости*, вообще никакая *форма* брачной жизни, сама по себе, не составляет и не может составить действительной *основы* брака.

Итак: 1) данный в самой природе организма *инстинкт рода*, который является начальным моментом всякого брака или непосредственным побуждением к нему, 2) *дети* — которые служат конечным завершением, последним моментом в браке, и, наконец, 3) физическое единение супругов, *родовой акт*, который связывает между собой начальный и последний моменты и, таким образом, как бы дает возможность браку

¹ Как все точно и верно. Это — самое *строгое* рассуждение о браке, какое я читаю за много лет. В. Р-в.

² «Жизнь растений». К. Тимирязев. *Примеч. 2-на Фозы*.

³ Классическое, по точности, рассуждение. Его надо прямо *переписывать* в трактаты о браке, отстранив виляющие семинаристские тетради. В. Р-в.

⁴ Вот! В. Р-в.

перейти из потенции в действительность,— вот все три момента, из синтеза которых складывается *все реальное содержание брака как такового*. Причем уничтожение одного из этих моментов непосредственно влечет за собой разрушение всего брака ¹ если не в факте его бытия, то во всяком случае в факте его естественного значения. И если, теперь, мы хотя немного вдумаемся в это трех-моментное реальное содержание брака, то увидим лишь одно, что он по своему существу является чудесным фокусом ² всей живой физической природы. Именно здесь — самое естественное, а не искусственно вызванное, природное органическое влечение; и, вместе, самое интенсивное, доступное для физического организма, чувственное раздражение, которое одно только и бывает причиной всех животных действий в форме ощущения приятного и неприятного; наконец, в потомстве, в поддержании жизни рода, как исключительно в последствии только родового акта, брак становится положительно полезен и необходим для существования человечества ³. В этом именно фактическом содержании брака и заключается все его действительное значение для естественного человека, и вне этого значения брак лишен для него всякого смысла.

Но если одного органического начала и одного самой природой осуществляемого значения брака было бы вполне довольно для человека как живого организма, чтобы он мог вступать в брак, то для *человека новой духовности* это явилось уже недостаточным. Особенно эта недостаточность ощутилась в сознании *христианских народов* и побудила их стремиться изменить самую физическую природу действительной *основы* всякого брака — родового акта. Они начали отыскивать и выдвигать на первое место все то, что так или иначе может обнаружить в содержании брачной жизни идеально нравственную природу личности и, наоборот,— *подавить* то, что свидетельствует о человеке как *грубом, чувственном животном*. В частности, в качестве истинного содержания этой новой жизни человека указывается преимущественно на любовь

¹ Как все точно. Но автор должен согласиться со мною, что у христиан никакого брака нет: ибо 1) ни бездетность, ни отсутствие родового акта (когда один супруг *бросил* другого) у христиан не расторгает брака. «*Была форма: что же от нее отломалось*, если супруги не совокупились и не могут совокупиться? Брак *остался*». У христиан, по строжайшему учению Церкви, брак есть *форма*; а миряне договорили: «формальность». Эта-то *суть* и разрушает или растлевает европейскую семью» В. Р.-в.

² Вот, сказал же истину: что «христианство *рассекло чудесный фокус* всей живой физической природы». Только *это одно*, — и можно закрыть все книги и не читать больше, как можно было бы и всем писателям бросить перо, и сосредоточиться только на этом одном вопросе: «мы исповедуем религию, рассекающую узел бытия; — с Богом мы? или *против* Бога?» Но тот же последовательный автор говорит: «Узел этот борется с нашим Богом, и утверждает злое начало в мире». Только крупинка отделяет его от сознания: «Боже, прости мне грех мой: всю жизнь я положил на борьбу с Тобою и на служение злу»... Недаром мерещилось с начала нашей эры, что когда-нибудь настанет «светопреставление», т. е. «*переставление* (источников) света», истины. В. Р.-в.

³ Вот сказал же истину: «Мы отрицаем полезное и необходимое для существования человечества», «мы *враги* человека и человечества». Если бы так *точно* говорили, спор давно был бы окончен. В. Р.-в.

супругов, которую и выставляют как необходимое условие всякого нормального брака. Вместе с тем значительно умалется в собственных глазах супругов самостоятельное значение физического общения их, и даже наивно мечтают свести в будущем это отправление организма если не на положительное «нет», то, по крайней мере, поставить по отношению к нему самого человека как бы в *страдательное, неизбежное* для него положение¹. И поистине странно: люди как будто никак не хотят понять, что все это весьма прекрасное, высокое само по себе и ценное в жизни человека, относится вовсе не к самому существу брака, не к его материальной органической основе, которую хотят изменить, а имеет всегда в виду только известное *содержание* возникшей новой *брачной жизни супругов*. А потому, если здесь и происходит какое-либо изменение по отношению к основе брака, то исключительно чисто внешнее — именно со стороны отношения к нему человека как нравственного существа, а не просто как живого организма. Сам же по себе брак, по всему своему фактическому содержанию — как всегда и раньше, так и теперь, — остается по-прежнему исключительно материален. Совершенно верно, что человек может, конечно до некоторой степени, умалить для себя значение физического общения, но из этого вовсе не следует еще того, чтобы вся основа брака — родовой акт — в существе своей природы необходимо тотчас же изменилась. И совершенно справедливо то мнение, что содержание брачной жизни всегда может быть поставлено каждым человеком на нравственные начала жизни, но совершенно ложна та надежда, что будто бы отсюда должно неизбежно измениться и все фактическое отношение брака к нравственному началу природы человека. Супруги только могут выработать себе известный идеал своих нравственных отношений друг к другу, к детям, вообще к окружающим их людям, но переменить фактическое содержание брака и его фактическое значение для нравственного начала — это не в их власти, как и вообще ни в чьей власти. Само подобное ожидание будет точно так же наивно, как то, если б люди, изменяя, улучшая наличное содержание социальной жизни человека, через то самое надеялись в существе изменить и самый организм человека, как единственно реальную основу всего социального строя жизни, так что в конце всего социального развития организм человека мог бы обходиться, напр., совсем без пищи. Но очевидно, что все таковые надежды могут существовать только в мышлении человека, а достигнуть их практического осуществления возможно не иначе как в расстроенном воображении самого же человека. Но если люди часто упорно не хотят понимать и различать всего этого сами добровольно, то тогда их заставит и действительно заставляет принять истину о браке жестокая в этом случае правда

¹ Каково чудовищное давление содомии! давление на совершенно уже нормальный брак, на совершенно нормальных супругов! «Приятно» и «есть чудесный фокус всей живой физической природы», коему мы «несчастно подчинены», законом «неизбежности» обречены исполнять его»!!! О, духовно-содомская цивилизация: и она смее свой пафос возводить в закон! в «нравственное правило»! в «нравственность и святость», наконец! В. Р-в.

действительной жизни, та правда действительности, а не воображения, всякий раз каждому индивидуальному сознанию через горький опыт собственной его жизни определено и решительно показывает, что никто и ничто не изменит реальной органической основы брака.

Сколько бы люди ни фантазировали и ни идеализировали относительно условий возможности существования брака в будущем, в частности сколько бы ни возвышали нравственное содержание брачной жизни — они все-таки с роковой неизбежностью именно горьким своим опытом всякий раз будут вынуждены всегда признавать одно: что брак фактическим своим содержанием, вне каких-либо условных целей — всецело покоится на одном материальном начале. И сама любовь супругов, которая выставляется в качестве истинного мотива к браку и истинного его содержания и которая вытекает непосредственно из привязанности, расположенности одного лица к другому, есть не что иное, как в точном смысле *индивидуализированное органическое же влечение, или, лучше, она есть просто опозитизированная половая страсть*. Идеализируя брак, она представляет его для человека не в действительном его виде и значении: это безусловно должно отразиться одним вредом как на внутренней жизни самих супругов, так и на всем историческом течении жизни. Это хорошо и подтверждают многие литературные типы, которые в большинстве случаев оказываются совершенно неспособными к жизни именно потому, что слишком далеко ушли в своих мечтах от действительной правды и приняли мираж любви за истинную любовь. Последняя нисколько не нуждается собственно в *браке* для своей реализации и могла бы остаться в форме *содружества, знакомства, духовной связи*. Ибо истинная идеальная любовь вытекает не из привязанности или расположения лица к другому, а из нравственного самоопределения человека действовать именно так, а не иначе, и иметь своим предметом не одно или несколько лиц, а всех людей — без различия и при всех условиях их жизни. Мало этого, *идеальная любовь* даже никогда и не может создать никакого брака, ибо она *имеет своим основанием-источником то самое высшее нравственное начало природы человека, которое фактически в корне отрицается всем содержанием брака* ¹.

Замечательное ² и достойное глубокого внимания явление, что когда люди хотят показать самое тяжелое *преступление человека против себя же самого* как нравственной личности, то они обыкновенно такое преступление приурочивают к *акту полового общения*, т. е. к тому, что по

¹ Типичное рассуждение дево-мужчины: как они *восторженно любят*, в то же время *гнушаясь всем половым!* Читатель, отвернув назад несколько страниц, прочтет медицинские примеры этого, которых я взял малую крупицу. В. Р-в.

² Отсюда начинается «святое святых» духовных содомлян, от Платона до нашего времени: «Грех! преступление!» Точь-в-точь это *то ощущение* к нашему, какое всемирно у нас существует к *ихнему*: «Противоестественно! грех, беззаконие!» Ну, кто же может перешагнуть через свою организацию: труднее, чем перепрыгнуть через свою тень! В. Р-в.

природе своей представляет совершенно естественное отправление физического живого организма. И психологически такое понятие оказывается вполне верным, ибо *позор преступления* этого отправления действительно бывает для личности *самым тяжелым*, и, что особенно важно, не совне налагается на человека, а *износится человеком изнутри же самого себя*¹. Если же к этому часто прибавляется еще *жестокая кара со стороны общества*², то она может служить здесь только подтверждением справедливости³ личного собственного суда человека над самим собою. Между тем на первый взгляд в высшей степени странна какая бы то ни была возможность самого появления у человека мысли, что им совершается здесь какое-то *преступление*, или вообще что-то такое *недолжное* для него: потому что родовой акт, при совершенной своей естественности, даже можно сказать иногда некоторого рода потребности физического организма⁴, есть в то же время дело чисто интимное, личное. Оно совершается всегда тайно, скрыто, а следовательно, как по отношению к себе никакого чужого вмешательства не допускает, так и само в свою очередь ничьих чужих интересов непосредственно не затрагивает⁵. И от такого сознания человеком преступности родového акта ничуть не спасает его ни гражданский институт брака, *ни даже церковное таинство брака*: они только ограждают человека от *покора перед людьми*, но не спасают и не могут спасти человека от *покора перед самим собою, как нравственной личностью*⁶. В законном супружестве нет только юридического суда общества, ибо юридическая правда здесь вполне удовлетворена; и потому возмущенный материальным процессом половых отправлений нравственный дух человека значительно умиротворяется, но только именно умиротворяется, *нравственные же мучения личности в форме стыда* все равно, как и вне брака, сопровождают

¹ Здесь везде вместо «нравственная личность» надо читать «наша содомско-девственная природа». Я тоже нравственный человек: но от юности, от 17 лет, когда впервые совершил этот акт, и затем в двух супружествах, как и в актах (немногих) вне супружества, не чувствовал ни малейшего урызжения совести, никакого греха, ничего позорного! Просто не могу этого понять. В. Р-в.

² То-то: вот происхождение детоубийства у христиан! Из бессеменности, из мужества. Автор, очевидно, имеет в виду не венчанные сожития и рождающихся от них детей. Кратко и резко: каждый «духовный отец» за недоданные ему (за венчание) 25 рублей повелевает несчастной матери умертвить своего ребенка, и *заставляет общество заставить ее привести в исполнение свою волю*. В. Р-в.

³ «Справедливости»... Справедливо детоубийство! О, какая правда, что на таких, как вы, когда-то был просяпан серный огонь с неба. В. Р-в.

⁴ Слышите признание содомлянина: «Иногда некоторого рода потребности организма», и то с убавкою: «можно сказать даже»... Просто он не верит, что это *всех нас* потребность, и описывает родовой акт как (ему) неоткрытую Америку. В. Р-в.

⁵ Вот! какую же надо иметь *подлость*, какой *грех* в себе носить, какое *злодеяние*, чтобы осудить этот «никого не касающийся акт и никого не затрагивающего» младенца от него! Но проклятые содомляне, содомляне юриспруденции и содомляне клира, пустили борзых собак, чтобы растерзать этих ввиннейших девушек и ввинных детей! О, до чего глупо сюсюкал Достоевский о помещике, затравившем собаками мальчика: как будто все население Воспитательного Дома в благойственной Москве — не есть «затравленные собаками дети», но только собаками, выпущенными не от помещика и не со псарни, а из-под золотых мажорков Москвы и от *духовных наших отцов*. В. Р-в.

⁶ Вот! «И при церковном таинстве — позор». Что ж это «таинство» делает и для чего оно нужно?! В. Р-в.

и теперь *каждый* *родовой акт общения*. Собственно при законном супружестве в сознании каждого человека происходит совершенно тождественное тому, что должен был бы переживать каждый солдат, убивающий неприятеля на войне ¹: ведь сознание солдата, что он убивает людей ради защиты своей родины или защищая добро, вовсе не уничтожает в нем нравственного сознания того, что он все-таки совершает преступление, ибо убивает человека — личность; и что гораздо лучше было бы, если бы возможно было совсем избежать этих кровопролитий. И никакие высшие интересы, оправдания не в силах изменить «убийство в себе», т. е. сделать его *не* убийством, не преступлением, а положительно *добром*. Точно так же никакие исполнения гражданских постановлений относительно брачной жизни и никакие церковные освящения брака никогда не в силах изменить фактического значения физиологического акта брака для человека как нравственной личности. *Сам по себе* *родовой акт останется навсегда таким же, каким он дан и вне законного супружества*. А потому исполнение его все равно всегда будет вызывать у человека «стыд» — и не у отдельных только личностей, а вообще у всех людей. Как самый дикий человек, живущий исключительно материальными интересами жизни, так и самый культурный, обосновывающий свою жизнь и деятельность на высших началах бытия, как развратник, так и высоконравственная личность, — все без исключения здесь уравниваются. Все они одинаково — будут ли некоторые состоять в законном супружестве, а другие в незаконном сожитии, или предаваться тайным порокам — безразлично все скрывают это органическое отправление и стыдятся его как недостойного для себя действия. Наркотические вещества употребляются, между прочим, с этой целью — самозабвения нравственной личности, чтобы все происходило более нечувствительным образом для нравственного сознания человека ². Вообще же нравственный стыд не уничтожается ни при каких условиях родového акта. Ни тогда, когда он является в виде дополнения и реализации любви, ни в том случае, когда процесс его становится целью сам по себе, как наслаждение. Стыд одинаково присущ обоим моментам и тотчас следует за отпращиванием, в виде реакции на то нервное и психическое возбуждение, которое предшествует ему. И снова человек, как только совершит этот *позорный для него акт*, чувствует всем своим существом, что «он наг», и спешит «прикрыть наготу свою», и старается «спрятать куда-либо лицо свое от Бога», ходящего в нравственном сознании человека. «И открылись глаза у них обоих» в момент грехопадения, «и узнали, что

¹ Договорился: совокупиться («интимный, никого не касающийся акт») — то же, что *убить* (другого! отца чьего-то, сына, мужа!). Нет, на головы этих содомитов конечно надо изливать серный огонь. В. Р-в.

² То-то христиане напиваются допьяна перед совокуплением (рассказ мне о купцах в Ельце), и то-то у христиан столько *наследственного* алкоголизма! Всё плоды «нравственного закона личности». Да провалитесь вы с вашей «нравственной личностью», которая несет убийство, пьянство и разврат! *Совокупление всегда должно быть в трезвом виде и при пустом желудке*, т. е. не ранее 2-х часов после еды. В другом виде совершать его безнравственно. В. Р-в.

наги они; и сорвали листьев смоковницы и сделали себе опоясание. И услышали голос Предвечного Бога... и скрылись человек и жена его от лица Предвечного Бога среди деревьев сада. И воззвал Предвечный Бог к человеку и сказал ему: «Где ты?» И сказал (человек): «Голос Твой услышал я в саду и убоялся, ибо наг я, и скрылся». И сказал (Бог): «Кто возвестил тебе, что ты наг?»... Вот слово Библии. И в момент грехопадения в глубине каждой человеческой души раздается высший голос, спрашивающий: «где ты? где твое нравственное достоинство?» «человек — владыка природы и образ Божий, — существуешь ли ты еще?» И тут же дается ответ: «Я услышал Божественный голос и убоялся возбуждения и обнаружения своей *низшей природы*: я стыжусь, следовательно, существую, не физически только существую, но и *нравственно*: я стыжусь своей животности, следовательно, я еще существую как человек» ¹.

Вступающие в брак безусловно хотят, конечно, смотреть на себя как на высшие существа, подобно тому, как прародители, вкушая от запрещенного древа, через то самое думали приобрести себе всеведение Бога. Но в действительности оказывается, что как те, так и другие находят в себе только одну физическую природу животных, и вследствие этого у них тотчас же открываются глаза и «узнают, что они наги», и спешат «прикрыть наготу свою», желая этим внешним способом скрыть от себя обнаруженное ими теперь свое несомненное *родство* со всем остальным животным миром, ибо физическая нагота только может увеличить тяжесть их обманутого ожидания и через то усиливает их душевную муку. Стыд охватывает всего человека, и он уже не смеет открытыми глазами взглянуть в лицо другого человека, хотя бы и своего сообщника, и потому они прячут свои взоры даже друг от друга, избегая смотреть друг на друга ², и тотчас становятся друг другу в тягость ³. В тягость делаются им теперь и все другие лица ⁴, от которых они спешат тоже укрыться, чтобы не узнали об их падении, ибо во взорах каждого человека ⁵ они

¹ Автор хитрит, притворяясь не знающим, что сопутствовавшие грехопадению слова и действия никакой связи с родовым актом не имели. Адам и Ева *застыдились*, еще не *совокупились*, *деятельные*! Но вот что надо заметить: пожалуй, крошечная застенчивость (не стыд, не «грех») и появляется *по окончании* акта, решительно и абсолютно отсутствуя *в течение* его и *перед ним*. Что же означает застенчивость *после*? Естественную жажду *покоя*, составную часть которого составляет скрытость, неосвязаемость и невидимость. «Отдохни, усни» в отношении половых органов — и только. Сами же супруги после этого пожимают друг другу руку, или ласково проводят рукой по щеке, или крепят друг друга. В. Р-в.

² Что за низкое подозрение! ничего подобного не бывает. В. Р-в.

³ Что за клевета на брак О, психика содомства! В. Р-в.

⁴ Клевета, клевета! Напротив, все радуются, поздравляют, новобрачные *делают визиты*, т. е. *всех хотят видеть*, и сознают, что *их также все другие люди желают видеть*. Поззия *новобрачия* (первых и естественно частых совокушений) и *обычаи новобрачия* трогательны и всемирны; и, конечно, говорят совершенно *обратное* изложенному содомскому ощущению! Как бы следовало *собрать* эти лучшие человеческие обычаи; для них не нашлось ни Киреевского, ни Рыбникова, ни Шейна! В. Р-в.

⁵ Года три назад в «приложениях» к «Новому Времени» был напечатан рассказ Вильде: в нем, в первой же главе описывалось, как новобрачные едут на пароходе, — и что *«все пассажиры его старались чем-нибудь услужить им, быть им полезными!»* Вот правда! Я знаю родителей, которые, получив сообщение о беременности замужней дочери, — сейчас писали поздравление *зятю*. Что же, *упрекали* они его, как за *стыдное*, за совокушение, получившее результат? Или он имел причины «убегать от лица Господа и от людей» за плодосное

слышат тот же голос Бога (нравственного сознания). Вместе с тем, каждый из сообщников родового акта, если только они не имели в виду грубого физического наслаждения, но внесли в него хотя небольшую долю чистоты своей нравственной личности, тотчас же по совершении его теряют все то уважение и благоговение, каким раньше они были проникнуты друг к другу ¹. Это тяжелое чувство стыда ощутительно и продолжается целые дни, месяцы и даже годы ², и много надо человеку усилий, чтобы привыкнуть к этому отпавлению организма; однако совершенно безразличного отношения к нему он никогда не достигает. Последнее, собственно, и невозможно для человека по самой его природе ³ как нравственной личности, и по самой природе родового акта как чисто животно-органического отправления, которое в самом своем процессе является не только отрицанием, но и даже, пожалуй, временным убийством нравственного начала личности; ибо нравственная личность человека совершенно теряет себя здесь, в высшей степени чувственном материальном процессе органической природы! Человек добровольно сходит здесь с трона своей божественности и погружается и даже положительно отождествляется с слепой неразумной материей ⁴; и, вследствие этого, неизбежно теряет в себе образ Бога, нравственное начало своей природы, — и как бы делается исключительно просто физической живой вещью мира. Это безусловно справедливо, что образ Божий в человеке, который состоит в свободе и разумности ⁵, а выражается во всегдашней

совокупление? Конечно, ничего подобного, всё — напротив! Д. И. Менделеев волновался, тосковал и тревожился, пока его замужняя дочь не забеременела. Да и *весь род человеческий* так чувствует, испытывает, говорит. Особенную и глубокую сторону *родового акта* составляет то, что он вовсе ждется духом человеческим, сердцем человеческим, воображением человеческим, гаданием человеческим *не для себя одного* (coitus ad me), но и *для ближних, родных, соседей*, отдаленно — *для всех*, или, ласкательнее, «*для всех бы*»; Богом же он восхотел и потому «*благословился*» для всех вышших и лучших его созданий, для всего *одушевленного мира*! Вот — истина, и прямо ощущаемая, и изваянная в Библии! Но посмотрите, с какой настойчивостью и как уверенно содомиты-девы проводят свое извращенное вранье о деле, *фактически им вовсе не известно!* Точь-в-точь, как уверенно «духовные отцы», древних времен и нынешних, тоже проводили эту несчастную мысль, и, наконец, влодбили ее несчастному человечеству! *В. Р.-в.*

¹ Что за подлая мысль: «благоговение и уважение» (очень точные слова) *увеличиваются* после этого! Читай трогательное письмо г-жи Гончаровой, вышедшей замуж за Дантеса, в месяцы ее беременности, к мужу. Это благородно и нежно, как сонеты Петрарки к Лауре. Характерное одно слово я услышал от престолюдины, которую скорее растлил, чем соблазнил, купеческий сынок: «Меня подруги уговаривали ему отдаться, но я не хотела, потому что он был мне *противен*. Я ненавидела его (слова буквальные). А когда случилось и он *сделал* со мной, — то потом я за ним *бежала*». Ей в эту пору было 15 лет. Вот факты: да и всякий брак распадался бы через год-два, если бы половой акт не связывал мужчину и женщину взаимным «благоговением и уважением», сейчас же сказывающимся на пятый-седьмой-десятый день. *В. Р.-в.*

² См. выше факты из Крафт-Эбинга *о самоощущениях содомитов в браке: эти самые признания и они делают!* Не нужно дополнять и говорить читателю, что брак вовсе исчез бы с лица земли при этом «многолетнем стыде» супругов от своего совокупления. Да поверьте же, г. г. содомиты, пожалуйста поверьте, что решительно *ничего подобного и ни с кем не бывает*, — кроме одних вас. *В. Р.-в.*

³ Прямо — *крик природы* содомской! «Нет! невозможно! не верю!» *В. Р.-в.*

⁴ То-то и хорошо: делается, как цветок, дерево и звезда, как ягненок или кроткий телец. Чего же тут стыдиться?! Даже И. Христа католики символизируют в виде *ягненка*, а мы Святого Духа — в виде *голубя*. *В. Р.-в.*

⁵ «Свободна и разумна» алгебра: но образ Божий не похож на алгебру. *В. Р.-в.*

активной деятельности — в осуществлении человеком себя — как нравственной личности,— здесь, в родовом акте, во время страсти, уничтожается. В родовом акте личность поглощается органическим процессом, и происходит слияние личности человека со стихийными началами природы¹. И если верно, что все высокое получает свое начало из идеальной природы личности, а злое заключается преимущественно в подчинении нравственной личности материальным началам жизни, то здесь, в родовом акте, *зло торжествует свою полную победу*². Брак в самой своей основе является центральным пунктом всей борьбы³ между чисто материальными грубыми интересами жизни, плотью, и идеальными-запросами и стремлениями нравственной личности человека; и нигде еще нравственная личность человека не может совершить столь глубокого акта своего *падения*⁴. И потому-то именно с половым актом связано непосредственное чувство стыда как реакции духовного начала против ее порабощения и принижения со стороны животной материи. Это чувство стыда есть не что иное, как отрицательное отношение нравственной личности к порабощению ее материальным началом. Человеку стыдно подчиняться материальному влечению организма, ему стыдно быть тождественным простому животному⁵. Сама по себе животная материя не может быть злом, как не может быть и добром: она именно безразлична с точки зрения чистой нравственности. А потому и сходство человека со всем остальным животным миром, которое всегда было очевидно для него,— ничуть не могло бы само по себе служить к уничтожению человеческого достоинства. Сознание своего сходства с животным, как в различных отправлениях организма, так и вообще в наличных условиях физической жизни, всегда, конечно, присуще человеку. Однако это сознание никогда не может оскорблять человека, и именно потому, что все то, в чем, собственно, по самой природе заключается сходство человека с животным, представляет из себя не что иное, как только необходимые условия для существования человека как нравственной личности⁶. И человек, несмотря на свое очевиднейшее внешнее сходство по конструкции своего организма со всем животным царством, тем не менее все-таки в то же самое время всегда сознает себя стоящим несравненно выше животного мира и совершенно даже отличным от него: ибо он один, будучи

¹ Как прекрасно! так же, как обоняние цветка, как вкушение от виноградной лозы, как любованье на звездное небо,— но только *глубже и внутреннее*. Все, все, что сказал Лермонтов в стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива» — все это действие на душу целостной природы повторяется, но *глубже*, в действии на человека родового акта и его сопутствующих обстоятельств, любви и семьи. Да и понятно, ибо акт этот есть *узел природы*. В. Р-в.

² Какое безумие! В. Р-в.

³ Напротив, центром *гармонии*! Родовой акт есть столько же *материальный* (семя, яйцо), сколько и *духовный* (семя с *душой* в себе, яйцо с *душой* в себе, с талантом, с гением!). В родовом акте увенчивается любовь, и он есть первый камень хозяйства, дома, экономики. Чудное и святое соединение мужчины и женщины! В. Р-в.

⁴ Безумие и богохульство! Вот где и как подрывается Ветхий Завет. В. Р-в.

⁵ Добавляйте: «Стыдно человеку *дышать* — стыдно, что у него есть *кровообращение*». В. Р-в.

⁶ Очень все точно и разумно. Но, поистине, и в *фунте* земли или песка уже есть *добро*, — ибо, как сказал какой-то схоластик, «цвет ничего прискорбнее *небытия*». В. Р-в.

нравственной личностью, может *властвовать* над стихийной частью своей природы. Вот эта грань, которая лежит между человеком и животным, и уничтожается в родовом акте, где человек не только не осуществляет себя как особое идеальное начало в мире, а, наоборот, становится совершенно на противоположную сторону: он утверждает себя, как животное, подобное всем прочим животным ¹. И у человека теперь, вместо прежнего сознания возможности своего превосходства пред животным, возникает мысль уже о своем положительно осуществившемся духовном родстве с животным царством ². Раньше это родство только мыслилось или заключалось как бы в потенции. Теперь же человек реализовал его, и именно чрез ощутительную для него потерю своей разумности в страсти полового акта, а чрез эту потерю своей разумности — и в фактическом отождествлении себя со всем остальным неразумным животным миром. Переведенное при посредстве полового общения из потенции в действительность, родство человека с животным миром и дает о себе знать самым чувствительнейшим образом в факте *стыда*, как о *явлении недостойном человека и не должном быть*. Человеку теперь стыдно не за свое просто внешнее сходство с животным миром, а за положительное *родство* с ним. Стыд, сопровождающий всякий раз родовой акт, ясным образом показывает человеку, что хотя он сходен в своей жизни как организм со всеми животными организмами природы, однако никогда не должен делать этого сходства положительным *родством*, а, наоборот, должен строить свою жизнь на началах себя как нравственной личности. Человек не просто животный организм, но *плюс* еще нечто *другое*, высшее содержание, образ Бога ³, и если человек отдает себя во власть материального процесса, природы, то и это высшее его начало смешивается с ним и как бы уничтожается. Думать же, что половой акт можно хотя бы чрез миллион лет одухотворить ⁴, сделать не плотским, а проявлением высшего начала в человеке, возможно только в наивной фантазии человека.

¹ И хорошо. Хорошо уже потому, что *смирненно*. Автор кричит: «Нравственная личность! нравственная личность», но ведь она *сама* — из нервов и мозга, а мозг и нервы — от звезд, от стихий; и, словом, Космос есть великая утроба, в которой и из которой родилась «нравственная личность». Все связано «шестью днями творения». Да и, затем, у какого разбойника нет «нравственной личности»: ибо он и *разбойником* мог стать по «нравственной свободе» в себе, по сей «божественной, одному человеку присущей свободе». Что же, автор прикажет мне больше любить мазуриков и шулеров, чем овец, коз и коров? *Да никогда!* В. Р-в.

² Тут только поэзия. Не понимаю, зачем автору *выходить из природы?* *Этого-то он нигде и не доказывает*, а потому только стучит словами. В. Р-в.

³ Все это — забвение, что *там же*, где сказано об «образе и подобии Божиим», сказано и «оплодотворяйтесь, размножайтесь». Несчастная книжность, несчастная интеллигентность сделала то, что человек мыслит себя «подобием Божиим», когда строчит газетную статью или брошюру, а не когда носит на руках больного ребенка, не когда мать кормит его грудью, не когда родители зачинают его. Проклятое скопчество, родитель сухой и *суетной* интеллигентности. Нет, явно надо переменить все мотивы религиозности, всю мотивировку отношений к Богу и связи с Ним. В. Р-в.

⁴ Да он вполне духовен и сейчас: половой акт рождает из себя море мысли и воображения (младенца с *душою*), и оно же, т. е. воображение и мысль, обволакивает этот акт в поэзии, между тем как *физический глаз* и *физическое слово* (голос) не смеют его коснуться. Совокупление есть наиболее духовный акт — не то что пошлая, базарная политика. В. Р-в.

Человеку хочется верить, что нравственный стыд, обнаруживаемый в акте супружеского сожительства, зависит вовсе не от природы его, а от того психического настроения человека, с которым он относится к браку. В силу такого хотения человек надеется, что с течением времени люди настолько внутренне нравственно возвысятся, что уже никакого стыда супружеских общений тогда быть не может, а следовательно, прекратится и та нравственная мука самих супругов, которая необходимо связана с этим стыдом ¹. В частности, сам по себе акт сожительства, согласно этим мечтаниям человека, должен, с течением времени, если уж не превратиться в какое-то таинство, от выполнения которого человек будет получать только одно чувство глубокого нравственного удовлетворения, то, во всяком случае, по отношению к родовому акту супруги станут в полное безразличие его для них как нравственных личностей, и он будет совершаться, в крайнем случае, точно таким же образом, как, напр., совершается пищеварение в желудке ². Однако осуществление подобной, хотя и благородной, надежды человека возможно лишь в построениях богатой фантазии самого человека, и никоим образом не в действительной жизни. Супружеское физическое единение, до какого бы минимума мы ни доводили его чувственную сторону ³ для себя, всегда необходимо требует и будет требовать для возможности своего осуществления высшего подъема животного начала, и обязательно на счет принижения жизнедеятельности духа — нравственного начала ⁴.

¹ Содомские мечты. нам вовсе не нужны. И теперь во всех своих составных частях акт этот прекрасен. Чтобы его сделать привлекательным для человека, ради обеспечения размножения, природа и ее Создатель соединили в нем все самое лучшее, как разнообразно прекрасное соединено и в цветах растений. Что он для всех, кроме *mademoiselles* в сюртуках, прекрасен, видно из воображения человеческого, которое его любит и представляет не в другом, нежели как он существует, виде, — не трансформирует его, а берет в реальности. Он бы никогда не *воображался*, не *мечтался*, если бы хоть в какой-нибудь части был дурен, отталкивающ. И в этом направлении единственное «нравственное совершенство» должно заключаться в том, чтобы не *лгать* более, а сказать ту правду, какую всякий носит в себе В. Р-в.

² Какое гадкое сравнение: кто же *мечтает* или *воображает* о кишках и их движениях? Между гем благородные и изящные греки в религиозных процессиях носили изображение небольшой фигурки мальчика с очень большим органом, который несшая его жрица приводила в движение, поднимала (Геродот). Имели же греки *вкус и эстетику*? В. Р-в.

³ Ну, вот, договорились: «*Импотентный брак* есть наш идеал»; «Наилучший брак есть тот, в коем супруги не *хотят друг друга*, где чувственность отсутствует». Но медицина подстерегает философа-моралиста и с хохотом комментирует: «Да это и *бывает* — у *содомлян!* Они не *хотят* или *почти* не хотят другого супруга». Я же говорю, что весь этот «идеал нравственного супружества» коренится в яме Содома. Побочню сделаю заметку, что на этом-то содомо-девственном идеале брака коренится и европейская теория развода: «Они не живут друг с другом, жена сбежала от мужа, муж кинул жену», — жалуется мир. «Тем *лучше*, — отвечает Содом, — ибо они теперь не *совокуляются*». Или: «Они ненавидят друг друга, дерутся». — «И отлично, — успокаивается в душе содомит, — если дерутся — значит не *совокуляются*, а *совершенствуют* в себе *нравственную личность*». В. Р-в.

⁴ Изображения — сперва в виде опыта, животных, а затем и человека — в этом слиянии должны составить одну из важных проблем искусства. Решительно, человек не бывает в этом слиянии отталкивающим: иначе нельзя понять глубокой, до гроба, привязанности друг к другу супругов. Но у нас *встречающиеся изображения этого акта* («порнографические картинки») *все en masse* [в массе своей — *фр.*] — гнусны, подлы, отвратительны до непереносимости для глаза. Почему это?! *Только по тому одному*, что изображаемые — всегда мужские и женские проститутки и проститутки — люди последнего и подлого состояния, люди, сотворяющие этот акт без нежности и любви, *кошунники акта*, а не *праведники* *акта*

Мало этого, оно всегда требует для своего осуществления такого нервного органического возбуждения, которое необходимо должно закончиться оскорбительной для личности потерей себя, — иначе говоря, оно необходимо должно быть *страстным*; и уничтожить эту страсть в родовом акте — значит уничтожить весь акт. А потому как бы таинственность, мистичность ни обставляли люди физическую сторону брака и какими бы благородными порывами души ни объясняли необходимость сожительства, все равно — в собственных глазах самого человека родовый акт навсегда останется недолжным, ибо он, как всякая другая страсть¹, всегда совершается и может совершаться на счет принижения моей свободно-разумной нравственной личности. Думать же, чтобы супружеские отправления были проявлением духовного начала и являлись, например, только осуществлением мечтания о будущем ребенке, конечно, можно, — но человеку суждено будет в самом благоприятном случае остаться при одних мечтаниях. Он вместе с этими мечтаниями должен допустить раздражение организма или через воображение, или еще каким-либо иным образом, и тем возбудить в себе страсть полового чувства. Мечтания, которые предшествуют родовому акту, служат заметным к нему переходом, и они или вовсе не вызовут половой страсти, или (непрерывно и неодолимо. В. Р.) сами будут (якобы. В. Р.) грязны. Здесь можно говорить не о перемене природы которого-либо начала, а только о границах того и другого, причем если бы для материального начала оставлен был всего один пункт его самостоятельной, а не служебной жизнедеятельности, то и тогда он остался бы со всеми своими характерными чертами и ничуть не изменился бы в своем содержании оттого, что сфера идеального начала гораздо обширнее. Чем больше человек употребляет энергии на раскрытие себя как носителя идеального высшего нравственного бытия, из которого только единственно и может

Лет 12 назад мне пришлось случайно видеть и долго рассматривать, в одном дорогом издании, снимки рисунков в *этом положении*, снятые со стен Помпей, где изображенные — очевидно *cives* и *matronae* [почетные граждане и матроны — *лат.*]. Прекрасные и вдохновенные лица их — счастливы невинным счастьем, и все зрелище не включает в себя ничего отталкивающего, на что было бы тяжело смотреть. Я был поражен зрелищем, как чем-то совершенно новым для себя и неожиданным. Красоту здесь составляла *невинность*. Вот передача *невинного совокупления*, которое, конечно, *есть*, и без него *брак был бы метафизически невозможен*, ово составляет его *метафизический корень, метафизическое основание* (сравни проблему Канта: «*Как возможны синтетические суждения a priori*» с моей проблемой: «*Как возможны совокупления без укора, стыдливости и греха, — совокупления как правда?*») — составить великую задачу гениев кисти, резца и музыки. Я думаю, первое придвигание сюда заключалось бы в собирании эмпирического материала. При развитии теперь фотографии «для себя» возможно было бы юным супругам сохранять на будущее, на старость, изображение своего счастья в молодости — в ласках, в приближениях к акту, в самом акте. Навивность, чистота и непосредственность этого *in facto* [фактически — *лат.*] — передалась бы *in imaginem* [изобразительно — *лат.*]. Мы бы стали *привыкать*, мы бы стали *признавать*, мы бы перестали *удивляться* невинному здесь. Мы бы имели *imagines matrimoniae* [изображения супружества — *лат.*], когда (до сих пор) имеем одни только *imagines prostituae* [изображения разврата — *лат.*]. В. Р.-в.

¹ О, дубинное рассуждение: да разве можно «без страсти» написать стихотворение? Разве «без страсти» писал Шекспир «Лира», Пушкин — «Годунова», Лермонтов — «Мцыри»? «Без страсти» писал только Херасков; и даже эта брошюра написана не «без страсти», не «без жара», и только грустно, что не с супружеским жаром, но с дево-содомским. В. Р.-в.

выходить все чистое, идеально-разумное, тем более он суживает самостоятельное активное значение органического начала — плоти¹; но само по себе, в самом своем существе, материальное начало ничуть не изменяется в духовное, или, наоборот, при обратном значении — духовное изменялось бы в плотское. Жизнедеятельность плотского начала может насильственно подавлять такую же жизнедеятельность нравственного, идеального начала природы человека, что особенно и заметно в кульминационном пункте жизни плоти — плотском соединении двух лиц. Здесь органическое животное начало требует от человека, нравственной личности, чтобы он не только перестал жить высшими своими интересами, но и положительно забыл, что он разумно-свободное существо, имеющее своей целью раскрыть себя как нравственную личность. И человек, действительно, под давлением половой страсти теряет самообладание, самосознание и всецело как бы отождествляется с чисто материальным отправлением своего организма. Иначе и не может быть: ибо при малейшем возбуждении сознания личности к его постоянной активной разумной деятельности — необходимо тотчас убивается страсть, а вместе с нею и самый родовой акт². А потому и фантазировать о полном подавлении страсти в супружеских отношениях всегда возможно, но только достигнуть этого в действительности, по самой природе вещей, невозможно. И для того, чтобы ребенок появился в действительности, а не в воображении только, — человеку необходимо нужно на время подавить все свои возвышенные благородные чувства, мечтания, и спуститься в наличные условия его происхождения, и неизбежно перенести на себе ту нравственную муку, которую влечет за собой родовой акт. Только человек с извращенной внутренней природой и который фактически живет в разврате, — только такой человек может спокойно переносить (хотя только сравнительно спокойно) акт половых отправлений³. Иначе говоря, в действительности происходит как раз совершенно обратное тому заблуждению, по которому *чем нравственнее личность — тем менее* ею чувствуется недолжность половых отправлений.

¹ Комическая дилемма: или «идеальное начало» и — *импотенция*, или же потенция, и тогда — *крушение* идеального начала. Конечно, мир не мог бы существовать, если б эта дилемма была реальна. Очевидно, «образ Божий» извращенно чувствуется девственниками. В. Р-в.

² Удивительно все по *точности* мысли, по строгости *рассуждения*: это лучший трактат о браке, какой я читал, единственно научно правильный. Но «натура взяла свое»: и все *идеалы автора извращены*. В добавление и *объяснение* верных наблюдений автора скажу, что та «потеря сознания», которая происходит в последний момент родового акта, не есть, конечно, исчезновение «куда-то» души, ума, нравственной личности и идеализма (тогда человек *умер бы*), а есть *всего этого переход — в семья*. Весь дух человека, все его личное «я» проникает сиянием семья: отчего в дитяти и отражается весь «дух» его родителей, их таланты, гений, благородство. Из этого объясняется пониженная духовность и у детей «презбыточствующих» гениев: они не способны совершить акта с требующимся «забвением себя», с «потерей сознания», т. е. во время акта *душа их* остается в голове же, и семья в утробу матери переходит *обездушенным, только животным, только ферментом биологического зачатия*. В. Р-в.

³ Подобный образ нам дан Достоевским в лице отца братьев Карамазовых. *Примеч. 2. Фози.* — Автор может подозревать, что *я теперь* Ф. П. Карамазов: но не был же я им в 17 лет, не был им, когда писал «Место христианства в истории»; но и в то время, и вообще никогда я «муки», «позора» и «треха» в половом соединении не чувствовал, а, наоборот, чувствовал всегда, что «все зело добро сотворил Бог», — согласно всем православным. В. Р-в.

Действительность говорит нам совершенно обратное, т. е. что развитие нравственного сознания человека, в силу которого он уже теперь не может приступать к родовому акту с грубой целью физических наслаждений, оно-то и служит единственной причиной нравственных мучений человека в браке. Стыд в более сильной степени появляется именно только у людей неразвращенных, и, наоборот, полное отсутствие стыда может свидетельствовать вовсе не о высокой степени нравственного развития человека, а только о полном его нравственном падении.

На потере стыда и высшего нравственного сознания собственно и держится половая функция организма, тогда как развитие нравственного сознания человека ведет к полному его уничтожению ¹. «Я стыжусь, следовательно, существую не физически только, но и нравственно; я стыжусь своей животности, следовательно, я существую еще как человек» ². Отсюда — надежда человека, что с течением времени люди перестанут стыдиться акта физических общений, есть в существе дела надежда на то, что придет время, когда люди будут жить исключительно по физическому определению жизни, т. е. будут заключать весь интерес жизни в органических отправлениях их животной природы, а не в нравственном развитии человека как свободной и разумной личности, а следовательно — это надежда на полное его нравственное падение ³. Только тогда, когда человек с течением времени обратится в простую, физическую, хотя и живую вещь наличной действительности, он может спокойно переносить акт полового общения, который в этом случае явится полным вырождением подлинной природы человека как преходящей вещи, как животного. Но эта надежда в отношении ко всему человечеству в его совокупности представляет сущий абсурд, ибо если в нравственном отношении отдельные люди, хотя бы и большинство, идут по пути регресса, то весь-то исторический процесс развития человечества, независимо от случайных уклонений, идет по пути прогресса нравственного развития человека; и на основании этого с полной основательностью можно предположить, что брак с течением времени, если не для большинства, то для некоторых личностей, не только потеряет положительное значение, но и делается для них совсем нравственно невозможным ⁴... В совершенном браке, в котором до конца осуществляется внутренняя полнота человеческого существа... деторождение делается и ненужным ⁵, и невозможным... Совершенный брак есть начало нового

¹ Вот! *«Импотенция и скопчество есть наш христианский идеал»*. «И с прекращением *рождаемости* — мы успокоимся». Но чем человечеству сходить в могилу, лучше вы, содомитяне, в нее сходите. *В. Р-в.*

² В. С. Соловьев. *«Оправдание добра»*. *Примеч. г. Фозы*.

³ Ну, а как же это у евреев, добрый автор? У евреев, которые, приступая к акту, т. е. в самую секунду «входа» в жену, совершают ритуально исповедание: «Се, исполняю Твою святую заповедь». Неужели *все евреи* находятся в «бесконечном нравственном падении»?! *В. Р-в.*

⁴ Вот! Хороша мечта. «Наши семинарские тетради и наш содомский идеал мы собережем и осуществим ценою *погубления всего человеческого рода*». Да это, конечно, и есть завет и стимул монашества. Не прав ли я, давно начав крик: смотрите, это идут погубители человечества, злодеи в образе ангелов, пантеры в образе овец? *В. Р-в.*

⁵ Хорошо! Какая прелесть!! *В. Р-в.*

процесса, не повторяющего жизнь во времени, а восстанавливающего ее для вечности ¹...

«Внешне физическое деторождение является как естественное последствие недостигнутого в настоящем совершенства и как необходимый путь для его будущего достижения» (В. С. Соловьев). «Ведь недаром же сама природа сделала так, что это дело и мерзко и стыдно, а если мерзко и стыдно, то так и нужно понимать» (Л. Н. Толстой) ². Между тем люди питают странную надежду, что если и не теперь, то, по крайней мере, в будущем это по природе мерзкое и стыдное не уничтожится совсем, а только сделается чистым, возвышенным ³.

В оправдание брака весьма нередко можно слышать указание на рождение детей, в которых, действительно, заключается весь естественный смысл брака; но в то же самое время сама по себе эта ссылка на детей все-таки едва ли не более чем странна. Оправдывать брак детьми для человека будет решительно все равно, как если бы какой-нибудь морфинист стал оправдывать свою привычку тем болезненным, ненормальным, но приятным состоянием организма, которое непосредственно вызывает морфий в человеке ⁴. Если бы подобное рассуждение и было бы вполне убедительно-состоятельно для самого морфиниста и могло бы для него служить действительным основанием в приеме морфия, то оно оказалось бы совершенно несостоятельным для нормального здорового человека, ибо кому же в самом деле желательно быть хотя, может быть, и в приятном, но все-таки в болезненном состоянии? Точно то же самое нужно сказать и относительно детей как естественном следствии родового акта: может быть, и они суть нечто если не *ненормальное* ⁵, то во всяком случае и не соответствующее истинным целям жизни человека. — И действительно, если мы возьмем человека не как только простой живой организм и не в физическом определении его временной земной жизни, а человека как носителя высшего идеального начала и в его абсолютном вечном содержании жизни, то дети здесь окажутся

¹ Для могилы. В. Р-в.

² У Л. Толстого есть какая-то личная и семейная тайна, на которую намек содержится в разговорах его с г. *Тенеромо*. Когда зашла речь о детях его, и что они — неспособны, то Л. Толстой привел некоторую философию, и, сославшись на одного своего ребенка, сказал, что ему есть что сказать о его рождении, но он разве скажет это в секунду смерти, — «*вот перед тем как юркнуть под крышку гроба*». Слова не оставляют сомнения в чрезмерной постыдности этих слов (мировая застенчивость), этого признания, — и я опасаясь, не по части ли это «*девственных идеалов*» великого писателя земли русской. Во всяком случае, «*Крейцера соната*» есть сплошь выдающая натура муже-девы, «осквернившейся с женщиною» лишь по положению «женатого» человека, когда «noblesse oblige» [положение обя-зывает — *лат.*]. В. Р-в.

³ Нельзя не поблагодарить доброго, патетического и честного архим. Михаила (ныне старообрядческого епископа) — *единственного монаха*, который по переводе из Казани в Петербург, начав рассуждать в печати о браке, сказал громко: «*Половое слияние все и до dna чисто*». За это дети, вышедшие и будущие, должны воспеть ему хвалу. Он — не в детоубийцах, хотя и монах. В. Р-в.

⁴ О, гады, о, детоубийцы, Ироды, Скублинские... Приравнять деторождение к морфинизму!.. В. Р-в.

⁵ Дети — ненормальность!.. Но это, конечно, *неодолимое убеждение содомита*. «Натура кричит». В. Р-в.

не только нежелательным явлением, но положительно фактически не отвечающим истинным задачам жизни человека. И, прежде всего, они всякий раз отрицают за человеком всякое абсолютное, вечное содержание его собственной индивидуальной жизни¹, обращая человека в простое средство осуществления неведомых ему каких-то мировых целей общего бытия. Потомство необходимо заставляет человека рассматривать себя уже не под точкой зрения его личной ценности, а под точкой зрения его временных условий существования в пределах наличной действительности. Фактически в появлении каждого следующего поколения человеческого рода свидетельствуется не о чем другом, как именно о том, что я как определенная индивидуальная личность, сам по себе не имею ровно никакой безусловной цены и не имею никакого своего личного вечного содержания жизни, которое я мог бы осуществить во всей своей жизни; и потому-то и явилось это следующее поколение, которое должно заменить меня и в котором я думаю хотя немного смягчить нелепость моего личного бытия². Но это новое поколение само, в свою очередь, обречено на такое же бессмысленное временное существование, как и мое личное существование, в чем оно и не замедлит быть обличено следующим за ним поколением. И жизнь всего человеческого рода теперь представляет собою картину лишенной в своем существовании всякого смысла смены одних поколений другими, среди которых отдельное самостоятельное «я» совершенно исчезает. В естественном следствии брака — потомстве — последующее поколение прямо и непосредственно упраздняет своих предшественников, и обличает их в бессмысленности их временного существования, и обнаруживает пред ними всю иллюзорность их личной жизни, каковой они всегда живут в своем собственном сознании³. Потомство именно реальнейшим образом свидетельствует сознанию каждого человека, уже самым фактом своего появления, о беспечности личного существования своих предшественников, обнаруживая каждому человеку, что он по своей жизни вовсе не безусловная личность, а простая физическая вещь мира, ограниченная в своем бытии наличным физическим существованием

¹ Да индивидуальная-то жизнь украшается детьми. «Честь отца» — палладиум для детей; он благороднее, нежели палладиум государства — «слава гражданина». Гордость матери сыном — выше, священнее, чем слава его перед толпой. Богатство отца лучше, благороднее, чем богатство скопца-финансиста. В. Р-в.

² Такое же глупое рассуждение, как следующее: «Я ем в пятницу пирог с грибами, а в поведельник ел с капустой. Отчего я не остановился на пироге с капустой? Увы мне: еда пирога с грибами обращает в совершенное ничто пирог с капустой, и тогда для чего же его печь!?» В. Р-в.

³ До чего все глупо! Был Авраам и угощал Бога, в виде трех странников посетившего его. И родился от него Исаак. От Исаака — Иаков, которого опять посетил Бог и боролся с ним в ночи! Ведь это не одно! С потомством приходит разнообразие и обилие моего отношения к миру: лично я не в силах охватить науку и войну, культуру и религию, хоть живи вечно, хоть будь семи пядей во лбу! Но я размножился: и в детях, внуках, в сотом поколении я тысячею рук работаю в человечестве, я обоняю все запахи мира, делаю все профессии, я раб и царь, гений и безумец. Какое богатство сравнительно с каким бы то ни было личным существованием! Да и вообще неужели виноградная лоза беднее виноградной ягодки! Неужели яблоня, приносящая ежегодно плоды, не богаче и не лучше единичного яблока? А священное «Дерево Жизни» в Апокалипсисе приносит плоды 12 раз в год!! В. Р-в.

и предназначенная служить только средством всеобщего процесса жизни... Никакого иного значения для человека как личности брак иметь не может». *Фози*.

* * *

Все это рассуждение г-на Фози, представляя вообще квинтэссенцию Платоновой мудрости, девственной мудрости, христианской мудрости, церковной мудрости, в высшей степени драгоценно точностью языка и решительностью искренних суждений. «Яблочко дозрело», — и чем возиться с семинарскими тетрадками, лучше было разобрать его одного. В «тетрадках» ничего другого нет, кроме здесь изложенного, — но все лишь запудрено, замалевано, подслащено. Мышьяк с сахаром. Но лучше иметь с ним дело без сахара.

Передвижение пола из положительных в отрицательные тяготения

Противородовые *идеи* не могут возникнуть без противородовых *инстинктов*; а таковые *единственно* встречаются, и притом *бесспорно* встречаются, на той точке *текущего* пола, где он из влечения к гармонизации с противоположным анатомически полом (сопряжение, супружество) переходит во влечение к слиянию *со своим* полом. В этой точке перехода является, всего на момент, полное *отрицание* пола; пол, и свой и чужой, ощущается как совершенно *ненужное, лишнее, придаточное*; чему не отвечает внутри *никакой психологии, никаких идей*. Это глубоко спокойное состояние можно сравнить с состоянием детства и раннего отрочества; или, точнее, детство и раннее отрочество суть фаза в жизни каждого человека, когда он переходит этот пояс, названный нами духовной содомией¹, чтобы затем вступить или в обширное поле сопряженности с противоположным полом, или в необширное, но глубокое, терпкое, старое озеро слияния со своим полом. Д-р Форель («Половой вопрос», стр. 282) приводит результат опроса, произведенного у 3 916 мужчин, причем оказалось, что из них 94,6% чувствовали влечение к противоположному полу, 3,9% чувствовали совместное или периодически меняющееся влечение к обоим полам и 1,5% — к слиянию со своим полом. Эта последняя категория получила в науке название «урнигов». Обычная теория, что это суть особи «с мужским телом и женским мозгом и душой», есть более имя и описание, нежели объяснение.

¹ Совершенно топооловое предположение Шопенгауэра, что содомия устроена самою природою в интересах рождения сильного потомства, и *потому* встречается в возрасте отроческом, когда семья *не созрело*, и в возрасте *дряхлом*, когда оно полусгнило, опровергается: 1) тем, что сущность содомии заключается в поглощении, положим старцами, семени именно *самого цветущего* возраста, от которого родились бы наилучшие дети, и 2) что активная содомия, кроме случаев личной порочности, не очень частых, встречается как врожденный факт, обнимающий жизнь человека *во всех его возрастах*. Впрочем, эта гипотеза знаменитого философа до того не отвечает всем фактам, что нет нужды усиливаться ее опровергать. В. Р-а.

Очевидно, объяснение этого явления лежит в недостающей *полной теории пола*, которая наравне с этой аномалией объяснила бы и прочие. Но совершенно очевидно, что для выработки, или, лучше сказать, для открытия этой теории, этого объяснения, изучение урнингов и особенно исследования их представляют страшно важный материал. Как есть *электричество* положительное и отрицательное, как в математике есть положительные и отрицательные *величины*, с «О» между ними, как есть *движение* вперед и назад и точка *покоя*, — так явление пола, в зачатии сплетенного из двух полов, из материнского, т. е. *женского*, и из отцовского, т. е. *мужского*, есть непременно в *каждом* организме и в *каждый* момент его жизни *муже-женское*, и от этого *текущее, вибрирующее, лучащееся*, причем 1) ни индивидуум на протяжении своей жизни не остается *тождественным себе* самому все время, 2) ни все индивидуумы сходными между собой. Пол в нас дрожит, колеблется, вибрирует, лучится. То материнская сторона преобладает, то отцовская, то обе стороны в гармонии (детство), то которая-нибудь в подчинении, исчезании, умирании (время нормальной половой деятельности, когда человек ищет пополнить в себе замирающую сторону пола). Старческое влечение к полу, иногда выражающаяся в безумных протухках-припадках, есть поглощение жизни и ее источников почти умирающим: это тот глоток воздуха, который делает утопающий, вынырнув на секунду из воды. Это глубоко жалкие явления, едва ли наказуемые, от которых просто надо *беречься каждому и беречь, охранять других*. Это — *dementia non individui, sed generis humani*¹. Оставим, однако, это все. Мы здесь не строим теории пола. Но чтобы показать читателю, что пол есть именно *текущее*, и притом перетекающее из *положительных* величин в *отрицательные*, мы должны указать на один случай рассказа Крафт-Эбингу пациентом и вместе врачом факта перерождения, им испытанного уже в зрелом возрасте, из мужчины в женщину. Таким образом здесь мировой процесс передвижения, совершающийся во всем человечестве, случайно задевает и *совместившись началом и результатом в одном субъекте*, — дал полную свою картину, которая могла быть рассказана. Случай этот я считаю более удивительным, чем всякая «Вавилонская башня», и могущим для философии и науки дать более результатов, чем раскопки Ниневии или Персеполя. Вот этот рассказ об удивительном превращении:

«Я родился в Венгрии в 1844 г. Долгое время я был единственным сыном своих родителей, так как *остальные дети оказывались нежизнеспособными*². Лишь впоследствии родился брат, который жил довольно долго.

¹ помешательство не индивида, но рода человеческого (*лат.*).

² Вообще разительно и любопытно *индивидуальное происхождение* аномалий пола. Вот бы поработать науке... Хотя бы начать собирать кой-какие наблюдения. Я раньше думал, что, напр., *во время беременности* родители допустят между собою содомический акт, как случай и забаву, — и тогда *родится содомит*. Но это, очевидно, поверхностно: *происхождение «урнингов»* беспросветно глубоко и таинственно. Скорее, оно происходит от *пролетания уже родителей* по тому *отсеку* мирового круга или мирового эллипсиса, по коему движется весь

Я происхожу из семьи, в которой часто являлись нервные и психические страдания ¹. В детстве я был очень красив, с роскошными светлыми локонами и прозрачной кожей. Я был послушный, тихий, скромный мальчик, и меня охотно брали в любое дамское общество, не опасаясь, чтобы я чем-либо его шокировал.

При весьма богатой фантазии — этого постоянного врага моего — довольно быстро развились мои способности. В 4 года я уже читал и писал; память моя простирается до 3-летнего возраста. Я играл всем, что попадало мне в руки, — оловянными солдатиками, камушками, ленточками. Лучше всего я чувствовал себя в доме матери, где все было — мое. У меня были два-три товарища, к которым я относился хорошо, но так же охотно встречался и с их сестрами, которые *относились ко мне, как к девочке*, что сначала не стесняло меня.

Я был на пути к тому, чтобы совершенно превратиться в девочку. Я знал, однако, что это не подобает мальчику. И я старался поэтому играть с мальчиками, подражал во всем своим товарищам, старался перещеголять их удальством, что и удавалось мне. Не было такого высокого дерева, на которое я не взобрался бы. Девочек я старался избегать, так как мне не следовало заниматься их играми, и меня злило, что они считали меня равным себе.

В обществе взрослых я был, однако, всегда одинаково скромно и одинаково желанным гостем. Меня часто тревожили фантастические сновидения: мне снились дикие звери, которые однажды заставили меня бежать с постели, причем я не проснулся. Я всегда был одет просто, но красиво, и поэтому *полюбил вообще красивую одежду*. Мне помнится, с детства у меня явилась склонность к женским перчаткам, которые я надевал часто как мог. Однажды, когда мать кому-то отдала пару своих перчаток, я очень *сердил*ся. На ее вопрос я ответил, что *лучше бы она мне их подарила*. Меня подняли на смех, и с тех пор я остерегался говорить о своем *пристрастии к женским вещам* ².

Особенно *радовала* меня маскарадная одежда, т. е. *женская*. При виде таковой я *завидовал* его *обладательнице* ³. Я с наслаждением смотрел на двух *молодых людей, замаскированных женщинами*. И тем не менее сам не рискнул бы одеть женского костюма, боясь насмешек.

пол, *summa sexus* (колесо Иезекииля). Содомия — в *афелии* и *перигелии* этого эллипсиса, в его суждениях, в «носике» мирового яйца; а *рождение* («норма») в боковых длинных его сторонах. Всякий человек — естественно в «какой-нибудь» точке эллипсиса; родители «содомита» — в его *боковых длинных линиях*, — но там, где линия *начинает склоняться* к «носикку». Сами родители поэтому плодородны: но уже в них есть неощутимый «толчок» к содомии, который в детях *продолжается* далее и *реализуется*. Но и это только «может быть». Темь, темь и темь... В. Р-в.

¹ Можно предположить, что не страдания были основой и причиной последующего феномена пола, а что этот феномен, бурно пробиваясь к осуществлению, сотрясал «нервными и психическими страданиями» ту органическую среду, в которой появился. Ибо пол — всегда *центр*, всегда — *зерно*. В. Р-в.

² Вещи, и особенно платье, человек создает по натуре своей, в сущности — *из* природы своей: и мальчик с девичьим *сложением* невольно ищет женских вещей. В. Р-в.

³ Как все незаметно, как невольно, как «мало-помалу». В. Р-в.

В школе я был весьма прилежен, *учился лучше всех*¹. Родители всегда внушали мне, что первое в жизни — это *долг*², и *показывали сами пример*. Посещение школы было для меня удовольствием, так как учителя были снисходительны, а старшие ученики прекрасно относились к младшим.

В это время мы покинули родину, так как отцу пришлось уехать. Мы отправились в Германию. Здесь господствовал *строгий режим*, отчасти среди учителей, отчасти среди учеников, и надо мною снова *стали смеяться вследствие моей женственности*³.

Мои товарищи дошли до того, что они *назвали моим именем девушку, похожую на меня, а ее именем меня называли*. Так что я ненавидел эту девушку, с которой подружился потом, когда она вышла замуж. Моя мать продолжала красиво одевать меня, и это было мне противно, потому что это вызывало вечно насмешки. Я очень обрадовался, наконец, когда меня *одели* в настоящую *куртку* и настоящие *брюки*. Но и тут начались новые терзания. *Костюм стеснял меня у половых частей*, в особенности когда сукно оказывалось влажным. А когда портной примерял мне брюки и прикасался к половым частям, дрожь пробегала у меня по телу. Это ощущение было для меня невыносимо⁴. Затем приходилось делать гимнастику, и я не мог *проделять упражнений, которые и девушкам нелегко даются*. Во время купания меня мучила *стыдливость: мне стыдно было раздеваться*, хотя я это делал очень охотно; в то же время это доставляло мне удовольствие.

До 12-ти лет я *чувствовал слабость в крестце*. Плавать я научился поздно, но зато настолько хорошо, что мог совершать большие туры. До 18-ти лет у меня *было женоподобное лицо*, и лишь с этого времени начался у меня рост бороды, так что я несколько успокоился. Приобретенная на 12-м году и излеченная на 18-м году паховая грыжа очень стесняла меня, особенно при гимнастике. Сюда с 12-ти лет присоединились, при долгом сидении и в особенности при вечерней работе, *зуд, трение и дрожание*, начиная с *репис'а до крестца*. Это затрудняло сидение и стояние, усиливаясь при простуде. Но я решительно не предполагал, чтобы это имело связь с половой сферой.

Так как никто из моих товарищей этим не страдал, то я ничего на этот счет не знал, и мне приходилось напрягать до высшей степени терпение, чтобы переносить это, тем более что *живот вообще часто стеснял меня*.

В половых вопросах я еще вообще был совершенно несведущ, но уже на 12-м, 13-м году я чувствовал, что мне приятнее было бы быть

¹ Высокие способности, никакого понижения их. В. Р-в.

² Нравственная, не распущенная семья. В. Р-в.

³ Все невольно и мало-помалу. Какая же «патология» (страдания, болезнь)?! В. Р-в.

⁴ Мне случайно пришлось узнать, что экземпляры содомии в брюках и экземпляры содомии в юбках *абсолютно не переносят дотрагивания до органов*, по крайней мере *лицами противоположного пола*, и именно *дрожат при этом и чрезвычайно страдают*; как равно и сами они *никогда до них не дотрагиваются*. От этой непереносимости касания — у них *никогда не возникает онанизма*. В. Р-в.

женщиной. Мне гораздо больше нравилась ее фигура, ее спокойная походка, в особенности ее одежда ¹; но я опасался думать об этом, хотя знал, что *не убоюся бы кастрационного ножа для достижения своей цели*. Если бы мне пришлось ответить, почему я предпочитал женскую одежду, я сказал бы: *меня неодолимо влечет к этому*; быть может, я и казался самому себе *скорее девушкой, ввиду удивительно нежной кожи, особенно лица и рук. Среди девушек я был желанным гостем*. Хотя и мне нравилось их общество, но я избегал их, потому что мне приходилось *пересиливать себя, чтобы самому не казаться женственным*. Однако в душе я завидовал им. Особенную зависть вызывала у меня подруга, которая получила *длинное платье* ² и ходила в перчатках и со шлейфом.

Когда я на 15-м году совершил путешествие, одна дама предложила мне *переодеться девушкой* и выйти с нею погулять. Несмотря на *все желание сделать это*, я не согласился, потому что эта дама была не одна. Я с удовольствием смотрел в это время, как в одном городе мальчики ходят в *блузах с короткими рукавами и обнаженными руками*. Одна *разодетая дама* показалась мне *прямо богиней*; я был бы счастлив, если бы она *прикоснулась ко мне своей рукой*; я с завистью думал о том, с какой радостью оделся бы в эту *прекрасную одежду*.

Тем не менее я *прилежно занимался*, окончил реальное училище и гимназию в 19 лет, *хорошо выдержал экзамен* на аттестат зрелости. Я помню, на 15 году я впервые *высказал* своему другу *желание быть девушкой*. На вопрос, *почему именно, я ничего не мог ответить*. На 17-м году я попал в общество кутил; я пил много пива, курил, заигрывал с продавщицами. Последние охотно знакомились со мною, но *относились всегда ко мне так, словно и я сам был в юбке*. Уроков танцев я не мог посещать.

Я *мечтал* о том, как счастлив я был бы, *если бы я был девочкой*. Я вспоминаю с *чувством нежности* о *красивом друге с женоподобным лицом и темными локонами* ³. Мне помнится, я очень желал, чтобы мы оба были девушками.

¹ Мне пришлось знать одну девушку, по крайней мере полусодомитянку, *которой очень нравились вообще красивые дамы*, и она волновалась и наслаждалась этою красотой, *распрашивала* о таких дамах, покупала «примерные карточки». Все это было начиная от 14-ти лет; когда же у нее самой начали вырастать груди, образовался бюст, *то вот у себя этих признаков женщины она не выносила*. И когда раз она была внезапно снята (в домашней фотографии) в домашнем платье, без корсета и с заметным выделением грудей,— то, отказавшись взять снимок, с отвращением произнесла: «Не могу видеть у себя эти *отвратительные куски мяса*» (о грудях). Вот родник, что содомитянки-хлыстовки-скопчихи отнимают (вырезают) у себя груди. Тут не религия родила физиологический факт, а физиологический факт содомии родил из себя религиозную секту — хлыстовство и скопчество. В. Р-в.

² Поразительно! Вот врожденный gallus древности. Но до чего тупы медики (см. Пеликана: «Медицинское исследование о скопчестве»), которым ни разу не пришло на ум соединять скопчество религиозное с этим фактом в натуре человечества, что *некоторые в нем рождаются предназначенными к оскотлению*, суть ех nascente [по происхождению — лат.], религиозные galli. В. Р-в.

³ К истории литературы и вообще культуры. Кто же не обращал внимания, что лицо Рафаэля, безбородое и такое нежное, есть *прекраснейшее лицо девушки*; и почти так же прекрасно, как лицо Рафаэля, лицо tergibile dictu [страшно вымолвить — лат.] Чернышевского (см. чудный его портрет в «Вестнике Европы», октябрь 1909 г.), проводившего в «Что

Будучи студентом, я, наконец добился однажды coitus'a. Hoc modo sensi, me libentius sub puella concubuisse et penem meum cum cunno mutatum maluisse¹. Девица, к своему изумлению, должна была обходиться со мной, как с девушкой, на что она охотно согласилась (она, видимо, была еще неопытна и не смеялась надо мною).

По временам я бывал дик, но чувствовал всегда, что я при этом только маскируюсь. Я пил, буянил, но все же на уроки танцев не мог являться, боясь выдать себя. Дружба моя была искренняя, без задних мыслей. Особенно радовался я, когда товарищ маскировался дамой или когда я мог оценивать дамские костюмы на балу. Я отлично понимал в этом деле и постепенно начинал даже чувствовать, как женщина.

Два раза я покушался на самоубийство вследствие несчастных связей. Однажды я без всякой причины не спал 14 дней, много галлюцинировал, говорил в бреду с живыми и мертвыми.

Была у меня и подруга, знавшая мои склонности; она одевала мои перчатки, но обходилась со мной, как с девушкой. Я понимал женщин лучше всякого мужчины, и когда они узнавали это, со мной обходились, как с подругой. Я не переносил сквернословия. Вечно мне оставалось непонятным одно: я знал, что у меня женские наклонности, но знал ведь и то, что я — мужчина; я сомневался лишь, нравилась ли мне когда-нибудь женщина, помимо моего желания быть таковой и помимо попыток к совокуплению, которое, между прочим, не доставляло мне удовольствия.

Изучение акушерства давалось мне с трудом (я стыдился за девушек-пациенток и сочувствовал им). Во многих случаях я выказывал себя опытным врачом. Совершил в качестве вольнопрактикующего врача поход. Верховая езда, которая была мне противна уже во время студенчества, тяготила меня, так как половые части вызывали при этом более женственное чувство.

Я постоянно полагал еще, что я — мужчина с неопределенными чувствами. Я никогда не чувствовал себя удовлетворенным, испытывал вечные огорчения, витал между сантиментальностью и дикостью, которая по большей части была аффектирована.

Своеобразно шло дело с моей женитьбой. Охотнее всего я вообще не женился бы. Но этого требовали мое семейное и общественное положение. Я женился на прекрасной, энергичной женщине из семьи, где процветало женское господство. Я был влюблен в нее настолько, насколько может наш брат: то, что он любит, — он всем сердцем любит; невесту любит со всей свойственной ему женственной глубиной, почти как

делать» теорию о глупости ревнования своих жен: на самом же деле, конечно, теорию о полном наслаждении мужа при «дружбах» его жены, причем муж втайне, в воображении, уже наслаждается красотой и всеми формами женского «друга». Значение Чернышевского в нашей культуре, конечно, огромно. Он был $\frac{1}{2}$ — уринг, $\frac{1}{4}$ — уринг, $\frac{1}{10}$ — уринг. В. Р-в.

¹ Следуя привычным ощущениям, я с удовольствием лег под девицу и предпочел бы поменяться с нею детородными органами (лат).

жениха. Я рассчитывал, что брак излечит меня. Но уже в первую брачную ночь я чувствовал, что я функционирую, как женщина с мужским строением.

В общем мы жили счастливо и в мире, около двух лет были бездетны. Затем, после тяжелой беременности, родился мальчик, который и до сих пор меланхоличен. Потом второй — вполне здоровый, потом третий, четвертый, пятый. Все расположено к неврастению¹. Так как я не находил себе нигде места, то я часто посещал веселое общество, много работал, делал эксперименты, оперировал. Свои супружеские обязанности я, во всяком случае, выполнял, но без всякого удовлетворения. С первого coitus'a и до сих пор мужское положение при этом мне противно и слишком тягостно.

Охотнее я занимал бы положение жены. Мы жили вместе, пока сильное заболевание ревматизмом не заставило меня разъезжать по различным курортам. Одновременно я стал до того анемичен, что почти каждые два месяца мне приходилось принимать железо. Часто меня мучила стенокардия, затем развились односторонние судороги в подбородке, шее, носу — гемикрания, судорожные сокращения грудных мышц и диафрагмы. Три года тому назад меня поразил чрезвычайно сильный припадок артрита.

Еще до этого припадка я принимал горячие ванны. При этом случилось раз, что я вдруг почувствовал перемену, словно я был близок к смерти. Я собрал последние силы, выскочил из ванны, но почувствовал себя совершенно женщиной с libido. Позднее, когда явился Extr. cannabis ind², я принял три-четыре дозы, потом принял дозу гашиша, — у меня явился судорожный смех, своеобразное чувство в мозгу и глазах, миллиарды искр, проникающие от мозга через всю кожу. Но я все же еще мог заставить себя говорить.

Я вдруг увидел себя с ног до груди женщиной; я чувствовал, как раньше в ванне, что половые части видоизменились, что таз расширился, груди увеличились, ненасытная похоть поработила меня. Тут я закрыл глаза и, по крайней мере, не видел измененным лица. Врач, казалось мне при этом, имеет вместо головы гигантскую картошку, у моей жены была на туловище луна. Но все же я был еще настолько крепок, что, когда оба они вышли на несколько минут из комнаты, я тотчас записал в свою записную книжку мою последнюю волю.

Кто опишет мой ужас, когда я на следующее утро почувствовал, что совершенно превратился в женщину, когда я при хождении и стоянии чувствовал вульву и груди!..

Когда я, наконец, встал с постели, я чувствовал, что со мной произошло полное превращение... За время этой болезни у меня была масса галлюцинаций слуха и зрения³, я говорил с мертвыми и т. д.,

¹ Худо выходят дети. Вне «предназначения»... Но случай особенно важен тем, что полу-«девушка» даже зачала в девушке: слабо и почти с отращиванием. В. Р-в.

² Экстракт конопли для введения (лат.).

³ Все это — не причина, а следствие громадного преобразования! «Звенит в ушах», «искры из глаз сыплются», когда человек, в сущности пролетает, — но внутренне, организационно — миллиарды миль, межзвездные пространства!! В. Р-в.

я видел и слышал дух родных ¹, чувствовал себя двойственной личностью, но все-таки не замечал еще, что мужчина угас во мне. Изменение моей психики было счастьем, так как меня поразила удар, который при прежнем моем настроении оказался бы для меня смертельным.

Так как я часто еще смешил явления неврастении с ревматизмом, то я не оставил пользоваться ваннами, пока кожный зуд усилился до того, что я бросил всякую наружную терапию (я становился все анемичнее от ванн) и закалял себя, насколько возможно было. Но женская, внедрившаяся в меня мысль осталась и до того окрепла, что я носил только маску мужчины, в действительности же во всех отношениях чувствовал себя женщиной, а воспоминания о прежнем исчезли. Окончательно подорвала мое здоровье инфлуэнца.

Status praesens ². Я высокого роста; седая борода: становлюсь сутуловатым; после инфлуэнцы утратил четверть своей силы. Лицо, ввиду порока клапанов, несколько покрасневшее; хронический конъюнктивит; скорее мускулист, чем тучен; левая нога имеет варикозные расширения, часто немеет; утолщения не заметно еще, но склонность к этому есть.

Маммилярная область заметно выдается; живот имеет форму женского живота, ноги имеют женственное строение, икры — также, то же самое надо сказать о руках. Могу носить женские чулки и перчатки $7\frac{3}{4}$ — $7\frac{1}{2}$. Также без труда ношу корсет. Вес колеблется между 168 и 164 фунтами. В моче нет ни белка, ни сахара; мочевая кислота выше нормы; цвет мочи прозрачный. Стул по большей части правильный; если же стула нет, наступают все женские припадки запора. Сон плохой, подчас неделями сплю кряду лишь 2—3 часа. Аппетит хорош, но в общем желудок перенослив не больше, как у здоровой женщины, и на острую пищу реагирует тотчас кожными высыпаниями и жжением в мочеиспускательном канале. Кожа белая, гладкая; невыносимый зуд в ней явился около двух лет назад, за последние недели ослабел, обнаруживается еще в коленном суставе и в мошонке.

Склонность к потению. Испарения, которых раньше почти не было, носят теперь характер довольно сильных женских испарений, особенно внизу живота, так что мне приходится еще больше женщины следить за чистотой (душу платок, пользуюсь душистыми мылами, одеколоном).

Общее самочувствие. Я чувствую себя женщиной в образе мужчины. Если я иногда и чувствую еще форму мужчины, то данный член все же чувствуется женским, например., *penis как клитор*, мочеиспускательный канал как уретра и вход во влагалище (он кажется мне постоянно влажным, хотя и сух); мошонка — как *labia majora* ³. Словом — я всегда

¹ Поразительно! И прямо чудо! Ведь он, в самом деле «умерев» и «воскреснув», слышал голос мертвых, и чувствовал все, и женское, родство. «Во мне будто легионы ходят и пролетают звезды», мог бы он о себе сказать. В. Р-в.

² Настоящее состояние больного (лат.).

³ большие губы (лат.).

чувствую вульву. А что это значит, может знать лишь тот, кто сам это испытал. Вся кожа на всем теле воспринимает ощущения, как у женщины; я не могу ходить без перчаток, потому что руки не переносят ни холода, ни жары. В такое время, когда не принято, чтобы мужчины носили зонтик, я чувствую крайне неприятное ощущение в коже лица.

Пробудываясь по утрам, я несколько минут не могу очнуться, я словно иду самого себя, а затем является насильственная мысль, что я — женщина. Я чувствую вульву. И я встречаю день глубоким вздохом, зная, что предстоит опять все то же. Не шутка чувствовать себя женщиной, а вести себя, как мужчина. Я все должен снова изучать. Ножи, аппараты — все, все решительно — я чувствую года три совершенно иными, и, при изменившемся мышечном чувстве, должен заново знакомиться с ними ¹.

Все мне удалось, за исключением некоторых деталей. Зато острой ложкой работаю гораздо лучше. Противно мне то, что при исследовании женщин я слишком сочувствую им. Некоторое время меня мучило насильственное чтение мыслей у обоих полов, с чем и теперь приходится бороться.

Три года тому назад я еще бессознательно смотрел на мир женскими глазами. Такое изменение явилось почти внезапно в отношении п. ортисус ² к мозгу и сопровождалось сильной головной болью.

Я был у женщины, страдавшей половым извращением. Тут-то я вдруг увидел, что в ней произошло такое же превращение, как и во мне, т. е. что она чувствует себя мужчиной. И в сравнении с ней я чувствовал себя женщиной. Она не знала еще о своем состоянии.

С тех пор все мои чувства проявлялись в женской форме. К церебральной системе почти непосредственно присоединилась вегетативная, так что все припадки носили женский характер. Чувствительность всех нервов, особенно слухового, обонятельного и тройничного, возросла до нервозности. Стук окна заставлял меня содрогнуться; не абсолютно свежая пища вызывала у меня трупный запах.

Но зато со времени этого превращения я легче переносил зубную боль и мигрень и меньше страдал при стенокардии. Удивительно: я чувствовал себя робким, слабым существом, но в случае угрожающей опасности был хладнокровен и спокоен, как и при тяжелых операциях.

¹ Поразительно! — изменилась душа с изменением пола. Не ясно ли, что душа есть только функция пола, что пол есть номен души, как своего феномена. Точнее, пол — невидимый, бесцветный, неосязаемый — есть сотворяющий душу и тело с его формами. И пошлые медики пропустили этот случай, это «открытие радия», которое они описали равнодушно, как полицейско-судебный случай или как «курьез». Болваны, — при встрече с Сократом они записали бы только: «Весит 4 пуда 10 фунтов». В. Р-в.

² зрительного нерва (лат.).

Как ни малы были мои грудные соски, но я все же чувствовал их женскими грудями,— сорочка, сюртук, блуза стесняли меня и производили теперь неловкость. Таз казался мне совершенно женским. Я чувствовал давление в талии. *Каждый месяц у меня в течение 5 дней были все molimina (сопутствующие регулам недомогания), как у женщины; только кровей не было, хотя было ясное ощущение, будто отходит жидкость, будто половые части опухают. В последующие затем два дня является весьма сильное ощущение: все тело охвачено чувством потребности в оплодотворении, оно пропитано им, как сахар пропитывается водой, или как мокрая губка.* Очевидно, сначала нуждающаяся в любви женщина, а уж затем — мужчина; оттого, мне кажется, скорее имеется стремление к зачатию, чем к совокуплению¹. За последние три года я чувствую себя во время совокупления пассивно, как женщина, иногда даже с женским ощущением эякуляции. Чувствую после этого себя утомленным и оплодотворенным, как женщина,— иногда даже нехорошо, чего не бывает у мужчины. Несколько раз совокупление доставило мне такое наслаждение, что я ни с чем не могу это сравнить. Это — *приятнейшее, наиболее сильное чувство, которому все может быть принесено в жертву. В этот момент женщина есть одна лишь vulva, поглотившая всю личность...*

За последние три года я ни на одну минуту не переставал чувствовать себя женщиной. Теперь я уже привык, и мне не так тяжело. Но это в спокойное время. Когда же является потребность в половом удовлетворении, положение становится невыносимым. Чувствуется жжение, теплота, напряженность в половых частях (при отсутствии эрекции, половые органы как бы выходят из своей роли). В это время крайне трудно работать, невозможно ни сидеть, ни лежать, ни ходить.

Брак наш, за исключением минут совокупления, производит такое впечатление, будто совместно живут две женщины, из которых одна маскируется мужчиной. Когда у меня не являются описанные периодические molimina, то *является чувство беременности или полового пресыщения, которого мужчина не знает.* При эротических сновидениях преобладают явления, какие сняты женщинам. Все это ужасно тяготит, и уж лучше быть или сделаться бессильным. *Будь я холостой, я давно кастрировал бы у себя яички, мошонку и детородный орган*². К чему все это женское ощущение удовольствия, когда зачатие невозможно? К чему

¹ Вот глубокий ответ всем моралистам, которые, судя девушек за детей, всегда кричат, что они родили по «развратному влечению» к совокуплению: тогда как, наоборот, они совокупаются в силу неодолимой потребности к зачатию! Совсем разная оценка факта: из имморального он переходит в глубоко моральный, в исполнение воли Божией и закона природы. В. Р.-в.

² Какое поразительное признание, до конца и глубины объясняющее религиозное оскорпление («галлы» древности, наши «скопцы», «белые голуби»)! И медики, коим *правительственно* предлагалось объяснить скопчество (см. монографию д-ра Пеликана), не воспользовались этим и такими фактами. Впрочем, в медицине, кажется, вовсе нет литературы об «андрогинах», не помню ни одной диссертации. Полное неведение, но совершенно младенческое. В. Р.-в.

все эти побуждения женской любви, когда для удовлетворения опять необходима женщина? Как тягостны эти женские испарения! Как унижает мужчину пристрастие к одежде и украшениям! Да и вообще, как тяжело, когда прежнюю индивидуальность приходится чувствовать лишь как маску, чувствовать себя всегда женщиной! Когда мужчина, пользующийся общественным доверием и авторитетом, должен возиться со своей, хотя бы только воображаемой, вульвой!

Помимо того приходишь в замешательство, когда кто-либо случайно заметит женское проявление чувства. Я помню, как испугался однажды, когда моя жена сказала знакомой даме, что я отлично понимаю в женских туалетах. Помню, как была поражена одна светская дама, когда я указал ей на неправильное воспитание дочери, и при этом письменно и устно изложил ей все, что может чувствовать женщина (впрочем, я сказал, что узнал все это из писем). Теперь, когда дочь оказалась действительно хорошо воспитанной, эта дама питает ко мне еще большее доверие.

Надо еще заметить, что я с тех пор стал чувствительнее к температурным колебаниям, к эластичности кожи у пациентов, к напряженности внутренностей у них, и что во время вскрытий и операций разные жидкости легче проникают у меня через кожу. Каждое вскрытие причиняет мне боли, каждое исследование проститутки или женщины, страдающей болями, тягостно мне. Я вообще нахожусь теперь под сильным влиянием симпатии и антипатии. Духи влияют на меня разное. Так, напр., фиалка и роза причиняют мне беспокойство, другие запахи противны мне, иланг вызывает у меня непреодолимое половое возбуждение. Прикосновение женщины кажется мне гомогенным; coitus возможен потому, что жена моя несколько мужественнее меня, обладает более плотной кожей, и все же это скорее лесбосская любовь.

При этом я чувствую себя всегда пассивно. Если я ночью не могу спать от возбуждения, то мне удастся заснуть лишь, si femora mea distensa habeo, sicut mulier cum vir consumbens ¹ или если я ложусь на бок; но при этом ни рукав, ни постель не должны касаться груди, иначе я не засну; точно так же и живот не должен быть прижат. Лучшее всего я сплю в женской сорочке и в перчатках, ибо у меня легко зябнут руки. Приятно мне также в женских панталонах, так как они не прикасаются к половым органам. Больше всего мне нравилась женская одежда во времена кринолинов.

Наибольшее удовольствие я получил от знакомства с дамой, которая страдала неврастенией и которая после последних родов стала чувствовать себя, как мужчина.

С тех пор, как я объяснил ей значение этого чувства, она старается воздерживаться от coitus'a. Глядя на нее, мне легче переносить свое состояние. Будь она мужчиной, а я молодой девушкой, то именно она была бы избранницей моего сердца. Но теперь она была не то, что раньше; она — элегантно одетый господин, несмотря на груди, прическу

¹ Если бедра мои расставлены, как у женщины, совокупляющейся с мужчиной (лат.).

и т. д. ¹. Она говорит кратко и отчетливо; ей не нравится все, что меня забавляет. Свое горе она переносит с достоинством, *находит утешение в религии и выполнении долга*; она *не любит женского общества и женских бесед*, а также *не любит сладостей*.

Что касается основных изменений, какие я заметил в себе со времени полной effeminationis (превращения в женщину), то они таковы:

1. Постоянное чувство, что я — женщина с головы до ног.
2. Постоянное чувство, что у меня женские половые органы.
3. Периодичность ежемесячных molimina.
4. Правильно возникающая женская похотливость, но без влечения к определенному мужчине.
5. Пассивное женское ощущение при совокуплении.
6. Женское ощущение при воображении совокупления.
7. При виде женщин чувство принадлежности к ним.
8. При виде мужчин женское отношение к ним.
9. При виде детей — тоже.
10. Изменившееся настроение, значительно большее терпение.
11. Удавшаяся мне, наконец, покорность судьбе, чем я *обязан только церковной религии*, — иначе я давно *наложил бы на себя руки*...

У меня *не все сказано*, но я не в силах здесь продолжать свои размышления и углубиться еще более в самого себя... Я надеюсь, что раз я выполняю свои обязанности врача, гражданина, отца и мужа, то я вправе причислить себя к разряду людей, заслуживающих не одного лишь презрения. Наконец, я хотел изложить результат моих воспоминаний и моего размышления, чтобы доказать, что при женском образе мыслей и чувств можно быть врачом. Я считаю крайне несправедливым закрывать женщине путь к медицине. Женщина подчас угадывает чутьем там, где мужчина, несмотря на диагностику, бродит впотьмах, особенно в женских и детских болезнях. Если бы зависело от меня, то каждый врач должен был бы несколько месяцев проделать effematio. И тогда он лучше понимал бы ту половину человечества, от которой он происходит. Он умел бы ценить величие женской души и постигал бы жестокость судьбы ее»...

«Спустя три года, — пишет Крафт-Эбинг, — этот субъект прислал мне новый status graezens своего образа мыслей и чувств. Он существенно соответствует прежнему. Физически и душевно он чувствует себя, совершенно как женщина, но его мыслительная способность осталась нетронутой и предохраняет его от рагапоia. Фактически не произошло существенных перемен в состоянии этого, все еще практикующего врача до 1900 года».

¹ Удивительно! Прямо прилагать в виде картинки к «Истории религий», как иллюстрацию финикийской Venus barbatus. И поразительно, что здесь преобразование наступило после родов. В. Р-в.

Такой же случай превращения из одного пола в другой — так сказать физиологический кусок религиозных культов Сирии — Крафт-Эбинг рассказывает относительно женщины:

«Госпожа Х., дочь важного чиновника. Будучи девочкой, Х. имела решительные наклонности к спорту мальчиков. Пока она носила короткие платья, она бегала по полю, взбиралась на скалы. Ее решительно не интересовали наряды и украшения. Только раз, когда ей сделали платье мужского покроя, она испытала большую радость. Она также была чрезвычайно довольна, когда ей пришлось раз в спектакле изображать мальчика. В остальном, однако, ничто не обнаруживало homosexual'ного предрасположения. До свадьбы (21-го года) она не запомнит случая, когда у нее явилась бы склонность к особе собственного пола. Так же безразличны были для нее и субъекты мужского пола. Когда она стала взрослой, у нее было много поклонников, которые льстили ей, но тем не менее она никогда не задумывалась о различии полов. Различие для нее состояло только в одежде. На единственном балу, который она посетила, ей нравились лишь остроумные беседы и хорошее общество, но не танцы и не танцующие¹. Менструации без боли явились на 18-м году. Госпожа Х. чувствовала, что менструации нечто ей несвойственное, тягостное. Обручение со статным, богатым господином, решительно не знавшим женской природы, было для нее делом совершенно безразличным. К браку она не чувствовала ни симпатии, ни антипатии. Супружеские обязанности сначала причиняли ей страдания, затем стали тягостны. Никогда у нее не являлось при этом чувства сладострастия, но она с течением лет родила 6 детей. Когда супруг, во избежание дальнейшего деторождения, пользовался coitu interrupto, она чувствовала себя оскорбленной в своем моральном и религиозном чувстве.

Х. становилась все неврастеничнее, грустнее, чувствовала себя несчастной. Гинекологическое лечение и различные ванны не доставили ей никакого улучшения. На 36-м году у нее однажды явился апоплексический удар, и она пролежала два года, испытывая тяжелые неврастенические страдания (бессонница, давление в голове, сердцебиение, психическая подавленность, чувство нарушения физического и умственного равновесия до чувства угрожающего умопомешательства и т. д.). В течение этой болезни произошло удивительное превращение в ее душевном и физическом чувствовании. Разговоры навещающих ее дам о любви, туалетах, модах, хозяйстве, слугах — были ей противны. Ее даже угнетало то, что она сама — женщина. Она не могла решиться взглянуть на себя в зеркало. Прическа и туалет ужасали ее. К удивлению окружающих, ее нежные и красивые женские черты лица получили мужское выражение, так что она скорее производила впечатление мужчины в женской одежде. Она жаловалась своему домашнему врачу, что менструации стали ей

¹ Прямо наши 60-е годы! Вся тогдашняя «буря» вышла из стакана homosexual'ности. См. выше о Чернышевском. В. Р-в.

чужды, вызывают у нее тяжелое настроение, что запах менструальной крови стал ей отвратителен, но она не может прибегнуть к духам, потому что и они противны ей.

Она почувствовала теперь удивительное превращение во всем своем существе. Она заметила приток физической силы, и, проделав гимнастические упражнения, ей казалось, что она помолодела. Она поражается тому, как изменилась ее мыслительная способность; у нее явился совершенно новый способ выражаться, сообразжать быстро и метко, самый выбор слов совершенно не женский. У нее, столь набожной и строго нравственной женщины, явилась даже склонность ругаться.

Она упрекала себя в том, что ведет себя, думает, чувствует совсем не как женщина.

Затем она почувствовала превращение в теле. К своему изумлению, она почувствовала, что груди исчезают у нее, что таз ее сузился, что кости становятся массивнее, кожа грубее и плотнее. Она не могла уже носить ни браслетов, ни колец, ни серег, ни веера. Камеристка и швея заметили, что от г-жи Х. чувствуется как бы другой запах, что голос ее стал ниже, грубее, мужественнее.

Когда пациентка встала, наконец, с постели, оказалось, что она совершенно утратила женскую походку; она буквально должна была принуждать себя к известным жестам и движениям в своем женском костюме; она больше не в силах была переносить шлейф. Прежняя жизнь в качестве женщины казалась ей теперь чуждой, несвойственной ей, и она не могла больше играть роль женщины. Черты лица становились все мужественнее. В животе явились совершенно чуждые ощущения. Она жаловалась врачу, что не чувствует больше внутренних половых органов. Область срамных частей, казалось ей, увеличилась, она часто ясно чувствовала, что у нее имеется penis и scortum. Так же ясно обнаружилась мужская похоть.

Все это сильно угнетало ее, и ее грусть доходила до того, что она боялась помешаться. Врачу удалось успокоить ее, и пациентка постепенно снова достигла равновесия в своем новом, чуждом состоянии. Она старалась исполнять свои обязанности матери и хозяйки. Интересна была поистине мужская сила воли, которую она при этом обнаружила; прежняя слабохарактерность совершенно исчезла.

Для своего мужа Х. была неразрешимой загадкой.

Врачу она жаловалась, что время от времени у нее является животная, мужская похоть, и это повергает ее в уныние. Половое сношение с мужем казалось ей ужасным и невозможным ¹.

¹ Типичное представление о нормальном половом акте г. Фози и в аскетической литературе. В. Р-в.

Порой пациентка испытывала еще женское возбуждение, но это стало все реже¹. Она тогда снова чувствовала женские половые органы, прежние груди. Но такие моменты были ей противны, и ей казалось, что это второе превращение сведет ее с ума.

Она покорилась судьбе, в чем много помогла ей глубокая религиозность.

Самое неприятное во всем этом для нее то, что ей, подобно актеру, приходится играть чужую роль перед людьми, именно роль женщины» (Крафт-Эбинг, стр. 312—330).

Самоотрицание пола

Выражение врача и акушера: «Я кастрировал бы у себя органы воспроизведения, более не нужные»,— объясняет с такой полнотой первоначальные и оригинальные явления самооскопления, что ничего другого, кроме рассказа этого врача, не нужно прибавлять, не нужно ничего искать. Очевидно эти и близкие к этому явления в текущем поле и вызвали все древние и новые случаи оскопления. С тем вместе нельзя не почувствовать, что такой носитель живого чуда в себе, который чувствует в себе то, чего не видит и не осязает, а что видит и осязает — того не чувствует, должен быть глубочайше потрясен, взволнован, испуган вечным испугом. И, как каждый человек в подобном положении, он не может не обратиться к Тому, Кто вековечно служил человечеству и опорой, и утешением; не может не обратиться в этом по преимуществу метафизическом состоянии к Первоисточнику всех метафизик, всего непостижимого.

Подобные-то обращения к Богу людей, так или иначе аномальных в поле, в большей или в меньшей степени аномальных, не могущих вести нормальную семейную жизнь, не могущих нормально супружествовать,— и образовали весь аскетизм, как древний, так и новый, как языческий, так и христианский. Только в то время как в других религиях он занимал уголок, образовывал цветочек,— христианство собственно состоит все из него одного, с прибавками терпимыми, снисходимыми, полузаконными, и, в сущности, по строгой внутренней его мысли,— беззаконными.

Есть явления оригинальные и подражательные, вторые могут происходить по примеру, по учению. Но первые всегда происходят по природе. «Не могу иначе!» — вот крик природы, лежащий в основе и безмолвного жития, и учения, и пропаганды.

Мы приведем одно такое «житие» из Киевского Патерика. В нем сказывается это неодолимое «не могу», которое составителями «житий» было принято за «не хочу». Таким образом факт природы, неизвестный составителям житий, был принят за особенно глубокое, за особо чистое исповедание религии девства, или, точнее,— за исповедание религии,

¹ Поразительно! Колебания пола в одном индивидууме! Точно переливы света в гейзеровых трубках. В. Р-в.

приостекшей от Вечного Неразрушимого и Ненарушимого Девства («присно-девства»).

Вот это «житие» текстуально:

«О преподобном Моисее Угрине»

Вот что узнано было об этом блаженном Моисее. Он был родом Угрин, любимец святого Бориса и брат того Георгия, на которого этот князь надел золотую гривну и которого убили с ним на Альте и отрубили голову из-за золотой гривны. Этот же Моисей один избавился тогда от горькой смерти и пришел к Предиславе, сестре Ярославовой. И как в то время нельзя было никуда выйти, он, крепкий душой, остался здесь и пребывал в молитве к Богу. Потом благочестивый князь наш Ярослав, побуждаемый горячей любовью к братьям-мученикам, пришел на безбожного и гордого и окаянного Святополка и победил его. Но этот бежал к Ляхам (полякам), пришел опять с Болеславом и изгнал Ярослава, а сам сел в Киеве. Болеслав же, возвращаясь в Ляшескую землю, захватил с собой обеих сестер Ярославовых и многих бояр его.

Между ними был и этот блаженный Моисей. И вели его закованного по рукам и по ногам в тяжкие железа и крепко стерегли его, потому что был он крепок телом и прекрасен лицом. И увидела его, прекрасного и юного, одна молодая женщина. Была же она из великих земли той, имела большое богатство и власть. И залегла ей в душу красота его, и уязвилось сердце ее страстным желанием, чтобы склонить к тому же и Преподобного, она стала увещевать его лъстивыми словами, говоря:

— Зачем ты напрасно переносишь такие муки, когда имеешь разум, который мог бы избавить тебя от этих мук и страданий?

Моисей же сказал:

— Так Богу угодно.

Она же сказала ему:

— Если покоришься мне, я избавлю тебя и сделаю великим во всей земле Ляшской. И будешь ты владеть мной самой и всюю областью моею.

Понял блаженный желание ее нечистое ¹ и сказал ей:

— Но кто же, взявши жену и покорившись ей, сохранил ² закон? Покорился жене Адам первозданный и из рая изгнан ³ был. Самсон всех

¹ «Почему «нечистое»? Совершенно чистое,— как у Евы при взгляде на Адама. Все взято из «Киевского Патерика», собрания житий «святых» Киевских Пещер. Все с XIII—XV века давалось в поучение, в «просвещение», русскому народу младенцу, который жевал ту пищу, какую ему вкладывали в рот. Между тем пища эта вся отравлена ядом скопчества и бунтом против заповеди Господней: «Оплодотворяйтесь! размножайтесь!» По духу этого отрицания, «святыне» Пещер были хоть и наивные (и невинные), однако богоборцы. А «Патерик» был и *остается* книгой богоборческою. И он писан уринингом-безбрачником, и в нем писано об уринингах же, каковым несомненно был этот Моисей. В. Р-в.

² Да Исаак, сын Авраама, был не только женат, но и «покорен жене», и — *сохранил* закон. *Женатый* Авраам был один из человечества избран Богом *в завете с Собою*, чего еще не случилось ни с *одним* монахом. Но смотрите, как самоуверенно пишет монах-урининг: *выражает натуру свою*, и хотя в каждом слове отрицает и порицает *все* Св. Писание, но ему кажется, что он пишет что-то «божественное». В. Р-в.

³ Да он «изгнан» был ни в каком случае не за жену, *которую дал ему Бог*, а за преслушание заповедания Божия о невкушании плода от древа *познания* добра и зла. Если Ева, *жена*, дала ему этот плод и под пером монахов это обращено в аргумент против

превозмогал силой, войска противников одолевал, а после женой предан был иноплеменникам. И Соломон постиг глубину премудрости, а повинаясь женам — идолам поклонился. И Ирод многие победы одержал, а поработался жене — и умертвил Иоанна Предтечу¹. Так как же мне, свободному, самому сделать себя рабом жены? Я не познал ее от рождения².

Она же сказала:

— Я тебя выкуплю, сделаю знатным, господином над всем домом моим поставлю, и будешь ты мужем моим. Только исполни мою волю, удовлетвори страстному желанию души моей, дай мне насладиться твоей красотой³. Для меня довольно твоего согласия. Не могу я сносить, что гибнет даром твоя красота⁴. Пусть же утихнет сердечный пламень, сжигающий меня, и перестанут мучить меня помыслы⁵, и успокоится страсть моя. И ты насладишься моей красотой,

женитьбы, то ведь доказали ли они, что Змий не соблазнил бы одного Адама, и без его женатости? Если перед Евою не устоял Адам, то почему он устоял бы перед Змием? Змий похитрее Евы, — а Адама он все равно стал бы искушать, потому что ему надо было склонить и не Адама, и не Еву, а — человека. Продолжи монахи глупую мысль свою, и они дошли бы до необходимости доказывать «греховность земледелия»: ибо первый убийца на земле, Каин, — был земледельец, и Бог даже определенно отверг жертву его, как и принесенную от плодов земледелия. В. Р-в.

¹ Какая ненависть к женам! И не взято ни одного примера обратного, ни Агарь, ни Ревекка, ни Рахиль. Все — забыто, все — закрыто ладонью от читателя, которым был целый народ! И еще Церковь, пропитавшая народ этим женоненавидением, постоянно учила, подводя глазки к небу, что она-то и есть «мать брака» (свещ. Филевский в письмах ко мне), что «только христианство вывело женщину из унизительного положения, в каком она находилась у язычников и находится у мусульман» (С. А. Рачинский), что оно «подняло положение женщины». Монахини и игуменьи — да: но на жену и мать она только подняла мужнины кулаки. То-то церковь ни разу против этих кулаков не подняла протеста: не было примера. «Свое добро хорошо пахнет», — даже когда это и есть каиново «добро». В. Р-в.

² Аналогия приведенных у Крафт-Эбинга примерам урнингов: которые вообще с молодости не совокупляются, «до брака — девственны» и, вступив в брак (случайно и нелепо), делятся на совокупление, как на встреченного в лесу медведя. В. Р-в.

³ Совершенно нормальное желание, естественное, святое, как Евы. В. Р-в.

⁴ Как основательно! Прямо — закон Божий: «Ты молод и прекрасен, и я не стара еще и не безобразна — давай размножимся по слову Божию, зачнем прекрасных детей». Просто, как и все было открыто и просто в первобытные те времена. На что же злится монах? Ненавидя человека, замечаете ли, как ненавидит он Бога? В. Р-в.

⁵ «Помыслами», как известно, страдают все монахи («Покаянный канон» Андрея Критского, «Требник»). Благочестивая жена, пожелавшая себе мужем Моисея Угрина, и передает ему о «помыслах», этом начале греховных извращений пола; и если бы он сколько-нибудь имел в сердце своем любовь к человечеству, сожаления о братьях своих, если бы он имел заботу о спасении души ее, то он принудил бы даже себя стать ее мужем в предупреждение развращения ее (мысленного). В Ветхом Завете неоднократно передано, как отцы взрослых дочерей, видя чрезмерное половое возбуждение мужчин города или села, говорили им: «Вот подождите, у меня есть дочь (чаще — дочери), еще не познавшая мужа, и я вам вышлю ее». В громадной стране со сложным населением, с подвижными заработками («отхожие промыслы») церковь, государство и общество должны бы любовно и согласно, без всякой «вопне шле», рассмотреть вопрос: как удовлетворить половую нужду этого вынужденно бродячего населения? И поставив этот вопрос, конечно, чиновники и мудрецы должны бы передать его в «комиссию из женщин» или хотя бы всему женскому скопищу. Женщины, которым врожден инстинкт материнства (верхней заботы, заботы сверху вниз) не в отношении одних собственных детей, а вообще, — без сомнения, не отвергли бы абсолютную необходимость как-нибудь ответить на эту «жажду». Теперь это разрешилось в проституцию, в ужасный промысел, который обрек толпы ничуть не плохих девушек на невероятное унижение, позор, несчастье и болезни, связанные исключительно с удовлетворением этой бродячей нужды. Но чем эти девушки хуже других, что на них одних это пало? Несомненно, это должно быть совершенно переработано — и именно в смысле более правильного и равномерного распределения полового налога. С полным падением всех суеверий против деторождения и совокупления, брезжится,

и будешь господином всему имению моему, наследником моей власти, старшим между боярами.

Блаженный же Моисей сказал ей:

— Будь же уверена, что я не исполню твоей воли. Я не хочу ни власти твоей, ни богатства; для меня лучше всего этого чистота душевная, а также и телесная¹. Не погублю я труда пяти лет, которые Господь сподобил меня терпеть в этих оковах. Я не заслужил таких мук и потому надеюсь избавиться за них от мук вечных.

Когда Ляхиня увидела, что лишена такой красоты, то, по дьявольскому внушению, пришла к такой мысли:

— Если я выкуплю его, он поневоле покорится мне.

И послала она к тому, кто держал Моисея, чтобы тот взял у ней денег, сколько хочет, только передал бы ей юношу. Он же, видя удобное время для приобретения богатства, взял у ней около тысячи и отдал ей Моисея. И насильно без всякого стыда повлекла блаженного на дело небогоугодное. Теперь эта женщина получила власть над ним, и вот она велит ему сочетаться с собой. Она освобождает его от оков, одевает в многоценные одежды, сладкими кушаньями кормит, объятиями и всякими любовными обольщениями понуждает на свою похоть. Преподобный же, видя ее неистовство, стал еще прилежнее молиться, еще крепче держать пост. Он желал лучше, Бога ради, есть сухой хлеб и пить воду с чистой, нежели многоценное кушанье и вино с скверною². И не только одну сорочку, как Иосиф, он всю одежду сбросил с себя, избегая греха, и ни во что вменил жизнь здешнего мира. И в такую ярость пришла Ляхиня, что хотела голодом уморить его. Но Бог не оставляет рабов своих, надеющихся на Него. Он преклонил на милость одного из слуг ее, и тот тайно подавал Моисею пищу. Другие же увещевали Преподобного, говоря:

— Брат Моисей! Что мешает тебе жениться? Ты еще молод, и она вдова, жившая с мужем только один год. И красотой она лучше других женщин, и богатство имеет бесчисленное, и власть великую в Ляшской земле. Если бы она захотела выйти за какого-нибудь князя, и тот бы

что это разрешилось бы в свободную (своеохотную) преданность этому всех незамужних и зрелых женщин. Вообще, бытие у некоторых и даже у многих женщин протитуционного инстинкта, на разных степенях его напряжения и полная неспособность всех таких женщин к верному и целомудренному сожитию с одним, не может быть лишена всякого смысла в природе, не может не играть какой-то тайной для нас роли в Космосе, в цивилизации, в истории. «Кому-то и они нужны», «где-то и у них есть место». «Место» это и падает именно на *двигаемость* и *смешиваемость* человечества; то, что оно не сидит, как два попугайчика в клетке, на одном месте, *не может* этого и *не должно* этого. А между тем каждые пять дней уже «нужна женщина мужчине». Для этих *homines errantes in rebus gaestis* [мужчины с бродячей нуждой — лат.] и сделан *мировой запас* в *feminae errantes in sexu* [женщины с протитуционным инстинктом — лат.] В. Р-в.

¹ Видите оклеветание брака у монаха? «Брак есть нарушение чистоты душевной и телесной», «брак оскверняет душу и тело», «брак есть скверна». И все это, в бесчисленных «Житиях», они подсказывают, шепчут народу, в то же время крича наружу: «Брак честен и ложе не скверно» (текст из ап. Павла), «мы благословляем брак», «венчаем», — приходите только и заплатите деньги, «брак — церковное таинство». И нашли же глупое государство, которое этому поверило. В. Р-в.

² Опять «скверная»... «Жена» — скверная, «женщина» — скверна, ласка ее или от нее — «скверна». Этим пропитано все «святоотеческое»; «святость» церковная и определяется этой «разделительной от женщин» чертой. Мы уже указали выше, в каком *вкусовом ощущении* лежит всего этого источник. «По плоду узнаете дерево»... Но и обратно: «взглянув на дерево, уже узнаем, какой оно принесет плод...». В. Р-в.

не погнушался ею. А ты, пленник, не хочешь исполнить ее волю. Если же скажешь: «Не могу преступить заповеди Христовой», то не говорит ли Он в Евангелии: «Оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей, и будут два одной плотью; так что они уже не двое, а одна плоть» (Матф. XIX, 5, 6). А Апостол говорит: «Лучше вступить в брак, нежели разжигаться» (1 Коринф. VII, 9). Вдовам же велит вступать во второй брак. Зачем же ты предаешь себя на злые и горькие муки, из-за чего страдаешь, когда ты не инок и свободен? Если придется тебе умереть в этой беде, какая тебе похвала будет? Да и кто же от первых людей и донныне гнушался жен... Как Авраам, Исаак, Иаков?.. Никто, кроме нынешних чернецов. Иосиф сначала победил, а потом и он женился. И ты, если теперь жив останешься, то сам взыщешь жены. И кто не посмеется твоему безумию? Лучше уж тебе покориться этой вдове, и будешь ты свободен и господин над всем.

Он же говорил им:

— Эй, братья и добрые друзья мои! Добро вы мне советуете! Понимаю я, что это лучше того, что нашептывал змей в раю Еве¹. Вы убеждаете меня покориться этой женщине, но я никак не приму вашего совета. Если и придется мне умереть в этих оковах и страшных муках,

¹ Какие сведущие монахи: даже знают и то, что Змий *нашептывал* в раю. Там вслух, в словах, записанных в Библии, даже слова нет о *плотском соединении Адама с Евой* для чего Ева и дана была Адаму; но в монастырях твердо распространено убеждение, что Змий «нашептывал» Еве плотики повлечь Адама к соединению с собой, а самое «яблоко» толкуется иносказательно, как «женская прелесть», «чувственность». Помогает этому то, что в *раю, до грехопадения* совокупления еще не было; но если бы Церковь заботилась о чистоте понимания Св. Писания, она взяла бы из Талмуда то простое объяснение этого, что райская жизнь первой четы продолжалась только *один день*. Прежде всего, Адам был уже не «дебелый мужчина», каковым нелепо рисуют его на иконах, а отрок на переходе в юность. Сон его и сотворение Евы совершилось в ответ на первое его чувственное пожелание: не мог же допустить ему Бог «разжигаться» в раю, что есть грех даже и в падшем состоянии (слова ап. Павла). Подготовленный чувственностью к ней, Адам произносит известное любящее восклицание при первом взгляде на деву-жену. Он уже знает, что она — *его*, что она — *жена*, и произносит величайшую формулу брака, какая когда-либо была дана. Брак совершился бы и исполнение его в раю же последовало бы с первыми сумерками, как у всей твари, у всех людей, — если бы, вероятно в предвечерний час, не произошло соблазнение Евы Змисем. Судя по словам Божиим, что «семя женщины живородящей станет стирать главу Змия» (слова эти перевраны и в русском и в славянском переводах Библии), — если и позволительно вложить какой-нибудь иносказательный смысл в слова Змия, *абсолютно от нас сокрытый*, то можно только думать, что, *вопреки воле Божией, давшей Еву в совокупление Адаму*, Змий задумал поманить ее новым путем, вот этим путем урнингства, ненарушимого деинства, монашества, как бы путем Моисея Угрины и подобных. Так как рассказ Библии об Адаме и Еве в то же время есть образ всякого возрастания юношей и дев и их сочетания, — то мы можем отметить, что и отроки *перед самым пробуждением чувственности* (Адам до Евы), и девы в этот же предбрачный возраст, все испытывают узенский, короткий по времени, поясок гомосексуальности: это наши «влюбления институток в полдруз своих», и подобные же чувства в мальчиках лет 15—16. Все, что в *отношении к полу* мог нашептывать Змий, то вот такое дево-мужнее: «Не плодитесь, но множитесь — но живите, как *ангелы на небесах*, любя друг друга *девственною любовью*». Нельзя, в параллель, не отметить, что гости Лота и были почувствованы содомлянами как «ангелы», и вообще муже-девы утверждают и настаивают (Платон в «Федре»), что их чувства по *высоте духовности* и чрезвычайному даваемому *счастью* подобны «ангельским», дают им «ангельское состояние и блаженство». Все это надо отметить. Но так или этак, — Адам и Ева были к ночи уже изгнаны из рая, и совокупление их произошло вне его. Все, что можно думать об этом, это — что, исполнив заповедь Божию о размножении в раю же, т. е. *поспешно*, — они, по всему вероятно, *избежали* бы и изгнания из рая. Но они замедлили и были изгнаны: и только здесь, уже претерпя за отлагание выполнения Божьей воли, поспешили начать «стирать главу Змия». В подлинной Библии сказано: «И сказал Бог Змию: *вражду* положу между тобой и женщиной, и между потомством твоим и дитятею ея... И семя женщины сотрет главу тебе». В. Р-в.

я совершенно уверен, что приму за это милость от Бога. Пусть все праведники спаслись с женами, я один грешен и не могу с женою *спастись*¹. Да если бы Иосиф покорился жене Пентефрия, то не царствовал бы он после; а видел Бог терпение его и дал ему царство², и в роды прошла слава о нем, как целомудренном, хотя он и детей прижил. Я же не царства хочу и не власти; не хочу быть великим между Ляхами, почитаемым по всей Русской земле; для *Вышнего Царства я пренебрег всем этим*³. Если я живой избавлюсь от руки этой женщины, то *пойду в монастырь*⁴. А что Христос говорит в Евангелии? «Кто оставит отца своего и мать, и жену, и детей, и дом⁵, — тот есть Мой

¹ Вот голоса урнинга..., вот *все исповедание, целное исповедание* муже-девства: «не могу с женщиной быть», «грех», «скверна для меня», «и не ссылайтесь на святых, на примеры, на тексты: все равно, не могу! не хочу! *Моей природе* это противно, враждебно, гадко!» В. Р-в.

² Все ведь это *сочинение, фантазия*: но так уверен урнинг, когда и врет («природа кричит!»)! См. выше аналогичное вранье, — и тоже какое упоенное! — Вл. Соловьева, Л. Толстого и Фози о «девстве». В. Р-в.

³ Прямо — знаменитые слова о скопчестве. Так вот в каком *месте* их корень... В. Р-в.
⁴ Вот, вот! Так вот *где корень всех монастырей и всего монашества*... Наивно и чистосердечно рассказанная история Моисея Угрина, с его столь ясно выраженной физиологической природой, *поднимает завесу над всем делом*, «Историю» эту надо бы выгравировать на меди и прибить к воротам всех монастырей. В. Р-в.

⁵ Да, все отношение Иисуса к браку уже было *двойственно* — и сперва ап. Павел, а затем и Церковь только продолжали эту двойственность. На переднем фазе — Брак в Кане Галилейской... «первое чудо»... «с людьми»... «на браке их». Затем, у Матф. 19, как будто подтверждение всего Ветхого Завета: «Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их» и пр., — хотя эти последние слова и заключаются каким-то ненужным скопчеством, этой *малостью фактической*, о которой бы и упоминать не стоило, высказывая такой универсальный закон. *Но упомянуто*. Случайно? В каких целях? Неразгаданно. И затем говорится, как *особенное Христово, как новое Христово*, «христианское», вот это противоположение «Христово ученичества» — отцу, матери, жене, детям... Так сильно сказано. «*Не может быть* Моим учеником, кто не *отрекся*»... Как бы: «По сему (отрезанию) будут узнавать, *Мои* ли вы» (ученики, последователи). И, наконец, совсем непостижимо это пламенное: «Огонь пришел. Я низвесть на землю: и как жалел бы, чтобы он уже возгорелся! Крещением должен Я креститься: и как Я томлюсь, пока сие совершится! Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но — разделение. *Отныне* пятеро в одном доме станут разделять, трое против двух и двое против трех. Отец будет против сына и сын против отца; мать против дочери и дочь против матери; свекровь против невестки своей и невестка против свекрови своей» (Луки, XII). Все это слишком подробно, раздельтельно и так настойчиво, притом *лично* настойчиво, *новозаветно* («новый и другой завет»), что и у ап. Павла и у Церкви не могло остаться сомнения, что тут нужно между чем-то *выбирать*: между верностью Ветхому Завету или вот этому Новому Завету, между «Плодитесь!» Множитесь!» и «Если вы станете плодиться и множиться — *не можете быть* Моими учениками...» *Евангелие тем именно ни на какую книгу не подходит, что оно, будучи* человеком, в то же время *не есть ни мужское, ни женское* (характер «мужского» и «женского» мы можем открыть в каждой строке, всяком жесте, в каждом тоне человеческого слова и движения). Уже *слова* Евангелия суть все до единого «как Ангелы на небеси»... «Любовь» же евангельская, это особая бесполовая любовь, небесно-спокойная, всем помогающая, («и добрым и злым»), и от всех вместе с тем далекая, ни с кем *определенно* не сливающаяся (брак), и есть внеполое и обоюдное чувство, духовно-физическое, но страшно тонко-физическое. «Живут, как Ангелы»... Все, «как у Ангелов». В соответствии этому Иисус и мог только (Матф. 19) сослаться формально на заповедь Ветхого Завета: «плодитесь» и проч., но именно с этим («и прочее», равнодушно; когда же дело дошло не до ответа приставившим на улице (Матф. 19), а до *личного* Его отношения, то Он и воскликнул: «*Ни — жены, ни — детей, ни — невесток и свекровей. Мой огонь — другой! О, если бы он возжегся!*»). Такова была *Его* небесная природа... И взгляните на *изображения* его, все решительно, без исключения... В слегка склоненном лице, обрамленном длинными прямыми волос, во взоре задумчивом, кротком и *нежном*, — *особенно нежном*, — мы не увидим сходства ни с одним известным нам, фактически или исторически, лицом. *Такого* нет — *мужа, ни — героя*... «*Не то, не то!*» «*Не тот! Не тот!*» Но будем вглядываться дольше, будем вдумываться года. Нежное, прекрасное лицо, прекраснейшее на земле... Ничего мужского, мужественного; *ничего Геркулесовского* (берем тип, идеал, образ, *предел, грань*).

ученик» (Лук. XIX, 26). Кого же мне больше слушаться — Христа или вас? Апостол же говорит: «Женатый заботится о мирском, как угодить жене, а неженатый заботится о Госпождем, как угодить Господу» (1 Кор. VII, 32, 33). Спрошу я вас: кому больше следует служить — Христу или жене? «Рабы должны повиноваться господам своим на благое, а не на злое» (Еф. VI, 5). Пусть же будет известно вам, держащим меня, что *никогда не прельстит меня красота этой женщины*, никогда не отлучит от любви Христовой.

Услышала это вдова та, и вот, с помыслом лукавым в сердце, сажает она Преподобного на коня, велит возить его со множеством слуг по городам и селам, принадлежащим ей, и говорит ему:

— Тут все, что тебе угодно, — твое; делай со всем этим, что хочешь.

Людям же говорила:

— Вот господин ваш, а мой муж. Чтобы все, встречая его, кланялись ему.

А в услужении у ней было множество рабов и рабынь.

Посмеялся Блаженный безумию этой женщины и сказал ей:

— Напрасно трудишься: не можешь ты прельстить меня тленными вещами этого мира, ни украсть у меня духовного богатства. Пойми это и не трудись напрасно.

Она же сказала:

— Или ты не знаешь, что ты мне продан? Кто избавит тебя от рук моих? Я никак не отпущу тебя живого; после многих мук смерти тебя предам.

Он же без страха отвечал ей:

— Не боюсь я того, что ты говоришь. Но на предавшем меня тебе — больше греха. *С этих пор я буду иноком* — Богу так угодно.

В те дни пришел со Святой Горы один инок, саном иерей. По наставлению Божию, пришел он к Блаженному и облек его в иноческий образ. Много поучал он его *о чистоте* — о том, как бы *избавиться от этой скверной женщины*, чтобы не предать себя во власть врага; и когда он ушел, стали искать его и нигде не нашли. Тогда Ляхиня, потеряв всякую надежду, пришла в отчаяние и подвергла Моисея тяжким истязаниям: велела растянуть его и бить палками, так что и земля напиталась кровью. Бьющие же говорили ему:

— Покорись госпоже своей и исполни волю ее. Если ты не послушаешься, мы на куски раздробим твое тело. Не думай, что избежишь этих

Станем еще смотреть, думать, сравнивать... Погрузимся в это годы... Станем изучать всевозможные *Его* изображения, всех эпох... *Во всех эпохах «геркулесовского»* — ничего. Но нет ли, не попадется ли обратное? Да, вековой *наклон живописи* все показывает нам одно и одно: *девство*, нежность, женственность, просвечивающую сквозь *мужские* признаки, почти только сквозь *налет* их, слабый, нетвердый. Но откуда же живописцы взяли свой *наклон*? Да *из слова!* Они *линиями* разъяснили то, что казалось *невероятным и неправдоподобным* в рассказе...; они *утвердили рассказ* и вместе *догмат*. «Отца вовсе нет, и в сына могли перейти единственно черты *матери-девы*» (разъяснение мне, на мой вопрос «почему», М. П. Соловьева, великого знатока церковной живописи, о «*девообразности*» всех изображений Спасителя). «*Две природы*» в Нем... и «*плотота* в Нем человечности», закругленная, завершенная, чего и *не может быть только в одном мужском или только в одном женском*. Таким образом и тайная поэзия евангельского слова, слога, и твердый церковный догмат повелели *так* рисовать, соделали «*сладким*» такое рисованье... С. А. Рачинский мне указывал в своей Татевской церкви совершенно *безбородый Лик* Спасителя, особенно им любимый, так как он несет в себе память *самой древней* традиции (живописной). Но когда все так *нарисовалось*, тогда все и *разъяснилось*... Мы поклоняемся Деве в Муже. В. Р-в.

мучений; нет, во многих и горьких муках предашь душу свою. Помилуй сам себя! Сбрось эти ветошки и надень многоценные одежды, избавь себя от ожидающих тебя мук, пока мы еще не коснулись твоего тела.

И отвечал Моисей:

— Братья! Не медлите, делайте, что вам велено. А мне никак нельзя отречься от иноческой жизни и от любви Божией. Никакое томление, ни огонь, ни меч, ни раны не могут отлучить от Бога и от великого ангельского образа. А эта бесстыдная и померанная женщина явно показала свое бесстыдство; не только Бога не побоялась, но и человеческий срам презрела, без стыда принуждая меня к осквернению и прелюбодеянию¹. Не покорюсь я ей, не исполню волю окаянной!

Сильно печалилась вдова о том, как бы отомстить за свой срам. И вот посылает она сказать князю Болеславу:

— Ты сам знаешь, что муж мой убит в походе с тобой, и ты дал мне волю выходить, за кого хочу. И полюбился мне один красивый юноша из твоих пленных. Я, заплативши за него много золота, выкупила его, взяла к себе в дом; и все, что было у меня,— золото, серебро и всю власть свою — отдала ему. Он же все это ни во что вменил. Много и ранами и голодом томила я его, но ему и того мало. Пять лет пробыл он в оковах у пленившего его, от которого я его выкупила; и вот, шестой год остается у меня, и много мук принял от меня за свое непослушание, сам на себя навлек это жестокосердием своим. А теперь какой-то чернец постриг его. Что же велишь мне делать с ним?

Князь велел ей приехать к себе и привезти с собою Моисея. Она пришла к нему и Моисея привела. Увидав Преподобного, Болеслав много принуждал его взять за себя эту вдову, но не уговорил, и тогда сказал ему:

— Можно ли быть таким нечувствительным, как ты! Стольких ты благ и такой чести лишаешь себя и отдаешься на горькие муки! Отныне будь тебе ведомо: перед тобой на выбор — жить или умереть; или волю госпожи своей исполнить от нас в чести быть и великую власть иметь, или, послушавшись, после многих мук смерть принять.

Ей же сказал:

— Пусть никто из купленных тобою пленных не будет свободен. Делай с ними, что хочешь, как госпожа с рабами. И чтобы никто не осмеливался ослушаться господ своих.

И сказал Моисей:

— А что говорит Бог: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит; или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Марк. VIII, 36). Что ты мне обещаешь славу и честь? Сам ты скоро лишишься ее, и гроб примет тебя, ничего не имеющего. Эта же скверная женщина в злых муках убита будет.

Так и было, как предсказал Преподобный.

Теперь вдова эта взяла над ним еще большую власть и бесстыдно влекла его на грех. Однажды она велела насильно положить его с собой

¹ См. выше у г. Фозии... «Ляхивя» склоняла его не к сожитию с собой, а к форменному, законному, к церковному браку. Но он отвечал, как г. Фози и всякий урнинг: «Все равно — это есть скверна и прелюбодеяние». Из этих «обмолвок» на расстоянии тысячи лет, у простеца и ученого, как мы распознаем один корень дела, один вкус, одну физиологию! В. Р-в.

на постель, целовала и обнимала его; но и этой прелестью не могла привлечь на свое желание ¹. Блаженный говорил ей:

— Напрасен труд твой. Не думай, что я безумный или не могу ² этого сделать: *я из страха Божия гнушаюсь тебя как нечистой* ³.

Услышав это, Ляхиня велела давать ему по сто ударов каждый день, а потом обрезать тайные члены, говоря:

— Не пощажу его красоты, чтобы не насытились ею другие.

И лежал Моисей, как мертвый, истекая кровью, едва дыша.

Болеслав же, устыдясь величества этой женщины, и по прежней любви к ней, потакал ей: он поднял великое гонение на черноризцев и всех их изгнал из своей области. Но Бог скоро отомстил за рабов своих. В одну ночь Болеслав внезапно умер, и сделался великий мятеж по всей земле Ляшской: поднялся народ и побил своих епископов и бояр, как и в Летописце рассказано. Тогда убили и эту вдову. Преподобный же Моисей, оправившись от ран, *пришел к пресвятой Богородице, в святой Печерский монастырь*, нося на себе мученические раны и венец исповедания, как победитель и храбрый воин Христов. И дал ему Господь силу против страстей. Некто из братьев, *одержимый нечистой страстью*, пришел к этому Преподобному и молил его помочь ему, говоря:

— Даю обет сохранить до смерти все, что ты велишь мне.

Блаженный же сказал ему:

— *Никогда в жизни ни с одной женщиной слова не говори.*

Брат обещался исполнить совет Преподобного с любовью. У Святого же в руке была палка, без которой он не мог ходить от тех ран. Этой палкой он ударил в грудь пришедшего к нему брата, и тотчас омертвели члены его, и с тех пор не было ему искушения.

Это вписано в *Житии святого отца нашего Антония*, так как в его время пришел блаженный Моисей. И скончался он о Господе в добром исповедании, пробывши в монастыре десять лет. В плену же страдал он пять лет в оковах, шестой — *за чистоту* ⁴. Я упоминал об изгнании чернецов из Ляшской земли, за пострижение Преподобного, отдавшегося Богу, Которого возлюбил. Это вписано в *Житии святого отца нашего Феодосия*. Когда святой отец Антоний был изгнан князем Изяславом за Варлаама и Ефрема, жена князя, бывшая Ляхиня, удерживала его, говоря:

— И не думай делать этого. То же было некогда в нашей земле: изгнаны были черноризцы из пределов земли нашей, и великое зло сделалось тогда в ней!

¹ История, только *другими словами* рассказанная, попыток совокупить таких юношей с девами. «Ничего не выходило», — рассказывает Крафт-Эбинг. В. Р-в.

² Нужно заметить, что «могу» здесь всегда неотделимо от «хочу», притом *сладко* «хочу». Моисею только казалось, что он «может»: но как это *длилось год* и он не «захотел», ни разу кровь его не заиграла при взгляде на молодость, на красоту, наконец в ответ на *осязательные ласки*, то совершенно очевидно, что кровь его была без *игры* в этом отношении, т. е. находилась в том *вечном покое*, какой присущ индивидуумам с «±0» полового притяжения. См. выше о *женатых и не совокупающихся* урнингах. В. Р-в.

³ Совсем г. Фози. В. Р-в.

⁴ Знаменитый термин Кондратия Селиванова — «чистота». Он этим термином называл «отсечение удов срамных», главный признак сектантов-скопцов. Но совершенно ясно, что все сообщество монашества есть бескровное скопчество; неотделимо же по духу, оно невольно употребляет порой и термины скопческие. В. Р-в.

Это было за Моисея, как мы написали прежде, говоря о Моисее Угрине и Иоанне Затворнике — о том, что сделал через них Господь во славу Свою, прославляя их за терпение и обогащая дарами чудотворения. Слава ему ныне и присно и во веки веков».

(Из «Киевского Патерика»)

* * *

Вся эта история, в картине своей, до поразительности совпадает с тем, что нам передают биологи о попытках слить муже-дев с женщиной. Непобедимое отвращение — то же, что *actus sodomiticus* для нас, нормальных, обыкновенных. И нельзя в сторону законодателей, медиков, родителей не заметить, что попытки «женить» (или выдать в замужество) этих субъектов «третьего пола» совершенно равняются преступным и ужасным попыткам содомировать их. Ибо для них наше-то полосочтание и есть «содом», «гадость», «невозможное». «*Выйти замуж* — это для меня равнялось бы *сойти с ума*, но не умом, а *всем существом*», — сказала мне, опустив голову, одна совсем молоденькая девушка, о которой я знал, что она — урининг, а она полужнала, что я знал, и не открывала этого и не скрывала.

К этому порядку явлений должны быть отнесены все случаи *бес-супружного супружества*, т. е. когда двое супругов, вступив между собой в брак, или вполне удерживали девство, или очень скоро прекращали половое отношение, живя десятилетия последующей жизни без всякого полового общения. «Особый вид *аскетического* подвижничества, встречаемый среди мирян, — говорит русский переводчик к творению *Иоанна Мосха* «Луг духовный», — это — воздержание (читай: «отсутствие половых сношений») в браке. Этот обычай мы встречаем (читай: «это явление мы наблюдаем») с первых времен существования Христианской Церкви. Таковую жизнь вели: преподобный Аммон с супругою, св. Магна анкирская (г. Анкира в Галатии), благочестивый Малх, Анастасий и Феогния, Пелагий Лаодикийский с супругою, Юлиан и Василиса (285 г.), Конон Исаврийский и Мария (II век), Цецилия и Валериан, римский аристократ (230 г.), Захария-башмачник и Мария (III век)». Судя по неупоминанию против некоторых имен даже века, в котором они жили, явно, что все черты их подробной биографии затерялись во времени; но в памяти потомства сохранилась цепь их имен и образовала уже не факт, а *зов* и *пример*, который действовал во всю историю христианства и дошел даже до холодной России XIX века (время перевода Иоанна Мосха). Так образуется учение, так образуется традиция, так образуется *школа*. Так нить за нитью выткана была «Церковь» — не в нелепом определении «собрания верующих», а в глубокомысленном значении *единой традиции* и *единого духа*, выросшего из одного зерна.

Зерно это — *бессеменность*. Если формирование и жизнь *семени* и формирование и жизнь *яйца* сообщают каждому своему носителю, в одном случае *мужчине* и в другом *женщине*, такую необозримую богатством, сложностью и *обособленностью* психику, то и представить себе нельзя, до какой степени странна и необычайна будет психология, вытекающая из этого вечного и неразрушимого дества, где мы имеем субъекта, о котором не можем сказать, что это «мужчина», и не можем сказать, что это «женщина», и сам он не знает этого, и даже *этого нет, а есть что-то третье, кто-то третий!* Можно было бы сказать «третий пол», если бы все-таки мы не имели в наличности *мужского и женского*, но странным образом *перемешанного и раздробленного!* Во всяком случае, непременно появится *третья психика* — не мужская и не женская.

Какова будет она?

Никогда не будет детей. Никогда не будет дома, «хозяйства», — иначе как в смысле *помещения*, стоянки, логова, квартиры, кельи, пещеры, палатки. Одна виноградка и нет лозы, — и помещение виноградке совсем другое, чем лозе. Таким образом глубочайше будет разрушен *тип социальной жизни* — разрушен не в бытовом, а в психологическом корне, т. е. более глубоко. Это есть то разрушение, на месте которого ничего не вырастает. Не менее разрушается *тип истории*. У него остается голова и отсекается туловище. *Будущее* не нужно тому, у кого не будет потомства, — будущее полное, всеобщее. Судьба последующего человечества представится под углом зрения не интересов этого человечества, а интересов группы этих одиночек, их — за неимением родового — *духовного союза, духовной преемственности и связи*. Эта группа людей будет жить и развиваться среди человечества, но против человечества, отрицая самый его корень. Наконец, в каждом *племени и народе* эта группа не будет иметь связывающих боковых скреп в виде горячо *леелемого родства*. «Что братья и сестры мне? Мне важны *ученики*», — это типичный голос, типичное самоощущение каждого подобного одиночки и всех их.

Племени, народа, рода — нет. *Будущего* — нет. *Прогресс* — не нужен. Что же остается, и особенно что остается для очень высоких способностей, для большого горения духа? для той живости его, какая и вообще отличает младенца и раннего отрока (обоюдополых, см. выше) от дебелого мужа и уставшей супруги?

Взрыв духовных интересов — всего того, что г. Фози назвал «нравственною личностью». При одинаковом количестве воды всякий поток тем *глубже*, чем он *уже*. Отщепление, *притом органическое, внутри самого субъекта*, от таких огромных областей, как народность и прогресс, — закрытие для ока человека этих частей горизонта — не может не вызвать исключительной *ясности* взгляда, исключительного *удлинения* зрения, исключительной *высоты* мысли у такого субъекта. Повторяю, что все это — не извне, а внутри, не «заперто», а «не хочется». Того, чего

«хочется», — при этих условиях уже хочется со страстью, с огнем, гением. «Дебелые супруги», будь их сотни, тысячи, — не могут бороться с десятками таких. У «дебелых супругов» есть своя сила — но не в духовном царстве; есть свое благочестие — но это не «праведность» кельий, не их экстаз и ночные молитвы. Как ни странно сказать, но *европейское общество*, в глубокой супранатуральности своей, в глубоком спиритуализме, в глубоком идеализме, в грезах, мечтах — до Вертера и Левина — создано одиночеством: ничего подобного, ничего похожего не было никогда в античном мире, а античной общине, на античной *ἀγορᾷ* и *forum'e*; как нет этого и на Востоке, в Азии. *Аромат* европейской цивилизации, совершенно даже светский, даже атеистический и антихристианский, — все равно *весь* и *всякий* вышел из кельи инока. Это — *инюка* безграничный субъективизм, *его* беспредметные грезы, предчувствия, ожидания, тревоги, страхи, смущения, нерешительность, пересекшиеся в диалогах гостиной и литературы. Робкие глаза, тайная улыбка, слабое тело — все, все из кельи. Все то, что так отрицает, так похоронило Агамемнона, Одиссея, крикуна-Демосфена и римских самодовольных патрициев. Самые пороки древности; перейдя в новый мир *с теми же названиями*, получили новый колорит; самые добродетели древнего мира в новом мире пропитаны другим запахом. Патриотизм Гизо или Мишле не имеет ничего общего с патриотизмом Геродота или Фукидида, и славолюбие Байрона совсем не то, что славолюбие Цицерона. Все стало нервнее, болезненнее, нежнее, хрупче. И все это — от нетвердых ног (подлинного) монаха, тонкой его шеи, длинных волос, женоподобного голоса.

Душа не та! Душа *новая*. — Какая? — *Бессеменная*. Бесствольная, гибкая, ползучая или парящая за облаками; в отрицательных случаях — не прямая, лукавая, хитрая, злопамятная, мстительная; «бабья». «Мужественность», костяное, твердое начало наполовину хрустнуло, когда умер древний мир; женственность, «вечная женственность», страшно возросла и облила собой душу даже мужчин. Мужеподобность страшно понизилась в Европе сравнительно с классическим миром, где жены были храбрее и мужественнее христианских мужчин. «Христианский мужчина» — даже как-то не выговаривается. «Какой он мужчина?» — хочется насмешливо переспросить; переспросить о Руссо, о Толстом, о Достоевском, о многом множестве людей, гениально творивших *во вкусе христианской Европы*. Совпадение «женского в мужском» с основным *тоном* европейской цивилизации — до того поразительно, что не надо ничего другого еще знать, чтобы сказать: «Да в *основе* своей эта цивилизация вышла и не из головы Зевса и не из бедер Афродиты, а как ответ природы Паллады и Ганимеда».

Мы отвлеклись от предмета и вновь возвращаемся к нему. Наша тема — не цивилизация, а теснее, уже, — Церковь. Лютеранство, отверг-

шее монашество, потеряло с ним и всякую *метафизику*: потому что одно иночество и составляет всю метафизику в христианстве. Все прочее — рационально, объяснимо, обыкновенно. Совершенно необъяснимо, со стороны ли опоры в Первом Завете, или со стороны понимания, разума — одно иночество; и оно одно составляет поворот в истории от древнего к новому, оно есть виновник и создатель «новой эры». Без него — просто ничего нет; есть штундисты, пашковцы, благонамеренные люди, чистоплотные люди, благонравные люди, добрые, либеральные и т. п. и т. п.; есть Светловы, Петровы, «добрые пастыри», трезвые священники. Но непонятно, почему это образует *Церковь* как *специальное*. Это просто «общество добрых людей», или «общество благородных людей», с которыми приятно иметь дело. *Специальное* Церкви начинается с *монаха*, пусть нечесаного, пусть злого, совершенно невежественного. Все равно — он несет в себе *метафизическое зерно*, которое ошеломляет нас новизной и странностью, которому мы удивимся и перед которым, как перед всяким *дивом*, можем преклониться. Эта «дивность» его заключается в глубочайшем трансцендентном разобщении со всеми нами, в совершенной непохожести на нас, в силу которой — смотря по расположенности и подготовленности — мы назовем его «демоном» или «богом» (в простонародьи), стоящим *выше* или *ниже* человека, но во всяком случае — *в стороне* от него. Разобщенность эта и дивность эта заключается в оригинальной или подражательной, правдивой или притворной, потере *вкуса* к женщине, потере *интереса* к женщине, которая у подражательной и неоригинальной группы выражается во *вражде* к женщине, *бегстве* от нее и *страхе* перед нею. Один инок учил, и это навсегда нужно запомнить как *суть* всего: «Чадца!» Соль из воды берется, но, соединяясь с водой, растворяется и исчезает. Так и монах: от женщины произойдя, он, когда приближается к женщине, то *ослабевает и обращается в ничто*» (Иоанн Мосх, стр. 265)... «Поэтому великие подвижники, как Пахомий Великий, Иоанн Каламит, Феодор, Маркиан, Пимен, Руф, Симеон Столпник и др., не допускали на глаза себе не только сестер, но даже родных матерей!»... В случае, если это было оригинальное явление, можно судить по этому о степени *отвращения* от женщины; а если подражательное, «по заповеди», то мы можем по этому судить о пафосе заповеди!

— Нет супружества, семьи! И не надо!

В этом состоит не «что-нибудь» в христианстве а *все* оно. Подобно тому, как сотни предписаний Ветхого Завета можно же было свести к двум: «Люби Бога и ближнего, ибо в этом *весь закон и пророки*», — так точно все поучения, притчи, образы, сравнения, обещания и правила Нового Завета можно свести к одной: «*Не тяготей к женщине*». Известно, что, отдавая вновь постриженного отрока в подчинение и руководство старцу, ему говорят: «Вот, он будет тебе *как Бог*, повинуйся ему *паче*

Бога». Почему так, истина ли в этом? Полная! Суть старца, уже выверенная, уже очевидная монастырю, заключается в бессеменности, в невождедении к женщине. А в этом «закон и пророки». Поэтому вместо длинного богословия и пространных наставлений отроку и говорят: «*вот старец, повинуйся ему*»,— и это совершенно то же, что «исполнить все законы и пророков». *Свет бессеменный*: и уже кто взял зерно его — получит и весь свет. Но старец — бессеменен, и «повиноваться ему — все равно, что Богу повиноваться». Очевидно.

От этого не по злоупотреблению, а по глубокому предчувствию истины и по сознанию всего объема ее монахи согласны скорее на допущение всяких злоупотреблений в своей черной братии, на невежество всего духовенства, на отречение от науки, на подавление всякой свободы, наконец даже готовы терпеть чудовищный половой разврат в самом монашестве, хотя непременно тайный, необъявленный — чтобы ценой всех этих потерь, несчастий и унижения, однако, сохранить *самый принцип монашества, притом не униженный, а сколь можно возвышенный, прославленный*. В этом все дело!!! Скажите, объясните и докажите самому праведному «святому» христианского мира, живущему, положим, в самую развратную монашескую эпоху, как было в католичестве в XVI веке и в X-м веке, что «упразднить бы монастыри и монашество, а пусть будет *каждый* семейным — и тогда пороки прекратятся», и он, при всем сознании и внутреннем согласии, тем не менее отвергнет это *моральное спасение* ради сохранения *метафизического зерна!* С глубокой тоской, с глубоким трепетом сердечным — и все-таки отвергнет, сказав про себя: «Лучше я поверю Христу, чем всему обвинению мира и очевидности глаз своих: *ибо зачем же Он пришел?* Тогда настанет нравственность: но где же будет *собственное Царство Христово?* — *Оно разрушится*». Пока есть хотя *один* праведный монах среди тысячи развратных, наконец, даже если все 1001 монах развратен, но *принцип монашества не отвергнут*, до тех пор Царство Христово, хотя уменьшенное и подавленное, засоренное и почти разрушенное, — *однако остается*. А 1001 счастливых семьянина, будь они хоть добродетельны, как Авраам, составляют только Царство Ветхого Завета и *ни одной крупинки Нового*. «А меньший в Царстве Нового Завета больше самого большого праведника Ветхого Завета», — сказал пришедший не нарушить «иоты» в этом Завете. Поэтому пока держится принцип *бессеменности*, то хотя бы ни одного его исполнителя не нашлось — держится вся Церковь: ибо придет еще, придет новый, придет когда-нибудь, и исполнит этот принцип — и тогда *восстановится* разом вся Церковь в главной мысли своей, в главной задаче своей, в великой теме, в великом мотиве. Восстановится в *особливом духе*, которого нет в тысячах и миллионах счастливых семей. Нигде нет, кроме — *келья, монаха*.

Суть этой мысли, или общее — этого духа, лежит в неодолимой уверенности:

— *От бессеменности спасение!..*

Семейные добродетели суть «немножко не те» добродетели; а если и есть пороки в бессеменных и бессеменности — то «какие-то переходящие и вообще ничего»... Тут именно сонм «своих людей», одной *категории*. «Самые добродетели противоположных нам — не нужны, и самые пороки наши — извинительны». Главное, чтобы «торжествовали *мы*» и «наше *начало*». «Миру предстоит погибнуть...» Добродетели семейные потому — ничто, что самая семья должна исчезнуть, переродиться во что-то духовное: и тогда естественно *былые* добродетели ее перестанут быть образцами ли, правилами ли, и вообще обратятся в *ничто*. Какой интерес, что некоторые деревья очень хороши в лесу, который завтра сгорит? Если же бессеменные и оказывают недостаток, напр., участливости к людям, черствости к семье, порой жестокости — тюрьмы, казни, инквизиция, — то ведь это *исправится* тем общим идеализмом, духовным царством, в выработке которого состоит сама суть бессеменности. «Все исправится», как только *мы* «успокоимся», а «успокоимся *мы*» тогда, когда «все к нам придут». «Пусть все согласятся на бессеменности, и *мы* растворим тюрьмы, и никогда, воистину никогда более не зажжем костров!» «*Мы* отпустим всякий грех чрезмерный, — как отпускали всегда *своим*, без наказания, по одному рассказу, разве с легким выговором. *Мы* будем кротки: воистину, *мы* *кротчайшие* из людей! Ни казни, ни суда, ни наказания — ничего не будет. Но не будет, когда все придут к нам. И станут как *ангелы на земле*, в земных еще условиях, но в *небесном состоянии*, в котором не посягают, не женятся, не вожделеют, не имеют детей. *Мы* предвозвестники этого нового состояния, преображенной земли и Нового Неба. Аминь и борьба. Конец и начало. Геенна и скрежет зубовный или вечная тишина Райского блаженства»...

Вот Церковь.

Вот Христианство.

Вот христианские народы.

В середине всего этого лежит:

— *Иночество!*

Как кристалл внутри Церкви: и этот твердый кристалл нерастворим в Христианской цивилизации, и медленно ведет христианские народы, как племена и кровь, как землю, и ведет само христианство, как что-то слишком сложное, состоящее из языческих и евангельских начал, — к разодраанию, разрушению и оставлению на земле «немногих избранных»:

— *Царства бессеменных святых.*

ПРИЛОЖЕНИЯ ДЛЯ МЕДИКОВ И ЮРИСТОВ

Не будет излишним, если я здесь приложу несколько ставших мне известными фактов *свое-полого* влечения. На первом месте я поставлю тетрадку «Воспоминаний одного послушника N-ского монастыря», которые были написаны им по желанию своего духовника, по-видимому, дивившегося неведомому для него явлению и пожелавшего его точнее узнать. Написана тетрадь безграмотно, и я, насколько возможно, сохраняю в печати эти следы безграмотности. Они важны как яркое опровержение распространенной мысли, будто влечение это возникает как плод *половой пресыщенности*, или еще — *богатой пресыщенности*; будто содомия есть *извращенное удовольствие*, появляющееся у людей на конце испытания ими всех *нормальных удовольствий*. Это интеллигентное, литературное и даже ученое «с жиру бесятся» — совершенно падает в прах при чтении смиренного и слезного исповедания юноши. Далее, возраст его, совершенно цветущий, испепеливает гипотезу Шопенгауэра, будто она присуща «старичкам». И, наконец, в изложении важна следующая подробность: нормальное совокупление (т. е. с противоположным полом) *имеет силу отклонять человека от ненормальности, ослаблять врожденный порок (с нашей точки зрения)* — и, вообще, *coitus cum femina est semper remedium contra sodomiam viri*. Явно, какой это могучий рычаг в руках медика и психолога, какая это, с другой стороны, опорная точка для новых исканий в области этого важного явления. Но умный читатель сам извлечет все, что нужно, из этих записок, попавших (через два года по написании) в мои руки, к сожалению, в недостаточно полном виде:

«Батюшка! ведь нелегко же мне открыть то, чего и подумать ужасно. Вечером я услышал, что у вас Всенощная и певчие посторонние. Я поспешил, только больше не для молитвы, а послушать певчих¹. Когда я стоял и смотрел, мне прямо представилось: все смело стоят в храме, а я только один как Каин трясущийся, и я порешил скорее идти и показать вам то, что у меня вот написано. Когда вышел из церкви и шел домой, душа моя стала тужить и скорбеть так, как я никогда еще не чувствовал. Когда подходил к башне, в которой живу (монастырская башня. — В. Р.), то глаза мои были полны слез, и мне хотелось плакать, и душа прямо говорила: «Плачь! плачь!» А о чем — и сам не знаю, и не к Богу мои слезы относились. Только хорошо помню, что душа моя так скорбела, как никогда. Уже поздно вечером, часов в 11, мне чувства сказали: «О том плакала и изнывала душа, что образ Божий потеряла, исказила все. Очень грустно кончаю вечер».

Слог этот, стиль хорошо показывает обычное настроение содомита, далекое от «веселящегося» и «сытого собою», от «праздного» и «балующегося» (вульгарное о них представление самцов и самок). Напро-

¹ *Художественный вкус, — решительно всегда замечаемый у людей «закругленной природы» (полнополость, содомия). В. Р.-в.*

тив, — настроение постоянно грустное, жалующееся, покаянное; *склонное к слезам, женское* (женщины ведь чаще плачут мужчин). Вообще в настроении чрезвычайно много *типичного*, что нам хорошо известно из больших книг в кожаных переплетках с медными застежками. Будьте уверены, *ни одной строки таким слогом* не скажет мясной торговец, лабазник, господин приказчик; бравого унтер или офицер, помещик. Это — *слог* врожденного монаха...

Затем следует «исповедание» — рассказ о своей жизни, на 6 страничках. Первые две странички имеют срезанный правый край, и я их восстановил кое-как. Затем — дневник в целости. Особо важные места я буду подчеркивать.

«Вот жизнь моя, которую загубил себя». — Он встретил «13 или 14-ти лет парня, который его научил» взаимному рукоблудию. Ему он и начал предаваться, иногда по несколько раз в день. «Никуда я не ходил, женщины меня не влекли совершенно». В таком положении «доживаю до 19-ти лет. Еду потом в Питер, поступаю на место; *к женщинам такое отвращение, что и подтащить трудно*». Он много сокрушался над собой, «видя, что погубил не только свою душу, но и тело, а остановиться — нет сил. Но еще ужаснее новую пропасть увидел над своей головой: одно время захожу я в часовню, которая находилась недалеко от того места, где я служил. Вслед за мной туда же вошел человек, по-видимому, торговец. И говорит что-то, чего я сейчас хорошо не помню; только помню, что и самые слова, которые он мне сказал, были для меня непонятны. А одно знаю, что *решительно я как будто притягиваюсь к нему невидимую силою*¹. Выхожу на улицу, и идем вместе. Он говорит мне опять что-то, что я понял, как предложение рукоблудия. Тут мы зашли в уединенное место»... (Оторван кусок рукописи)... «Долго этого отыскивать не пришлось. Попадается человек, который с удовольствием выдает себя мне за женщину; и я делаюсь, как я потом это название узнал, прямым п..... С этого времени я стал реже предаваться рукоблудию: только тогда, когда не удавалось выполнить последнего (*actum sodomiae*). И стремления стали к тому. Я еще пропустил вам сказать, что тот человек стал желать, чтобы и я ему заменил тоже женщину, отчего я отказался и никогда этого потом не делал, ибо чувствовал к тому отвращение². Так и продолжалось до самого призыва (т. е. в военную службу. — В. Р.). Т. е. всю жизнь таким образом. Ох, еще не знаю, — утайть ли. Ведь я хочу все открыть, а очень страшно. Находились, только очень редко именно раза 3 или 4, не более, такие люди, которые брали *meum phallum in orem*, и я этого не устрасился³. Ужасно. Я не знаю, как переживал то время. Я сознавал, что мне грозит казнь Содома. Но так страсти мои поднялись, что я не мог держаться.

¹ Поразительно! Вот где *центр* дела! Но и в нормальных половых отношениях мы никогда не должны опускать из виду этой великолепно сказавшейся формулы: «притягиваемся к другому полу *будто невидимую силою*!» В. Р.-в.

² Следовательно, неправильно заявление Крафт-Эбинга и других физиологов, будто подобные люди меняют пассивное на активное положение, и наоборот. Может быть, у *некоторой группы* это и есть: но несомненно есть группы с влечением *только к одному пассивному положению, и только к одному активному*. В. Р.-в.

³ Несколько случаев этого напечатаны в книгах Крафт-Эбинга. В. Р.-в.

И чуть сам себя не лишил жизни. И эта страсть так развилась, что на женщин не восставала страсть, а на *virum*¹, и в каком же виде: проще сказать, *in phallum*, или при воспоминании о нем. Я задался целью во что бы то ни стало, но освободиться от этого, и подумал, ради страха, в монастырь уйти. Нет, еще ожидает гибель! Приехал домой, о, Господи пощади, совершаю *coit. cum animali*² в полном виде, чего и раньше пытался сделать. Этого мало: пытаюсь совершить,— хотя слава Богу не пришлось, а старания мои были,— *as. sodomis*. над кем? — племянником, да и крестник он мне, которому было пять лет. Кто же я есть и что же мне делать? Это происходило за несколько недель, за 3 или за 4, до отъезда в монастырь в 1906 году. Прямо, сын погибаемый; за что земля носила. Поступаю в монастырь. Долго держался, т. е. несколько месяцев. Неожиданно попадаетесь человек, который из числа как и я. Совершаю то, что и в Питере. Вот где отчаяние. От чего бежал, от того не могу нигде укрыться; но в монастыре только гораздо реже; и онанировал — тоже самое, только реже; живу также. В конце осьмого года еду к старцу Алексею, исповедую грехи. Тот удивленно смотрит на меня и просил не повторять; дал легкую эпитимью³. Два года правда провел, и только разов не более 6-ти за весь год совершил рукоблудие: но боролся против того, к чему мои страсти были направлены: как я рассказал выше,— и, может, еще потому, что не было человека. Я думаю сам с собою во что бы то ни стало, а надо испытать женщин, чтобы бороться (т. е. в монастыре.— *B. P.*) — то хотя против естества, а не против этого. В последней половине текущего, т. е. 1909-го года, совершаю сношение с женщиной. Я думал, что не способен буду; нет, все как следует совершил. *И тут же почувствовал отклонение от первого* (т. е. от *sodomiae*); и раза три в том году было мною совершено. *Я почувствовал небольшое влечение к женщинам*, и вот и в этом году тоже совершил; и одна женщина недалеко от меня находится, т. е. я ее могу видеть. Я знаю, что это нехорошо, но, думаю, она мне необходима как ради избавления и исправления моего искажения. Теперь я уже того не испытываю, что раньше; не имею *ad viros*⁴ желаний, а более *ad feminam*⁵ склонности имею; но хотел бы исправиться совершенно. Кажется мне, что от этого не далеко. Вот теперь что мне желается: как бы примирить совесть с Богом, и также поправить здоровье; очень я его утратил.

21 января 1910 года. Цель моя состоит в том, чтобы очистить себя от мерзких богопротивных дел. Грешить — грешу так, как мало кто; молиться — молюсь очень мало; а в монастырь пришел, то отчего бы не молиться больше, разве кто может воспретить. Нет, этого не хочу, а богопротивное продолжаю; вот и скорблю душой, хотя без сомнения уверен, такой скорбью бесов только радую и гнев Божий на себя подвигаю.

¹ мужчин (*лат.*).

² соитие с животным (*лат.*).

³ Это интересно сопоставить с *тяжелыми эпитимиями*, тянувшимися от 2-х до 7-ми лет, налагаемыми на разводящихся супругов, по вине *нормального совокупления* не с женою или не с мужем. Утяжеление эпитимий в этом случае есть выражение общих антипатий к *мужьям и женам*, к *браку* вообще, идущие параллельно легкому и извиняющему отношению ко всем вообще аномалиям в поле. *B. P.-в.*

⁴ к мужчинам (*лат.*).

⁵ к женщинам (*лат.*).

Две мысли: одна говорит — «делай то», а другая — «делай то». Вот и происходит неурядица душевная. На чем остановиться, на какой мысли, каком чувстве и желании? Говорят — «на той, которая не противна воле Божией». А — нет, отчего и сам не знаю, но большей частью останавливаешься на греховной мысли; а если не остановишься, то она все-таки давит, не дает свободно работать мысли над делом. Вот и скорблю душой.

22 января. Смотрю на себя, да и думаю: «довел себя до того, что тело так ослабло; почти неспособно стало ни к чему хорошему». А когда вспоминаю, что мне всего 24 года, то невольно приходится сказать себе, — что же будет далее? Опять болит душа, а все бесполезно.

23 января. Сегодня я был назначен в дом странно-питательных петь молебен; там священник сказал речь, а затем показывали (туманные? — В. Р.) картины о воспоминании Смутного времени. С каким же я настроением вышел оттуда: душа настолько была печальна, что не могу выразить. Я чувствовал себя жалким, несчастным человеком. Смотрю на людей, живущих в миру, — они пользуются миром разумно; они, бывает иногда, прямо забывают про худое, греховное, что Богу противно, а я? Я пришел в монастырь, и мой ум, моя голова всегда занята одной думой, этим несчастным моим грехом; а если я хочу когда-либо подвинуть себя на доброе — воли нет. Голова ли к учению неспособна, несмотря на то, что ученье у меня (т. е. «на мою оценку». — В. Р.) незаменимо на свете ничем. И вот терзаюсь душой; да как же не терзаться: то, что дорого, — того не делаю; а то, что вредно, не то что только для души, но и для тела, — то делаю. Вот и скорблю душой; не знаю, как поступить.

24 января. Очень хотел бы быть я ученым (я не говорю про высшее учение). Я ограничился бы учением таким, если бы мне постигнуть столько науки, сколько требуется для сельского учителя. Я уверил себя: тогда бы конец скорбям моим. Я не пошел бы на то место, где мне предложили бы 50 или 70 руб., а с душевной радостью пошел бы учителем и на 20 руб. А монастырскую жизнь оставил бы; потекла бы милая и желанная для меня жизнь. Но беден и несчастен я, не придет такое время.

26 января. Сегодня я вышел за монастырские ворота. Навстречу попались два седые от старости старика. Завидя меня, они начали величать меня: «Батюшка — такой-этакий, — подай на пропитание». Вздрогнуло мое сердце: «За что же такого молокососа, как меня, за убогую помощь, за одну копейку так величают? Знать она для них так дорога». Долго не мог я забыть этих стариков. И после этого я такую почувствовал легкость, радость сердечную. Но, о горе, скоро это исчезло, и опять противная вялость, уныние, скорбь. Отчего это, не могу и порешить сам с собою. Опять наполняется душа разной пошлостью, скверностью. Ужасно. Что же сделать, когда такие противные гости носятся в голове.

27 января. Ну, как же тут жить, как довольному быть? Как добрые люди живут! Сегодня не знаю, как переживаю день. Прошедшей ночью я спал более семи часов, и еще днем час спал. Вечером посмотрел, сколько учебных книг: а я ни одной не брал в руки, а если и брал, то не надолго. И других книг читать — тоже не читал. Вот и не знаю, что

происходит. Себя понять не могу. Кажется, совершенно лениться, не расположен к делу; точно какая-то слабость или просто привычка к лени; не знаю. А как посмотрю,— зима проходит, а я ничего себя не подвинул относительно ученья: ни — русский язык, ни — Закон Божий, ни — арифметика. А как нужны-то они мне. Вот несчастье — какой я вялый; а время, время золотое, 25 лет. Что же будет далее? Ужасно. Не знаю, что такое: успокоюсь мыслью, не расстраиваюсь греховными мыслями — и так легко бывает, прямо — свет вижу; а как только явилась причина, греховный помысл — все пропало; хотя бы впереди и ожидаю очень дурное — все равно. Ну, вот приходит то время, и если грех совершен — страх, тоска и терзание души; а желал бы я быть мужественному. А если не совершаю греха — еще хуже: я мысленно отдаюся ему. Вот считаю себя несчастным, что слаб против всего худого. Не могу держаться.

29 января. Вот мои мысли о монашестве. Все то, что налагает «Устав монашеский» на монаха, он должен исполнить; если же не исполняет, то хотя и носить мантию буду — но монахом не могу себя назвать. Потому дела не таковы, какие должны быть у монаха. Думаю — не важно, что дадут мантию; дать ее — может быть, и скоро дадут. Дорого было бы то, если бы я был монахом в душе. А поступать так по «Уставу» Антония Великого и других Отцов — не могу вместить при таких мыслях, как у меня. Вот и не могу покойно жить в монастыре. А в мир неохотно поступать. И какой же тогда образ жизни взять? Супружеский,— но тогда через немного времени будет семейство, и чем же существовать с ним. Я ни к чему не способный, и по этой причине. (Т. е. своего «греха»? — В. Р.) Жить в монастыре тоже страшно: разве приятно Богу? Тогда выходит так, что большую часть, и почти совсем, жить в монастыре ради тела или матерьяльности.

Вот почему я и задался целью, если бы Господь благословил, кончить экзамен на учителя; а потому именно — на учителя, что я науку, в особенности Богославие, очень полюбил. Если бы и более чем мог научиться, то все равно никуда больше не поступлю, как только учителем. Потому я мог бы, мне кажется, лучше исправлять душу (ученическую? свою? — В. Р.), и больше не для своего благополучия, а для того, что с учителя не то требует Бог, что с монаха. Я тогда готов терпеть все скорби, а душу исправлять мне необходимо; потому она у меня особенная от других; такую душу, как моя, немногие, очень немногие имеют¹; от искреннего сердца говорю. Ох, про свою душу,— про те дела, которые я совершал,— боюсь, вспомнить страшно.

О, Господи! — за грехи ли, не знаю, поущение ли — тоже не знаю, только знаю одно, как я жив и живу на свете, как не поглотит меня земля. Разве я ищу какой-либо особенной жизни, или — святости? Нет, мне не до этого. А про монашескую жизнь — это, правда, думаю, что тогда только буду прогневлять Бога, а не очищать душу,— т. е. если сделался монахом, не исполняя Устава. Разве я могу описать то, что делается в моей душе сейчас, когда я все вспомнил, что было так еще недавно.

¹ Вот — самоощущение! Не *тот*, как у других, пол — и *совсем иная*, нежели у прочих людей, душа. «Иное осозание, иной глаз, рукопожатие, ход мыслей, идеалы, *все*» (см. мой текст выше). В. Р-в.

30 января. Сейчас я очень трогательно задумался над собой, потому настает время такое для меня ужасное: раскрывается та змея, которая жалит меня. День провел неблагоприятно; невольные какие-то желания блудные — страсти какие-то и для самого непонятные. Но *мысли давили и на женщин и на мужчин*. Представлялись только не в том виде, чтобы в усладительном. И такие, правда, пробегали мысли, но я не придаю им значения, и они скоро уходят. Сейчас мысли на мужчин являются, но только такие: «Почему я не такой, как *тот*». И тут же сердце защемит; отвечаю сам себе: «Потому что утратил свою и молодость, и красоту; и — потому еще, что те люди молодые, сильные, красивые, а я — как тряпка». А кто виноват? Сам себя чуть с ума не свел, да и не остановлюсь (в «грехе»? — *В. Р.*) никак.

31 января. Сегодня день для меня желанный, которого я давно ждал. Очень рад, что дождался такого дня. Если бы этого не дождался, то другой бы был для моей жизни важный день. Живя в Питере, было две цели: оставить такой гадкий образ жизни непременно. Чем больше я им увлекался, тем сильнее я им отчаивался. Я себе назначил два исхода: или открыть свою душу так, как вам; и — думал, что найду себе в этом утешение. Но не допускал до этого страх и стыд, и, еще самое главное, не находил такого человека. Духовнику я говорил, а он меня исповедовал, налагая нетяжелые епитимьи, — и я уходил от него и больше не видел. Зато я с удовольствием буду теперь целовать не руки только Ваши, а то место, где стояли ноги Ваши. Особенно сегодня не замечаю возбуждения; есть, но не основательные; *смотря на мужчин, отражается старое; но больше побеждает склонность к женщинам — и чувства и желания*.

1 февраля. Сегодня день провел благополучно; *возбуждения — на стороне женщин*; а первое возбуждение, которое Вам известно, мне подчинилось почти совершенно; *только проносятся в мыслях*, но я оставляю их без внимания, а *новая* (т. е. мысль о женщинах? — *В. Р.*) *заменяет ее*. Кружение в голове, вероятно от расстройства. Был сегодня у Вас, и не знаю, как подходил к Академии. Доброго ничего не могу заметить душой, потому она занята одной мыслью: как открыть Вам все. Батюшка! не знаю, что со мной происходит: я боюсь, и страшусь, и стыжусь об открытии сего Вам. Сегодня не замечаю особенного ничего; душой также отравлен; с нетерпением жду, какую резолюцию наложите. Я теперь весь отдался Вам, а вот сегодня чувствую себя очень нехорошо: такой праздник, а я имел случай и не удержался, совершил грех с женщиной. Утешаюсь только тем, что *я делал это для того, чтобы окончательно забыть первое*.

2 января 1911 г. Сегодня я был у одного послушника и увидел у него книгу о покаянии, составленную Дьяченкою. Я с удовольствием прочитал ее, и она успокоила меня, указав, что необходимо открыть свою душу. Теперь я еще решительнее приступаю к этому. Особенного (чего-либо в душе. — *В. Р.*) не имею. Одна мысль, что как я должен буду вести себя по совету Вашему, т. е. какой будет Ваш совет.

3 февраля. С утра до самого вечера день шел обычным порядком. Пробегали всякие мысли, только ни одна не могла занять меня. Это я замечаю потому, что я занят той мыслью, что вот скоро новое для меня совершится это лето. Вот и занят я тем».

* * *

Здесь есть что отметить медику, юристу и даже моралисту. Потеряна ли *личность* в человеке, *совесть*? *исправим* ли он? Странно и спрашивать: он только об *исправлении* и думает, сюда — вся его воля, помыслы. Но если он не может *одолеть* себя, то явно можно только помогать ему: ибо всякий *сгипен*¹ есть *сгипен* злой воли, без злой воли нет *преступления*. Можно было бы поднять «задним числом» один большой, даже огромный судебный процесс, притянув к ответу медиков, как и юристов, *сословно, профессионально, научно*: неужели же им не попадались признания, рассказы, исповедания, аналогичные этому? неужели можно поверить, что я, никогда не занимавшийся этим предметом, и обративший *в исторических целях* внимание на него всего года три, лет семь, узнал в самом деле что-то *новое* сравнительно с медиками и юристами, которые по этой части «огонь и медные трубы прошли»?!! Конечно — нет!!! Но у меня *открылось ухо*; а у них *ухо* было закрыто, и они просто жевали жалованье, слушали рассказы и *дремали*, видели факты — и *спали*: и повинны в великом уголовном преступлении, что тысячи людей в Германии, Франции, везде были посланы в каторгу, в Сибирь, в тюрьму... *Каких* людей? — Да вот как *этот* рассказчик, с его порывом к свету, к учению, к доброму наставлению чужой души, с плачем о себе, со всеми великими и *редкими* добродетелями скромности и самоосуждения! Выбросьте наружный факт или как-нибудь его *сокройте*, и перед вами стоит *образцовый человек*! Ибо так ли ведут свою жизнь, об этом ли думают и заботятся «самоуверенные молодые люди», проводящие дни в ресторанах и соблазнении девушек-прислуг, без всякого о том «покаяния»? Здесь — все *цело*, весь человек — полон: душа, совесть, сердце, ум. Не забудьте, что это — еле грамотный. Но постоянная его мысль — о *книгах*! Исповедание необыкновенно важно потому, что здесь мы имеем «своей рукой написанный» полный портрет содомита, абсолютно не сходный с тем, как это предполагалось; портрет вместе с тем *не поддельный, подлинный* и вместе документальный, как бы «у нотариуса засвидетельствованный», и с которым ничего не может поделаться «наука». Все эти «размышления» патологов, клиницистов, «психиатров» (!!) якобы о «больных» своих «пациентах» падают в прах, ибо им говорят: «Вы не понимаете *пола* — и отсюда не понимаете вообще *половых явлений*, не только аномальных, но и совершенно нормальных».

Выражение исповедующегося: «*пробегают мысли*», «опять *пробежали мысли*» — говорит о совершенной невольности, об, так сказать, *автономности* от ума, логики, совести, веры, всех этих половых течений, половых эмоций. *Каковы* же они? К женщине — в высшей степени *ослаблены*, но, однако, — *есть* и *увеличиваются от каждого нового сношения с женщиною*. Что такое «сношение с женщиною»? Всегда —

¹ грех (лат.).

прививка, принятие в себя «почки» *нового роста*. Через совокупление мужчина прививает (как бывает в «садоводстве») себя женщине, женщина прививает себя мужчине: откуда — вытекающее отсюда *слияние, любовь, покорность* совокупившегося тому, с кем было совокупление, всегда — *двойная*, всегда — *обратная*, всегда — *взаимная*. Пользуясь аналогиями, можно бы сказать, что совокупление есть *физиологический гипноз*, происходящий через жидкости и всасывание их тканями, нежными и увлажненными. Это «прjem душевной ванны», из которой совокупившийся выходит «обновленным» и «другим», именно — «другим» через эту прививку. Поэтому совершенно понятна часть рассказа, где говорится о первоначальном полном отвращении к сношению с женщинами и о последовавшем пробудившемся влечении к нему. Действительно — единственно, чему может поддаться содомия в смысле *лечения, исправления* (всегда, естественно, не полного) — это лечение через нормальный акт; или, если он невозможен, если к нему уже существует абсолютно непобедимое отталкивание, через какую бы то ни было аналогию «прививке» выделений другого пола; у женщин, напр. (содомитянки), — через искусственное впрыскивание мужского семени; у мужчины — через искусственное покрытие органа женскими выделениями. Если вообще это нужно, если б «пациент» захотел, если б врачу пришлось разрешать проблему, не им поставленную, а *ему поставленную*. Явно, впрочем, что все это возможно и допустимо, что все это *пожелается* лишь в слабых степенях содомии, — при которых, как указывает практика, «браки еще заключаются», нечаянно и не нечаянно, и бывают, естественно, «не очень счастливы», и тогда врач зовется, чтобы «помочь счастью». Но обратимся теперь к этой *не полной содомии*: рассказ в высшей степени важен тем, что опять непрерываемо убеждает нас, что *пол* есть *не вещь*, не *бытие* (sein, das Ding), а скорее всего какое-то *волнение в нас*, что-то *волнующееся в нас*, какой-то *свет и жар*, рассекающийся на «мужское» — к *самке*, и «женское» — к *самцу*, но в этом волнении — *спутывающееся, переплетающееся*, «отражающееся на себя», «идущее *вспять*» и т. д. и т. д. Обманутые тем, что вот «есть *орган*» и «он явно для *самки*», ибо отвечает анатомией ее *влагалищу*, мы забываем, что *орган* — только *придаточное к полу*, а не есть *весь пол*, и даже не есть *суть пола*; что это есть чисто внешняя часть — то же что «ствол» в отношении «растения». Конечно, «растения» самым именем вызывают представление «дерева» и «леса» и, пожалуй, «дров» и «дровосека». Но столь же «конечно» это есть вообще скверная *ботаника*. «Мужского органа» совсем нет у *рыб*; и «совокупления» как *соединения органов* — у *них* тоже нет; а *оплодотворение* и между прочим бешеная, ревнивая *страсть* к нему — *есть*. Явно, «орган» — побочное; у *рыб* нет, но и у теплокровных, у человека — не показывает *сути вещей*. «Содомия» как «*ошибка* в появлении *такого-то* органа» оттого и *возможна*, что *возможно в органическом мире полное его отсутствие*, а следовательно, и *во всем органическом мире не первенствующее органов значение*

для половой жизни. Пол — *весь организм*, и — *душа*, и — *тело*. Но — «организм» опять же не как существо, не — «sein» и «das Ding», а вот как это «волнение и пыл», как «пульс и ритм», чему органы только *подчинены*. Ведь можно задать проблему, что *первое, сердце* или *кровообращение*? Конечно, не было бы «без сердца» — кровообращения; но столь же достоверно, что без кровообращения, без нужды в нем и его сущности, не появилось бы сердце. И во всяком случае из двух идей, «сердце» и «кровообращение», — *первенствует кровообращение*. Так же вот и «жизнь», так же и «пол в нас»: «жизнь» выше и раньше, она *идейно предсуществует* организму, а пол, конечно, *предшествует органу половой деятельности*. Не потому «хочется совокупляться», что есть половой орган, а «хочется совокупляться» *раньше* его и *независимо* от него, и уже вопрос идет — «есть ли орган для желаемого»? Содомия и есть случай, когда «нет органа для желаемого». Но как «желание»-то раньше органа, ему *предшествует метафизически*, — то естественно и *остается, пылает* в человеке, каков бы ни был орган. «Нечем, — а *пыл есть*: это и есть суть содомии. «Жажда томит», — а «горла, рта нет»: ведь это возможно, так как «жажда» не производится ртом и горлом, а вытекает из крови, из отношения в ней жидких и твердых частиц. Последний пример должен быть особенно понятен медикам. «Ну, что делать — тогда производится питание бульоном рег ашут». Это и есть *содомия*: потребность данного организма, «крови» его, «души» его — непременно в мужском семени, в мужском органе, в мужской *страсти*, в *характерном* мужском жаре; но обычного для всего этого восприимчика, обычного, но, однако, *не абсолютного*, именно влагалища и матки — нет; и тогда происходит «питание мужским жаром» *так, этак, иначе, еще иначе* — что и производит чрезвычайную множественность образов содомии, способов содомии, как это и свидетельствуется медицинскими же показаниями, медицинскими рассказами, «всей клиникой извращения» (якобы). Все, однако, сводится к *прикосновению*. Вот этого *нигде не отсутствует, рассказов об этом нет*. Как бы «прикоснуться», «получить прививку» («садоводство»), «*зажечься жаром мужчины*». Вот еще аналогия «оплодотворения»: ведь в нем действительно один организм «вспыхивает» от другого. А необходимость этих «вспыхиваний», мировая необходимость, вытекает из того, что «мир вообще горит», что «жизнь вообще пожар». Как это остановить? как этому сказать «не будь»? И таким образом как вы скажете содомиту «*не зажигайся мужским огнем*», когда *зажечь его женщиной не может медик, бессильна медицина*? А «не гореть» он не может, ибо *жизнь есть огонь и теплота*. Вот куда заходят все эти вопросы: медицина (и юриспруденция) хочет, чтобы некоторые тела «оставались сырыми», «не загорались»: но этого они так же не могут, как птицу обратить в ящерицу, человека — в рыбу, и вообще теплокровное — в хладнокровное. Пока *не найдено средства пробудить в содомите влечение к женщине* (вот — пусть работают юристы и медики) — оста-
вьте им совокупление, какое они имеют: это — «зажигание», «прививка»,

а без зажигания — нет огня, без огня — жизни, без прививки и оплодотворения — нет всего вообще растущего. *Оплодотворение* раньше «вот этого совокупления»; ему предшествует. «Хочу *оплодотвориться*» — крик всей природы, которого никто не вправе вырвать у существа. Теперь: *как?* Медик говорит: «Как *все*». Содомит отвечает: «Хорошо, сделайте мне, как *всем*». Что «пропишет» медик? Нечего прописать, нет средств: ну, напр., у *пассивного* содомита вообще не происходит *никогда* эрекции и не выделяется *никакого* семени. Что же тут «прописать»? «Третьей ноги» не вырастит медик! Тогда содомит, опрокидывающая баночки, реторты, откидывающая пластыри и микстуры, говорит: «Оставьте меня в покое, вы — сапожники в собственной науке, и я делаю то, что мне дано *природой*, что мне оставлено *природой*, беру ту *милостыню* — в которой она, *благая*, мне не отказала». И прибегает к своим «прикосновениям-прививкам» с их тысячею модусов, с «влюбленностью» и «романами» (тысяча свидетельств, примеров, рассказов).

Пол — волнующееся, волнение; пол — *текущее*, от «0» до «бесконечности» (у рыб — мириады рождений в год, сколько икринок в рыбе), от «—1» до «+1». Вполне бы можно сказать, что «мужского» и «женского» — вовсе нет, а есть «стремление по кругу», «все возможности» в каждом, но обычно в *каждом* же *преобладает* *которое-нибудь одно*, и когда преобладает *к самке* — мы это называем «мужской организацией» и «мужским влечением», а когда преобладает «к самцу», то мы называем это женской организацией и женским влечением. Но «преобладает» — значит «совмещается *еще с другим*». Эти «совмещения» в каждом есть; и как в содомите есть хотя бы «миллионная часть» нормального совокупления, так в нормальном мужчине есть хотя бы миллионная часть содомического влечения. Миллионная или тысячная, а то, может быть, сотая, наконец может быть десятая, и, наконец, как в приведенном рассказе — почти $1/2$; точнее — в приведенном рассказе содомии $2/3$, нормы — $1/3$, случай «излечимый», «исцелимый», «поправимый».

* * *

Случай этот — совершенно темного человека, едва умеющего (судя по рукописи) писать. Вот блестящий рассказ о себе талантливого философа-женщины, не подозревающей ничего о своей природе, но как ярко те же духовные черты сказались в рассказе! Она сама чувствует, говорит: «я не так родилась, как все», «с детства я чувствовала в себе что-то странное», «не ошиблась ли акушерка матери, приняв у нее девочку, ибо всегда я чувствовала себя мальчиком, мужчиной». У нее половое притяжение остановилось на нуле: высокий талант к науке, к наукам, к философии, и абсолютная безразличность к кавалерам, самцам. Вот эта автобиография без всяких пропусков:

Рассказ о себе доктора философии, Марии
Владимировны Безобразовой,—
дочери автора и редактора
«Сборника государственных знаний»

«Существуют странные люди, к которым я несомненно принадлежу, и потому рассказывать о себе я не могу так, как это делают другие; к тому же не знаю, стоит ли это делать, может ли быть интересно то, что я могу сказать?»

Потом, когда я хочу что-нибудь рассказать, то наталкиваюсь на одну большую трудность: я не умею рассказывать или не владею той формой, в которой ведется обыкновенно повествование.

Тот язык, который я себе выработала, по возможности кратко передает содержание моих мыслей, он прежде всего точен и сжат¹, а с таким языком нельзя приступать к повествованию. Или пропустишь то, что с моей точки зрения не заслуживает внимания, или же впадешь в другую крайность — начнешь размазывать.

И потому я заранее прошу о снисхождении всех тех, которые будут читать эти строки: я не родилась повествовательницей.

Может быть, удивит еще больше, когда я скажу, что не родилась женщиной. Не воскрес ли во мне потомок какой-нибудь современницы матриархата? Или в меня не вошло чего-то, что в течение веков обуславливало собой тот тип женщины, которую мы все знаем,— итог ее порабощения? Моей натуре чужды все чисто женские элементы женщины, чуждо ее порабощение.

С самого раннего детства я чувствовала, что не родилась девочкой.

— Не ошиблась ли Луиза Христиановна (акушерка матери), меня принимавшая? — был вопрос, который я не раз задавала.

Но нет, она не ошиблась.

Я родилась не только девочкой, но даже красивой девочкой; и все те знаки внимания, которые мне оказывали, должны были разубедить меня в возможности физиологической игры природы...

Драма была на духовной почве. Все мои психические задатки и способности не вязались с тем, что обыкновенно природа дает женщине, все мои вкусы шли вразрез с издавна сложившимся строем жизни вообще девочек.

Я не только никогда не играла в куклы, но возненавидела повод, по которому их дарят,— елку. На елку приезжали те старшие родные, для которых мои молодые родители не были законодателями и не могли им сказать: «не дарите». Эти старшие заваливали меня, как первенца, аршинными куклами, их кроватками, шкапиками и другой дребеденью, а я была несчастна не потому только, что все это было мне ненужно, а по совсем другой причине. Мне надо было показать благодарность, даже радость. Как неглупая девочка, я знала, что это было необходимо, а между тем для меня всего тяжелее была ложь. Потому-то я искренно радовалась, когда проходил этот несносный вечер, уезжали старшие, провожаемые всеми знаками почтения, и я могла забросить или, лучше сказать, забить аршинных кукол, пищавших «мама». Для меня не было

¹ Мужской, научный слог. В. Р-в.

большого праздника, чем когда мы с братьями принимались опустошать елку, и я могла поиграть в их игрушки. Я совсем не была выше игрушек. До сих пор помню один подарок отца — он подарил мне его задолго до елки так же, как и я, сгорая от нетерпения. Как сейчас вижу эти белые сани, такие большие, что в них могли усесться оба брата, с облучком для меня; сани, запряженные парой вороных в серебряной сбруе. Сбруя снималась и надевалась, и моему блаженству не было конца. Милый папа знал, что подарить.

Отец кончил курс с серебряной медалью в Александровском лицее и 23 лет женился на своей троюродной сестре Масловой. Матери было только 18 лет. Она воспитывалась за границей и знала по-французски лучше, чем по-русски. Сестры ее даже едва говорили на своем родном языке, а вышли обе за провинциалов. Две сестры отца всю жизнь провели в провинции и оказались замужем за итальянцами — одна даже за ревнивым сицилианцем, доведшем ее до чахотки, другая за известным санскритистом Де-Губернатисом. Отец очень быстро шел по службе, чуть не 25 лет был начальником отделения, а 32 лет действительным статским советником. *И отец, и мать оба писали*¹.

Летом разыгрывалась фантазия матери. С нетерпением ждала я своих именин, зная, что она готовит мне сюрприз. Но то, что она дарила, всегда превосходило мои ожидания. *За деревянным топором следовала маленькая соха с железными лемехами — соха, в которую я впрягала братьев; и, наконец, явилась коса, в сообществе бруска в брусочнице и молотка с бабкой.*

Когда этой настоящей маленькой косой я *выкашивала наш* так называемый чистый двор, ремешок брусочницы опоясывал мою красную кумачную рубашку с косым воротом, а внизу торчали высокие голенища сапог. Летом мать *уступала моей слабости и позволяла мне ходить в рубашке*². Но зато зимой мне оставалось только *завидовать. У этих счастливых мальчиков были такие красивые синие кафтаны с золотыми пуговками, отороченные серым бѳрашком, и, к довершению моей зависти, еще красные кушаки и шапки, а я... ходила в салопе и капоре*³.

Мои прогулки в городе были *отравлены этими атрибутами «девочки».* Мне было неловко в них, и они казались мне некрасивыми.

В рубашке было так удобно *вскочить в телегу, править, лазить на каждое дерево.*

Я *ездил*, правда, в платье, на козлах нашего большого крытого тарантаса, потому что *угговорить меня сесть в клетку было трудно, и править я любила больше всего на свете, пока не стала ездить верхом, и тогда править показалось мне уже скучным.*

Кучер был *нередко пьян*, как это подобает деревенскому кучеру, и я совсем *одна справлялась с тройкой.* Я *изучила все нехитрые приемы этого управления, и лошади меня слушались: вожжѳей я не дергала — для этого я слишком любила лошадей.* Любила и собак, и помню, как 4-х лет

¹ Пробуждение литературного таланта в генерации перед тем, как родиться замечательному ребенку-урнингу. В. Р-в.

² Т. е. в мужской крестьянской рубашке. Какие все подробности! См. стр. 76–81, в главе «Прослойки содомии у Л. Толстого», извлечение из его «Воскресения» о подруге Екатерины Масловой. В. Р-в.

³ Поразительно. Полная аналогия примеров Крафт-Эбинга. В. Р-в.

ничем не сумела угостить собаку, кроме освященной просфоры, и до чего все перепугались.

Уже если я завидовала братьям, то еще больше кучеру, у которого все было настоящее. Его шляпа с павлиньими перьями и наборный пояс были лучше того, что носили мальчики.

Но хотя у меня не было ни шляпы с павлиньими перьями, ни кушака, зато уже в 13 лет у меня была собственная лошадь. Не зная, что мне покупать, отец давно дарил мне деньги, и на них-то я купила лошадку.

Хотя «Каренькую» не только кормила на свой счет бабушка (в ее имении мы жили всегда летом), но моя лошадка и пахала, и возила навоз и сено¹, все же я каталась на ней раза два в неделю, а остальное время заботилась о том, чтоб ее не мучили. Впрочем, бабушка и сама любила лошадей², и им жилось у нее хорошо.

Мое мальчишество не нравилось старушке. Она пыталась иногда читать мне наставления, хотя и делала это в очень мягкой форме. «Зачем мама тебе это позволяет? Разве девочке можно?»

И я вспыхивала, хотя бабушка была такая добрая и слабая, что на нее нельзя было сердиться. К тому же она и сама меня опасалась; то же, как я проводила время, подкупало ее в мою пользу.

А именно: летом я вся отдавалась своему садику.

Бабушка отвела мне лужок за домом, и на этом лужке я устроила себе сад-огород. Были у меня там и цветы, и овощи, и ягодные кусты, цвела и попевала клубника. Очень занимала меня компостная куча, которую я постоянно перелопачивала, но не помню, чтоб мои урожаи отличались обилием. Напротив, у бабушки, хотя и не было компоста, все родилось несомненно лучше. Мой уголок был слишком тенист и не удобрен издавна, как бабушкин огород. Тем не менее я гордилась своим садиком и его не бросала — чуть ли не до 18-летнего возраста. Тут стало уже не до него, и как жаль, что стало так.

Мое детство в деревне неразрывно связано с соседями по имению, именно двумя девочками одних со мной лет. Мы проводили два дня в неделю вместе и проводили их неизменно... в бане. Баня изображала избу, а мы — мужиков. Мужики производили все сезонные работы. Роли

¹ Рабочие инстинкты у богатой и знатной девочки, которую все нежат. Сравни, как полную аналогию, слова Толстого об урнинге-дочери генерала, подруге Масловой, в «Воскресении» («Прослойки содомии у Толстого и Вл. Соловьева»). И при этом тут не просто рабочие влечения, но названы специальные мужицкие работы. Не вытекает ли в самом деле «работа» из пола? Потому что ребенок Безобразова еще ни о какой культуре не задумывалась, ни о цивилизации, ни об истории, ни о классификации работ между полами. Но она берет «соху» и хочет «пахать», как урнинг-Деметра «научила жителей Аттики земледелию». Настоящее призвание самца — охота, звероловство; и «звериная», «животная» жертва Авеля-зверолова «угодна Богу». Но — аналогия монашескому зову Евы — Каин начал заниматься земледелием, и плоды рук этого первого на земле урнинга были «отвергнуты Богом» (как и Ева «пала» в анти-уранистическом Ветхом Завете). В самом деле, взгляните в фигуру пахаря, идущего за сохой, в этот «мирный труд» его, на который хочется «позвать благоговение Божие». Лучшие в мире земледельцы — китайцы, полу-бабы, «с косами». Но и, вообще, идти за сохой, проводить борозду и бросать в нее зерна — как это близко к чисто женскому занятию — ткать полотно. По форме, по методу, беспорывному и без «кулака», земледелие есть типичное муже-бабное дело, содомическое и уранистическое. В. Р-в.

² Вот как далеко идет в род. Женщина любит корову, а если коня начинает любить — то это уже в ¹/₁₀, в ¹/₁₀₀ пробудившийся в ней урнинг. Ковь есть столь же мужицкая вещь, «мужицкое хозяйство», — ковь и еще собака, «пес», — как кошка и особенно корова суть домашние животные жены и ее «угол», ее «хозяйство». В. Р-в.

были распределены раз навсегда: *самая энергичная из нас была хозяйном, ее сестра — хозяйкой, а я — работником.* И мы совсем уходили в свою крестьянскую жизнь.

Теперь, *когда я вспоминаю эту игру, мне всегда кажется, что мы предугадали в ней свою судьбу.* Хозяин действительно стал хозяйном, управляет образцово именем, тем самым, где мы играли в бане, хозяйка так же хорошо ведет свое городское хозяйство, а я... так и осталась работником, чем была в бане.

Хорошо жилось в деревне и, когда наступала осень, не хотелось в город. Не то чтоб я не любила учиться, но весь склад городской жизни, заключенной в стенах, и *атрибуты девочки были мне противны.*

Всего менее пришлось я ко двору в пансионе, куда ходила с 10 лет. Это был очень приличный немецкий пансион, где воспитывалось 3-е поколение девочек тихих и выдержанных, готовившихся стать со временем добрыми Hausfrauen¹ и Mütterе², а до тех пор усердно зубривших то, что полагалось зубрить. И среди них вдруг очутилась я — *этот русский сорванец, добрый товарищ моих братьев, для которых я оказывалась очень часто слишком бойка, когда их муштровала и находила, что они не умеют войти во вкусы лошадей и плохие кучера.*

Что было мне делать в пансионе! *Моей удали не было никакого исхода, и во все время существования этого пансиона, с тех пор, как ввелась толстая черная книга, именуемая «журнал», ни у кого еще никогда не было таких баллов за поведение.* Я оставалась одна и сама по себе в этом отношении. *Меня так много и часто бранили, что я давно перестала слушать и интересоваться тем, что мне собственно говорили.* Помню, что мне *пророчили ад*, но я не боялась и ада. Когда я была в младших классах, моя классная дама — немка — даже *выдумывала для меня особенные наказания, никогда в пансионе не существовавшие и, верно, после меня канувшие в вечность.* Она *отправляла меня завтракать в отдельную комнату, а я этим гордилась.*

Ни баллы, ни наказания не производили на меня ни малейшего впечатления: я так же мало обращала на них внимания, как на слова, и продолжала жить по-своему. Предсудительным я считала говорить по-французски и по-немецки (я недурно уже говорила дома), а, напротив, стремилась обучить лучшему выговору своих товарок-немок, которые немилосердно коверкали русский язык. И совершалось то великое чудо, что немочки, не боясь даже замечаний, отвечали мне по-русски, и я от души могла радоваться их успехам, за которые мне столько доставалось. *У немочек же я ничему не научилась.*

В классе я или *читала русскую книгу, или писала сочинение;* слушать, как по 10-ти раз отвечают то же самое, казалось мне нестерпимо скучным. И все это делалось на глазах учителей, так как я *никогда не скрывала того, чем занималась.* Меня *оставляли в покое, потому что сделать со мной все равно ничего не могли.*

Учителю французского языка, возле которого я имела удовольствие сидеть (я была у него второй ученицей, а мы помещались за длинным столом по рангам и сидели на стульях), я *даже сама*

¹ домохозяйками (нем.).

² матерями (нем.).

читала наставления, когда мне казалось, что он недостаточно внимательно слушает то, что ему отвечают. Он мне надоедал тем, что на меня смотрел,— и на мой вопрос: «Que me regardez-vous?»¹ всегда уверял: «J'étudie votre caractère»².

Уроков дома я никогда не учила, а только в классе. Дома я читала и со страстью играла на рояле, потому что мне нравилась моя учительница музыки (ученица Антона Рубинштейна) и хотелось доставить ей удовольствие. Таланта же к музыке у меня не было, как вообще не было никаких талантов.

Моя жизнь в пансионе протекала довольно спокойно — я умела избавиться себя от всех скучных обязанностей, которые на мне лежали, и училась исподволь. Я не знала, что такое переутомление, и не понимала самолюбия хотеть быть первой ученицей. С удивлением пожимала я плечами, когда меня бранили за то, что я недостаточно хорошо учусь. «Ведь в числе же лучших я»,— думалось мне, когда я постигала наконец, за что мне досталось на этот раз. «А баллы, какое мне дело до их баллов»,— недоумевала я, сидя за Гоголем или Тургеневым и уносясь в иной мир. Все равно умрем, все суета сует и, когда человек живет на земле так недолго, стоит ли заботиться о баллах! В моих глазах это было верхом суеты, и от этой суеты я была избавлена или избавила себя сама³.

Мысль о смерти не давала мне покоя⁴. Совсем еще маленькой девочкой я видела страшные сны: себя в гробу и пробуждение потом. Это был один из самых обыкновенных моих снов, который развивался во всех подробностях и, как это бывает со снами, часто повторяющимися, у него была своя обстановка, и я относилась к этому сну, как к чему-то своему и родному⁵.

Когда я стала старше, мысль о смерти являлась мне и наяву и принимала образ нирваны. В любое время дня или ночи я могла представить себе, что более не существую, и уничтожались для меня время и пространство. Ничего более ужасного не могу вообразить до сих пор. Когда нет времени и пространства, то нет ничего, и состояние беспредельной пустоты, чего-то худшего, чем пустота, потому что пустота все еще наше человеческое понятие, внезапно меня охватывало. Я выходила из этого сомнения, произнося обыкновенно одно слово «мама», и направлялась к матери ближайшим путем.

Раз я перелезла через комод, потому что путь по полу показался мне длинным. Только когда я видела близкого человека, состояние это проходило⁶. В нем я изучила понятия пространства и времени и убедилась, что без них человек не может жить. Все обращается в ничто, когда нет

¹ «Что вы смотрите на меня?» (фр.)

² «Я изучаю ваш характер» (фр.).

³ Чисто мужской образ мысли, типичные мысли и отношение к делу гимназистов. В. Р-в.

⁴ Вот опять направление в сторону мистики и религиозного, «по-ту-светного»: обычное направление урнинггов. Можно сказать, «тот свет» создан урнинггами, потому что они типично сами — не этого света существа и, до некоторой степени, действительно «по-ту-светны». В. Р-в.

⁵ Поразительно! См. у Крафт-Эбинга аналогичное признание: «Я говорил с давно умершими людьми, с дальними своими предками» (случай effeminatio врача-мужчины). В. Р-в.

⁶ Возвращение от метафизического состояния к физическому состоянию, через прикосновение к другому физическому же, к другому конкретному. В. Р-в.

времени и пространства,— было мне ясно задолго до того, как я читала *Канта* ¹.

Рано начала я читать все то, что имело какое-нибудь отношение к философии. Никто мне этого не говорил, но я чутьем знала, что те вопросы, которые меня мучают, создали философию, и философы — те люди, которые одни могут меня утешить и успокоить ². У них искала я разрешения вечных вопросов о происхождении мира и его будущем — разрешение и разгадку того, что составляло мою внутреннюю жизнь. Об этом я не говорила даже с матерью, хотя была с ней дружна и рассказывала ей много такого, чего обыкновенно не говорят матерям.

Я еще не была в пансионе, когда мне попала в детском журнале психология, которую я списала и хранила, как святыню. Из этого же источника почерпнула я, верно, правила жизни Франклина — другое мое сокровище, занесенное в тетрадку. Когда задавали урок истории, я шла в кабинет отца и в его просторном немецком Вебере читала о том периоде, который у нас проходил, но читала только то, что делала в это время философы. Я не всегда учила урок,— какое мне было дело до войн и суесть королей, но я всегда читала в Вебере о том, что составляло для меня содержание жизни.

Мать рано начала удовлетворять моей страсти к чтению. В то же время начались и мои первые литературные опыты, которые были так же неудачны, как и многие последующие. Помню, как я сидела над первым детским чтением — сказками, и всеми своими силами пыталась выкинуть из них волшебный элемент. Иногда мне казалось, что я нашла решение, и я долго радовалась, но потом обыкновенно разочаровывалась. Волшебный элемент был так крепко вплетен в сказку, что когда я заменяла его естественным, то ничего не оставалось. Я чувствовала, что ничего не выходит и моя работа пропала.

Когда сказки заменились нравоучительными повестями вроде «Квечи» и «Le vaste monde» ³, я до того сжилась с их героинями, что начала проводить в жизни то, что делали эти девочки. В этих повестях особенно часто шла речь о суете мирской — истинный мир, мир религии не имел ничего общего с нашей жизнью. Иногда я помышляла даже о том, чтобы обратиться к своим близким с вопросом о том, почему они так мало думают о будущей жизни и не делают того, исполнять что мне казалось просто. Иногда я представляла себе, что придет тот день, когда я это скажу всем людям,— они поймут меня, уверуют и перестанут грешить.

Но как ни казалось просто то, что надо делать, настал тот день, когда я и сама разочаровалась в том, чему прежде так горячо верила.

Произошло это в Италии, где мы проводили осень. Был ли то переходный возраст — 14 лет, влияние ли католицизма с его процессиями и мадоннами в платьях, или разговоры дяди-атеиста, которые доносились до меня урывками из другой комнаты,— верно, все вместе

¹ Вот где даны «врожденные философские концепции», вот как и откуда «учатся философии», и даже объяснение где лежат «наши темные представления» (Лейбниц). Все — в поле, и в его тенях и оттенках, которые бесчисленны («мировой эллипсис пола», «колесо» Иезекииля). В. Р-в.

² Вот как «рождается философия». В. Р-в.

³ «Целый свет» (фр.).

взято заставило меня решить, что религия лишь измышление, иллюзия и фантазия человека.

Вернувшись в пансион, я стала мучить несчастных немочек и ежеминутно их спрашивала: «Веришь ли ты?» Когда мне говорили, что «да», я скорее отвязывалась, чем когда слышала «не знаю». *Все мое негодование изливалось на произносившую такие глупые, по моему мнению, слова.*

— Как можешь ты говорить «не знаю», когда *это самое важное в жизни*,— громила я несчастную девочку и объясняла ей всю важность вопроса.

Не помню, чтоб я когда-нибудь говорила, что сама не верю, а тем более чтоб развивала свои мотивы. От меня этого никто не требовал, и я считала нужным молчать.

Только раз помню, что возбудила спор в классе, который долго нас занимал.

Речь шла о том, *как мыслит человек — словами или не словами.* Началось с того, что я по своему обыкновению приставала к одной из немочек и на этот раз дразнила ее тем, что она думает по-немецки. Девочка эта говорила по-русски лучше всех, была даже православная, а все же я уверяла, что она немка, и в доказательство и привела этот свой аргумент.

Она ответила мне так, как я вовсе не ожидала.

— Совсем не думаю словами.

— Как не думаешь! — накинулась я на нее. — *Нельзя думать без слов! Каждый человек думает словами!*

— А вот, — объясняла она мне, — «придет к нам в класс Флери», — неужели ты себе это говоришь, а я так *представляю себе его вице-мундир, лысину...*

Меня осенило, что я была не права. Да, конечно, и я, когда думаю, что «Флери придет в класс», то *представляю себе его*, а не говорю слова. Но как же это, однако? Есть такие вещи, о которых без слов совсем нельзя думать, и я вспоминала свои излюбленные «добродетель, вера, грех». «Да, нельзя — кто же прав: Лейшке или я?»

И кто бы ни входил к нам в класс — был ли то учитель арифметики, географии или рисования, которая-нибудь из немочек непременно докладывала, что его просят ответить на один вопрос: «Как думает человек?»

И учителя путали и путали. Из их объяснений я ничего не вынесла и так и осталась с убеждением, что это трудный вопрос, пока не узнала, что мы спорили о понятиях и представлениях, и никак не могли прийти к соглашению, что нужны и те, и другие.

Хотя этот спор имел мало отношения к *воззрениям Лейбница и Локка на природные и приобретенные идеи*, тем не менее их разногласие было мне всегда особенно понятно и близко, было чем-то совсем своим благодаря нашему спору.

У меня была еще мысль, которой обыкновенно не бывает у детей: *мне совсем не хотелось вырасти*¹, даже больше того — я страшно

¹ Поразительно. Мотив *желания* «скорее вырасти» не есть ли жар души «скорее заневеститься» и стать скорее «женихом», инстинкты *самки и самца*. И у «невест невестных», как и у «странников в пустыне мирской», естественно это чувство: оставаться бы вечно таким, как есть, «не надо вырастать», *незачем*. В. Р-в.

боялась того времени, когда буду большая, не стану больше ходить в пансион, и мне придется жить. «Хотя бы теперешнее время никогда не прошло», — было единственное, о чем я мечтала, шествуя в пансион, играя на рояле или играя в карты с французенкой, гувернанткой младших.

Мне было хорошо, и я представляла себе, что дальше будет хуже.

Может быть, иногда потом мне было лучше, чем я себе это представляла, боясь вырасти, — я слишком уже боялась.

Итак, я росла не такой девочкой, как многие, и имела право спрашивать Луизу Христиановну — не ошиблась ли она.

Но я не любила и даже обижалась, когда одна русская товарка (*моя любимая*) называла меня чудачкой.

Несмотря на свою бойкость, *я была застенчива*, и мне хотелось быть, как все.

Когда в пансионе меня целовали чужие дамы, я сгорала от стыда¹ и готова была провалиться сквозь землю, только чтобы не сделать реверанса.

Детские балы смущали меня необходимостью войти в залу, хотя я охотно на них ездила.

Застенчивость уживалась во мне с бойкостью и мальчишество с мыслью о смерти.

Много неразгаданного в человеческой душе, и крайности не всегда одна другую исключают.

Мне не было еще 16-ти лет, когда, просидев 2 года в старшем классе, чтоб не кончить 14-ти, я вышла из пансиона и вступила в жизнь, которой так боялась.

Во время последнего года, который я проводила в пансионе, речь все чаще и чаще заходила об экзамене на домашнюю учительницу.

В самом пансионе экзаменов не существовало.

В каждом классе было так мало учениц (не более 15-ти), что всех знали и переводили по годовым баллам. Иногда оставляли, когда учење не давалось; случалось, что оставляли и за способность, т. е. слишком юный возраст.

Естественно, что вопрос об экзамене всех пугал. Держали его далеко не все, спрашивали же друг друга решительно все:

— Будешь держать экзамен?

Когда с этим вопросом обращались ко мне, то я неизменно отвечала:

— Книги никогда не возьму в руки.

И я говорила чистосердечно. Мне еще совсем не приходило в голову, что я буду делать, когда кончу в пансионе. Менее всего было мне ясно то, что я когда-нибудь заинтересуюсь учебниками. Слишком мало уделяла я им до сих пор внимания. Но потому-то именно учебники мне еще совсем не надоели, и моя работа была впереди.

Случилось очень скоро то, о чем я совсем не помышляла.

В 16 лет я была еще слишком молода, чтоб выезжать: надо было подождать год. Братья не были более моими товарищами, старший

¹ Вещь совершенно необъяснимая и *небывалая*, если б она была *только женщиной*.
В. Р-в.

учился в Лицее, второй в гимназии, и они продолжали быть мальчиками в то время, как я стала взрослой.

Что оставалось мне делать?

Я купила себе программы экзаменов и русские учебники (в пансионе все предметы, в том числе и арифметика, проходились по-немецки). День был у меня правильно распределен, и каждому предмету отведено свое время. Сколько меня ни отговаривали, я брала все предметы главными и приводила аргументом то, что главный предмет можно обратить в дополнительный, не выдержав экзамена, но почему не попробовать и чему это мешает?

Я относилась теперь к экзаменам с таким же легким сердцем, как бывало в пансионе к баллам, и совсем не волновалась. *Любимым моим предметом сделалась арифметика, которой я совсем не знала в пансионе. Мне попался очень хороший учебник Назарова, и я до того увлекалась решением задач, что забывала даже о распределении своего дня. Память у меня всегда была хорошая, и когда я раз пришла к матери с толстой книгой хронологии, то оказалось, что я знаю в этой книге все события до одного.*

И вот мы сели в карету и ехали в шестую гимназию. Я ощущала только радость. Меня не охладил даже первый экзамен — французский, несмотря на то, что учитель все время ко мне придирался и поставил 4. Тот же балл получила я из немецкого, все же остальные экзамены выдержала на 5. Это случалось редко. Во время последнего экзамена ко мне подошел окружной инспектор и меня поздравил.

Этот первый успех произвел на меня впечатление. Я уверовала в свои способности и решила... поступить в Цюрихский университет. Одна знакомая барышня дала мне университетскую программу, и я ее хранила как самое дорогое, что у меня теперь было. В этом только заключалась вся моя связь с университетом. Долго, очень долго у меня не было другого отношения к Цюриху, как эта программа.

Но когда я попробовала раз объявить о своем решении матери, то она только рассмеялась.

То была мать, сочувствовавшая моему желанию учиться, но был еще отец, ему вовсе не сочувствовавший.

Ученые женщины были кошмаром отца: он их преследовал вне дома и мог ли примириться с ними у себя?

Отец только потому отдал меня в немецкий пансион, что там учили меньше, чем в гимназиях, и, по его словам, не учили естественной истории. По его мнению, женщинам совсем не надо было учиться, но так как не учиться в XIX в. было нельзя, то он и нашел паллиатив в образе немецкого пансиона.

Странно, конечно, что, при таком отношении к женскому образованию вообще и к моему в частности, отец сделал из меня своего секретаря¹, не помню с каких лет, но, кажется, когда я еще была в пансионе. Я рассылала повестки и циркуляры, а позже читала корректуру его изданий. Другой его секретарь, магистрант Петербургского университета, никогда не оспаривал у меня первенства.

¹ Конечно, сделал вследствие высокой способности к этой мужской форме труда, которая, вероятно, кидалась у его дочери в глаза; и он сделал для этой дочери «исключение» в силу ее явно «исключительной натуры». В. Р-в.

Но хотя я собиралась в Цюрих, тем не менее не уяснила себе вопроса, чему хочу учиться и чем стать? Если в детстве меня всего больше интересовала философия, то в юности привлекало естествоведение. Я по-прежнему любила деревню, и мне хотелось *деятельности, где для женщины будет такой же простор, как и для мужчины. А в сельском хозяйстве они равны, и я всего чаще мечтала о том, чтоб стать агрономом.*

Далека была от меня мысль, что я могу стать кабинетным ученым. В нашем доме мне давно надоели ученые, и та атмосфера, которой я была окружена, казалась мне скучной. Те подробности, о которых мне приходилось постоянно слышать, представлялись мне ненужными. Сути государственных наук я не могла уразуметь, и они оставались мне чуждыми.

Когда мать давала мне читать экономистов, то я только удивлялась тому, что такие книги ей нравятся. Отец имел привычку читать мне свои статьи, и я всегда радовалась, когда он кончал. Мне было жаль сказать ему, что это скучно.

Мать до тонкости изучила специальность отца — политическую экономию¹. Она не только читала Адама Смита (он-то и был мне особенно противен), Рошера, Молинари, Лоренца Штейна, но переводила и академические мемуары отца на французский язык. Мать писала по-французски лучше, чем по-русски.

Ее писательская деятельность началась с фельетонов в «Journal de St.-Petersbourg». То были критические очерки русской литературы, блиставшие остроумием и возбуждавшие постоянные нападки «Гражданина» благодаря своему либерализму. Еще замечательнее были ее корреспонденции в «Journal des Débats». Они обращали на себя всеобщее внимание, и автором их считали одно время Анат. Леруа-Больё. Она писала их в течение 10-ти лет и вела одно время этот отдел в «Revue Suisse» и в «Contemporary Review» (по-английски). В «Rivista Europea» (издавал ее Де-Губернатис) были помещены ее статьи о Тургеневе, и в «Nouvelle Revue» — о женских типах в русской литературе. Может быть, лучшее, что написала мать, — статья в «Journal des Economistes» о женском вопросе. Она доказывает, что ошибаются те экономисты, которые считают освобождение женщин социалистической теорией, и что в политической экономии не существует аргумента против свободы женщины.

Отец же, одинаково изучавший политическую экономию и преподававший ее в Александровском лицее и великим князьям, был ярким противником этой свободы и недалеко ушел в этих своих воззрениях от кн. Мещерского.

И мать 10 лет скрывала от отца, что она писательница. Ее псевдоним «Татьяна Светова» оставался глубокой тайной (я была в числе 3—4 посвященных).

Наконец эта тайна раскрылась. Мать написала детские рассказы и подписалась «Е. Васильевская» и показала их отцу; и вот случилось, что он первый начал расхваливать эти рассказы и написал о них

¹ Очевидно, уже у матери было движение к мужской организации, которое выросло в дочери; от $\frac{1}{10}$ урнинга — урнинга в $\frac{1}{3}$, и далее (если бы продолжалось потомство) — в $\frac{2}{3}$, в $\frac{3}{4}$, в полного урнинга. В. Р.-в.

рецензию. *Особенностью отца было необыкновенно мягкое сердце, сердце не мужское*¹, но горяч он был, конечно страшно, как все добрые люди.

Стоицизм матери произвел на него глубокое впечатление. Он при своей экспансивности не мог себе представить, как можно скрывать что-нибудь несколько часов², а не только десять лет.

Я мечтала тем временем о чем-то большом и захватывающем. Мне хотелось действовать и творить большое и великое. Великое не умещалось у меня в рамках писанья. Писать было чем-то чересчур обыденным и прозаическим в нашем доме, где все писали, начиная с отца и кончая 10-летней сестрой и 9-летним братом, сочинявшими повести.

А я, напротив, никогда не писала и не слыла в семье писательницей — слишком много уже все это делали.

Твердо решено было у меня лишь одно — попасть в Цюрих, а для этого надо было пройти, по моему мнению, курс мужской гимназии. И вот я взяла программу — вычеркнула то, что знала, и занялась тем, чего не знала, — математикой и древними языками. Алгебра мне понравилась — я опять увлеклась решением задач, но геометрии не понимала и никогда не была в состоянии решить ни одной задачи. Когда же дошла до тригонометрии, то стала совсем в тупик. Мне казалось, что геометрия построена на каком-то чудовищном недоразумении, — в чем оно, я не могла разъяснить, но для меня это была фиктивная наука.

Древние языки пошли у меня недурно, только греческий смутил на первых порах своей азбукой. Второй брат, всегда первый ученик своего класса, мне помог, время от времени просматривал мои переводы и неизменно ставил тройки. Больше я не заслуживала, хотя все же подвигалась не совсем медленно и в два года прочла тех авторов, которые полагается читать в гимназии. Аттестата зрелости мне, конечно, никто не выдал, да я о нем и не помышляла.

В течение этих двух лет я мало читала, за исключением специальных сочинений по химии и ботанике, так как слушала лекции Менделеева и Бекетова на Владимирских курсах. Меня возила на эти лекции мать — к великому ужасу отца, который, со своей стороны, усердно пропагандировал манеж и балы.

Я ничего не имела против манежа — лошади ведь были с детства моей страстью, и, когда я брала первый урок, берейтору и мне казалось, что я провела всю свою жизнь на лошади.

Одинаково не имела я ничего и против балов, хотя танцевала гораздо хуже, чем ездила верхом. В жизни барышни балы являлись оазисами. Насколько скучны были визиты и разговорные вечера, настолько интересны были балы. Только на балу и чувствовала я себя свободной. Сама атмосфера бала казалась мне обаятельной; общее оживление, блеск залы, чудная музыка.

Но одних балов для моей жизни было мало, и пришел тот день, когда я вошла в кабинет к отцу и повела с ним решительный разговор.

Я объявила ему, что хочу учиться. Он удивился, потому что никак не мог понять, о каком ученье я говорю.

¹ Мать — мужественная, отец — женствен. Совершенно понятно «происхождение такой дочери», как понятна равно талантливость обоих родителей. Можно почти дать афоризм, что «всякий талант — гермафродитичен». В. Р-в.

² Чисто женская натура — у отца! В. Р-в.

Но я твердо стояла на том, что хочу поступить на педагогические курсы. Отец рассмеялся. «Ты хочешь быть учительницей. Но какая же ты учительница?» — объявил он мне.

Хотя я давно уже учила и крестьянских детей, и сестру с братом, и любила учить, но отвечала:

«— Я не хочу быть учительницей», — так как действительно думала о совсем другом. Но я знала, что это другое, по его воззрениям, мне еще более недоступно, и потому-то решила добиваться того, что казалось мне более возможным.

Давно уже направляла я шаги гувернантки на Гороховую, чтоб лишний раз взглянуть на милую мне синюю вывеску Женских Курсов.

— Мне только хочется учиться, — очень красноречиво убеждала я отца, так как долго готовилась к этому разговору и обдумала все его слова. И он внимательно меня слушал. Но тут явился новый вопрос.

— Как же ты будешь ходить одна по улицам?

Мне было 18 лет, но я еще никогда не ходила одна. Помню, как раз мать послала за мной к знакомым карету с лакеем, но отец нашел такую охрану недостаточной и посадил в карету еще гувернантку.

Однако у меня был готов ответ. На Курсы поступала одна наша соседка по дому, и я объявила отцу, что буду ездить с ней. Л. принадлежала к очень почтенному семейству, и отец неожиданно согласился.

Я пошла объявить матери о том, что произошло.

Она была так поражена, что мне не верила.

— Как мог он позволить! — все повторяла она. Но это невероятное случилось, и наступило время конкурсных экзаменов.

Я была уверена, что их не выдержу, так как на 40 вакансий желающих поступить оказалось 100, и 40 из них были с медалями. Медали меня всего более смущали. Мне почему-то казалось, что должны поступить их обладательницы, и никак не я. Мои шансы казались мне ничтожными.

И потому трудно себе представить мою радость, когда я была принята и значилась в списке четвертой. На этот раз мое место доставило мне неопишуемое блаженство.

Итак, я вступаю в храм науки достаточно подготовленную: мое домашнее образование не оказалось ниже гимназического, и блеск медалей потускнел в моих глазах. Я перестала взирать на них с прежним благоговением и скоро убедилась, что многие, имевшие медали, знали гораздо меньше тех, у которых медалей не было.

Наступило славное время.

Передо мной открылся новый мир — мир университетского знания, хотя, собственно, Курсы не были университетом, и из преподавателей профессором был один В. В. Никольский. Он читал в духовной академии.

Педагогические Курсы переживали в 1875—76 гг. блестящее время: они были преобразованы, и при них открыта прогимназия взамен прежней школы; а ведь известно, что в России метут особенно чисто только новые метлы.

Ревностно занимался Курсами несомненно талантливый педагог, покойный И. Ф. Рашевский. Мы были первыми слушательницами, учившимися в прогимназии, и с своей стороны одинаково старались —

усердно посещали содержательные лекции, много читали и писали дельные сочинения.

Но лучшими на Курсах были для многих из нас лекции Владимира Васильевича Никольского. Он, к сожалению, слишком рано умер, и у него нет того имени, которое он оставил бы, если бы прожил дольше. Впоследствии он был инспектором Александровского Лицея, и, кажется, недолго.

Кто внимательно слушал его лекции, никогда их не забудет. Н. не был красноречив, но то, что он говорил, было лучше всякого красноречия. Каждое его слово было продумано и взвешено, и основная мысль лекции была проведена всегда образно и ярко.

Он читал нам историю русской литературы, и чего только не вносил в свои курсы. Впервые постигла я смысл тех понятий, которые прежде оставались для меня мертвой буквой.

Н. объяснял нам, что такое «народное самосознание» и как оно отражается на литературе.

В литературу, по Никольскому, входили не одни произведения словесности — она охватывала все плоды просвещения, выразившиеся в слове.

Помню его лекции об эпохе Екатерины II. Он разъяснил, чем был «Наказ», и ввел нас в науку о праве. По поводу французских энциклопедистов Н. изложил вкратце историю новой философии.

Я не согласилась с тем, что он говорил о Декарте, и, когда меня просили как-то раз повторить его лекцию, я передала собственное мнение. А именно, Н. назвал «мыслью — следовательно существую» Декарта силлогизмом. Я же понимала это положение в более широком смысле — для меня оно было не силлогизмом, т. е. чем-то только формальным, а в этих словах заключалось целое мирозерцание. Впоследствии я узнала, что изложение Н. было семинарским, мое же обыкновенным.

Другой наш авторитет, Рашевский, читал нам, будущим учительницам языков, дидактику и методику русского языка, разъясняя сущность грамматики и связь русского языка с церковнославянским. В то же время Р. прививал нам гуманное отношение к учащимся.

Занятия в прогимназии были организованы образцово. Сначала мы слушали уроки преподавательниц и разбирали эти уроки на особых конференциях. Каждая из нас представляла письменный отчет и имела право высказывать свободно свое мнение. Далее надо было составить программу собственных уроков и выбрать себе ассистенток. Следовали эти уроки, и за ними опять конференция, на которой дававшая уроки представляла о них отчет, ассистентки же делали свои замечания.

Раз на одну из таких конференций приехал Осинин, начальник Курсов. Многие из нас, в том числе и я, его не любили за высокомерное обращение, неуместное в высшем учебном заведении. Но Осинин считал курсы гимназией, а нас ученицами.

На первой же своей лекции (он читал педагогику, излагая психологию по Бенеке, но никогда не называя источника) он объявил нам, что мы не имеем права пропускать уроки, и нас будут записывать. Этого, кажется, никогда не делалось, да и было некому, а всего чаще пропускали мы уроки именно самого Осинина. И час был ранний, и его манера

спрашивать и заставлять стоять — неприятны. Помню, как я и сидевшая рядом со мной В. боялись, что он нас вызовет, но этого не случилось с нами в течение двух лет.

Но вот он приехал на конференцию, и как раз когда я была ассистенткой. Мне пришлось сделать при нем мои замечания, и я осталась сидеть, как это было заведено на конференциях.

Не знаю, это ли или моя критика не понравилась Осинину, но, когда я кончила, он объявил:

— У всякой медали есть две стороны.

— У нас здесь принято только критиковать, мы никогда не хвалим,— быстро возразила я к всеобщему удивлению.

Осинина на Курсах очень боялись, и странно прозвучали мои слова начальнику о том, что у нас «принято».

Мне не приходило, конечно, в голову, что это дерзость. Я сказала только то, что знали все, но чего никто бы не сказал.

Осинин промолчал, но оказалось вскоре, что он моих слов не забыл.

На своем уроке он задал классное сочинение. Когда в следующий раз он принес то, что мы написали, то в числе первых вызвал меня.

Соседка дергала меня за платье, боясь, что я опять не встану.

Но я стояла и слушала.

— Вы не умеете писать; у вас встречаются ошибки вроде «не» вместо «ни» (в одном месте было действительно переправлено, но других ошибок не было),— распекал меня начальник и поставил 7. Сочинение это относилось к педагогике, а не к русскому языку. И такая месть показалась всем мелкой, так как все знали, что я не могла написать на 7. Осинин уронил себя в глазах слушательниц, и промолчала на этот раз я.

У него была еще одна черта, которая одинаково не заслуживала уважения. Он делал выговоры наставникам при слушательницах.

Всего чаще приходилось выносить такое обращение старушке-наблюдательнице, единственной на все Курсы. Что могла она поделаться с бурлившей молодежью? Мы пользовались большой внешней свободой, проводили скучные лекции в коридоре и не всегда входили в класс по звонку.

Наши беседы в коридоре, так называемые «журфиксы», были гораздо полезнее скучных лекций, и старушка поступала умно, оставляя нас в покое.

Раз Осинин набросился на учителя французского языка за то, что на его уроке мы собрались не все сразу.

Это был тот самый Флери, который учил меня в пансионе (лектор университета). Здесь не он не слушал, а не слушали его. Как свою бывшую ученицу, он меня особенно отличал и читал мои сочинения вслух.

В. П. Острогорский, преподававший иностранную литературу, поставил мне за годовое сочинение 11. То был большой удар моему самолюбию. Я просидела над этим сочинением всю зиму, перечитала не только указанные О. десятки источников, но и многое другое, и написала 100 больших страниц. Немало заставили меня страдать мои «Страдания молодого Вертера». Я ожидала слова поощрения и не получила даже полного балла!

«Итак, я — бездарность, полная бездарность»,— приходило мне нередко в голову.

Не понимаю до сих пор, отчего это случилось? Неужели причиной служило то, что мои взгляды не сходились с воззрениями учителя? О. подчеркнул те места, где не был со мной согласен.

«А,— я думала,— вот что».

«Неужели развитие заключается в том, чтобы повторять сказанное учителем? Разве нельзя сказать что-нибудь другое!» Меня поражала такая узость, и я всего менее простила ее тому, кто был на словах поборником свободы. Какая нетерпимость и непоследовательность. И с пылом молодости я долго помнила, что меня обидели!

На второй год я не могла себя заставить заниматься у О. и даже не прочла того произведения, которое он всю зиму разбирал в классе; кажется, то было «Домби и сын» Диккенса; к тому же он слишком растягивал свои объяснения, все что-то обещая, а на самом деле повторяя старые фразы: то был катехизис либерализма, и, по моему мнению, Острогорский совершенно напрасно опошлял хорошее.

На этот раз я написала два сочинения — оба в один вечер, прямо набело, как писала, бывало, в пансионе. На этот раз я получила 12, и это меня несколько успокоило. Итак, 12 Острогорского оказались для меня величиной достижимой, хотя и не дали за целый год труда. Это все же было несправедливо, а с несправедливостью я как-то не мирюсь. Много еще таких 11 пришлось мне получить в жизни — и всегда, по моему мнению, когда я их не заслуживала.

Острогорский считался нашим курсом преподавателем из средних (раньше, и, может быть,— и позже, его ставили выше всех), а были совсем плохие, в особенности историки. Они читали старые записки и дремали сами, а подражая им, и мы. Я же была занята. Литографированных записок у нас тогда не существовало, те же, которые были в ходу из года в год, у меня недоставало терпения переписывать, потому что в них заносилось буквально все, от слова до слова. И потому я писала только главное, и прямо в тетрадь пером. Мои записки никому не годились, но я приготавлилась по ним к экзаменам в несколько часов.

Экзамены я выдержала хорошо и кончила второй. Первой была моя соседка по скамейке В. Когда мы переходили на старший курс, Рашевский назвал нас лучшими. Это было удивительно, потому что во время его уроков мы неизменно молчали. Молчали на вопросы: «что такое подлежащее?» и т. п., ибо понимали, что Р. дает новые определения, и старые уже никуда не годятся. Молчали еще потому, что не любили вставать и слышать, как нас называют просто по фамилиям. Когда к нам относились не как к барышням, мы чувствовали себя неловко.

Раз пришлось щегольнуть тем, что мы — барышни.

Старший курс был приглашен на бал к принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому. Это случилось впервые во все время существования Курсов и составляло событие. Старушка-надзирательница учила нас добросовестно тому, как себя держать, и даже реверансам.

Но мы более чем оправдали ее надежды. В. танцевала с маленькими великими князьями, а я кадрили с ненавистным мне Осининым. Собственно кавалерами были приглашены ученики коммерческого училища, поражавшие неотесанностью и неумением танцевать рядом с нами.

Наверху о нас было сказано, что мы приличнее даже институток, и больше Педагогические Курсы никогда уже не приглашались с коммерческим училищем, а всегда с Лицеом и Правоведением.

В. и я держались вдали от учителей. Мы даже досадовали, когда любимого Никольского мучили после лекций — ведь он устал, и зачем ему надоедают! И в числе этих жаждущих поговорить с учителями была обыкновенно Л., с которой я ездила на Курсы.

Отец не любил, чтобы опаздывали к обеду, и потому я уезжала одна. Теперь уже давно было предано забвению, что я не могу ходить одна по улицам, хотя, кроме Курсов, я нигде и не бывала.

Вся моя жизнь сосредоточивалась там. *Очень хорошо сложились товарищеские отношения*, так как было много развитых девушек, с которыми я сошлась. У меня существовала, впрочем, одна слабость: *я не могла видеть слушательницу, чтобы с ней не познакомиться*, и когда приходила на Курсы, то здоровалась со всеми, потому что всех знала. В. немало трунила над «моей популярностью». А я не прочтала ей замкнутости или «аристократизма», по моим словам. Когда у нас затевалось какое-нибудь общее дело и нужны были депутатки, выбирали всегда меня, а я тащила за собой ее. Она сердилась и соглашалась только, чтоб от меня отвязаться.

Общественное служение не доставляло ей ни малейшего удовольствия, толпа пугала. Известная замкнутость была и во мне — я сторонилась старших, но *меня тянуло к товарищам. Это какое-то органическое чувство, сильнее меня самой*¹.

И сколько я испытала горя от того, что меня *тянуло к людям, как к своим*.

Но на Курсах жилось хорошо, и эти счастливые страницы жизни никогда не изгладятся из моей памяти.

Когда первый раз в жизни я вошла в класс, чтобы дать пробный урок, то почувствовала себя совсем свободной. Моя ассистентка, баронесса К. у которой была собственная школа, даже попросила меня ее поучить.

Я рассмеялась и объяснила, что никогда еще не учила в классе. Мне кажется, что уметь учить нельзя передать, как и многое другое. Это дар природы.

Сущность хорошего преподавания заключается в том, чтобы видеть в классе целое и всегда иметь перед собой это целое. Тогда класс будет заинтересован, и дисциплина сведется на нет.

Мне было предложено место образцовой учительницы русского языка в прогимназии при Курсах. Места этого все добивались, а я должна была отказаться.

То, что я не буду учительницей, было обещано отцу, и, когда подходило время к окончанию Курсов, он даже уверял, что уедет из Петербурга, если я буду учительницей.

¹ Замечательно. Чувство «товарищества» — вот это *ходко* и *масляно* идущее товарищество — не так просто и рационально. Какие были «товарищи» в бурсе Помяловского?! — и тут, сверх прочих причин, не надо упускать и той, что все одноклассники здесь были «жеребьячей породой», т. е. отличными самцами. Все было дико, безлюбовно, грубо. Лучшие товарищи — урниги, которые около товарищей (незаметно для себя) «невестятся» или «жениховствуют». Масляно и быстро устанавливается нежность, деликатность, внимательность, готовность к услуге и даже готовность к жертве. Талантливый автор для всего этого нашел прекрасные выражения и формулы. В. Р-в.

Итак, мне пришлось отказаться, а к Цюриху я не приблизилась ни на шаг.

Когда я читала сведения, сообщаемые о студентах заграничных университетов, у меня сжималось сердце. «Есть же такие счастливицы», — думалось мне, и их становилось с каждым годом все больше, а я все сидела в Петербурге и, верно, просижу тут всю жизнь.

Цюрих был теперь окружен в моих глазах не только ореолом — к его блеску прибавились острые иглы. Давно забросила я программу, так как один ее вид заставлял меня страдать еще сильнее.

И, кончивши Курсы, я опять обратилась в ненавистную мне куклу-барышню.

Расскажу только один эпизод, который случился со мной два года позже.

В 1878 г. был открыт 3-й курс, и говорили, что дадут особые права тем, которые его кончат. Я проводила зиму с бабушкой в уездном городе, но мне захотелось записаться. Когда пришло время экзаменов, я достала записки и приехала в Петербург экзаменоваться.

Я прекрасно выдержала все экзамены, оставался последний — русская история.

Почему-то 2-й и 3-й курсы были соединены, и мне пришлось сидеть несколько часов и слушать, как отвечает 2-й курс. Это было нечто ужасное. Экзаменатор до невозможности придирался, слушательницы терялись и отвечали плохо вовсе не потому, что не приготовились. Я переживала все эти муки издевательства над людьми, которые не могли собой овладеть и объявить, что все знают.

И вот дошла очередь до меня. Речь шла о какой-то войне. Не успела я сказать двух фраз, как меня прервал экзаменатор:

— Вы же говорили, что война велась из-за Аравии, а теперь уверяете, что причиной войны явились курды.

— Желание овладеть Аравией было причиной войны, возмущение курдов явилось поводом к ней, — объяснила я спокойно и продолжала прерванный рассказ.

Он очень скоро меня опять перебил:

— Зачем были нужны туркам немецкие офицеры?

— Чтоб реорганизовать армию.

— А вы сейчас сказали — «чтобы вести войну».

— Разве одно мешает другому? — по-прежнему невозмутимо отвечала я. — Реорганизованная армия была нужна, чтоб воевать.

— Если вы будете продолжать так мне отвечать, я перестану вас спрашивать, — вспыхнув, объявил учитель.

— Как вы хотите, — спокойно сказала я, положила на стол билет и ушла из класса.

Когда я приехала домой, меня все спросили, что случилось и почему я такая счастливая?

— Выдержала экзамен?

Но выдерживала я их много, и к этому давно все привыкли.

— Не выдержала, — ответила я с восторгом. Вечером, в концерте, я встретила одну из экзаменовавшихся со мной, и она мне рассказала, как долго не мог прийти в себя П., и что он поставил мне 7.

Учитель отказался экзаменовать меня еще раз, и таким образом я не получила аттестата об окончании 3-го курса. Все равно — прав этот аттестат не давал никаких.

Отец сообщил мне, что инцидент был где-то описан — учителя бранили, а меня хвалили.

Как я была счастлива, что отомстила. «Может быть, это остановит других», — мечтала я.

«Розовое и черное из моей жизни»

М. В. Безобразовой

Приведем еще следующее рассуждение чистого девственника, ибо познание духа *девства взрослых людей* содержит вообще в себе ключ к разгадке всего христианства, всей Церкви:

«Вопрос об интимных сторонах брака представляет большой интерес для каждого человека, желающего жить сознательно и разумно. *Едва ли в какой-нибудь другой стороне жизни так переплетаются между собой и сталкиваются, по-видимому — в полном противоречии, духовные и телесные стремления личности.* Поэтому стремящимся к внутренней гармонии личной жизни в высокой степени важно объединить все разнообразие мыслей, чувств, желаний, вообще всех душевных состояний, вызываемых вопросом о браке.

Читателям «Русского Труда» известно, что в последних прошлогодних номерах этой газеты вопросу о браке г. Розанов посвятил свою переписку с православным священником А. П. Устьинским, под заглавием «Брак и Христианство». Эта переписка вызывает у читателя много недоумений, особенно ввиду того, что г. Розанов желает дать излагаемой там его теории религиозный колорит, называя ее «новой концепцией христианства».

Г. Розанов считает акт физического общения полов «трансцендентальным», «мистическим» и даже видит в нем религиозное содержание. Вот с этим последним никак не мирится мысль, а главное — нравственное чувство. *Кому не известно, что супруги обыкновенно стыдятся этого акта¹, стыдятся в нем унижения собственной духовной личности, как бы ни толковал г. Розанов о «тайнственности», о «сведении души с домирных высот» и «завивании ее в стихии».* Здесь физиологическая потребность и доводы рассудка, основывающиеся на ней, встречают протест *внутреннего существа человека²* и осуществляются, только благодаря временному подавлению этого протеста. *Здесь нет гармонии между духом и телом³*, да едва ли ее и можно найти, если признать за их стремлениями одинаковую степень законности. Неудовлетворенность

¹ Никому решительно «неизвестно», кроме одних содомитов. Брачующиеся входят в храм с цветами в руках, с друзьями, с гостями, хотя всем известно, что через венчание берется разрешение на этот акт, а священник *громогласно* молится о даровании *плода чреву*, т. е. об *упешности* наступающих актов. В. Р-в.

² «Протест» единственно есть у содомитов. В. Р-в.

³ Есть *полная*. В. Р-в.

и разлад в других сторонах жизни разрешаются в жизненных идеалах, преимущественно религиозных, а для данной имеется ли идеал в сознании человека? Кто разрешил вопрос, как должно это происходить, чтобы не возмущался «внутренний человек»? Поэтому решительно непонятно желание г. Розанова придать чисто животному акту религиозный смысл, тем более что религиозные действия, напр., молитвы ¹, вызывают у нас совершенно иные душевные состояния.

Новозаветное Откровение признает физическую сторону в человеке, но оно не придает ей положительной нравственной ценности. Оно говорит, что вступающий в брак только «не согрешит» (I Кор. VII, 28, 26), а если в другом месте и говорится, что «выдающий замуж свою девицу поступает *хорошо*» (ibid. 38), то по общему смыслу главы эти слова нужно понимать так: «хорошо, потому что избегается блуд» (ст. 2), ибо «лучше жениться, нежели разжигаться» (ст. 9). Следовательно, по учению Нового Завета, брак является делом *хорошим только как средство, предохраняющее человека от блуда* ². Тем не менее *физическая сторона брака есть все-таки «похоть плоти», «похоть мужа»* (Иоан. I, 13), *нечто такое, чего лучше избегать*: «не выдающий (замуж девицу) поступает лучше» (I Кор. VII, 38), «кто может вместить, да вместит» (Мф. XIX, 12), «хорошо человеку не касаться женщины» (I Кор. VII, 1). Мне кажется, что такое понимание Новозаветного учения не противоречит словам Апостола: «(жена) спасется через чадородие», на которое особенно упирает г. Рцы в № 2 «Русского Труда» за текущий год. Спасется, если пребудет «в вере и любви и в святости с целомудрием» (I Тим. II, 15). Ясно, что здесь имеется в виду не розановское «завивание в стихи», а *нравственный подвиг* воспитания детей, сопряженный для жены по преимуществу со всякими страданиями и лишениями.

В подтверждение этой мысли можно привести другое место из Послания к Коринфянам, где Апостол совсем и не вменяет супругам чадородие в непремennую обязанность: «Не уклоняйтесь друг от друга... чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим. Впрочем, это сказано мной как *позволение, а не как повеление*. Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я» (т. е. девственны. I Кор. VII. 5—7 ³).

Поэтому напрасно г. Рцы считает «кошунством» (ведь и сказал же!) *отношение к жене как к сестре. Если муж любит свою жену в духе любви Христа к женщине* ⁴, то едва ли у него появится «аппетит», как выражается г. Рцы, *ибо это психологически несовместимо с христиански любовной настроенностью*. А между тем эта настроенность есть единственная цель нравственной жизни (следовательно, вообще жизни) человека ⁵. Г. Рцы сравнивает брачную связь полов с таинством Евхаристии, где также имеется сочетание высочайшего духовного акта с грубо физическим, каково пищеварение во всех его стадиях. С внешней стороны, пожалуй, сравнение подходящее. Но оно падает, как только мы

¹ Хорошо, — но ведь «молитвы» же произносятся и поются на венчании, и они не расстраивают предрасположения венчающихся к этому акту? В. Р-в.

² Ужасно, но беззаконно ужасно («Бытие», 2) это желание автора и многих таких авторов отнять у супружества *собственное и самостоятельное значение*. В. Р-в.

³ Ср. I Кор. VII, 29. *Мирянин*.

⁴ Ср. Ефес. 5, 25. *Мирянин*.

⁵ Мф. 5, 48. Филип. 2, 5, 3, 8—27. Колос. 2, 20, 3, 2, 14, 19 и пр. *Мирянин*.

обратимся к внутренней жизни человека, в которой, собственно, вся суть разбираемого вопроса. Когда мы «едем Бога», по выражению г. Рпы, мы испытываем особенную душевную радость и мир, не передаваемые на словах. Эта тихая радость и мир не оставляют нас и потом, пока мы снова не загрязним своей совести. Во всяком случае, момент достойного причащения всегда переживается и воспоминается не иначе как с благоговением. То же ли самое переживает каждый супруг при воспоминаниях о тайнах чадородия со стороны розановского «завивания в стихии»? Пусть каждый супруг ответит себе чистосердечно на вопрос: *в силах ли он приступить к этому «тайнству» в то время, когда душа наполнена мыслью и ощущением святости первого?* Для того, чтобы резче различить два предмета, полезно поставить их рядом. А святое со святым вполне совмещаются в сознании, напр., Евхаристия и молитва, труд, благотворение ¹.

Церковные песнопения и уставы суть выражения духовного самосознания Церкви: как такие они служат в то же время проявлениями самосознания духа человеческого, наиболее соответствующими его природе. А между тем *Церковь в разнообразнейших формах воспевает и ублажает «бессеменное зачатие матери безмужных»* ², называет иночество «чином ангельским», *предписывает новобрачным пребывать в девстве первую ночь из уважения к благословию Церкви* ³, не одобряет второго брака, почти не разрешает третий и безусловно запрещает четвертый. *Откуда* ⁴ в Церкви выработалась и так ясно проявилась лишь только «терпимость» к физической стороне брака, снисхождение к ней, — и почему она превозносит такие состояния жизни, которые брачному общению полов не причастны? Как могло возникнуть в *святой* Церкви такое отношение к предмету, если он тоже свят? Говорят: «Догматику такое монахи, песнопения и уставы — тоже». Но ведь эти писания приняты всей ⁵ Церковью, ибо совпадают по своему смыслу с ее духом. Поэтому личность авторов здесь ступшевывается и уже не имеет того значения, какое хотят придать ей. Да, наконец, почему же это *не* монахи не сделали того, что сделано монахами? За 19 веков существования христианства они могли бы выразить немало общецерковных идей. Вопрос в том,

¹ Да, этот прием распознавания очень верен. Во 2-м издании книги «В мире неясного и нерешенного» я ответил на него в статье «Из мира образов и подобий». В. Р-в.

² Да, вот в этом коренной пункт всего. В. Р-в.

³ Не чувствует ли, однако, автор странности и противоречия: 1) благословить в чадордие. 2) удержаться от чадородия «из уважения к благословию»? Значит, «благословение» то дано с какой-то затаенной мыслью, с каким-то умолчанием, о котором не для чего знать миру. В. Р-в.

⁴ Ну, «откуда» — на это отвечает вся книга «Люди лунного света». В. Р-в.

⁵ Вот это все рассуждение необыкновенно важно. На него мы отвечаем: да монахи-бессеменники вообще духовно выше, даровитее семенных самцов; и выше особенно в философской и религиозной сфере (Платон, Сократ, Кант). Таким образом, что *они сотворили* — понятно, по крайней мере тому понятно, кто внимательно прочел эту книгу. Теперь — «почему *приняли и не монахи*», самцы? Да очень просто «почему»: потому что всему миру присущи *слабеющие стени* бессеменности, *убывающие дробы* ее, кроме небольшого количества абсолютных самцов и самок, и это так же точно, как и то, что монахи тоже влекутся «к женщинам» («Покаянный канон» Андрея Критского) и даже доходят до «падения с ними», або и-они, будучи вообще бессеменными, будучи *главным существом* в себе монахами, сохраняют однако семенность как *убывающую дробь*. Весь плодящийся мир мечтает о монашестве, имеет «пробегающие мысли» о нем (исповедание содомита), как и монашеский мир, обратно, имеет «пробегающие мысли» о женщинах, и это ярко и поэтично выразил «покаянный канон», где он говорит о томлениях «*мысленно Евою*» (какое слово!). В. Р-в.

могли ли они? Ведь женившийся во всяком случае много времени, если не большую часть, уделяет попечению о мирском, а такое дело, как быть выразителем церковного сознания, — требует почти исключительного сосредоточения на «Господнем».

Едва ли резонны и ссылки на ветхозаветных супругов. Цель ветхозаветного брака — размножение избранного народа в ожидании пришествия Искушителя. Ради этого каждому израильтянину вменялось в нравственный долг производить детей, и потому не было грехом, кроме нескольких жен, иметь еще и наложниц; наоборот, считалось позором отказываться от восстановления потомства своего брата (Второзак. XXV, 5—10). В Ветхом Завете супруги могли соединяться и «не для удовлетворения похоти» (Товит. VIII, 7), ибо *самая психология брачных отношений была иная, нам теперь мало понятная*¹. Кто хочет убедиться в этом, пусть прочтает хотя 30 главу книги Бытия, а я для примера приведу отсюда 3-й стих. Рахиль сказала мужу: «Вот служанка моя Валла; войди к ней; пусть она родит на колени мои, чтобы и я имела детей от нее». Явилось христианство и провозгласило, что «хорошо человеку не касаться женщины» (I Кор. VII, 1), ибо «все, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. *Нет уже... мужеского пола, ни женского: ибо все одно во Христе Иисусе*» (Галат. III, 27—28). То, что одушевляло ветхозаветный брак, в Новом Завете упразднилось, и брак, служивший осуществлению мессианской идеи, здесь стал средством для удовлетворения сильного полового влечения и создания удобств жизни². По крайней мере, обычная цель нашего брака такова. Если же внутренний смысл брачной жизни различен в Ветхом и Новом Заветах, то, конечно, параллель, проводимая протоиереем Ус-ским между Моисеем и ап. Павлом и другими, — недоказательна.

¹ Да, «психология была другая», но не от ожидания Мессии, ибо ожидался Он в одном колене Иудином, а множилось радостно, с многими женами и наложницами, все израильтяне всех 12-ти колен. «Была другая психология», и происходила она от обрезания. Раз открыто было Аврааму и всему потомству его, что именно здесь почил завет Бога с человеком — не в слове, не в мысли, не в исповедании, не в символах исповедания, а в детородной силе человека, — явилась всего племени радость о детородной силе каждого единичного израильтянина, и ему давали охотно и еще жену, и третью, и наложниц, или вот как Рахиль свою служанку — в словах такой физиологической ясности! Была всеобщая радость об органе, и в ней сливалось все племя Израиля, без разделения, без противоречий, без сомнений и колебания; и именно все — от обрезания, единственно от него, исключительно от него; как мы тоже радуемся все о своих религиозных символах, предметах, знаках, — и никогда не находим, чтобы их было «лишнее», «много». Радость эта доходила до того, что когда замужняя сестра у древнего еврея делалась беременной, то еще до родов, при виде ее поднявшегося живота, ее родной брат объявлял себя уже женихом будущего ребенка, если родится девочка; и от рождения ее до зрелости он был ее женихом и покровителем, и становился мужем, если был ей приятен; а если приятен не был, то она должна была формально расторгнуть это странное «обручение», происшедшее еще до рождения невесты. Таким образом евреи мыслили всякое существо человеческое под углом заботы, «плодотворяется ли оно», — и без этой заботы не было у них и взгляда на человека, мысли о нем, представления его, ничего — о нем. Для нас это что-то невообразимое, и, может быть, это вообще уже неповторимо в истории, — хотя «пути Божии и неисповедимы». В. Р-в.

² Ужасно: стал какой-то «удобной вещью», «комфортом».. О, как понятие происхождение нашей торговой проституции. «У кого есть средства — бери жену», «а если беден — довольствуйся проходящей женщиной». Как понятно — о, как понятно, — что брак совершенно и окончательно пал в новые времена! И это разъясняет с радостным одобрением монах по духу, автор! Вот где учитесь, вот где всматривайтесь!! Открывается «река времен», — и книга «Люди лунного света» дает компас для распознавания заворотов и течений этой реки. В. Р-в

Г. Розанов старается показать, что христианство не только не отвергает плотской стороны в жизни человека, выражением которой является семья, но наоборот: по Евангелию, будто бы, семья-то и есть истинное и притом единственное воплощение идеала христианской жизни, обуславливающее существование самого христианства. «Только этот взгляд,— говорит г. Розанов,— вводящий семью ко Христу, спасает от колебаний и даже гибели само христианство». Аскетизм же — «духовное жонглерство» и есть гибель для Христова учения, или, по крайней мере, извращение его.

Что христианство не отвергает семьи — это ясно всякому¹, читавшему Новый Завет, но остальные рассуждения г. Розанова решительно парадоксальны. В самом деле, как примирить с ними хотя бы следующие слова Евангелия: *«...есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить — да вместит»* (Мф. XIX, 12); «и всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли — ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф. XIX, 29). Этих слов совершенно достаточно, чтобы определить состоятельность «новой концепции христианства», поскольку она стремится опереться на Евангелие. Здесь *утверждается*, с одной стороны, духовное идеальство, т. е. добровольное отречение от брачной жизни, как высший идеал, доступный «могушим вместить»; а с другой — *отрицается необходимость брака и семьи* для спасения человека — следовательно, и вообще для его жизни. Семья, несмотря на высоту и чистоту связей, соединяющих ее членов, все-таки заключает в себе элемент эгоистического отграничения («*мои*: жена, сын, брат, а то — *чужие*»), и потому она не вмещает в себе идеала всеобщего родства в духе слов Спасителя: «кто будет исполнять волю Божию, тот мне брат, и сестра, и мать» (Марка III, 45). Поэтому стремление к осуществлению этого идеала в жизни неминуемо ведет к постепенному уничтожению границы, созданной семьей между «мои» и «чужие». А так как эта граница возникает именно в силу *кровности* семейного союза, то ясно, что кровность, возведенная

¹ Читателю ваши рассуждения и *верящему им* — это совершенно ни для кого не «ясно». Мирянин (псевдоним профессора богословия в одном из университетов), как и г. Фози, до того колеблется «христианский брак», что от него вообще ничего кроме имени и претензии не остается. «Детей — не надо! совокупляться — не надо, прилепления мужа и жены — не надо». В особенности, кажется, «счастья» не надо. А что же «надо»? Остается *венчание*: и как уже понятно сделалось в веках, что все решительно и полегло в одном венчании, к нему одному все приурочилось, все обратилось *сюда*, люди смотрят только *сюда*, закон требует только *его*. Брак сделался только «приличием», и «приличие» придает ему одно «венчание». Но «река времен» еще прокатилась, и люди стали спрашивать: «Да зачем нам это приличие, которое и не светит и не греет? Перестали или перестают вообще брачиться, полагая «обойтись как-нибудь» с этими «пустяками» — с сими, по Фози и Мирянину, «дурными физиологическими привычками», «зоологической потребностью». К чему все иметь «добра» и «свое»: можно покушать и в ресторане, в кабачке, в трактире, где-нибудь. Есть, конечно, «известные места» — дома, но ведь государство и городское благоустройство позаботилось о том, чтобы были — и «на улице, для общественного пользования». Дом терпимости вытек отсюда сам собой — из «пустяков» и «физиологии». Спокойно взирает на это духовенство, не выходя из обеспеченных своих квартирок. И только платят тихо и украдкой девушки, наши возлюбленные дочери. И никто их слез не слышит. Никому они «не нужны» в цивилизации XIX—XX века, «достигшей последних граней совершенства». Но, я думаю, не можно ли эту «цивилизацию» с томящейся *половиной населения*, невинного и короткого (девушки, женщины), — послать «к черту на рога», как несомненно от «черта» она и происходит. В. Р.-в.

в принцип жизни согласно г. Розанову, будет только препятствовать духовному развитию человека ¹.

Семейные узы важны не сами по себе, а потому, что на почве кровного соединения мы узнаем возвышеннейшее чувство любви ², источник всякого добра. Но это святое чувство возникает и между людьми, не соединенными узами кровного родства. Нужно только стремление к этому, нужна внутренняя самодеятельность.

История христианства представляет немало примеров такой любви, да и что такое сама Церковь, как не союз этой же любви? Следовательно, кровность, даже как условие, не необходима для христианского развития человека ³. Поэтому не «семья спасает от гибели христианство», а христианство возвышает и облагораживает семейный союз ⁴. Лишите семью христианской основы, и она превратится в сожительство самца, самки и их детенышей ⁵. Не из семьи возникло христианство. Первые проповедники его «оставили все» (Мф. XIX, 27) и пошли за Христом. Некоторых Он Сам призывал ради Него оставить кровные узы. «А другому сказал: следуй за Мной. Тот сказал: Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего. Но Иисус сказал ему: предоставь мертвым погребать своих мертвецов, а ты иди, благовестуй Царствие Божие» (Лук. IX, 59—60, см. еще Мф. IV, 22). Не семьей живо христианство и доселе. Сказавший «создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. XVI, 18), сказал еще: «Дана Мне всякая власть

¹ Автор, совершенно ортодоксальный православный, не замечает, как ноги сами несут его к хлыстовству. Вот там нет «своей жены», «своего дома», а все — общее, «братское», «сестринское». Вообще идея «духовных жен» и «общих жен», этих «сестричек-хлыстовок», почти с исчезнувшей физиологией и только с ласканиями, только с adoration [обожание — лат.] всех членов братства в отношении каждого и каждого в отношении всех, уже содержится (у Фези и Мирянина) в этой свирепой борьбе против «антиевангельского эгоизма иметь свою жену», единственную и личную жену Только непонятно, улыбаемся мы, отчего это все-таки монастырь имеет «свою обособленную землицу», как и папа тоже имеет и позаботился иметь «свой Рим», «свой удел на земле». Только вот «жены» не надо, и «деточки свои ни к чему». Замечательно тоже, что, получая себе звезду к новому году, архиерей не хочет, чтобы ее «носили все», а непременно хочет «сам носить». Вообще, большие трагедии в этой области заканчиваются большими комедиями и иногда водевилем В. Р-в

² Ну, какая там «любовь» при таком-то браке. Экономка и приданое. А слышали ли вы, чтобы институт «христианского брака» когда-нибудь деятельно вступился и сострадательно склонился к «молодым людям, так полюбившим друг друга, что легче им умереть, нежели расстаться». Не раз в «Колоколе», самом теперь деятельном духовном журнале, я читал, как «двое, обнявшись, бросились в Иамтуру», «двое умерли», «женх бросился в могилу за невестой», «умерли, поприсов вместе похоронить» но ни разу по поводу этого в «Колоколе» не прочитал — «ах!» Да, не «ахающее» и даже не «чешущесся» духовенство Ну, Бог с ним. Господь рассудит. В. Р-в.

³ Да, вот это надо запомнить: «Кровность (целая категория мира!) не необходима для христианского развития человека». Что об этом скажут мои друзья, П. А. Ф-ский, свящ. Филевский, Н. Г. Дроздов В. Р-в

⁴ Почему же это «возвышает и облагораживает», если вынули зерно, «оставили шелуху, оставили «приданое и удобство», — «так и быть прощается»? Что случаются в христианстве прекрасные семьи, то это так же мало зависит от него, как от устройства Сахары, вообще бесплодной и сухой, мало зависит прелестнейшие попадающиеся там оазисы. Но достаточно вспомнить надгробные изображения верности и любви у римских старых патрирхов и придвинуть к ним христианские «бракоразводные дела», да и так нравы улыцы, пенски, сказочки и сказания, — чтобы понять, насколько после падения язычества все это «облагородилось» и «возвысилось». В. Р-в.

⁵ Вот как... А в Библии? а Наль и Дамаанти? Гектор и Андромаха? а сцены привязанности в старогерманском эпосе? Положим, «эллинических борзостей не текох», — говорит семинарист; но нельзя ему забывать, что его слова проверяют те, кто это «текох». В. Р-в.

на небе и на земле... идите научите все народы... и се, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. XXVIII, 18—20). С того времени Божественная Личность Его неотразимо влекла и влечет к себе каждого ищущего в жизни света и истины. Вот где лежит основание поразительной жизненности христианства. «Христос — моя сила...» — поет Церковь, и напрасно г. Розанов думает видеть эту «силу» в плотском союзе людей»¹.

Мириянин

Позволю присоединить еще следующие строки пламенно-девственного духа:

1

«М. Г. С ужасом я дочитала вашу статью «Природа и Церковь». Ведь вы знаете, что газета «Русское Слово» — очень популярная и вашу статью прочтут не одни люди университетского образования, знакомые с различными направлениями, а масса народа. Именем всего святого умоляю быть осторожным с вековыми святынями, не заслоняя их своеобразным, вольным суждением.

Кто мешает людям плыть по течению, по закону природы! Пусть множатся с благословением и Церкви! Но зачем вытравлять из сознания человеческого высшие образы. Бойтесь гнева Богоматери, высшего из рожденных женами Иоанна Крестителя, девственника Иоанна Богослова, друга Христа, и многих-многих девственников. Граф Толстой, впадая в крайности одного суждения, словно оставил вам в наследство другой полюс соблазна. Мильтон говорил:

Так свято пред очами Неба девство,
Что если искренно душа блюдет заветы —
Тьма ангелов на службу ей готова.

Если вам, семейным людям, и хочется вознестись на высоту супружества, то кто же вам мешает совершенствоваться?

У нас Церковь празднует даже зачатие Богоматери и Предтечи, тем доказывая, что и плоть одухотворяется до возможного предела; но *Рубикон все-таки стоит между парным и одиноким человечеством* — для общего спасения и, быть может, взаимной помощи². Пусть две параллельные линии славят Единого Бога. Его воля да ведет каждого человека своим путем.

Старица одна мне говорила, что во взоре можно узнать девственность. Быть может, это *прирожденная черта*. Всем — разные дары

¹ Было напечатано в «Русском Труде» С. Ф. Шарапова за 1898 г. В. Р.-в.

² Замечательно. После всех суждений и всяких «да» в сторону брака, высказанных мной за много лет, — должен сознаться, вот когда мне открылась теперь особая категория людей и организаций *лунного света*, что брак действительно нуждается в *помощи и дополнении* этими людьми лунного света (отнюдь не дозволяя руководить собой и устраивать себя). Нужно спокойно и правильно размежеваться: «Тебе — Запад, мне — Восток», с переплетениями, с прослойками, с оазисами, нигде не стесненными, ни от кого не угнетенными. В. Р.-в.

и способности. О, ради Духа Святого, будьте осторожны в слове. Горе соблазняющим малых».

Вера ¹

2

«Ваша статья в № 195 «Русского Слова» еще более заставила думать о том, что волнует меня много лет и остается неразрешенным...

Кто-то, что-то не позволяет мне вступить в брак и заставляет хранить сокровище, скрывая, ценно ли оно (? В. Р.). Я прямо недоумеваю, что отвечать людям, вопрошающим о моем образе жизни, который мне продиктован таинственной силой.

Знаю, что мой духовник называет мое состояние блаженным и говорит: «Достоинства твоего у меня нет, а недостатки твои и у меня есть». Видимо, я владею большим в его представлении, но это «что-то» необъяснимо для меня, когда я вижу — Мир Божий в своей природе живет по-другому. Должно быть, Творец его не закончил и предоставил Сыну сказать ²: «Чада века сего множатся, а кто достиг будущего — пребывают, как ангелы».

Словно людям можно быть предтечами иного существования! Меня бесконечно умиляет, что Сын Божий — сын Девы, и не это ли восхитение озаряет мою жизнь? ³ Мне кажется, и семейная имеет свои прелести и достоинства, но она — *теплей* (курс. и далее автора письма), прикосновенней к нашему организму, а одинокая — *светлей*, созерцательней, духовней и поэтому прекраснее, как чающая чего-то. *Ожидание — сущность этой жизни.* Почему-то лилия, цветок Богородицы, имеет луковичное деление, как прообраз девственности, имеющей своеобразную семью. Быть может, и от одинокого человечества что-нибудь исходит. Компактные личности, быть может, скопят в себе какую-то силу и нужную энергию для мира.

И так Ветхий Завет дополнен новым, и, быть может, два образа жизни есть положительное и отрицательное электричество, оба взаимно нужные.

¹ Письмо (из Москвы) подписано, довольно характерно, одним крестильным именем. В. Р.-в.

² Замечательная мысль, и вельзя сказать, чтобы она была неправдоподобна. Да ведь это даже так и научно: все «зоологии» знают самца и самку, за этими гранями началась *минералогия*. Вдруг — этот лунный свет, явления лунного света, — «не хочу» пола! Перевертывается собственно все наше познание мира! «Живое», а «не множится»!!! Пока думали, что это «ненормальность», «извращенность», «случай», «шестипалость» — то не обращали на это внимания, и естественно это не затрагивало строя наук, как «описка» не затрагивает «правописания». Напротив, мир органических наук в основе колеблется, во всем плане своем колеблется, раз нам открывается, что *исчезновение размножения в живом* отнюдь не есть патологическое явление, — не есть и явление, имеющее когда-либо пройти; что оно так же устойчиво и нормально, как размножение, но лишь встречается *реже*. По крайней мере мир органических наук так же колеблется, как физика поколебалась с открытием электричества, — «редкого явления, наблюдающегося в янтаре, если его потерять сукном». Девушка-автор хорошо и ярко это выразила, сказав: «Мир (ветхозаветный) не был *дотворен*, и дотворился тогда, когда пришел Сын и сказал *блаженны не множасьиися*». В. Р.-в.

³ Вот глубокий *личный родник* основных тайн христианства: что они принесли утешение и радость совсем особой категории людей, как-то забытых, да и действительно забытых и обойденных, в Ветхом Завете. Но до какой степени письмом это убеждает нас, что христианство совсем *новая и другая религия* сравнительно с Ветхим Заветом! В. Р.-в.

Я лично церковное управление предоставила бы белому духовенству, а черному поручила бы святыню — посвящение в сан.

Сама я с риском иду по узкой дорожке. Прелесть мира стоит у меня в образе любимого человека, а его брат читает Неопалимую Купину; и душа у меня борется с сердцем, борется долго, долго...

Вера

Здесь, в последних подчеркнутых выражениях, почти назван *лунный* — *светящий свет*, в отличие от *солнечного* — *греющего, органического*... Да, еще вот слово: лунный свет — не органический. А какой? *Спиритуалистический*. Пожалуй, spiritus в нас — отражение лунного в каждом свете «девства», частицы которого никто не лишен. В каждом — оба пола (от матери, от отца); поэтому каждый вновь *хочет совокупиться*, но не постоянно же совокупляется, а частью и *девичеством*; и вот это «девичество» — и рождает с ним spiritum. *Голая* самоочность, самоочность как *бесконечное* — дала бы непрерывное, постоянное, вечное истечение семени и отделение яйца; в такой мере, как нет и у насекомых и рыб. Но этого нигде нет, ни у кого нет; и *потому* у рыб и у насекомых *уже* появился дух, душа, психология. Появилась — насколько они *гермафродитны*, а не однополые самцы или однополые самки.

Нельзя не отметить также высокой даровитости автора, не говоря об одушевлении, почти прозелитизме! Как она, девушка просто только образованная, превосходит *ясновидением* суждения профессора богословия в одном из университетов (сообщение С. Ф. Шарاپова, в журнале коего напечатана была статья г. *Мирянина*).

Мне следовало в 1-м же издании книги рассказать случаи «лунного света», какие пришлось встретить в жизни. Так, собираешь скрупулезно сведения по книгам, и забываешь, что сам видел.

1) *Случай в гимназии, в 7-м и 8-м классе*. В 7-м классе я остался на 2-й год и здесь вошел в круг нового товарищества, «догнавшего меня» (снизу). Между ними был один, коего назову N. Семья: мать — вдова профессора; у нее три сына, все учились превосходно, с призванием: один — к математике, другой — к музыке, третий — к филологии, к народному творчеству и проч. Средний, музыкант, и был мой товарищ. Как и его братья, он был здоров и крепок несколько больше, чем «все мы». Усы и борода пробивались чуть-чуть. Рост хороший, кожа белая, никогда ничем не хворал. Пожалуй, при очень упорном всматривании можно бы заметить у него легчайший налет женственности. Молчалив, солиден, задумчив; вечно потихоньку (под партой) исписывал нотную бумагу (композиция).

Он мне передал — и вообще в ближайшем кругу товарищей ни от кого не скрывал, — что всегда, когда может, т. е. почти каждый день, он, пообедав, уходил к гимназисту 3-го класса, мальчику беленькому и хорошенькому, чрезвычайно серьезному и развитому (для своего класса), страшно молчаливому и почти угрюмому. «Что ты делаешь?» — «Ничего. Сидим и молчим». — «Смешно». Он пожал плечами. Мы все до такой степени были дети в этом отношении, что никому и на ум

не пришло назвать это «влюбленностью» или «любовью», тогда как на самом деле было, конечно, это чувство. Кажется, раз я видел их на свидании. Оба не речистые вообще, они и тут не разговаривали — иначе как проямлив один другому что-либо незнающее. Но это я не наверное помню, но следующее — твердо помню, ибо с приятелями мы как-то хихикали над этим: в церкви, куда нас всех «водили», мой товарищ стоял немного сзади «того мальчика», и он не отрываясь глядел на него. «Того мальчика», может быть, это чуть-чуть смущало, но немного. Он, кажется, сам не испытывал этого чувства, но мог гордиться дружбой талантливого и во всей гимназии очень ценимого (за успехи и музыку) гимназиста VII-го класса. «Дружба» продолжалась все время до окончания курса, т. е. два года. Затем, кажется, все это рассеялось. Лет через 18 я встретил музыканта. Теперь он был композитор; женат; очень красивая жена его кормила ребенка. «Все исправилось».

Все всяких имен, понятий и проч., это был, бесспорно, случай Платоновой «*παιδου*». К сожалению, как и все подобные факты, он пропал для науки, без воспоминаний, без описаний. Добавлю, что юноша этот (как и братья его) был абсолютно целомудрен, не знал женщин до зрелости, и ни одного «скабрзного» слова (как часто среди гимназистов) я от него не только не слышал, но этого «и вообразить было нельзя».

Кажется, он никогда не целовал мальчика (в голову не приходило); и наибольшее, что происходило физического, это — кроме «неотрывающегося зрения» — прикосновение руки к руке, задержание руки в своей (при прощании). *Но абсолютно телесного больше ничего не было*, ни как дела, ни как шутки, игры.

2) Преподаватель высшего учебного заведения, холостой, живет в одной квартире с двумя сестрами, будучи связан «духовным супружеством» с одной. Другая сестра — урнинг. Урнинг ли и эта первая, «живущая», — трудно сказать. Все три на «ты». Все три соединились, имея каждому немного за 24 года. С сестрою «в связи» я заговорил: «Почему нет детей?» Она ответила:

«Здесь — *другое основание*. А корень другой — *и весь ствол* другой. Было бы совокупление — родились бы дети, родились дети — потребовалось бы хозяйство. Но с самого начала сближения нашего семья была исключена как возможность и надобность. Она мне так же не нужна, как и ему».

Спальни — разные, хотя без всякого между ними «препятствия» или «отделения». Совокупления — нет, и никем (много друзей, знакомых, родных) не предполагается. Всем ясно, что они «муж и жена» и столь же «не муж и не жена». Супружество как бы совершено и остановилось на степени тесной духовной связи, тесного духовного единства, общности быта, жизни, атмосферы, движений; слышания слов друг друга, походки друг друга, шуршания платья; никто бы (из ближних) не осудил, если бы они совокуплялись, — но явно исключено желание этого. Однако ласки, поцелуи, объятия, и может быть, что-нибудь больше, теснее — есть; но что именно — сказать невозможно. *Оплодотворения нет*.

Обои или, точнее, все три — очень развиты, талантливы, вечно деятельны, все и постоянно много читают и заняты. Все трое любят искусство и любят духовную жизнь, религиозную жизнь.

3) Меня посетил, лет 6 назад, оканчивающий курс военного учебного заведения (по артиллерии) юноша — с целью «поговорить о религиозных вопросах» и спросить о Хомякове и вообще о славянофилах. Удивившись несовместимости с военными науками, я, однако, отвечал. С тех пор мы не часто встречаемся. Вид: очень крепок; по цвету кожи — как «налит кровью». Мускулист. Рост небольшой. Он мне рассказал, что более всего влечет его церковная жизнь, а ум занимают предметы богословия и нравственные. Но около этого — в суждениях огромная твердость, военная твердость. Ничего рыхлого, «мямлистого», бабьего. Ничего сантиментального, слашавого. Годы 2¹/₂ назад тому он женился, «по глубокому уважению к девушке, которую дома (отчим и мать ее) не понимали, и иногда грубо обходились». Вообще ей «жилось тяжело», а «девушка она прекрасная». Он мне рассказал, однако, со смущением, горестью и долей гнева на себя, что «еще не муж своей жены» и боится, что это так и останется. «Я ее бесконечно люблю как сестру, но ничего не чувствую как к женщине». «Страстного желания вовсе нет»... Между тем он, читав статьи мои о браке, глубоко проникся благоговением и восторгом к библейской и многоплодной семье. «Но — нет дела». Слова и мысли — есть, «дела» — не выходит. Мне захотелось увидеть и жену его: высокая, красивая, она имела нечто негодующее в себе (она молчалива), в выражении лица и фигуры. «Ну,— нет, что поделаешь». Через 2¹/₂ года все продолжается «нет», и он мне сказал, что жена смирилась с этим, глубочайше любя и уважая его, как и он ее бесконечно чтит и любит как брат и друг.

«Аномальных» отношений, вне всякого сомнения, никаких нет. Здоровье обоих — цветущее. Рост, силы — все цветущее (у обоих). Это — «духовное супружество» древних христиан, без малейшего *идейного к нему влечения*, при полном *идейном* сочувствии к плодородной и полной семье.

Поправки и дополнения Анонима

Мною было послано, в корректурных листах, «Дополнение», печатаемое во 2-м издании «Людей лунного света», — лицу, компетентному во всех этих темах. Позволю себе привести его возражения, дополнения и поправки.

«Вы печатаете своих «Лунных людей» 2-м изданием. Этот цикл ваших идей для меня, скорее для ума моего, — что-то дразнящее, ибо я равно уверен в глубокой правильности и в глубокой учености (? *В. Р.*) излагаемого вами. Что-то говорите вы глубоко правильно; но глубоко ложно «относите» свое написание не туда, куда следует. Но куда? (следует отнести? *В. Р.*). — Это-то и не вполне ясно. Но вот несколько тезисов, мотивировать которые слишком долго, но в непоколебимости которых я вполне уверен:

1) В области пола: Ваша схема, выраженная рядом положительных убывающих величин, переходящих в «0» и затем в ряд возрастающих отрицательных величин (самочность и содомия), — недостаточна, как недостаточна и родственная ей схема Вейнингера ($M+Ж=1$). *Может* быть текучее, промежуточное состояние пола — то, которое *вы*

описываете и которым занимается *Вейнингер*, а *может* быть и состояние высшей мощи и «+» и «—». Это для рассудка, быть может, вздор, но

«Невозможно... несомненно...»

Таков *всегда* гений, если только он не психопат. Таков гений народ — эллинский. Насколько отвратительна была для него *effeminatio* (превращение в женщину. *В. Р.*), настолько же прекрасны та *παῖδῶν*. Для кого же в особенности? Для *мужественных* — не спартанцев и всех лакедолопуфилов. Человек вовсе не всегда полаяя «1», а может быть и «1 000», и «1 000 000», и тогда у него «М не = 1—Ж», а «= 1 000 — Ж», «10 000 — Ж», «1 000 000 — Ж» и т. д.¹ У Гете есть совершенно несомненное влечение *и к своему* полу (превосходное описание сего см. в «Правда и поэзия», случай во время купания). Но он — не только женствен, но *и весьма* мужествен. При этом: гениальность (= дву-полость) дает *полноту* внутренней жизни и какую-то непрерывную удовлетворенность, внутреннее кипение и бурление, игру, «букет»; а *Dreischendformen*, т. е. ваши, исследуемые вами субъекты, напротив, всегда *недовольны, не могут быть довольны*. Таков и автор приведенных у вас «Воспоминаний послушника». «Нытики» всегда таковы; в них не хватает сексуальности, жизни, соков. Из них не брызжет ни старое вино язычества, ни новое — христианства. *О. Уайльд* — отвратительный тип из *вашей* коллекции; но Гете, Платон, Сократ и др. не из нее и в нее не-вместаются².

2) В области религии. Явления, описываемые и изучаемые вами, существуют во всех религиях и всегда существовали, даже специально культивировались (в Южной Америке — путем полового истощения и т. п.; оскотления и полускотления и т. д.) явления промежуточных ступеней пола; *и в христианстве*, лучше сказать — в мире христиан, есть они, но бесконечно меньше и слабее³, как явный привкус чего-то *иного, чуждого, инородного*⁴. Вы противопоставляете христианство (т. е. религию *всех* народов и менее всего евреев — религию «языков») и Ветхий Завет (религию *евреев*), но делаете это незаконно, ибо христианство можно противопоставлять религиям, исповедываемым теми же или подобными народами, что ныне исповедуют христианство, т. е. *язычникам*, но никак не еврейскому⁵. Отсюда-то и происходит, что вы, весьма углубленно пронюхивая в христианстве некоторые струи «s» (своеполого отношения, гомосексуальности) и верно квалифицируя

¹ Эти моей схемой не исключены: «...7, 8...» (до «1 000 000»), с «+» или же с «—», причем крошечный «+» или крошечный «—» противоположного — в том же субъекте — пола никогда не исчезает. *В. Р.-в.*

² Автор, прочитывавший только одно «Приложение» для замечаний, едва ли имел в виду или свежо помнил текст остальной книги. Но, может быть, у автора копошится и кое-что новое насчет пола. В таком случае это чрезвычайно важно. Оставляю для читателей слова письма в том полупонятном виде, как читаю их сам. Будущее дополнит и разберет. *В. Р.-в.*

³ То есть собственно упомянуты «меньше», — изложены, вошли в «догматическое изложение...». Но *подспудно* как же можно сказать «меньше», когда собственно *по степеням отношения к полу* все христианство разделилось на перкви: страстно-отрицательное — у католиков, умеренно-отрицательное — у православных, индифферентно-положительное — у протестантов. Здесь я с автором письма совершенно не согласен. *В. Р.-в.*

⁴ Не согласен *В. Р.-в.*

⁵ Совершенно с этим не согласен; да и из рассуждений автора, где он определяет (далее) христианство как религию *над-полу*, вытекает, что оно противоположно юдаизму и еврейству как религия *священного чадородия*, т. е. религии специфически *половой*. *В. Р.-в.*

на природу (? В. Р.), совершенно ложно определяете их источник, да и не можете определить его точно, ибо *не хотите* смотреть на язычников. А у них-то, да и во всяком фольклоре — это влечение к промежуточным формам, это гнушение плотью, и т. д. Они, испытав все грехи плоти, чувствуют к ней омерзение, хотя (и именно вследствие того, что) не могут подняться *над* нею. Я берусь вам доказать, если угодно, что то, что вы считаете особенностью христианства, было — и было в неизмеримо большей и принципиальной форме — в язычестве.

3) В области духовной христианство, хорошо это или плохо, дает совсем новую стихию (сравнительно?) с только что сказанными: ни — пол, ни — усиление его, ни — смешение, ни — что-либо в этой плоскости, но — подымает в *иные* сферы ¹. Христианство отвлекает от пола? — Да. Но — райскими песнями, а вовсе не смешениями. Истинный монах вовсе не становится женщиной — ничуть; он перестает быть мужчиной ². Что же он? — Ангел, существо иных измерений ³, абсолютно *несоизмеримо* с нашим миром, ни мужским, ни женским. Если же райских песен нет, то он — то, что был, или вроде того, т. е. либо муж, либо полумуж, либо двуполый, одним словом, то, чем он был бы естественно, в язычестве. Но райские песни не прибавляют и не убавляют в нем женственности. Однако легко допустить, что *бытовые условия* (*не* онтология) гонят в монастыри тех, кто не находит себе места в миру, вследствие неспособности к браку, т. е. что *часто* монастырь служит не местом подвига, а — убежищем для «бесполого».

Так — по *существу* дела. А практически, *бытовым* образом, христианство *уцеломудривает*, т. е. делает его (человека? всякого? В. Р.)

¹ Ну, если даже и *подымает*, то все-таки ео ipso *отделяет* и, следовательно, ослабляет. Действует отрицательно, отталкивающе в отношении пола. Да автор явно и увлекается, ввиду сдвов о *возлюбленности* «скопчества...». Как-то в конке я ехал с томом подаренной мне колоссальной Синаодальной Библии; там же был и вложенный указатель и перечень «мест», почему-то только к Новому Завету. Скучая конкой, я, открыв слово «брак», перечел по Новому Завету *все места*, где упоминают «брак»: и не нашел ни одного места, где, сильно или слабо, прямо или косвенно, не стояло бы за словами о нем выражения, в котором он все-таки принижается, отталкивается, порицается сравнительно с девством. Это было в 1897 или 1898-м году. Я до того был поражен, что *все места* таковы, что у меня защемило на душе: «Нет, напрасно я пытаюсь спешить крючком семью с *Новым Заветом*: только терпится, только допускается, только снисходится. И нужно быть прямо нечестным и начать подтасовывать, «бегать тараканом из угла в угол», чтобы подвести семью, брак, детей «под Покров сюда». Но ведь отсюда необозримые практические последствия, увы — печальные. Но как же автор, сам на это указывающий, говорил выше, будто «христианство еврейству *не противостоит*»? Совершенно противоположит как «да» и «нет» или, пожалуй, как «любите ли вы ходить в баню» и — «о, конечно, я служу в департаменте неокладных сборов». Христианство и юдаизм взаимно *глухи* друг к другу et eo ipsissimo [и именно тем самым — *лат.*] смертельно *враждебны* (обрезание — крест, орган обрезанный — адамова голова, т. е. череп, под крестом изображаемый). В. Р.-в.

² Боюсь, что это словесность, а не natura rerum [природа вещей — *лат.*]. Епископ Феофан, ректор СПб. духовной академии, — конечно, прекрасный инок, и, в частности, аскетизм его простирался до отказа принимать к себе в келью-квартиру родных женского пола: но ведь лицо его, рост его, вся его фигура и, наконец, манеры открывают в себе сущую девушку, сокрытую под мужским (небольшая бородка) образом. Также, когда печатались в последние годы портреты разных «Иванушек»-трезвенников, увлекавших народ — все *непременно безбрачных*, — я поражался этой однотонностью все почти *девичьих лиц*. Конечно, тут нужны, однако, галереи портретов. И со временем такие галереи будут собраны и изданы. В. Р.-в.

³ Да ведь и я провожу везде в книге, что монах «несоизмерим» с остальным человеческим миром, но потому несоизмерим, что у него самец и самка «равноденственны», что он «экватор» человеческого рода, не принадлежащий ни к мужскому полу, ни к женскому, что в нем не «М + ж», а «М + Ж», говоря языком Вейнингера. В. Р.-в.

цельным в том положении, куда он имеет метафизическое самоопределение — к браку ли, к безбрачию ли. Оно, если хотите, делает крепким пол у того, кто «может вместить» *его*, пол, и делает крепким бесполое у того, кто может вместить последнее¹. Самое место («могий вместити»), как вы знаете, двузачно и может быть равно относимо к браку и безбрачию, — даже по контексту относится скорее к первому. Но что брак в христианстве бесконечно труден — это так, и, мне думается, если говорить что — так это не против монашества, а против духовной аристократичности *всегда* в христианстве: оно — для избранных. Кстати, так именно, как говорю я, т. е. в отношении к браку, разумеет текст «могий вместити» известный профессор М. Д. Муретов и епископ Антоний (Флоренсов), живущий на покое в Донском монастыре, в Москве. — человек в высшей степени духовный, мудрый и прозорливый.

Но как бы то ни было, есть *подозрительность* к полу в общечеловеческом сознании, у всех народов, во все времена. «Похабщина», т. е.

¹ Страшимся, не *слово* ли это только Однако кое-что действительно брезжит такое. . Бытовым образом, семейственность и плодородие ведь процветает весьма и весьма у многих истовых крестьян, истовых купцов, но обратим внимание особенно на духовенство. «Антихристианство», конечно, никому здесь и в голову не приходит; но посмотрите на необыкновенную *крепость породы* у духовенства, у иереев, у диаконов, у прежних дьячков; а крепость породы и обилие детей, притом даровитых — это уже *signum* [знак — *лат.*] могучей самочности. Как-то, думая «хоть к концу обедни попать» и поставить свечку, я торопливо вошел в церковь на Загородном, близ Гороховой; но опоздал, обедня кончилась, и церковь (огромная) была пуста. Громко разговаривая (гулко отдавалось) вышло, в осенних рясах несколько лиц из служившего иерейства и диаконства. Я быстро подошел к ящику, взял 1—2 свечи, поставил перед образами, положил поклоны и вышел. Но обомлел на паперти (очень высокая, почти в рост человека, лесенкой), сойдя с нее, разговаривали — очевидно, перед тем, как проститься и разойтись — два иерея Оба были не старше 40-ка лет; оба были очень велики ростом, оба были очень черны, черноволосы, при белом прекрасном лице. С волосами, на плечах лежащими, они положительно являли *образец мужской красоты*. От них трудно было глаз оторвать — «и говорили бы вы, говорили» и «глядел бы я на вас, глядел». Потом ведь число детей у духовных. «в живых», нередко переваливает за 11, а больше 5-ти — сплошь. Бездетных семей — почти нет. Если, далее, посмотреть (в удачных случаях) на «матушку», то всегда она являет в самом теле и в достоинстве важных манер что-то священное. «Не затанцует» и не «завертится»... И, конечно, если уж в *ком. то* в «матушках» просвечивает лицо древней «Mater deorum», «Mater Magna» [«Мать богов». «Великая мать» — *лат.*] и т. д., а никак не в претендующих на это декадентах, не способных родить даже таракана. Нельзя не думать, что хоть часть этого относится как к первопричине своей к размерности у духовенства совокуплений. «Нельзя в посты, постные дни, и — накануне церковной службы», т. е. *можно* в воскресенье, понедельник, вторник, четверг. Что же получается? Кажется — только дни «запрещений». Но «запрещенное» естественно не осязается: просто — «нет ничего». Поэтому на самом-то деле пол осязает только дни и вечера и ночи «позволения», как нечто «*ставно-положенное*». Входит в душу нечто от ветхозаветной субботы, входит не как вербальное впечатление, а как деловитое повиновение заповеди — «оплодотворяйтесь, множьтесь». Этот положительный, ясный, открытый, «по уставу», и вместе — разреженный (выпали постные дни и посты) характер совокуплений породил все изумительное здоровье и изумительную житейскую стойкость нашего духовенства. «Одна на всю жизнь жена», полное (фактически) запрещение развода, какая-то бытовая неразрешимость вдовам-матушкам вступать во второй брак, и другие мелочи, хотя индивидуально мучительные, хотя законно не мотивированные, — однако все сошлось в один уголок что остался хотя *где-нибудь, в одной частице* христианского населения, древний *герос уагос*, «священнобрачие», не по *предшествующему* обряду, а по *характеру течения*. Совсем другое само-осознание, само-обоняние, само-вкусение, само-мышление, само-воображение!!! Тут бы еще подлить нечто от «Песни Песней»... нечто от омовений.. из немного «священных курений»... Но так трудно, в христианстве, изречь *словесно-положительное*. Ведь и в духовенстве все совершилось «бытовым образом», все вошло «фольклором», а не через «Свод законов». В «Своде законов» указаны только «нельзя» (дни).. Может быть, только через 500 лет зазвучит и в законе. «следует», «должно», «желанно». В. Р-в

цинизм в отношении пола, всегда и всюду существовавшая, доказывает совершенно определенно, что всегда и везде затрагивать пол¹, хотя бы в разговоре, было щекотливо, что от этого смущались, что этого стыдились. Вот эта сторона пола, нечто для общенародного сознания темное в нем (как в гоголевской русалке-мачехе) и послужило источником возникновения общенародной брезгливости к полу, выразившейся в создании монастырей, безбрачного духовенства и т.д., вне христианства, — и кое-что отсюда, из *готового, бытового* образом, перешло к нам (католический целибат и т. п.)².

Мне хочется рассказать вам нечто об авторе напечатанных (стр. 144) у вас «Воспоминаний», которого и я знавал. Это по наружности очень неуклюжий, худошавый и высокий человек. Но собственно *женского*³ в лице ничего особенного нет. Теперь здоровье его весьма пошатнулось, память ослабла, внимание ему трудно сосредоточивать на изучаемом; но ранее способности его были превосходны: сообразительность, память, интерес — все отлично, и вообще какая-то врожденная (говоря о крестьянине, заметьте) интеллигентность. Явное уклонение от ручного труда, мало, думается мне, любви к природе, но весьма большое стремление и вкус к труду умственному, к учительскому слову, к изобретению и к чтению книг, к эстетике, искусственной жизни⁴. Сердцем он весьма добр, нищелюбив (и его любят нищие), охотно всем помогает, услужлив. Не любит, не выносит грубостей⁵, пошлостей, руготни, очень терзается

¹ «Трогать его» так же нельзя, как «трогать», обнажать, выводить «к свету» и «на открытый воздух» корни растений, деревьев. Вредно, убивает и, наконец, «грязно» (копаться в земле). Отсюда всемирный инстинкт отвращения к такому «копательству около корней». В. Р-в.

² Если бы *только* так, т. е. не принципиально... Но не будем спорить, до того удобна и «спасительна» эта точка зрения. Следуя ей, нужно бы стремиться к справедливым и неизбежным переменам в церкви, особенно касательно брака, и не юридическим способом, а бытовым способом, все погашая и умягчая вражду и преследования к «нарушениям» закона, слишком от древности «жестоковейные». Мне, напр., известен случай, когда один вдовый священник никак не мог расстаться с любимой им женщиной, с которой он жил. Тогда епископ местного града — лицо высокого (общерусского) авторитета, — узнав все от священника, пожалел его и сказал: «Ну, что делать, я вас переведу в глухой приход, и там *разговоров не будет*». Т. е. позволил епископской властью. Другой подобный случай был с одним южно-русским епископом: его полюбила одна (увь, замужняя) женщина и, оставив мужа (чиновника не крупного), следовала за епископом, куда его ни переводили. Мне передавали о грубых словах («возите с собой *бабу*»), в которых кричал на него Победоносцев, увеливший его «на покой». Но другие епископы мне о нем говорили, качая головой: «И в какой он *прекрасный* человек, воспитанный, деликатный, к священникам был милосердный». Явно, не будь святого гонения, они «товарищеской иерархией» смежили бы глаза на «случай» и «исключение». Точно так же следует, «не споря с канонами» и не «нарушая закон», — вообще погрязать в темноту и безмолвие «случаев», никогда не расторгать счастливых супружеств, как бы «неправильно» они ни были заключены, и расторгать все несчастные; внебрачных детей «привенчивать» (как было *постоянно* до Петра Великого)... Века через два тогда картина семьи вовсе бы изменилась, и изменилась без всякого «консисторского скрина» около нее. Последний идеал, однако, полное восстановление библейской семьи, библейского многочадия, гладкости и тишины. Сюда надо внести правило: «надломленной трости не преломляй». В. Р-в.

³ Ведь он *активный* и, след., женского в нем ничего и не должно было быть. В. Р-в.

⁴ Вот люди или, вернее, *категория* людей, которые и по Библии «первые изобрели музыкальные инструменты», и мастерство «ковать», и построили «города»... В. Р-в.

⁵ Совсем «начало цивилизации»: эй, да ищите же вы, историки, начало великих городов и замечательных царств не в «преимущественном географическом положении реки Тибра», а в урнингах, в средних формах пола, в странном осложнении их *талантом*, музыкальностью и художеством. В. Р-в.

даже одним неприветливым словом и несколько дней не может после успокоиться.

На свою особенность («S») он смотрел сперва просто, но чем более приглядывался к себе самому и к людям, ему подобным в половом отношении, тем более отвращался от своей организации, ужасался своих влечений и теперь не может говорить о них без слез и содрогания. Чувство глубокой оторванности от всего человечества, от чина природы, от естества — не покидает его, и на лице его всегда какая-то тень, тревога, печаль. Это совсем не чувство сердечного покаяния (есть у него и оно), но внутренний протест и темная тайна. Что есть *что-то за ним*, это, как я заметил, чувствуют люди; и многие, особенно женщины, выражали мне о нем свое недоумение: — «Что-то есть на душе». — «Что с ним такое». — «Совесть не чиста». А он сам говорил мне не раз, что посторонний взгляд сего не усматривает и не усмотрит, но они, «свои» с первого же момента угадывают своего: «какая-то словно искра проходит» и неудержимо начинает влечь к греху, вопреки воле, рассудку, убеждениям и даже чувству. Но, по его словам, у всех людей такой организации на лице словно «каинова печать», и по ней-то он и понял, что их жизнь — Богопротивная, мерзкая, преступная, хотя и сам не может сказать, в чем именно она такова, или, лучше сказать, его объяснения слишком формальны и заимствованы из «нравоучения». Он уверен, что с женитьбой все это пройдет, и именно из-за этого очень хочет женитьбы. Но остаться в тяжелом материальном положении, избалованный монастырем, тоже не решается и мечется, не находя себе покоя, и страдает ужасно. Довольно давно уже послушник этот решил во всяком случае отворотиться от *тех* своих влечений, и держится на *этом*, кажется, без слишком больших усилий.

Несколько слов еще о препод. *Моисее Угрине*¹. Уверены ли вы в вашем толковании? Не слишком ли это — не верить прямому свидетельству его самого: «Могу, но не стану», и утверждать — «не может»? Мне думается, прежде всего, что *всякий мужчина* — именно мужчина, а не полу-женщина — поступил бы так, ибо мужчина в высшей степени не дозволяет женщине *звать* его и, в особенности, *требовать* его². Мужчина может быть насильником, может быть, слегка (*мне делали признания*) — всегда насильник. Но именно потому он, будучи агрессивен, не терпит ни малейшей агрессивности в женщине и ищет в ней лишь пассивности, страдательности. Для мужчины не «чистого», с примесью бабаватости, требуется, чтобы не он насилует, а *его* насилуют, насилует женщина. Он хочет не *требовать*, а лишь *сдаваться*, быть

¹ Со всем объяснением касательно преп. Моисея Утрина я глубоко согласен. Прежде всего почтим его страдание, воспоминая поистине при них припев к чтением 12-ти Евангелий в Великий Четверг: «Слава долготерпению Твоему Иисусе»... Мне было и самому неприятно это писать, и я рад отказаться от всякого нареkania или подозрения в аномальности Преподобного. Но одно — он, и другое — *окружающие словеса* около него писателя «Жития». Случай *естественного* сопротивления мужчины перед бесстыдной бабой переведен, благодаря *неосторожной* речи, в какое-то чисто уранистическое исповедание вражды вообще к жёности, к бабству, к женственности, и это положительно несомненно, еретично и было исторически глубоко *вредно*. В. Р.-в.

² Глубоко верно! Даже «звать», именно... И настоящая «женственность», вот нежнейшая и страстнейшая, никогда не «позовет», а только тихо ожидает... Но «тихие ожидания» ее через воздух передаются мужчине. и это сильнее всяких зовов. В. Р.-в.

взятым, чуть не принужденным. Но настоящий мужчина в высшей степени оскорбляется даже намеком на то, что инициативу может проявить не он, а женщина, и если она будет настойчива, то мужская гордость будет прямо пропорциональна квадрату ее настойчивости. Мужественность тогда будет возрастать гораздо быстрее, чем женское алкание, и возбуждаемая, тоже усиленно, чувственность, и будет только обгонять последнюю, что вместо притяжения будет все усиливающееся отталкивание. Современная психопатология приводит поразительные примеры, как известная идея или чувство, раз начав парализовать какое-либо естественное влечение, крепнет до такой степени, что даже голод и жажда, сон и половое влечение и т. п. оказываются задержанными на долгое время; и лишь специальное уничтожение задерживающей идеи или чувства возвращает в нормальное состояние угнетенную функцию. Однако эта задержка функции может длиться месяцы, годы и даже всю жизнь. Так у мужчины, раз мужская гордость затронута, половое влечение будет парализовано, и чем больше будет насилия над мужчиной, тем несокрушимее будет его отпор. У препод. Моисея было сперва затронута его религиозное убеждение, что незаконна связь; была затронута гордость его рабством; было чувство непристойности состоять в весьма двусмысленном положении раба-удовлетворителя *похоти* взбалмошной хозяйки. Если бы она отнеслась к этому спокойно и осторожно и была сама скромнее, слегка намякнув ему, что он может жениться на ней, то очень может быть, что Моисей почувствовал бы влечение к ней и все обошлось бы благополучно. Но когда его хватают, требуют, подкупают, оскорбляют, пытают, — что, скажите, оставалось ему делать, как не то, что сделал он? Да, именно «могу, но не хочу». «Не стану... убирайся... Лучше умру, чем коснусь тебя»... Дивлюсь крутости преподобного: *этим* он святой, а не воздержанием. Всякий другой на его месте не то бы ответил подобной особе. И ничуть не содомит Иосиф, когда жена Пентефрия искушала его, в негодовании вырвался от нее; когда же *сам* он действовал, тогда он был силен: доказательство сему — дети его. Осмелось думать, что и В. В. Розанов, если бы его схватила на улице какая-нибудь особа и, то предлагаая денег, то колотя по голове зонтиком, стала требовать, чтобы он лег с нею, и это нахально, громогласно, перед всеми, — то В. В. обругался бы и плюнул, предпочитая попасть в участок по наговору навязчивой особы, чем в ее будуар. Не так ли? «Кровь в нем не взыграла», — пишете вы. Да у кого она «взыграла» бы (если он не совсем потерял человеческое подобие), когда его то подкупают, то бьют, то позорят, чтобы заставить ее «взыграть»¹.

¹ Совершенно основательно; в статье «В мире образов и подобий» (см. книгу «В мире неясного и нерешенного») я сам же указываю, что если в дверь постучат и просят: «Где спички?» — то уже настроение у запершихся в комнате падает, и «что было желанно» — становится «невозможно». Вообще «не *будете* любовь» — общий канон. Отсюда — «покой» субботы, исключение на целых 24 часа всякой заботы, всякой работы, *всякой посторонней мысли*... Ну, вот, и все хорошо обошлось с Моисеем Угрюмым, и слава Богу. Праведники суть праведники, и «делают» ли что — хорошо, и если «не делают» — тоже хорошо. И вообще «хорошо» с ними и вокруг них, и это и есть *суть праведности*. По чему же и как «праведность» мы узнаем и начинаем различать от «неправедности», как не по *лицу прекрасного человека*, которым мы *прежде всего* восхищены, и уже *потом* называем «праведным» слова его, дела его... А Моисей был воистину прекрасен. В. Р-в.

Я вам скажу еще несколько слов вне очереди и порядка, возникших у меня при чтении вашей корректуры. В монашестве, которое носит *одну* «форму» и повинует *тому же* «уставу», есть тоны, и тоны, одна душа и другая душа. В К-ской губ., в Н-ском монастыре, мне привелось знать одного затворника высокой жизни и подвига. Жил он верстах в 15 от монастыря, и ходило к нему множество народа, вообще авторитет он имел великий. Но, несмотря на этот авторитет, по существу он вовсе не «из монахов». В своем губернском городе он был дьяконом, потом священником, были у него жена и дети. Когда дети обзавелись собственными семьями, а жена умерла, он в возрасте уже 55 лет ушел в «Пустынь», а потом и в затвор. Выходит, и то вопреки своему желанию, по послушанию начальству, из затвора один день в неделю и исповедует и наставляет приходящий к нему народ целую ночь напролет; а потом опять на шесть суток уходит в свой затвор. Теперь это уже ветхий старец, и нужно серьезно подумать о том, как велик его подвиг. Но... хотя и все в нем безупречно, однако нет благоухания о. Леонтия и старца Кирилла в Н-ском монастыре. Те, и неважное говоря, сопровождают слова еле слышным аккомпанементом «гармонии сфер», а этот и важное говорит *без* музыки. Это непередаваемо. Но пред теми умиляешься, а этого уважаешь, тех «обожаешь», а этого «обсуждаешь». В нем чувствуется не плохой и не хороший монах, а превосходный и добродетельный мирянин. И невольно думается о скучных песнях земли.

На стран. 146 вы говорите: «Почему прелюбодеяние супругов карается строго церковью, а извращенные формы пола отпускаются на исповеди легко?» Но ведь страдает в первом случае семья, невинные, а во втором только виновные или виноватые ¹, которые наказуются *ipso facto* ². Церковь *защищает семью* («чтобы другим повадно не было»), жену, детей, ибо прелюбодеяние есть всегда род *удушения* их; но Церковь не насилует просто грешника: «спасайся о Господе» (из чина пострижения

¹ Высокоспособный Аноним рассуждает то как Платон в Афинах, то как член кон-систерии в Петербурге: и в сих словах и ниже он, «обожая» предмет свой, отрицает, чтобы ему необходимо было умываться поутру. Будем *реальны прежде всего*, ибо *реальность* (в сей сфере) есть прежде всего *жалость*. «Прелюбодеяние, по вине коего расторгается брак» (с эпитимией), никогда не бывает «случаем в гостинице»: это лишь фиктивно и на суде, через лжесвидетелей; на самом деле эта удручительная фикция прелюбодеяния прodelьвается, когда семья распалась вследствие *наступления вновь могучей любви* и вот эпитимия на 7 и даже на 3 года зарезывает эту новую любовь на могиле прежней любви, гасит зарю новой жизни и повергает людей прямо в задыхание, отчаяние и иногда в самоубийство (см. в «Семейном вопросе в России» письма Ен-лова, где «разводимые» 10 лет ждали, и «уже все у нас перегорело, и когда женились — родили одного ребенка, и хотя живем вместе с нею, *между собой уже не живем и почти не жили*». Это же ужасно: погребены «задержкой» двое, и никому не в радость, потому что первая жена сама сблизилась у него с другим, а детей у них не было. Но рассуждение автора в том отношении любопытно и важно, что показывает «складывание в истории вообще подобных рассуждений, где «язык без костей не ломится» и «писали, что хотели», только чтобы закруглить вечную в христианстве формулу «любви» — но *без любви*, потому что *без соответствия с действительностью*. Идеализм — жесток, даже когда это есть идеализм любви. Возвращаясь к идее, что «надо умываться поутру», скажем по адресу Анонима, и *сонмов* таких увлеченных, таких пылающих ревностью к Церкви, что остается вечно заповедь — «не сотвори себе кумира», не сотвори его даже из церкви... «Ни на земле, ни на *верху-горе*, — сказано, — ни под землей, ни на *небесах*». Ах, это учение о «кумирах»: оно одно защищает свободу человека на земле и счастье человека в жизни Я понимаю: надо — чтить, наконец — *прекрасно* чтить. Но тут какая-то, иногда в тумане, граница, которую необходимо нащупать, не нащупав которой мы погибли. В. Р-в.

² Самы по себе (*лат.*).

по окончании пострига), «не спасешься — тебе же хуже». Вы можете не соглашаться с *целесообразностью* строгих эпитимий прелюбодеям — не стану спорить; но зачем видеть вражду там, где действует любовь (гм, гм... В. Р.). Затем, разве можно сопоставить *официально* назначаемые эпитимьи разводящимся с *тайно* назначаемыми за содомию? Там их назначают по *закону*, а здесь по *милости* (ну, а плечи-то несут *одни*. В. Р.). Кайтесь в прелюбодеянии пред старцем, он тоже не назначит вам 7-летней эпитимии. Заявите о содомии в суде и тогда получите суровая кара ¹.

На стр. 364 вы пишете о порядочности в «S». Да, по крайней мере относительно автора «Воспоминаний», скажу по личному наблюдению, — весьма порядочен, *очень любит детей* (это против вас) и дети его очень любят, умеет обходиться с ними, ищет возиться с ними, никак и ничуть в нем нет монашеской жестокости. Знаете, мне думается, что монашеская жестокость чаще всего бывает от нечистой совести и озлобления на себя ². Меня более откровенные монахи уверяли, что без половых пороков живут очень-очень немногие из них. И вот люди мянщие о себе, не смиренные, начинают ожесточаться на себя и на других (Пушкинский «Анджело»).

На стр. 365 вы именуete совокупление физиологическим *гиннозом* (это *ad lectorem*, для *ясности* читающему. В. Р.). Пожалуйста, измените это выражение, ибо если так, то совокупление *осудительно*. Да и не выражает сути дела. Скорее — «взаимное питание» веществами, недостающими каждому полу. В статье проф. А. Ф. Бранда «О Браунсекаровском способе лечения» («Врач», 1893 г., №№ 35, 38) говорится о взаимном питании полов через совокупление (вполне согласен. — В. Р.).

И еще последнее NB: знаете ли, что «извращения» всех родов вообще распространены у всех *животных* (мне говорил это Л. К. Попов, «Эльпе» *Н. Вр.* — В. Р.). Об этом я читал когда-то целую книгу, но сейчас забыл имя автора. Она на русском языке. Если нужно, вспомню (очень бы любопытно. — В. Р.).

Аноним»

¹ Да, это все так... и *судов* бы в браке, как в *таинстве*, вовсе не надо: все «начинал бы» и «кончал» местный батюшка в приходе. Тогда бы не было ни волнений, ни язв. В. Р.-в.

² Золотые слова. Я думаю, вообще всякая жестокость, мировая жестокость есть наружу выходящая злоба на *свой* грех: но как нельзя же «себя за бороду драть», то обычно дерут другого. Тут, не говоря о морально-церковном мире, об инквизиции, и «муза мести и печали», и «громы» обличения Щедрина, и «Дума народного гнева» (1-я Госуд. Дума). Возненавидели землю свою, возненавидели ее калиновской злобой: но чем удавиться бы, «трясая и стеная», вошли в редакцию журналов и газет, вошли на кафедру Думы, и — «ату ее, мать родную землю». Все это — Анджело, и не более как Анджело. Но как гениален Пушкин в этом очерке. В. Р.-в.

ТЕМНЫЙ ЛИК

Христос — Судия мира

Как пишущий по религиозным вопросам, я нуждаюсь в свободе. Было бы странно спрашивать, желаю ли я ее. Мы *нуждаемся* в хлебе и *желаем* его. Богослов, рецензент моей книги «В мире неясного и нерешенного», предпосылает разбору ее удивление, как она прошла через цензуру. Стало быть, в свободе я *нуждаюсь* и свободу я *люблю*. Но одно дело — любить, а другое — понимать. На вековечную жажду свободы Церковь вековечно отвечала отказом. Легкие передышки в смысле свободы длились минуты, и на минуту свободы приходилось столетие несвободы.

Есть, кажется, тенденция объявить это «случаем». Таково было настроение на Рел. фил. собраниях 1903—1904 гг., и его провозгласителем тогда торопливо заявил себя Д. С. Мережковский. Но я позволяю себе сказать, что такое пожелание теперь уже несколько поздно, и нравственное чувство солидарности человеческой требует признать, что в самом корне веры нашей не содержится принципа свободы этой веры; что мы действительно «понуждаемся войти», *compellimur intrare*, на «вечерю» Жениха, и только перед дверью входа делаем «*bonne mine au pauvre jeû*» и заявляем, что это мы «сами» и без понуждения идем. Но обратимся к разбору.

* * *

В Евангелии прямого указания на физическое касание и вообще телесную угнетенность «отщепенцев» и «сопротивляющихся» — нет. Но предпосылки для него — есть; малые, большие, вообще все — вплоть до самого вывода, весь силлогизм: только без конечного заключения. И от Августина, преследовавшего монтанистов, до нашего времени. Церковь, разрабатывая в а в ш а я Евангелие и вникавшая в него в н и м а т е л ь н е е, чем люди со стороны, впадала невольно в эти предпосылки, приставляя к ним, в сущности, уже коротенький факт преследования. От подробностей этого преследования, иногда не по времени жестких, она поправлялась; извинялась за них; но это — более в глазах мира; от существа же его никогда не отступалась — в Германии, у католиков, у славян и греков, везде, где проповедано «лето благоприятное». Грубо и элементарно говорят: «Христос не преследовал». Но Он и не женился:

а нам жениться можно. Отсутствие совпадения с Христом еще ничего не доказывает: «что можно Богу — не всегда можно человеку». Христос бесспорно *повелевал* стихиям, людям, бесам. А *повеление* Бога есть по н у ж д е н и е мира. Люди, повелевая, еще ничего не достигают: тогда они прибавляют понуждение — и факт совершается. Божий путь течения фактов — ибо история есть продолжение и восполнение природы — у человека совершается при некотором телесном напряжении: а Бог «все сотворил словом». Мы не боги, а жить как-нибудь нужно. Глаголы наши не творческие, и мы прибегаем к делу. В изречении Иисуса: «Никто не может прийти к Отцу токмо как через Сына», я нахожу предпосылку, уже введшую в узкий путь не только духовного, но и телесного стеснения. Если ни к Отцу нельзя прийти, ни к Сыну не приходите: то с чем останешься? Без Бога. Это — ужас. Прежде, взирая на природу, — узнавали Бога; из недр своих познавали же Его. Но теперь все кончилось: «Аще не родишься водою и Духом — не можешь войти в Царствие Небесное». Отрезанность от Бога «токмо как через Сына», все в свою очередь передавшего «Петру», — создала иерархию, перед дверями которой заметалось человечество; а иерархия и сердобольно, и сурово понудила, да и самым положением своим понуждается «заставить их войти». Прежде на звезды посмотришь, на лилии полевые — и захочешь помолиться, и сумеешь помолиться. Теперь всему можно только научиться у священника, «право правящего слово». Вне его — темь, небытие. Не «что-нибудь» остается человеку, а — ничего. «Кого не развяжете — и не будет развязан». Не нам эти слова сказаны. А выслушавшая их иерархия не могла не проникнуться самоощущением, о коем не нам судить. Не имея путей к «Петру» и через него — «к Сыну», мы остаемся лишь с ботаническими растениями и физическими звездами; впадаем в животное состояние, в стихийную неблагоустроенность, из которой как не вырваться?! как не должна усилиться *вырвать нас* иерархия?! В линии религии мы остаемся, как политик — без государства, медик — без пациентов, писатель — без книгопечатания. Это — такая «мель», с которой всяческими усилиями *нужно стащить человека*. Ночь вне иерархии. Тьма — вне церкви. Какое средство тягостно, больно, чтобы *вырваться отсюда*? И ребенок кричит, ему больно — когда рождается; но через боль он входит в жизнь. И когда в религиозную жизнь *никаких нет путей*, кроме одного, человек если не входит, то *проталкивается* в него. Ущемляется, кричит — но проталкивается. В словах «Ты еси Петр» и «не приходят к Отцу токмо как через Сына» — я нахожу сужение путей веры, доведение его до единственного. Тропка вьется через Сахару; одна; по сторонам ее — костяки погибших. В этом, так сказать, закрытии таможенной линии, кроме одного пункта перехода «в свет», я нахожу достаточную причину для религиозной уторопленности, ужаса, давки и смятения в одной точке, подробности которых и составили «преследования». Ведь до этого «одного пути» в мире вовсе не было религиозных преследований.

Не было самого этого понятия. Архимандрит Антонин сделал ошибку относительно евреев: у них не было прозелитизма; пророки говорили иногда всем народам — ибо Бог над всеми ими, *у всех их*. Но никого они не загоняли и даже никого усиленно не звали. Евреи только не общались с другими народами; но это другое дело. Христиане же ко всем идут «в братцы» с требованием, чтобы «братец» самоуничтожился и принял в себя, как в мешок, «новое вино». Жар «апостольский» есть новое после Христа явление, не слышанное в эпическом покое древности.

Боль «пути», боль «рождения в свет Христов» кажется не отвечающим «лету благоприятному», и те, которым это так кажется, настаивают, что подобности стеснения на одном пункте уже идут не от Христа, противореча Его благодати. Но не Он ли изрек — «будут скорби»; «будут, когда отнимется у них Жених». Какие же «скорби»? Болели, умирали, задавливались башнею, калечились люди и при Христе. В «будут скорби» указаны какие-то специально христианские скорби, после Христа имеющие начаться, от Христа-Судии мира идущие, — и, я думаю, некоторые «затруднения» верующих и стеснения в вере, вплоть до историй с сектантами, — входят сюда. «Я принес на землю меч и разделен и я» — вот, так сказать, собственное имя около нарицательно и общо поименованных выше «скорбей». При Христе, правда, не теснили, но уже сейчас же после Христа начали теснить: раньше всего ап. Павел за привязанность к Ветхому Завету, обрезанию; правда — еще словесно, но уже очень пылко. «Жених» был еще близок, не отошел вдале. В царский ведь день все являют радостное лицо, и у кого есть в доме покойник — удерживаются погребать его; «пусть будет все иметь вид как бы нет покойника». Но назавтра все равно придется хоронить. Припомним и греческую трагедию с этой удивительно тонкой чертой в ней: казнимые выводились за дверь. Но казнь не отсутствовала. Поэтому, я думаю, ссылка, что в Евангелии никто не *теснился* и что даже Иисус «божески и царственно» повелел Петру «вложить меч в ножны», — не кончает спора. Где есть ревность — обнажится меч; Петр при «Женихе», не опустил его на виновного. Но «когда отнимется Жених»? Не знаем. Не будет Царя, лично удерживающего, и меч, конечно, *опустится*. Я думаю, кто создает к себе пламенную ревность — создает всю психологию «меча». Ведь известно, что «душа владеет телом». Поразительно, что, так сказать, газы христианства развиваются, как при выстреле из пушки: сперва искорка, а потом — неуправляемая сила. Уже Павел почти преследует; прозелитизм — необычайно возрос; да и раньше апостолы хотели свести огонь на одно селение, «не принявшее Иисуса». Но «Жених» еще удержал. Только издали Он сказал: «Содому и Гоморре будет отраднее в день Суда, нежели городу сему, видевшему такое знамение и не принявшему Меня. Но это как зарница, еще без запаха серы и вообще без ощущений физических.

Наказание Иерусалима именно в его подробностях, вплоть до «Элии Капитолины», до пламени, вырывавшегося из-под земли при попытке

возобновить Иерусалимский храм, все бешенство Баркохбы, воскликнувшего «Скорей уж я Мессия», и неудача его, и эпизоды, как случай съедения матерью от голода ребенка,— причем, однако, верные евреи все еще приносили «утренние жертвы» (тамиды) по заповеданию Синайскому: неужели нужно доказывать, что это есть не параграф Римской истории, но перелом всемирной — иудеохристианская тайна? Иерусалим был н а к а з а н — кто станет против этого спорить? Да и наказание до такой степени подробно предсказано в Евангелии, с такой решительностью — что нужно все христианство счесть апокрифом, чтобы усомниться в этом. А где есть наказание, есть и б о л ь, и где есть принцип наказания — есть и п р и н ц и п б о л и. Я не удаляюсь от темы нашего вопроса, я стою в самой середине ее, ибо, очевидно, все протесты против преследования сектантов исходят, между прочим, из совершенного отказа понять или признать б о л ь в христианстве, б о л ь — в Евангелии, б о л ь — во Христе: каковая считается идущей от человека — и именно от человека, еще по тупости сердца «не принявшего в себя Христа». «Где Христос, там уже прекращается боль» — это несется не только в наших собраниях, но и во всем мире. Счастливое *новое* «благовестие»... *Старое* «благовестие» — н а ч и н а е т с я с боли, а кончается ее раскатами на кресте, у Каиафы, перед Пилатом, на дворе среди воинов ругающихся и — дальше, больше — вплоть до Элии Капитолины. Скажут: «это от людей». Позвольте, «...и оружие пройдет через сердце твое», выслушала Божия Матерь уже при самом рождении Иисуса. Неужели мы будем понимать Евангелие как сплетение легенд или «схождение» случайностей? Значит, «оружие через сердце Марии» уже было в «Небесах» предопределено. Для чего? Виновна ли она была? Никто не скажет. Менее всяких сектантов. Но если Пречистая Матерь пострадала, значит, страдание входит в какие-то планы мира; и относительно Девы Марии не можем же мы не заметить очевидности, что Предопределивший быть разрушенным Иерусалиму, Сошедший в ад и победивший его, упразднивший грех,— слишком имел во власти, чтобы Его Пречистая Матерь видела славу и чудеса Сына, любовь к Нему человеческую до 32 года, и опочила в радости и спокойствии хотя бы за несколько недель до Голгофы. Но не было ни спокойствия, ни радости; и, может быть, под крестом было еще тяжелее, чем на кресте... По крайней мере, божеской силы для перенесения «скорби» не присоединилось здесь к слабой человеческой силе. Но кто ответит, для чего все это? — Когда явно с самым актом искупления рода человеческого это уже не было в связи. Мука для муки; без вины; и при полной свободе и даже, так сказать, наглядности, вот сейчас в очах — отвести в сторону «оружие» мимо сердца стоящей тут Матери?! Значит, «было соизволение»... По крайней мере, я комментирую так же точно, как и Кирилл Александрийский, писавший, что «Иегова шел перед Израилем в виде *столба* с намерением предсказать изречение: «Церковь есть *столб* и утверждение истины». Много занимались намеками, «прообразами», «тремя смыслами каждого

слова: буквальным, аллегорическим и символическим» — и упустили из вида очевидность осязаемого факта. Мука Божией Матери да научит нас покорности. И быть покорным в муках вообще есть удел человека. Сектанты напрасно волнуются. Мы входим в неисследимые тайны Евангелия. Не в явное в нем, а в сокровитное, но что и раскрылось в веках. «Гомеопатические-то доли и действительны», — заметил где-то кто-то о психологии. Действуют «пассы», а не удар кулаком. Туманы, намеки, таинственные шепоты, безмолвные почти жалобы, свет глаз, бледность щек: а не действует явная сплетня или уличная брань. Вообще все грубое, так сказать аллопатическое, не действует, и, например, старики со своим раздражением так и проходят мимо дела, крича напрасно. Оглянемся на себя: повеление, окрик — вызывает протест; а ласка — охоту к повиновению. Поэтому чем больше вы унежите слово и чем больше есть у вас к этому таланта, но не поддельного, а настоящего, «вдохновенного», тем более великих результатов вы достигнете. Возьмите же это в пределе. Унежьте слово свое до небес, до невероятности, до «несбыточности» для слуха человеческого, которому вдруг покажется, что он всегда ожидал и надеялся на что-то подобное, но ничего подобного от человека не слышал, — и вы достигнете среди бедных людей такого ответного рыдания себе, восторга, бурь, потери памяти, забвения действительности, что, поистине, от «слова» произойдет на земле Божеское действие. Я уже заметил, что серного запаха при наказании нет в Евангелии. И поразительно вообще, что физические ощущения исключены из него. Люди вкушают, пьют; но и яства и пития как без вкуса, и люди нигде не сказали «горько», «сладко», «солено», «кисло». Евангелие не без причины стало единственной книгой, в киотах хранимой, — как Бог: до того оно на все человеческие книги не похоже, имеет как бы разрыв с обыкновенным человеческим словом. Небо и земля полегли между ним и прочим. Но вот еще особенность, самая поразительная, и которую никогда-то никто не заметил: чудо и явная небесность евангельского слова выражается в том, чего никому бы из людей достичь не удалось: что самое наказание в нем выражено столь нежно, что мы его вовсе не замечаем, как бы исчезает его геометрия и физика, есть транс, у читателя — исторгаются слезы: хотя наказываемому очень больно. И при первой попытке болящего закричать — мы почти готовы бросить в него, как Лютер в черта, чернильницей. Крик расстраивает все и приводит нас в бешенство.

Таким образом, человечество введено в рыдательную покорность любви. Через необыкновенную нежность всякое сопротивление сломлено; сердце, все благородное в человеческом сердце — как бы само одевает узы на руки свои, и почти ищет ран. Недаром у многих святых образовывались «язвы» на ладонях от мечтаний. Узник, который будет

сам себя сторожить в темнице,— уже наверное не убежит. Вот этого духа повиновения совершенно нет в Ветхом Завете. Там наказание коротко, физично — и в сущности Израиль никогда не боится. Дух свободы — даже буйства — там удивителен; и точно как будто Иегове, пророкам — нравится это буйство. Они с ним борются, как конюх с норовом лошади, как мать с гениальным ребенком; но из резвого, пылкого, сделать что-то робкое и повинующеся, выработать: «да житие тихое и безмолвное проживем» — перед этим они ужаснулись бы. Кость нарастала в Ветхом Завете. В Новом она суживается, упрямство исчезает, упрямство есть главный враг «святости», «круга святости»; все размягчается, кости растворяются, и вырабатывается бесконечная податливость человека во все стороны — между прочим, причина образования великих европейских монархий. Грозного все еще любят, даже слагают заунывные песни в его память. Всех вообще любят. Кроме «упрямца». «Упрямец» есть вообще несимпатичное лицо в европейской истории. Можно заметить, напр., в Церкви, что она всякое распутство простит, Содом, Гоморру, всяческий Вавилон: но насупленных против себя бровей она никогда не простит. Мария Египетская — идеал святости. Ей сложены каноны, службы. Почему? Какие заслуги? Пришла и «облобызала руку» церковную; села в тюрьму и забросила в море ключ. А это — идеал. Это — венец. Это — Монт-Эверест христианского спасения. Повиновение — но заметьте — с восторгом повинующегося, с бесконечным неуважением в самом неповиновующемся к собственному неповиновению. Сюда входят притчи как о блудном сыне: «Ты можешь куда угодно уйти, на полюс, в Вавилон: но ниточка между тобой и мной не порвется, и ты *все равно* вернешься». А это главное, и даже это все. Тюрьма «увенчает твое распутство, и даже тем прочнее, чем оно шире». Тут что-то мировое, какой-то мировой план, как система рычагов, костей и нервов в самовозобновляющемся и самоуправляющемся организме. Узники суть собственные свои стражи, и царь тюремного ведомства есть главный Узник и наиболее себе «позволивший», далее «ушедший» от Отца... Что-то автономное, авто-кефальное, в цепи наказаний и вины. Если, напр., взять институт монашества, добровольное лишение себя семейной жизни — детей, «помощницы»-Евы, потомства, воспоминания о себе: то какой энтузиазм любви лежит под этим, упоение лишением, лобзание уз, восторг перед темницей! «Сокрушены кости»... Но как? Но чем? Гомеопатией: «Если ты можешь,— но, впрочем, не как Я хочу, но как ты хочешь». Эта-то «свобода» хотения и пронзила благородного человека. О, тогда он «восхотел!» Он бросился, прошиб головой дверь тюрьмы, уселся в ее самый темный угол, с «не хочу» на всякий позыв освобождения. Как будто Гоголь не «добровольно» уморил себя голодом?! Да, есть неволя паче свободы; алмазная; это — неволя добровольная, «своя», возлюбленная, опозтизированная. Но как она достигнута? Нежностью. «Иди, но ты вспомнишь обо мне»; «я ничего от тебя не хочу, но, может быть, ты сам захочешь». «Памятка»-то, ниточка-то положена

на сердце. И уж она вырастет в шумящий дуб — куда бы вы ни скрылись, куда бы ни забежали. «Камо бегу от Господа?..»

Аллопатия же вся прошла мимо, не возбудив нисколько, не приведя в восторг. Просто — не послушались, и совершенно спокойно. Кто же усиливается и «упоется» быть «миротворцем», «чистым сердцем», «быть изгнанным правды ради»? или боится разбогатеть, помня прямо грозные слова о судьбе богатого юноши? Кто подражает Лазарю? Это — слишком крупная картина. Ударила по взору, а в сердце не вошла. Туда вошло только незаметное, почти отсутствующее: так, «веяние духа» было — и, кажется, его нет; но «было», в самом деле «было», и растет в сердце, все выжимает из него, наполняет его. Огромное дерево шумит из «горчичного зерна»... И весь небосклон, напр., заволочся монашеством, на каких малых «икотах» основанном, предоставив по «путям блаженства», на «горе» провозглашенным, шествовать кому угодно, ну, хоть босякам; вообще — кому угодно, и хоть никому — так все равно. Никакого действия. Но ведь уж такова область религии, что в ней «еще что на земли, то и на небеси»; — и тут все в «звездах», до подробностей...

* * *

Когда я много лет назад писал «Место христианства в истории», то, кончив главу о евреях, хотел заключить ее каким-нибудь текстом и, открыв Евангелие, случайно и в первый раз (раньше не заметил или не запомнил) прочел:

«О, Иерусалим! Иерусалим! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, но вы не захотели: се оставляется дом ваш пуст». Меня до того поразила красота этих слов, что я возненавидел Иерусалим. Душа парализуется такою красотой. Не умеешь размышлять. Перестаешь видеть. Все заволакивается небесною нежностью; ибо ни одна земная мать не сказала слов о своем малютке с таким изгибом. «И вы не захотели»... — «И они не захотели — распни их!» — почти вопишь вслед Титу. Ударенное сердце нисколько не припоминает, что ведь «предлежащие к распятию» кричали: «Осанна! благословен грядый во Имя Господне» — и пальмы, и одежды под ноги идущей ослице. Ничто не помнишь. Как зачарованный. Придет ли на ум сосчитать, что 11 учеников — раз, самарянка и Никодим — 13, Лазарь, Марфа и Мария — 16, Закхей, сотник Иаир с дочерью и женой — вот уже 21 какой красоты, каких праведников! простых, смиренных, послушливых, любящих. До чего любящих! Таких сердец от начала мира не рождалось! И вспоминаешь, параллельно, Авраамово, но вспоминаешь много лет спустя, очнувшись: «Господи! может быть до 50 праведников не найдется в Содоме и Гоморре: но может быть ты пощадишь города те за 45 праведников»; и дальше это ползущее: «Господи, вот я у ног Твоих, я раб Твой: может быть не хватит до 45»,

«до 30», «до 25», «до 10». — И утомленный просьбою Господь сказал: «*Поцажу*, если найду только десять праведников». Так это — Содом и Гоморра, а тут — Закхей: «Половину имущества отдам, если увижу Иисуса: а на остальную буду жить. Не могу всего отдать. Скуп. Грешен». Ну, положим, «грешен», и вообще все Иерусалимляне этого времени были ужасно «грешны». Так ведь есть на такой недуг аллопатия, большое слово, широкий глагол: «не праведники нуждаются в помощи, а *грешные*»; «не семь раз надо прощать, но *сечьмижды семь*»; «пришел *ради погибших* овец дома Израилева», и «об одной *заблудшей* овце больше радости на небесах, чем о 99 незаблудших». Но столько лекарств не подействовало, и участь до вопля: «Горы, падите на нас!» — совершилась над содомлянами с Закхеем и Лазарем. «И шло за Ним великое множество народа, и женщин, которые плакали и рыдали о Нем. Иисус же, обратившись к ним, сказал: — «Дщери Иерусалимские, не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших. Ибо придут дни, в которые скажут: «Блаженны неплодные и утробы не родившие и сосцы не питавшие». Тогда начнут говорить горам: «падите на нас», и холмам — «покройте нас» (Луки, 23).

А нам говорят — «нет боли в Евангелии». Обращаясь к выписанным словам и размышляя о них, мы опять поражены противоречивым смещением, в сущности, ужаса в *сердцевине* слов с такою нежною оболочкою вокруг их, что как — через фотосферу солнца мы не умеем разглядеть темного ядра в нем — так и здесь прямо *забываем*, о чем в этих словах говорится. Музыка их, сердечная музыка, повергла нас в транс. И как в них все соединено! Все, что на земле мы любим, — есть и тут. И как мы любим на земле, в *каком соединении* — в этом самом соединении, без разрыва ниточки, взято все и здесь. Поленица органических явлений несется на костер, но ни один жучок под корой которого-нибудь полена не раздавливается. Напротив, «хромые начинают ходить», и «не видевшие получают зрение». Все славят Царский День, в который не бывает печали. Весь Израиль в цвету — когда корень Израиля, лежащий в субботах, в обрезании, уже так глубоко подрублен, отодвинут в «не-нужное» разливающимся поверх всего законом «высшего милосердия»! Когда исцеляются болезни и воскрес Лазарь — для чего старое разноможение? Теперь настал час «сотворить новых чад Аврааму» — «духовным рождением», от Павла до Лойолы. Зачем теперь старые средства, «глина» и «дыхание Божие», повеявшее в элементах природы? Да, небесно все это, планетно... «Дщери Иерусалимские — плачьте о детях ваших». Как Он их любил! «Не отделил»... Да в чем не отделил-то? В *страдании*, около молока матери положив кровь агнцев. Но сердце горит в нас непостижимою ответною на любовь любовью. И как город взят: в нежном средоточии своем, в женщинах, и это достигнуто через простую замену: «о, Иерусалим!» — «дщери Иерусалимские!» Иисус, уже идя на собственное страдание, как бы обертывается и любит на извечное любованье Израиля: на эти локоны, повитые печалью. И все —

печально. А в средоточии — Он, печальник. Вся жалость прямо небесносплетенных слов одевает Его слезною ризою, которой не забудет человечество. «И воскорбел духом: где брат мой Лазарь»... Это — в другом месте. Обращаемся к настоящему. Вот «птицы небесные», которые «не захотели» под крылья. Да *как* они не захотели-то? Идут вослед, рыдают. Это арифметика. Опомнимся же и схватимся за арифметику, чтобы что-нибудь понять в странной нравственной книге, где мы все плачем о наказуемом и ни разу о наказуемом. Ну, пусть была в Иерусалиме какая-то шайка, которая кричала на дворе Пилата — «распни Его». Так это ведь, очевидно, шайка подобранная, подговоренная; это — катилиновцы, а не Рим. Кто же жжет из-за Катилины Рим? А это — «град Давидов», «град Соломонов», «возлюбленное место Божие», ИЕРОУСАЛМЕ. Сколько обетований, пророчеств: что Москва и ее предания! В Москве подвизались Савин и Сонька-Золотая Ручка, достойные аналогии Иуды и черни на дворе Пилата. Был бы печален приговор: «снести Кремль из-за Савина». Из двух разбойников — один какой! Ну, господа, в наших собраниях нет такого разбойника: в ладонях и ступнях гвозди, а он каким словом вздохнул! Помним и повторяем до сего дня: «Прими меня, егда приидеши во царствии Твоем». Нет, да это какой-то город Сократов, когда из двух Савиных оказался один Сократом. Возвращаюсь еще раз к пророчеству о женщинах. Глаголы Божии суть события истории. Это — не предвидения имеющего совершиться по естественным законам, а — *повеления*, иногда вопреки естественным законам и поборающие их. Где нет *воли* в слове — нет и *пророчества*. Есть только гадание, предсказание; какое-то волхование, приличное человеку, подглядывающему внешние знамения, а не Богу, изводящему из Себя историю. Творец истории, Иисус, таковым не занимался. Великая aberrация умов христианских заключается в том, что они имеют при чтении Евангелия половину воззрения теистического, а половину антропоморфического, и когда говорят: «погиб Сион, ибо не принял Иисуса», то имеют на Иисуса не божественное, а антропоморфическое воззрение, и говорят о праведнике, за которого город наказал Бог. Отделяют Бога от Христа, когда этого нельзя. Здесь один субъект, глаголющий и творящий, и пророчество Христово уже влечет события, как нога идущего тащит башмак. Не было бы пророчество — не будет факта; а стало быть, если было пророчество, то факт непременно будет, сбудется, и — не станем же впадать в антропоморфизм — он сбудется вследствие пророчества. «Будет» в устах Божиих равно «да будет». Повторяю, нужно стать на точку зрения древнего Евгемера и разложить Евангелие в мифы, чтобы вынуть из него *повелительную* и *нудящую часть*, так сказать — момент небесной *воли*, небесного *понуждения*: но на этот раз Небо было сошедшим на Землю, вера в это — есть сущность христианства; и невозможно быть христианином, чтобы в то же время как бы не повалиться навзничь от сознания: «какая же мука и именно невинных-то мука проходит всюду здесь!» Говорят, Ирод

сгнил в червях. Не знаю, кричал ли он: «Земля, засыпь меня». Но и эти плачущие женщины умерли... нет, в силу пророчества — наказаны были, как Ирод. И от того дня и по сей день, до сектантов, т. е. более пламенно верующих, чем официально православные люди, мука-то у христиан и в христианстве именно и постигает нежных, любящих, глубоких, кротких. Тогда нам вдруг открывается смысл на общее заключение: «Будут, которые скажут Мне в день Последнего Суда: «Господи, Господи, не мы ли призывали имя Твое». Но Я скажу им: «Не знаю вас: идите в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его».

Полное недоумение — я говорю о человечестве в последний час, когда «раскроется все». Слова эти, что Иисус «не узнает», нет — «откажется узнать» Своих исповедников в последний час, я считаю или таинственной обмолвкой, как-то загребенною в священные тексты вне преднамерений Сказавшего, или излишнею, до края, до головокружительности — дерзостью. «Все равно: будут открыты очи — и не увидят, услышат — и не поверят: Я, Жених — с ними». Последняя тайна в этих словах сказана: что же может быть этого ужаснее? Идти, идти, до могилы идти, страдать; там, за гробом, в каком-то «среднем месте» брести — до «берега»... «Вот берег!» Но с того берега, с какого-то таинственного еще другого берега послышится предреченный глагол Жениха: «Это — они, узнаю их... И — не знаю: пусть идут в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его». Ужасно. Но ведь это написано! И смеем ли мы переменять глагол Иисуса? Говорят комментаторы, что это сказано о «богатых», а не о Лазарях — о фарисеях, а не о Закхее с сотником и кающихся Магдалинах. Ну, у тех не такой язык сытый: это — голоденюшкие и маленькие, это — робкие и надеющиеся, это их тон, нищих: «Господи! Господи! Не мы ли призывали Имя Твое!» Это — центр христианства, подлинный, нравственный, и с ним-то в час Последнего Суда совершится то же, что с «дщерями Иерусалимскими» при начале пути. Нам кажется это невероятным, чтобы измена и «неузнавание» произошла в отношении тех, о коих Церковь поет сейчас: «приидите, вернии». Невероятно по качеству любви их к Иисусу: но, уж поверим факту, что ведь тоже «любили» шедшие «во след Ему множество народа и женщин, и плакавшие о Нем». Нет, в любовь-то, именно в любовь и капнет отрицание; в Сахару любви — как бы дуновение с ледяных вершин Монт-Эвереста. Ибо это совершенно холодные слова: «Не знаю вас — идите от Меня в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его». Единственно холодные в Евангелии слова. И это — на краю, дальше которого — ничего. Но мы «видим — и не понимаем, слышим — и не верим. Имея очи — не зрим, и имея уши — не внимаем», зачарованные, в какой-то рассеянности и задумчивости.

Еще относительно Иерусалима, который не выходит у меня из головы. Жители его ведь признали Иисуса «Илиёю воскресшим» —

и только в простосердечии, и лишь на улице, толпою, удерживались признать «Богом», помня слова: «Да не будут тебе Бози инии разве Мене». Последние слова, для нас так себе,— были для евреев национальные слова, с Синая, это был Кремль и Рюрик Израиля. Им поколебаться в них было мучительно. Мы скажем: «Они не узнали Мессии». Но позвольте. Вполне-то «узнали», сверив все пророчества, ученые Александрии и Сирии, в течение четырех веков,— проследив все намёки в псалмах и у пророков. Ученая работа проверки совершилась позднее. Надо было разгадать все «прообразы», напечатать в пророчествах с прописной буквы такие неясные, общенарицательные слова, как «Сын Человеческий», «Отрасль Давида», «Мой любимый Отрок» и пр. Возможно ли же было, чтобы улица, площадь, толпа, частью безграмотная, а наконец и ответственные вожди Израиля признали Его Мессиею, и притом до воскресения?! Если Фоме, близкому ученику, было позволительно усомниться, чего же требовать от далеко стоящей толпы народной? Да и Фома судил после воскресения, увидя осязательно Воскресшего. А Израилю приходилось изменить «да не будут тебе Бози инии» ранее воскресения, т. е. до самого паразитального и для нас самих лишь окончательного и убедительного факта. Если бы Христос не воскрес, и мы усомнились бы, Мессия ли Он. Но ведь Он не воскрес до воскресения: за что же было судить Израиля, воскликнувшего о человекообразном Чудотворце: «Он Илия, сошедший с неба, Иоанн оживший: но Сын Божий — о таком не слышали ни от Моисея, ни от пророков». Заметим, что у пророков и в псалмах есть об «отрасли Давида, «Отроке», «овце, ведомой на заклание». Но определительного учения, и даже термина о «Сыне Божием» — нет иначе, чем в смысле, что все люди суть «сыны Божии». Таким образом, евреи остановились принять нечто неслыханное, невозможное, невероятное, противоречащее и «Аз есмь Господь Бог Твой», и «не будут тебе Бози инии разве Мене». Они затрепетали в страхе: и как Господь через Моисея повелел тяжело наказывать даже за нарушение четвертой заповеди о субботе, так это нарушение двух первых заповедей, и притом личное и сейчас, на глазах у них, и вызвало ужасную и роковую их ошибку об Иисусе. Еще раз настаиваю: если Фома ошибся — позволено ошибиться и Израилю. А если Израилю позволено ошибиться, то, конечно, и Тит, и «Горы, падите на нас» — безвинны. Безвинная мука есть. Это столп: песчинка коего — и безвинные страдания сектантов, верующих и проч. Вообще, тут «пуп» земли, стержень религии. Его надо не обйти, а столкнуть: тогда вы останетесь без религии, при рационализме. Религия есть тайна. Религия есть неисповедимое. В религии есть — Альфа и Омега. В концепцию Омеги и входит мука, гроб, смерть. Невинных сектантов — понимаю; что от преследования их рушится, хладеет, существует только формально сама Церковь — понимаю же. Но я думаю и уверен, что тайна их гонения лежит именно в загадочных сторонах Евангелия, а не в заботах о Церкви: и оставь их в покое, то Церковь собственную уже грудь стала бы

разрывать так же мучительно, ибо *figur*¹ без объекта обратился бы на ее собственные внутренности.

Даже в юриспруденции есть косвенные доказательства. Вся наука не прямо видит, а косвенно выводит. Вообще косвенное и роль косвенного громадна. Это мир потенциального будущего, туманного, «начертанного в звездах»; в противоположность мешанствующему реализму, который мечется в глазах. Смеем ли мы сказать, что в Евангелии нет косвенного? Гораздо более, чем прямого: и оттого-то христианство и находится в неудержимом росте, как разгибающийся лук. Субботы пали, обрезание пало, весь Ветхий Завет — «Завет *Вечный*» по слову Божию — пал в первое же столетие после Р. Х. Между тем в Евангелии, например, ни одного прямого отрицания ни обрезания, ни суббот нет. Но нет ли косвенного? Да мне кажется, в отвержении Израиля, в «Се дом ваш оставляется вам пуст», и отвергнут весь Ветхий Завет: ибо именно «Дом Иаковлев», 12 колен, и были в своем роде «возлюбленным Отроком». И, так сказать, «субстрат», «субъект» Ветхого Завета, «житель дома», — буквально для Израиля то же, что для нас Иисус, — и был сброшен в ничтожество, в небытие. Дело в том, что было «два Отрока»: Иисус и Израиль. Мы выбрали Иисуса — и отвергли Израиля; но Израиль-то поступить по-нашему — просто как над собой совершить последнее решение Иуды: «пойду и удавлюсь». Израиль уперся, и уперся именно основываясь на своем «возлюбленном отрочестве», столь ясно оговоренном через Моисея и пророков Иеговою. «Не может быть, чтобы Отец меня отверг». Израиль не мог усомниться в своей богосыновности; счесть себя Божиим «подкидышем». «В Исааке наречется тебе семья». А тут выступили «Измаил»-эллин, «Измаил»-римлянин, «Измаил»-славянин, германец, кельт. Ведь все в связи. Просто Израилью показалось невероятно. И пророки, и Моисей, и Давид — все обманулись, баюкая «подкидыша».

Еще одно замечание касательно «косвенности». Ап. Павел, убеждая евреев, сказал как бы в себе субъективно: «Я хотел бы быть отлученным от Иисуса ради братьев моих по крови, евреев». Так он любил их. Плачем. Лобзаем золотое слово. Какая любовь! Да и везде в Евангелии эта любовь, аналогичная. Но золото-то этой любви все осталось на любящем, во славу Павла; а на любимом странном образом остался какой-то чужеродный мазок: гибель и беславие Израиля; да что гибель — *ненависть* наша к «любимому»?! Вот пример «косвенного». Ап. Павел не только не «отлучился от Иисуса ради братьев своих», но начиная именно с него, и началось разлучение бывших «братьев его» — от «эллина и варвара», с выдвиганием их вперед, наверх, и с понижением, потоплением всей барки с «братьями». Но как все это выражено неуловимо: через любовь, а не через гнев! Но поистине никакой гнев не совершил бы того, что эта разрушительная любовь. Да, от «любви»

¹ неистовство, шумный публичный успех (*лат.*).

евангельской горы повалились и сравнялись с долами. Этот «тихий ветер» — потряс основание земли и сорвал вершины гор. Теперь вместо «Моисея» и «Ревекки» — «Мошки» и «Ривки»; не пророки, а сапожники. Мы их прямо ненавидим — под «нежным словом», их задавившим. Но в этом «гетто» человечества, куда гордый христианин не может войти, не зажав носа, есть очень аналогичное Павлову слово — их национального законодателя: «Господи, если Ты решил истребить народ Твой: то изжени и меня с ним вместе из книги Живота». Это была минута особенного гнева Божия после золотого тельца — но Моисей не убоился гневного Бога и все же вступился за легкомысленный народ. Однако, уже обманувшись с «любовью к братьям», мы отлагаем судить и об этом золотом слове до окончательного итога. После золотого тельца — что дальше, то хуже: то перед манной, то перед перепелами, то без свежей воды — народ вечно волнуется и ведет себя невозможно. Ведет себя именно как «возлюбленный Отрок», забывшийся в счастья и бесчинствующий на отпуске бесконечного повода. Наивная вера одушевляет его: «все равно; Господь меня любит». Та к ведь подлинные дети, в отличие от подкидышей, и чувствуют себя. «Что мне делать с народом сим?» — выговорил, видя это, раз — то же субъективно — Моисей: «Я носил его на руках моих, как мать носит в утробе младенца своего». И сказал еще слова усталости и жалобы к Богу. Да, Моисей жаловался. Но он в обетованную землю сам не вошел, а народ до нее довел. Так вот она, подлинная-то и фактическая-то любовь, без странного осадка сажи на «родном». Все возлюбленному родному простишь, всякий порок, шалость, заблуждения, озорство, ну... как «блудному сыну». Но оказывается есть «блудный» и «блудный» сын: манящая-то притча о нем была Израилем выслушана; столь нежная, что подобной во всем Ветхом Завете нет: а как дошло время, то Веспасиан с Титом и дали *resumé* к притче о «блудном сыне», который двадцать веков прыгает на морозе. Это и есть «косвенное», о котором я говорю. То есть, что новая нега, в противоположность ветхозаветной, только снаружи обволакивает предмет; обмывает его, но не напоет; реальной сердцевины реально не касается. Напротив того, суровость ветхозаветная, по-видимому, грозит, гремит, весь Синай трясется: а смотришь, ядрышко все сохранено, красуется в обетованной земле, в славе, силе. «Жёстко послано — а мягко спать», «мягко послано, а жестко спать» — так бы русский ум формулировал дело.

В собраниях наших упоминалось о каких-то двух-трех сектантских семьях, у которых были огняты дети и переданы кому-то на воспитание. Какие пустяки: да кем же, как не каноническим правом, безосновательно вмешавшимся в брак, чем, как не странной претензией бессемейных келейников-монахов управлять судьбами семьи многомиллионных народов — населены воспитательные дома, порождена вся необозримая гибель христианских девушек и их детей? Кто об этом плачет? — ровно никто. Христианину обычно «варить козленка в молоке его матери»,

перед чем остановился Моисей и «жестокый народ». Мы, видите ли, «кроткие сердцем», «миротворцы», и вообще лечили сердце свое всеми лекарствами нравственной аллопатии. Но это все не подействовало, а действует гомеопатическое: «Если бы вы вместили девство — впрочем, не как я хочу, а вы сами». И «сами» с таким упоением бросились к живой воде, что как табун, устремившийся на водопой, заптаывает каждого или каждую, кто поотстал в стремительном беге «испить».

Поэтому-то народы, особенно наш глубокий русский, и поклонились, и свели все почти христианство в поклонение «Скорбящей Божией Матери», «Нерушимой Стене», «Упованию рода человеческого». Какому «упованию»? Да вот, своей собственной скорби. В ней мы все солидарны. И, ползя в муке — разрываться в ней не должны, так чтобы одни были в дне и свете, а другие в ночи и печали. Терпели уже долго, терпели все средние века, потерпим и в новые. Потерпим — пока объяснится все. Я думаю, было бы безнравственно вдруг в начале XX века выскочить в свободу, братство, «лилии полевые» и проч. Вдруг мы забыли бы всех мучеников — не Колизея, а начиная с Колизея. Есть нечто возмутительное в этом; и похоже на «подлость», по выражению Императора Николая, — «получить наследство после осужденного Гагарина». Отказаться от наследства далекому родственнику Гагарина было бы благородно. И мы, сохраняя благородство, уже поклонимся тоже лучше «Скорбящей Божией Матери», говоря, что уж если Ей, невинной, «оружие прошло сквозь сердце», то пусть и нам проходит, и так вечно до Страшного Суда. Тут есть такое глубокое недоразумение, что, между прочим, идея «Страшного Суда» сама собою уже образуется, как разъяснение. Просто невероятно жить со стрелой в сердце: «Да кто же вынет ее из мяса моего и когда?» Это «когда» — есть Страшный Суд, этот «кто» — есть так называемое «второе пришествие Христово». Кто завязал узел — и развяжет его. «Никто не может разогнуть книги сея», кроме такого-то «всадника, сидящего на белой лошади». Тут мы входим в апокалипсические времена, в дух совершенно новый, в прозрения совершенно новые, в отношении к которым, когда он повеет, синоптики так же постареют, «поветшают», как и Ветхий Завет когда-то при появлении этих синоптиков.

О Сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира

В нынешних ¹ «Религиозно-философских собраниях» поднимаются те же темы, которые волновали собою собрания 1902—1903 года. Это вопросы — о духе и плоти, «христианской общине» и общественности

¹ Эта статья представляет собою доклад, читанный в Спб. Религиозно-философском об-ве в ноябре 1907 г.

в широком смысле; об отношении Церкви и искусства; брака и девства; евангелия и язычества, и проч. и проч. В блестящем докладе «Гоголь и отец Матвей» Д. С. Мережковский страстно поставил вопрос об отношении христианства к искусству, в частности — об отношении, напр., Православия к характеру Гоголевского творчества. В противоположность отцу Матвею, известному духовнику Гоголя, он думает, что Евангелие совместимо со сладкою преданностью музам, что можно слушать и проповеди отца Матвея, и зачитываться «Ревизором» и «Мертвыми душами», от души смеясь тамошним персонажам. Пафос Дмитрия Сергеевича, по крайней мере в ту пору, заключался в идее *совместимости* Евангелия со всем, что так любил человек в своей многотысячелетней культуре. Ему охотно поддакивали батюшки, даже архиереи, и все светские богословы, согласно кивавшие, что, «конечно, Евангелие согласимо со всем высоким и благородным; что оно *культурно*»: а посему культура и Церковь, иерархи и писатели могут «гармонично» сидеть за одним столом, вести приятные разговоры и пить один и тот же вкусный чай. Все было чрезвычайно приятно и в высшей степени успокоительно. Сервет в Женеве, Саванарола во Флоренции, оба сожженные, не могли подать своего голоса в наших спорах. С другой стороны, «Союз русского народа» еще не открывал своих действий. Мы дебатировали в 1902 г., забыв прошлое и не предвидя будущего, отдавшись сладкой минуте.

Мне кажется, вопрос разрешается с помощью мысленной инкрустации. Если кусок из прозы Гоголя, самый благожелательный, самый, так сказать, бьющий на добрую цель, вставить в Евангелие — то получим режущую, несносную какофонию, происходящую не от одной разнокачественности человеческого и Божественного, слабого и сильного, но от разно-категоричного: невозможно не только в евангелиста вставить кусок Гоголя, но — и в послание которого-нибудь апостола. Савл не довоспитался до Павла, но *преобразился* в Павла; к прежней раввинской мудрости он не приставил новое звено, пусть новую голову — веру во Христа, нет: он изверг из себя раввинство. Отношение в нем есть именно *Савла* и *Павла*: взаимно пожирающих друг друга «я». И так бывало со всяким, обращавшимся ко Христу: пожирание новым старым. Апостол Павел вовсе не предлагал афинянам: «поверуйте во Христа *сверх того, что вы ходите на олимпийские игры*». В минуту отдыха, ну хоть какого-нибудь отдыха, суточного, часового, — он все же не пошел в греческий театр посмотреть трагедию. Тонким чувством психических нюансов мы знаем твердо, что об этом не только не рассказано в «Деяниях», но этого и *не было*. Павел в театре — невозможное зрелище!! Одобряющий игру актеров — какофония! разрушение всего христианства!! Между тем это было бы только то самое «примирение», «гармония», о которой спрашивает Д. С. Мережковский. Да, Павел трудился, ел, обонял, ходил, был в материальных условиях жизни: но он глубоко из них вышел, ибо уже ничего более *не любил*

в них, ничем не *любовался*. Он брал материю только в *необходимом* и *утилитарном*, он знал и нуждался только в прозе плоти. Христос был единственным цветком в ней; моноцветком, если позволительно выразиться. «Я хожу, ем, сплю, вкушаю: но наслаждаюсь только Иисусом», — может сказать о себе всякий подлинный христианин.

Христос никогда не *смеялся*. Неужели не очевидно, что весь смех Гоголя был преступен в нем, как в христианине?! Я не помню, *улыбался* ли Христос. Печать грусти, пепельной грусти — очевидна в Евангелии. Радости в нем есть, но совершенно особенные, схематические, небесные; радости с неизмеримой высоты над землей и человечеством. Не будем обманываться «лилиями полевыми». Это, во всяком случае, не ботаника и не садоводство, не наука и не поэзия, а только схема, улыбка над землею. В том и дело, что Евангелие действительно не *земная* книга, и все земное в высшей степени трудно связуемо или вовсе не связуемо с ним в один узел; не связуемо иначе, как искусственно и временно. Позволю небольшую параллель. Наше ухо прожужжало слова: «христианский брак», «христианская семья», «христианские дети». Какая иллюзия! Конечно — ничего подобного не было, и до скончания века не будет!! Я вам предложил сделать *инкрустацию* из Гоголя в Евангелиста, и вы получили *какофонию*. Теперь я предложу вам представить одну из юных жен евангельских или которого-нибудь апостола — извините за смелость — влюбленным. Я *извиняюсь*, и вы чувствуете, что я *должен* был извиниться. Отчего? По *мировой несовместимости* влюбления и Евангелия. Я не читал «Жизни Иисуса» Ренана, но слышал, всегда в словах глубочайшего негодования, что дерзость этого французского вольнодумца простерлась до того, что которое-то из евангельских лиц он представляет влюбленным. *Вкус* всего мира, всех сонмов читателей Евангелия почувствовал в этом глубочайшее *кощунство* над его *божественностью*. Это тот же вопрос, что вопрос об отце Матвее и Гоголе. Только это другой пример. И между тем апостолы, как Петр и Иаков, были *женаты*. Да, но какой-то особенной женитьбой, евангельской. Пример, мною указанный, не пуст даже в практическом отношении. Церковь позволяет священникам жениться, но на *ком-нибудь* и сейчас, *без выбора* и *влюбления*, т. е. так все обставлено в их женитьбе, что жених может или должен быть влюблен в невесту не больше, чем офицер в солдата. Отношения офицера и солдата сохраняются, а любви нет; отношения мужа и жены сохраняются в христианстве, но любовь, из которой, казалось бы, и рождается брак, пройдена *гробовым* в нем молчанием, и даже *преднамеренным, роковым, поту-светным*. Ни смеха, ни влюбленности нет в Евангелии, и одна капля того или другого испепеляет все страницы чудной книги, «раздирает завесу» христианства.

Да, «мертвые» *восстали*, когда умер Христос: но зато таинственная «завеса Соломонова храма» — она «разодралась»... А ведь «закон»

этого «храма»¹ состоял, между прочим, в том, что при постройке его нельзя было употребить как инструмента или как части хотя бы крошечного кусочка железа: ибо «из железа — оружие, а оно укорачивает жизнь»². Стало быть, тайная мысль храма — «удлинение жизни». Но оставим эти и многочисленные другие знамения. Вернемся к нашей частной теме.

Ни Гоголь, ни вообще литература, как *игра, шалость, улыбка, грация*, как цветок бытия человеческого, вовсе не совместим с моно-цветком, «Сладчайшим Иисусом». Но как же тогда *мир?* — завоплю я с Мережковским. Как же тогда мы, в *цвете и радости* своей жизни?

Все, что тогда говорили духовные лица на доклад Д. С. Мережковского, — что, например, они «пошли бы в театр, если бы театр был *лучше*», — уклончивы, словесны и вытекают из необходимости что-нибудь сказать, когда они явно не могут *ничего* сказать. Да, конечно, если бы на театральные подмостки вышли актеры и стали реветь о своем окаянстве, то гг. епископы с удовольствием пошли бы на такое зрелище. Но предложите им сыграть на флейте довольно невинную народную песню: «Во-лузях», — и они откажутся. Им вовсе не *грешные* удовольствия запрещены, им запрещено удовольствие как *таковое*. Все *негрустное* — им не позволительно. Вино, чай, большие рыбы, варенье, хорошая квартира и мебель — собственно прокрались к ним контрабандою. Но официально, в законе, в «церковных правилах» решительно невозможно сказать: «епископ может побаловаться хорошим рыбным столом»; а что он, например, должен есть одни сухие грибы — это можно сказать официально, по форме, вслух. Говоря так, я различаю в христианстве товар и контрабанду. Контрабандою прокрались в христианский мир и искусства, музыки, Гоголь, хороший стол, варенье. «Это — позволено»; но никто не прибавит: «это — полезно» (формула ап. Павла), а в этой-то прибавке все и дело, вся поэзия, цветочек: коего решительно не допускает *моно-цветок*, Иисус.

Христианство и Евангелие сделало собственно бесконечное *расширение* объятий, я думаю — расширение *охвата*; широкое устье невода оно распустило на бесконечность: но это — лишь «позволенное» — есть именно проявление его собственной доброты, снисхождения, прощения. Ну, и Гоголя оно «прощает», и Пушкина, и варенье; даже блудницу и блуд, без коих, кстати, не попали бы в невод почти все святые, начиная с бл. Августина, знавшего бурную молодость. Но *прощение* — это вовсе не то, что *призыв*. Призваны-то христиане только к *одному* — любви ко Христу. Конечно, Гоголь со всем своим творчеством, и нимало его не прерывая, мог бы «спастись». Но спасение спасению рознь: есть *герои* спасения, есть *великие* в христианстве, есть поэзия христианского спасе-

¹ У Иезекииля, в видении таинственного храма, употреблены термины: «надо знать закон строяемого храма», «надо знать закон жертвенника в нем», т. е. *принцип, существо, тайную идею* и храма, и жертвенника.

² Так, в одном месте «Талмуда» объясняется полное и тщательное изгнание железа и из *материалов* его постройки, и из *орудий, инструментов*, посредством которых он строился.

ния, в своем роде *духовный роман*. Таковой прошли только мученики; и Гоголь стал и должен был стать мучеником, чтобы войти в роман и поэзию христианства.

Дело в том, что с христианской точки зрения невозможна *акция, усилие, прыжок, игра* в сфере ли искусства, или литературы, или смеха, гордости и проч. Варенье вообще дозволено: но не слишком вкусное, лучше — испорченное, а еще лучше — если бы его не было; но когда оно есть и даже вкусное — оно прощается... На этом основалась возможность христианской *шири*. Неведом «прощения», *доброты* своей, снисхождения — христианство охватило бездны предметов, ему вовсе ненужных, в его глазах ничтожных; схватило «князя мира сего» и повлекло его — к *умалению*. Христианство есть религия нисходящей прогрессии, вечно стремящаяся и никогда не достигающая величина: «Христос + 0». В каждый день и в каждый век, и во всяком месте, и во всякой душе человеческой получалось «Христос + еще что-нибудь», «Христос + богатство», «Христос + слава», «Христос + удобства жизни». Но это «что-нибудь», прибавленное ко Христу, в душе нашей всегда только *снисходилось* и *малилось* по мере возобладания Христа. «Князь мира сего», *таял*, как снежный ком, как снежная кукла весной около солнца Христа. Собственно был оставлен христианам очерк «князя мира сего», семья, литературы, искусства. Но *нерв* был выдернут из него — осталась кукла, а не живое существо. Как только вы попытаете оживлять семью, искусство, литературу, как только чему-нибудь отдадитесь «с душою», — вы фатально начнете выходить из христианства. Отсюда окрики от Матвея на Гоголя. Не в том дело, что Гоголь занимался литературою. Пусть бы себе занимался. Но варенье должно быть кисло. Гоголь *со страстью* занимался литературою: а этого нельзя! Монах может сблудить с барышней; у монаха может быть ребенок; но он должен быть брошен в воду. Едва монах уцепился за ребенка, сказал: «не отдам»; едва уцепился за барышню, сказал: «люблю и не перестану любить» — как христианство кончилось. Как только *серьезна* семья — христианство вдруг обращается в шутку; как только серьезно христианство — в шутку обращается семья, литература, искусство. Все это есть, но не в настоящем виде. Все это есть, но без идеала.

Но как же тогда? где *этому* всему место? Д. С. Мережковский негодует на *серый* или *пестрый* вид христианства, его полосатость: черная полоска, белая полоска; скорбь — но не вечная; монастырь и пост — но среди хорошего ландшафта. Можно написать оду: «Размышление о Божием величии при виде северного сияния», но «Медного Всадника» написать — грешно. Но что такое *чистый черный цвет*? Это — *смерть, гроб*, о котором я говорил в одном из предыдущих своих докладов и коего решительно невозможно вырвать из христианства. Это его хребет и четыре ноги. «Гробом» оно бежит вперед, на гробе

зидется. Что такое чистый белый цвет? Воскрешенный эллин и иудей, воскрешенный Египет. Все три в светозарном новом воплощении, с какими-нибудь новыми нюансами, но в существе — они. Танец перед Ковчегом Завета, «воспойте Господу на арфах», как говорила Иудифь. Эллин есть успокоенный, не ажитированный иудей; иудей без глубины. Иудей есть желток того пасхального яичка, скорлупу и белок которого составляет эллинизм; скорлупу раскрашенную, литературную, с надписями «Христос Воскресе», с изображениями, живописью, искусствами. Мало ли что на скорлупе можно написать: целую эллинскую цивилизацию. Но скорлупа со всеми надписями хрупка, а белок мало питателен и не растителен. Важнее всего внутри сокрытый желток и в нем зародышевое пятнышко; это и есть *жид* с его таинственным обрезанием, вечный, неугасимый! Его сколько ни пинают христиане — не могут запинать до смерти. Это — «пархатое» место всемирной истории, крайне непрезентабельное на вид, но которым весь мир держится. Недаром египетские жрецы предупреждали римских воинов: «Эй, не громите стену Серапеума: если *он* разрушится, мир — *не устоит*». Без России мир слишком бы прожил; без Европы история была бы только короче. Но без всем несимпатичного еврея история была бы без смысла, т. е. без души. Еврей есть *душа* человечества; его энтелехия.

Возвращаюсь к подробностям доклада Д. С. Мережковского. Бог имеет не одно дитя — Иисуса. На двоих — мир и Иисуса. Мир есть дитя Божие, потому что сотворен Им. Как осколок, правомерный на бытие, в этом мире есть и Гоголь, поэзия, игра, шутка, грация, семья, эллин, иудей, да и все язычество. Все это — царство Бога-Родителя и продукт Его рождения. Церковь не сразу, не в апостольский век, но позднее, лет через 200—300 после Христа, задумалась: «как же *мир?*» и оттенила, вынуждена была оттенить: «Сын Божий» — об Иисусе, «Который стоит в тени и подобии своего *Отца*». Но церковь только *назвала* Отца, не в силах будучи что-нибудь о Нем подумать; — изобразила его в виде старого человека, впадши в явный антропоморфизм. «Бога никогда же никто не видел», — слова Нового Завета; «Нельзя видеть Меня и не умереть», — сказал о Себе Бог Моисею. Но христианские учителя всегда как-то видят и видели часть Писания, а *все* его никогда, кажется, не принимали во внимание. И вообще все церковные понятия как будто построены сквозь сон: тут вы найдете и яростный спиритуализм, и самый грубый антропоморфизм, и даже фетишизм. Все в эклектическом, «пестром» здании уместается. Вот в эту *Отчую* Ипостась, только нумерационно названную, и входит мир с его сиянием, с его идеалами, с комедией, с трагедией, с бытом народным; мир — святой во плоти, но святой — не во плоти *Сына*, но по *исхождению* из плоти Отца. Таким образом, в круге *Иисусо-теизма* вопрос Мережковского не находит никакого ответа или получает ответ резко отрицательный. Но в круге *Три-Ипостасного* исповедания Церкви вопрос находит полное и удовлетворительное разрешение. Но только церковь сама, кроме антропомор-

фического и грешного живописного представления, кроме в своем роде «выдачи документа на жительство», — ничего в отношении к Отцу не сделала. Она, правда, говорит: «Творец мира», «Промысл». Но это — отвлеченные предикаты. Творцу мира и Промыслу молились и евреи, называя его собственным, правда, никогда не произносимым, именем, и египтяне, и вавилоняне. Вообще Промысл и Творца мира всегда все народы знали, и признав «Отчую Ипостась» — учителя церковные, хоть безотчетно для себя, признали в сущности весь языческий мир. Случись это три века назад, апостолу Павлу не с чем было бы бороться. Его борьба, с высших точек зрения самой Церкви, была недоразумением. Никаких не было реальных причин из Савла обращаться в Павла, потрясать Синай, становиться презрительной пятой на Олимп и Капитолий: где под умаленными именами, не настоящими именами — поклонялись истинному существу Божию; славили в святых творениях святого Творца. Но загадка истории заключается в том, что был именно *Савл* и затем стал именно *Павел*, а не просто был Павел, прибавивший к раввинской мудрости знание Христа. Навсегда останется тайною: отчего же Никодим не признал Христа? Отчего его не принял Гамалиил, и вообще кроткие евреи, совершенно будто христиане по очерку души, по быту и характеру? Ничего они об этом не рассказали и скрыли в каком-то молчании главную тайну мира. А если б они ее сказали, то не было бы столкновения от. Матвея и Гоголя. Не было бы инквизиции, не было бы истребления ею инков и перуанцев. Не возник бы с какими-то своими секретами иезуитский орден, фанатичный до сумасшествия и лгуний, как «сорок тысяч братьев», по выражению Шекспира.

Дело в том, в *согласии* ли дети Божии — Мир-Дитя и Иисус-Дитя? Вот вопрос, куда подводит нас доклад Мережковского. На этот вопрос я ответить не умею, и на него нельзя ответить без детальных изысканий, проверок, сопоставлений.

Мир *раздался* — и пало в него Евангелие. Мир его *принял*, *принял с любовью*. Евангелие инкрустировалось в мир.

Но Гоголь инкрустациею не входит в Евангелие; любовь, влюбление не инкрустируются туда. И Евангелие вообще *не раздвигается для мира*, не принимает его в себя. Мир — за переплетом небесной книги. И с него сходит румянец, он бледнеет, как только приближается к этому переплету. Тут я вспоминаю бледного Всадника из Апокалипсиса, но сейчас не могу хорошенько припомнить, что он значит. Вопрос Мережковского мы разрешить не можем, и только можем подготовить условия к его разрешению.

Сколько я убедился, слушая здесь гг. духовных лиц, они не имеют вовсе, так сказать, метафизики христианства, не только верной, но и никакой. Им христианство просто представляется добрым явлением. «Мы — добрые люди, и не понимаем, чего вы от нас хотите» — вот смысл всех их ответов на светские недоумения. Когда раздаются некоторые упреки, они говорят: «мы — люди скромные, и сознаемся»,

и улыбка довольства почти увеличивается на их лице. С этой позиции добродетели их невозможно сбить. «Решительно мы исповедуем самую добродетельную веру, и сами — самые добродетельные люди, добродетельные до скромности, до сознавая своих грехов, до высшей деликатности, к какой способен человек». Между тем светские недоумения, так сказать, катятся по обручу метафизики. Нам, светским людям, кажется невозможной религия как только добродетель, как *summa virtutum*¹. Религия — тайна, тайный узор стальной твердости, отнюдь без податливости в себе. Мы хотели бы, чтобы духовные лица загремели негодованием, анафемами: тогда мы и увидели бы *границу* между собою и ими, которую теперь решительно не видим.— «Ну, и мы — хорошие люди, я, Мережковский и др.» По негодованию духовных лиц мы увидели бы, что они любят, и бросились бы анализировать это любимое, рассматривать, может быть, любить. «Христианство есть гроб и смерть»,— говорят им.— «Ну, что вы, отнюдь нет,— отвечают они,— сочувствуем всякой радости».— «Тогда пойдите в театр, но хоть на *Бориса Годунова* — произведение патриотическое, или на *Жизнь за царя*, кажется, чего выше». Пропуская молчанием Годунова и Глинку, они говорят: «Театр недостаточно серьезен». Да что до того, ведь есть же у Александроневской лавры амбары хлебные, а торговля запрещена Спасителем? Они это пропускают мимо, или лучше говорят: «Ну, вот, Христос не чуждался земли, ел с мытарями и грешниками».— «Тогда пойдите в оперу».— «Не можем, низко». Но дело не в том, что низко, а в том, что *весело*. Вот ничего *веселого* и *счастливого* их «устав» им не позволяет. Веселое и счастливое — отрицание смерти, забвение гроба. Семья, искусства — украшения жизни. И гроб иногда украшается позументами, серебряными ручками. Вот хорошие ландшафты около монастырей и суть такие серебряные ручки около гроба. Доклад Мережковского — вторично после моего доклада о *смерти* как главном идеале христианства — ставит вопрос: «что же такое христианство?», и на него решительно невозможно отвечать моральными ответами: «мы хорошие люди», а нужно отвечать метафизически и доказательно. Мне кажется, нам нужно отвести одно заседание выслушанию сплошных ответов духовенства по этому вопросу, но не красноречивых и закругленных, не моральных и уклончивых, а хотя бы негодующих, даже анафематствующих, однако прямо отвечающих на вопросы. Ибо нам *больно* от нашего незнания. Мучительно.

Позволю себе, в помощь будущим рассуждениям, маленькую *личную* догадку, вовсе не догматическую. Иисус действительно прекраснее всего в мире и даже самого мира. Когда Он появился, то как солнце — затмил Собою звезды. Звезды нужны в ночи. Звезды — это искусства, науки,

¹ высшая добродетель (*лат.*).

семья. Нельзя оспорить, что начертанный в Евангелиях Лик Христа — так, как мы Его приняли, так, как мы о Нем прочитали, — «слаще», привлекательнее и семьи, и царств, и власти, и богатства. Гоголь — солома пред головой из евангелиста. Таким образом, во Христе — если и смерть, то сладкая смерть, смерть-истомы. Отшельники, конечно, знают свои сладости. Они томительно умирают, отрешиваясь от всякого мира. Перейдем к мировым явлениям. С рождением Христа, с воссиянием Евангелия все плоды земные вдруг стали горьки. Во Христе прогорк мир, и именно от Его сладости. Как только вы вкусите сладчайшего, неслыханного, подлинно небесного — так вы потеряли вкус к обыкновенному хлебу. Кто же после ананасов схватится за картофель. Это есть свойство вообще идеализма, идеального, могущественного. Великая красота делает нас безвкусными к обыкновенному. Все «обыкновенно» сравнительно с Иисусом. Не только Гоголь, но и литература вообще, науки вообще. Даже более: мир вообще и весь, хоть очень загадочен, очень интересен, но именно в смысле *сладости* — уступает Иисусу. И когда необыкновенная Его красота, прямо небесная, просияла, озарила мир — сознательнейшее мировое существо, человек, потерял вкус к окружающему его миру. Просто мир стал для него горек, плоск, скучен. Вот главное событие, происшедшее с пришествием Христа. Возьмем маленькую параллель. Мы изучали бы средневековых князьков, если бы не было Карла Великого. Если бы не было Эллады, мы, пожалуй, внимательнейшим образом изучили бы и историю разных монгольских племен. Мы были бы внимательны к малому и некрасивому. Но когда есть великое, какой интерес в малом? Таким образом мир стал *тонуть* около Иисуса. Наступил всеобщий *потоп* прежних идеальных вещей. Этот потоп и называется христианством. Тонули «боги», «Иеговы», «Дианы»; тонули человеческие относительные идеалы пред мировым, небесным идеалом. И ведь невозможно не заметить, что *лишь не глядя на Иисуса внимательно* — можно предаться искусствам, семье, политике, науке. Гоголь *взглянул внимательно* на Иисуса — и бросил перо, умер. Да и весь мир, по мере того как он *внимательно* глядит на Иисуса, бросает все и всякие дела свои — и умирает. «Меня тебе невозможно увидеть, и не умереть», — сказал Бог Моисею. Юноша из Саиса *взглянул* на «Божье существо», и умер. Вообще, смерть и познание Бога как-то взаимно требуются. Бог все же не мир. И как только вы на Бога *взглянули* — так и стали куда-то «переходить из мира», «умирать». Я заметил, что тон Евангелия грустный, печальный, «предсмертный». Но грусть выше радости, идеальнее. Трагедия выше комедии. Мы все сейчас хороши; а превосходны станем в минуты грусти, потеряв жену, детей. Бедняк красивее богача: бедняка и поэты берут в описание. А богача кто же описал? Это сатирический сюжет. Таким образом, одна из великих загадок мира заключается в том, что страдание идеальнее, эстетичнее счастья — грустнее, величественнее. Мы к грустному невероятно влечемся. Не здесь ли секрет

религиозной жертвы детей Богу, этот никогда не разгаданный секрет Молоха? Люди переживали небесную грусть, искали ее пережить; всем для этого жертвовали, *главным*. «Смерть — уже до смерти»: вот — *Молох!*

Возвращаемся к частному нашему вопросу. Всеобщее погребение мира в Христе не есть ли самое эстетическое явление, высший пункт мировой красоты? Гоголя нельзя инкрустировать в Евангелия; нельзя, значит, вводить и в христианство; его просто надо выкинуть. Но не с земных точек зрения, а именно с монашеской, как сладостного умирания во Христе. Гоголь любил мир и нас привязывал к миру. Это задерживает мировой финал. Вообще вся история, быт, песни, литература, семья суть задержки, теперь уже слабые — со времени Христа слабые — задержки мирового испепеления всех вещей во Христе-смерти. Смерть — вот высшая скорбь и высшая сладость. Таинство смерти никто ведь не разгадал. Она венчает скорби, а в скорбях истома таинственной эстетики. Трагедия трагедией. С этих точек зрения Христос есть Трагическое Лицо — как всегда и открывалось человеку, вождь гробов — как опять же это открывалось человеку: а мы не знаем, что это все — божественное, и именно не знаем — поскольку еще живем, так как жизнь есть «та сторона», «изнанка» Бога. Пытаются смерть отождествить с рождением. Возможно. Но отчего, например, рождение не отождествить со смертью? Когда родился человек — он в сущности умер; утроба матери — могила, уже зачатие меня — переход в смерть. Дело в том, что «здесь» и «там» пропастью разделены, как «низ» и «верх», «наружное» и «внутреннее». И что бы ни поставили на одном, какой бы термин, какой бы значок ни начертали — на другой придется выставить термин противоположный. «Мир», «бытие», «жизнь наша» — не божественны; значит, «гроб», «после кончины», «тот свет» — божественны. Или обратно: «мир», «бытие», «жизнь наша» — божественны; тогда «гроб», «после кончины», «тот свет» — демоничны.

Но очевидно, что Иисус — это «Тот Свет», поборающий «этот», наш, и уже поборовший. А предикаты к нему, из которой угодно линии равно возможных, вы изберете по усмотрению сами. Церковь всегда считала Христа — Богом, и eo ipso принуждается считать весь мир, бытие наше, самое рождение, не говоря о науках и искусствах, — демоническими, «во зле лежащими». Так она и поступала. Но это не в смысле, что чему-то надо улучшаться, а просто — что всему надо уничтожиться.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Тревожная ночь

...Неприятный лязг или шум около головы заставил меня вскочить и сесть на койке. «Что такое? Да... Была буря, и мы не могли выйти в море». В самом устье Двины разыгрались такие буруны, кипение пены и брызг, сквозь которые нельзя было прорваться в могуче кольхавшееся, но гораздо более устойчивое и безопасное море. Я дивился: «Как, по реке нельзя идти в бурю, а по морю можно?» Но мне сказали, что я ничего не понимаю, и я покорно лег спать, когда пароход бросал якорь перед Динаминдом. Долго ли я спал, не знаю. Но слова накануне, что «в море полная буря», сделали меня тревожным и заботливым. Я поспешно натягивал носки, твердо заприметил спасательный пояс на бечевке, а другим глазом смотрел, как о стекла окна лязгали серые массы льдистой воды. «Мы идем? значит, мы идем!» — догадался я и еще более заторопился.

Пароход шел беспокойно. Что-то с ужасной силой визжало позади его, полминуты, минуту, и умолкало; и все приходило в порядок: шумела только машина. Но это продолжалось опять не более одной или двух минут, и начинался снова мне непонятный визг сзади, совершенно заглушавший машину. Мне было понятно, что когда стучит машина — «хорошо», а когда визжат там, сзади, — «не хорошо». Ход машины в пароходе — как пульс: пульс нашего парохода был с перебоем, и это внушало мне страх. Гораздо позднее я расспросил, что это такое визжало сзади, и мне объяснили, что корма парохода от сильной килевой качки поднимается совершенно над уровнем воды, винт обнажается, и вот — когда он обнажается — то лопасти его, не встречая сопротивления воды, начинают с ужасающей быстротой, как волчок, вертеться в воздухе, и в то же время машина, не работая, стучит удесятенно быстро. Корма опускается, винт погружается в воду, получает себе сопротивление, медленно гребет — и машина опять идет в той правильности и регулярности, с расчетом на которую построена. Значит, я не ошибся, думая: «не хорошо», потому что, конечно, «не хорошо», когда машина в положении, не рассчитанном механиком.

Наверху была паника, конечно, от глупости человеческой. Нос, действительно, то чудовищно вздымался кверху, то падал вниз, рассекая

море и погружаясь в хаос пены и брызг. Было, во всяком случае, необыкновенно красиво. Я выбрал среднюю линию, рассекавшую пароход пополам, и уселся в точке, которая почти не качалась. Я сказал о глупости человеческой. Действительно, я пошел предварительно отыскать прислугу, имевшую билет третьего класса, и что же? Мужики, солдаты, здоровенные, забились под навес в самый что ни на есть кончик носа, т. е. в точку наибольшей качки, и изливались в рвоте, слезах, отчаянии. «Смерть наша пришла». Я взял прислугу под руку и повел к воздуху, говоря и другим, чтобы шли туда же. «Туда? — с ужасом говорили солдаты, — где ветер и брызги? Мы и здесь чуть живы!» И они ползли все в угол, все дальше, в острый треугольник носа, в наивысшую качку. Я махнул рукой. «Где их выучить многопольной системе и травосеянию и орошению!» — «Не трошь... И так издыхаем».

Устроив прислугу в точке возможно меньшего качания и дав ей есть, я завернулся сам в плед и сел, и наблюдал море. Море без бури — половина картины. Волны, действительно, были велики. Я видел по размерам и направлению одной, что она обольет меня. Можно бы отскочить в сторону, но она шла так быстро, что я, очевидно, не успел бы этого. Я только отвернул лицо и согнулся, как на молитве. С ужасным шумом покатилося что-то по спине, прокатилось дальше, разлетелось, и когда я выпрямился, то сказал: «Хорошо». Действительно, в силу горизонтального движения воды она вас как-то не мочит, ничего худого не делает, а только шелестит, скользит, и вы обрызганы, как цветок, а не мокры, как мочалка. Бирюзовые, изумрудные, серые, белые клоки водной стихии сверкали, ни секунды не спокойные, ни секунды не монотонные. Прекрасно. Восхитительно.

Только тут, погружаясь в созерцательность и задумчивость, я стал припоминать странный сон, мной увиденный. Читатель знает так называемые «навязчивые идеи» — идеи и впечатления иногда совершенно ничтожные, даже глупые, но которые неизъяснимо почему навсегда завязают в мозгу (нельзя же сказать «в душе»). Например, почти двадцать лет назад один молоденький учитель, с претензиями на упрощенность, при словах моих за чаем («...Иоанн III, Иван III»), сказал, мотнув носом книзу: «Да, Иван. Так нас учил В. О. Ключевский», и нос его так сморщился, что я навсегда запомнил, — и теперь, где бы ни услышал и ни прочел «Иоанн III, IV» и т. д., мысленно поправляю: «Да, Иван», и вспомню характерный кивок головой этого учителя, и всю его фигуру, и весь его характер. Вечная идея. Вот это-то я и называю вечными идеями, что какой-нибудь клочок действительности, но тащащий за собою другую огромную действительность, даже мало с ним связанную, заседает в душе, и никак вы от него не можете освободиться, привыкаете к нему, таскаете его за собою, как акула маленькую рыбку «прилипало-лоцмана», как каплю гуммиарабики, на вас случайно упавшую.

К числу таких прилипнувших к душе моей впечатлений относится одна сцена из «Призраков» Тургенева. В «Призраках» этих, кажется, кто-то летает, что-то видит, конечно, призрачное и прекрасное, как непременно у Тургенева, появляется «железный Цезарь» и легионы. Но я все это забыл или у меня перепуталось в голове, но один эпизод остался: как душа эта (душа Тургенева?) смотрела в маленькое окно деревенской церкви. Что она там увидела и для чего посмотрела — я тоже забыл, и помнится мне только одна ситуация человека, смотрящего в окно церкви. В моем воображении, уже долголетнем, ситуация эта несколько оконкретилась, и под церковью я представляю всегда церковь Параскевы-Пятницы, что в Москве, против Охотных рядов, если идти из Университета в направлении к Неглинному проезду. Тротуар проходит за самую церковь, и вот я студентом всегда проходил по этому тротуару и его запомнил как несколько более темное и бессолнечное место, чем остальные места улицы и площади. Помню, в некоторые утра я встречал тут прислугу с провизией: и вот всегда русская женщина остановится и положит что-то в церковную кружку. Придет домой и станет ее барыня бранить, что две копейки, кажется, утянула на провизии. И она промолчит, что не утянула, а положила их на церковь.

Приснилась мне глубокая, глубокая зима, какая-то не местная, а планетная. Полное безмолвие, и темь, и пустынность. Однако сказать, что это умерла земля,— нельзя было. Умерли как бы мои чувства в отношении к земле, но чувства опять же одной определенной категории и в одном направлении ползущие; и тотчас, как они погасли, мне показалось, что и категория земных явлений, обнимаемых этим чувством, тоже исчезла. Но сама-то земля другими своими категориями жила, шумела, и даже, пожалуй, более, чем прежде. Но мне-то до этого шума не было дела, и все направление моего ума сосредоточилось на одной точке, «которой нет больше». Что-то такое жалкое и темное и вместе злое стояло в моей душе. «Грустно. Но пускай будет еще грустнее, и когда будет совсем грустно, даже страшно: тогда-то и будет великолепно». И вот мне стало сниться, что я бреду, ненужный и среди ненужного. И так же бреду, как студент тогда, но только в ночи, безлюдности, не по Москве, но что-то как будто и напоминающее вокруг Москву, и опять этот угол против рядов, но самых рядов больше нет, а только этот тротуар, с одной стороны — стенка, а с другой — ряд окон церкви Параскевы-Пятницы. Но церковь уже ушла на аршин в землю, так что окна и не около плеча, а скорее около пояса моего, и нужно наклониться, чтобы заглянуть в них.

Прерву на минуту. В сне этом, я думаю, сплелось много моих житейских впечатлений. Например, раз я осматривал церковь св. Василия Блаженного. До тех пор я бывал в церкви, когда служат, и всегда как молящийся и среди народа. Тогда церковь — храм. Но когда из историко-археологических интересов я вошел в неслужебный час в Василия Блаженного и стал осматривать крохотные внутренние церкви, на

которые она, как известно, делится, то я почувствовал необыкновенную ее светскость, холод, неинтересность ни в каком отношении и, походив без благоговения и с недоумением с полчаса, — вышел. «Что это? Не нужно! не нужно!» Тут-то я впервые и понял, что церковь собственно есть богослужение; еще теснее: что церковь есть молящийся народ и священнослужители, *для него* служащие. Еще яснее: отношение народа к священнику и обратно — и есть храм Божий. Теперь добавлю уже для ученых; весной 1901 года я осматривал многие языческие храмы: Аполлона в Помпеях, Сераписа на пути от Неаполя к Байям, Венеры — около самых Бай. И ничего не чувствовал. Но ведь чувствовать-то можно *отношение народа к богослужению*: и когда возле Сераписа, Венеры, Аполлона служения нет — то нельзя, даже научным оком нельзя ничего и уловить в них, ни картин, ни сущности; просто — ничего, груды кирпича: и это не потому, что Аполлон, Серапис, Венера — *ничего, нуль*, а потому, что нулевое и, так сказать, нигилистическое отношение к ним *у смотрящего*; а оно, в свою очередь, и возникает от того, что смотрящий смотрит на предмет в *нулевой его момент*, каковым является всякий внебогослужебный момент. То абсолютно светское чувство, с которым я, живой христианин, осматривал внебогослужебного Василия Блаженного, — оно же, но не более как только оно, есть и чувство археолога-историка; осматривающего Серапеум близ Бай и говорящего: «Ничего не понимаю! Ничего даже не вижу!! Чему молились эти болваны?!»

Да. Но ведь молитва есть молитва. И кто ее не выслушал, опустил вечное.

Я наклонился к ярко светившемуся в темноте ночи окну Параскевы-Пятницы. Вообще весь ряд этих окон не только светил, но сверкал, блистал светом, и в этом блистании было что-то преднамеренное, нарочное. Тут опять у меня всплело старое воспоминание, как Хома-Брут, смертельно боясь, читая по упокойнице псалтырь, «ярко осветил всю церковь». Так сказано у Гоголя, и так приснилось мне. Очевидно, из ящика свечного были взяты все свечи, до последней. Сам воздух черной от древности церкви, казалось, сделался светящимся: до того много горело свеч около четырехугольных тяжелых колонн, на «кануне» (деревянный стол с поминаньями, куда за покойников ставят свечи), но больше всего, конечно, перед алтарем, в подсвечниках и так просто, и не перед одним нижним рядом образов, но и перед верхними ярусами. Потолок был очень-очень низкий; служили в нижней церкви...

Я сказал «служили»: но какая это была странная служба. Священник был один в церкви. Он был в серебряной глазетовой ризе, седой и высокий, сухой в очерке лица, но совершенно бодрый и, очевидно, до пронзительности ясный в сознании. Через двойные рамы окна, конечно, я ничего не слышал и мог только наблюдать службу. Истоиво, прямо, как бы ничего не замечая, судя по движению губ громко произнося возгласы, он отправлял утреню (всенощную), любимую мою службу в правосла-

вии. Он входил в алтарь и выходил; царские двери то отворялись, то затворялись. И вот наступил любимейший мой момент в этой службе: «Хвалите имя Господне, хвалите рабы Господа...», когда сонм священнослужителей начинает двигаться по церкви, по всему ее пространству, чтобы кадить перед образами святых угодников, а народ падает всем составом на колени. И в эти минуты у молящегося особенно хорошо в сердце...

Священник и диакон вышли из алтаря и потекли по храму. Впереди шел диакон со свечою, толстой, особенной, диаконской. Это был невысокого роста и средних лет человек, одутловатость которого переходила в полноту. Видно, что он очень боялся и даже стеснялся священника, но в то же время шел у него в дисциплине. Лицо у него было грустное, и на этот раз видно было, что он повиновался неохотно. Священник шел позади него с кадиллом, в котором ярко горели угли и дымился ладан. Сделав несколько шагов, они останавливались, диакон что-то пел, а священник ему подпевал, и кадил, и кланялся. Свет от большой свечи диакона кидался на образ, и всякий раз из-под тяжелой ризы и драгоценных камней я видел приблизительно один и тот же лик, т. е. сонмы лиц почти без вариации, темных, строгих, недвижных и глубоко старых. Глаза были у всех маленькие и острые, и они недвижно, каждый до своей очереди, ждали поклонения. Конечно, это было так мне видно из-за окна и оттого, что, не слыша службы, я как-нибудь старался ее одухотворить и оживить.

Церковь, однако, была пуста и затворена. Да и не всенощная это была; а именно утренняя, ибо шел, очевидно, поздний час суток. Ни одного молящегося не было, как и у Василия Блаженного, когда я его осматривал. Но там это было случайно, а здесь преднамеренно и как-то вековечно и окончательно. Та пустынность земли, о которой я выше упомянул, и отразилась в моем сердце собственно от пустынности одной этой церкви, ибо землю-то я не очень заметил, а утроенным, учетверенным глазом смотрел внутрь церкви и ужасно томился... Но и опять это томление души было такое, что я хотел, чтобы оно еще смертельнее и смертельнее падало и сгущалось.

Священник делал вид, как будто он ничего не замечает, и беспокоился только наивный диакон. Священник же, кадя перед образами, не оборачивался ни назад, ни по сторонам — совершенно как Хома-Брут, читая псалтырь, — и потому мог сохранять наружность, что он вовсе не видит полного отсутствия молящихся в храме. Только очень следя за губами, я заметил, что он творит возгласы гораздо громче обыкновенного; как и все, «хвалите имя Господне» проходило особенно торжественно. В то же время, однако, было очевидно, что священник проходит всю службу со смертельным страхом, гораздо сильнее, чем мелкое наружное беспокойство диакона. Как будто он знал тайну храма, которой не знал диакон. Ноги его едва передвигались. «Скорей! Скорей! Когда же рассветет утро», — как бы вторили слова его словам

Хомы-Брута. Но наружно он истово кланялся и громко пел: «Хвалите имя Господне, хвалите рабы Господа».

Но рабов не было. Никого не было. Ничего не было. «Сгинь, нечистый!» — вздрогнул я во сне и проснулся.

* * *

Пароход еще стоял. Я сел на койку и вытер холодный пот. «Что это такое? что я видел? Параскева-Пятница — студент — Василий Блаженный — археология — Серапеум. Что за чепуха?» Но безопасное чувство пассажира, который стоит на якоре, превозмогло беспокойство философа и, обернувшись лицом к стенке (а я спал на верхнем ярусе морской койки), я вновь заснул крепким сном.

И опять шум, но на этот раз стихий. Ночь. Буря. Но наш пароход, хорошей рижской компании, мощно рассекает волны, а я стою около борта со спокойным чувством человека, прошедшего курс физики и механики: — «Ничего». Стою у борта, и будто бы борт этот высокий-высокий, а неподалеку, в сторонке, бьется суденышко, совсем не искусное, самодельное, на каких между Архангельском и Соловками ездят богомольцы. И вот снится мне, будто бы мы и не в Рижском заливе, а в Белом море, а пароход-то наш — рижский. Но я всего этого не соображаю, а только смотрю на суденышко. Около мачты, по реям, по каким-то лесенкам мелькают фигуры, и будто назад отдувает ветром какой-то креп, и все они, эти фигуры, ужасно неуклюжи на море и в то же время чрезмерно испуганы. «Что такое», — никак не могу я разобрать. И вот (прихоть сна) я точно перехожу по волнам и всхожу на суденышко и говорю: «Что вы тут делаете? откуда плывете и куда?»

Мне никто не отвечал от смертельного перепуга. Все метались из стороны в сторону, тянули какие-то веревки, кричали, ободряли друг друга, но бодрости ни в ком не было. Это было действительно суденышко, возвращавшееся из Соловков в Архангельск с доморощенным монахом-капитаном и монахом-лоцманом. Смешные монашеские служки работали за матросов.

«Нам и Духу Святому изволилось»...

«Что такое?» — думаю. Ветер:

— Взг!.. Взг!.. Точно вой зверья в лесу, точно одушевленное существо.

Хлопнула мачта. Ужасный треск. Суетня увеличилась. И как бывает во сне, где нам ни жалко, ни любо, я так же спокойно, будто осмотрев свой департамент, вернулся на пароход: «здесь суше». И стал смотреть с борта назад и в сторону.

«Нам и Духу Святому изволилось», — точно доносилось до меня с гибнувшего суденышка. «Что они хотели сказать?» — спрашивал я себя. А где-то я слышал эту формулу ли, заклинанье ли, причитанье ли. Верно, они хотели этим выразить, что вышли из гавани хоть и в неблаго-

приятный ветер, однако помолясь и не без благословения свыше. В утешение себя причитают.

Ветер визжал в снастях, и трубы нашего парохода страшно раскачивались из стороны в сторону. Я стал между какими-то двумя шкафчиками с вещами и корзинками буфетчика. Мне было уютно и даже не очень холодно.

Суденьшко отставало, хотя побораемый волнами и наш пароход едва двигался. Черные тени мелькали все быстрее. По небу неслись клоки туч, но само небо было синие и светила полная студеная луна.

Мчатся тучи, вьются тучи,
Невидимкою луна
Освещает снег летучий...
Мутно небо, ночь мутна,

— прочитал я Пушкина, как всегда читаю его описания, прелестную поэтическую параллель прелестям природы. «Как они заплетаются в своих крепях и широких рукавах. Нужно тянуть веревку, а тут рукава, и он тянет за рукав, а не за веревку: Чепуха неприспособленности»...— соображал я во сне и продолжал из Пушкина:

Хоть убей, следа не видно!
Сбились мы, что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Задвигалась рулевая цепь, капитан что-то кричал в рупор, пароход, кажется, хотели повернуть, но он не повертывался. Вдруг тут же, около себя, я услышал слабый, едва донсившийся писк. «Это еще что за чепуха, или я брежу во сне?» Писк прекратился или ветер заглушил его. Я отчетливо стал припоминать бледные лица монашков. Когда они шептали свое: «Нам и Духу Святому изволилось», то мне казалось, что губы-то их произносили: «и Духу Святому изволилось», а в сердце стояло одно горькое, отчаянное: «нам изволилось». Бедные вспоминали, что ведь в точности день и час их отправления вовсе определен был не небесными знаками, а какими-то покупочными расчетами, и еще они дожидались одного важного (для них важного) пассажира, какого-то богатейшего купца из Вятки, и вот когда приехал купец, то они прибавили: «и Духу Святому изволилось»; «нам и Духу Святому изволилось», и — подняли якорь и марш. А на барометр не посмотрели, да верно, у них и нет барометра.

Вззг!.. Вззг!.. хрустел ветер вверху.

«Бедные»,— подумал я.

Посмотри: вон-вон играет,
Дует, плюет на меня...

.....
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой

.....
Сил нам нет кружиться доле...

Около меня растворилась дверца и опять захлопнулась. Однако как будто в момент раствора я услышал: «бай-бай».— «Вот идиллия среди бури»... «Куда же они своего купца спрятали? Верно, и он боится». И я, по нелепой сонной ассоциации, припомнил из Апокалипсиса, как «купцы будут плакать, сокрушаясь: какое богатство погибло! И цари будут тоже плакать, тоже о чем-то сокрушаясь». «Ну,— поправил я себя,— там — над мистическим Вавилоном, а тут над чем плакать?» Всего у купчихи тысяч пятнадцать в бумажнике. Моржи раздерут, а казначейство порадует, что кредитки не разменивать на золото. Всякая гибель бумажных денег хороша, это говорят экономисты, и в этом смысле как пожары, так и морские аварии кладутся в виде *плюса* на счетах казначейства.

Со стороны суденышка раздался ужасный треск. Я вздрогнул. Дрогнул как будто и наш пароход. Но я все смотрел туда. Вдруг как будто я увидел вместо одного суденышка два или, скорее, два крупных кома, ужасно колотившиеся на волнах и то совершенно в них погружавшиеся. «Что такое? Что случилось такое с ними?!» И я бросился к неподалеку работавшему нашему матросу. «Что с ними?» Он ничего мне не ответил. «Тонут?» Он молчал.

Я вспомнил, что пароход был немецкий и, может быть, моя речь ему не понятна. «Почему же мы не подаем им помощи?» — закричал я. И опять это тупое молчание матроса, как будто меня для него не существовало.

«Пассажир. Я только — пассажир. Что я могу? что прикажу?..» — «Взяли билет и сидите, сударь»;— ответит он мне: — «Рига — Петербург; сели в Риге, высадитесь в Петербурге, вот и все. И молчите до времени».

«До времени, до времени»,— обиделся я. И у пр. Даниила сказано: «Будет три времени и пол-времени». Что такое «пол-времени» — я никогда не мог понять, и подсмеивался неуклюжести, верно, семинарского перевода. «Ну, Христос проповедовал *три года с половиной*: так что же это, *три времени и пол-времени*, что ли...?!» «И мерзость запустения станет на месте святе...» — «Ну, хорошо, конечно — *мерзость запустения*, когда одна Стена плача осталась, около которой режут виленские пейсы и ковенские торгаша». «И жертвоприношения прекратятся...» — «Ну, и прекратились». «И сойдет Он в храм и сядет на престоле и будет вместо всякого рекомого Бога». — «Ну, так ведь это *события пришествия Христа*, рассказанные согласно у Рудакова и Иловайского. Какой глупый сон. Что же дальше-то?!»

«А то же,— будто крикнул мне кто-то,— что не посмотрели барометр и бух в море. И вот одни щепки».

«От кого щепки?» — переспросил я невольно и оглянулся, точно со мной говорил кто-то живой. Но никого не было. «Да что это, галлюцинация, что ли?»

— «Ничего не галлюцинация, а действительность». Но я не хотел такой действительности и всеми силами начинал теперь верить, что — галлюцинация. «Светопреставление?»

Ребенок пищал в щелку.

...Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре,
Закружились бесы разны
Будто листья в ноябре.

Сколько их! Куда их гонят?
Что так жалобно поют?..

.

Море вдруг осветилось. Стала полная луна. «Луна... Астарта... Милая»... На месте судна ничего не было.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Предисловие к книге В. В. Розанова «Темный лик. Метафизика христианства»

По обстоятельствам, независимым от автора, выпустить в свет книгу «В темных религиозных лучах» в том виде, как она *уже была отпечатана в пяти тысячах экземплярах*, оказалась невозможным и безнадежным... Пришлось вторично год работать над нею, выпустив 1) один отдел (стр. 101—147) и 2) части текста в других отделах. *Остальной текст, однако, оставлен буква в букву*: т. е. книга «В темных религиозных лучах» получила большие пропуски, но *перемен не получила*. Она не получила изменений тона и ни одного колебания в мысли. В этом виде, однако, я предпочел выпустить ее в значительно меньшем количестве экземпляров и разделив на две самостоятельные книги: «Темный Лик» и «Люди третьего пола». В виде «археологического матерьяла» и чтобы дать читателю ориентироваться в плане книги, я сохраняю «Предисловие» уничтоженного издания и оглавление его.

Чрезвычайное удорожание печатания, происшедшее от гибели первого издания до выхода, отразилось на цене книги. И пусть не посетуют на это приблизительно те 2000 читателей, которых я вправе считать своими читателями,— и, кажется, «верными читателями».

В. Розанов

СПб., 10 ноября 1910 г.

Предисловие к 1-му изданию книги «Люди лунного света»

Дрожа от страха, семилетком, «у нас на кухне», в Костроме, я слушал, как говорил дед:

— Старые люди говорят, что кто Божественное Писание все до конца поймет, тот ума лишится!

.....
И брезжилось что-то страшное. Какой-то запрет, зарок. «Ведь кто сошел с ума, тот уже никому не расскажет, что же он понял», допытывался я в своем уме. «Боже мой, Боже мой! кто же это постиг? и отчего же этого постигнуть нельзя?»... «Хоть бы одним глазком заглянуть — и потом умереть».

С вытянутыми губами, с лицом, сжатым в одно страдание, с глазами, полными слез — стояла перед Чудотворным образом Богородицы прекрасная женщина, не молодая, но и не старая... Она была в пальто, в шапке (зима), и видно было, что все это ей тяжело, но на эту минуту она вся поднялась, как бы стараясь достать глазами до глаз Иконы, войти лицом своим в Ее Лицо...

Полное, большое, приветное Лицо — спокойное-спокойное и величавое-величавое — глядело на нее сверху...

Слов не было. Ничего не было.

«Помоги, Владычица-Богородица!» — шептал голос возле...

Но не больной: больная вся слилась в безграничное хотение, безграничную мольбу — в надежду, сильнее которой нет... и плакала, плакала.

Но народ ждал: надо было кончать. Бледной худой рукой больная взяла другую руку — она висела, как не живая, — и поднесла ее к пунцово-красной ленте... Но ей хотелось обернуть больную руку в ленту, а она могла только дотронуться: возьмет ленту, чтобы обернуть, и рука падает, — и тогда лента вовсе не достает до руки. Быстро я взял руку и поднял: с живостью она здоровой рукой обернула ее лентой... И смотря на свою руку, парализованную, рыдала, рыдала.

«Нужно же ухаживать, народ ждет».

Неуклюже, опираясь на палку, больная стала повертываться...

Сейчас на ее место встал другой. Люди текли, текли...

Твердый, прекрасный русский голос (с провинциальным оттенком), читая, произносил:

«...Не имамы иные помощи, Владычица наша! Иного заступления не имамы!..»

И так твердо, как тысяча лет сзади...

Больная подошла к ступеньке солей: надо было сделать шаг вниз, и этого она не могла...

«И не надо, не надо иной помощи! Ничего не надо! Самой медицины не надо: что целить тело — *надо душу исцелить*».

Боже: да ведь эти толпы, здесь, везде, их тысячи, миллионы... они непременно *помешались бы* от страха, безнадежности, от несчастья, *от действительного горя и действительной боли*, если бы им не добрести вот сюда... И если бы они не знали, что *есть место, куда — добредут, и — Бог услышит*. Если бы вдруг перед ними... закрылось все!!!

Какой ужас!!!

Тьма, ночь и отчаяние.

И да сияют Образа эти вечно. Ибо уже лучше пусть померкнет ум, нежели чтобы погасла жизнь.

И если даже мы всё «поймем», то самое это «понимание» бросим в огонь.

Так вот для чего Бог сделал, чтобы «нельзя было понять»; или чтобы «всякий понявший сходил с ума», и уже тогда не мог ничего рассказать,— как шептал старый дед-приживальщик...

В. Р.

СПб., 16 апреля 1911 г.

Предисловие
ко 2-му изданию книги
«Люди лунного света»

Второе издание печатается без перемен в тексте книги. Но в конце ее привожу несколько иллюстрирующих рассказов о себе лиц «лунного света», с каковыми (рассказами) мне пришлось ознакомиться после напечатания книги.

В. Р.

СПб., 10 сентября 1912 г.

ВОЗВРАЩЕННАЯ КНИГА

«Это еще что за «темные лучи»?.. Разве они *бывают?*» — таким вопросом начал Розанов свое предисловие в книге «В темных религиозных лучах». Мы могли бы продолжить его вопрос: «Да разве такая книга у Розанова имеется? Нет ее, она уничтожена цензурой».

Так оно и считалось до недавнего времени, пока *случай* («Бог изобретатель», как назвал его Пушкин) — неожиданная находка — не вернул нам из далекого небытия «уничтоженное цензурой» сочинение. Поистине рукописи не горят.

И вот мы листаем сохранившиеся чудом 12 глав раздела «Черточка к черточке», чтобы восстановить их в ткань розановского труда, разъятого когда-то на две части: «Темный лик» и «Люди лунного света». Теперь он перед нами предстает таким, каким замыслил и подготовил его к печати замечательный русский философ и писатель Василий Васильевич Розанов.

Тему наиболее спорной своей книги Розанов выразил в одной из позднейших записей: «Смех — язычество, слезы — христианство». Хотя всю жизнь сомневался, колебался: ведь высшие, «достигшие» христиане — в вечной улыбке. Дионисийское, родовое, семейное начало, а с другой стороны — аскетически-монашеское, христианское. На такой антиномии, на этих «темных лучах» и построена книга.

Тема эта звучит уже в изящном эссе «Трепетное дерево», открывающем книгу. Листочки осины, вечно трепещущие от малейшего движения воздуха, дали повод к легенде о том, что когда Иуда предал Христа, то почувствовал угрызения совести и удавился на осине, которая с тех пор трепещет от страха.

И вот вместо того, чтобы любоваться чудесным деревом как частичей красоты мироздания, человек заподозрил его в каком-то чудовищном родстве с предателем Иудою, будто дерево дрожит от страха. «Какое уродство в вымысле и смысле!» — восклицает Розанов.

Все началось с «церковного послушания». В 1906 г. в Париже на русском языке вышла книга Розанова «Русская церковь и другие статьи», в которой представлено то, что он по цензурным условиям не мог напечатать в России. Когда в 1909 г. книга была переиздана (в значительно сокращенном виде под названием «Русская церковь») в Петербурге, то это привело автора на скамью подсудимых.

8 октября 1909 г. Петербургский комитет по делам печати обратился к прокурору Судебной палаты с просьбой возбудить судебное преследование за эту книгу. В донесении сообщалось, что первоначально

«Русская церковь» была напечатана на итальянском языке в изданном в Милане в 1905 г. сборнике, а затем со значительными сокращениями — на русском языке в 1906 году в журнале «Полярная звезда», выходявшем под редакцией П. Б. Струве.

О самой книге Розанова Комитет по делам печати сурово писал: «Содержание ее заключается, с одной стороны, в целом ряде весьма разных нападок на русскую церковь, с другой — в совершенно отрицательной критике христианского вероучения. Рассматривая вопрос о влиянии церкви на жизнь русского народа, автор категорически утверждает, что влияние это в общем было весьма вредное. Особенно вредным оказалось оно в отношении к семейной жизни русского народа» (ЦГИА, Петербург. Ф. 776. Оп. 9. Е. х. 1862. Л. 2). Далее Розанов обвинялся в отрицании одной из важнейших христианских истин — учения Христа. На книгу был наложен арест, к ответственности привлечены виновные в ее напечатании и автор.

8 января 1910 г. Петербургский окружной суд постановил книгу Розанова уничтожить. Однако Судебная палата в закрытом заседании 14 октября 1910 г. пересмотрела это решение и допустила ее к обращению, но с исключением ряда мест.

4 марта 1911 г. старший инспектор типографий и книжной торговли в Петербурге сообщил в Главное управление по делам печати, что из книги Розанова сделаны надлежащие вырезки. Наконец, помощник градоначальника сообщает в Главное управление по делам печати, что 28 апреля 1911 г. в типографии градоначальника «в комиссии уничтожены посредством разрывания на части вырезки из книги Розанова «Русская церковь» (там же. Л. 37).

Василий Васильевич вступил в единоборство с церковью и Христом. Он боролся с ними во тьме ночи, подобно библейскому Иакову, оставшемуся после этой борьбы хромым.

Наиболее определенно эти тенденции сказались в книге «Темный лик» (1911), где центральной стала статья «О Сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира», вызвавшая наибольшие споры.

В 1910 г. Розанов выпустил книгу «В темных религиозных лучах». Книгу запретили, а тираж (2400 экземпляров) уничтожили. Но уже в следующем году из материалов этой книги Розанов подготовил две другие: «Темный лик» и «Люди лунного света». Название последней относится к тем, кто уклоняется от деторождения. Замечательный поэт русского зарубежья Валерий Перелешин (1913—1992) писал в рецензии на переиздание этой книги в 1977 г. в Германии: «Солнечный свет жителюворен, он греет, а лунный только светит, но не греет — приносит одни грезы, одни мечты, одни неясные обещания. Для Розанова высшая онтологическая правда — жизнь. Благо все то, что способствует утверждению жизни» (Новый журнал. Нью-Йорк, 1977. № 128. С. 303).

В книге «Темный лик» Розанов пишет о Христе как о духе небытия, видя в христианстве религию смерти, апологию сладости смерти. Религия рождения и жизни, проповедуемая Розановым, объявила непримиримую войну Иисусу Сладчайшему, основателю религии смерти. Религия Христа, по словам Розанова, лишь одно признавала прекрасным — умирание и смерть, печаль и страдание.

Горячо полемизировавший с этими мыслями Розанов философ Н. А. Бердяев так изложил их суть: «У Бога есть дитя — Христос и дитя — мир. Розанов видит непримиримую вражду этих двух детей Божьих. Для кого сладок Иисус, для того мир делается горек. В Христе мир прогорк. Те, что полюбили Иисуса, потеряли вкус к миру, все плоды его стали горькими от сладости Иисуса... Нужно выбирать между Иисусом и миром, между двумя детьми Божьими. Нельзя соединить Иисуса с миром, нельзя разом их любить, нельзя чувствовать сладость Иисуса и сладость мира» (*Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. СПб., 1910. С. 235*).

При этом Бердяев отмечает, что розановская постановка вопроса производит очень сильное впечатление, все возражения со стороны апологетов христианства представляются «жалкими и слабыми». Однако он считает ложной исходную точку зрения Розанова о противостоянии Христа и мира. Полемика между Розановым и Бердяевым свелась к оспариванию исходной позиции, которая для Розанова была аксиоматична.

Понимание вопросов жизни, философии, религии, искусства, литературы зиждется у Розанова на центральной проблеме всего его творчества — семье и поле. Если Бог утверждает пол, оплодотворение, рождение (Ветхий Завет), то Розанов с Богом; если Христос за аскезу против пола и плотской любви (Новый Завет), то Розанов против такого Бога. Пол это и есть Бог, святое и чистое в человеческой жизни. В «Мимолетном» он записывает 16 апреля 1915 г. о Ветхом Завете: «...да и вся та Старая Книга,— Первая,— есть песнь пола... Песнь любви... Совокупления. И ничего еще в ней не содержится. Ровно ничего. Боже, отчего они не видят? Столько лет комментируют, изъясняют: и совершенно не понимают изъясняемого».

Отрицая Христа и Евангелие, Розанов любил русское духовенство, простых и добрых людей русской церкви, хотя и о них подчас говаривал нелюбезные слова. Антицерковность уживалась у него с тягой к бытовому православию, как антихристианство уживалось с христианством. Зинаида Гиппиус вспоминала о розановском понимании Христа и мира: «Христос — Он свой, родной, близкий. И для Розанова было так, точно вот этот живой, любимый его чем-то ужасно и несправедливо обидел, что-то отнял у него и у всех людей, и это что-то — весь мир, его светлость и теплость. Выгнал из дома в стужу» (*Гиппиус З. Живые лица. Прага, 1925. С. 41*).

В отличие от фрейдизма, сводившего интеллектуальную деятельность к функции пола, к сублимации половой энергии, Розанов видел истоки жизни в поле. Бог создал пол как незавершенность своего творения. В соединении полов осуществляется то окончательное творение, которое Бог оставил человеку: «Как бы Бог хотел сотворить акт: но не исполнил движение свое, а дал его начало в мужчине и начало в женщине. И уже они оканчивают это первоначальное движение. Отсюда его сладость и неодолимость» (*Розанов В. В. Уединенное. М., 1990. С. 104*).

Ближайшим результатом «богоборчества» Розанова стало предложение епископа Саратовского Гермогена о предании «явного еретика» Розанова церковному отлучению (анафеме). 27 февраля 1911 г. в рапорте

Синоду Гермоген писал: «У нас в Саратове в книжных магазинах «Нового времени» стали теперь продавать брошюру В. Розанова «Русская церковь. Дух. Судьба. Ничтожество и очарование». Брошюра анонсируется заманчивым объявлением — «Освобождена от ареста по решению С.-Петербургской Судебной палаты». Такого рода анонс привлекает к брошюре внимание со стороны общества» (ЦГИА. Ф. 796. Оп. 193. Е. х. 1226. Л. 5).

16 июня 1911 г. тот же Гермоген направил в Синод доклад и о другой книге Розанова — «Люди лунного света», в которой автор, «воспевая гимны «священным блудницам», проповедует разврат, превозносит культ Молоха и Астарты, осмеивает евангельское учение о высоте девства, восхваляет язычество с его культом фаллоса... извращает смысл монашества и клеветает на него и издевается над духовенством» (там же. Л. 7).

Дело с докладом Гермогена тянулось год за годом. Синод не спешил с отлучением Розанова, памятуя, очевидно, неудачу с отлучением Льва Толстого. В сентябре 1914 г. Синод вновь рассматривал рапорт и доклад к тому времени уже бывшего Саратовского епископа Гермогена, но окончательного решения не принял. Наступил 1917 год. В июне Синод вновь обратился к докладу епископа Гермогена, требовавшего «пресечения возможности широкого распространения этих книг», хотя тираж был давно распродан. При наступившем бессилии судебной власти приводить в исполнение свои решения Синод счел за благо закрыть это дело, сославшись на постановление Временного правительства о свободе печати и «воспрещения применения к ней мер административного воздействия».

Историк русской философии В. В. Зеньковский пишет по поводу «богоборческих» мотивов у Розанова: «Было бы неверно видеть в Розанове человека, забывающего Бога ради мира; его упования и искания он так глубоко держит в себе, что его религиозное сознание деформируется, меняется для того, чтобы не дать погибнуть ничему ценному в мире. В споре мира с Богом Розанов (как и Леонтьев) остается в плоскости религиозной, — но если Леонтьев ради Божией правды, как он ее понимал, готов отвернуться от мира, «подморозить» его, то Розанов, наоборот, ради правды мира отвергает христианство за его «неспособность», как он думает, принять в себя эту правду мира» (*Зеньковский В. В. История русской философии: В 2 т. Париж, 1950. Т. 1. С. 458*).

Современники по-разному оценили книги «Темный лик» и «Люди лунного света». Получив экземпляр последней, литературовед М. О. Гершензон писал Василию Васильевичу: «Вы, несомненно, для меня сделали великое открытие, подобное величайшим открытиям естествоиспытателей, и притом в области более важной, — где-то у самых корней человеческого бытия» (*Новый мир. 1991. № 3. С. 231*).

А. Н. Николюкин

Комментарии и указатель имен

КОММЕНТАРИИ

При комментировании публикуемых текстов сохраняются те же принципы, что и в вышедших ранее томах Собрания сочинений (см.: *Розанов В. В.* Собр. соч. Среди художников. М., 1994. С. 423).

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ И ДРУГИЕ СТАТЬИ

Публикуется по изданию: *Розанов В. В.* Русская церковь и другие статьи. Париж, 1906, кроме очерка «Русская церковь», который печатается по отдельному изданию (СПб., 1909), но с восстановлением цензурных сокращений.

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ

Впервые: Полярная звезда. 1906. 3 февраля. № 8. С. 524—540. В 1909 г. в Петербурге вышло отдельное издание «Русская церковь» со значительными цензурными сокращениями, но и с некоторыми дополнениями. Публикуется по изданию: *Розанов В. В.* Русская церковь. Дух.— Судьба.— Очарование и ничтожество.— Главный вопрос. СПб., 1909. Цензурные сокращения восстановлены по книге: *Розанов В. В.* Русская церковь и другие статьи. Париж, 1906 (в настоящем издании отмечены ломаными скобками), текст которой несколько полнее, чем в журнале «Полярная звезда». Например, фрагмент от слов: «О всем этом в христианстве нет ничего, кроме путаницы» до слов: «Продолжаем спрашивать» (с. 24—25 настоящего издания) отсутствует в журнальном варианте работы.

С. 14. *Монофизитство* — направление в христианстве, возникшее в Византии в V в., согласно которому в Христе признается только божественная природа и отвергается представление о Христе-человеке.

С. 18. *Учреждение обер-прокуратуры при Святейшем Синоде* — имело место в 1722 г. решением Петра I.

С. 19. ...отменил вовсе патриаршество.— После смерти местоблюстителя патриарха Стефана Яворского в 1722 г. Петр I отменил патриаршество и управление церковью перешло к Синоду. В 1917 г. патриаршество в Русской православной церкви было восстановлено.

С. 25. «*Отец наш, Суций на Небесах*» — Мф. 6, 9.

С. 26. ...*молил за Содом и Гоморру Авраам Бога* — Быт. 18, 24—32.

С. 27. «*льна курящегося не загасит, трости надломленной не сломит*» — Мф. 12, 20.

«...*ляжет овца около тигра*» — перифраза библейского стиха (Ис. 11, 6).

...*почил Бог*... — Быт. 2, 2.

...*пусть никакого дела*... — Исх. 20, 10.

...*вот, оставляется дом ваш*... — Мф. 23, 38.

...камня на камне...— Там же, 24; 2¹

...скажут горам — Лк. 23, 30.

С. 28. ...восклицаем с Нафанаилом — Ин. 1, 49.

...Благословен грядый...— Мф. 21, 9.

...под легионами Тита — в 70 г. Иерусалим был взят и разрушен римлянами.

О СВЯЩЕНСТВЕ, О ДРЕВНИХ И НОВЫХ ЖЕРТВАХ

Впервые в кн.: «Русская церковь и другие статьи» (1906).

С. 30. Доклад В. А. Тернавцева «Русская церковь перед великою задачею» — доклад прочитан на первом Религиозно-философском собрании в 1901 г. и напечатан в приложении к № 1 «Нового пути» за 1903 год с сопроводительной запиской В. Розанова.

С. 35. 2-х лет вдовицы — Мк. 12, 42; Лк. 21, 2.

ОБ ОТЛУЧЕНИИ ОТ ЦЕРКВИ ГР. Л. Н. ТОЛСТОГО

Статья (кроме последнего абзаца) написана в 1902 г. и напечатана во втором томе книги Розанова «Около церковных стен» (СПб., 1906).

С. 36. Акт Синода — 24 февраля 1901 г. «Церковные ведомости» опубликовали определение Синода от 20—22 февраля 1901 г. об отлучении Л. Н. Толстого от церкви.

ПО ПОВОДУ ДОКЛАДА О МИХАИЛА О БРАКЕ

Впервые: Новый путь. 1903. № 9. С. 312—314, с подзаголовком «Извлечение из записки В. В. Розанова», В № 11 «Нового пути» за 1903 год напечатан ответ Розанова на письмо о. Михаила³ в редакцию, опубликованное в том же номере.

С. 40. «История обер-прокуроров Св. Синода» проф. Благовидова.— Благовидов Ф. Обер-Прокуроры Святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия. Опыт историч. исследования. Казань, 1900.

С. 42. ...в заграничном издании «Воскресенья». — В 1899—1900 гг. «Воскресение» Толстого было издано несколько раз во Франции, Англии, Германии, США. В Лондоне в издательстве В. Г. Черткова «Свободное слово» по высылаемым из России рукописям и гранкам «Воскресение» печаталось на русском языке.

С. 43. «к мужу — влечение» — Быт. 3, 16.

С. 47. «Кана Галилейская» — Ин. 2, 1; 4, 46—54.

Нафан даже Давида и Версавию не разлучил.— Давид совершил с Вирсавией, женой Урия, грех прелюбодеяния, и в наказание за это дитя, родившееся от нее, на седьмой день умерло (2 Цар. 12, 18). Затем Давид женился на ней, и она родила ему Соломона (там же, 24).

«...яже Бог сочета — человек да не разлучает» — Мф. 19, 6; Мк. 10, 9.

О НЕКОТОРЫХ ПОДРОБНОСТЯХ ЦЕРКОВНОГО ВОЗЗРЕНИЯ НА БРАК

Доклад на Религиозно-философских собраниях в Петербурге впервые напечатан в журнале «Новый путь». 1903. № 8. С. 295—303.

С. 49. «...*брак честен и ложе не скверно*» — Евр. 13, 4.

С. 51. «...*разодралась... завеса*» в ветхозаветном храме — Мф. 27, 51; Мк. 15, 38; Лк. 23, 45.

С. 52. «*Жена да боится своего мужа*» — Еф. 5, 33.

С. 53. В книге Сергеевко — Сергеевко П. А. Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой. М., 1898. С. 44.

С. 54. «...*яко та есть мать жизни*» — Быт. 3, 20: «Ева, ибо она стала матерью всех живущих».

С. 55. «*Нам уже не от кого зачать детей по обычаю всей земли*» — Быт. 19, 31.

С. 56. «...*муж будет господствовать над тобою*» — Быт. 3, 16.

С. 57. «*Дракон пускает воду вослед жене*» — Откр. 12, 15.

«*Смерть; где твое жало?*» — Откр. 15, 55.

С. 58. «*Кто не оставит мать, отца, детей ради Меня — несть Меня достоин*» — Мф. 10, 37; Лк. 14, 26.

«*любите друг друга*» — Ин. 15, 12 и 17; 1 Пет. 1, 22.

С. 60. «...*лицом к лицу*» — Быт. 32, 30.

«*Господи, если ты хочешь уничтожить народ мой...*» — Исх. 32, 32.

ОБ АДОГМАТИЗМЕ ХРИСТИАНСТВА

Доклад в Религиозно-философских собраниях в Петербурге опубликован в «Новом пути». 1903. № 11. С. 455—463.

С. 65. «...*Взгляните на лилии полевые...*» — Мф. 6, 28—29 и 26.

С. 66. «...*благословен Грядый во имя Господне*» — Мф. 23, 39; Лк. 13, 35.

С. 68. «*Церковь есть столб и утверждение истины*» — 1 Тим. 3, 15.

С. 70. «*Дух веет иде же хощет...*» — Ин. 3, 8.

С. 71. «*Я вам пошлю Утешителя, Духа истины, который наставит вас всему*» — Ин. 16, 13.

«...*ляжет овца около льва и волк около ягненка*» — Ис. 11, 6.

С. 73. «...*дуновение вулкана на Мартинике*» — имеется в виду катастрофическое извержение вулкана Монтань-Пеле на острове Мартиника в Карибском море в 1902 г., уничтожившее город Сен-Пьер с населением 26 тысяч человек.

ХРИСТОС КАК СУДИЯ МИРА

Впервые в кн.: «Русская церковь и другие статьи» (1906). Той же темы Розанов касался в статье «Об основаниях церковной юрисдикции, или о Христе — Судии мира» («Новый путь». 1903. № 4. С. 134—150).

С. 75. «Они будут смотреть — и не увидят, будут слушать — и не услышат» — Мф. 13, 14; Деян. 28, 26.

«О, Иерусалим, Иерусалим!..» — Мф. 23, 37.

С. 76. «Миссионерское обозрение» — духовный «полемико-апологетический» журнал, издававшийся в Петербурге с 1896 по 1917 г. В. М. Скворцовым, в котором Розанов печатался под псевдонимом Мирянин (1901, № 7—8).

«...да не будет тебе бози инии разве Мене» — Втор. 32, 39; Ис. 45, 5; 46, 9.

«...если там найду сёмь праведников...» — Быт. 18, 26: «если Я найду в городе Содоме пятьдесят праведников...»

...гробы пророков, дуб Мамврийский — местопребывания библейских патриархов, где они жили, умирали и были погребены (Авраам и др.).

«Что им Гекуба» — У. Шекспир. Гамлет. 2, 2.

«Евангелие будет проповедано до концов земли» — Мф. 24, 14.

С. 77. «Содому и Гоморре будет отраднее в день суда...» — Мф. 10, 15.

«...не мир Я принес, но меч и разделение» — Мф. 10, 34—35.

С. 78. «Могий вместити да вместит» — Мф. 19, 12.

«Господи Иисусе, за что Ты мучишь меня» — Мк. 5, 7.

«Неведомому богу» — надпись на афинском храме, увидев которую Павел сказал, что, еще не зная христианского бога, афиняне уже почитали его (Деян. 27, 23).

С. 79. Эфиальт — перебежчик, который в битве при Фермопилах (480 до н. э.) провел персов в тыл спартанского царя Леонида. В 469 г. до н. э. был убит за предательство.

«...оружие пройдет через сердце твое» — Лк. 2, 35.

«Ты не горяч и не холоден, а только тепел...» — Откр. 3, 15—16.

ВЫНОС КУМИРОВ

Впервые: Новый путь. 1903. № 6. С. 152—164, под названием «Политика Комба» (с цензурными сокращениями).

С. 80. «Не сотвори себе кумира» — Втор. 5, 8.

С. 81. ...не перечитывать главы... Пеллико — речь идет о тюремных размышлениях итальянского писателя Сильвио Пеллико «Мои темницы» (Le mie prigioni, 1832), проникнутых духом христианского смирения.

Года три назад... — летом 1903 г. Розанов с семьей жил на даче в городе Аренсбурге на острове Эзель в Эстонии.

С. 82. ...из сочинений проф. Беляева «О безбожии и антихристе» — Беляев А. Д. О безбожии и антихристе. Сергиев Посад, 1898. Т. 1. Подготовка, признаки и время пришествия антихриста.

С. 85. ...вынос «статуй Ваалов и Астарт» — 1 Цар. 7, 4.

«не приемли имени Господа Бога твоего всуе» — Притч. 30, 9.

С. 86. «Аз есмь Господь...» — Исх. 3, 6.

С. 87. «...идея волоса» (мелкого, пошлого), как говорил Платон. — См. Платон. Парменид. 130 с-д.

В ТЕМНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ЛУЧАХ

Текст печатается согласно Содержанию книги «В темных религиозных лучах» (1910), опубликованному В. В. Розановым в его книге «Темный лик». Главы, включенные Розановым в две его книги, составленные из запрещенного цензурой сочинения «В темных религиозных лучах», печатаются по последней авторской редакции в изданиях: «Темный лик. Метафизика христианства» (СПб., 1911) и «Люди лунного света. Метафизика христианства» (СПб., 1913. 2-е изд.). Главы раздела «Черточка к черточке», не вошедшего в эти две книги, печатаются по сохранившемуся тексту запрещенной книги.

В настоящем издании учтены комментарии Е. В. Барабанова к книгам В. В. Розанова «Темный Лик» и «Люди лунного света», изданным в Приложении к журналу «Вопросы философии» (1990).

ПРЕДИСЛОВИЕ

С. 96. «Сим ты будешь побеждать» — источник выражения — Евсевий Памфил (III—IV вв.). В его «Житии императора Константина» (I, 28) рассказывается, что в 312 г. римский император Константин накануне сражения с Макенцием видел на небе крест с греческой надписью «Сим победиши», что побудило его объявить христианство государственной религией Рима.

С. 97. «се Жених грядет в полунощи» — Мф. 25, 6.

С. 99. «Не мир принес Я...» — Мф. 10, 34—35.

ТРЕПЕТНОЕ ДЕРЕВО

Впервые: Мир искусства. 1901. Т. 6. № 10. С. 245—248.

С. 103. «...осана Сыну Давидову...» — Мф. 21, 9.

ПО ТИХИМ ОБИТЕЛЯМ

Впервые: Новое время. 1904. 10 августа. № 10116; 18 августа. № 10224; 1 сентября. 10236; 15 сентября. № 10252.

С. 112. «Я победил мир» — Ин. 16, 33.

«Душа человеческая...— христианская» — этот тезис христианский теолог и писатель Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан высказал в своем труде «Апологетик» (17), а затем развил в трактате «О свидетельстве души».

Мария отреклась от всего...— имеется в виду повествование Евангелия от Луки о посещении Иисусом Марфы и Марии (10, 38—42).

Радость, ты искра небес...— Ф. Шиллер. Ода «К Радости» (1785).

С. 113. Христос начал свое «новое» изгнание животных из храма — см.: Мк. 11, 15—17; Мф. 21, 12—13; Лк. 19, 45—48; Ин. 2, 13—17.

«Не здоровые имеют нужду во враче...» — Мф. 9, 12.

«...в дому Отца обителей много» — Ин. 14, 2.

«Мария избрала единое на потребу» — Лк. 10, 42.

С. 117. Судьбище над Митрофанией — игуменья Митрофанья (в миру баронесса П. Г. Розен) обвинялась в подлоге векселей и присвоении денег ради поддержания своего монастыря. В октябре 1874 г. Московский окружной суд присудил игуменье к ссылке в Енисейскую губернию на три с половиной года, и ей было запрещено покидать Сибирь на протяжении 11 лет.

С. 124. *И пали на землю...*— М. Ю. Лермонтов. Три пальмы (1839). Цитируется неточно.

С. 125. *«И взял пять хлебов...»* — Мк. 6, 30—44; Мф. 14: 13—21; Лк. 9, 10—17; Ин. 6, 1—13.

С. 134. *«...охладеет любовь»* — речь идет о пророческой беседе Иисуса Христа на горе Елеонской о разрушении храма и кончине века (Мф. 24, 1—14).

СВЯТОСТЬ И СМЕРТЬ

Впервые: Новый путь. 1903. № 7. С. 161—165.

С. 135. *«По вере вашей — дастся вам»* — Мф. 9, 29.

ХРИСТОС И «БОГАТЫЙ ЮНОША»

Впервые: Новое время. 1904. 8 марта. № 10061; под заглавием «О картине «Христос и богатый юноша».

С. 141. *«Аще не родишься от воды и Духа»...*— Ин. 3, 5.

СЛУЧАЙ В ДЕРЕВНЕ

Впервые: Мир искусства. 1900. Т. 4. № 23—24. С. 217—226; под заглавием «Случай».

С. 143. *«...о «Мултановском жертвоприношении» у вотяков.*— Речь идет о возбужденном в 1894 г. следствии об одиннадцати крестьянах села Старый Мултан, обвиняемых в убийстве нищего Матюнина с целью приношения его в жертву языческим богам. Первоначально приговоренные к каторжным работам, крестьяне-вотьяки при последующих судебных разбирательствах были оправданы. «Мултанское дело» (1894—1896) широко освещалось прессой: например, в цикле очерков В. Г. Короленко «Мултанское жертвоприношение», печатавшихся в 1895—1898 гг. в газете «Русские ведомости» и в журнале «Русское богатство».

С. 145. *«Религия как свет и радость»* — Новое время. 1899. 14 апреля.

С. 150. *«Приидите ко Мне все труждающиеся...»* — Мф. 11, 28.

С. 153. *«...картину Ге.»*— Речь идет о картине Н. Н. Ге «Распятые» (1894), которая была удалена с выставки и выставлялась на частной квартире.

«...разодралась завеса Храма...» — Мф. 27, 51.

«Ныне — суд Князю мире сего» — Ин. 12, 31; 16, 11.

С. 154. *«Земля есть подножие Твое.»*— Ср. Ис. 66, 1.

«Жизнь от Бога нам дана» — строка из ответа митрополита Московского Филарета на стихотворение А. С. Пушкина «Дар напрасный, дар случайный...» (1828): «Не напрасно, не случайно...» Пушкин ответил на это стихами «В часы забав иль праздной скуки» (1830).

С. 155. *«Древо жизни»* — Откр. 2, 7; 3, 4—5; 22, 2, 14.

ЧЕРТОЧКА К ЧЕРТОЧКЕ

Печатается впервые по тексту, находящемуся в архиве составителя.

С. 162. «*Страна*» — ежедневная политическая и общественная газета, выходившая в Петербурге в 1906—1907 гг. (ред. М. М. Ковалевский и др.). Розанов приводит отрывок из статьи А. Карташова «Близорукость церковников» (1906, 11 октября).

«*Церковно-общественная жизнь*» — еженедельный журнал, издававшийся при Казанской духовной академии Леонидом Ивановичем Писаревым в 1905—1907 гг.

«*Волынские епархиальные ведомости*» — еженедельный журнал, печатавшийся в Почаево-Успенской лавре вблизи города Кременец, выходил в 1867—1917 гг.

С. 164. «*Казанский вечер*» — политическая и литературная газета, выходившая в Казани в 1906—1907 гг.

С. 165. «*Речь*» — политическая литературная газета, центральный орган кадетской партии, выходила в Петербурге с 1906 по 1917 г.

«*Биржевые ведомости*» — политическая и коммерческая газета, выходившая в Петербурге в 1880—1917 гг.

Страшно сказать — источник выражения «Метаморфозы» Овидия.

С. 170. «*Деятель*» — общественно-литературный журнал, издававшийся в Казани в 1896—1917 гг.

С. 171. «*Московский еженедельник*» — общественно-литературная газета, издававшаяся в 1906—1910 гг. в Москве Е. Н. Трубецким.

Так проходит земная слава — выражение восходит к книге Фомы Кемпийского (1380—1471) «О подражании Христу» (I, 3, 6).

С. 174. «*Путеводитель по Кавказу*» г. Москвича — справочник написан священником и публицистом Григорием Спиридоновичем Петровым (1868—1925) под псевдонимом Москвич (см. *Москвич*. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. 4-е изд. Одесса, 1899. С. 135).

«*Церковный вестник*» — еженедельный журнал, издававшийся при С.-Петербургской духовной академии с 1875 по 1917 г.

С. 182. ...напечатанной в «*Русском вестнике*» года четыре тому назад — публикация Розанова «Из переписки с С. А. Рачинским» появилась в «*Русском вестнике*» в 1902 г., № 10—11 и в 1903 г., № 1.

КУПОЛ ХРАМА

Впервые: Розанов В. В. Темный лик. СПб., 1911.

С. 185. В статьях о браке... — имеются в виду статьи: «Брак и христианство (Моя переписка с православным священником)» // *Русский труд*. 1898. № 47—52; «Мирянин «Мирянину» — о болях мира и о загрязнении мира (Ответ г. Мирянину)» // Там же. 1899. № 33—34; «Семья как религия» // *С.-Петербургские ведомости*. 1898. 5 и 23 ноября.

С. 189. К вящей славе Божией — девиз ордена иезуитов.

С. 194. «...не любите мира, ни того, что в мире» — 1 Ин. 2, 15.

С. 200. «Не множеством картин старинных мастеров» — А. С. Пушкин. Мадонна (1830).

«Я, Матерь Божия, ныне с молитвою» — М. Ю. Лермонтов. Молитва (1837).

С. 211. «Ты еси земля и в землю отыдеши» — слова из Ветхого Завета (Быт. 3, 19), в церковнославянском переводе вошедшие в чин службы погребения.

«Он ветки подломленной не сломит» — Мф. 12, 20, Ис. 42, 3.

«...родители приносили в жертву Молоху детей своих» — Иез. 23, 39, притча о распутстве Оголы (Самарии) и Оголивы (Иерусалима).

С. 218. «подобно закваске, которую женщина кладет в меру муки» — Мф. 13, 31, 33.

С природою одною он жизнью дышал... — Е. А. Баратынский. На смерть Гете (1832).

С. 221. «...к сей жемчужине, которую увидев, купец...» — Мф. 13, 45—46.

С. 236. «Кто не оставит отца и мать» — Лк. 14, 26.

С. 237. «Горы, падите на нас! Холмы, покройте нас!» — Ос. 10, 8; Лк. 23, 30.

С. 241. «И окаменеет всякий, кто оглянется на Содом и Гоморру» — Быт. 19, 24—28.

С. 245. «История Выговской Пустыни» — Филиппов Иван. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862 (написана ок. 1743).

С. 249. «Они будут видеть и не увидят...» — неточная цитата. См.: Ис. 6, 9; Мф. 13, 14; Мк. 4, 12.

СВЕЧА В ХРАМЕ

Впервые: Розанов В. В. Люди лунного света. СПб., 1911.

С. 254. «...подложили двух молоденьких девушек!» — 3 Цар. 1, 1—4; в этой книге речь идет об одной девушке.

С. 256. Санхониатон — финикиец, переводчик на греческий язык с восточных языков.

С. 258. «Поди к блуднице и зачи с нею» — Ос. 1, 2 и след.

С. 262. Из переводного творения Руфина — Розанов приводит с сокращениями. Введение. I. Христианские подвижники до святых Павла и Антония (с XI—IV) из кн.: «Жизнь пустынных отцов. Творение пресвитера Руфина. Перевод с латинского с объяснительными примечаниями инспектора классов Московского епархиального филаретовского женского училища священника М. И. Хитрово». Издание Свято-Троицкой Сергиевой лавры. 1898 г.

Сладко вниманье свое... — Гомер. Одиссея. IX, 2—11. Пер. В. А. Жуковского.

С. 263. Но, в разговор веселый не вступая... — М. Ю. Лермонтов. Сон (1841).

С. 271. «Половая психопатия» — речь идет о русском переводе книги немецкого психиатра Ричарда Крафт-Эбинга (1840—1902), вышедшей в 1902 г. (переиздавалась в 1906, 1907 и 1909 гг.).

С. 274. «История Востока» Масперо — рус. пер.: Масперо Г. Древняя история народов Востока. М., 1895; 2-е изд. — М., 1903.

Бруши, Ленорман... — см.: Бруш Г. К. История фараонов. СПб., 1830; Ленорман Ф. Руководство к древней истории Востока до персидских войн. Т. 1—2. Киев, 1876—1879.

С. 297. «Ветхозаветный храм» — исследование А. А. Олесницкого «Ветхозаветный храм в Иерусалиме» (СПб., 1889), на которое опирается Розанов во многих своих работах.

С. 310. *Фози О.* Брак и нравственная личность. Философский этюд. Харьков, 1908.

С. 320. *Письмо г-жи Гончаровой* — имеется в виду письмо Е. Н. Дантес-Геккерн (урожд. Гончаровой) мужу от 20 марта 1837 г. (см.: *Шеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. М., 1987. С. 284—285).

С. 355. *Паишковцы* — секта евангельских христиан в России, которую в последней четверти XIX в. возглавил полковник в отставке В. А. Пашков.

ПРИЛОЖЕНИЯ ДЛЯ МЕДИКОВ И ЮРИСТОВ

Впервые: *Розанов В. В.* Люди лунного света. 2-е изд. СПб., 1913.

С. 373. «*Колесо*» *Иезекииля* — имеется в виду видение Иезекииля (Иез. 1).

С. 385. «*Брак и христианство*» — см.: *Розанов В.* Брак и христианство (Моя переписка с православным священником) // Русский труд. 1898. № 47—52, и в кн.: *Розанов В.* В мире неясного и нерешенного. СПб., 1904.

С. 391. *Было напечатано в «Русском Труде»* — см.: *Мириянин. О В. В. Розанове и его «религии» брака* (Письмо к редактору) // Русский труд. 1899. № 25. 19 июня; № 26. 26 июня.

«...дочитала вашу статью «*Природа и Церковь*» — см.: *Варварин В.* Природа и церковь // Русское слово. 1911. № 196. 26 августа.

С. 392. «*Ваша статья...*» — см.: *Варварин В.* Церковный и вместе космологический вопрос // Русское слово. 1911. № 195. 25 августа.

С. 395. «...лицу, компетентному во всех этих темах.» — Речь идет о П. А. Флоренском, поправки и дополнения которого Розанов напечатал за подписью «Аноним».

ТЕМНЫЙ ЛИК

Христос — Судия мира

Впервые: *Новый путь.* 1903. № 4. С. 134—150, под заглавием: «Об основаниях церковной юрисдикции, или о Христе — Судии мира».

С. 404. *Богослов, рецензент моей книги...* — см.: *Заозерский Н.* Странный ревнитель святых семейного очага // Богословский вестник. 1902. № 11. С. 446—469.

...на *Рел.-фил. собраниях 1903—1904 гг.* — Религиозно-философские собрания происходили в 1901—1903 гг. в Петербурге.

Монтанисты — последователи раннехристианского движения монтанизма, возникшего ок. 174 г. во Фригия. Названо по имени евнуха Монтана, бывшего жреца Кибелы, по обращении в христианство проповедовавшего строгий аскетизм.

С. 405. «*Никто не может прийти к Отцу...*» — Ин. 14, 6.

«*Аще не родиться водою и Духом...*» — Ин. 3, 5.

«*Кого не развяжете — и не будет развязан*» — Мф. 16, 19; 18, 18.

«*Ты еси Петр*» — Мф. 16, 18.

С. 406. «...*Когда отнимется у них Жених*» — Мф. 9, 15; Мк. 2, 20; Лк. 5, 35.

«Я принес на землю меч и разделения» — Мф. 10: 34—35.

«...вложить меч в ножны» — Ин. 18, 11.

«Содома и Гоморре будет отраднее в день Суда...» — Мф. 10, 15.

Элия Капитолина — город Иерусалим, который после разорения его в 70 г. Титом Веспасианом римский император Элий Адриан восстановил и обратил в языческий город с наименованием Элия Капитолина.

С. 407. «утренние жертвы» (тамиды) — речь идет о заповедях Исх. 29, 38—42; Чис. 28, 3—8. Толкованиям практических выполнений этих заповедей посвящен «Трактат Тамид (Постоянная жертва)». См.: Талмуд. Мишна и Тосефа. СПб., 1903. Т. 5. С. 385—397.

«...и оружие пройдет через сердце твое» — Лк. 2, 35.

«Иегова шел перед Израилем» — Кирилл, архиепископ Александрийский (ум. 444), один из представителей александрийской «аллегорической школы» толкования Библии, утверждал, что события Ветхого Завета являются прообразами событий Нового Завета.

С. 409. Притчи о блудном сыне — Мф. 21, 28—32; Лк. 15, 11—32.

«упоетсяя» быть «миротворцем», «чистым сердцем» — слова из заповедей блаженства (Мф. 5, 1—12).

С. 410. «О, Иерусалим, Иерусалим...» — Мф. 23, 37.

С. 411. «Поощажу, если найду только десять праведников» — Быт. 18, 22—32.

«Половину имущества отдам...» — Лк. 19, 1—10.

«...об одной заблудшей овце» — Мф. 18, 12—13; Лк. 15, 4—6.

С. 412. «И воскорбел духом: где брат мой Лазарь» — повествование о смерти и воскрешении Лазаря (Ин. 11, 1—44).

«Прими меня, егда приидеши во царствии Твоем» — Лк. 23, 42.

С. 413. «Не знаю вас: идите в огонь вечный...» — Мф. 7, 22—23; 25, 41; Лк. 13, 25.

«...будут открыты очи — и не увидят...» — Исх. 6, 9—10; Мф. 13, 14.

«Имеем воскресим» — Лк. 9, 8, 19; Мф. 16, 14; Мк. 8, 28.

С. 414. «Да не будут тебе Бози инии разве Мене» — Исх. 20, 3 в церковнославянском переводе.

С. 415. «Се дом ваш оставляется вам пуст» — Мф. 23, 38.

«В Исааке наречется тебе семья» — Быт. 21—12.

«Я хотел бы быть отлученным от Иисуса...» — вольное изложение «Послания к Евреям».

С. 416. «Господи, если Ты решил истребить народ Твой...» — Исх. 32, 32.

...то без свежей воды.— В изложении Розанова библейские события, описанные в книге Исход, даны в обратной хронологической последовательности. См.: Исх. 15, 22—27; 16; 32, 2—4.

«Я носил его на руках моих...» — Чис. 11, 11—12.

«...варить козленка в молоке его матери» — ср.: Исх. 23, 19; 34, 26; Втор. 12, 21.

С. 417. «Если бы вы вместили девство...» — вольное соединение 1 Кор. 7, 1, 25 и Мф. 19, 11.

«...всадника, сидящего на белой лошади» — Откр. 6, 2.

Синоптики — евангелисты Матфей, Марк и Лука.

О Сладчайшем Иисусе
и горьких плодах мира

Впервые: Доклад, прочитанный на заседании Религиозно-философского общества 21 ноября 1907 г., опубликованный в «Русской мысли» (1908. Кн. 1. С. 33—42), затем в кн.: «Записки С.-Петербургского Религиозно-философского общества» (Вып. II. СПб., 1908. С. 19—27).

С. 420. «...надо знать закон строяемого храма» — об устройстве нового храма повествуется в книге пророка Иезекииля (гл. 40—43).

С. 422. ...«воспойте Господу на арфах» — «Пойте Господу моему на кимвалах» (Иудифь 16, 1); арфы упоминаются в Библии в плаче пленников «Песни на реках Вавилона»: «На вербах посреди повесили мы наши арфы» (Пс. 136, 2) и в Книге Премудрости Соломона (19, 17).

«Бога никогда же никто же видел» — 1 Ин. 4, 12.

«Нельзя видеть Меня и не умереть» — Исх. 33, 20.

Тревожная ночь

Впервые: Северные Цветы на 1902 г. М., 1902. С. 3—15.

С. 433. *Мчатся тучи, вьются тучи...* — А. С. Пушкин. Бесы (1830).

С. 434. ...как «купцы будут плакать...» — см.: Откр. 18, 9—19.

«Будут три времени и пол-времени» — «До времени и времен и полувремени» (Дан 7, 25).

«И мерзость запустения станет на месте святе...» — Дан. 11, 31.

«И жертвоприношения прекратятся...» — см. там же. У пророка Даниила речь идет о соглашении царя Антиоха IV с иудеями-отступниками.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аарон*, в Ветхом Завете первосвященник, старший брат Моисея — 86
- Август* (63 до н. э.— 14 н. э.), римский император (с 27 до н. э.) — 263
- Августин Аврелий* (354—430), христианский церковный деятель, теолог, философ, писатель — 216, 404, 420
- Авель*, в Ветхом Завете сын Адама и Евы, убитый своим братом Каином — 102, 166, 370
- Авиа* (III в.), инок, христианский мученик — 261
- Авраам*, в Ветхом Завете патриарх, прародитель еврейского народа — 26, 31, 86, 87, 166, 258, 328, 344, 347, 356, 388, 410, 411
- Аврелий Марк* (121—180), римский император (с 161) из династии Антонинов — 278
- Агамемнон*, в греческой мифологии микенский царь, предводитель греков в Троянской войне — 354
- Агарь*, в Ветхом Завете, служанка-египтянка, наложница Авраама — 345
- Адам*, в Ветхом Завете созданный Богом первочеловек — 17, 24, 25, 43, 44, 55, 57, 65, 66, 103, 146, 177, 185, 259, 261, 266, 287, 304, 310, 319, 344, 345, 347
- Адриан* (76—138), римский император (с 117) из династии Антонинов — 260
- Айша* (ум. 650-е гг.), младшая жена Магомета — 260
- Аксаков Сергей Тимофеевич* (1791—1859), писатель — 304
- Александр III* (1845—1894), российский император (с 1881) — 45
- Александр Македонский* (356—323 до н. э.), царь Македонии (с 336 до н. э.) — 125
- Александр Невский* (1220—1263), князь Новгородский (1236—1251), великий князь Владимирский (с 1252), полководец — 71
- Алексеев А. И.*, живописец, преимущественно жил в Италии — 139, 141
- Алексей* (Алексий) (90-е гг. XIII в.— 1378), митрополит (с 1354) — 31
- Алексей* (XIX в.), старец — 360
- Алексей* (Алексий) Божий человек (V в.), сын знатного римлянина, ставший на путь христианского служения — 38
- Алексей I Комнин* (ок. 1048—1118), византийский император (с 1081) — 47
- Алексей Михайлович* (1629—1676), русский царь (с 1645) — 144, 242, 243, 245
- Амвросий Оптинский* (Александр Михайлович Гренков) (1812—1891), иеросхимонах, старец Оптиной пустыни, духовный писатель — 127, 130
- Амиель* Анри (1821—1881), швейцарский франкоязычный писатель и философ — 278
- Аммон* (Аммун) (ум. ок. 350/357), христианский подвижник — 352
- Ампер* Андре Мари (1775—1836), французский ученый, один из основоположников электродинамики — 174
- Анастасий* (II в.), христианский подвижник — 352

- Анастасия* (III в.), римлянка, христианская мученица — 261
- Апостолый* (XIX — нач. XX в.), старец, отшельник в Сарове — 120
- Андреев* Василий Васильевич (1861—1918), организатор и руководитель первого оркестра русских народных инструментов, был в дружеских отношениях с Розановым — 160
- Андрей*, в Новом Завете апостол — 65
- Андрей Критский* (ум. ок. 726), византийский церковный деятель, проповедник, гимнолог — 345, 387
- Андромаха*, в греческой мифологии жена Гектора — 390
- Анна*, по христианскому преданию, мать Богоматери Марии — 129
- Анна*, иудейский первосвященник, назначенный римлянами (6 до н. э.—15) — 85, 153
- Антипат*, житель Александрии, отец Пансофия — 261
- Антокольский* Марк Матвеевич (1843—1902), скульптор — 142
- Антоний* (Александр Васильевич Вадковский) (1846—1912), митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский (с 1898) — 36
- Антоний* (Михаил Флоренсов) (1847—1912), епископ, с 1898 г. жил на покое в Донском монастыре в Москве — 398
- Антоний* (Алексей Павлович Храповицкий) (1863—1936), епископ Волынский (1902—1906) — 99, 162
- Антоний Великий* (ок. 250—356), христианский отшельник, жил в Египте, считается основателем христианского монашества — 127, 362
- Антоний Печерский* (983—1073), основатель Киево-Печерского монастыря (1051) — 140, 351
- Антонин Пий* (86—161), римский император (с 138), основатель династии Антонинов — 260
- Антонин* (Александр Андреевич Грановский) (1860—1927), архимандрит, старший цензор Петербургского духовного цензурного управления — 67, 74, 78, 406
- Апис*, в древнеегипетской мифологии священный бык, символ плодородия — 108
- Аполлон*, в греческой мифологии бог-целитель, прорицатель, покровитель искусств — 430
- Араго* Доминик Франсуа (1786—1853), французский ученый и политический деятель — 174
- Аракчеев* Алексей Андреевич (1769—1834), граф, политический и военный деятель, пользовался большим влиянием при Александре I — 32, 106
- Арий* (ок. 280 — ок. 336), священник из Александрии, основатель еретического течения в раннем христианстве — арианства — 68
- Артемид*, в греческой мифологии богиня охоты — 307
- Астарта*, в финикийской мифологии богиня плодородия, материнства и любви — 85, 253—256, 263, 309, 435, 442
- Афанасий Великий* (295—373), христианский теолог и писатель, епископ Александрии (с 328) — 68
- Афина Паллада*, в греческой мифологии богиня мудрости, знаний, а также войны и победы — 269, 354
- Афинагор* (ум. ок. 177), христианский философ, писатель, апологет — 260
- Афродита*, в греческой мифологии богиня любви и красоты — 308, 310, 354
- Ахилл*, в греческой мифологии герой Троянской войны со стороны греков — 112
- Ашера*, в семитской мифологии богиня плодородия — 255, 256, 308
- Бабенко* Авксентий Данилович, религиозный фанатик — 143
- Байрон* Джордж Ноэл Гордон (1788—1824), английский поэт, член палаты лордов (с 1809) — 118, 240, 354
- Баркохба* (Бар-Кохба — «сын звезды»), почетное имя, данное Симону Бар-Косибе (ум. 135), предводителю восстания иудеев против римского господства (132—135) — 407
- Баттистини* Маттеа (1856—1928), итальянский певец (баритон) — 114

- Беатриче* (Беатриче Портинари) (1265/1267—1290), флорентийка, идеальная возлюбленная Данте — 144
- Безобразова* Мария Владимировна (1857—1914), писательница, философ, деятельница женского движения — 368, 370, 385
- Бекетов* Андрей Николаевич (1825—1902), ученый-ботаник — 378
- Беллев* Александр Дмитриевич, богослов, религиозный писатель, профессор Московской духовной академии — 82, 89—91
- Бенке* Фридрих Эдуард (1798—1854), немецкий философ и психолог — 380
- Бердяев* Николай Александрович (1874—1948), религиозный философ, публицист — 441
- Бернар Гви* (Гюи), средневековый доминиканский монах — 171
- Бернар* Сара (1844—1923), французская актриса — 174
- Берта* (VI в.), франкская принцесса, жена англосаксонского (кентского) короля Этельберта (ум. 616) — 201
- Бильрат* Теодор (1829—1894), немецкий хирург — 237
- Благовидов* Федор Васильевич (1865—?), церковный историк — 40
- Боккаччо* (Боккаччо) Джованни (1313—1375), итальянский писатель, гуманист — 275
- Бокль* Генри Томас (1821—1862), английский историк и социолог — 193, 242
- Болеслав I Храбрый* (967—1025), польский князь (с 992), король (с 1025) из династии Пястов — 344, 350, 351
- Боль* К. Г., владелец столярной мастерской в Казани — 163
- Борис* (ум. 1015), князь Ростовский, убит по приказу своего брата Святополка I — 344
- Боссюэт* (Боссюэ) Жак Бенинь (1627—1704), французский церковный деятель, теолог, писатель — 33
- Бранд* А. Ф. (XIX в.), врач-сексолог — 403
- Брацца* (Бразза) Пьер Саворньян де (1852—1905), французский путешественник и исследователь Экваториальной Африки — 174
- Бругш* Генрих Карл (1827—1894), немецкий египтолог — 274
- Бруно* Джордано (1548—1600), итальянский философ и поэт — 32, 33
- Будда* (букв. «просветленный»), имя, данное основателю буддизма Сиддхартхе Гаутаме (623—544 до н. э.) — 23, 27, 74
- Буслаев* Федор Иванович (1818—1897), филолог и искусствовед — 152, 153
- Бушери*, психолог и психиатр — 285
- Бюхнер* Людвиг (1824—1899), немецкий врач, естествоиспытатель, философ — 271
- Баал* (Баал, Балу — «господин», «владыка»), древнейшее название бога или богов в Финикии, Палестине, Сирии — 85, 253, 256
- Бaalит* (Баалат — «госпожа, владычица»), в западносемитской мифологии богиня-покровительница местности — 255, 256
- Валаам*, в Ветхом Завете прорицатель — 67
- Валериан* (ум. 230), римлянин, христианский мученик — 352
- Валла*, в Ветхом Завете служанка Рахили, наложница Иакова — 388
- Варлаам* (ум. ок. 1065), игумен Киево-Печерского монастыря — 351
- Варнава* («сын утешения»), в Новом Завете прозвище Иосифа (Иосии), проповедника, спутника апостола Павла — 260
- Василий Блаженный* (ок. 1469—1552/1557), московский юродивый, аскет, обличал власть имущих — 276
- Василий Великий* (ок. 330—379), христианский церковный деятель, теолог, философ, епископ Кесарийский (Малая Азия) — 68, 144, 258
- Василиса* (ум. 285), христианская подвижница — 352
- Ваулина* Ефросинья, жена Повало-Швейковского — 40, 41

- Вебер** Георг (1808—1888), немецкий историк — 373
- Вейнингер** Отто (1880—1903), австрийский философ и писатель — 395—397
- Венера**, в римской мифологии богиня любви и красоты, отождествлялась с греческой Афродитой — 41, 48, 253, 255, 256, 263, 340, 430
- Вера** (Вера Александровна Мордвинова) (1895—1966), московская курсистка, дочь генерала, с которой переписывался Розанов — 392, 393
- Веспасиан** (9—79), римский император (с 69), основатель династии Флавиев — 76, 77, 416
- Вильера** (Вильюра) Франсуа (1644—1730), французский военный деятель, президент финансового совета — 172
- Вильде** Николай Николаевич (2-я пол. 1860-х гг.—1918), писатель, журналист — 319
- Вирсавия**, в Ветхом Завете жена царя Давида, мать царя Соломона — 47, 59
- Виталия**, инокиня, сектантка-фанатичка — 144, 196—213, 215—233, 236, 237, 239—242, 245, 246, 251
- Владимир I** (ум. 1015), князь Новгородский (с 969), великий князь Киевский (с 980), ввел в качестве государственной религии христианство (988—989) — 8, 140
- Волконский** Сергей Михайлович (1860—1937), князь, театральный деятель, критик, писатель, мемуарист — 74, 78, 79
- Вольтер** (наст. имя и фам. Мари Франсуа Аруэ) (1694—1778), французский писатель и философ — 19, 69, 172
- Гагарин** Иван Сергеевич (1814—1882), князь, дипломат, писатель, перешел в католичество, стал иезуитом, был лишен права возвращения в Россию — 417
- Галактион** (III в.), христианский подвижник, мученик — 261
- Гален** (ок. 130 — ок. 200), римский врач — 237
- Галилей** Галилео (1564—1642), итальянский естествоиспытатель и мыслитель — 240
- Гамалиил**, в Новом Завете законоучитель, член синедриона, представитель умеренного направления среди фарисеев — 423
- Гамбетта** Леон (1838—1882), французский адвокат и политический деятель, премьер-министр (1881—1882) — 174
- Ганимед**, в греческой мифологии юноша — любимец Зевса, виночерпий у богов — 269, 308, 354
- Гарнак** Адольф фон (1851—1930), немецкий протестантский теолог, историк христианства — 69, 72
- Гарнье** Пьер (1819—1901), французский врач-сексолог — 282
- Гвоздева** Ольга Петровна, религиозная фанатичка, прибегшая к самоожжению — 190
- Ге** Николай Николаевич (1831—1894), живописец — 153
- Гектор**, в греческой мифологии троянский герой — 390
- Гекуба**, в греческой мифологии жена троянского царя Приама, мать Гектора — 76, 300
- Гельмгольц** Герман Людвиг Фердинанд (1821—1894), немецкий естествоиспытатель — 114
- Генрих Мореплаватель** (1394—1460), португальский принц, организатор экспедиций к северо-западным берегам Африки — 278
- Георгий**, воин князя Ростовского Бориса — 344
- Герардо** (ум. 1250), флорентинец, обвиненный в ереси после смерти — 172
- Геркулес** (Геракл), в греческой мифологии герой, совершивший множество подвигов — 348
- Герман** (I в.), инок — 260
- Гермоген** (Георгий Ефремович Долганев) (1858—1918), епископ Саратовский (до 1912) — 441, 442
- Геродот** (490/480 — ок. 425 до н. э.), древнегреческий историк — 323, 354

- Герцен* Александр Иванович (1812—1870), писатель, публицист, философ, общественный деятель — 10
- Гершензон* Михаил Осипович (1869—1925), историк русской литературы и общественной мысли, публицист, философ, переводчик — 442
- Гёте* Иоганн Вольфганг (1749—1832), немецкий писатель, мыслитель, естествоиспытатель — 58, 112, 155, 396
- Гизо* Франсуа (1787—1874), французский историк и политический деятель — 354
- Гиппиус* Зинаида Николаевна (1869—1945), писательница, литературный критик, общественная деятельница, мемуаристка — 441
- Гиппократ* (ок. 460 — ок. 370 до н. э.), древнегреческий врач — 237
- Глинка* Михаил Иванович (1804—1857), композитор — 424
- Гоголь* Николай Васильевич (1809—1852), писатель — 32, 48, 110, 198, 201, 223, 231, 279, 280, 372, 409, 418—423, 425, 426, 430
- Гомер*, полубогендарный древнегреческий эпический поэт — 262
- Гончарова* (в замужестве Дантес-Геккерн) Екатерина Николаевна (1809—1843), свояченица А. С. Пушкина, жена Ж. Дантеса — 320
- Григорий Богослов* (Григорий Назианзин) (ок. 330 — ок. 390), христианский церковный деятель, теолог, философ, поэт, епископ г. Назианза (Малая Азия) — 62, 144, 171
- Гус* Ян (1371—1415), чешский религиозный реформатор, ректор Пражского (Карлова) университета, осужден церковным собором в Констанце и сожжен — 119, 241, 248
- Гюго* Виктор Мари (1802—1885), французский писатель — 174
- Давид*, царь Израильско-Иудейского государства (ок. 1004 — ок. 965 до н. э.) — 12, 34, 47, 59, 66, 76, 87, 103, 163, 177, 179, 254, 412, 414, 415
- Дамаянти*, персонаж индийского эпоса, жена Наля — 39, 390
- Даниил*, в Ветхом Завете пророк и праведник — 434
- Данте Алигьери* (1265—1321), итальянский поэт — 144
- Дантес* Жорж Шарль (барон Геккерн) (1812—1895), французский аристократ, монархист, живший в 1830-е гг. в России, убийца А. С. Пушкина — 320
- Дарвин* Чарлз Роберт (1809—1882), английский естествоиспытатель — 114, 146
- Дашкова* Екатерина Романовна (1744—1810), княгиня, деятельница русской культуры, президент Российской академии (1783—1796) — 108
- Дебар* Габриель, французский историк — 171, 172
- Деворра* (Девора), в Ветхом Завете пророчица и судья (правительница) — 177
- Де Губертис* Анджело (1840—1913), итальянский археолог, исследователь мифологии — 369, 377
- Декарт* Рене (1596—1650), французский философ и естествоиспытатель — 380
- Декий* (Деций) (ок. 200—251), римский император (с 249) — 261
- Деметра*, в греческой мифологии богиня плодородия, покровительница земледелия — 370
- Демосфен* (ок. 384—322 до н. э.), древнегреческий (афинский) оратор — 354
- Денисова* Елизавета, сестра инокини Виталии, жертва фанатизма — 206, 208—210
- Дернов* Александр Александрович (1857 — ?), протоиерей, религиозный писатель, полемизировал с Розановым — 54
- Де Рома* Иоанн (XVI в.), инквизитор в Провансе — 172
- Диана*, в римской мифологии богиня Луны, растительности, с V в. до н. э. отождествлялась с греческой Артемидой — 425
- Диккенс* Чарлз (1812—1870) — английский писатель — 235, 382
- Диоклетиан* (243—313/316), римский император (284—305) — 216

- Дионисий*, казначей Кизического мужского монастыря — 163, 164
- Добролюбов Николай Александрович* (1836—1861), литературный критик, публицист, постоянный сотрудник журнала «Современник» — 111
- Добротворский Иван Михайлович* (1832—1883), историк русского раскола — 109
- Доминик* (Доминго де Гусман) (1170—1221), испанский проповедник, основатель монашеского ордена доминиканцев — 172
- Домициан* (51—96), римский император (с 81) из династии Флавиев — 260
- Доре Гюстав* (1832—1883), французский график, иллюстратор Библии — 34
- Достоевский Федор Михайлович* (1821—1881), писатель и мыслитель — 98, 110, 138, 185, 186, 188, 202, 246, 279, 286, 317, 325, 354
- Дроздов Николай Георгиевич*, протоиерей, сотрудник церковной газеты «Колокол», полемизировал с Розановым — 390
- Дьяченко Григорий Михайлович* (1850—1903), протоиерей, религиозный писатель — 363
- Дюма Александр* (Дюма-отец) (1802—1870), французский писатель — 174
- Ева*, в Ветхом Завете жена Адама, пра-матерь рода человеческого — 17, 43, 44, 54, 56, 57, 85, 109, 146, 261, 266, 304, 310, 319, 344, 345, 347, 370, 387, 409
- Евгемер* из Мессены (ок. 340 — ок. 260 до н. э.), древнегреческий писатель и философ, видевший истоки культа богов в обожествлении лучших людей, героев древности — 412
- Евгения* (II в.), игуменья, христианская мученица — 260, 261
- Евдокия* (ум. ок. 152), раскаявшаяся блудница, христианская мученица — 260
- Ездра*, в Ветхом Завете иудейский священник, законоучитель — 26
- Екатерина II* (1729—1796), российская императрица (с 1762) — 108, 380
- Елизавета*, в Новом Завете мать Иоанна Крестителя — 25, 151
- Елий* (II в.), игумен монастыря — 261
- Елисей*, в Ветхом Завете пророк, сподвижник и преемник Илии — 258
- Епистима* (III в.), монахиня, христианская мученица — 261
- Ефрем*, в летописи за 1055 г. назван митрополитом Киевским — 351
- Ефрем* (XIX в.), митрополит Казанский — 170
- Ефрем Сириянин* (IV — нач. V в.), христианский теолог и писатель — 38
- Жанна д'Арк* (ок. 1412—1431), французская национальная героиня, возглавила борьбу против англичан во времена Столетней войны, сожжена по обвинению в ереси, канонизирована в 1920 г. — 269
- Жину Иехан* (XVI в.), альбигоец из Прованса, обвинен в ереси и сожжен — 172
- Жуковский Василий Андреевич* (1783—1852), поэт и переводчик — 276
- Жуковский Дмитрий Евгеньевич* (1868—1943), издатель, переводчик философской литературы — 7
- Захей*, в Новом Завете главный сборщик податей (пошлины) в Иерихоне — 25, 410, 411, 413
- Захария* (III в.), христианский подвижник — 352
- Захарьин Григорий Антонович* (1829—1897), врач-терапевт, профессор Московского университета — 145, 146, 150, 152
- Зеведей*, в Новом Завете отец апостолов Иакова и Иоанна — 259
- Зевс*, в греческой мифологии верховный бог — 354
- Зеньковский Василий Васильевич* (1881—1962), религиозный философ, историк русской философии — 442
- Зинаида* (I в.), христианская подвижница — 260
- Золя Эмиль* (1840—1902), французский писатель — 174, 177

- Зосима* (ум. 1478), игумен Соловецкого монастыря — 127
- Зосима* (Дмитрий Ропшин), архимандрит, настоятель женской общины, осужденный за «неправедное поведение» — 164
- Иаир*, в Новом Завете глава иудейской общины, умершую дочь которого воскресил Христос — 410
- Иакинф* (II в.), евнух — 261
- Иаков*, в Ветхом Завете патриарх, родоначальник «двенадцати колен Израилевых» — 31, 68, 258, 328, 347, 415, 440
- Иаков*, в Новом Завете апостол — 259, 419
- Иаков, брат Господень*, в Новом Завете сын Марии и Иосифа, как и другие братья Христа, считается его двоюродным братом — 259
- Игнатий* (II в.), христианский подвижник — 260
- Игорь Святославич* (1150—1202), князь Новгород-Северский (с 1178), Черниговский (с 1199), главный персонаж «Слова о полку Игореве» — 39
- Иеванос*, святой, изображенный на фреске Спасо-Нередицкой церкви (XI в.) — 144
- Иегова* (Яхве, в рус. перев. Суший), в Ветхом Завете имя Бога, которое он дал сам себе — 77, 86, 254, 256, 258, 296, 298, 407, 409, 415, 425
- Иезавель* (ум. ок. 845 до н. э.), жена израильского царя Ахава, в Ветхом Завете изображена как отступившая от истинного Бога и поклоняющаяся Ваалу — 256
- Иезекииль*, ветхозаветный пророк — 259, 331, 373, 420
- Иероним* (ок. 342/345—420), христианский теолог, писатель, переводчик на латинский язык Библии — 171, 201
- Иероним Пражский* (ок. 1380—1416), чешский религиозный реформатор, сподвижник Я. Гуса — 119
- Изида* (Исида), в древнеегипетской мифологии богиня плодородия, воды и ветра, охранительница умерших — 179, 180, 184
- Измаил*, в Ветхом Завете сын Авраама и служанки Агари, родоначальник измаилитов-кочевников — 415
- Изяслав Ярославич* (1024—1078), великий князь Киевский (с 1054, с перебивами) — 351
- Иисус Христос* — 7, 11, 12, 14, 15, 22, 24—28, 33, 37, 45, 47, 48, 58, 59, 61, 64, 68, 70, 71, 73—79, 82, 85, 90, 91, 96—99, 102, 112, 113, 129, 131, 133, 136, 137, 139—141, 143, 144, 148, 151—154, 158, 166—170, 173, 186, 187, 189, 191—194, 199—205, 215, 218, 221, 222, 224, 238, 242, 249, 257—261, 276, 280, 281, 312, 320, 347—349, 351, 356, 386, 388—391, 400, 404—407, 411—415, 417—426, 434, 439—441
- Илия*, ветхозаветный пророк — 70, 76, 258, 413, 414
- Иловяцкий Дмитрий Иванович* (1832—1920), историк и публицист — 278, 434
- Иннокентий* (кон. XIX — нач. XX в.), епископ Тамбовский — 116
- Иоаким*, по христианскому преданию, отец Богоматери Марии — 129
- Иоанн Богослов*, в Новом Завете апостол, евангелист, автор Апокалипсиса — 31, 65, 139, 141, 259, 391
- Иоанн (Иван) III* (1440—1505), великий князь Московский (с 1462) — 428
- Иоанн (Иван) IV Грозный* (1530—1584), первый русский царь (с 1547) — 32, 136, 409, 428
- Иоанн (Иван) V* (1666—1696), русский царь (с 1682), провозглашен царем вместе с Петром I — 242, 245
- Иоанн Дамаскин* (ок. 675 — до 753), византийский богослов, философ, поэт — 70
- Иоанн Затворник* (XI в.), христианский отшельник — 352
- Иоанн Златоуст* (344/354—407), византийский церковный деятель, проповедник, епископ Константинопольский (398—404) — 34, 67
- Иоанн Каламит* (IV—V в.), христианский подвижник — 355
- Иоанн Креститель* (Иоанн Предтеча), в Новом Завете пророк, предшественник Христа — 69, 98, 129, 258, 345, 391, 414

- Иоанн Мосх* (ум. 619), византийский (палестинский) монах, религиозный писатель — 67, 352, 355
- Иоанн* (Владимир Сергеевич Соколов) (1818—1869), епископ Смоленский — 250
- Иоаннов Андрей* (ум. 1813), протоперей, автор книги о русском расколе — 243, 247
- Иов*, в Ветхом Завете праведник — 37, 142
- Иона* (ум. 1461), митрополит Московский и всяя Руси (с 1448) — 31
- Иосиф*, в Ветхом Завете сын Иакова, проданный братьями в рабство — 346—348, 401
- Иосиф*, в Новом Завете муж Богоматери Марии — 151, 152, 280
- Иосиф Аримафейский*, в Новом Завете член иудейского высшего совета, тайный ученик Христа, похоронивший его после распятия — 12, 25
- Ирод I Великий*, царь Иудейского государства (40/37—4 до н. э.) — 327, 412, 413
- Ирод Антипа* (20 до н. э.— после 39 н. э.), сын Ирода I, тетрарх Галилеи и Перее, при нем, согласно Новому Завету, был обезглавлен Иоанн Креститель и распят Христос — 345
- Исаак*, в Ветхом Завете патриарх, сын Авраама — 31, 258, 328, 344, 347, 415
- Исаия*, ветхозаветный пророк — 26, 71, 149
- Истар* (Иштар), в аккадской (вавилонно-ассирийской) мифологии богиня плодородия, плотской любви, войны и распри — 256
- Иуда*, в Ветхом Завете сын Иакова, родоначальник одного из израильских колен (племен) — 388
- Иуда*, в Новом Завете апостол, предавший Христа — 102, 153, 412, 415, 439
- Иудифь*, в Ветхом Завете вдова из рода Ветилуя, главная героиня названной ее именем книги — 422
- Иустин* (Юстин)-мученик (ок. 100 — ок. 166), представитель раннехристианской апологетики, христианский мученик — 260
- Каиафа* Иосиф, иудейский первосвященник, назначенный римлянами (18—37) — 85, 102, 153, 407
- Каин*, в Ветхом Завете сын Адама и Евы, убивший своего брата Авеля — 102, 166, 345, 358, 370
- Кальвин Жан* (1509—1564), религиозный реформатор в Швейцарии — 152
- Кампанелла* Томмазо (1568—1639), итальянский философ, поэт, политический деятель, монах-доминиканец, автор утопии об идеальном обществе — 216
- Кант* Иммануил (1724—1804), немецкий философ и ученый — 69, 324, 373, 387
- Каракалла* (186—217), римский император (с 211) из династии Северов — 112
- Карл Великий* (742—814), франкский король (с 768), император (с 800) из династии Каролингов — 425
- Карно* Лазар Никола (1753—1823), французский математик, политический и военный деятель — 174
- Карташев* Антон Владимирович (1875—1960), историк церкви и политический деятель — 162
- Катилина* (ок. 108—62 до н. э.), римский политический деятель, заговорщик, разоблаченный Цицероном — 412
- Кибела*, фригийская богиня (великая мать богов), почитавшаяся во всей Римской империи, в ее честь устраивались мистерии, сопровождающиеся самоистязаниями, самооскоплением и другими подобного рода жертвами — 254
- Кириан* (ок. 201—258), представитель раннехристианской апологетики, епископ Карфагенский, христианский мученик — 260
- Киреевский* Петр Васильевич (1808—1856), фольклорист, археограф, публицист — 319
- Кирилл*, старец — 402
- Кирилл*, архимандрит, ректор духовной семинарии в Киеве — 165
- Кирилл Александрийский* (ум. 444), христианский церковный деятель, теолог — 67, 68, 407

- Клейнмихель* Петр Андреевич (1793—1869), граф, главноуправляющий путями сообщения (1842—1855) — 106
- Климент Александрийский* (ок. 150 — ок. 215), христианский теолог и писатель — 65, 137
- Климент I* (Климент Римский), христианский теолог, епископ (папа) римский (ок. 89 — ок. 97) — 41, 65, 259
- Клотильда* (475—545), жена франкского короля Хлодвига I, которого она обратила в христианство — 201
- Ключевский* Василий Осипович (1841—1911), историк — 428
- Ковалев* Федор Михайлович, религиозный фанатик, сектант — 144, 192, 193, 196, 198, 199, 201, 203—215, 218—229, 231—243, 249, 251
- Ковалевы* (Александра, Авдотья, Анна, Дмитрий), родственники Ф. Ковалева, жертвы религиозного фанатизма — 194—198, 200, 202—211, 215—218, 220, 223—229, 231, 232, 235, 240
- Колумб* Христофор (1451—1506), испанский мореплаватель, родом из Генуи — 9
- Кольцов* Алексей Васильевич (1809—1842), поэт — 276
- Комб* Эмиль (1835—1921), французский политический деятель, премьер-министр (1902—1905), будучи доктором теологии, проводил антиклерикальную политику — 7, 80
- Коммод* (161—192), римский император (с 180) из династии Антонинов — 261
- Кондаков* Никодим Павлович (1844—1925), историк византийского и древнерусского искусства — 119, 120, 144
- Конон Исаврийский* (II в.), христианский подвижник — 352
- Константин I Великий* (ок. 285—337), римский император (с 306) — 158
- Конфуций* (Кун-цзы) (ок. 551—479 до н. э.), древнекитайский мыслитель, основатель этико-политического и религиозного течения — конфуцианства — 27
- Корреджио* (Корреджо) (наст. фам. Аллегри) Антонио (ок. 1489—1534), итальянский живописец, представитель Высокого Возрождения — 152, 153
- Корфеллон* Жафф, французский врач-психиатр, сексопатолог — 285
- Кравцов* Евсей, сектант, работник в доме Ф. Ковалева — 208, 209
- Крафт-Эбинг* Рихард фон (1840—1902), австрийский врач-психиатр, сексопатолог — 271, 272, 306, 307, 309, 310, 320, 330, 340, 341, 343, 345, 351, 359, 369, 372
- Ксантинна* (V — нач. IV в. до н. э.), жена Сократа — 304
- Курбатовы*, старообрядцы в Нижнем Новгороде — 117
- Куртин* Михаил, сектант-фанатик — 191, 192
- Кюри* Пьер (1859—1906), французский физик, один из создателей учения о радиоактивности — 174
- Лазарь*, житель Вифании, воскрешенный Христом — 25, 410—413
- Ламартин* Альфонс (1790—1869), французский поэт, историк и политический деятель — 118, 174
- Лаодзы* (Лао-цзы) (IV—III в. до н. э.), древнекитайский автор трактата того же названия, в котором излагается религиозно-философское учение даосизма — 27
- Лаура* (Лаура Нове) (1308—1348), жительница Пьемонта, которой посвятил свои «Канцоньере» Петрарка — 320
- Лев XIII* (Джоаккино Печчи) (1810—1903), папа римский (с 1878) — 83, 88
- Лев VI Мудрый* (866—912), византийский император (с 886) — 47
- Лейбниц* Готфрид Вильгельм (1646—1716), немецкий философ, математик, физик, языковед — 98, 265, 373, 374
- Ленорман* Франсуа (1837—1883), французский историк-востоковед, археолог — 274

- Леонардо да Винчи** (1452—1519), итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый, инженер — 152
- Леонид** (508/507—480 до н. э.), спартанский царь (с 488 до н.э.), погиб в сражении с персами у Фермопил — 78
- Леонтий**, монах — 402
- Леонтьев Константин Николаевич** (1831—1891), философ, писатель, публицист, литературный критик — 189, 191, 192, 246, 442
- Лепорский Петр Иванович** (1871 — ?), протоиерей, профессор Петербургской духовной академии, религиозный писатель — 44, 66, 67
- Лепсиус Рихард** (1810—1884), немецкий египтолог — 253
- Лермонтов Михаил Юрьевич** (1814—1841), поэт и прозаик — 110, 124, 174, 200, 275, 321, 324
- Леруа-Болье Анри Жан Анатоль** (1842—1912), французский историк и публицист — 377
- Либкнехт Вильгельм** (1826—1900), один из основателей и руководителей социал-демократии в Германии, депутат рейхстага — 83, 88
- Лоз Никола**, секретарь Ф. Вилеруа — 172
- Лойола Игнатий** (ок. 1491—1556), основатель ордена иезуитов — 411
- Локк Джон** (1632—1704), английский философ — 374
- Локлон**, жительница Пикардии, в 1778 г. посмертно обвиненная в ереси — 174
- Ломоносов Михаил Васильевич** (1711—1765), ученый-энциклопедист, поэт, художник, историк, общественный деятель — 229
- Лот**, в Ветхом Завете племянник Авраама, спасшийся с дочерьми после гибели Содома — 55, 56, 58, 347
- Лука**, в Новом Завете евангелист — 133, 200, 206
- Лютер Мартин** (1483—1546), немецкий религиозный реформатор — 119, 135, 152, 153, 155, 289, 297, 408
- Магна Анкирская** (Галатия), христианская подвижница — 352
- Магомет** (Мохаммед, Мухаммед) (ок. 570—632), основатель ислама, в котором почитается как пророк, глава первого теократического мусульманского государства (с 630) — 27, 259, 260
- Мазини Анджело** (1844—1926), итальянский певец (тенор) — 114
- Майков Аполлон Николаевич** (1821—1897), поэт — 293
- Маймонид Моисей** (Моше бен Маймон) (1135—1204), еврейский философ, теолог, врач — 255
- Майоров Иван**, долгожитель из Сарова — 126
- Макарий Египетский** (Макарий Великий) (301—390), христианский монах-подвижник, проповедник аскетизма — 127
- Мак-Магон Патрис** (1808—1893), французский военный и политический деятель, маршал (1859), президент Франции (1873—1879) — 174
- Малебранш (Мальбранш) Никола** (1638—1715), французский философ — 276
- Малх** (II—III вв.), христианский подвижник — 352
- Мариам**, в Ветхом Завете пророчица, сестра Аарона и Моисея — 177
- Мария**, в Новом Завете Богоматерь, мать Иисуса Христа — 14, 15, 25, 79, 88, 90, 129, 152, 158, 172, 407
- Мария**, в Новом Завете жительница Вифании, сестра Лазаря — 31, 33, 111, 112, 187, 194, 242, 410
- Мария Магдалина**, по христианской легенде, грешница, ставшая последовательницей Христа, после того как он изгнал из нее «бесов», иногда ее отождествляют с Марией из Вифании — 12, 25, 413
- Мария** (II в.), христианская подвижница, жена Конона Исаврийского — 352
- Мария** (III в.), христианская подвижница, жена Захарии — 352
- Мария Египетская** (V в.), раскаявшаяся блудница, ставшая христианской отшельницей — 409
- Мария** (ум. 1904), игуменья Дивеева монастыря — 127, 130

- Маркиан** (IV в.), христианский отшельник, жил в Египте — 355
- Маркс** Карл (1818—1883), немецкий мыслитель, основоположник коммунистической теории, названной его именем — 277
- Марс**, в римской мифологии бог войны — 255
- Мартынов** Николай Соломонович (1815—1875), майор в отставке, убивший на дуэли М. Ю. Лермонтова — 174
- Марфа**, жительница Вифании, сестра Лазаря и Марии — 31, 111, 194, 410
- Марфа Посадница** (XV в.), вдова новгородского посадника, активно выступала против присоединения Новгорода к Московскому государству — 227
- Маслова** (в замужестве Безобразова) Елизавета Дмитриевна (1834—1881), писательница и публицистка, мать М. В. Безобразовой — 369
- Масперо** Гастон Камиль Шарль (1846—1916), французский египтолог — 274—276
- Матвей Ржевский** (Матвей Александрович Константиновский) (1791—1857), протоиерей из Ржева, духовник Н. В. Гоголя — 32, 223, 418, 419, 421, 473
- Маш** Карл, убийца — 238
- Мелитта** (Милитта), греческий вариант имени Ваалит — 255
- Мельник** С. И., публицист, редактор — 7
- Менделеев** Дмитрий Иванович (1834—1907), химик, педагог, общественный деятель — 304, 320, 378
- Меньшиков** Михаил Осипович (1859—1918), публицист, сотрудник газеты «Новое время» — 64, 74, 77, 78
- Мережковский** Дмитрий Сергеевич (1865—1941), писатель, публицист, философ — 74, 75, 77, 78, 157, 404, 418, 420—424
- Мессалина** (Валерия Мессалина) (ум. 48), жена римского императора Клавдия — 283
- Меттерних** (Меттерних-Виннебург) Клеменс (1773—1859), князь, австрийский политический деятель, министр иностранных дел (с 1809), канцлер (1821—1848) — 119
- Мефодий Тарский** (Мефодий Тирский или Олимпийский) (III в.), религиозный писатель, христианский мученик — 260
- Мещерский** Владимир Петрович (1839—1914), князь, писатель, основатель и издатель газеты-журнала «Гражданин» — 377
- Мещерский** Петр Сергеевич (1778—1856), обер-прокурор Синода (1817—1833) — 40
- Микель-Анджело** (Микеланджело) Буонаротти (1475—1564), итальянский скульптор, живописец, архитектор, поэт — 139
- Микулич** Вера (наст. имя и фам. Лидия Ивановна Веселитская-Божидарович) (1857—1936), писательница — 253
- Мильтон** Джон (1608—1674), английский поэт и политический деятель — 391
- Минин** (Захарьев-Сухорук) Кузьма Минич (ум. 1616), нижегородский посадский, один из руководителей борьбы против польской интервенции — 136
- Минотавр**, в греческой мифологии критское чудовище — получеловек-полубык — 150
- Минуций Феликс** Марк (ум. ок. 210), римский юрист, автор сочинения «Октавий», в котором защищал идеи христианства — 260
- Миролюбов** Виктор Сергеевич (1860—1939), публицист, редактор-издатель «Журнала для всех» — 74, 77
- Мирянин**, псевдоним автора статьи о Розанове в еженедельнике «Русский труд» — 386, 389—391, 393
- Мисаил** (XIX в.), епископ Орловский — 21
- Митрофания** (баронесса Прасковья Григорьевна Розен), (1825—?), игуменья Серпуховского монастыря и основательница Владычно-Покровской общины, в 1874 г. приговорена к ссылке — 117

- Михаил*, архангел, глава небесного воинства, в христианской традиции — ангел-хранитель церкви — 90
- Михаил* (Павел Васильевич Семенов) (1874 — после 1916), богослов, религиозный писатель, автор статей о церковной реформе, после 1906 г. перешел в старообрядчество — 38—42, 44, 45, 47, 48, 157, 327
- Мишле* Жюль (1798—1874), французский историк — 354
- Моверс* Франц Карл (1806—1856), немецкий католический теолог и востоковед — 254
- Моисей*, в Ветхом Завете предводитель израильских племен, основатель религии иудаизма, пророк — 26, 35, 54—56, 60—63, 87, 91, 138, 176, 179, 254, 257, 258, 350, 388, 414—417, 422, 425
- Моисей Угрин* (XI в.), христианский подвижник, вначале был воином князя Ростовского Бориса, в 1018 г. взят в плен поляками и позже ослеплен — 344—352, 400, 401
- Молешиотт* Якоб (1822—1893), немецкий физиолог и философ — 198, 271
- Молинари* Гюстав (1819—1912), бельгийский экономист и журналист — 377
- Молох*, древнепалестинское, западносемитское божество, которому приносились человеческие жертвы, упоминается в Библии — 207, 211, 220, 253—256, 263, 426, 442
- Мопассан* Ги де (1850—1893), французский писатель — 23
- Москвич*, псевдоним Г. С. Петрова — 174
- Муретов* Митрофан Дмитриевич (1851—1917), богослов, исследователь Нового Завета — 398
- Мурильо* Бартоломе Эстебан (1618—1682), испанский живописец — 152
- Мышецкий* Петр Петрович (XVII в.), князь, религиозный фанатик — 242
- Мюллер*, нумизмат — 263
- Назаров* Дмитрий Федорович (1840—1887), составитель сборника задач по арифметике — 376
- Налимов* Тимофей Александрович (1871 — ?), протоиерей, религиозный писатель, профессор Петербургской духовной академии — 39, 40, 44, 52, 54, 60
- Наль*, легендарный царь страны нишадхов, сказание о нем вошло в древнеиндийский эпос «Махабхарату» — 39, 390
- Наполеон I* (Наполеон Бонапарт) (1769—1821), французский император (1804—1814, март — июнь 1815) — 84, 174
- Наркис* (II в.), епископ Иерусалимский, затем монах-отшельник — 260
- Нафан*, в Ветхом Завете пророк и автор исторических заметок о царствовании Давида и Соломона — 47, 59
- Нафанаил*, в Новом Завете апостол — 28, 65
- Нерва* (30/35—98), римский император (с 96) из династии Антонинов — 260
- Нерон* (37—68), римский император (с 54) из династии Юлиев-Клавдиев — 112, 158, 206
- Нестор* (XI — нач. XII в.), древнерусский писатель, летописец, монах Киево-Печерского монастыря — 254
- Никанор* (Александр Иванович Бровкович) (1827—1890), архиепископ Одесский, богослов, религиозный писатель — 247, 250
- Никита* (вернее, Николай Салос) (ум. 1576), псковский юридивый, считается, что он спас Псков от разорения его Иваном IV Грозным в 1570 — 136
- Никодим*, в Новом Завете фарисей, член синедриона, интересовался учением Христа, участвовал в его погребении после распятия — 25, 28, 140, 141, 423
- Николай*, в Новом Завете один из семи диаконов первой общины в Иерусалиме — 259
- Николай*, митрополит Солунский (1360—1390), богослов — 31
- Николай I* (1796—1855), российский император (с 1825) — 40, 41, 417

- Никольский* Владимир Васильевич (1836—1883), религиозный писатель, историк и филолог — 379, 380, 383
- Никон* (III в.), христианский подвижник — 261
- Никон* (Никита Минов) (1605—1681), патриарх (1652—1667) — 19, 20
- Нил Сорский* (Николай Майков) (ок. 1433—1508), богослов, глава нестяжательства в России, основатель монастыря на реке Соре — 127
- Ницше* Фридрих (1844—1900), немецкий философ — 85
- Новоселов* Михаил Александрович (1864—1938/1940), религиозный писатель, филолог — 44, 63
- Ной*, в Ветхом Завете праведник — 186
- Нувиан*, протестант из Пикардии, казнен за отказ перейти в католичество — 173
- Ньютон* Исаак (1643—1727), английский математик, механик, астроном, физик, создатель классической механики — 60, 62, 98, 265, 266
- Одиссей*, в греческой мифологии царь острова Итака, отличавшийся хитроумием и отвагой — 39, 278, 354
- Озирис* (Осирис), в древнеегипетской мифологии бог умирающей и воскрешающей природы — 275
- Олег* (ум. 912), князь Новгородский (с 879), Киевский (с 882) — 47
- Олесницкий* Аким Алексеевич (1842—1907), профессор Киевской духовной академии, специалист по библейской археологии — 297
- Ольга* (ум. 969), жена князя Киевского Игоря, ок. 957 г. приняла христианство — 201
- Ольденбургский* Петр Георгиевич, принц (1812—1881), член Государственного совета, попечитель воспитательных и образовательных учреждений — 382
- Онан*, в Ветхом Завете сын Иуды, отказавшийся иметь ребенка от своей жены и умерщвленный за это Богом — 180, 183
- Ориген* (ок. 185—253/254), христианский теолог, философ, филолог — 65, 67, 69, 71, 260
- Осинин* Иван Терентьевич (1833—1887), педагог, редактор журнала «Женское образование» — 380—382
- Острогорский* Виктор Петрович (1840—1902), историк литературы, педагог — 381, 382
- Павел*, в Новом Завете апостол — 21, 24, 31, 68, 86, 91, 129, 187, 194, 259, 260, 346—348, 388, 406, 411, 415, 416, 418, 420, 423
- Павел I* (1754—1801), российский император (с 1796) — 19
- Павлов* Иов, сектант-фанатик — 211, 212, 214
- Пансофий* (III в.), христианский мученик — 261
- Параскева* (II в.), христианская мученица — 260
- Пармантье* (Парментье) Антуан Огюстен (1737—1813), французский агроном — 174
- Персефона* (Персефона), в греческой мифологии богиня плодородия и царства мертвых — 307
- Пастер* Луи (1822—1895), французский микробиолог — 174, 237, 302
- Пахомий Великий* (ум. 346), христианский подвижник, основатель монастыря в Египте — 127, 355
- Пелагий Лаодикийский* (II—III в.), христианский подвижник — 352
- Пеликан* Венцеслав Венцеславович (1790—1873), врач-хирург — 333, 338
- Пеллико* Сильвио (1789—1854), участник освободительной борьбы в Италии, писатель — 81
- Пенелопа*, в греческой мифологии жена Одиссея — 39
- Пентефрий* (Потифар), в Ветхом Завете начальник телохранителей фараона, которому был продан Иосиф — 348, 401
- Перелешин* (наст. фам. Салатко-Петрищев) Валерий Францевич (1913—1992), поэт русского зарубежья — 440

- Петр* (Симон), в Ветхом Завете апостол — 34, 51, 65, 68, 86, 87, 91, 102, 129, 139, 141, 153, 168, 187, 405, 406, 419
- Петр* (ум. 1326), митрополит всея Руси (с 1308) — 31
- Петр I Великий* (1672—1725), русский царь (с 1682, правил с 1689), первый российский император (с 1721) — 9, 18, 19, 36, 106, 126, 177, 242, 245, 399
- Петрарка Франческо* (1304—1374), итальянский поэт, гуманист — 320
- Петров Григорий Спиридонович* (1868—1925), священник, публицист, член II Государственной Думы, в 1908 г. лишен сана, умер в эмиграции — 145, 146, 148—150, 155, 187, 355
- Пиаммон*, христианский священник — 258
- Пилат* (Понтий Пилат), римский наместник Иудеи (26—36), по существу приговоривший, согласно Новому Завету, к распятию Христа — 25, 153, 407, 412
- Пимен Великий* (ум. 450), христианский подвижник — 355
- Пингиллио Арманно* (ум. ок. 1269), флорентиец, посмертно обвиненный в ереси — 172
- Пирогов Николай Иванович* (1810—1881), хирург и анатом, педагог, общественный деятель — 272, 273
- Писарев Дмитрий Иванович* (1840—1868), публицист, литературный критик, общественный деятель — 114
- Писарев Леонид Иванович*, профессор Казанской духовной академии, религиозный писатель, издатель — 162
- Платон* (428/427—348/347 до н. э.), древнегреческий философ — 27, 28, 87, 111, 112, 216, 240, 253, 254, 304, 310, 316, 329, 347, 387, 394, 396, 402
- Плутон*, в греческой мифологии бог подземного мира — 307
- Победоносцев Константин Петрович* (1827—1907), обер-прокурор Синода (1880—1905), автор историко-юридических трудов — 20, 39, 40, 399
- Повало-Швейковский*, городской секретарь — 40, 41, 48, 55, 58—63, 70, 71
- Полифем*, в греческой мифологии великан-киклоп (циклоп) — 70
- Помяловский Николай Герасимович* (1835—1863), писатель — 383
- Попов Евгений Алексеевич* (1824—1888), протоиерей, религиозный писатель — 175
- Попов Л. К.* (псевд. Эльпе), публицист, сотрудник газеты «Новое время» — 403
- Порфирий Успенский* (1804—1885), церковный деятель, археолог — 128—130
- Предислава* (XI в.), сестра Ярослава Мудрого, дочь Владимира I — 344
- Протасий* (II в.), евнух — 261
- Пушкин Александр Сергеевич* (1799—1837), поэт и прозаик — 36, 66, 111, 118, 154, 200, 240, 324, 403, 420, 433, 439
- Пытин Александр Николаевич* (1833—1904), литературовед, историк литературы — 244
- Рафаэль Санти* (1483—1520), итальянский живописец и архитектор, представитель Высокого Возрождения — 121, 152, 153, 263, 333
- Рахиль*, в Ветхом Завете вторая жена Иакова — 345, 388
- Рачинский Сергей Александрович* (1833—1902), ученый-ботаник, деятель народного образования — 146, 152, 182, 185, 345, 349
- Рашевский И. Ф.*, преподаватель на женских педагогических курсах — 379, 380, 382
- Реекка*, в Ветхом Завете жена Исаака — 345, 416
- Ренан Жозеф Эрнест* (1823—1892), французский филолог, историк-востоковед, писатель — 34, 69, 72, 419
- Репин Илья Ефимович* (1844—1930), живописец — 140
- Рeutский Николай Васильевич*, автор работ о православном сектантстве — 109

- Робер Набожный* (Робер II Благочестивый) (970—1031), французский король (с 996) из династии Капетингов — 171
- Робеспьер* Максимилиан (1758—1794), деятель Французской революции, один из руководителей якобинцев — 84, 256
- Розанов* Василий Васильевич (1856—1919) — 7, 8, 100, 135, 156—158, 174, 175, 186, 187, 189, 190, 310, 385, 386, 389—391, 401, 436, 439—442
- Роллендер*, немецкий исследователь-эксолог — 282, 290
- Романов* Иван Федорович (псевд. Рцы) (1861—1913), писатель, публицист, друг Розанова — 386, 387
- Рошер* Вильгельм Георг Фридрих (1817—1894), немецкий экономист — 377
- Ру* Эмиль (1853—1933), французский микробиолог — 174
- Рубенс* Питер Пауэл (1577—1640), фламандский живописец — 263
- Рубинштейн* Антон Григорьевич (1829—1894), пианист, композитор, дирижер, музыкально-общественный деятель — 372
- Рудаков* Александр Павлович (1824—1892), протоиерей, богослов, автор популярных книг о Библии — 434
- Руссо* Жан Жак (1712—1778), французский писатель и философ — 256, 354
- Руф* (III—IV вв.), христианский подвижник — 355
- Руфин Тираний* (Руфин из Аквилей) (345—410), христианский теолог, писатель, переводчик — 262, 264
- Рцы* — см. Романов И. Ф.
- Рыбников* Павел Николаевич (1831—1885), этнограф, фольклорист — 319
- Рюрик* (ум. 879), по летописному преданию, предводитель варяжского военного отряда, обосновавшийся в Новгороде, считается родоначальником династии Рюриковичей — 414
- Савватий* (ум. 1435), соловецкий подвижник — 127
- Савин*, корнет, аферист — 412
- Савонарола* Джироламо (1452—1498), итальянский религиозный деятель, настоятель монастыря доминиканцев, боролся с господством Медици, проповедовал аскетизм — 152, 418
- Садок*, в Ветхом Завете первосвященник в годы правления Давида и Соломона — 85, 91
- Салтыков-Щедрин* Михаил Евграфович (наст. фам. Салтыков, псевд. Н. Щедрин) (1826—1889), писатель-сатирик, публицист, редактор журнала «Отечественные записки» — 403
- Самсон*, в Ветхом Завете судья (правитель) и богатырь — 344
- Санхуиатон* (XII—XI в. до н. э.), древнефиникийский мудрец, жрец, писатель, некоторые исследователи считают его мифической фигурой — 256
- Сапожников* Дмитрий Иванович, автор работ о русском расколе — 243, 244, 247
- Сарра*, в Ветхом Завете жена Авраама — 86
- Сафо* (Сапфо) (VII—VI в. до н. э.), древнегреческая поэтесса — 307
- Святополк I Окаянный* (ок. 980—1019), князь Туровский (с 988), убивший трех своих братьев, чтобы завладеть их уделами — 344
- Светлов* Павел Яковлевич (1861—1941), протоиерей, богослов, религиозный писатель — 99, 355
- Селиванов* Кондратий Иванович (ум. 1832), крестьянин Орловской губернии, основатель секты скопцов — 351
- Сепфора*, в Ветхом Завете жена Моисея — 257
- Серапис*, божество в эллинистическом Египте, соединяющее в себе черты некоторых египетских и греческих богов — 171, 430
- Серафим* (Глаголевский) (1763—1843), митрополит Петербургский и Новгородский — 41

- Серафим Саровский* (Прохор Сидорович Мошнин) (1759/1760—1833), православный подвижник — 104, 107, 116, 119, 120, 123, 125—128, 130, 240, 251
- Сервет* Мигель (1509/1511—1553), испанский мыслитель, был сожжен по обвинению в ереси — 418
- Сергеенко* Петр Алексеевич (1854—1930), писатель, знакомый семье Л. Н. Толстого — 53, 55, 58
- Сергий* (Иван Николаевич Страгородский) (1867—1944), епископ Финляндский, председатель Религиозно-философских собраний в Петербурге, в будущем патриарх Московский и всея Руси (с 1943) — 160
- Сикорские* (XVII в.), помещики — 243
- Сикорский* Иван Алексеевич (1845—1919), психиатр, педагог, профессор Киевского университета — 193, 195, 196, 199, 203, 207, 219, 223, 224, 227, 228, 232—235, 237—243, 247, 249, 252, 253
- Симеон Богоприимец*, в Новом Завете старец, узнавший в младенце Иисусе будущего Христа (Мессию, Спасителя) — 129
- Симеон Столпник* (356/390—459), христианский отшельник, аскет, сидевший на столпе (колонне) около 40 лет — 355
- Симон* — см. Петр
- Синезий* (ок. 370 — ок. 413), епископ Птолемаидский (Египет) (с 410), философ-неоплатоник — 171
- Скабичевский* Александр Михайлович (1838—1910), литературный критик и историк литературы — 66—68
- Скачкова* Поля Младшая, сектантка-фанатичка — 198, 199, 204—211, 217, 218, 220, 231, 232, 251
- Скворцов* Василий Михайлович (1859—1932), чиновник Синода, редактор журнала «Миссионерское обозрение» и газеты «Колокол» — 33, 76
- Скублинский*, детоубийца — 327
- Смит* Адам (1723—1790), шотландский экономист и философ — 377
- Сократ* (ок. 470—399 до н. э.), древнегреческий философ — 27, 73, 112, 203, 204, 275, 278, 304, 337, 387, 396, 412
- Соллертинский* Сергей Александрович (1846—1920), протоиерей, богослов, профессор Петербургской духовной академии — 44
- Соловьев* Владимир Сергеевич (1853—1900), религиозный философ, поэт, публицист — 61, 309, 310, 326, 327, 348, 370
- Соловьев* Михаил Петрович (1842—1900/1901), начальник Главного управления по делам печати, писатель, публицист — 349
- Соловьев* Сергей Михайлович (1820—1879), историк — 244
- Соломон*, царь Израильско-Иудейского государства (ок. 965 — ок. 926 до н. э.) — 65, 85, 138, 345, 412, 419
- Сонька Золотая Ручка*, московская мошенница — 412
- Сопоцко* Михаил, паломник по святым местам, автор нравственно-назидательных сочинений — 181, 182
- София* (III в.), христианская подвижница, игуменья монастыря — 261
- Спенсер* Герберт (1820—1903), английский философ и социолог — 73
- Спиноза* Бенедикт (Барух) (1632—1677), нидерландский философ — 275, 276, 278
- Степяк-Кравчинский* (наст. фам. Кравчинский) Сергей Михайлович (1851—1895), народник, писатель — 308
- Струве* Петр Бернгардович (1870—1944), экономист, философ, историк, публицист, политический деятель — 8, 440
- Сулла* (138—78 до н. э.), римский полководец, диктатор (82—79 до н. э.) — 112
- Суховы*, сектанты-фанатики — 196, 198, 211—215, 218—220
- Таисия Рассейская*, монахиня, сектантка — 207, 209, 219, 232
- Таксиль* Лео (наст. имя и фам. Габриель Антуан Жоган-Пажес) (1854—1907), французский публицист, автор антиклерикальных произведений — 90

- Танита* (Танит, Тиннит), в западносемитской мифологии богиня-дева, богиня Луны — 263
- Тантал*, в греческой мифологии царь, наказанный богами муками голода и жажды — 277
- Тареев* Михаил Михайлович (Максим Матвеевич) (1866—1934), религиозный философ, богослов, профессор Московской духовной академии — 267
- Тацит* (ок. 58 — ок. 117), римский историк — 144, 146
- Тезей*, в греческой мифологии герой, прославившийся своими подвигами — 150
- Телесфор* (ум. 128/139), монах-отшельник, христианский мученик — 260
- Тенеромо* (наст. имя и фам. Исаак Борисович Фейнерман) (1865—1925), журналист, автор книг о Л. Н. Толстом — 327
- Теодор* (XI в.), французский каноник из Орлеана, признанный еретиком после смерти — 171
- Тернавцев* Валентин Александрович (1866—1940), религиозный писатель, богослов — 30, 75, 77
- Тертуллиан* Квинт Септимий Флоренс (ок. 160 — ок. 222), христианский теолог и писатель — 33, 34, 112, 260
- Тимирязев* Климент Аркадьевич (1843—1920), естествоиспытатель — 313
- Тимофей*, в Новом Завете ученик апостола Павла — 259
- Тирсисит* (Терсит), в греческой мифологии незнатный воин, участник Троянской войны — 112
- Тит* (39—81), римский император (с 79) из династии Флавиев, будучи главнокомандующим при Веспасиане, разрушил Иерусалим (70) — 28, 76, 77, 112, 199, 410, 414, 416
- Тит*, в Новом Завете ученик апостола Павла — 259
- Толстая* (урожд. Берс) Софья Андреевна (1844—1919), графиня, жена Л. Н. Толстого — 36
- Толстой* Иван Иванович (1860—1916), граф, археолог, нумизмат, министр народного просвещения (1905—1906) — 144
- Толстой* Лев Николаевич (1828—1910), граф, писатель и мыслитель — 23, 36, 37, 42, 53—55, 110, 246, 290, 306, 307, 327, 348, 354, 369, 370, 391, 442
- Торквемада* Томас (ок. 1420—1498), глава инквизиции в Испании (с 1480-х гг.) — 77
- Траян* (53—117), римский император (с 98) из династии Антонинов — 260
- Трубецкой* Евгений Николаевич (1863—1920), князь, религиозный философ, правовед — 171
- Трэла* (XIX в.) врач-психиатр — 283
- Тузов*, владелец книжного магазина — 175
- Тур* Евгения (наст. имя и фам. Елизавета Васильевна Салиас-де-Турнемир, урожд. Сухово-Кобылина) (1815—1892), писательница — 148—150
- Тургенев* Иван Сергеевич (1818—1883), писатель — 10, 279, 372, 377, 429
- Тьер* Адольф (1797—1877), французский политический деятель и историк — 174
- Уайльд* Оскар (1854—1900), английский писатель — 396
- Устьинский* Александр Петрович (1854/1855—1922), протоиерей из Новгорода, друг Розанова, с которым он вел переписку в течение ряда лет — 385, 388
- Федор Алексеевич* (1661—1682), русский царь (с 1676) — 245
- Фейербах* Людвиг (1804—1872), немецкий философ — 198
- Фекла*, по христианскому преданию, дева из Иконии, ученица и спутница апостола Павла — 260
- Феогния* (II в.), христианская подвижница, жена Анастасия — 352
- Феодор* (IV в.), христианский подвижник-отшельник — 355

- Феодосий** (III в.), епископ Кизический (остров Хиос) — 261
- Феодосий Печерский** (1030-е гг.— 1074), игумен Киево-Печерского монастыря (с 1062), религиозный писатель и политический деятель — 13, 127, 140, 154, 351
- Феодосий Углицкий** (30-е гг. XVII в.— 1696), архиепископ Черниговский (с 1692) — 248—251
- Феофан** (Василий Быстров) (1873 — ?) — ректор Петербургской духовной академии, епископ Ямбургский (1909—1910) — 397
- Феофан Прокопович** (Прокопович Феофан) (1681—1736), церковный и политический деятель, писатель — 201
- Филарет** (Василий Михайлович Дроздов) (1782—1867), митрополит Московский (с 1826) — 18, 154, 186, 240, 254
- Филевский Иоанн Иоаннович** (1865 — ?), богослов, профессор Харьковского университета, полемизировал с Розановым — 345, 390
- Филипп**, в Новом Завете один из семи диаконов первой общины в Иерусалиме, — 259
- Филипп** (II в.), римский наместник Александрии — 261
- Филипп** (Федор Степанович Колычев) (1507—1569), русский митрополит (1566—1568) — 31, 32
- Филониды** (I в.), христианская подвижница, по преданию, родственница апостола Павла — 260
- Философов** Дмитрий Владимирович (1872—1940), критик, публицист — 157
- Фишер** Куно (1824—1907), немецкий историк философии — 7, 277
- Флери**, преподаватель французского языка — 374, 381
- Флоренский** Павел Александрович (1882—1937), религиозный философ, ученый, инженер — 390
- Фози** О. автор работ по проблемам семьи и брака — 310, 312, 313, 325, 326, 329, 342, 348, 350, 351, 353, 389, 390
- Фома**, в Новом Завете апостол — 76, 414
- Фома Аквинат** (Фома Аквинский) (1225/1226—1274), средневековый философ и теолог — 84
- Фомины**, жертвы религиозного фанатизма — 196, 198, 202, 204, 206—211, 213, 219, 231, 240
- Форель** Август (1848—1931), швейцарский психиатр — 293, 298, 299, 301, 310, 329
- Фотий** (ок. 810/820—890-е гг.), патриарх Константинопольский (858—867, 877—886) — 9
- Фохт** (Фогт) Карл (1817—1895), немецкий философ и естествоиспытатель — 271
- Франклин** Бенджамин (1706—1790), американский политический деятель и ученый — 373
- Франциск Ассизский** (1181/1182—1226), итальянский проповедник, религиозный поэт, основатель монашеского ордена францисканцев — 88
- Фронтон** (II в.), христианский подвижник — 260
- Фукидид** (ок. 460—400 до н. э.), древнегреческий историк — 354
- Фурье** Шарль (1772—1837), французский мыслитель, выдвинул идею социалистического переустройства общества — 271
- Хадиджа** (ум. 620), первая жена Магомета — 259, 260
- Хвольсон** Даниил Абрамович (1819—1911), востоковед-семитолог — 44
- Херасков** Михаил Матвеевич (1733—1807), писатель — 324
- Хитрово** Михаил Иванович (ум. 1895), священник, религиозный писатель, переводчик — 264
- Хомяков** Алексей Степанович (1804—1860), религиозный философ, писатель, поэт, публицист — 395
- Хрисанф** (Владимир Николаевич Ретивцев) (1832—1883), архиепископ, религиозный писатель, историк религии — 137, 255, 275

- Цезарь** Гай Юлий (102/100—44 до н. э.), римский диктатор и полководец — 263, 429
- Цецилия** (III в.), римская христианка, жена Валериана — 352
- Цицерон** Марк Туллий (106—43 до н. э.), римский политический деятель, оратор, писатель — 354
- Чернышевский** Николай Гаврилович (1828—1889), писатель, публицист, литературный критик, общественный деятель — 333, 334, 341
- Шарапов** Сергей Федорович (1855—1911), экономист, публицист, редактор-издатель еженедельника «Русский труд» — 391, 393
- Шарко** Жан Мартен (1825—1893), французский врач-невропатолог и психиатр — 237, 302
- Шатобриан** Франсуа Рене де (1768—1848), французский писатель и мыслитель — 174
- Шейн** Павел Васильевич (1826—1900), фольклорист и этнограф — 319
- Шекспир** Уильям (1564—1616), английский драматург и поэт — 236, 324, 423
- Шеллинг** Фридрих Вильгельм Йозеф (1775—1854), немецкий философ — 262
- Шиллер** Иоганн Фридрих (1759—1805), немецкий поэт, драматург, теоретик искусства — 112
- Шлейден** Маттиас Якоб (1804—1881), немецкий ботаник — 146
- Шопенгауэр** Артур (1788—1860), немецкий философ — 23, 146, 240, 329, 358
- Штейн** Лоренц фон (1815—1890), немецкий экономист, правовед, социолог — 377
- Штёкер** Адольф (1835—1909), немецкий пастор и политический деятель — 33
- Штраус** Давид Фридрих (1808—1874), немецкий теолог и философ — 69
- Щедрин** — см. Салтыков-Щедрин М. Е.
- Эгей**, в греческой мифологии афинский царь, отец Тезея — 150
- Эккерман** Иоганн Петер (1792—1854), личный секретарь И. В. Гёте — 155
- Эпикур** (341—270 до н. э.), древнегреческий философ — 112
- Эфиальт**, спартанец, который помог персам одержать победу над царем Леонидом в битве у Фермопил — 79
- Ювенал** Децим Юний (ок. 60 — ок. 127), римский поэт-сатирик — 144, 146
- Юлиан** (III в.), христианский подвижник — 352
- Ярослав Мудрый** (ок. 978—1054), великий князь Киевский (с 1019) — 144, 344
- Ярослава** (Ефросинья Ярославна) (2-я пол. XII в.), жена князя Новгород-Северского Игоря Святославича, дочь князя Галицкого Ярослава Владимировича Осмомысла — 39

Составитель *В. М. Персонов*

СОДЕРЖАНИЕ

Русская церковь и другие статьи

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ	8
О СВЯЩЕНСТВЕ, О ДРЕВНИХ И НОВЫХ ЖЕРТВАХ	30
ОБ ОТЛУЧЕНИИ ОТ ЦЕРКВИ ГР. Л. ТОЛСТОГО	36
ПО ПОВОДУ ДОКЛАДА О. МИХАИЛА О БРАКЕ	38
О НЕКОТОРЫХ ПОДРОБНОСТЯХ ЦЕРКОВНОГО ВОЗЗРЕНИЯ НА БРАК	49
ОБ АДОГМАТИЗМЕ ХРИСТИАНСТВА	65
ХРИСТОС КАК СУДИЯ МИРА	74
ВЫНОС КУМИРОВ	80

В темных религиозных лучах

ПРЕДИСЛОВИЕ	95
ТРЕПЕТНОЕ ДЕРЕВО	101
ПО ТИХИМ ОБИТЕЛЯМ	104
СВЯТОСТЬ И СМЕРТЬ	135
ХРИСТОС И «БОГАТЫЙ ЮНОША»	139
СЛУЧАЙ В ДЕРЕВНЕ	143
ЧЕРТОЧКА К ЧЕРТОЧКЕ	156
О случае самосожжения	—
Что увидел неофит?..	—
Церковь-наставительница	158
Церковь-благодетельница	159
На соборном служении	160

Около церковного сердца	162
«Дети дьявола и их проповедь свободы»	165
«О правде небесной и праве земном»	170
Православные и католические святые о церковных истинах	171
Суд над мертвыми	—
Народный опрос	174
Нравоучительная книга	175
КУПОЛ ХРАМА	184
Голгофа и крест	—
Нужда в скорби	—
Эстетика мрачного	189
Самосожжение	190
В печали и страхе	191
Русские могилы	192
I. Природа	—
II. Люди	196
III. Судьба людей	199
IV. Заключение	234
СВЕЧА В ХРАМЕ	253
«Бородатые Венеры» древности	—
Подвижники раннего христианства	257
Люди третьего пола	264
Пол как прогрессия нисходящих и восходящих величин	—
Коллеблющиеся напряжения в поле	281
<i>Наибольшее половое притяжение.— 281. Умеренные степени полового влечения.— 289. Линия безразличия в поле.— 298. Самоотрицание пола; духовная содомия и аскетизм.— 303. Муже-девы и их учение.— 304. Передвижение пола из положительных в отрицательные тяготения.— 329. Самоотрицание пола.— 343. О преподобном Моисее Угрине.— 344</i>	
Приложения для медиков и юристов	358
ТЕМНЫЙ ЛИК	404
Христос — Судия мира	—
О Сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира	417
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	427
Тревожная ночь	—
ПРИЛОЖЕНИЕ	436
<i>А. Н. Николовкин. ВОЗВРАЩЕННАЯ КНИГА</i>	439
КОММЕНТАРИИ	445
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	456

Розанов Василий Васильевич.

Р64 **Собрание сочинений. В темных религиозных лучах/ Под общ. ред. А. Н. Николюкина.— М.: Республика, 1994.— 476 с. ISBN 5—250—02465—3**

В настоящий том включены две книги В. В. Розанова «Русская церковь и другие статьи» (1909) и «В темных религиозных лучах» (1910), в которых нравственная философия писателя проявилась с особой глубиной. В них рассматривается роль христианства в развитии национальной русской культуры, раскрывается значение и духовный смысл семьи и пола в жизни человека. С момента своего появления эти работы были подвергнуты цензурным гонениям. Текст одного из центральных религиозно-философских произведений В. В. Розанова — «В темных религиозных лучах» восстановлен по сохранившемуся экземпляру издания, уничтоженного царской цензурой. (Неполный текст был опубликован в 1911 г. в двух книгах: «Темный лик» и «Люди лунного света».)

Адресовано всем, кто интересуется философией, религией и культурой.